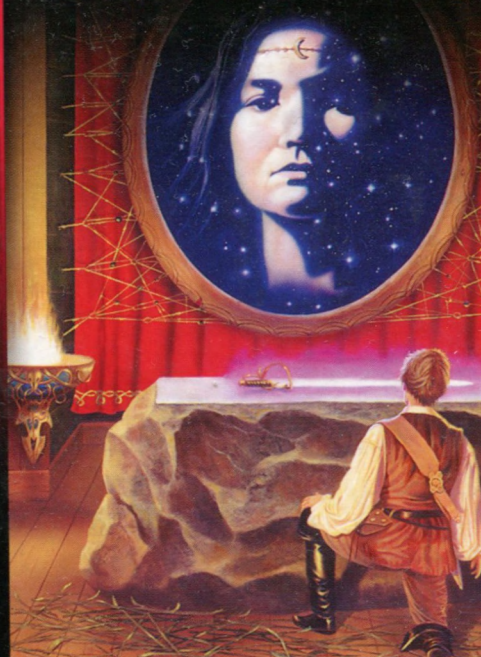

Тень Камбера

Тень Камбера

КЭТРИН
КУРТУ

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

КЭТРИН
КУРТУ

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

KATHERINE
KURTZ

The Quest
for Saint Camber

КЭТРИН

КУРТЦ

Тень Камбера

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

2002

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7США)-44

К93

Серия основана в 1999 году

Katherine Kurtz

THE QUEST FOR SAINT CAMBER

1986

Перевод с английского М. Жуковой

Литературная обработка Н. Баулиной

Серийное оформление А. Кудрявцева

Иллюстрации П. Кудряшова

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Оригинал-макет подготовлен издательством «Северо-Запад Пресс».

Подписано в печать 7.12.01. Формат 84×108^{1/32}.

Усл. печ. л. 36,12. Тираж 10000 экз. Заказ № 6.

Курти К.

К93 Тень Камбера: Роман / К. Курти; Пер. с англ. М. Жуковой. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 674, [14] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-009976-2

«Хроники Дерини». Уникальная сага — «фэнтези», раз и навсегда вписавшая имя Кэтрин Курти в золотой фонд жанра «литературной легенды».

«Хроники Дерини». Сказание о мире странном, прозрачном и прекрасном, о мире изощренно-изысканных придворных интриг, жестоких и отчаянных поединков «меча и колдовства», о мире прекрасных дам, бесстрашных кавалеров, порочных чернокопийщиков и надменных святых. Сказание о мире, силою магии живущем — и магию за великий грех считающем.

Настоящие поклонники фэнтези!

«Хроники Дерини» должны стоять на вашей книжной полке — между Толкином и Желязны. Особенно — ПОЛНЫЕ «Хроники Дерини»!

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7США)-44

© Katherine Kurtz, 1986

© Перевод. М. Жукова. 2001

© Комментарий. Н. Баулина. 2001

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АСТ». 2002

© «Северо-Запад Пресс»,
подготовка текста. 2002

**ТЕНЬ
КАМБЕРА**

Пролог

**Вот, ты наставлял многих,
и опустившиеся руки
поддерживал.¹**

Внезапно неподалеку зловеще грохотал гром. Принц Конал Халдейн, двоюродный брат короля Келсона Гвиннедского, остановился на пару с оруженосцем под деревом с облетевшей листвою. Конечно, это было жалким укрытием, и он плотнее закутался в промасленный кожаный плащ и прикрыл глаза, чтобы в них не попадали крупные капли все усиливающегося дождя.

— Черт побери! Мне казалось, грозы на время закончились,— пробормотал он, накидывая на голову отороченный мехом капюшон.— Может, удастся ее здесь переждать.

Впрочем, Конал и сам не верил в то, что говорил, поскольку март в Гвиннеде всегда славился непредсказуемой погодой. Час назад, когда двое молодых людей выехали из городских ворот Ремута, небо было относительно чистым, но очень скоро быстро бегущие облака погрузили местность в непроницаемый серый мрак, похожий на сумерки, а не полдень. Упала и температура воздуха. По мере того, как гро-

¹ Иов 4:3

за приближалась, а дождь усиливался, Конал чувствовал наэлектризованность воздуха, которая всегда бывает перед грозой. Если бы он всего лишь промок, Конал мог бы посмотреть на происходящее с относительной долей здорового юмора — потому что он отправился в путь по собственному желанию, а не по монаршему повелению. Но его терпение лопнуло, когда ледяной дождь перешел в град величиной с ноготь, который больно бил принца, оруженосца и лошадей.

— Боже мой! Да они же величиной с яйца ржанки! — воскликнул принц.

— А, может, лучше скорее поехать дальше, сэр? — жалобным голосом предложил оруженосец Джован, дрожащий на промокшей лошади, которая жалась к серому жеребцу Конала. — Не думаю, что он скоро закончится. И сильнее-то мы все равно не промокнем. Да и ваша дама, конечно, уже развела огонь. Мы сможем обсохнуть у очага. А лошадям будет лучше в ее уютном маленьком стойле.

Несмотря на испорченное настроение, Конал слегка улыбнулся и, прищипорив жеребца, устремился навстречу дождю. Оруженосец последовал за ним.

Его дама. Да, конечно. Дама, на которую намекнул Джован, не являлась основной причиной, побудившей Конала выехать из города. Но она обещала стать достаточно приятной побочной наградой. И ее никто не назвал бы дамой — в том смысле, который обычно вкладывался в это слово при дворе. Симпатичная и уступчивая Ванисса была его возлюбленной, любовницей, подружкой, как он называл ее в зависимости от настроения. Иногда во время занятий любовью он величал ее и своей «дамой». Но она сама знала, что никогда не станет его женой. Эта

честь оставалась для принцессы королевской крови, которую уже выбрал при дворе Конал, хотя объект его внимания еще об этом не знал.

Летом Ванисса родит ему ребенка, и Конал проследит, чтобы мать и дитя были всем обеспечены. Однако посещения Ваниссы в первую очередь служили удобным прикрытием для другой деятельности, которая вызвала бы гораздо больше вопросов, чем любовница — если бы об этой деятельности прознали некоторые люди, включавшие, по крайней мере на сегодняшний день, кузена Келсона и всех его доверенных лиц, в особенности из числа Дерини.

Конал часто сожалел о том, что сам не относится к Дерини, несмотря на оскорбления и преследования, которым подвергали их церковь и государство в последние двести лет: Дерини обладали магическими способностями, дающими им значительные преимущества над обычными людьми. Церковь официально проклинала их силу, как сатанинскую и порожденную адом. Но совершенно неисповедимо семья Конала — Халдейны — потенциально могла овладеть силой, похожей на силу Дерини. Однако этим даром обладали не все Халдейны. Установилось, что только один Халдейн из каждого поколения мог реально применять эти способности, и это был человек, восседающий на троне. В поколении Конала им оказался его кузен, Келсон Халдейн.

Это ограничение вызывало у Конала негодование: он сам был старшим сыном второго сына короля из Халдейнов. Но его неудовольствие происходило в основном не из-за унаследования трона Келсоном и владения им силой Халдейнов — это ведь случайность рождения — но скорее из-за того, что только одному Келсону принадлежало право на магиче-

скую силу. А это, как казалось Коналу, не имело никакой связи с занятием престола. В результате Конал на протяжении последнего года предпринял некоторые шаги, выясняя, может ли кто-то еще из того же поколения обладать теми же способностями и освоить то, что умеет занимающий трон Халдейн, или это все-таки невозможно. И именно по этой причине, за несколько дней до своего восемнадцатилетия и посвящения в рыцари, Конал путешествовал по такой отвратительной погоде. Он ехал на встречу с наставником. А если эта поездка даст ему еще и возможность удовлетворить кое-какие плотские потребности...

Предвкушение встречи с Ваниссой приподняло настроение Конала, когда он решил все-таки прорываться сквозь грозу. Он прекрасно знал: девушка обеспечит принцу гораздо большее, чем жаркий огонь, о котором говорил Джован. Оруженосец-то имел в виду очаг...

К тому времени, как град опять перешел в обычный дождь, путники остановились у ее стоящего отдельно небольшого домика. Лужи в крохотном дворе были полны нерастаявших градин. Спрыгнув с коня, Конал бегом бросился к двери, под его ногами хрустели ледышки. Джован остался с лошадьми. Конал даже не успел постучаться, а дверь уже распахнулась и радостная Ванисса пригласила его войти, немного неловко склонившись в поклоне. Копна темных волос упала почти до колен, окутывая ее, подобно мантии.

— А, мой господин, я не знала, ждате ли вас в эту грозу. Проходите, снимите мокрые вещи и погрейтесь у огня. Вы дрожите. Вы же можете умереть от холода!

Он в самом деле дрожал, но не только от холода. Влага блестела на шелковистых усиках, а с коротко подстриженных черных волос падали капли. Он откинул назад капюшон и взял в руки поданное полотенце, чтобы вытереться. Принц почувствовал жар от прикосновения Ваниссы, когда она расстегивала его плащ и дотронулась до шеи. Это прикосновение словно молния пронзило каждую клеточку его тела и наполнило жаром.

В тишине, нарушаемой только биением сердца, принц смотрел, как Ванисса расправила мокрый плащ, с которого капала вода, на стуле перед очагом. Конал снял прилипшие к рукам перчатки и нетерпеливо опустил на другой стул, вдыхая кисло-сладковатый запах плетеных из камышей и ароматных трав половиков, и более резкий запах подогретого вина с пряностями. Он кивнул с благодарностью, когда она протянула ему кубок с жидкостью, от которого шел пар, и склонилась, чтобы снять забрызганные грязью сапоги. Его глаза оценивающе опустились на пикантный вырез на груди. Когда Ванисса закончила сражение с сапогами, они оба уже тяжело дышали.

— Моему господину будет достаточно тепло? — спросила она, принеся в охапке грубое шерстяное одеяло, чтобы укутать его плечи.

Конал знал, что на самом деле ему не следует позволять себе отвлекаться, пока он не завершил дела, но ему всегда было трудно отказывать себе в удовольствиях. Да и Ванисса старалась угодить ему, радостная и готовая к любви. Ее тело только-только начало полнеть от ребенка, которого она носила под сердцем...

Чуть не перевернув кубок (он торопился, отставляя его), принц завернул ее с собой в одеяло и увлек

на половики перед весело потрескивающим огнем. Он желал одного — быстро удовлетворить свою плоть. Внезапно кто-то схватил его за тунику и рванул с Ваниссы, опустив на спину так, что он сильно ударился головой об пол. Рука в перчатке прижала его правую руку, не давая выхватить меч, колено уперлось ему в грудь, к горлу приставили кинжал.

— Боже, мальчик, даже способностей Дерини не требуется для того, чтобы застигнуть тебя врасплох, когда ты ведешь себя *так* глупо! — сказал знакомый голос, но он не принадлежал Джовану. — На моем месте мог быть кто угодно!

Когда Конал понял, кто с ним разговаривает, тревога и злость быстро перешли в ярость. Он был вынужден с неохотой признать правоту другого. Конал сжал запястье противника, чтобы защититься и отодвинуть клинок в сторону, а его разум проверил ментальные щиты нападавшего: это определенно были щиты Дерини.

— Ну ладно! Хватит! — сказал вновь прибывший, отступая назад. — А то испугаешь девушку.

Конал мгновенно подчинился, отпустил запястье противника и сел. Пораженная девушка сжалась на половиках и в удивлении и страхе смотрела на них, когда неизвестный в плаще с капюшоном убирал кинжал в ножны. Ее юбки были задраны до пояса.

— О, Ванисса, ради всего святого, никто тебя не обидит, — сказал Конал. Теперь он полностью пришел в себя и спокойно дотронулся до ее лба кончиками пальцев. — Расслабься. Иди в постель и забудь все случившееся. Я приду к тебе позднее. И, Тирцель, отойди: с твоего плаща льется вода!

Нападавший отошел назад, ругнувшись себе под нос, но подал девушке руку, помогая встать. Она, не

споря и ничего не спрашивая, отправилась к двери, ведущей в другую комнату. Ее лицо было лишено каких-либо эмоций, по пути она механическиправляла юбки. Когда дверь за ней закрылась, Тирцель снял плащ и положил рядом с плащом Конала. Гость был всего на несколько лет старше принца.

— Итак. Я лишь отчасти пошутил насчет того, что сюда может войти любой,— сказал Тирцель Кларонский, теперь уже более года — тайный наставник Конала в вопросах магии и способностей Дерини. Делал он это скрытно и без согласия Камберианского Совета, члены которого твердо придерживались правила, что лишь один Халдейн из каждого поколения имеет право на обладание силой. Лишь немногие, не являющиеся членами Совета, вообще знали об ее существовании — но Конал оказался среди них. Тирцель рисковал, согласившись его обучать.— И ладно бы еще, если бы зашел только Джован...

— Он заходил раньше и ничего не помнит,— вставил Конал, с сердитой ноткой в голосе.

— Несомненно,— согласился Тирцель.— По крайней мере, ты достиг большего, чем я когда-либо смел надеяться. Ты в состоянии управлять оруженосцем и девушкой. Прекрасно. Но мне хотелось бы сказать то же самое про твой самоконтроль. Неужели ты не мог подождать?

— Собирался, но я замерз,— сказал Конал, лежа застегивая штаны перед тем, как перекатиться на колени, а затем подняться на ноги.— Но теперь я согрелся,— хитро улыбаясь сказал он.— Она гораздо лучше огня, Тирцель. Давай, бери ее, если хочешь. Я подожду. Она и не вспомнит об этом, если ты прикажешь ей забыть.

Тирцель презрительно хмыкнул и схватил брошенное Коналом полотенце, чтобы вытереть мокрые волосы.

— Иногда я думаю: зачем трачу на тебя время?

— В чем дело, Тирцель? Ты слишком щепетилен и не можешь переспать с женщиной, беременной от другого?

— А почему ты так уверен, что ребенок — твой? — пробормотал Тирцель, отбрасывая полотенце в сторону и отстегивая на груди ремни, на которых висел ягдташ.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты меня слышал.

— Да, слышал. И не уверен, что мне нравятся твои...

— Именно сейчас меня совершенно не волнует, что тебе нравится, а что нет! — сказал Тирцель. Он бросил ягдташ на хорошо вымытый стол на козлах, стоящий рядом с очагом, а потом подвинул ногой стул, сбив половики. — Сядь и веди себя, как принц, а не конюх!

Конал сел.

— Дальше. Дело в том, что ты забавлялся с девицей, когда следовало думать о деле, — сурово сказал Тирцель. — Кто угодно мог войти в эту дверь вместо меня. Я мог тебя предать. Принц *никогда* не должен забывать о необходимости защищаться. Ты обладаешь способностями себя обезопасить — такими, о которых простые люди могут только мечтать. А ты даже не удосужился ими воспользоваться.

— Но кто в такой день выйдет на улицу? Более того, Джован остановил бы незваных гостей.

— Да? Он не смог остановить *меня*, — Тирцель подошел к входной двери, распахнул ее и поманил

Джована, выглядящего сонным.— Иди сюда, Джован. Ляг у очага,— сказал он.— Сними мокрую одежду и поспи.

Серые глаза Конала прищурились, наблюдая за тем, как оруженосец подчиняется, но к тому времени, когда Джован мирно засопел на половиках, Коналу уже удалось умирить свой гнев.

— Прекрасно, ты меня убедил,— наконец признал он угрюмо.— Это больше не повторится. Я извиняюсь. Я прощен?

Его широкая улыбка была одновременно требовательной и обезоруживающей, и он знал это. Тирцель только вздохнул и кивнул, опускаясь на стул напротив принца.

— Если ты учишься на этих маленьких неприятностях. Ты готов к работе?

— Конечно. Что мы будем делать?

— Кое-что, чем я уже собирался заняться на протяжении нескольких месяцев,— ответил Тирцель, копаясь в ягдташе.— Я намерен обучить тебя правильной защите. Ты слышал про обереги? Они помогают установить магическую защиту. В конце концов ты научишься использовать их вместе с остальными заговорами. Далеко не всегда есть необходимость использовать физический предмет — оберег, чтобы установить ментальный щит, но они помогут вначале.

Он достал из ягдташа сильно изношенный коричневый кожаный мешочек, открыл его и высыпал себе в руку горсть черных и белых кубиков, каждый величиной с ноготь большого пальца. Конал наклонился вперед.

— Они похожи на кости.

— Да. И в старые времена они могли ими быть. После того, как Дерини стали подвергаться преследованиям, подобные кубики как раз маскировали под кости. Мне приходилось видеть помеченные пятнышками, и они обладают точно такой же силой, как эти, чистые. Обрати внимание: тут четыре черных кубика и четыре белых. Это имеет эзотерическое значение, но пока мы не будем в него углубляться. Большинство детей Дерини начинают обучение с кубиков, подобных этим. Давай сюда правую руку.

Конал неуверенно подчинился, невольно вздрогнув, когда Тирцель положил кубики в его ладонь. Они казались холодными и скользкими на ощупь, белые отливали желтизной, подобно старой слоновой кости, но в них не было тепла, свойственного кости. Черные же отливали серым и скорее были похожи по цвету на древесный уголь, а не на эбеновое дерево или обсидиан.

— А теперь закрой глаза и скажи мне, что ты чувствуешь. Твое первое ощущение от них,— сказал Тирцель.

— Они холоднее, чем выглядят,— сделал первую попытку Конал, осторожно сжимая руку с кубиками и ощупывая их углы и грани.

— Хорошо. Что еще?

Конал взвесил кубики в руке, размышляя, затем открыл глаза и переложил четыре черных кубика в левую руку. С минуту он неотрывно смотрел на них — черные в левой руке, белые — в правой — затем поднял глаза на Тирцеля.

— Они отличаются чем-то, кроме цвета.

— Чем?

— Я... не знаю.

— Попробуй поменять руки. Скажешь, что почувствуешь.

Конал покорно выполнил указание, но после нескольких секунд концентрации покачал головой и снова положил черные в левую руку, а белые в правую.

— Нет, определенно так лучше.

— *Лучше?*

— Ну... так они кажутся... Вот так я чувствую равновесие,— пришел к выводу Конал.— То, что я говорю, имеет смысл?

Тирцель взглянул на него оценивающе и кивнул.

— Да, имеет. На самом деле все может оказаться легче, чем я думал. Ты определил полярность. Положи четыре белых кубика на стол так, чтобы получился квадрат. Они должны касаться друг друга. А затем положи черные по углам.

Конал подчинился, затем посмотрел на Тирцеля. Выражение его лица как бы говорило: «Что теперь?»

— А теперь сними свой ментальный щит, открой для меня свой разум и повторяй то, что я буду делать,— сказал Тирцель.— Установка защиты при помощи оберегов не требует слишком больших затрат силы, но необходимо хорошо сосредоточиться. Это — самое трудное для детей — и именно поэтому я заставлял тебя всю зиму тренировать концентрацию. Теперь будь внимателен.

Тирцель положил указательный палец правой руки на первый белый кубик, его дыхание стало глубоким, и он произнес имя кубика: *Prime*. Когда часть энергии перешла от Тирцеля в кубик, внутри кубика появился неровный мерцающий свет, затем, по мере того, как Тирцель переводил внимание от одного ку-

бика к другому такой же свет появлялся и в них. А он называл их:

— *Seconde.*

— *Tierce.*

— *Quarte.*

Конал понял процедуру со второго раза и, когда четыре кубика были заряжены энергией, с готовностью посмотрел на Тирцеля.

— Я могу это сделать,— уверенно заявил он.

— Прекрасно. В таком случае ты дашь имена черным,— сказал Тирцель, откидываясь на спинку стула. Его руки лежали на бедрах, и он всем своим видом словно бросал Коналу вызов.— Только не нарушай порядок и начни с *Quinte.*

— Хорошо.

Полностью сконцентрировавшись на кубике, лежащем диагонально к белому *Prime*, Конал осторожно дотронулся до него указательным пальцем и произнес вслух его имя:

— *Quinte.*

Свет, появившийся внутри, оказался зеленовато-черным в отличие от белого в первых четырех, но Конал, не моргнув глазом, переключил внимание на черный кубик, лежащий рядом с *Seconde.*

— *Sixte.*

Во втором черном кубике загорелся свет, подобный сиянию в *Quinte.*

— *Septime... Octave,*— продолжал Конал, заряжая оставшиеся два черных кубика в быстрой последовательности.— И это все?

— Ну что ты,— ответил Тирцель, широко улыбаясь и слегка качая головой — словно не веря, что Коналу все так легко удалось.— Теперь их нужно сбалансировать. Смотри, как я буду соединять элементы —

вначале *Prime* с *Quinte*, то есть первый с пятым. Цель: привести в гармонию пары противоположностей.

Он на мгновение закрыл глаза, снова сфокусировавшись, затем взял в руку белый *Prime* и опустил его на черный *Quinte*.

В то мгновение, когда один кубик коснулся другого и мелькнула слабая вспышка, Тирцель произнес одно слово:

— *Primus!*

Когда он отвел руку, на том месте, где лежали два кубика, оказался продолговатый серебристый предмет. Конал в изумлении уставился на него.

— Пока не задавай никак вопросов,— предупредил Тирцель, протягивая руку к *Seconde*.— Просто наблюдай. Есть разные системы магии, и они по-разному уравнивают компоненты. Но существуют определенные общие правила. А теперь снова смотри, когда я перейду к *Secundus*. Затем я позволю тебе самому сделать *Tertius* и *Quartus*,— он довольно улыбнулся принцу.— Боже, как я рад, что ты — взрослый! Обучать этому детей иногда бывает так скучно. Я думаю, у тебя все получится с первого раза.

— А ты часто этим занимаешься? — спросил Конал.— Обучаешь детей, я имею в виду?

— Достаточно часто. А теперь сиди и не двигайся.

Тирцель взял в руку *Seconde*, второй белый кубик, и задержал точно над *Sixte*, шестым или вторым черным кубиком, но не касаясь его, затем глубоко вдохнул и нежно опустил белый кубик на черный, одновременно произнеся:

— *Secundus!* А теперь сам давай два других,— добавил он, отводя руку от второго продолговатого серебристого предмета.

Конал подчинился без колебаний. У него не возникло трудностей, а когда он отводил руку от *Quartus*, то вопросительно посмотрел на Тирцеля.

— Что теперь?

— Мы подошли к сложной части, поскольку требуется очень специфическая визуализация,— сказал Тирцель.— Дай мне на минутку твой перстень.

Конал носил золотой перстень-печатку на левом мизинце. На нем был изображен герб Халдейнов, причем в полагающемся старшему сыну второго сына варианте: обычная геральдическая кайма из полумесяца над львом Халдейнов, над которым было выбито три точки. Конал без колебаний и споров снял его с пальца и по указанию Тирцеля положил в центре между четырьмя предметами, установленными на ширине ладони друг от друга.

— А теперь смотри. Первый раз только смотри,— сказал Тирцель и его указательный палец застыл над *Primus*.— Я хочу, чтобы ты понаблюдал за эффектом перед тем, как попробуешь его на себе.

Когда Конал слегка отодвинулся от стола, Тирцель снова сделал глубокий вдох, его глаза подернулись пеленой, он прикрыл их, а затем быстро дотронулся указательным пальцем последовательно до каждого из четырех предметов, называя их вслух:

— *Primus, Secundus, Tertius* и *Quartus* — *fiat lux!*

Конал резко втянул в себя воздух, когда туманный свет взметнулся вверх прямо над предметами, обволакивая перстень, но принц сразу же наклонился вперед, чтобы лучше видеть происходящее. На столе получился купол.

— Теперь они все стали единым целым? — прошептал он.

— Дотронься и выясни сам,— ответил Тирцель.— Давай-давай,— добавил он, видя колебания Конала.— Они тебя не убьют, по крайней мере, после этого ритуала.

— Ты, наверное, хочешь меня успокоить,— пробормотал Конал, осторожно касаясь конструкции указательным пальцем.

Получившаяся на столе структура не показалась ему твердой, а при прикосновении к ней возникло ощущение, что в палец вонзилось несколько крохотных иголок. Ощущение напоминало покалывание в затекшей от долгого сидения в одном положении ноге или руке. Однако оно не было болезненным.

— Попробуй надавить,— предложил Тирцель, внимательно наблюдая за ним.

Конал подчинился. Его палец столкнулся с сопротивлением, казалось, его еще больше стало покалывать, причем покалывание усиливалось по мере продвижения вглубь. Несмотря на то, что он всеми силами пытался добраться до перстня, это ему не удавалось.

— Достаточно,— наконец сказал Тирцель, жестом приказывая ему отодвинуться назад.— Теперь я внесу небольшое изменение.

Он несколько секунд подержал руку над куполом, причем не делая ничего, что Конал мог бы заметить, затем моргнул и снова посмотрел на Конала.

— А теперь дотронься до него.

Конал попытался подчиниться, но голубая искра описала дугу между куполом и кончиком его пальца. Он почувствовал боль, даже не успев дотронуться до купола. Конал резко вдохнул воздух, отдергивая руку, а затем посмотрел на Тирцеля, с трудом скрывая

гнев, поднося раненый палец к губам. На кончике уже вздулся пузырь.

— Какого дьявола ты это сделал? — резко спросил он.

— Чтобы ты примерно представлял, чего можно добиться этим заговором,— мягко ответил Тирцель.— А теперь представь, если бы он использовался для защиты всей комнаты, а не только твоего перстня. Помнишь защитный купол, установленный Келсоном и Кариссой, когда они сражались во время коронации Келсона?

— Конечно,— прошептал Конал.— Но ведь они не использовали кубики, не так ли?

— Нет. Однако некоторые принципы очень похожи. На самом деле первая позиция более подходит для общих целей. И имеется несколько промежуточных вариаций.

Тирцель снова провел рукой над куполом, затем повернул ее ладонью к Коналу и сказал:

— Попробуй вновь.

— На этот раз он меня убьет, а не только обожжет? — спросил принц, все еще сердито посасывая обожженный палец.

— Ну что ты такое говоришь? Стану я тебя убивать после того, как потратил на тебя столько времени? Фактически весь прошлый год.

Конал только хмыкнул, однако, сделав глубокий вдох, он в самом деле снова осторожно протянул руку к куполу. На этот раз его палец прошел сквозь туманную границу, причем ощущения были такими, словно он двигался сквозь обычный густой туман. С горящими от возбуждения глазами, он наконец дотронулся до перстня и вытянул его наружу, победно глядя на Тирцеля.

— Я взял его!

— Конечно. На этот раз обереги настроены на тебя. А теперь положи перстень назад, и я покажу тебе, как снять защиту. А потом позволю тебе попрактиковаться самому.

Два часа спустя Конал уже несколько раз установил и снял защиту под наблюдением Тирцеля, правда, используя не смертоносный, а первый продемонстрированный учителем вариант. Теперь принц был уверен: в случае необходимости он справится сам, без чьей-либо помощи.

— Хм-м. Вероятно, сможешь. Но не нужно торопиться,— осторожно заметил Тирцель, опуская кубики назад в кожаный мешочек, после того, как Конал прямо спросил, где бы ему приобрести собственный набор.— Возможно, я дам тебе его к концу лета.

— Так долго ждать?

— Если честно, я не ожидал, что ты так быстро их освоишь. Да и потребуется какое-то время, чтобы подобрать тебе подходящий комплект.

— А разве я не могу взять твой? Таким образом я мог бы попрактиковаться.

— Не думаю, что это такая уж хорошая идея,— ответил Тирцель.— Во-первых, мне самому они могут понадобиться. Во-вторых, что будет, если кто-то найдет их у тебя и догадается, чем ты занимаешься в свободное время? Только специально подготовленный Дерини может иметь такой набор. Кроме того, для их использования тебе еще нужно развить выносливость. Готов поспорить: у тебя после сегодняшнего урока болит голова.

Конал с неохотой кивнул, потирая переносицу большим и указательным пальцами, чтобы снять ту-

пую боль. Он пытался не обращать на нее внимания, но она так и оставалась где-то за глазами.

— Да, болит. Но не очень сильно. Бывало хуже.

— Уверен? Я могу тебе кое-что предложить от нее, если хочешь. Не нужно изображать из себя мученика.

— Я знаю. Но если я приду что-то из твоих снадобий, то к ужину буду или сонным, или вообще с заплетающимся языком. Кто-то может обратить на это внимание. Нет, пройдет и так.

— Как хочешь. Я доволен твоими успехами. Сегодняшние достижения очень облегчат твое дальнейшее обучение. Если бы у нас имелось в распоряжении еще хотя бы несколько недель, уверен: я мог бы представить тебя Совету где-нибудь в середине лета.

Лицо Конала исказила гримаса, и причиной ее была не головная боль.

— Знаю, что ты не поверишь, услышав это от меня, но при сложившихся обстоятельствах вероятно лучше, если нам придется подождать,— сказал принц.— Совету не понравится, когда мы докажем, что не только один Халдейн из поколения может обладать магическими способностями. А когда они общат об этом Келсону, его-то это совсем не обрадует. Если он узнает — мне никогда не стать рыцарем.

— А почему ты так уверен, что они скажут Келсону? — спросил Тирцель.— Он для них сейчас — не самый любимый Дерини, насколько тебе известно. Конечно, если бы он был в Совете... Но он не является его членом. Глупец.

— Я до сих пор не могу поверить, что он отказался от места в Совете,— признался Конал.— Я ни за что бы этого не сделал, хотя, конечно, маловероятно, что мне его когда-нибудь предложат.

Убирая мешочек с кубиками в ягдташ, Тирцель в задумчивости посмотрел на своего лучшего ученика.

— Это может оказаться не настолько невероятным, как ты думаешь,— тихо заметил он.— Если ты будешь и дальше делать такие успехи, нельзя предсказать, как далеко ты можешь зайти.

— И это станет лишним пером в твоей шляпе,— ответил Конал, не моргнув глазом от услышанного, что удивило Тирцеля.— Только не надо говорить мне, что у тебя нет амбиций, Тирцель Кларонский.

Тирцель пожал плечами.

— Конечно, есть. Но они включали не только тебя, но и твоего нежелающего сотрудничать кузена Келсона. И мало того, что он отказался от места в Совете, он еще рекомендовал вместо себя Моргана или Дункана. Или Дугала...

— Дугала! — хмыкнул Конал.— Что этот незаконнорожденный выскочка может знать?

Тирцель криво усмехнулся сидящему с недовольным видом принцу.

— Предполагаю, ты знаешь: святые отцы, возможно, именно в эти минуты, рассматривают вопрос о признании Дугала законным.

— Но он все равно остается мерзавцем. И незаконнорожденным.

— Возможно — потому что его родители не были обручены в соответствии с обычным церковным ритуалом. Но некая форма брака тем не менее была соблюдена. И оба его родителя были в тот момент свободны. Этого для короля достаточно. А по его просьбе епископы почти точно примут необходимое решение, к которому приходят лишь в исключительных случаях.

— Будет лист пергамента,— пробормотал Конал.— Он ничего не меняет.

— Эй, можно подумать, ты ревнуешь,— спокойно заметил Тирцель.

— Ревную? Дугала?

— Ну, он ведь относится к роду истинных Дерини, в конце концов, и названный брат короля,— заметил Тирцель.— Это дает ему некоторые привилегии, что не дает двоюродное родство и некоторые узурпированные силы Хаддейнов, не так ли? Не беспокойся, я не стану раскрывать твой секрет.

— Я предпочел бы это не обсуждать,— сказал Конал, виновато отворачиваясь.

— Предполагаю, нет,— Тирцель встал.— Ну, мне пора. Ты в самом деле не хочешь, чтобы я снял твою головную боли?

— Уверен. Она уже почти прошла,— Конал сглотнул, чувствуя себя неловко от того, что открыто показал свои эмоции.— Тирцель, я...

Дерини уже снимал со стула плащ.

— Да? — обернулся он на Конала.

— Я... Пожалуйста, не обращай внимания на то, что я так отозвался о Дугале. Наверное, я на самом деле ревную.— Он опустил голову.— Наверное, я немного завидую и Келсону.

— Я знаю,— мягко сказал Тирцель. Пытаясь успокоить, он положил руку на плечо Конала и дождался, пока тот не поднял голову и не попытался улыбнуться. Улыбка получилась не очень веселой. Тирцель снял руку.— У тебя много таких качеств, Конал, за которые тебя можно рекомендовать в Совет. Не позволяй ревности глотать себя изнутри.

— Я постараюсь. А у нас... у нас будет время на уроки до моего отъезда?

— Может, один разок,— ответил Тирцель,— хотя наверное только после того, как ты станешь рыцарем. Ты будешь очень занят до этого. И лучше, если я приеду к тебе. За тобой будут наблюдать — но не потому, что кто-то что-то заподозрил,— добавил он, заметив беспокойство в глазах Конала.— Просто потому, что акколада означает совершеннолетие для принца, и люди будут интересоваться тем, что ты делаешь и как выполняешь обязанности рыцаря.

— Наверное, это имеет смысл,— согласился Конал.— Тогда ты дашь мне знать обычным способом?

Тирцель кивнул.

— Давай ориентировочно договоримся на вечер перед твоим отъездом. Практически все будут заняты, улаживая какие-то дела, поэтому маловероятно, что тебя кто-то хватится.

— Ты прав.

Конал встал, когда Тирцель взял шляпу.

— Удачи тебе, и чтобы все прошло успешно,— пожелал Тирцель, сжимая руку Конала.— Когда меня посвящали в рыцари, все происходило гораздо менее пышно, чем запланировано для тебя, но тем не менее я никогда не забуду церемонию. Ты сейчас поедешь назад в Ремут или останешься на какое-то время со своей девушкой?

Конал слегка улыбнулся, когда Тирцель освободил его руку и, надевая шляпу, двинулся к двери.

— У меня тут остались незаконченные дела,— сказал он, засунув большие пальцы за пояс. Тирцель остановился, держа ручку двери.— И на этот раз я приму необходимые меры предосторожности, чтобы меня не прервали.

Тирцель только улыбнулся перед тем, как нырнуть в дождь.

Глава первая

И я сделаю его первенцем¹

Какое облегчение: мой названный брат наконец официально признан законнорожденным! — воскликнул король Гвиннеда Келсон.

Он игриво обнял Дугала Макардри, когда они на пару проследовали за отцом Дугала и герцогом Алариком Морганом в покои Келсона в Ремутском замке. Шествие замыкал епископ Денис Арилан. Они все промокли до нитки, и с их одежды на пол стекала вода. Была суббота перед началом Великого Поста, первое марта 1125 года от Рождества Христова. Келсон Халдейн являлся королем Гвиннеда чуть более четырех лет. В ноябре прошлого года ему исполнилось восемнадцать.

— Конечно, я никогда не верил, что он незаконнорожденный,— продолжал Келсон шутливо,— да если бы это и было так, для меня это не играло бы никакой роли. Однако, я рад, что мне не придется нарушать закон, посвящая его в рыцари во вторник.

Громкие слова заставили Моргана усмехнуться, а Арилан неодобрительно фыркнул, когда все снимали плащи и собирались вокруг огня, поскольку понимали: король при необходимости сделал бы именно

¹ Псалмы 89:27

это, чтобы не лишать заслуженной чести своего любимого названного брата. Келсон уже нарушил необходимые возрастные ограничения для акколады — ведь Дугалу было только семнадцать. Но это нарушение являлось королевской прерогативой, и в данном случае оно не вызовет удивления: все знали о выдающихся успехах Дугала во время прошлогодней кампании. В рыцари посвящалось еще несколько человек, не достигших совершеннолетия, и по той же причине.

Но возраст — одно дело. Если имелось достаточно оснований, это препятствие отодвигалось в сторону. Да, даже если и не нашлось веского повода, посвятить в рыцари досрочно можно было просто по королевской прихоти. Вопрос рождения — совсем другое дело. Даже при покровительстве короля незаконное рождение обычно являлось серьезным, а то и непреодолимым препятствием для посвящения в рыцари.

К счастью сегодня епископ Дункан Маклайн доказал, к удовлетворению трибунала архиепископов, что задолго до посвящения в сан они с матерью Дугала обменялись клятвами и вступили в действительный, хотя и несколько необычный брак. Доказать это было нелегко. При обмене клятвами не присутствовали обычные свидетели, обряд не совершал никто из священников. Таинство было совершено перед лампадой с вечно горящим огнем в часовне отца Дункана в Кулди.

— Я не спору, что брак законен, если наличествует свидетель, — объявил старый епископ Вольфрам де Бланет, вместе с Ариланом представлявший дело архиепископу Кардиелю на закрытом заседании. — Гражданское право в границах наших владений дав-

но признало правомерность брака, заключенного в присутствии свидетелей, если в пределах досягаемости не нашлось ни одного священника — хотя Церковь всегда настаивала, чтобы в дальнейшем брак был утвержден клириком.

Дункан, в одиночестве стоявший перед длинным столом трибунала, покачал головой. Он знал, как переживает его сын вместе с другими, сидевшими рядом с ним. На заседании трибунала кроме Дугала, Моргана, короля и Нигеля было разрешено присутствовать только монаху-писарю, подчиненному Кардиеля, тщательно ведущему протокол в конце стола.

— Ваше Преосвященство знает, что это оказалось невозможно,— сказал Дункан.— Я никогда больше ее не видел. Она умерла следующей зимой.

— Да, ты говорил. Однако обсуждаемое нами здесь и сейчас, не имеет никакого отношения к тому, что брак в дальнейшем не был утвержден священником.

Арилан, выступающий в роли защитника Дункана, откашлялся.

— В древнем своде законов, Вольфрам, упоминается прецедент,— указал он.— Сомневаюсь, что это сравнение часто использовалось, но часовня, где горит святая лампада, соответствует еврейскому Ковчегу Завета. Интересно отметить, что Ковчег Завета мог при необходимости заменять одного из десяти взрослых мужчин, требуемых для многих публичных ритуалов у евреев.

— Ты намекаешь, что Ковчег выполнял в некотором роде роль свидетеля? — спросил Вольфрам, нахмурившись.

Арилан кивнул.

— Несомненно. По меньшей мере равный по значимости любому из остальных девяти смертных, а по символике он являлся физическим представителем вечно живого Бога. Если, как мы верим, Бог реально присутствует в Святом Причастии, как тело и кровь Христа, то может ли Святыня в часовне, где Дункан и Мариз давали свои клятвы, быть менее ценной, чем живой свидетель?

Дункан боялся дышать, видя, как важность аргумента доходит до всех присутствующих. Он чувствовал, как все, сидевшие за столом, также осознают ее. Утверждению Арилана было трудно возразить, потому что отрицать реальное присутствие Бога в Святом Причастии стало бы богохульством.

Вольфрам поджал губы и посмотрел на Кардиеля в поисках совета, но архиепископ только приподнял бровь, отдавая инициативу Вольфраму. Кардиель был далеко не нейтральным лицом в этом деле, являясь непосредственным начальником Дункана. Он не *знал*, как и все остальные, говорит ли Дункан правду — но искренне верил в это. К сожалению, ни веры, ни знания было недостаточно в церковном суде, в особенности, когда дело касалось Дерини.

А Дункан Маклайн, кроме того, что являлся епископом и отцом, был еще и Дерини — одним из этого магического племени, чьей силы боялась и чью силу прокляла Церковь. Церковь подвергала Дерини преследованиям почти два столетия. То, что Дункан — Дерини, не было широко известно за пределами высших кругов духовенства и даже там не признавалось официально — потому что, хотя Церковь давно запретила Дерини принимать сан, Дункан Маклайн являлся способным, благочестивым, преданным делу священнослужителем, независимо от того, был он

Дерини или нет. Пока Дункан не подтвердил и не опровергнул, кто он есть.

В комнате присутствовали и другие представители племени Дерини, хотя открыто это было известно лишь об одном, за исключением короля. Народ всегда знал, кем являлся Аларик Морган. В детстве и юности он находился под защитой деда и отца Келсона Халдейна, и в конце концов его с неохотой приняли при дворе из-за его непоколебимой преданности дому Халдейнов и потому что у него хватало ума не кичиться своими способностями. Даже епископ Вольфрам признавал его и с осторожностью оказывал уважение светловолосому мужчине в черном, сидящему рядом с королем.

Однако Морган являлся кузеном Дункана, и этот факт несомненно мог возбудить подозрения Вольфрама насчет принадлежности Дункана к Дерини, а раз к ним относится Дункан, то может и Дугал. О чем Вольфрам не подозревал — так это о том, что епископ Денис Арилан также относится к Дерини — хотя все остальные присутствующие, за исключением ведущего протокол монаха-писаря, знали это. И хотя любой из Дерини мог подтвердить правду притязаний Дункана, используя свои магические способности, — это доказательство не могло быть представлено: официальная позиция Церкви относительно Дерини и их магических сил до сих пор оставалась резко отрицательной.

— Ты приводишь в качестве аргумента спорное положение, Арилан, — наконец сказал Вольфрам. — Естественно, клятва, данная перед Святыми Дарами, является в этом смысле засвидетельствованной. — Слегка повернув голову, он посмотрел через плечо на открытую дверь прилегающей часовни. — Там то-

же есть негасимый Свет, и Он присутствует среди нас, сидящих в этой комнате.

— Я и не собираюсь оспаривать это,— ответил Арилан, разводя руки в примирительном жесте.

— Однако обычно,— добавил Вольфрам,— люди способны представить свидетелей, которые могут поклясться относительно того, что они засвидетельствовали.

— Ты намекаешь, что Бог не может этого сделать, если Он пожелает? — спросил Арилан.

— Ты знаешь, что я не это имел в виду!

— Конечно,— согласился Арилан.— Однако я хочу обратить внимание на тот факт, что восемнадцать лет спустя даже свидетели-люди не всегда бывают доступны.

— Да, это правда,— Вольфрам нахмурился и вновь с раздражением обратил внимание на Дункана.— Предполагаю, ты не признался в этом предполагаемом браке перед тем, как принял сан? — спросил он.— Надеюсь, мне нет необходимости напоминать тебе, что брак является препятствием для посвящения в сан.

— Только в том случае, если он оставался женатым на момент принятия сана,— ответил Арилан до того, как Дункан успел открыть рот.— Но дама, к несчастью, умерла. Так что ты, Вольфрам, или задаешь бессмысленный вопрос, или вторгаешься в тайну между человеком и его духовником — которого, если не ошибаюсь, уже в любом случае нет с нами. Я прав, Дункан?

Вздохнув, Дункан один раз кивнул.

— Да. Он уже тогда был пожилым человеком. Он прожил всего несколько месяцев после того, как я был посвящен в духовный сан.

— Очень удобно,— пробормотал Вольфрам.

— Эй, Вольфрам, будь разумным,— мягко вставил Кардиель.— В конце-то концов, этому человеку было бы далеко за восемьдесят.

— Но все равно получилось очень удачно.

— Однако не для решения моего вопроса,— тихо сказал Дункан.— Потому что даже если бы он до сих пор оставался в живых, Ваше Преосвященство, и я позволил бы ему открыть то, что сообщил ему во время исповеди, он мог бы сказать о Мариз лишь немного. Мой грех заключался в том, что я был недостаточно смел и не приложил больше усилий, чтобы найти ее в последующие месяцы, пока она еще была жива. Но мы с ней не совершили греха. Мы были женаты в глазах Бога.

— Это ты так говоришь.

И это на самом деле было главной проблемой, потому что кто может утверждать, что видит глазами Бога? Более же практичным вопросом был: обменялись ли они на самом деле клятвами, таким образом заключив действительный брак? Если так, то Дугал Макардри является законным сыном Дункана, имеет право на его имя и все остальные привилегии, причитающиеся в связи с рождением в высокопоставленной семье.

Или Дугал Макардри — только результат невинной, но незаконной связи между отчаявшимися молодыми любовниками, знавшими, что им придется завтра расстаться, а сегодняшние утверждения Дункана — попытка узаконить своего сына, о появлении которого от того союза он не мог и мечтать?

Такая попытка, конечно, была понятна. На самом деле почти все выигрывали, если Дункану удастся доказать законность своего сына. Прямой закон-

ный наследник позволит Дункану снять с себя мирские титулы, передав их сыну, целиком посвятив себя выполнению обязанностей на высоком духовном посту, занимаемом им. Это понравится Церкви. То, что Дугал будет управлять поместьями отца, обеспечит верность еще одного поколения, владеющего землями Кассан и Кирни, королевской семье — что понравится Келсону.

И, конечно, от этого выиграет сам Дугал. Благодаря выборной системе наследования он уже является графом Траншайским и главой клана Макардри, унаследовав это от человека, который, как он теперь знал, являлся его дедушкой по материнской линии, отцом Мариз. Это не изменится, независимо от исхода сегодняшнего заседания. Люди Транши обожают его. А если со временем он также унаследует и огромные поместья Дункана Маклайна, прилегающие к его землям в Транше, он станет одним из самых могущественных владельцев во всех одиннадцати королевствах.

Практически Дугал в конце концов все равно получит свое родовое наследственное имущество, поскольку если Дункан умрет без законного наследника, последним из Маклайнов, его земли перейдут королю — а король может подарить их кому пожелает. Дункан также имел право передать свои земли и титулы королю еще при жизни — и король в свою очередь имел право передать их Дугалу, независимо от того, законнорожденный тот или нет.

Но большинство собравшихся в это утро думали совсем не о передаче земель. Проблема заключалась в приближающемся посвящении Дугала в рыцари. И оно зависело от исхода этого слушания. Если останется сомнение, что Дункан Маклайн сделал свое за-

явление не будучи абсолютно честным, то это бросит тень на Дугала, и даже король не сможет ничего исправить. Поэтому Вольфрама де Бланета и назначили для слушания дела, и он оспаривал его всеми возможными способами, чтобы никто в дальнейшем не мог сказать, что соответствующим образом настроенный суд принял решение в пользу Дункана.

— У нас есть только его слово,— наконец заявил Вольфрам, положив руки на столе перед собой.— Я не вижу никаких других доказательств.

Кардиель кивнул с несчастным видом, очевидно ощущая груз своих официальных обязанностей.

— Боюсь, что должен согласиться. В таком случае, похоже, мы зашли в тупик. Все возвращается к тому, можно ли считать сегодняшнюю клятву Дункана достаточной для решения — на самом ли деле они с Мариз Макардри дали клятвы перед Святыми Дарами. Как частное лицо и друг Дункана, я не сомневаюсь: он говорит правду. Но как архиепископ, я не могу принять ничем не подтвержденные слова просто потому, что их говорит один из моих епископов. Я не смог бы принять эти доказательства от простого человека, и совершенно точно не могу принять от одного из своих духовных сыновей.

— Согласен,— сказал Арилан, теребя гусиное перо, используемое для письма, и переводя взгляд с короля на Моргана.— Жаль, что мы не можем принять доказательство, подтвержденное силами Дерини. В любом случае показания герцога Аларика были бы предвзятыми, поскольку он является родственником Дункана, но вы, Дерини, знаете способы подтверждения того, что человек говорит правду, не так ли?

Конечно, этот вопрос был задан ради Вольфрама, поскольку сам относящийся к Дерини Арилан пре-

красно знал, на что способны представители его племени. Сцена, которую он теперь пытался разыграть, тщательно репетировалась епископом, герцогом и королем прошлой ночью, чтобы дать надежное подтверждение клятвы Дункана, которое могла бы принять Церковь. Короли по линии Халдейнов тоже обладали силой — силой, подобной той, которой обладали Дерини, хотя сила Халдейнов была связана с божественными правом их рода управлять королевством.

Но многое зависело от признания Вольфрамом этого факта, его веры в него, и от того, правильно ли они оценили этого человека.

— Этой силой обладают не только Дерини, епископ Арилан,— сказал Келсон, сдерживая Моргану движением руки и поднимаясь, чтобы обратиться к суду.— Возможно, это и есть ответ на вставшую дилемму. Мы, Халдейны, можем определить, когда человек лжет. Это способность, которой обладают короли в нашем роду. Если я спрошу епископа Маклайна и смогу подтвердить вне всякого сомнения, что он говорит правду относительно своего брака с матерью Дугала, удовлетворит ли это трибунал?

Арилан приподнял бровь и посмотрел на Кардиеля, проявляя осторожность, чтобы не показаться слишком нетерпеливым, и украдкой издал вздох облегчения, когда его священноначальник немедленно не наложил вето на предложение. Кардиель, чисто по-человечески, определенно понял, что предлагает король, но он все равно оставался архиепископом, и ему следовало придерживаться установленных правил.

А Вольфрам еще с большей силой будет настаивать на соблюдении приличий. Вольфрам де Бланет

не испытывал ненависти к Дерини — что было одной из главных причин, кроме исключительной честности, послужившей основанием для его назначения в состав этого трибунала — но как странствующий епископ, нечасто встречающийся с несколькими известными при дворе Дерини, он мало знал о них, а то, что знал, оставалось слухами. Просвещения последних четырех лет было недостаточно, чтобы сразу же отмести два столетия подозрений и ненависти. Ведь некоторые из способностей Халдейнов попадали в смутную область, в которой Вольфрам был не полностью уверен.

— В чем дело, Вольфрам? — тихо спросил Кардиль, заметив выражение оцепенения на лице старшего. — Уверяю тебя, король в состоянии сделать то, что предлагает. Я видел, как он допрашивал пленников. И достигнутые им результаты всегда подтверждались — теми, чьи таланты менее доказательны на этом суде.

— Ты имеешь в виду герцога Аларика? — спросил Вольфрам, с неудовольствием бросая быстрый взгляд на Моргана.

— Да.

Вольфрам вздохнул, очевидно для остальных пытаясь отогнать свои опасения и вернуться к поставленной задаче, для решения которой он был выбран. Затем он громко выдохнул.

— Хорошо. Я не претендую на то, чтобы оспаривать способность Его величества делать то, что, по его заявлению, он может сделать... или мнение архиепископа, что эти способности — богоугодные, — он замолчал, откашливаясь. — Однако, с юридической точки зрения, сомневаюсь, является ли благоразумным использовать помощь Его величества в этом де-

ле. Лорд Дутал вообще-то является его названным братом.

— Вы намекаете, что я могу исказить истину из-за моей привязанности к нему? — спросил Келсон.

Вольфрам побледнел, но не отвел глаз.

— Я не намекаю ни на что подобное, сир. Но могут другие.

— Да, могут.

Вольфрам успел только резко вдохнуть воздух, когда король внезапно выхватил меч и опустился на одно колено перед трибуналом. Он держал меч за поперечину у рукоятки на расстоянии вытянутой руки — от себя и от участников заседания. Острие смотрело вниз.

— Я клянусь мечом своего отца, своей короной и своей надеждой на спасение моей бессмертной души, что я сказал и скажу только правду по вопросу, обсуждаемому этим судом. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь.

Он поцеловал священный знак, выгравированный на рукоятке, затем воткнул меч в пол перед собой, так и держа его на расстоянии вытянутой руки. Король глядел на Вольфрама и остальных.

— Я готов повторить свою клятву или любую другую, названную вами, в часовне,— добавил он, кивая на открытую дверь за их спинами.— И уверяю вас: я не подхожу с легкостью к таким клятвам.

— Никто с этим не спорит, сир,— сказал Вольфрам, выглядевший несколько смущенным.— Но...— он вздохнул, явно чувствуя себя неудобно.— Сир, некоторые утверждают, что Дункан Маклайн — Дери-ни.

— Я не считаю, что этот вопрос обсуждается здесь,— мягко заметил Келсон, поднимаясь на ноги.—

Вопрос в том, действительно ли этот человек вступил в законный, настоящий брак с матерью своего сына.

— Но — если бы он был Дерини — разве он не смог бы помешать даже вам узнать правду, сир?

Вздыхнув в отчаянии, Келсон повернулся к Моргану, сидевшему справа от него, и протянул ему меч рукояткой вперед.

— Морган, вспоминая клятвы верности, которые ты давал мне и моему отцу, а также приложив руку к этому священному мечу, пожалуйста, поясни епископу Вольфраму ограничения процедуры определения правдивости испытуемого, *если* Дункан Маклайн и является Дерини.

Морган спокойно встал и положил правую руку на рукоятку королевского меча. Келсон нечасто вспоминал имя своего отца, которое влекло особые ассоциации для Аларика Моргана.

— Для определения, говорит человек правду или лжет, не имеет никакого значения, является ли испытуемый Дерини или нет,— спокойно сказал Морган.— У его величества не будет трудностей с тем, чтобы отличить правду от лжи. Ограничение заключается в том, что нужно задавать правильные вопросы. Ничто в процедуре не заставляет человека говорить правду. Просто он выдает себя, если лжет.

Вольфрам сглотнул, чувствуя себя неуютно. Он был только частично убежден.

— Сир, это правда?

— Да.

— Вы узнали бы, если бы Морган соврал?

— Если бы захотел, да,— ответил Келсон.— Процедура требует намерения.— Он повернулся к Моргану.— Я не могу просто *знать*, и предполагаю, что Дерини тоже не могут. Но если я того захочу, я могу

отличить правду от лжи. Морган, перед Богом и этими свидетелями, сказал ли ты правду?

— Да, сир.

Келсон убрал меч назад в ножны и снова обратил свое внимание на Вольфрама.

— Мне... понятно.

Вольфрам повернулся, чтобы посоветоваться с Кардиелем, Арилан в задумчивости кивал, соглашаясь с тем, что говорил архиепископ. Затем Вольфрам снова смело посмотрел на Келсона.

— Сир, я только сейчас удостоверился в том, что слышал несколько месяцев назад, но, насколько я понимаю... таланты Халдейнов не ограничены простым подтверждением правды. Более... действенные меры могут быть использованы, чтобы вытянуть из человека фактическую информацию. Такие меры были обычным делом во время кампании прошлым летом и использовались для получения более полных отчетов от разведчиков, находившихся у вас на службе, причем не только герцогом Алариком, но и вами.

Келсон позволил себе натянуто улыбнуться. Он должен был проявлять осторожность. Келсон размышлял, откуда Вольфрам получил эту информацию — хотя об этом мог рассказать любой из разведчиков. Никто им этого не запрещал. Да и Дункан мог использовать этот способ, хотя Дункан, конечно, не стал бы действовать открыто, все еще считая, что эту сторону его личности лучше оставлять неподтвержденной.

— Мой принц? — тихо сказал Морган.

— Скажи ему, — приказал Келсон.

— Мы, Дерини, называем это «видением разума», — сказал Морган. — А у Халдейнов для этого процесса есть другое название, сир?

— Нет.

— Мы различаем два вида видения разума,— продолжал Морган.— Все зависит от того, готов ли человек к сотрудничеству или нет. Сознательно помогающий субъект может вспомнить события в мельчайших деталях. И, конечно, возможность лжи исключается. Не желающий помогать субъект *может* снизить эффективность получения информации, но не в полной мере: он просто не будет *предлагать* информацию. Но его ответы на конкретные вопросы будут правдивыми. Сопротивление вызывает различные степени состояния неудобства для субъекта. Все зависит от уровня сопротивления и количества энергии, направляемой в запросы на получение информации. Это относится и к Дерини, и к простым людям, хотя, очевидно, Дерини имеют больший потенциал для сопротивления.

— Понятно,— сказал в задумчивости Вольфрам.— Тогда, в случае если епископ Маклайн являлся бы Дерини...

— Если бы даже так и было,— сказал Келсон, делая ударение на первом слове,— о чем, я кстати, не намерен его спрашивать, епископ — любое сопротивление моим вопросам относительно его брака сразу же станет очевидно, поскольку, задавая вопросы, я использую всю свою силу. Я сделаю это, если хотите — естественно, если полученная таким образом информация может быть принята во внимание судом.

Предложенные Келсоном меры были уникальным решением вопроса, и король считал, что Вольфрам не будет долго сопротивляться. И он не сопротивлялся. Старый раздраженный епископ снова совещался с Кардиелем и Ариланом, и, наконец, нехотя (о чем можно было судить по выражению его

лица) согласился с предложением Келсона. Келсон приказал Моргану поставить две табуретки перед столом, за которым шло заседание.

Одного взгляда на Дункана было достаточно, чтобы он тоже подошел. Сегодня он, одетый в простые черные одежды, выглядел обычным просителем, а не герцогом, графом и епископом. Его голубые глаза были бесхитростными, и он не отводил взгляд от членов трибунала. Чисто выбритое овальное лицо обрамляли коротко подстриженные каштановые волосы, с выбритой тонзурой. В его облачении не было практически ничего, указывающего на епископский сан — за исключением перстня с аметистом на правой руке. Он снял его и положил на стол перед Кардиелем, когда сел по указанию Келсона, пододвинув табурет поближе к столу и положив на него руки ладонями вверх, как велел Келсон.

— Этот допрос не имеет никакого отношения ко мне, как епископу,— пояснил он Вольфраму, когда последний вопросительно посмотрел на перстень.— Я присутствую здесь как отец, который хочет, чтобы его сын был признан законным.

— Отец-Дерини, признающий сына-Дерини?

На лице Дункана мелькнула напряженная улыбка.

— Если не ошибаюсь, Его величество сказали, что мне не будут задавать этот вопрос.

— Именно так я и сказал, в самом деле,— подтвердил Келсон, опуская руку на левое плечо Дункана.— Позор тебе, Вольфрам.

Вольфрам пожал плечами.

— Я спрашиваю только то, что спрашивают другие, сир. Я думаю, что, вероятно, так оно и есть — и я начинаю сомневаться, есть ли в этом зло. Правда,

сейчас принадлежность отца Дункана к Дерини к делу не относится. Слава Богу, я не занимаюсь решением *этого* вопроса.

Он посмотрел на ведущего протокол монаха-писаря, который украдкой поднял голову, когда был задан последний вопрос, и жестом показал молодому человеку, что тому не следует прекращать записи.

— Мы продолжаем?

— Если все понимают, что вопросы буду задавать я,— ответил Келсон.

Он грациозно сел на табурет слева от Дункана и его ладонь спустилась по руке Дункана, а затем взяла того за запястье, скрытое свободным черным рукавом. Боковым зрением он видел Моргана, сидящего рядом с напряженным и обеспокоенным Дугалом, и Нигеля, слегка склонившегося вперед, чтобы лучше видеть то, что должно произойти.

— Для епископа Вольфрама, которому никогда не доводилось видеть процедуру, я объясню, что делаю,— объявил Келсон, обращаясь к трем епископам.— Я попросил Дункана положить на стол руки ладонями вверх, так что вы сможете заметить любое вздрагивание во время допроса — хотя я и не ожидаю его увидеть. Я держу свою руку у него на запястье, частично по той же причине и частично потому, что, как я обнаружил на практике, физический контакт усиливает контроль в подобной процедуре. Тебе удобно, Дункан?

— Физически? Да. Эмоционально...— герцог-епископ Дерини пожал плечами и улыбнулся.— Я видел и раньше, как проводится такая процедура, сир. Не уверен, что жажду пережить заново свою бурную юность. Я был очень горяч...

Келсон улыбнулся, сочувствуя Дункану, но процедуры было не избежать. Ее следовало провести.

— Тем не менее,— сказал король, обращая на друга свой талант читать истинные мысли.— Давай начнем с основных фактов. Пожалуйста, назови свое полное имя и все свои должности.

— Дункан Говард Маклайн,— легко ответил Дункан.— Священник и епископ. Духовник короля. Герцог Кассанский и граф Кирнийский. Действующий наместник Меары. У меня также есть несколько второстепенных титулов и должностей. Мне их тоже перечислять?

— Не думаю, что в этом есть необходимость. Ты действительно заключил брак с матерью Дугала Макадри?

— Да.

— Когда?

— В начале апреля 1107 года.

— Сколько тебе было лет?

Дункан улыбнулся.

— Я был очень наивным, но умственно развитым не по годам юношей, ухаживавшим за женщиной взрослее себя. Мариз была на год меня старше.

— Понятно. Но вы оба имели благородное происхождение, ты — сын герцога, она — дочь графа. Что побудило тебя заключить тайный брак?

Дункан мечтательно покачал головой, бросив взгляд в направлении перстня, лежавшего перед Кардиелем. Он предавался воспоминаниям.

— Молодость. Нетерпение. Мариз с матерью и сестрами приехали в Кулди в то время, как наши отцы отправились в Меару, участвуя в одной кампании. На протяжении нескольких поколений наши кланы были тесно связаны. Но во время той кампании, как

мне говорили, один из людей моего отца убил одного из людей ее отца в пьяной драке. К сожалению, человеком ее отца был Ардри Макардри, ее старший брат — и наследник. Виновника судили и казнили прямо в поле, как и следовало, но ни одна из сторон не получила должного удовлетворения. Наши отцы боялись, что начнется кровная месть, если кланы продолжат воевать вместе. Поэтому старый Каулай отделил свои войска от войска моего отца и перевелся под другое командование, затем поехал назад в Кулди с небольшой группой сопровождающих, чтобы забрать своих женщин и доставить назад в Траншу.

— И вместе с ними и Мариз? — уточнил Келсон.

Дункан несколько раз моргнул и кивнул. Его голос слегка дрожал, когда он продолжил свой рассказ.

— Я никогда не думал, что той весной влюблюсь. Я занимался учебой и уже выбрал свой дальнейший путь. Осенью я собирался поступать в семинарию в Грекоте. Я был достаточно взрослым, чтобы участвовать в кампании, но остался, чтобы принимать гостей отца, пока отсутствовали они с братом. Никакой любви не предполагалось.

Он тряхнул головой, заново удивляясь тому, как события нарушили все его планы.

— Однако это случилось. Через несколько недель любовь поймала нас обоих. Мы держали ее в тайне, поскольку что знали: моя мать будет в ярости, когда я скажу ей, что не стану священником. Но мы с Мариз планировали испросить согласия родителей на брак в конце лета, когда наши отцы вернутся с войны. Неожиданное возвращение Каулая изменило все это — и возникла угроза кровной мести.

Дункан вздохнул.

— Мы тем не менее решили пожениться. Мы все-таки достаточно трезво смотрели на вещи, чтобы не пуститься в бега, но знали: никто из местных священников не поженит нас без согласия родителей, в особенности без какого-либо предварительного объявления. Поэтому мы договорились встретиться в часовне в полночь и произнести наши клятвы перед единственным Свидетелем, который, как мы знали, не предаст нас.

— Перед Святыми Дарами,— подсказал Келсон, бросая взгляд на епископов. Он заметил интерес Вольфрама.

— Да.

— И вы в самом деле встретились? И вы в самом деле обменялись клятвами, которые посчитали связующими?

— Да.

— Спасибо,— Келсон протянул свободную руку к брови Дункана и провел по ней, прилагая усилия, чтобы избежать встречи с глазами Вольфрама.

— А теперь закрой глаза, Дункан. Закрой глаза и погрузись в воспоминания о той ночи. Через мгновение я попрошу тебя вспомнить, какие точно слова вы с Мариз сказали друг другу. Ты готов?

Дункан подчинился, закрывая глаза, а потом кивнул. Он выглядел сонным. Келсон легко нажал кончиками пальцев одной руки на закрытые веки и не встретил сопротивления, затем его рука опустилась по рукаву Дункана и так там и осталась. Другая все еще держала расслабленное запястье. Только после этого он вновь посмотрел на епископов.

Арилан, точно знавший, что делает Келсон и насколько все это в стиле Дерини, осторожно поднес руку ко рту, чтобы скрыть от Вольфрама легкую

улыбку. Кардиель сидел в напряжении. Он был зачарован, как и обычно, когда наблюдал за работой короля. Вольфрам казался встревоженным, но этого и следовало ожидать. Он слегка вздрогнул, когда Келсон кивнул ему и намеренно посмотрел на пассивное, повернутое вверх лицо Дункана.

— Он говорит правду так, как ее помнит,— мягко произнес король.— Не было никакого сопротивления и даже намек на обман. Я не сомневаюсь: они с Мариз на самом деле обменялись брачными клятвами. Есть необходимость продолжать?

— А это... не повредит ему? — спросил Вольфрам.

— Нет, хотя, как он и говорил, сила этих воспоминаний может вызывать неловкость. В некотором роде он будет заново переживать случившееся.

Вольфрам слотнул.

— Я... не хочу, чтобы он впал в отчаяние, сир, но я хотел бы услышать произнесенные слова. Слова могут подтвердить намерения.

— Хорошо,— Келсон вздохнул и снова обратил свое внимание на Дункана, который покорно сидел, готовый к процедуре.— Дункан, я хочу, чтобы ты вернулся к той ночи, когда вы с Мариз обменялись клятвами. Вспомни часовню в Кулди. Тебе пятнадцать лет, сейчас полночь. Мариз пришла к тебе?

— Да,— выдохнул Дункан.

— И что вы сказали друг другу — если вообще что-то сказали?

— Мы преклонили колена перед Святыми Дарами,— прошептал Дункан.— Я взял ее руку в свои и произнес клятву. «Перед Тобой, как Верховным Свидетелем, Господи, произношу я эту торжественную клятву: я беру эту женщину, Мариз, в законные жены, и буду верен ей, пока смерть не разлучит нас.»

Его свободная рука поднялась к левому плечу, затем опустилась назад, когда он продолжил говорить.

— «Я вручаю тебе этот знак моей любви и беру тебя в жены и таким образом клянусь тебе в верности.»

— И что ты ей вручил? — мягко спросил Келсон.

— Серебряную брошь-застежку для плаща, сделанную в форме головы спящего льва.

— Понятно. А что она сказала тебе?

Келсон чувствовал, как ладони Дункана дрожат у него под руками, но то была дрожь эмоций, а не сопротивление допросу.

— «Я беру тебя в мужья и вручаю тебе этот знак моей любви и таким образом клянусь тебе в верности.»

— А она дала тебе?..

— Кристалл... гладкий, оттого что долго пролежал на дне реки. В нем была просверлена дырочка, чтобы продеть ремешок,— ответил Дункан, с трудом сглатывая.— Он был... все еще теплым от ее тела, когда она надела его мне на шею. И он пах ее духами.

— Успокойся,— прошептал Келсон, слегка качая головой.— Я знаю, как тебе это тяжело.

Но ему удалось уловить что-то еще, что, как он знал, Дункан никогда не говорил даже своему духовнику. Это было очень личным для Дункана, но не особо важно само по себе. Тем не менее это определенно усилит ценность показаний.

— Расскажи мне, что произошло дальше, Дункан,— прошептал он.— Перед тем, как покинуть часовню, вы сделали что-то еще. Что это было?

Дункан сделал глубокий вдох, а потом с шумом выдохнул, прилагая видимые усилия, чтобы расслабиться.

— Мы знали, что бракосочетание — это таинство и что двое людей во время него обмениваются священными клятвами. Мы также знали, что совершение нами самими этого таинства... не укладывается в принятые рамки. Но мы хотели сделать бракосочетание особенным и священным — так, как могли, без священника. И я... поднялся на алтарь и... взял дароносицу из дарохранительницы.

— А разве она не была заперта? — пробормотал Вольфрам.

Но Кардиель только цыкнул на него, когда Келсон покачал головой и подбодрил Дункана, чтобы тот продолжал.

— Ты взял дароносицу,— повторил Келсон, чтобы воспоминания об отпирании крохотного замочка при помощи способностей Дерини не увели Дункана от главного.— И что ты сделал?

— Я... принес ее к ступеням алтаря и склонился перед Мариз. Затем мы... оба причастились. Мы... мы знали, что обычно это не разрешается, но я привык держать дароносицу во время мессы.

— Насколько я понимаю,— мягким голосом вставил Арилан,— все делалось с должным почтением к Святым Дарам?

— Да,— выдохнул Дункан.

— Я думаю, нет сомнений: вы желали и намеревались совершить действенное и священное бракосочетание,— спокойно заметил Кардиель.— Арилан? Вольфрам?

Когда оба кивнули, Кардиель продолжил:

— Но следует задать последний вопрос. Когда и где брак был завершен? От тебя не требуется больше никаких деталей.

Дункан улыбнулся мечтательно, благодарный за доброту.

— После того, как мы закончили процедуру в часовне, мы украдкой проскользнули на сеновал и уютно устроились, спрятавшись в приятно пахнувшем сене. Я был невинен, и мне даже в голову не приходило, что наш единственный болезненно короткий союз может дать плод. А связь после того, как Мариз узнала о своей беременности, была невозможна из-за испорченных отношений между нашими двумя кланами. Возможно, она и пыталась написать мне письмо и сообщить, но до меня не добрался ни один посланец. И только год спустя я узнал, что она умерла предыдущей зимой, по-видимости, от лихорадки. Впервые мысль о том, что все было иначе, появилась у меня лишь в прошлом году, когда я увидел Дугала с брошкой, которую я подарил Мариз.

Когда Дункан закончил, Дугал, ребенок, рожденный от этого союза, вышел вперед и представил символы, которыми его родители обменялись много лет назад ночью в часовне в Кулди: брошь-застежка для плаща в форме головы спящего льва, внутри которой в специальной полости до сих пор хранились переплетенные волосы Дункана и Мариз, а также кристалл цвета меда, который Дугал не снимал с того дня, год назад, когда они с отцом наконец узнали о своем истинном родстве.

— Носи его,— сказал тогда Дункан,— в память о твоей матери.

— Но в таком случае у тебя ничего не останется от нее,— запротестовал Дугал.

— У меня остается все,— ответил Дункан.— У меня есть ее сын.

Теперь отец с сыном стояли в покоях короля, слегка смущаясь, все еще наслаждаясь триумфом от решения трибунала... и горячей пищей, которую Келсон приказал принести по их возвращению. Король, Морган, Нигель и Арилан продолжали беседу над остатками трапезы, но Дугал почувствовал необходимость поговорить с глазу на глаз с отцом. Они с Дунканом отошли в глубь алькова, вне пределов видимости и слышимости других. Светлый цвет стен резко контрастировал с черными одеждами, в которые отец и сын облачились для торжественной утренней процедуры.

— Я знаю, ты говорил мне об этом раньше, но я забыл, что вы с Мариз причастились после того, как дали свои клятвы,— сказал Дугал тихим голосом, глядя на дождь и теребя кристалл, принадлежавший его матери.— Конечно, вы это сделали. Ведь ты уже тогда был священником, не так ли? Даже если ты и не был посвящен в духовный сан и не начал специальное обучение. Но ты был готов от всего этого отказаться ради нее.

Дункан вздохнул, опуская обе руки на железную оконную раму, и, приложив лоб к холодному стеклу, уставился, не видя, на дождь за окном. В середине дня уже было почти темно, но все равно не так, как в его душе тем далеким летом.

— Я думал, что готов,— сказал он через некоторое время.— В то время я собирался это сделать. Но тем не менее, предполагаю: да, я уже был священником. Наверное, я всегда знал о своем призвании, но... отодвинул его в сторону, когда встретил твою мать. Я раздумывал, не потому ли Бог забрал ее от меня — ведь я был Его служителем.

— Тогда почему Он позволил тебе влюбиться? — спросил Дугал.— Он просто проверял тебя? А затем, когда ты провалил испытание, Он убил ее, чтобы ты не мог ее получить?

Дункан резко поднял голову, уловив горечь в словах Дугала, слыша эхо своего собственного протестующего гнева, когда он узнал, что Мариз умерла.

— Дугал, нет! — прошептал он.— Это правда, что она умерла, сын, но Он не убивал ее. Если я что-то и познал за тридцать с лишним лет жизни, это то, что Он — любящий Бог. Он не убивает своих детей, хотя и только по Ему ведомым причинам Он иногда посылает им страдания, а мы не понимаем, почему. Она могла бы умереть, рожая ребенка от любого мужчины. Не думаю, что она была выбрана потому, что осмелилась полюбить человека, которого Бог намеревался сделать своим слугой.

Дункан снова уставился на дождь, вспоминая, чего ему самому стоило искренне поверить в то, что он только что сказал. Хмыкнув, Дугал отвернулся, его плечи протестующе напряглись.

— Я понимаю, что ты чувствуешь,— сказал Дункан через несколько секунд.— В некотором роде ты, наверное, прав. Вполне могло быть: Бог испытывал меня, и я на самом деле не выдержал испытание. Какое-то время, после того, как я узнал о ее смерти, я так и думал. Но теперь я думаю, не по другой ли причине Он соединил нас с Мариз? Он все равно хотел, чтобы я служил Ему, но... может, это был единственный способ для *тебя* появиться на свет.

— Для меня?

Когда Дугал в ужасе уставился на него, Дункан мягко улыбнулся.

— Иногда ты очень похож на Аларика. Он — еще один, кому не нравится думать, что он был объектом особого внимания Небес. Спроси его когда-нибудь, если не веришь мне.

— Ну, ко всему этому надо привыкнуть. И это потребует времени.

— Почему? Разве ты не думаешь, что у Бога для каждого из нас есть предназначение?

— Да, конечно,— Дугал чувствовал себя неудобно.— Но только в общем. У нас есть свободная воля.

— В некоторой степени,— согласился Дункан.— Но что такое была моя воля против воли Бога, Дугал? Он хотел, чтобы я стал Его священником. Не уверен, что у меня когда-либо имелся выбор в этом деле — реально. Не то чтобы это играло для меня какую-то роль,— добавил он.— По крайней мере, теперь, и уже многие годы. Хотя, конечно, это имело значение после смерти твоей матери. Но есть и определенная доля удовлетворения, когда ты знаешь, что был избран. Я не представляю, почему Он желал меня так сильно, но кроме той короткой вспышки невольного бунта — которая в любом случае могла быть Им запланирована — я был рад служить Ему. Нет, больше чем просто рад. Он принес мне счастье. И одна из самых больших радостей, хотя я этого и не знал долгое время, заключалась в том, что Он дал мне зачать тебя — и все это — не задев Его чести.

Дугал, которого сильно тронули эти слова, неловко отвернулся, снова уставившись в окно. Он не хотел, чтобы Дункан видел его слезы, навернувшиеся на глаза.

— А что с Его законами? — спросил он через некоторое время.— Теми, которые запрещают Дерини становиться священниками?

— Законы пишут люди, Дугал, даже если Бог их вдохновляет. Иногда люди неправильно Его понимают.

Дугал искоса посмотрел на отца.

— А что бы произошло, если бы Мариз не умерла? Ты бы все равно стал священником? Кстати, а она знала, кто ты?

— Что я — Дерини? Конечно. Я сказал ей в тот день перед тем, как мы поженились.

— И это не играло для нее роли?

— Конечно, нет. Для нее это был некий странный, но полезный талант, нечто типа второго зрения, которым обладают некоторые из жителей приграничья — только более разнообразный. Не уверен, что она когда-либо полностью понимала, из-за чего вся суматоха, хотя и знала, что меня может ждать смерть, если мою тайну раскроют. Люди, проживающие в приграничных районах, всегда были связаны с мистикой. Возможно потому, что страшные преследования, которым подвергались Дерини в долинах, никогда не достигли тех же масштабов в горной местности.

— Да, это так,— согласился Дугал.— Но ты не ответил на другой мой вопрос. Что бы ты сделал, если бы она не умерла?

Любопытство о том, что могло бы быть, любовь к матери, которую Дугал никогда не знал — Дункан не мог обвинять сына за это, но у него не было ответа. Как ему это объяснить, не разрушая идеалов, остающихся у все быстро схватывающего молодого человека, который столько всего пережил и на чью долю выпало столько напастей?

— Я честно не знаю, Дугал. И поверь мне, я много раз в первые годы задавал себе этот вопрос,— он

покрутил перстень епископа, продолжая говорить.— На самом деле, должно было пройти по крайней мере несколько лет прежде, чем неприязнь между двумя кланами уляжется достаточно, чтобы мы смогли открыто рассказать о нашем браке. Беременность Мариз рассматривалась, как бесчестье клана, даже если бы она и призналась своей матери, что мы на самом деле женаты. И она, скорее всего, это сделала, поскольку именно твоя бабушка проследила за тем, чтобы ты получил брошь, которую я подарил Мариз. Никто не может сказать, сколько бы ей потребовалось времени, чтобы сообщить мне о случившемся. Ведь я не получил от нее никаких известий.

Он вздохнул.

— В любом случае, при сложившихся обстоятельствах, тебя, вероятно, растили бы, как сына ее матери — это самый легкий путь скрыть бесчестье дочери и сохранить честь клана. В конце концов, ты же на самом деле был внуком старого Каулая, даже если ты и не был его сыном. А он только что потерял сына. Со временем, когда гнев членов клана поостыл, не было бы проблем в признании брака.

— А ты бы это сделал? — настаивал Дугал.

Дункан пожал плечами.

— Мы этого никогда не узнаем, не так ли? Как и предполагалось, я осенью поступил в университет Грекоты. Если бы я этого не сделал, зародились бы сомнения и, кроме всего прочего, мне нравилась академическая жизнь. Но я откладывал принятие сана, ожидая, что кланы помирятся. Затем, когда я услышал новость следующим летом — что она умерла от лихорадки — у меня не осталось причин не следовать своему призванию, тем более, что я не подозревал о твоём существовании. Я страдал и гневался

на небеса из-за этой несправедливости, но жизнь продолжалась. Мне выбрили тонзуру, и вскоре память о попытке зажить мирской жизнью стала приятным, но забывающимся сном.— Он посмотрел голубыми глазами прямо в янтарные глаза Дугала.— Тебя беспокоит, что я не могу заявить: «Да, Дугал, я определенно признал бы брак и сына, о существовании которого не знал»?

— Э... наверное, нет,— сказал Дугал неуверенно.— Как ты говорил раньше, мы никогда не узнаем.— Он громко сглотнул, поднял подбородок, но не мог смотреть отцу в глаза.— Однако я хотел спросить еще кое о чем. И в свете того, как все обернулось, возможно, это еще важнее.

— Если смогу, сын, я отвечу.

— Ты принял сан. Ты стал священником. Но ты знал, что ты — Дерини.

— Конечно, но...

— Тогда почему ты продолжаешь отрицать, *что* ты сделал и *кто* ты есть? — выпалил Дугал, поворачиваясь к отцу и глядя на него глазами юноши, не способного на компромисс.— Ты — Дерини и ты — священник. И ты — хороший священник! Ты доказал многими годами преданной и праведной службы, что одно и другое не является несовместимым. До Реставрации были священники из Дерини, и они тоже были хорошими!

— Это правда,— прошептал Дункан.

— Тогда почему ты в этом не признаешься? Почему ты играешь в эти игры и не отвечаешь ни так, ни сяк? Что они могут тебе сделать?

Дункан чувствовал, как громко бьется сердце в его груди, и молился, чтобы Дугал перестал задавать подобные вопросы.

— Они могут сделать очень многое, сын.

— Но не станут. Они не сделали. Некоторые из епископов знают наверняка, а остальные, несомненно, подозревают. Ты слышал, что сегодня говорил Вольфрам! И они знали об этом *до* того, как выбрали тебя епископом.

— Да, и Эдмунд Лорис тоже знал,— ответил Дункан, непроизвольно сжимая кулаки, когда воспоминания о пытках, устроенных ему архиепископом-отступником, всплыли у него в памяти. Ногти опять выросли на руках и на ногах, а раны зажили, но ужас, испытанный, когда он был прикован цепями к шесту, а языки пламени, поднимающиеся вокруг, начали лизать его тело, останется с Дунканом Маклайном до его смертного часа.

Упоминание имени Лориса вернуло Дугала назад в реальность. Он понимал, что могло бы случиться, поскольку именно Дугал прорвался сквозь строй людей Лориса, чтобы спасти отца. Дугал резко вздохнул, поняв, какие воспоминания он разбудил, и снова перевел взгляд на дождь.

— Прости,— тихо сказал он.— Я не имею права спрашивать тебя об этом. Я еще не привык к тому, кто я есть. Тебе пришлось жить с этим всю жизнь. Это должно быть *твоим* решением. Просто Морган и Келсон могут быть такими открытыми...

— И ты тоже так хочешь, не правда ли? — мягко спросил Дункан.— Я знаю, сын. Поверь мне, я много думал об этом, но...

Он замолчал, заметив, что в альков зашел Морган. Аларик кашлянул, объявляя о своем присутствии.

— Простите, что перебиваю,— сказал Морган.— Дункан, ты не забыл, что у нас есть еще важные дела с епископом Ариланом?

Дункан моргнул и кивнул. Он не забыл, но не ждал этого с нетерпением. Дугал и Келсон еще не знали, что предстоящей ночью, как договорились Морган и Дункан, Арилану следует впервые дать двум молодым людям мерашу. Сама мысль вызывала у Дункана спазмы в животе, потому что Лорис давал ему самому это зелье, когда он попал в плен к архиепископу-отступнику прошлым летом. Для простых людей оно было успокоительным средством, но даже малое количество мераша лишало Дерини возможности пользоваться своей силой. Морган тоже знал об опасности мераша из личного опыта, но было важно, чтобы и Дугал, и король попробовали ее разрушительный эффект в безопасном месте под наблюдением друзей, а не встретились с ней впервые в гораздо менее благоприятных условиях. Противоядия не существовало, но иногда ее действие можно было свести к минимуму или даже получить положительный эффект, если субъект знал о нем.

Келсон сидел в трапезной за чистым столом перед очагом, Нигель устроился напротив: они решили, что дяде короля следует присутствовать, как регенту, потому что оставшуюся часть ночи король будет недееспособным. Дугал вопросительно посмотрел на Келсона, садясь слева от короля. Его отец сидел рядом. Король только пожал плечами, когда Морган устроился справа от него. Арилан вернулся к столу с кожаной флягой в руках и странным, натянутым выражением на лице.

— Я приношу извинения, если это покажется слишком резким,— сказал епископ-Дерини, садясь напротив двух молодых людей и не обращая внимания на тревожные выражения их лиц, когда он поставил флягу на стол перед ними.— Однако у меня

есть свои причины. Государь, сомневаюсь, что ты видел эту флягу в тот день, когда умер твой отец — или что ты ее помнишь, если и видел. Однако следовало бы. Именно это убило твоего отца.

Глава вторая

Открой уста твои и выпей то, чем я напою тебя¹

Ведь именно это убило твоего отца... Слова Арилана, подобно клинку, пронзили сердца четверых мужчин, близко знавших Бриона Халдейна. Кровь отлила от лица Келсона, теперь оно стало подобным белой посмертной маске, а серые глаза напоминали потухшие угли. Нигель, пораженный до глубины души, беззвучно открыл рот. В это мгновение он словно по волшебству сделался похож на своего любимого старшего брата, умершего у него на руках. Дункан перекрестился, в ужасе и изумлении. И только Морган отреагировал: он привстал, готовясь броситься между Келсоном и епископом.

— Не тронь меня, или ты об этом пожалеешь! — рявкнул Арилан, не моргнув глазом, когда рука Моргана сжалась в кулак прямо у его лица. — Сядь. Ты подумал, что я убил Бриона? На самом деле его убило даже и не это, — он потряс флягу, которую держал в руке. — Хотя именно мераша сделала его уязвимым для врагов. Но ты же не думаешь, что я каким-то образом участвовал в заговоре?

¹ 2-я Ездры 14:38

Когда Морган отступил и сел, не решаясь сказать ни слова, так как не был в себе уверен, Дункан медленно выдохнул воздух и бросил взгляд на Арилана. Губы Нигеля что-то шептали, но ни слова не произносилось вслух.

— Никто никого ни в чем не обвиняет,— осторожно сказал Дункан, в то же время мысленно прося других помолчать, пока он ищет объяснение.— Хотя теперь нам всем приходит в голову, что ты мог это сделать. Предполагаю, что это — та самая фляга, из которой пил в тот день Колин Фианский. Однако мы так и не узнали, как туда попала мераша.

Арилан сел, усмехнувшись, откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. Его худое красивое лицо, с синеватыми отблесками на щеках от выступившей к вечеру щетины, казалось слегка сатанинским, когда на него падал отсвет играющих в очаге языков пламени. Голубые глаза стали темно-синими и в полумраке приняли почти такой же цвет, как его ряса.

— Не будь глупцом. Если помнишь, Нигель, именно я первым сказал тебе, что, по словам Колина, он получил ее от таинственной дамы.

— В таком случае где ты взял флягу? — парировал Нигель.— Мы все обыскали, но ничего не обнаружили. Колин считал, что потерял ее, возвращаясь с охоты.

Арилан кивнул.

— Так и есть. Только это я «потерял» ее для него. Когда я оказался рядом с Брионом и увидел, как он умирает, я понял, что он получил дозу мераша. Все-го за несколько минут до этого я наблюдал, как они пили с Колином. Поэтому я поймал Колина во дворе после того, как мы вернулись. Все тогда суетились

и смотрели, как тело Бриона вносят в тронный зал, а я отобрал у Колина флягу. Она на самом деле оказалась с мерашей. Конечно, он так никогда и не вспомнил ту часть нашего разговора. Я дал вам прийти к правильному заключению: смертельный подарок принесла Карисса. Тогда я не мог вам сам этого сказать, и не мог даже упомянуть о мераше, не открыв, что я — Дерини.

— Я... предполагаю, ты также не мог ничего сделать, чтобы спасти моего отца,— наконец сказал Келсон, впервые заговорив.— Мне не хочется верить, что ты мог что-то сделать и не сделал, просто ради того, чтобы защитить себя.

Арилан посмотрел на свои скрещенные руки.

— Келсон, я не стану отрицать, что не единожды был повинен в том, в чем ты меня обвиняешь. Я имею в виду лишь твои последние слова. Кошмары, мучающие меня из-за этого, гораздо ужаснее, чем ты можешь представить, однако они — ничто в сравнении с ответом, который мне придется держать перед Верховным Судией. Но мои руки не запятнаны кровью твоего отца. Вред уже был нанесен, когда я оказался рядом с ним. Я сомневаюсь, что его смог бы спасти даже настоящий Целитель — если бы только у нас они были.

— Это правда, или ты говоришь так просто для того, чтобы успокоить меня? — спросил Келсон, впервые осмелившись использовать свои способности определять, говорит ли человек правду, на эпископе из племени Дерини.

Мягко улыбнувшись, поняв, что его проверяют, Арилан кивнул и раскрыл руки, этим жестом выказывая покорность.

— Я сказал тебе только правду, Келсон. Я ничего не мог сделать для твоего отца, кроме как еще на несколько минут продлить агонию. Не думаю, что он бы это выбрал. Ты был там. Ты знаешь, как он страдал.

— Да.

Келсон сглотнул комок и отвернулся на несколько секунд, закрыв себя для ментальных вопросов Моргана и даже робкой попытки Дугала успокоить его. Он старался не смотреть на флягу, все еще стоявшую на столе перед ним.

— Итак,— наконец сказал он, снова рискуя взглянуть на Арилана.— Все это время фляга хранилась у тебя. Почему ты достал ее сегодня?

— Думаю, ты знаешь.

Арилан демонстративно опустил руку в карман рубашки и извлек маленький стеклянный пузырек из толстого стекла, который торжественно поставил рядом с флягой.

— Пришло время познакомиться с тем, что может свести на нет всю твою силу,— сказал он.— Ты никогда не испытывал на себе разрушительное действие мерашки. Не делал этого и Дугал. Для представителя Дерини, которому повезло пройти обучение, это — важная часть подготовки. Мерашка, вероятно, является единственным полностью разрушающим наши способности зельем, которое может быть использовано против нас. Знающий человек иногда может свести к минимуму этот эффект и даже отчасти обратить в свою пользу. Дункан, я уверен, может это подтвердить.

Дункан кивнул, поджав губы и накрыв руку Дугала своей ладонью. Келсон перевел обвиняющий взгляд на Моргана.

— Аларик, ты знал об этом? — спросил он.

Морган резко вдохнул воздух и громко выдохнул.

— О фляге — нет. Мы с Дунканом обсуждали с Ариланом необходимость дать тебе попробовать мерашу перед тем, как ты уедешь на лето. Мы согласились, что это было бы логично сделать сегодня. Я не говорил тебе об этом раньше, поскольку не хотел, чтобы ты об этом думал, когда тебе требовалось сосредоточиться на утреннем заседании. Однако, как ты можешь догадаться, я не ожидал, что он представит как раз ту мерашу, от которой умер Брион. Это удар ниже пояса, Арилан.

Арилан развел руки в примирительном жесте.

— За это я прошу прощения. Не предполагал, что раны еще не зажили. Но мне показалось, что это — яркий способ подчеркнуть, почему для них так важно познакомиться с мерашей. По крайней мере, думаю, таким образом я показал то, что хотел.

— В достаточной мере,— пробормотал Келсон. Взяв в руки пузырек с пробкой, он поднес его к свету, чтобы рассмотреть получше. Сквозь зеленоватое стекло он смог едва различить прозрачную жидкость, заполняющую его наполовину. Келсона перевернуло, когда он поставил пузырек назад.— Значит, вот она такая — мераша.

Он неловко посмотрел на Дугала, который казался еще более обеспокоенным, чем он сам, затем перевел взгляд на сидящего рядом Дункана, несомненно вспоминающего свое собственное не такое уж давнее знакомство с зельем. Дункан глядел на короля и Дугала сочувствующе. Затем Келсон посмотрел на Нигеля, усиленно пытавшегося не передать свой иссушающий горло страх всем остальным. Нигеля ох-

ватило нехорошее предчувствие, несмотря на то, что его даже не просили участвовать в эксперименте. Затем Келсон посмотрел на непроницаемого Арилана и наконец на Моргана.

— Думаю, я предпочел бы иметь в запасе время свыкнуться в этой мыслию, Аларик,— сказал он тихо, пытаясь не допустить упрека в голосе.— Ты мог бы сказать мне об этом раньше.

— Прости меня,— произнес Морган.— Я неправильно оценил ситуацию. Мы обсуждали целесообразность этого, насколько я помню — однажды поздно вечером осенью. Дугал, ты был там. Но, я полагаю, ты забыл об этом, поскольку я сам не мог достать мерашу. Но необходимость не исчезла из-за отсрочки. Жизненно важно, чтобы вы знали, с чем можете столкнуться и как с этим бороться.

— А почему такая срочность?

— Потому что ты больше не ребенок, мой принц,— излишне резко сказал Морган.— Потому что через три дня ты будешь посвящен в рыцари. Это официальное признание твоего совершеннолетия. И поэтому те, кто раньше не трогал тебя, так как ты был еще юношей, теперь могут строить против тебя козни, тем более, по мере того, как о твоих талантах становится широко известно. Когда ты отправишься в путешествие и, в особенности, когда ты в Кардосе встретишь послов Торента, ты подвергнешься особой опасности.

— Ты намекаешь, что я не рисковал последние четыре года?

— Тебе везло. Нельзя быть уверенным, что тебе и дальше будет так везти. Если бы Брион знал, что сейчас узнаешь ты, он мог бы остаться в живых. Это моя вина. Я понимал, каким злом может быть мера-

ша, по крайней мере, в теории. Мне следовало также донести это и до него.

— Не льсти себе, Аларик,— сказал Арилан.— Это не помогло бы в случае Бриона. Брион всегда с подозрением относился к этому наследию Халдейнов и не научился использовать силу так, как мог бы. Это не твоя вина: ты сам был только наполовину подготовлен. Что-то в самом Брионе сдерживало его, что-то не позволяло использовать данные ему силы. Мне кажется, я догадываюсь, что именно, но я не могу говорить об этом. Если помните, я был его духовником последние шесть лет.

— Он говорил с тобой об этих вещах? — спросил Келсон.

— Только вскользь и очень редко. Но как ты думаешь, почему он никогда не учил тебя тому, чем владеют Халдейны? Подумай. Вспомни. Только Аларик и Дункан пытались научить тебя магии и эзотерической философии.

Келсон слотнул, поерзал на стуле и с опаской одним кончиком пальца дотронулся до кожаной фляги.

— Если... если бы мой отец знал, как свести к минимуму эффект от мераши, это спасло бы его?

Все глаза вопросительно повернулись к Арилану. Епископ медленно покачал головой.

— Я не могу ответить, Келсон. Могло бы. Если бы он знал... если бы он боролся, когда я понял, что происходит — возможно. Но он ничего не знал, и у него определенно не было ни единого шанса. Это я могу утверждать с полной уверенностью.

— Понятно.

Келсон взял в руки флягу и наклонил ее вначале в одну сторону, потом в другую. В ответ остающаяся внутри жидкость булькнула.

— Хорошо. Здесь достаточно зелья, чтобы сделать нужную работу, или оно испортилось за эти годы?

Нигель побледнел, Морган с Дунканом обменялись удивленными взглядами, но Арилан только слегка улыбнулся.

— Боюсь, вино прокисло, а мераша потеряла свою силу за это время, но мне кажется, я понимаю, что ты на самом деле имеешь в виду. Я намеревался начать с нового вина, но если хочешь, мы можем попробовать оставшееся во фляге.

— А это не опасно? — спросил Морган, прежде чем Келсон успел ответить.

Арилан кивнул.

— Настолько безопасно, насколько мерашу вообще может считать безопасной. Во фляге осталось слишком мало зелья, поэтому мне все равно придется добавить того, что я принес,— он кивнул на зеленый пузырек.— Я хотел дать большую дозу. Даже пока изначальное снадобье оставалось свежим, оно было слишком слабым для наших целей. Однако, как я догадываюсь, его величество считает этот эксперимент частично памятью об отце. Ради этого я готов пожертвовать абсолютной точностью дозы. Я также принес снотворное, на потом, чтобы снять напряжение.

Он протянул небольшой пергаментный пакетик недовольному Дункану, который тут же отправился за чашей воды. Тем временем, пока другие удивленно наблюдали, оставаясь в постоянном напряжении, Арилан по-деловому открыл затычку кожаной фляги, понюхал содержимое и сморщился. Затем, взяв два кубка из стопки посуды, отодвинутой в сторону после трапезы, он наполнил один из них, добавил большую часть содержимого зеленого пузырька, а затем

несколько раз переливал смесь из одного кубка в другой и обратно. В конце концов, в каждом осталось одинаковое количество жидкости. Без каких-либо церемоний он поставил их на стол перед королем и Дугалом. Рядом с Ариланом сел вернувшийся Дункан, помешивая чашу с водой небольшой костяной ложечкой.

— Это снотворное? — спросил Морган.

Дункан кивнул.

— Доза большая, и оно им понадобится. Дугал, мне кажется, ты знаешь, что это такое.

Дугал проходил подготовку как военно-полевой хирург. Он понюхал чашу, которую протягивал ему Дункан, нахмурился, затем осторожно опустил палец в жидкость, лизнул и сморщился.

— Да, я знаю, что это. Мы не проснемся до утра. Если не считать способностей Дерини, это лучшее средство усыпить больного, чтобы его прооперировать. Они тогда практически ничего не чувствуют.

— И вы не почувствуете,— сказал Арилан, забирая чашу у Дункана и ставя ее в центре стола.

Он посмотрел на Келсона, затем на Моргана и Дункана, наконец на Нигеля, которому также улыбнулся. Нигель состроил в ответ гримасу. На его лице была написана тревога. Одной рукой он нервно тер другое предплечье.

— Ну что же, господа, когда будете готовы, можем приступать,— тихо сказал Арилан.— На самом деле, почему бы тебе не начать первому, Келсон, чтобы нам не требовалось наблюдать за вами обоими сразу? Я знаю, сейчас ты мне не очень доверяешь, поэтому за тобой может наблюдать Аларик. Рекомендую вначале взять в рот совсем немного, чтобы ты смог прочувствовать первые ощущения, а затем

выпьешь остаток залпом. С такой концентрацией у тебя во рту останется очень неприятный привкус. О нем тебе может рассказать Дункан. Подозреваю, что по силе смесь подобна той, которую ему дали Лорис с Горони.

Если Арилан хотел, чтобы его слова прозвучали успокаивающе, то он добился прямо противоположного эффекта, поскольку что Келсон видел конец испытаний Дункана — и своего отца. По собственной воле поднять кубок с мерашей — это было одной из самых трудных задач в его жизни.

«Именно это убило твоего отца! — кричал ему его страх, хотя он и знал, что это не так. — Ты снова прочувствуешь его смерть!»

Его рука дрожала, когда он поднес кубок к губам, и ему пришлось придерживать ее другой рукой. Несмотря на то, что он пытался это предотвратить, образы предсмертных мук отца снова всплыли в его памяти — любимое лицо, искаженное болью и отчаянием, рот, хватающий воздух. Иногда он видел собственное лицо. Келсон твердо сказал себе: он — не отец, но страх продолжал маячить на грани сознания, тот страх, который всегда остается в человеке, который есть у каждого и часто не подвержен доводам разума.

Но молодой король чувствовал поддержку вокруг, помогающую справиться с этим страхом: магическую поддержку, которой никогда не знал его отец — быстрые легкие движения разума Дугала, за которыми следовали касания Дункана, более сильные поддерживающие волны Моргана, дающие смелость, когда герцог положил руку на затылок Келсона. Он только отчасти мог чувствовать разум Арилана, хотя долетавшие импульсы казались исполненны-

ми благожелательности. Даже Нигель, еще не имеющий нужной силы, а только потенциал, представляя собой опору — и еще один источник поддержки.

Осмелев, Келсон дотронулся кончиком языка до жидкости в кубке, чтобы испробовать временную смерть разума. В отличие от отца, он на самом деле не умрет. Несомненно, он в состоянии выдержать это испытание, чтобы смерть его отца не была напрасной.

Вино оказалось жгучим и терпким. Арилан был прав, решив, что оно скисло. Оно еще не превратилось в уксус, но уже близко подошло к нему. Однако четыре года назад оно, вероятно, было высшего качества. Келсон знал, что отцу это вино нравилось. Потом король задумался, почему оно так невкусно теперь.

Возможно, все дело в мераше, решил он, проведя кончиком языка по губам. Возможно, мераша изменила его, и оно потеряло свою силу. Странно, но кончик его языка слегка онемел. А после того, как он сделал глоток, на небе появился резковато-горьковатый привкус. Но он ожидал его после того, что сказал Арилан. Келсон снова сделал глоток и почувствовал, как в горле началось нечто, похожее на слабое гудения, которое быстро переместилось на затылок.

— А теперь выпей все,— скомандовал Морган, внезапно оказавшись у него за спиной и опустив обе ладони на плечи.— Надо избежать медленного перехода. Лучше побыстрее, поверь мне.

Келсон мог бы поспорить с Ариланом, хотя бы потому что ему не нравилось, как архиепископ командует ими всеми, но только не с Морганом. Он уже чувствовал неприятное покалывание, постепенно

охватывающее все тело. Король снова поднял кубок руками, теряющими всякие ощущения.

— Все, одним большим глотком,— подбодрил Морган, когда Келсон поднес кубок к губам.

Келсону удалось выпить его в два глотка, и практически сразу же пришлось бороться с приступом рвоты — когда кислое вино достигло желудка. Но не вино было причиной его желания опорожнить желудок. Холодный страх охватил его внутренности, разбуженный вернувшимся образом умирающего отца, и это не поддавалось никаким доводам разума о том, что он сам находится в безопасности, среди друзей. Морган поймал пустой кубок, когда Келсон выпустил его из рук, затем все его чувства стали исчезать, и король остался один — более одиноким, чем когда-либо, даже до того, как он получил свою силу.

Его зрение затуманилось, теряясь в туннеле, подобно тому, что происходило, когда он впадал в транс. Только вместо того, чтобы дать ему сфокусироваться внутри себя, туннель продолжал закрываться, отрезая его от внешних и внутренних ощущений, пока он не ослеп.

И Келсон был слеп не только глазами, он и не видел ничего из того, что позволяли ему охватить его способности. Он попытался открыть рот, чтобы спросить, остался ли кто-то рядом с ним, но даже эта попытка заставила что-то сжаться в животе — хотя, к сожалению, не так сильно, чтобы вызвать рвоту и освободиться от того, что теперь казалось ему грудой угля, посылающей горячие языки пламени во все уголки его тела.

— Келсон, ты меня слышишь? — спросил голос, прямо в ухо. Для его натянутых нервов звук казался подобным скрежету ржавого металла.

Ему удалось кивнуть, но пришлось для этого закрыть глаза — что не имело значения, так как он все равно ничего не видел. Смутная, далекая часть разума знала: он сжимает края стола, таким образом пытаясь цепляться за жизнь. Это было его единственным якорем в мире, теперь для него недоступном. То, что касалось его лица, сжимая голову по бокам, могло быть языками огня, если бы он каким-то образом не понял: это — руки Моргана.

— Не открывай глаза, сделай глубокий вдох, а потом выдохни и попытайся сконцентрироваться только на моем голосе,— приказал Морган.— Твои щиты практически исчезли. Попытайся не сопротивляться тому, что я сейчас сделаю. Это не будет приятным ни для тебя, ни для меня, но я покажу тебе, что происходит и как обратить это себе на пользу.

Келсон не мог бы не подчиниться, даже если бы от этого зависело спасение его души. Прикосновение разума Моргана оказалось гораздо хуже прикосновения его рук. Все, что король помнил о следующем часе или двух — это крик, хотя, как в дальнейшем сказали ему друзья, он не издал ни звука.

Он предполагал, что в конце концов они дали ему снотворное Арилана, так как когда он наконец проснулся, настало уже следующее утро, и Джатам, старший оруженосец, будил его для воскресной мессы. Его голова болела сильнее, чем с самого сильного похмелья, которое он мог вспомнить из личного опыта или о котором когда-либо слышал.

— Боже, как Дункан вообще мог что-то делать? — прошептал Келсон, с трудом поднимая голову, пока он ждал, как Джатам сходит за Морганом.— Выдержать испытание мерашей после всего, что они с ним сделали! — Он прикрыл глаза рукой, заслоняя свет.—

А мой отец! Навряд ли он понимал, что с ним происходит.

Дугал пошевелился на кровати, поставленной в ногах широкой постели короля, застонал, и ему удалось приподняться, чтобы ухватиться обеими руками за одну из колонн, держащих балдахин, и уставиться затуманенным взором на Келсона.

— Не надо об этом думать,— сказал он.— Не позволяй себе. Как и я, ты не должен думать о том, как страдал твой отец. Это не приведет ни к чему хорошему. Главное: мы узнали, что можно сделать, если нам придется когда-либо снова испытывать мерашу. Боже упаси!

Хотя они оба и намеревались не думать о прошлых страданиях отцов, эти мысли не покидали их, пока появление Моргана не переключило внимание на более практические заботы.

— Мы должны отправиться на мессу сегодня утром, Аларик,— ответил Келсон, когда Морган заметил, что денек в кровати пойдет обоим молодым людям на пользу гораздо больше, чем присутствие на каком-либо ритуале.— Кардиель будет зачитывать решение трибунала. Дугалу следует там появиться.

Моргану нечего было возразить на этот аргумент, хотя он и предупредил их обоих, что любое немедленное облегчение, которое он может им предложить, является временной мерой, и только хороший ночной сон окончательно завершит выздоровление. После применения лечебных процедур — какие он мог им дать — он снова подчеркнул необходимость как можно больше спать.

Объявление Кардиеля было встречено с радостью. Несколько десятков доброжелателей собрались вокруг Дугала и короля после мессы, чтобы принести

свои поздравления. Молодого лорда из приграничья полюбили при дворе за последний год. Теперь, после того, как был снят вопрос с его незаконным рождением, его любят еще больше. Масса приграничных жителей из владений Дугала прибыли в Ремут, чтобы через два дня присутствовать на процедуре посвящения его в рыцари. Они приветствовали Дугала и короля, когда те вышли из собора. Кьярд О'Руан, престарелый слуга Дугала, быстро заметил — и весело сообщил своим соплеменникам — что и их молодой вождь, и король очевидно перепраздновали прошлой ночью, судя по их затуманенным взорам и потому, как они морщатся, когда смотрят на свет или слышат громкие звуки.

Конечно, ни Дугал, ни Келсон не стали убеждать их в обратном. Слава Богу, и без того ожидалось, что сегодня будущие рыцари отправятся спать пораньше, но похмелье давало им оправдание удалиться в свои покои немедленно. Впереди их ждали два дня сплошных церемоний и празднеств.

К тому времени, как они пересекли двор замка и поднялись по ступеням к дверям тронного зала, с ними остался только Джатам. Представители клана и молодые воины, толпившиеся вокруг друзей после окончания мессы и следовавшие за ними до замка, теперь разбрелись по своим делам. Джатам тоже был кандидатом на посвящение в рыцари через два дня, а на сегодня получил особые инструкции от Моргана, хотя и не знал их истинных причин.

Никакая торжественная встреча не ждала ни короля, ни лорда с приграничных земель, когда они вошли в тронный зал, хотя те, кто заметил проходящего мимо короля, отдали ему почести, правда, без обычной официальности. Джатам быстро провел их

вдоль левой стены, намереваясь далее следовать по одной из черных лестниц, чтобы избежать огибающую сад галерею. Вчерашняя гроза сменилась великолепным солнечным днем, нетипичным для марта, и большая часть придворных собрались в саду, наслаждаясь внезапным теплом.

Солнечный день также побудил супругу Нигеля Мерауд спуститься из покоев, отведенных для дам, чтобы пошить и почитать с двумя компаньонками при свете дня. Маленькая дочь Мерауд Эйриан спокойно спала в корзине рядом с матерью. Принцесса Джаннивер время от времени посматривала на ребенка — та самая Джаннивер, к которой Келсон со своими людьми прибыли слишком поздно, чтобы спасти от бесчестия в руках захвативших ее меарских повстанцев прошлым летом. Теперь ее отвергли отец и жених, и у нее не осталось убежища, кроме двора Гвиннеда. Из-под копны золотистых кудрей смотрели грустные и мечтательные глаза. А другая девушка...

Келсон резко втянул в себя воздух и сказал себе, что другая в еще меньшей степени предназначена ему, чем Джаннивер. Росане из Нур-Халлая было только семнадцать, и от ее красоты у Келсона дрожали ноги в коленях, если он слишком долго о ней думал. С безупречной родословной, она являлась принцессой и родственницей Форсинна и Риченды через брак, но Росана также состояла послушницей Орден святой Бригитты, правда пока еще не приняла монашеский постриг.

Она обладала силой Дерини, возможно, такой же, как Риченда, правда, была менее подготовленной, и отличалась недюжинной силой воли — что делало ее вдвойне очаровательной для короля. Теперь он

уже больше года оставался вдовцом после так и не заверченного брака. Его постоянно донимали и семья, и советники, убеждая снова жениться.

По крайней мере, Келсону удалось на время оттянуть неизбежное, хотя бы из уважения к погибшей невесте. Но отговорки, что он до сих пор оплакивает потерянную Сидану, звучали все менее и менее убедительно с течением времени. Он продолжал носить кольцо, которое подарил ей — узкое золотое со львом Халдейнов, с глазами-рубинами, но это скорее стало уже привычкой, а не убеждением, спустя год после смерти Сиданы. Он также не носил траур по ней с тех пор, как прошлым летом вернулся с Меарской кампании, и только поминал ее в день смерти, в январе.

Во время той кампании он встретил Росану, разыскивая в приграничных землях Меары старшего брата-повстанца своей погибшей невесты. Впервые он увидел Росану в оскверненных руинах монастыря, когда она пыталась успокоить плачущую Джаннивер. Ее голубая ряса была испачкана сажей, а иссиня-черные волосы выбились из толстой косы. Хотя сама Росана физически не пострадала от налетчиков, особая чувствительность, присущая всем Дерини, заставляла ее сильнее ощутить страх и унижения окружающих.

Но Келсон не представлял, как происшедшее повлияло на духовное состояние Росаны. В тот момент его больше всего интересовало, кто организовал атаку. Ночью, выставив стражу, он вернулся в церковь аббатства, где оставшиеся сестры организовали госпиталь и ухаживали за ранеными. Он хотел прочитать мысли Джаннивер, чтобы восстановить ход событий и, возможно, опознать насильника. Но Росана

считала недопустимым для мужчины совершить нечто подобное с подвергшейся надругательству принцессой и запретила это — хотя согласилась сама прочесть ее память и передать Келсону информацию, которая ему требовалась.

Она все выяснила и передала ему ощущения Джаннивер, со всей болью, унижением и отчаянием. Это не было приятно. Сам Келсон еще оставался девственником, и теперь, после той ночи, иногда сомневался, не повлияет ли на него сильнейший психологический шок от переживания испытаний Джаннивер, когда придет время первого плотского контакта. Ему объясняли, что изнасилование и истинная любовь отличаются, как день и ночь, но пока он не убедился в этом на личном опыте, воображение иногда вселяло в него большую тревогу и лишало уверенности.

То, что именно Росана зародила эту тревогу, делало Келсона еще более осторожным в том, что ее касалось. Кроме всего прочего, именно ее лицо и тело иногда вторгались, без приглашения, во все учащающиеся эротические фантазии, которые он, как большинство восемнадцатилетних юношей, переживал в мечтах. Конечно, были и другие лица, но ее образ был единственным узнаваемым, тогда как остальные являлись лишь плодом воображения.

Хуже всего то, что Росана и впрямь была живой женщиной, причем давшей обет Господу. Во время их короткого ментального контакта произошло что-то ужасающе личное, не касавшееся насилия над Джаннивер. Оба они отрицали это всю зиму, ни один не хотел признать или принять, что влечение было взаимным.

— Добрый день, Келсон,— сказала Мерауд. Она и обе девушки встали, чтобы должным образом поклониться, когда король и его сопровождающие приблизились. Росана не поднимала темных глаз от молитвослова. Именно так и было положено девушке, решивший посвятить себя служению Богу, в присутствии трех молодых людей, как раз вступающих в период мужской силы. Джаннивер позволила себе бросить на них беглый взгляд, потом очаровательно покраснела и, смущаясь, отошла, когда Джатам приблизился к своему господину — и к ней — и попыталась не улыбнуться, правда безуспешно.

— Тетушка Мерауд, как я рад видеть вас,— произнес Келсон, ощутив напряжение, возникшее между девушкой и его оруженосцем, и стараясь быть учтивым, несмотря на терзавшую его головную боль.— Прошу вас, садитесь, дамы. Я вижу, весеннее солнышко заставило распуститься прекрасные цветы.

Его открыто оценивающий взгляд, направленный на троих дам, не оставлял сомнений, что он говорит совсем не о цветах, растущих в садах дворца.

— Вот прекраснейшая рендальская роза,— продолжал он с низким поклоном в сторону Мерауд,— а вот и колокольчик Богоматери,— он отвесил более сдержанный поклон Росане в голубой рясе — как и приличествовало монахини или послушнице.— И наконец золотистый нарцисс, принцесса, если я не забыл свои уроки ботаники. Дугал, доводилось ли тебе когда-нибудь видеть более красивые бутоны? Или тебе, Джатам?

Когда покрасневшая Джаннивер опустила голову и стала что-то искать в корзинке с клубками и катушками, Джатам наклонился, чтобы поднять вышивание, упавшее с ее колен.

— Никогда, сир,— выдохнул он.— Это самый красивый букет, который мне когда-либо приходилось видеть.

— Господа, вы сведете нас с ума такой лестью,— побранила их Мерауд, хотя она и не могла скрыть хитринку, появившуюся в ее глазах.— Более того, для большинства цветов еще рано.

— Но не слишком рано,— сказала Росана, смело поднимая глаза и встречаясь взглядом с Келсоном,— чтобы спросить его величество о зелени для базилики на завтра. Можно ли мне переговорить с вами с глазу на глаз, сир? — продолжала она, дотронувшись до его рукава и направляясь мимо, чтобы увести его от остальных.— Пожалуйста, пройдите со мной к следующему окну, выходящему в сад, где я могу показать вам кое-что подходящее. Конечно, в это время мало что можно сделать. И все же не подобает молодым людям, посвящаемым в рыцари, стоять перед неукрашенным алтарем.

Она сказала все тихим голосом, так, что ее могли слышать только король и их компания; но к тому времени, когда они скрылись в следующей нише, Келсон был уверен: все глаза наблюдали за их уходом. Они также не были в безопасности от любопытных и в самой нише.

— Подойдите сюда, мой господин, и притворитесь, что смотрите в сад,— прошептала Росана, приставляя палец к окну и наблюдая за Келсоном уголком глаза.— Я должна вас кое о чем спросить, и это нельзя произнести перед остальными. Хотя раз у вас до сих пор болит голова после мераша, возможно, нам следует отложить разговор до более благоприятного времени.

Нервно сглотнув, Келсон подошел поближе, хотя и проявлял осторожность, чтобы не дотронуться до Росаны, покорно притворяясь, будто поддерживает разговор о цветах, о которых она и не собиралась говорить.

— Тебе Мерауд сказала о мераше или это так очевидно? — уточнил он.

— И то, и другое, мой господин. Странно, если бы я не смогла заметить последствия в представителе нашего племени.

— Понятно.

Он сделал глубокий вдох, пытаясь справиться с последствиями употребления мераша и эффектом, который на него производила девушка.

— Если вам в самом деле так плохо, мой господин, то мы можем отложить разговор, — тихо сказала она. — Мне не хотелось бы стать причиной ухудшения вашего самочувствия.

— Если ты знаешь, через что я прошел вчера вечером, то ты знаешь и то, чего мне стоит держаться сегодня. Но нет, нет необходимости откладывать, — он снова сделал глубокий вдох. — О чем ты хотела меня спросить?

— Это касается вашего оруженосца, мой господин. Что вы можете мне о нем сказать?

— О Джатаме?

Келсон сразу же понял, что она интересуется из-за Джаннивер, поскольку видел реакцию коннаитской принцессы, когда рядом появился его оруженосец. Но несмотря на это, он все равно почувствовал, как приступ беспокойства сжал его горло, когда он испугался, всего на мгновение, что Росана интересуется для себя. Что-то из этого страха, должно быть, просочилось сквозь его пока еще не крепкую ментальную

защиту, потому что внезапно девушка вздрогнула, с трудом скрывая отчаяние, мелькнувшее на лице. Правда, ей почти удалось скрыть свою реакцию, и она предусмотрительно уставилась в окно.

— Нет, не смотрите в направлении Джатама, мой господин. Мы пришли сюда, чтобы осмотреть сад. И, прошу, не повышайте голос. Но вы видели, как они с Джаннивер глядели друг на друга. Могу сказать вам, что ей он очень понравился — и, кажется, с его стороны есть определенная доля влечения, хотя, как я подозреваю, он считает себя гораздо ниже ее, чтобы продолжать ухаживание. Какого он происхождения, могу ли я спросить?

Вопрос вызвал у Келсона раздражение, возможно, потому что его слишком часто задавали относительно потенциальных невест королевской крови.

— О, не молчите же, государь! Он ведь не может быть плебеем, иначе никогда не стал бы королевским оруженосцем,— продолжала Росана, в ее мягком голосе добавилось нетерпения.— Поэтому он должен быть благородного, а то и достаточно высокого происхождения. Он станет сэром Джатамом в ближайший вторник, не так ли? Да и посвящение в рыцари, насколько я слышала, им заслужено.

Келсон хмыкнул.

— Если ты все слышала, не понимаю, зачем тебе спрашивать об этом у меня.

— Но все, что я знаю — это просто дворцовые сплетни, сир! Я надеялась, вы побольше расскажете мне о нем, просто по-человечески. Мне хотелось бы, чтобы принцесса достойно вышла замуж...— Ее лицо изменило выражение.— О, неужели Джатам — один из тех мужчин, которые считают унижением взять в жену порченную девушку?

— Порченную? — недоуменно переспросил Келсон.— Ты не слишком ли резка, в особенности, если она — твоя подруга?

Росана снова посмотрела в сад, ее темные глаза были прикрыты.

— Не забывайте, мой господин, потише... здесь неподалеку другие люди. Мир иногда бывает очень жестоким. И горькая правда такова, что большинство мужчин предпочитают, чтобы их невесты были незапятнаны. Короли и принцы настаивают на этом.

— Только не я.

— Правда? — переспросила она.— Значит, вы готовы на ней жениться, мой господин? Не думаю. И ваши советники этого не допустят, даже если бы этого пожелали вы сами. Неужели вы в самом деле позволили бы ей разделить с вами священное королевское ложе, зная, что Ител Меарский получил удовольствие от...

— Удовольствие? — Келсон вовремя вспомнил, что должен говорить тихо и попытался не закричать.— В том акте было мало удовольствия для них обоих! И тебе это отлично известно!

Росана отступила на шаг, очевидно сама вспомнив интимность момента, когда она передавала ему ощущения Джаннивер, изнасилованной в руинах аббатства святой Бригитты,— и все то, что произошло между ними.

— Простите меня, сир, мне не следовало напоминать вам об этом,— прошептала она.— Иногда я бываю слишком своевольной для монахини. Это была неосознанная дерзость с моей стороны.

Тяжело дыша, Келсон натянуто кивнул.

— Да,— согласился он, частично успокоившись.— Но, вероятно, это — ценный урок для короля. И ты

права: я не женюсь на Джаннивер — хотя и не из-за того, что случилось с ней в аббатстве святой Бригитты. Я до сих пор позволяю себе надеяться, что в выборе моей следующей жены определенную роль сыграет любовь.

— Надеюсь, так и случится, мой господин,— прошептала Росана.

— Я тоже. Тем не менее я не позволю тебе так говорить о Джаннивер. В конце концов, несчастная девушка не просила, чтобы ее изнасиловали — хотя можно было бы так подумать, если судить по письмам, которые я последние полгода получал от ее отца и несостоявшегося мужа.— Он вздохнул.— Боюсь, эти два правителя как раз относятся к тому типу мужчин, о которых ты говорила.

— К сожалению, должна согласиться, сир,— тихо ответила Росана.— Но я надеюсь, что Джатам не таков.

— Нет.

— В таком случае, как вы думаете, возьмет он ее в жены?

Келсон хмуро улыбнулся.

— Думаю, что может, если его немного подбодрить.

— По-королевски, сир? — спросила она, искоса поглядывая на него.

— Ну, я не могу приказывать мужчине влюбиться.

— Никто ничего не говорил о приказах, сир. Вам даже не нужно его убеждать, как только могут сделать люди нашего племени.

Она вновь перевела взгляд на забытый сад.

— Просто скажите, что вы предпримите все усилия, чтобы подбодрить его,— тихо продолжала она.—

В таком случае мы можем перейти к скучному делу выбора зелени.

— Зелени?

— Ну, мы же за этим пришли сюда, не так ли?

— О, сестра Росана, так тебе и впрямь нравится этим заниматься? — неожиданно для себя самого выпалил изумленный Келсон. — Может ли так случиться, что маленькая монашка, на самом деле, в душе — сваха?

Келсон пожалел о сказанном, как только слова вылетели у него из уст, поскольку разговор очень близко подошел к его собственным устремлениям в этом вопросе. Король ужаснулся, поняв, что краснеет, но, к счастью, она продолжала смотреть в сад, притворившись, что не слышала.

— А теперь нам на самом деле пора возвращаться к остальным, — выдохнула Росана, дав ему время прийти в себя. — Мы выбирали зелень. Плющ. Я думаю, что для посвящения в рыцари короля и его Ару...

— Келсон, разве тебе не следует побыть в одиночестве, готовясь к предстоящей церемонии? — спросил холодный женский голос, неожиданно близко за их спинами, когда они уже собрались уходить. — И, сестра, не думаю, что твоя настоятельница одобрит разговор с глазу на глаз с молодым мужчиной.

Это говорила Джехана, мать Келсона. Король не представлял, откуда она появилась, потому что ее не было в зале, когда он вошел. Он хотел бы, чтобы ее и сейчас тут не было, поскольку у него не осталось сил разбираться с ней, в особенности теперь, после разговора с Росаной.

Джехана вернулась ко двору предыдущей весной, сразу же заявив, что намерена участвовать в выборе

следующей жены Келсона. Как она считала, правильно выбранная женщина может заставить короля отказаться от его силы, как благодаря ей самой сделал отец Келсона, таким образом уменьшив зло крови Дерини. Она привезла с собой капеллана и сестру по имени Сесиль и носила крахмальные белые одежды послушницы аббатства святого Жилья, но еще не смогла успокоить свою кровь Дерини. Да и отказ от собственных способностей не был таким успешным, как хотелось бы Джехане. Не единожды после своего возвращения она была вынуждена пользоваться ими, причем всегда испытывала страшные угрызения совести от этого.

Джехана постоянно объявляла, что не намерена их снова применять и истово негодовала, если кто-то из Дерини пользовался силами, которые, как она считала, дал Сатана. Настоятельница и остальные сестры из монастыря Росаны продолжали жить на территории замка, ожидая теплой летней погоды, чтобы вернуться назад в аббатство святой Бригитты, и Джехана взяла за правило посещать их мессы и другие мероприятия, хотя обычно она не обращала внимания на Росану. Она считала святотатством, что девушка из Дерини посмела пойти в монахини — то, о чем она сама мечтала, но не посмела сделать.

— Сестра, я обращаюсь к тебе, — упрямо продолжала Джехана. Двое молодых людей повернулись и уставились на нее. — Разве тебе нечем заняться? А теперь я поговорю со своим сыном. Пожалуйста, будь так любезна, оставь нас.

Росана опустила глаза и должным образом поклонилась королеве, готовая подчиниться, но Келсон остановил ее, вытянув руку и не позволяя ей уйти.

— Сестра Росана и я еще не закончили разговор, матушка,— сказал он резким тоном.— А для твоего сведения, я как раз и готовился к посвящению в рыцари. Мы обсуждали, как украсить алтарь на завтрашний вечер. Значит, это будет плющ, сестра?

Он увидел промелькнувшую на губах девушки улыбку, которую Росана не посмела показать открыто, когда слегка поклонилась ему. Она засунула руки в широкие рукава, а глаза ее так и смотрели в пол.

— Думаю, да, мой господин. И остролист, если он еще остался. Хотя для него уже поздновато. Это даст хоть какой-то цвет. Я также предложила бы омелу белую — она очень подходит для рыцарей-девственников, но архиепископ, возможно, запретит это, как элемент языческой традиции. Сир, я займусь этим, если вы разрешите.— Она снова поклонилась ему, а заодно и Джехане. В ее поклоне была крохотная доля вызова.— До свидания, ваше величество.

Джехана не произнесла ни слова, пока Росана не покинула зал.

— Какая наглость! Какая дерзость! — воскликнула она.— Я поговорю с настоятельницей.

— Ты не сделаешь ничего подобного,— ответил Келсон, схватив ее за руку и уводя вглубь ниши.— Ты вела себя очень резко. Это не приличествует любой женщине и непростительно для королевы.

— Как ты смеешь так со мной разговаривать?

— Если ты хочешь, чтобы тебе продолжали оказывать гостеприимство при этом дворе, то придержи язык! — Он не повышал голоса, но ошибиться было невозможно: король гневался.— Ты была с ней груба, потому что она — Дерини. А я этого не потерплю.

— Но она — монашка, Келсон. Поскольку она — Дерини, ее душе и без того грозит опасность, но чтобы принести обеты...

— А я считаю, матушка, что о душе этой дамы пусть позаботится она сама и ее духовник.

— Который сам — Дерини, хоть и епископ! — гневно воскликнула Джехана. — Или ты не знаешь, что она стала ходить к твоему бесценному епископу Дункану?

— Поберегись, мама. Он и мой духовник тоже.

— И будет вовеки проклят, потому что бросил вызов Церкви, приняв сан, хотя знал, кто он есть на самом деле!

Келсон обернулся в зал и заметил, как несколько человек наблюдают за ними — хотя они тут же притворились, что смотрят куда-то в сторону.

— Бессмысленно продолжать этот спор, — сказал он. — Ты устраиваешь сцену. И ты абсолютно права: я должен уединиться, готовясь к посвящению в рыцари. Если не возражаешь, я именно так и сделаю. Дугал, Джатам, подойдите ко мне пожалуйста.

Он повысил голос, чтобы вызвать их из соседней ниши, и они появились практически сразу же. Оба были явно смущены, поскольку не могли не слышать большую часть перепалки.

— Господа, как матушка правильно напомнила мне, нам следует готовиться к завтрашнему дню, — сказал он, обходя Джехану, чтобы к ним присоединиться. — Следующей ночью нам предстоит бодрствовать, поэтому сегодня следует лечь пораньше. Джатам, это относится и к тебе. Таким образом ты освобождаешься ото всех обязанностей оруженосца. Сегодня вечером поработает Долфин, а ты поужинаешь вместе со мной и Дугалом у меня в покоях. Я

хочу кое-что обсудить с тобой,— добавил он, глядя на дверь, куда ушла Росана.— Мама, мои друзья и я желаем тебе спокойной ночи.

Он быстро поклонился и направился к двери, двое его друзей поклонились Джехане более уважительно, а затем последовали за ним из зала. К счастью никто больше не остановил их по пути в покои. Келсон с Дугалом смогли даже вздремнуть перед тем, как Долфин принес им сытный ужин, и трапеза прошла в куда более веселом расположении духа, когда Келсон стал прощупывать почву в отношении процессы Джаннивер. После ужина к ним ненадолго заглянул Дункан, чтобы проверить их самочувствие. Всем троим следовало крепко выспаться перед празднествами следующих дней.

Они встали в полдень, трезвые и отдохнувшие, чтобы провести часы, остающиеся до заката, в тихих размышлениях, как и пристало молодым воинам, которым в ближайшее время предстояло быть посвященными в рыцари.

Официальные празднества начались с вечерней молитвы в понедельник, когда в базилике святой Хилари собрались все кандидаты и их рыцари-наставники. Принц Нигель стоял с Келсоном и Коналом, Морган — с Дугалом. Собралось более двадцати кандидатов, каждого сопровождал наставник. Из аббатства святого Георгия прибыли монахи для пения гимнов, и их чистые голоса плыли среди колонн, поддерживавших крышу древней церкви.

Вечером архиепископ Кардиель прочитал проповедь, наставляя всех присутствующих об обязанностях, которые им предстоит на себя возложить. Все рыцари-наставники хором повторили рыцарские обеты и поклялись всегда помогать своим подопечным.

Затем с помощью епископов Арилана и Маклайна архиепископ вручил каждому новому рыцарю традиционные одежды: длинную свободную белую тунику, символизирующую чистоту; более короткую верхнюю черную тунику с капюшоном и сапоги того же цвета, напоминающие о смерти и земле, в которую все должны в конце концов вернуться; а также красную мантию, символизирующую благородное происхождение, и кровь, которую истинный рыцарь должен быть готов пролить в защиту своего короля и выполняя данные клятвы.

Все это кандидаты надели на себя после ритуального омовения. Каждому помогал его наставник. В базилику они вернулись в полночь, торжественной процессией с зажженными свечами, чтобы принести обеты перед алтарем. За ними наблюдали наставники и епископы. После молитв и благословений кандидаты оставили одних.

Келсон преклонил колени на нижней ступени алтаря, его руки лежали на рукояти меча Халдейнов, иногда, склоняя голову в молитве, он касался лбом головки эфеса. Конал находился чуть позади справа, Дугал — слева. Уже практически наступил рассвет, а свечи сгорели до основания, когда внимание Келсона привлек алтарь. Внезапно король понял, что он украшен омелой, переплетающейся с остролистом и плющом.

Глава третья

Многие ищут благосклонного лица правителя¹

Когда сталь опускалась к его незащищенному плечу, король Келсон Гвиннедский внезапно понял, что не в состоянии пошевелиться или даже моргнуть. Глаза, такие же серые, как и его собственные, такие же острые, как и глаза всех Халдейнов, и такие же немигающие, держали его в оцепенении, пока меч неминуемо приближался. У Келсона возникло ощущение, что он не смог бы сейчас пошевелиться, даже если бы от этого зависела его жизнь. Слава Богу, это было не так. Но все равно от этого неприятного ощущения по спине пробежал холодок.

Рука дяди Нигеля лежала на рукояти королевского меча, которым посвящали в рыцари самого Нигеля и практически всех воинов, собравшихся в тронном зале Ремутского замка. В качестве свидетелей, присутствующих на акколаде, с двух сторон Нигеля торжественно стояли герцоги Аларик и Эван Макэван. И Келсон не мог пошевелиться не от страха, а благоговения от самого акта посвящения в ряды рыцарей, таких, как эти трое. Меч плашмя ненадолго

¹ Притчи 29:28

коснулся его правого плеча, левого плеча, затем макушки головы, не украшенной короной.

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа будь благородным и честным рыцарем,— сказал Нигель, поднимая меч, чтобы поцеловать священную реликвию на рукоятке перед тем, как вручить его Моргану, который ловко вставил его в ножны.— Поднимайся, сэр Келсон Синхил Райс Энтони Халдейн, и получи другие символы твоего нового статуса рыцаря.

Наконец сбросив оцепенение, Келсон улыбнулся и подчинился, позволяя Нигелю и старому Эвану помочь ему подняться. Золотые шпоры рыцаря уже были на его каблуках, прикрепленные Морганом и Эваном перед тем, как король преклонил колена, чтобы пройти акколаду. Шпоры, как и меч, принадлежали его отцу.

И два других предмета, являвшихся частью сегодняшнего наряда, принадлежали отцу, хотя они скорее относились к занимаемому Келсоном трону, а не посвящению в рыцари, которое он только что прошел. Одним был большой рубин в правом ухе. Его носил каждый монарх из рода Халдейнов, начиная с великого Синхила. Второй была брошь из красной эмали, величиной с кулак, которой скреплялась мантия. На ней был изображен золотой лев дома Халдейнов, стоящий на задних лапах.

Однако все остальные предметы, прикрепленные к одежде короля в то утро, символизировали только благородство, но не королевскую власть. Под королевской пурпурной мантией на нем все равно была лишь традиционная одежда новообращенного рыцаря, которую ему выдал прошлой ночью архиепископ. Келсон слегка развел руки, когда мать, короле-

ва Джехана, закрепила у него на талии белый рыцарский пояс, как и нижняя белая туника, символизирующий чистоту, добродетель и преданность выбранному пути.

Никаких особых символов не было и на теперь привычной одежде Джеханы: белой рясе послушницы. Хотя, как считал Келсон, сегодня она могла бы одеться и более подобающе для королевы. Одно дело, когда простые монахини из аббатства святой Бригитты пришли на важное мероприятие при дворе в своем обычном одеянии; но смущало, что его мать, которая еще даже не приняла постриг, оставалась в строгом монашеском одеянии, выбрав его в качестве протеста против образа жизни сына. Единственной уступкой королевы сегодняшним утром была украшенная крестом диадема, которая удерживала на голове покрывало монахини, но эта диадема казалась слишком скромной в сравнении с драгоценностями и пурпурным королевским одеянием Мерауд, единственной женщины, сидевшей на возвышении. Даже мужчины выглядели ярче матери короля — Нигель в геральдической накидке поверх доспехов, богато расшитой шелком и золотыми нитями. С плеч дяди короля ниспадала тяжелая мантия Халдейнов, поверху отделанная черно-бурой лисой. Старый Эван был в подбитых мехом одеждах из клетчатой шерстяной ткани горцев, а Морган...

Конечно, если бы Морган хотел, он мог бы затмить любого другого человека в зале просто своим присутствием. Он мог бы одеться в рубище или посыпать свое тело пеплом, но все равно выглядел бы в большей степени принцем, чем большинство людей, рожденных во дворце, одетых в самые богатые одежды и с самыми изысканными драгоценностями. Се-

годня он был в зеленом бархате, расшитом золотом, как и положено герцогу, и держал в руке меч Келсона. Таким образом он чем-то напоминал лесного бога или саму первозданную природу — золотистый солнечный свет на зеленых листьях деревьев и верхушках вечнозеленых сосен. Он источал жизненную силу, но сосредоточился только на своем короле и семье.

Морган подошел к Келсону, склонил златовласую голову и положил убранный в ножны меч на вытянутые руки короля — королевский меч, меч короля Бриона, мощный символ, передаваемый в течение многих поколений от одного Халдейна другому, который иногда, в должным образом освященных руках миропомazanного короля Халдейнов, становился магическим инструментом. Король Брион уже более четырех лет был мертв, но оставленное им наследство — царство и магические силы — оказались, наконец, в безопасности в руках стройного восемнадцатилетнего юноши, только что посвященного в рыцари. Келсон задумался, поднося меч к губам, одобрил бы Брион то, что сделал его сын с королевством, оставленным ему раньше времени; он желал бы, чтобы его отец дожил до этого дня.

По крайней мере до этого дня дожил Морган — Аларик Морган, герцог Корвинский из племени Дерини, который был ближе Бриону Халдейну, чем кто-либо другой. Именно Моргану Келсон был обязан тем, что он получил за четыре года своего правления, даже своим выживанием: потому что Морган, как и небольшая группа присутствующих сегодня в зале других Дерини, относился к меньшинству этого племени, всегда обращавшему свои вызывающие

благоговение силы на службу Свету — несмотря на давнее недоверие Церкви к таким силам.

Сегодня Морган тоже служил молодому королю, он помог ему стать рыцарем, и в эти минуты в мозг Келсона ворвался ментальный импульс — быстрый, смелый, такой, какой мог отправить только Дерини. У короля даже создалось впечатление, что он слышал радостный смех, когда торжественно проходил по возвышению, чтобы склониться перед епископами Кардиелем, Ариланом и Вольфрамом и получить их благословение. Каждый шаг его сопровождался мелодичным позвякиванием золотых шпор. Наконец Келсон занял место на троне Гвиннеда, положив отцовский меч на колени. Как только его мать и Нигель также сели, король взял с подушечки корону. Ее поднес ему кузен Рори, встав на одно колено, — принц Рори Халдейн, второй сын Нигеля.

Когда Келсон надел корону и с благодарностью кивнул Рори, ожидая, чтобы участники посвящения его в рыцари заняли соответствующие места для следующей церемонии, он понял, что предпочел бы посвятить сегодня в рыцари Рори, а не его старшего брата. Рори всегда был веселым ребенком и резко контрастировал с угрюмым и иногда мелочным Ко-налом, а также очень хорошо владел оружием, хотя еще и не испытал себя в битве. Рори полностью оправдал надежды, возлагаемые на сыновей Нигеля, даже в свои четырнадцать лет.

Но посвящение Рори в рыцари даже не будет обсуждаться следующие четыре года. Процедура редко проводилась до того, как кандидату исполнится семнадцать лет, и практически никогда исключение не делалось для принцев крови, с которых остальным следовало брать пример. Большинство молодых

людей не готовы стать рыцарями до восемнадцати, а многие не могли повзрослеть и до двадцати. Келсон опасался, что именно так будет и с Коналом.

Тем не менее, хотя досрочно посвятить в рыцари принца крови было почти невозможно, но отменить посвящение после того, как он достиг нужного возраста, было и вовсе немыслимо — если король, конечно, хотел сохранить его верность в будущем. Коналу и без того, вероятно, непросто было смириться с тем, что случайность рождения всегда отодвигала его на второе место. И именно эта случайность сделала Келсона королем. Конал был только старшим сыном второго сына, хотя кровь королей Халдейнов текла в венах у обоих. Однако в этот важный день Коналу отдали предпочтение перед всеми, за исключением самого короля — потому что это причиталось ему, как наследнику герцога королевской крови. Возможно, таким образом удастся хотя бы частично его умиротворить. Келсон также сделал его членом королевского совета, в знак совершеннолетия Конала. Несомненно, подобный опыт пойдет ему на пользу, как рыцарю и принцу.

Но преданность Конала короне сегодня не ставилась под сомнение. И нельзя сказать, чтобы он был совершенно недостоин чести, которую ему окажут в самое ближайшее время. Как и все молодые люди, посвящаемые сегодня в рыцари, Конал в большей или меньшей степени проявил себя во время Меарской кампании прошлым летом. Если он особо не отличился, то, по крайней мере, и не опозорил ни себя, ни свою семью. Ему нужно было быть достойным такого отца, как Нигель, а это не каждому по плечу. Нельзя требовать таких же подвигов от молодого рыцаря.

Король снова обвел взглядом зал, с нетерпением ожидая продолжения. Поклонившись ему, старый герцог Эван спустился с возвышения и отправился к группе юношей, которым предстояло давать клятву следующими. Они собирались стать пажами и оруженосцами. Перерыв также поможет сделать посвящение в рыцари Конала особым событием, а не незаметным после акколады Келсона. Он станет первым из оставшихся рыцарей.

Только теперь, после того, как напряжение улеглось, Келсон впервые смог осмотреть огромный зал. Он был забит практически до отказа теми, кто пришел понаблюдать за процедурой посвящения в рыцари своего короля и других молодых людей. Даже боковые галереи были заполнены дамами и пажами — а также внимательными лучниками Халдейнов, празднично одетыми и спрятавшими свои луки за колоннами. Однако они готовы были в любой момент пресечь любой конфликт, который может возникнуть. На этот раз не исключались политические последствия при посвящении в оруженосцы некоего молодого человека.

Вначале вперед вышли мальчишки в возрасте от шести до десяти лет. Они расположились внизу перед возвышением, встав на колени, и хором произнесли тщательно заученную клятву, после чего Нигель и Эван вручили каждому малиновую накидку, как символ пажа, служащего Халдейнам. Затем приблизилась новая поросль молодых оруженосцев, их было около дюжины, в возрасте от двенадцати до четырнадцати лет. Они уже служили в качестве пажей на протяжении нескольких лет.

Эти произносили клятвы один за другим и предназначались определенным рыцарям, которые станут

наставниками оруженосцев, пока те в свою очередь не будут посвящены в рыцари. Келсон взял себе двоих, одного на место бывшего младшего оруженосца, который теперь заменит Джатама, посвящаемого в рыцари, а второго — просто, чтобы помогать с увеличивающимся количеством работы: Келсон становился все более занятым, и ему требовалось больше помощников.

Нигель тоже выбрал нового оруженосца — десятилетнего короля Лайема Торентского, ставшего вассалом Келсона после смерти его старшего брата два года назад. Келсон взял Лайема в плен прошлым летом, чтобы обеспечить нейтралитет Торента, пока сам сражался в Меаре. Именно это посвящение в оруженосцы могло вызвать взрыв, когда Келсон сообщит о нем послу Торента. Регенты ожидали, что и Лайем, и его мать, леди Мораг, будут освобождены к концу лета. Переговоры по этому поводу пройдут в Кардосе, после завершения запланированного на лето путешествия Келсона, но в Торенте еще не знали, что обсуждаться будет лишь освобождение Мораг. Да и это станет возможным только после того, как король удостоверится, что Мораг и дядя ее детей герцог Махаэль Арьенольский не планируют заговор против него, сделав сыновей Мораг первыми жертвами. Младший, принц Ронал, уже находился в руках Махаэля, но герцог Торентский не доберется до Лайема.

Что касается самого Лайема, то относительно него у Келсона имелись планы, которые, как надеялся Келсон, сделают молодого короля союзником, а не противником к тому времени, как он достигнет совершеннолетия. Мальчик был из племени Дерини, как и его мать, но его плохо подготовили к исполь-

зованию особых способностей. В основном он занимался обычными делами для мальчика его возраста и благородного происхождения. Келсон не ожидал сложностей от самого Лайема, в эти минуты получающего стальные шпоры оруженосца от Нигеля. Леди же Мораг больше даже не находилась при дворе, зимой ее тайно перевезли в Корот. Присматривать за Мораг стала Риченда, которая могла охранять пленницу-Дерини, в ожидании рождения второго ребенка от Моргана.

Нет, сегодня не следует ожидать неприятностей от посла Торента, не будет даже словесной перепалки. Когда Лайем и другие новые оруженосцы отправились назад, на отведенное им место, с ними остался Эван, чтобы пресечь любое бурное проявление эмоций, свойственное юношеству во время слишком длительных церемоний. Келсон улыбнулся и на время выкинул проблему из головы. Постепенно в зале воцарилось молчание, и все снова заняли свои места, ожидая продолжения. Нигель вышел из группы оруженосцев и, встав перед тронем племянника, опустился на одно колено и произнес ритуальную фразу.

— Государь, я прошу вас о милости.

— Скажи, чего ты хочешь, дядя. И если в моей власти даровать тебе это, сохранив мою честь и честь королевства, я сделаю это с радостью.

— В таком случае я прошу вас, сир, разрешить посвятить в рыцари моего старшего сына Конала, которому сегодня исполняется восемнадцать лет.

— Я разрешаю это с радостью, дядя. Приведи кандидата, пусть он встанет перед нами.

Кивнув, таким образом выражая готовность выполнить приказ, Нигель поднялся с колен, спустился

со ступеней и прошел по залу к тому месту, где ожидали своей очереди Конал и другие кандидаты.

При виде отца и сына никто не сомневался в том, что в их жилах течет кровь Халдейнов. Конал медленно шел рядом с отцом. Он был немного выше и стройнее Нигеля, с небольшими усиками, которые стал носить прошлой зимой, с черными, как смоль, волосами, довольно коротко подстриженными, как носили воины более старшего возраста, включая Нигеля. Король и многие молодые люди, включая двух братьев Конала, предпочитали пригравный стиль Дутала — косу. Брошь, державшая мантию, была крупнее и ярче, чем у кого-либо за исключением короля, но если не считать этой уступки тщеславию, Конал оделся так же, как и все остальные юноши, хотя и являлся принцем.

— Мой господин,— сказал Нигель с ритуальным поклоном, когда Конал преклонил колена перед возвышением и опустил голову. Рука отца легла на его плечо.— Я имею честь представить своего старшего сына, принца Конала Блейна Клуима Утира, кандидата на посвящение в рыцари.

Келсон ответил на поклон кивком.

— Пусть принцу Коналу наденут шпоры.

В то же мгновение вперед с гордостью вышел младший брат Конала Пэйн, который нес шпоры на подушечке из камчатной ткани. Нигель склонился, чтобы прикрепить их, затем поднялся, встал слева от Конала и еще раз поклонился Келсону — ниже, чем в предыдущий раз — перед тем, как опуститься на одно колено.

— Кандидату надели шпоры, сир.

Келсон поднялся, все еще держа меч в ножнах, затем склонился вперед и тихо сказал Коналу:

— Не сочти это за знак неуважения, кузен, но могу ли я передать честь посвящения тебя в рыцари твоему отцу? Думаю, это будет ему очень приятно — и он гораздо более великий рыцарь, чем я, которого совсем недавно самого посвятили, причем сделано этой было рукой твоего отца.

Келсон смог прочитать в глазах Конала облегчение и согласие, даже не прибегая к своим магическим способностям, и понял, что нашел прекрасный повод поддержать уязвимое самолюбие Конала, освободив его от посвящения в рыцари человеком, всего на несколько месяцев старшим его самого. Посмотрев на Нигеля, он также заметил довольное выражение и одобрение на лице дяди.

— Думаю, что желания твоего сына, дядя, не вызывают сомнения, — сказал Келсон. — И это правильно, поскольку ты — один из самых благородных рыцарей, которых я знаю. Могу я передать тебе честь выполнить эту обязанность по отношению к сыну?

Нигель с трудом сдержал широкую улыбку, кивая королю, и легко поднялся на ноги.

— Это высокая честь для меня, сир.

— Это право отца, если он сам является рыцарем, — ответил Келсон. — Встань рядом со мной. Конал, каким мечом ты хочешь быть посвящен в рыцари?

Серые глаза Конала метнулись в сторону меча, который Келсон держал в руках, затем он перевел взгляд на лицо отца.

— Со всем уважением к вам, государь, я хотел бы быть посвящен мечом моего отца.

— Пусть будет так.

По залу прокатилась волна одобрения, когда собравшиеся поняли, что должно произойти. Казалось,

лицо Конала излучает свет, когда он поднял глаза, чтобы встретиться взглядом с Нигелем, глядя, как отец извлекает из ножен свой меч, отличившийся в битвах не меньше, чем меч Келсона, известный магией Халдейнов. И Джехана, и Мерауд, мать Конала, пытались сморгнуть слезы, когда Нигель почтительно поцеловал клинок, а затем поднял его над головой сына.

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, будь благородным и честным рыцарем,— сказал Нигель, дотрагиваясь мечом до каждого из плеч Конала, а затем до макушки.— Встаньте, сэр Конал Халдейн.

Келсон улыбнулся и сказал подобающие слова поздравления, когда мать Конала застегивала у него на талии новый белый пояс, а отец вручил ему меч, который вынес его брат Рори. Но мысли Келсона уже перенеслись на следующего кандидата, с которым его объединяло гораздо более сильное духовное родство, чем кровное со старшим кузеном. В конце зала теперь появился Дугал. Вместе с другими кандидатами он ждал, когда его вызовут. Келсон послал ему направленный ментальный импульс, такой, который мог уловить только Дугал, кому он и предназначался. Келсон поприветствовал друга перед тем, как снова обратить свое внимание на Конала и пристегнуть ножны к поясу. Конал снова преклонил колена и поклялся королю в верности:

— Я, Конал, принц Гвиннеда, признаю себя твоим вассалом. Моя жизнь и плоть принадлежат тебе. Я клянусь почитать тебя. Я буду молиться, чтобы жить и умереть за тебя, в борьбе с любым врагом. Да поможет мне Бог.

Обычная угрюмость Конала не омрачила торжественности момента. От него, казалось, не осталось и

следа. Келсон ответил своей клятвой, обещая справедливость и защиту в ответ на преданность Конала, а затем предложил Коналу подняться, произнося слова поздравления. Он позволил Коналу насладиться минутой единоличного триумфа. Родители и братья обняли его, поздравляя с вступлением в ряды взрослых. И только когда Конал занял место на возвышении справа от короля за Нигелем, Келсон посмотрел на Моргана, стоявшего у него за спиной. Заметив легкий кивок Келсона, Морган вышел вперед.

— Герцог Аларик, насколько мне известно, именно ты намеревался посвятить следующего кандидата в рыцари. Пожалуйста, подведи его к нам.

Морган направился через зал к месту, где стоял Дугал. Его продвижение сопровождалось шепотом собравшихся гостей. Многие с любопытством поглядывали в сторону Дункана, теперь признанного законным отцом Дугала, но было очевидно: он не собирается принимать участие в посвящении своего сына в рыцари. По мнению большинства людей, все стало на свои места, хотя, несмотря на решение трибунала архиепископов, странность того, что у епископа есть законный сын, все еще вызывала раздражение некоторых. Акт легитимизации мог снять последние юридические и религиозные препятствия к принятию Дугала, акколаде и наследованию титулов отца. Но всегда останутся те, кто будут шептаться за его спиной, в особенности после того, как его принадлежность к Дерини станет все более явственной. К счастью, большинство людей еще не поняли этой связи, точно так же, как большинство до сих пор предпочитало верить, что Дункан на самом деле не относится к Дерини, раз никаких доказательств не представлялось публично.

Дункан, конечно, присутствовал, но попытался походить на обычного гостя, поскольку его епископский сан мог бы помешать его сыну быть принятым при дворе. Он не стоял на возвышении, как подобало епископу и герцогу, а выбрал скромное место среди лиц менее благородного происхождения, пришедших понаблюдать за церемонией, и не собирался принимать в ней участия ни в какой роли. Он также сменил свою обычную пурпурную рясу на серую тунику и брюки традиционного кроя. Через левое плечо была перекинута накидка из шерстяной клетчатой ткани, цветов Маклайнов — зеленая, с черным и белым. Серая шапочка прикрывала каштановые волосы с тонзурой, и поля он отогнул так, чтобы скрыть простую серебряную диадему с крестом, являвшуюся единственным свидетельством его ранга герцога и епископа.

Вместо меча у него на боку висел кинжал из тех, которые любят носить члены горных кланов. Его рукоятку украшали дымчатые топазы. Дункан имел право носить такой кинжал, поскольку являлся старшим в своем роду. На плечах у него лежала цепь главнокомандующего, а на правой руке красовался епископский перстень с аметистом. Если особо не присматриваться, кольцо можно было принять просто за украшение, какие носили богатые миряне.

Как и окружающие его люди, Дункан вытянул голову, чтобы видеть происходящее, не обращая внимания на взгляды тех, кто специально повернулся к нему, наблюдая за его реакцией. Наблюдали и за реакцией Дугала, когда Морган вел его по залу. В этот момент Дункан видел только своего сына.

Дугал Макардри Маклайн. Он больше не был тем молодым пареньком, которого с границы забрали

ко двору короля Бриона, где они с Келсоном и стали друзьями. Затем Дугал охранял границы, набираясь опыта в этом деле. И охранял он границы для человека, о котором только в прошлом году узнал, что тот — его отец. Сегодня Дугал отказался от отличительной одежды жителей приграничья, которая стала привычной для него, и оделся так, как и другие кандидаты на посвящение в рыцари. Единственное, что осталось от его обычного вида, так это зачесанные назад волосы с медным отливом, заплетенные в косу. Усы, которые год назад казались только рыжим мазком над верхней губой, за зиму стали гуще, спускаясь с уголков рта, но не закрывая ровные белые зубы, когда он улыбался, — что он часто делал, но только не сейчас. Дугал был выше отца на полголовы, и, как заметил Дункан, когда они поднимались на возвышение, почти одного роста с Морганом.

— Ваше Величество, — сказал Морган, стоя в шаге за спиной Дугала, — имею честь представить вам лорда Дугала Ардри Макардри Маклайна, кандидата на посвящение в рыцари.

— Мы считаем честью принять его, ваша светлость, — ответил Келсон. С довольным видом он просунул большие пальцы рук за свой новый белый пояс и обвел глазами заполненный людьми зал, очевидно в поисках кого-то. — Но перед тем, как мы продолжим церемонию посвящения в рыцари, что Дугал несомненно заслужил, мы хотим приказать Дункану, герцогу Кассанскому, подойти к нам.

Приказ удивил Дункана, и в первый момент он безрезультатно попытался слиться с толпой; но к нему уже поворачивались, и он понял: ему не убежать. Положив руку на рукоятку кинжала, он с неохотой стал пробираться между людьми, отделяющими его

от возвышения, бормоча извинения тем, кого не преднамеренно толкнул. Остановившись рядом с Морганом чуть позади своего сына, он с удивлением поклонился королю.

— Государь?

— Спасибо, ваша светлость,— сказал Келсон.— Нам требуется ваша помощь. Останьтесь с нами. Здесь, на возвышении.

С неохотой поднимаясь по ступеням, Дункан внезапно подумал, не запланировал ли король как раз то, чего он боялся. Келсон тем временем вынул свой меч из ножен и развернул рукояткой к Дункану.

— Как я вижу, у тебя сегодня нет с собой меча, но не следует посвящать в рыцари кинжалом, так что ты можешь воспользоваться моим мечом.

— Сир, я...

— Перестань. Мы уже установили, что сына должен посвящать в рыцари его отец,— заявил Келсон.— Пожалуйста, сделай честь.

— Но...

Радость, смешавшаяся с досадой, появилась на лице Дункана, но перед тем, как он мог даже попытаться начать объяснения, почему он не может поступить так, как хочет король, рядом с Келсоном оказался Морган и что-то прошептал ему в ухо.

— Но этого не может быть! — выпалил Келсон, в удивлении уставившись на Моргана.— Что ты имеешь в виду? Его никогда не посвящали в рыцари?

— Это так, сир,— почти шепотом ответил Дункан, желая провалиться сквозь землю и исчезнуть, потому что именно поэтому он не выступал наставником Дугала. Конечно, он также учитывал и недовольство своими действиями, как епископа, которое могло

быть высказано ему стоящими над ним священнослужителями.— Я уже был посвящен в сан к тому времени, как достиг возраста, когда можно посвящать в рыцари. Предполагалось, что мой брат Кевин понесет дальше честь и имя нашей семьи. После того, как я унаследовал свой ранг, мне даже не пришлось в голову, что следует исправить положение.

— Ну, я с радостью сегодня его исправлю,— сказал Келсон так тихо, что его смогли услышать только Дункан, Морган и Дугал, хотя Конал и прилагал усилия, чтобы уловить произносимые слова.— Если бы я знал, это можно было уже сделать дюжину раз на поле боя. Боже, Дункан, любой рыцарь посчитал бы за честь провести этот обряд!

Меч Келсон все это время был опущен острием вниз, и оно касалось ковра, пока они спорили, теперь Келсон поднял его, а затем, соответствующим образом развернув клинок и положив его себе на правое плечо, бросил взгляд на Моргана.

— И даже не думайте мне указывать,— сказал король.— Вы оба. Я знаю, что делаю, и я велю казнить всех тех, кто до сих пор считает, будто епископ не может иметь законного сына и быть рыцарем. Аларик, я буду благодарен, если ты для сегодняшней процедуры поделишься с Дунканом своими шпорами. Она не будет такой официальной, как мне хотелось бы. Я знаю, Дункан ждал этой чести слишком долго. Дункан, пожалуйста, преклони колена. Я не могу посвятить тебя в рыцари, если ты продолжишь стоять.

У Дункана все еще оставались сомнения, он опасался, что когда-нибудь Келсон пожалеет об этом проявлении дружбы и о том, что он не подошел к делу более серьезно поразмыслив, взвесив все за и

против. Однако, увидев, как Морган улыбается, склонившись на ступенях возвышения, чтобы отстегнуть позолоченные шпоры, он понял: по крайней мере, к Моргану взывать бессмысленно. Он опустился на колени, сняв шапку, а когда он сделал это, Дугал поднялся на ноги и отошел на шаг назад, чтобы понаблюдать за процедурой.

— Дамы и господа,— сказал Келсон, поднимая голову и обращаясь к заинтригованным зрителям, большинство из которых не понимали, что происходит.— Кажется, мы поступили очень несправедливо по отношению к преданному нам всей душой герцогу Кассанскому.— Он с трудом сдержал улыбку, заметив, как Морган, так и не поднимаясь с колен, придвинулся к стоящему на коленях Дункану, чтобы прикрепить правую шпору.— Попросив упомянутого герцога посвятить в рыцари его сына, как часто делается, мы обнаружили, что непреднамеренно попросили от него невозможного — поскольку лишь рыцарь может посвящать в рыцари. Мы только сейчас узнали, что сам Дункан Маклайн никогда не проходил акколаду.

В зале послышался удивленный шепот, и Келсон поднял свободную руку, жестом призывая собравшихся замолчать.

— Только на основании подвигов, совершенных во время прошлогодней летней кампании, он мог быть посвящен в рыцари с десятков раз. И нет никаких сомнений: он служил нашему королевскому дому со всей преданностью, везде и всегда, с момента нашего восхождения на трон.

К этому времени Морган закончил со второй шпорой и с трудом сдерживал довольную улыбку, поднявшись на ноги. Он дал подержать свой меч,

остающийся в ножнах, Дугалу для того, чтобы снять белый пояс.

— Поэтому я считаю для себя честью посвятить тебя, Дункан Говард Маклайн, в древнее и почетное братство рыцарей.— Келсон поднял меч Халдейнов и плашмя опустил его на правое плечо Дункана.— Во имя Отца, и Сына,— клинок переместился на левое плечо,— и Святого Духа,— клинок лег на голову,— будь благородным и честным рыцарем, ибо таким ты был и прежде.

Он снова поднял клинок и опустил на свое правое плечо.

— Встань, сэр Дункан, и пусть тебе вручат белый пояс, как и подобает по рангу.— Келсон посмотрел на герцогиню Мерауд, а не на свою мать.— Тетушка, не выступишь ли ты эту почетную миссию?

Когда Дункан поднялся, Мерауд с готовностью прошла вперед, приняла из рук Моргана поношенный пояс, кивнула с торжественным видом и, не торопясь, надела его на талию Дункана.

— Предполагаю, ты знаешь: белый пояс является символом целомудрия,— прошептала она, закрепляя его.— Что необязательно является тем же, что и целибат — это, я уверена, ты также знаешь — хотя может и означать одно и то же. Например, для тебя теперь. Твоему сыну очень повезло иметь такого отца. Это заслуженная честь.

— Спасибо, моя госпожа,— прошептал Дункан в удивлении, поскольку не предполагал, что Мерауд придерживается о нем такого высокого мнения.

— Все готово,— объявила Мерауд громко, делая легкий поклон в сторону Дункана.— Будь твердым и честным, сэр рыцарь.

— Госпожа, я искренне постараюсь.

— Прекрасно. Дело сделано,— сказал Келсон, переступая с пятки на носок, как часто делал его отец.— Ты уже приносил мне клятвы, как герцог и как епископ, так что, я думаю, мы обойдемся без каких-либо новых обетов. Если не ошибаюсь, мы собирались посвятить в рыцари твоего сына.

Он щелкнул пальцами, повернувшись к Брендану, семилетнему приемному сыну Моргана, чтобы тот принес шпоры для Дугала, а Дугал вручил пареньку меч Моргана перед тем, как снова опуститься на колени, расплывшись в улыбке от уха до уха.

— Пусть кандидату наденут шпоры.

Прилагая усилия, чтобы не рассмеяться от того, что сейчас провернул перед всем двором король, Морган взял шпоры и склонился, выполняя необходимую процедуру. Дункан тем временем с неловкостью поглядывал на короля. Морган знал, какой аргумент готов предложить Дункан, но это не сыграет никакой роли.

— Келсон, я польщен, и это не описать словами, но ты уверен, что хочешь видеть, как я это делаю? — спросил Дункан, когда Морган закончил пристегивать шпоры.— Мне понятно, чего ты хочешь добиться, но Дугал — твой названный брат. Это также важно. Разве ты не считаешь более подходящим, чтобы вы были связаны и через посвящение в рыцари?

— Эта связь уже есть, поскольку я посвятил в рыцари тебя,— ответил Келсон, вкладывая рукоять отцовского меча в руку Дункана. На лице короля появилось выражение, пресекавшее все возможные споры.— Эта связь также укрепитя через мой меч.

«Прочитай, что он думает, если не веришь мне,— продолжил Келсон, послав Дункану ментальный им-

пульс.— Неужели ты считаешь, что он соврет в подобной ситуации?»

Дункан сглотнул, посмотрел на сына и прочитал у него в сознании благоговение и обожание. Он также уловил легкое удивление Дугала, рассматривавшего блеск тяжелого меча Халдейнов в руке отца. Это вызвало в памяти сомнение, давившее на Дункана последние три дня. И тут он понял: тот вопрос тоже следует разрешить. Он не сомневался, что Дугал одобрит его и что у Моргана не будет возражений. Дункан послал ментальный импульс королю, робко прощупывая почву, и тут же получил королевское согласие и одобрение и даже уловил радость, еще до того, как смог сформулировать в мозгу прямой вопрос.

— В таком случае пусть будет так,— сказал он вслух, расправив плечи, а затем сконцентрировал ментальные силы на тяжелом королевском мече в своей руке.

В нем содержалась магическая сила долгой череды Халдейнов — в этом не было сомнения. Благодаря чувствам, присущим Дерини, Дункан ощущал, как меч дрожит у него в руке. Он положил вторую руку на рукоять, чтобы успокоить его, а затем медленно поднес к губам, чтобы поцеловать священный знак, выгравированный на нем, одновременно позволив магии Дерини выйти на свет Божий и явить себя в виде серебристого луча, метнувшегося вдоль клинка. Этот свет тек, подобно ручейку воды, вниз по стальному лезвию, а затем также быстро стал подниматься по его рукам и вскоре весь он, от головы до пят, был окружен этим свечением, словно плащом. Наконец, Дункан открыто и безошибочно показал, что он — Дерини. Наблюдавшие за происходя-

щим шумно вздохнули. Когда Дункан опустил святающееся лезвие двумя руками на правое плечо Дугала, сразу наступила тишина.

— Во имя Отца,— клинок коснулся правого плеча,— и Сына,— клинок переметнулся на левое,— и Святого Духа. Аминь.

Меч дотронулся на головы Дугала, а потом Дункан опустил его ниже, остановив острие напротив глаз сына. Свет Дерини перешел к Дугалу и образовал подобие нимба вокруг его медных волос. Он сиял, как появившийся неизвестно откуда золотистый солнечный свет. Глаза Дугала светились от восторга, и слова, которые требовалось произнести, чуть не выпали из памяти Дункана.

— Будь благородным и честным рыцарем, сын мой,— удалось выдать из себя Дункану, который сам удивился твердости своего голоса и гробовой тишине, в которой произносились слова.— Будь преданным и правдивым, и пусть Господь одарит тебя, великой любовью к Нему и нашему королю.

— Аминь! — с чувством воскликнул Келсон, когда Дункан снова поднес к губам меч для поцелуя, а затем вначале его собственная аура, а потом и аура Дугала пропали.— Встань, сэр Дугал, и получи другие рыцарские символы.

Когда Дугал поднялся, в его глазах блеснули слезы гордости. А Дункан прошептал:

— Спасибо, сир,— затем, поменяв положение меча, протянул его Келсону, еще раз преклонив колено.

«И хотя ты и не просил этого,— продолжил Дункан ментально,— я повторяю свою клятву тебе. Я буду служить тебе вечно, и как священник, и как Дерини, теперь уже в открытую, если ты того пожелаешь.»

Меч задрожал от эмоций, пролетающих между ними, когда рука Келсона уже держала рукоятку, а клинок все еще касался рукава Дункана. Король изменил положение меча так, что он оказался на его вытянутых руках, молча предлагая Дункану дать ответ.

Они не произнесли ни слова вслух, и только немногие из зрителей уловили важность происходящего. Теперь большинство собравшихся в удивлении размышляли, а то и перешептывались о значении только что увиденного, и все поняли: и Дункан, и Дугал относились к Дерини. Словно они оба заранее репетировали это, Дункан на мгновение положил свои ладони на ладони Келсона, а потом наклонился к мечу и слегка коснулся его губами, молча подтверждая священную клятву.

Затем он поднялся на ноги, а Келсон убрал меч в ножны, жестом подзывая Дугала, чтобы Мерауд застегнула у него на талии белый пояс. Когда намерения Дункана стали очевидными, Джехана удалилась не только с возвышения, но и вообще из зала.

— Я, Дугал, признаю себя твоим вассалом. Моя жизнь и плоть принадлежат тебе. Я клянусь почитать тебя и служить тебе,— объявил Дугал, еще раз склонив колена, чтобы произнести эту клятву.

Стоило ему сказать последнее слово, как зал взорвался восторженными криками жителей приграничья из земель Макардри, громко объявляющих о своем одобрении всего сделанного и не позволяя никому сказать ничего против их молодого господина и его отца. В конце концов, Дугал был их вождем, избранным их прошлым вождем, внуком прошлого вождя, независимо от того, кто его отец.

И даже музыканты, играющие на дудках, присоединились к поздравлению, прогудев радостную мелодию. Дудки удалось втайне пронести в зал, несмотря на тщательный досмотр гофмейстером Родри и его помощниками, которые всегда с тревогой и беспокойством относились к традициям приграничья. Восторженные крики и звуки дудок прекратились только когда Келсон поднял руки, ладонями к залу, таким образом прося тишины. Но он улыбался и качал головой, когда подданные Макардри подняли и отца, и сына-Дерини на свои широкие плечи и торжественно отнесли их в свою часть зала, чтобы сполна насладиться моментом.

Потребовалось немало времени, чтобы вновь установить порядок для продолжения процедуры посвящения в рыцари. Правда, дальнейшие церемонии не вызывали такого напряжения и бурных выражений эмоций, как радость людей Дугала. Тем не менее, акколада принесла глубокое удовлетворение многим молодым людям.

После того, как король завершил процедуру посвящения в рыцари, рядом с тронном оказались двадцать два новоиспеченных рыцаря в красных мантиях, по одиннадцать с каждой стороны. Конал все еще сидел рядом с отцом, что являлось прерогативой принца крови, Дугал находился по левую руку от короля, на том месте, которое до этого занимал Морган. Рыцари-наставники занимали первые ряды зрителей, стоящих в зале, спускаясь на отведенное место после того, как завершалась процедура посвящения кандидата. То, чему предстояло последовать теперь, требовало объединения сил, а также демонстрации рыцарского достоинства и духа Гвиннеда, старого и нового.

Когда Сэйр де Трегерн объявил, что все готово для встречи посла Торента и сопровождающих его лиц, герцог Эван отвел своих новых молодых подопечных подальше в сторону, вслед за Кардиелем и его священниками. Морган и Дункан незаметно прошли между оруженосцами, чтобы прикрыть молодого Лайема.

— Мы можем пригласить их в любой момент, когда вы будете готовы, сир,— тихо сказал Сэйр, склоняясь перед королем.— Однако сперва посмотрите на них.

Келсон улыбнулся, мельком уловив эту картину в воспоминаниях Сэйра — прибывшие и впрямь выглядели довольно необычно, по меркам Гвиннеда... однако он лишь снял с пояса меч в ножнах и вновь положил себе на колени.

— Хорошо. Мы готовы их принять,— сказал он.

Когда Сэйр поднялся и повернулся, чтобы дать знак одному из своих людей, стоявших в боковых галереях, Келсон поймал взгляд престарелого лорда Родри, который ждал сигнала в дальней части зала. Гордо подняв голову, пожилой мужчина вышел на середину зала, расчищая дорогу, и громко стукнул об пол посохом гофмейстера.

— Ваше величество, посланники Торента просят аудиенции.

После кивка Келсона двери в конце зала распахнулись.

— Пусть войдут.

Забили барабаны, по которым ударяли не палочками, а руками, возвещая о появлении гостей. Одетые в черное барабанщики были маврами, точно также, как и двадцать одетых в белое воинов, следовавших за ними, как почетный эскорт самого посла,

который еще не показался. Под широкими свободными накидками поблескивали кольчуги, когда мужчины проходили по расчищенному центральному проходу. Они несли копья и небольшие круглые щиты с металлическими украшениями, а также загнутые мечи, заткнутые за широкие пояса из бледно-желтого шелка. На головах у всех были аккуратные тюрбаны.

Мавры парами быстро отсалютовали Келсону, ударив копьями по щитам, и разделились на две группы, выстроившись двумя рядами вдоль центрального прохода. А затем, когда неожиданно прозвучавший цокот копыт на ступенях снаружи объявил о приближении самого посла, мавры как один повернулись в его сторону и одновременно опустили копья, приветствуя сопровождаемого ими человека.

Судя по его одеянию, посол Торента тоже был мавром, хотя и более смуглым, чем кто-либо из мавров, когда-либо виденных Келсоном. Он восседал на рыжеватом берберском коне, значительно более высоким, чем лошади этой породы, его свободные одежды точно также отливали янтарным цветом, как и бока скакуна, правда на нем был белоснежный тюрбан, складка которого скрывала нижнюю часть его лица. Наибольшее впечатление производила огромная пятнистая кошачья шкура, лежавшая на плечах мужчины. Передние лапы зверя соединялись на груди, а огромная голова покоилась на его левом плече. Ее шерсть блеснула на солнце, когда посланник на мгновение замер в дверях, чтобы оценить ситуацию в зале.

Гордо, по-королевски, он двинулся вперед, заставив своего скакуна медленно продвигаться к центру зала, пол которого был выложен камнем. На первый

взгляд казался, что мужчина не вооружен, хотя под плащом у него могло скрываться любое оружие. Или, возможно, в этом не было необходимости, поскольку когда Келсон и остальные Дерини, собравшиеся вокруг него, осторожно прощупали новоприбывшего, они тут же натолкнулись на прочно установленные ментальные щиты.

Значит, этот человек сам был Дерини или, по крайней мере, его хорошо защищал кто-то из Дерини. И он сразу понял, что происходит... Сверкнув глазами, посланник остановил скакуна в центре зала.

А когда он бросил поводья и перенес ногу через седло, готовясь спрыгнуть на пол, золотистые глаза огромной кошки внезапно мигнули, и голова зверя приподнялась и распахнула пасть в широком зевке.

Глава четвертая

Тайну цареву прилично хранить¹

Огромная кошка осторожно расцепила когти и грациозно прыгнула на пол с негромким ворчанием. Келсон с шумом выдохнул воздух, и этот вздох был повторен почти каждым из находившихся в зале. Придворные отпрянули, подобно морю, расступившемуся пред Моисеем. И если сперва толпа лишь возбужденно перешептывалась, под впечатлением от появления посланника, то когда мавр изящным движением соскользнул на пол рядом с хищником, по залу прокатилась волна восхищенных возгласов.

Торентский посланник вместе с огромной кошкой проследовал к ступеням, ведущим к возвышению. Один из его подчиненных взял под уздцы скакуна и повел его назад, к выходу из зала, и остался ждать там. Когда мавр остановился, кошка тут же села, внимательно наблюдая за тем, как хозяин медленно снимает повязку, закрывающую нижнюю часть лица. Затем мавр на несколько секунд позволил ауре Дерини вспыхнуть вокруг головы, что, в свою очередь, вызвало очередную волну ропота, пронесшуюся по залу. У мужчины оказались тонкие черты лица,

¹ Товит 12:7

узкий нос с горбинкой и аккуратно подстриженная борода и усы.

— Пусть Аллах, Всепонимающий и Милостивый, дарует всем в этом доме мир и здравие,— сказал мужчина, грациозно дотрагиваясь до груди, губ и лба, таким образом приветствуя всех, затем поклонился.

Его голос был низким и мелодичным, в нем слышался лишь слабый акцент.

— Я — Аль Расул ибн Тарик, посланец моего господина Махаэля Второго Арьенольского, опекуна принца Ронала Торентского и регента короля Лайема в отсутствие его царственной матушки, леди Мораг. Мой господин Махаэль просил передать свои поздравления в связи с посвящением в рыцари, лорд Келсон. Он надеется, что ты примешь от него небольшой подарок в знак его уважения, от одного рыцаря другому, в память об этом счастливом событии. Мой господин Махаэль специально просил патриарха Беддура освятить его.

С этими словами, мужчина достал из-за пояса небольшой предмет, завернутый в шелк, и протянул на вытянутой руке.

— Пожалуйста, прими это, а также мои личные поздравления,— продолжал Расул, когда Дугал, по знаку Келсона, приблизился, чтобы взять подарок. Оба молодых человека внимательно следили за огромной кошкой.— Среди правоверных нет обычая рыцарства, но мы понимаем, какая эта честь для ваших людей. Мое почтение также всем остальным юношам.

Келсон лишь мельком взглянул на поднесенный подарок — богато украшенное эмалью распятие в восточном стиле... только чтобы убедиться, что пред-

мет не таит в себе никакой враждебной магии. Но все внимание короля оставалось прикованным к огромной кошке.

— Пожалуйста передай мою благодарность твоему повелителю, шейх Расул,— осторожно сказал Келсон, прикидывая, как поступить, если зверь вдруг решит прыгнуть. Когда Расул начал говорить, зверь уселся рядом, и лишь гибкий хвост мерно продолжал хлестать по полу, но желтые глаза с большим интересом наблюдали за происходящем на возвышении. Одна огромная лапа уже легла на нижнюю ступень, слегка царапая когтями бесценный келдишский ковер. Если хищник все же вздумает броситься, то тут никакие лучники не помогут,— хотя стрелки взяли оружие наизготовку немедленно, едва лишь увидели хищника.

Мне кажется, ей не по душе холодный пол,— внезапно поступил ментальный сигнал Дугала, удививший Келсона. Похоже, он ничуть не боялся.— *Кошки все не любят холода. Правда, красавица?!*

Келсона, который в этот миг как раз передавал распятие Рори, это настолько поразило, что он даже запнулся посреди речи и удивленно покосился на Дугала, прежде чем продолжить. А он и забыл, как его названный брат хорошо понимает животных...

— Передай своему повелителю, шейх Расул, что я желаю мира и здоровья всем в его доме и, надеюсь, оба наши королевства будут жить в мире и процветании.

— Обязательно передам, мой господин.

Расул еще раз поклонился, хотя и не слишком низко, держа правую руку на груди, а выпрямляясь стал нарочито осматривать верхние галереи, несомненно в поисках Мораг. Лайема он уже увидел —

тихо стоящего среди оруженосцев между Дунканом и Морганом, причем последний покровительственно держал руку на плече мальчика. И Расулу определенно не нравились лучники.

Ни он, ни Келсон ничего не сказали, но Келсон медленно поднял руку, жестом показывая лучникам, что можно опустить оружие. Он мог позволить себе такую уступку. Если зверь все же решит наброситься — а Дугал определенно считал, что этого не произойдет — лучники не смогут его остановить.

— Спасибо, мой господин,— тихо произнес Расул, еще раз склонив голову в тюрбане.— Мое следующее послание предназначается королю Лайему и его матери, хотя я почему-то не вижу леди Мораг. Надеюсь, она находится в добром здравии?

— Она прекрасно себя чувствует, шейх,— холодно ответил Келсон.— Если бы я мог сказать то же самое о ее манерах, то, не сомневаюсь, ее пребывание при моем дворе оказалось бы гораздо более приятным для всех заинтересованных лиц.

Расул хмыкнул и непроизвольно вздернул подбородок, отчего огромная кошка немедленно прекратила урчать и подняла голову, тревожно глядя на хозяина.

— Готов признать, государь: леди Мораг порой недостает терпения,— позволил себе заметить мавр,— что вполне может случиться с любой дамой благородного происхождения, если ее против воли держат пленницей целый год, хотя обещали освободить полгода назад.

Итак, Расул не собирался ходить вокруг да около, сразу же перейдя к главному вопросу. Прекрасно. Это исключает необходимость играть в дипломатические игры. Формулируя ответ, Келсон осторожно ис-

пользовал свою способность определять, говорит человек правду или лжет, проверяя ответы мавра. Правда, на таком расстоянии другого Дерини сложно проверить. С другой стороны, Расулу это будет тоже нелегко.

— Обещание, шейх, было дано до того, как посланцы Торента попытались совершить покушение на моего дядю прошлым летом в мое отсутствие,— сказал король.— В соответствии с законом, я был бы вправе казнить обоих пленников, если бы только не указания на то, что смерть Лайема также входила в цели убийц.

— Сир, эти намеки не только оскорбительны, они нелепы и противоречат здравому смыслу! — ответил Расул.— Если бы на самом деле те люди были из Торента — хотя тут я могу лишь поверить тебе на слово, мой господин,— мавр изобразил насмешливый поклон,— зачем им желать смерти своего короля?

Да, посланец был искусен, он никогда не делал лживых заявлений, но Келсон знал, сколько неправды может быть сокрыто в том, о чем Расул *умалчивал*. Кроме того, они с Морганом допрашивали пленников, все еще томящихся в тюрьме в подземелье. *Кто-то* хотел смерти Лайема.

— Сие мне неведомо, шейх,— парировал Келсон.— Не исключено, что их хозяин желал погубить Лайема, но я отнюдь не утверждаю, что этот человек — твой господин. Однако тут невольно задумаешься, кто больше всего выиграет, если наш юный гость королевской крови умрет до того, как полностью вступит в права наследования. Могу лишь заверить, что это не я — хотя бы потому, что наследник короля Лайема сейчас в руках твоего повелителя.

Мавр разумно предпочел промолчать, хотя явно в душе весь кипел, но урчание зверя усилилось и стало гораздо громче, на грани рыка, а хвост раздраженно бил по полу в ответ на очевидное возбуждение хозяина. Теперь обе передние лапы легли на нижнюю ступень.

— Я отказываюсь отвечать на намеки, столь очевидно нелепые,— наконец объявил Расул.— Если довести их до логического заключения, то получается, что леди Мораг поощрила и дозволила убийство своего собственного сына.— Он бросил взгляд на Лайема и поклонился ему.— Не слушайте эту ложь, мой принц. Делается все возможное, чтобы освободить вас.

— Что произойдет в свое время, шейх,— вставил Келсон, прежде чем мальчик мог произнести хоть слово,— но не сегодня и не в ближайшем будущем. В настоящее же время я намереваюсь оставить Лайема Торентского гостем Гвиннеда до достижения им четырнадцати лет. И сегодня я назначил его оруженосцем принца Нигеля Халдейна, герцога Катмурского...

— Сделал его оруженосцем?..

— Выслушай меня, шейх! Твой король еще юн годами. И прежде не предполагалось, что он когда-нибудь будет править Торентом. Не я подстроил смерть его старшего брата,— добавил он, позволяя Расулу прочитать его мысли по *этому* поводу.— Но мой долг — проследить, чтобы он получил должную подготовку к тому времени, как достигнет совершеннолетия.

— И что же это за долг, мой господин? — с вызовом спросил Расул.

— В прошлом году король Лайем принял обязательство, касающееся его королевства, в торжествен-

ной форме, которое принимается вассалом по отношению к феодалу,— ответил Келсон.— Так, как все было обговорено между мною и его дядей, усопшим королем Венцитом. Это передает его под мою защиту.

— Скорее тебе в услужение,— пробормотал Расул. Келсон вздохнул.

— Это навряд ли можно назвать услужением, шейх, если только не называть услужением то, что ребенок обязан повиноваться старшим, пока он получает от них уроки взросления. Я сам был в таком услужении и выполнял все даваемые мне указания с радостью, причем под руководством того же благородного рыцаря. Ведь в конце концов вашему королю следует где-то научиться управлять государством.

— Тогда пусть он обучается этому на коленях у своего дяди! — ответил Расул.— Ваш путь — не наш путь. Вы держите его в плену, вдали от родных и соотечественников...

— Но это содержание не отличается от передачи на воспитание в другой дом, которое проходит большинство юношей благородного происхождения,— ответил Келсон.— Он обучается вместе с моими кузенами королевской крови,— король махнул рукой в сторону Пэйна и Рори,— и он тренируется с цветом рыцарей Гвиннеда. И именно так ему бы предстояло прожить следующие четыре года, если бы он родился в благородной семье в Гвиннеде, а не в Торенте. Несомненно, ты не можешь считать, что это плохо.

Расул вздохнул в смущении.

— Едва ли мое мнение имеет значение, государь. Но моему повелителю Махаэлю это не понравится.

— Мне и не нужно, чтобы это ему нравилось,— ответил Келсон.— Мне нужно, чтобы он это принял,

как регент моего вассала, короля Торента. Моя канцелярия приготовила официальное послание, извещающее о моих намерениях в данном вопросе, и ты должен передать их своему господину Махаэлю по возвращении ко двору. Я желал бы встретиться с ним в Кардосе в июне.

Темное лицо Расула превратилось в маску.

— Ты *желал бы...*

Келсон откинулся назад на троне, не сводя глаз с Расула. Он почувствовал, как среди мавров нарастало напряжение, а посол внезапно стал абсолютно непроницаем для ментальных импульсов, воздвигнув сильнейшую защиту.

— Если ты предпочтешь другое выражение, то я *приказываю* это,— осторожно сказал Келсон.— А после того, как я лично встречу с твоим господином и получу от него заверения в мирных намерениях — а также о добром здравии принца Ронала — не сомневаюсь: мы сможем договориться об условиях освобождения вашей госпожи.

— А,— это единственное произнесенное слово, казалось, рассеяло все нарастающее напряжение среди людей Расула и в нем самом, еще сильнее укрепив веру Келсона в то, что он поступил мудро, осторожно прощупывая почву, и что в Торенте что-то готовится.— Значит, ты в самом деле намереваешься освободить леди Мораг.

Келсон на одно мгновение позволил своим защитам тускло сверкнуть — так, что это мог заметить только другой Дерини, и заговорщицки улыбнулся, а потом пожал плечами, глядя на посланника.

— Таких, как мы, при дворе Гвиннеда не так много, шейх. У герцога Махаэля с ней будет гораздо меньше проблем, чем у меня. Ты понимаешь?

Замечание содержало как раз достаточно легкой иронии, чтобы вернуть хорошее настроение мавру. Расул усмехнулся вслух — к удивлению практически всего двора — кивнул и снова поклонился Келсону.

— Понимаю, мой господин. Предполагаю, мне не удастся хотя бы недолго переговорить с ее высочеством?

— К сожалению, нет, шейх,— ответил Келсон.— Надеюсь, ты поймешь, почему.

Конечно, он не стал предлагать более пространного объяснения своего отказа — что Мораг больше нет в Ремуте, а у Расула не было оснований об этом подозревать. Когда мавр пожал плечами и поклонился, Келсон встал, придерживая меч на сгибе руки.

— Прекрасно. Я думаю, мы поняли друг друга. Могу я пригласить тебя и твоих людей присоединиться к нашему пиру, который начнется в самое ближайшее время, чтобы отпраздновать сегодняшнее посвящение в рыцари? Или, если ты желаешь, я могу предложить тебе менее официальную трапезу, пока не принесли послания твоему господину? Архиепископ Кардиель, пожалуйста, займитесь этим вопросом немедленно.

Расул опять с исключительной вежливостью склонил голову, а огромная кошка у его ног пошевелилась и лениво потянулась.

— Благодарю, государь, но нас ждет корабль в Дессе, и мы должны как можно скорее отправиться в путь, если хотим поймать прилив. Могу ли я в таком случае поговорить с лордом Лайемом, если уж мне не доведется увидеть его мать?

— В моем присутствии и перед всем двором. Да, ты можешь поговорить с ним сейчас,— ответил Келсон.

Молча подав сигнал Дугалу, чтобы тот составил ему компанию, король осторожно спустился на несколько ступеней, внимательно наблюдая за огромной кошкой. Дугал опередил короля на пару шагов, затем склонился и протянул руку к зверю — к вящему удивлению Расула.

— Мой юный господин...

— Все в порядке,— прошептал Дугал.

Келсон нервно откашлялся и бросил взгляд на Расула, сам слегка опешив от смелости Дугала.

— Позволь мне представить тебе моего названного брата, графа Траншайского,— сказал Келсон.— Признаюсь, шейх, он — смелее меня, поскольку я сам не рискнул бы предложить руку твоей великолепной спутнице, не зная, не предпочтет ли она скорее позавтракать ею.

Расул засмеялся, но на его лице отразилось искреннее изумление, когда кошка поближе подвинула голову, чтобы понюхать руку Дугала, затем лизнула ее огромным языком. Дугал только рассмеялся.

— А, я так и думал,— сказал Дугал.— Ты — красивая, большая домашняя кошка, любящая лежать у очага, не так ли, девочка?

Когда он протянул руку, чтобы почесать за огромным ухом, животное проползло немного вперед, а затем потерлось головой об его ноги, с довольным вздохом опускаясь на ковер.

— А, я не ошибся, не так ли? — ворковал Дугал.— Тебе не понравился холодный пол, моя красавица? Могу я спросить, шейх, как ее зовут?

Расул приподнял в удивлении одну бровь, слыша, как довольно урчит огромная кошка, закрывшая глаза и продолжающая тереться о ноги Дугала.

— Если ты имеешь в виду ее имя, юный лорд, то ее зовут Кисах, что означает «свет»,— ответил мавр.— Если ты спрашиваешь о ее породе, то это гепард. Они — единственные из породы кошачьих, которых можно приручить с большой долей надежности. Мои люди используют их и для охоты, и в качестве телохранителей. Но... разве ты ее не боишься?

Дугал пожал плечами и улыбнулся, когда самка гепарда ткнула его носом, чтобы он не прекращал чесать ее. А когда он снова запустил руку ей за ухо, опять заурчала.

— Она знает, что я не причиню ей зла, шейх,— сказал он.— Мы, люди с приграничных земель, знаем, как обращаться с животными, не так ли, Кисах?

Самка гепарда только закрыла глаза и еще крепче прижалась к руке Дугала, урчание стало громче. Несколько секунд понаблюдав за этой сценой, Расул покачал головой и, скрывая улыбку в бороде, посмотрел на Келсона.

— Кажется, при дворе Гвиннеда существуют чудеса, о которых я и не подозревал, государь,— с уважением сказал он.— Но у меня, в самом деле, нет времени, и я не могу у вас задержаться. Может быть, молодой укротитель гепардов проводит меня к лорду Лайему?..

Огромная кошка вскочила на ноги и внимательно смотрела на Дугала, когда он кланялся Расулу, а затем спокойно пошла между Дугалом и Расулом, вслед за Келсоном, провожающим странное трио через зал к тому месту, где вместе с другими оруженосцами стоял Лайем. Остальные мальчики и придворные при их приближении отошли назад, Лайем остался на месте. По его бокам так и стояли Морган с Дунканом. Получив разрешающий кивок Морга-

на, мальчик шагнул вперед и обвил руками шею Кисах, смеясь, когда огромная кошка в свою очередь обвила его тело лапами и лизнула в лицо. Наконец Лайем отпустил гепарда и поднял голову, чтобы поприветствовать посла, все еще держа одну руку на шее кошки. Расул церемониально поприветствовал его, приложив кончики пальцев к груди, губам и лбу.

— Пусть Аллах позволит тебе править долго, мой принц.

— Шейх Расул, я рад видеть тебя.

— А я тебя, мой принц, хотя, кажется, я мог бы прислать только Кисах, чтобы ты был доволен. С тобой хорошо обращаются, мой господин?

— Да, конечно,— Лайем бросил косой взгляд на Моргана и Дункана, продолжая ласкать кошку.— Многое здесь совсем по-другому, но я столько всего узнал! А теперь я назначен оруженосцем принца Нигеля. Это великая честь. Когда я вырасту и вернусь в Торент, я надеюсь быть таким же великим воином, как он!

Расул засмеялся, как и ожидалось, а Лайем спрята лицо в шерсти Кисах, радостно ее обнимая. Однако глаза мавра смотрели безжалостно, когда он присел напротив мальчика, с гепардом между ними.

— Ну, это приятно слышать, мой принц, и ты определенно вырос с нашей последней встречи. Но разве ты не скучаешь по своему брату? Сейчас он — паж твоего дяди Махаэля, который тоже почел бы за честь сделать тебя своим оруженосцем. Разве тебе не кажется, что королю вначале следует выучить обычаи своего народа, а потом уже изучать традиции других?

Лайем казался расстроенным, его нижняя губа задрожала, но Морган тут же шагнул вперед и положил руку на плечо мальчика, а затем встретился взглядом с Расулом, бросая тому вызов.

— Долг короля — узнать обычаи и традиции многих народов, шейх,— сказал он спокойно.— А те, кто любит своего короля, не должны играть на его детских страхах, чтобы отговорить от выполнения долга. Если ты настаиваешь на этом, то послужишь ему плохую службу.

Келсон почувствовал, как ментальные щупы Расула коснулись его собственных щитов, когда мавр проверял всех, стоявших рядом с молодым королем, и обнаружил только других Дерини. Улыбнувшись, Расул поднялся на ноги и поклонился, держа правую руку на сердце.

— Я вижу, у тебя хорошие слуги, король Гвиннеда,— сказал он тихо.— Так что я не буду настаивать. А поскольку дело обстоит именно таким образом, я уеду, как только получу документы, которые ты приказал мне отвезти — поскольку не хочу, чтобы кто-нибудь говорил, что Аль Расул ибн Тарик хотел сделать своего короля несчастным. Если не ошибаюсь, вот идет ваш уважаемый архиепископ.

Арилан оказался рядом с Кардиелем, когда архиепископ приблизился с кожаной сумкой курьера в руке. Расул удостоил обоих прелатов уважительного поклона перед тем, как повернуться спиной к Лайему. Когда епископы приблизились, Келсон заметил, что вид у обоих не слишком-то довольный, и подумал, что Арилан, вероятно, подошел вместе с Кардиелем, чтобы защитить того, если Расул вздумает попытаться проникнуть в его сознание. Но у короля не было времени дальше размышлять на эту тему, поскольку

Расул вновь поклонился Лайему и протянул руку, словно хотел до него дотронуться.

— Мой принц, я передам твои приветствия дяде и, надеюсь, обстоятельства вскоре позволят тебе поприветствовать его лично. А пока я хотел бы поцеловать твою руку...— Однако ему это не удалось, так как Дункан поспешно встал между ними.— Но, как я вижу, это не позволено. Так что я просто хочу откланяться, пожелав тебе доброго здоровья. Салям алейкум, мой принц. Пусть Аллах хранит тебя.

— Несомненно, он сделает это, шейх,— сухо заметил Келсон.— Архиепископ, документы готовы?

Кардиель холодно поклонился королю и протянул ему бумаги.

— Да, сир. И могу ли я предложить вашему величеству назначить почетный эскорт, чтобы проводить шейха Расула и его мавров по крайней мере часть пути до Дессе, где стоит их корабль? — Он посмотрел прямо на Дункана.— Возможно, один из твоих старших герцогов согласится отправиться в путь, потому что мне не хотелось бы лишать никого из вновь обращенных рыцарей участия в празднествах, устраиваемых в их честь. Может быть, герцог Кассанский?

— Я согласен, сир,— вставил Арилан.— Герцог Дункан — прекрасная кандидатура.

Использование обоими епископами обращения «герцог», а также их внезапное желание отправить Дункана со двора, заставили Келсона задуматься, не сердятся ли Кардиель с Ариланом на своего собрата-священнослужителя. Конечно! Дункан не посоветовался с ними перед тем, как на глазах у всего двора подтвердить, что он — Дерини.

Но Келсон даже не успел посмотреть на Дункана. Сделав шаг вперед, Морган предупредительно положил руку ему на рукав.

— Если вы позволите, сир,— мягко сказал он,— я тоже поеду проводить шейха Расула. Даже двух герцогов недостаточно для сопровождения человека его уровня, а празднества сегодняшнего вечера, как заметил его преосвященство, предназначены для молодых рыцарей.

* * *

Праздник для новопосвященных рыцарей начался практически сразу же после того, как Морган с Дунканом вывели заморских посланцев из зала. Правда, Келсону потребовалось около часа, чтобы полностью расслабиться и наслаждаться происходящим.

Кардиель с Ариланом исчезли до того, как он успел обменяться с ними хоть словом. Вольфрама тоже было нигде не найти после начала праздника. У короля появилось нехорошее предчувствие, но он ничего не мог поделать, чтобы не возбуждать излишних волнений. А этого на сегодня и так уже было достаточно, причем и благодаря его собственным усилиям.

— Как ты считаешь, они разошлись, потому что мой отец признался в своей принадлежности к Дерини? — спросил Дугал Келсона, когда они вдвоем ели жирную курицу с финиками и облизывали пальцы, делая вид, что наблюдают за выступлением акробатов.

Музыканты слишком громко играли в одной из боковых галерей, и Келсон с трудом слышал Дугала,

сидящего рядом. Значит, он мог не опасаться, что их подслушает кто-то посторонний.

— Вероятно,— ответил он.— Что-то их определенно расстроило, а вокруг находилось слишком много Дерини, поэтому я не мог точно определить, что именно. Да и вы с этой огромной кошкой немало этому поспособствовали.

Дугал улыбнулся, пропустив замечание мимо ушей.

— Но, возможно, и к лучшему, если Дункана не будет здесь оставшуюся часть вечера,— продолжал Келсон.— В том, что касается принадлежности к Дерини, твое положение мало чем отличается от Аларика, так что тебе никто не будет досаждать по этому поводу — по крайней мере, пока ты сидишь рядом со мной. Но Дункан уже многим наступил на больную мозоль — зачал тебя, стал епископом, а теперь еще и признался в том, что он — Дерини. Уверен, через некоторое время все уляжется, но не надо самому призывать неприятности на свою голову. Более того, идея-то неплоха: послать двоих Дерини, чтобы удостовериться, что мавры благополучно уберутся восвояси. Дерини, обладающей такой силой, как Расул, в состоянии принести немало зла, если захочет.

— Хм-м, ты, вероятно, прав,— согласился Дугал, задумчиво откусывая хлеб и обводя глазами зал.— В любом случае, наверное, не стоит портить вечер, беспокоясь об этом. Кстати, ты заметил, кто сидит с твоей тетей Мерауд, вон там, рядом с Сэйром и герцогом Эваном?

Сделав большой глоток вина, Келсон посмотрел, куда указывал Дугал, переводя внимание с пары жонглеров. Слева от Мерауд, ближе всех к Келсону, расположилась принцесса Джаннивер, скромно раз-

деляя деревянный поднос с жареной птицей с бывшем оруженосцем Келсона, теперь сэром Джатамом. Ну и дела! Но Келсону пришлось дважды посмотреть в ту сторону, чтобы узнать женщину, сидевшую с другой стороны Мерауд — и он чуть не поперхнулся вином.

Это оказалась Росана. Если бы она, как король и ожидал, была в голубом одеянии послушницы, он бы тут же заметил ее, но ему никогда раньше не доводилось видеть ее в светском наряде. Ее наряд был того же цвета, что вино в его бокале. У платья был высокий ворот и широкие рукава, по краям расшитые серебряной нитью. Волосы прикрывала розоватая газовая вуаль, на восточный манер, удерживаемая серебряным обручем, украшенным алыми камнями размером с виноградины. На лице выделялись огромные карие глаза, в которых мужчина мог просто утонуть.

— Боже праведный! — прошептал Келсон, когда снова смог дышать.

Дугал только усмехнулся и покачал головой.

— И это говорит мужчина? Можно подумать, тебе никогда раньше не доводилось видеть красивых девушек. И она все-таки монашка.

— Тогда где ее ряса?

— Не знаю. Мне спросить у нее?

— Если ты это сделаешь, я убью тебя, — пробормотал Келсон, хватая Дугала за рукав, причем шутил он только наполовину, когда Дугал сделал движение, словно собираясь осуществить то, о чем говорил.

Дугал только улыбнулся и отхлебнул вина, осматривая зал.

— Не беспокойся. Для меня найдутся другие занятия, а не поиск пары мужчине, который не хочет,

чтобы его с кем-то соединяли. Интересно, а дочь графа Картанского согласится со мной сегодня потанцевать? Потом есть еще леди Агнес де Барра — если удастся обойти ее вечно находящегося на страже брата. Тебе пожалуй, удастся. Мне вас познакомить?

— Не представляю, как у тебя это получается, — сказал Келсон, качая головой. — Давай, действуй. Не думаю, что я достаточно пьян для этого.

К тому времени, как пир закончился, центр зала освободили для танцев. Дугал уже воплощал в жизнь свое хвастовство, смело флиртуя чуть ли не со всеми присутствующими дамами. Точно так же делали и остальные молодые люди. Келсон должным образом солировал в паване с тетей Мерауд, так как его мать отказалась присутствовать на пиру, а потом, по мере продвижения вечера, наблюдал, как Дугал и Конал приглашали Росану танцевать. В конце концов, во время перерыва в веселье он оказался рядом с Нигелем, выпив больше, чем следовало бы, с беспокойством размышляя о епископах, послах Торента и торентских принцах.

Келсон попытался не думать о худшем. Он был уверен, что вопрос можно решить без особых проблем. Не то чтобы Кардиель с Ариланом не знали, кто такой Дункан, хотя, как предполагал король, некоторые другие епископы могут быть не очень довольны после того, как весть разнесется по стране.

Однако сейчас его гораздо больше беспокоила проблема Торента. Расул зародил много сомнений в душе Келсона. И, как он предполагал, именно это и было истинным намерением мавра.

Мог ли он неверно оценить опасность? Было ли обещание рассмотреть вопрос освобождения Мораг ошибкой, даже если Келсон вместо нее возьмет в за-

ложники принца Ронала? Как кровные племянники Венцита, Лайем, а после него Ронал — законные наследники в Торенте, и Келсон не претендует на их земли. У него и так много территорий и проблем с сохранением мира в своем королевстве.

Но дети их матери от второго брака могут считаться равными претендентами на трон Венцита Торентского, пусть и не главными претендентами. Однако они скорее получит поддержку местной знати, чем два принца, живущие при дворе короля соседней земли, в особенности, если отцом младших претендентов окажется кто-нибудь из высшей торентской знати и такой же сильный лидер, как Махаэль Арьенольский.

Келсон сделал все возможное, чтобы показаться внимательным, когда лорд Родри объявил труппу артистов, а слуги зажгли больше факелов, разгоняя спускающуюся тьму. Но из-за его собственных проблем короля мало интересовали подвиги легендарного сэра Арманда, хотя ему и льстило сравнение с известным рыцарем.

К тому времени, как пьеса закончилась, Келсон понял: ему требуется обсудить ситуацию с другими, так как его собственного анализа явно недостаточно. Но было непохоже, что это у него получится сегодня вечером.

Дугал на сегодня был ему плохим помощником. Он отправился в другой конец зала и напропалую флиртовал с дочерью графа Картанского.

От епископов было еще меньше толку — они испарились, не скрывая недовольства, что Дункан наконец открыто объявил о своей принадлежности к Дерини.

Нигель обменивался шутками с Родри и Эваном на другом конце стола, М-рауд вернулась к своим обязанностям дуэньи Джаннивер и Джатама, Росана танцевала гавот с Рори, а мать короля ушла молиться.

А где сейчас могут быть Морган с Дунканом, он не имел ни малейшего представления.

Глава пятая

Пирь устраниваются для удовольствия, и вино веселит жизнь¹

В то время, когда двор Гвиннеда наслаждался выступлением актеров, переживая за праведного и благородного сэра Арманда, а Келсон размышлял над проблемами Торента и епископов со все усиливающимся беспокойством, Морган с Дунканом находились в часе езды от Дессе и корабля, который должен доставить посла Торента назад к своему господину. Поскольку мужчины ехали по обе стороны Расула, такого же Дерини, как и они сами, Морган с Дунканом не могли обмениваться мнениями о Кардиеле и Арилане, хотя оба и горели желанием это сделать. Об обсуждении вслух вообще не могло идти и речи, поскольку это открыло бы послу Торента гораздо больше о делах двора Келсона, чем тому следовало знать. Теоретически, они, конечно, могли бы общаться ментально, посылая друг другу направленные импульсы таким образом, что Расул не узнал бы об этом. Однако подобное было невозможно практически — пока они вели беседу со своим гостем.

¹Экклесиаст 10:19

Аль Расул ибн Тарик выказал себя любезным и словоохотливым собеседником, пока они ждали, когда эскорт из копьеносцев Халдейна наконец соберется, а затем проследует к городским воротам. Вначале Расул сыпал комплиментами по поводу планировки дворца, который они только что покинули, причем касался всех деталей, начиная со сводов и до фундамента, затем последовала бесконечная череда вопросов об архитектуре города. Судя по вопросам, можно было сказать: Расул знает, о чем говорит. Ремут Прекрасный славился красотой и за пределами одиннадцати королевств. Как оказалось, мавр сам был владельцем нескольких замков и укрепленных крепостей в Торенте и северном Форсинне.

Разговор об архитектуре занимал их, пока они не миновали городские ворота. Время от времени лошади взбрыкивали от страха перед Кисах, которая, подобно королеве, путешествовала за спиной Расула. В начале путешествия Моргану и Дункану приходилось использовать все силы Дерини, чтобы успокоить коней, так что на обмен мнениями просто не оставалось времени. Копьеносцы держались позади, вместе с маврами Расула.

Наконец они выехали за городские ворота и поспешили быстрее, чтобы засветло добраться до Дессе, но на рысях теперь даже разговор вслух стал невозможен. За городом огромная кошка спрыгнула на землю и понеслась впереди скакуна Расула, и лошади Моргана и Дункана немного успокоились. За ними парами ехали мавры, а между каждой парой строилось по паре копьеносцев Нигеля Халдейна.

Они только что миновали последнюю стоянку баржей перед Дессе, и им оставалось меньше часа до цели, когда Расул внезапно поднял руку, придержал

скакуна, перейдя на шаг, затем заставил его остановиться.

Морган с Дунканом последовали его примеру. За их спинами остановились люди Расула и копыеносцы, а огромная кошка приблизилась, в ожидании приподняв голову.

— В чем дело? — спросил Морган, у которого мгновенно зародились недобрые подозрения, потому что именно этот отрезок дороги пролегал на некотором удалении от окрестных деревень.

Расул приложил палец к губам и слегка покачал головой.

— Все в порядке, господа. Мне просто хочется поговорить с вами без свидетелей. Давайте немного проедем вперед от остальных.

Морган и Дункан обменялись вопросительными взглядами, однако Дункан, как и Морган, не обнаружил никакой опасности. Теперь им обоим было любопытно, и Морган, осторожно наблюдал за приближающейся самкой гепарда, оглядываясь через плечо.

— Сэйр, остаешься за старшего.

— Хорошо, ваша светлость.

— Спасибо, мой господин, — тихо сказал Расул, жестом призывая огромную кошку к ноге. — Кисах, останься тут.

Самка гепарда опустилась вначале на задние лапы, потом улеглась на живот, положив голову на передние лапы, а трое Дерини отправились вперед, оставив своих воинов в двадцати ярдах позади.

Лошадь Моргана шла рядом со скакуном Расула так близко, что колени мужчин почти касались друг друга. С другой стороны ехал Дункан.

— Что ты хотел нам сказать? — спросил Морган.

Расул улыбнулся.

— На самом деле я хотел поговорить с твоим уважаемым спутником, мой господин. Архиепископ... Кардиель кажется? Он ведь не Дерини?

Дункан тут же насторожился.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что, мой дорогой герцог Дункан Кассанский, он был очень зол на тебя и хотел, чтобы ты покинул замок — насмотря даже на то, что тебя, очевидно, очень любит ваш молодой король. Ты можешь сказать мне почему? Я спрашиваю только из любопытства, как один Дерини другого, и потому что ты кажешься мне честным и благородным человеком.

Морган удивленно посмотрел на Дункана, Дункан только улыбнулся.

— Да, я могу тебе сказать, почему,— ответил он.— Ты не присутствовал в начале торжественной церемонии при дворе короля. Сегодня мой сын был посвящен в рыцари. Именно он очаровал твою Кисах. Только очень немногие до сегодняшнего дня знали, что я — Дерини, но все знали, что я — епископ.

У Расула изменилось выражение лица.

— Епископ,— произнес он.— А он — сын епископа. Прости. Значит, этот парень...

Усмехнувшись, Дункан покачал головой.

— Нет, мой господин, он законнорожденный. Я женился на его матери до его зачатия, но она умерла вскоре после его рождения. И только тогда я стал священником. Со временем люди к этому привыкнут. Многие уже привыкли. Нет, архиепископ рассердился на меня за то, что я одновременно являюсь и Дерини, и епископом. На самом деле, и это не совсем так: он уже некоторое время знал, кто я, но предпочитал не замечать этого. Просто мне следова-

ло заранее предупредить его, что я намерен публично признаться в своей принадлежности к Дерини. Боюсь, это просто не пришло мне в голову.

Расул кивнул с серьезным видом.

— Понятно. Или скорее не совсем понятно, хотя я и слышал, что ваша Церковь относится к нашему племени без особой терпимости. Вы, христиане, странные люди, господин епископ-герцог: вы видите зло в том, что отличается от привычного, просто потому, что не понимаете отличий. Среди моих людей, людей моего господина, все не так, хотя они в большинстве своем тоже христиане. Мы, Дерини из Торента, независимо от того, поклоняемся ли мы Пророку или вашему Христу, никогда не воевали из-за *этого*.

— В таком случае нам, возможно, следует поучиться у вас,— ответил Дункан.— По крайней мере, мне больше не нужно жить во лжи. И, как мой сын заметил несколько дней назад, что они могут мне сделать? В конце концов, Аларик, например, этого никогда не скрывал.

— Но у Аларика было достаточно проблем,— заметил Морган о себе самом.— Правда, сейчас это не имеет значения.

Он обернулся на своих людей и слуг Расула, христиан и мавров, которые уже начинали беспокоиться.

— Это все, что тебя интересовало? Не хотелось бы показаться грубым, но должен заметить: ты можешь пропустить прилив.

Расул поклонился в его сторону, посмеиваясь.

— Я все понимаю, мой господин. Конечно, ты хочешь вернуться к своему королю и узнать, что произошло в твое отсутствие. Мы не пропустим прилив: мы уже достаточно близко от Дессе.— Он поднял ру-

ку и покачал головой, когда Дункан с Морганом стали возражать.— Нет, господа, вам не нужно опасаться предательства. Мы пришли с миром и уйдем с миром. В конце концов, наши страны не воюют. По крайней мере, пока. Даю вам слово: ни я, ни мои люди не сойдут с этой дороги, не станут откладывать отплытие и не принесут зла кому-либо в Гвиннеде.

— Ты даешь слово, как Дерини? — спросил Морган, внимательно наблюдая за мавром. Он, и на самом деле, желал побыстрее вернуться в Ремут.

— Конечно.

— Ты готов поклясться в этом, дав мне свою руку, открыв себя для меня, чтобы я мог убедиться в правдивости твоих слов?

Расул улыбнулся, протягивая руку, Морган склонился в его сторону и схватил ее, напрягая все свои силы, чтобы уловить малейший намек на ложь, одновременно побуждая Дункана сделать то же самое.

— Я даю вам слово, что я сам и мои люди прямо проследуют в Дессе и отправятся на корабле домой со следующим приливом,— тихо произнес Расул.— Мы не принесем зла ни одному человеку и не будем вступать в заговоры, чтобы принести зло, пока остаемся на земле Гвиннеда. И пусть Аллах покарает меня, если я лгу или намереваюсь отступить от того, в чем поклялся, после того, как мы расстанемся. Клянусь Аллахом.

Морган подержал руку Расула в своей до следующего удара сердца, так и не обнаружив злых намерений в душе мавра, затем, получив одобрительный кивок Дункана, выпустил его ладонь. Если Расул лгал, значит, он невероятно силен и обладает такими способностями, с которыми Морган не в состоянии

справиться. В любом случае, для Моргана с Дунканом будет лучше отпустить мавров идти своей дорогой.

— Хорошо,— сказал Морган.— Ты и твои люди свободны отправляться в путь. Желаю вам счастливого пути.

Расул снова поклонился.

— Спасибо, герцог. И тебе, герцог-епископ. Да будет на все воля Аллаха.

* * *

Хотя Морган с Дунканом не провожали Расула и его людей до самой Дессе, ночь уже давно вступила в свои права, когда они въехали во двор ремутского замка. Звуки веселья долетали до улицы. По морозному воздуху, вокруг площадки, где обычно проводятся парады, Сэйр де Трегерн провел копыеносцев к конюшням. Морган с Дунканом спрыгнули с лошадей перед главным входом.

Они отдали своих усталых лошадей конюху и стали медленно подниматься по каменным ступеням, стаскивая перчатки со скрюченных пальцев и снимая отороченные мехом шапки. Они не разговаривали во время трудного пути назад в город. Несколько участников праздника вышли на свежий воздух из зала и стояли на площадке наверху лестницы, поэтому Морган остановился на середине, чтобы их не слышали.

— Наверное я старею, Дункан... Но, перед тем, как мы зайдем внутрь, скажи, почему Кардиель хотел, чтобы ты ушел? Насколько сильно он рассердился?

— Боюсь, до утра мне это никак не выяснить,— ответил Дункан.— Он завтра первым служит мессу, так что скорее всего мы не застанем его здесь. Ему нужно поспать.

Морган хмыкнул.

— Не только ему рано вставать, но я думаю, мы не смеем пока ложиться. Готов поспорить, Арилан тоже не спит. Вероятно, он отправился на Совет, чтобы рассказать о твоём поступке. А почему ты все-таки это сделал? Я рад, что ты так поступил, но почему именно сегодня?

Дункан пожал плечами, ударяя перчатками по бедру. Он чувствовал себя неудобно.

— В тот момент это казалось логичным. И так хотел Дугал.

— Наверное, эта причина не хуже остальных. Определенно, твой поступок облегчает жизнь *мне*,— Морган хлопнул кузена по плечу, когда они снова начали подниматься вверх.— Тогда в первую очередь посмотри, как там Дугал, а я найду Келсона и сообщу, что мы вернулись. Нет смысла волноваться. Дело сделано, и, в конечном счете, это к лучшему. Переживем как-нибудь...

В зале ночные празднества все еще продолжались, но уже чувствовалось: дело близится к завершению. Те, в честь кого устраивались торжества, совсем не спали прошлой ночью — если только им не удалось вздремнуть на несколько минут, стоя на коленях перед алтарем — и уже несколько часов они пили льющееся рекой вино. А танцы забрали еще больше энергии и у молодежи, и у старшего поколения.

По молчаливому согласию два герцога разделились у входа в зал. Дункан стал наблюдать, как танцует Дугал, ожидая, когда он наконец вернется на

место. Морган же отправился к Нигелю, чтобы выяснить у него, что происходит, так как не смог найти Келсона.

Однако Келсон сам заметил Моргана. Он бы немедленно пошел к нему, но только что собрался с силами, чтобы подойти к Росане, придумав предлог: попросить ее прийти на совет, заседание которого он назначил на полдень завтрашнего дня, для обсуждения ситуации с Торентом.

Однако, едва он сделал это, как ему внезапно захотелось оказаться где угодно, только не здесь. Сочный пурпурный цвет нового платья Росаны, казалось, отбрасывал отблески на ее щеки, очаровательно покрасневшие, что не могла скрыть вуаль, которой она прикрыла лицо после ужина. Ее длинные темные волосы, заплетенные в косу, лежали на плече. Они отливали синевой и блестели, подобно воронову крылу, в свете факела. На короля увиденное произвело поразительное впечатление.

Маловероятно, что Морган подойдет его спасать. Они с Росаной стояли в одной из ниш с окнами, выходящими на север, соблюдая приличия: их могли видеть почти все, находящиеся в зале. Но поскольку сегодня такое количество рыцарей было в одинаковых мантиях, Моргану потребуется время, чтобы выделить среди них короля.

— А, вижу, герцог Аларик вернулся,— сказала Росана, следуя за направлением взгляда Келсона, когда он снова посмотрел на Моргана.— Могу ли я, кстати, позволить себе один деликатный вопрос, раз уж у нас есть несколько минут?.. Вы знали заранее, что епископ Дункан наконец публично признается в своей принадлежности к Дерини?

Келсон посмотрел на вино, еще остающееся у него в кубке, затем сделал небольшой глоток перед тем, как снова взглянуть на нее.

— Нет, я не знал,— тихо сказал он.— Хотя он и уточнил перед тем, как это сделать, одобрю ли я его. Конечно, я одобрил.

С того места, где они стояли, он видел, как Дункан пробирается к возвышению, наблюдая за танцующим Дугалом, но Морган исчез из поля зрения.

— Но, конечно, этого хотел Дугал,— продолжал Келсон, поворачиваясь к ней. Он чувствовал себя неуютно.— Похоже, они даже поругались по этому поводу несколько дней назад. Не знаю, что окончательно побудило Дункана признаться, но я рад, что это случилось. И он сделал все так прекрасно! Теперь и Дугал может не скрываться. В конце концов, мы не можем надеяться на признание Дерини, если не станем сами подавать пример.

— Да, епископ Дункан будет прекрасным примером. С какой стороны ни взглянуть,— согласилась она.— Практически все знают, как он пострадал ради вас в Меаре — хотя, если посмотреть на него, то и не догадаешься об этом. Насколько можно судить, на теле не осталось и следа. Интересно, а его мучают кошмары?

— Иногда,— ответил Келсон.— Но все меньше и меньше, как он говорит. Думаю, присутствие на казни Лориса и Горони здорово помогло. Что бы ни случилось тогда, теперь он уверен: больше они уже не смогут ему ничего сделать.

— Какие ужасные, злобные люди! — воскликнула Росана. Она отошла поглубже в нишу и положила одну ладонь на стекло, невидящим взором уставясь на освещенный лунным светом сад.— Я не понимаю,

как это могло случиться в Гвиннеде, Келсон. С Дерини в Форсинне никогда не происходило ничего подобного.

Снова посмотрев на свой кубок, Келсон пожал плечами.

— Но у вас не было завоевателя-Дерини, и он не убивал вашу королевскую семью, а потом не устанавливал деспотическое правление на четыре поколения,— возразил он.— Когда моих предков восстановили на принадлежащем им по праву престоле двести лет назад, они уже немало натерпелись от Дерини. Наверное, ответный удар был неизбежен. Если бы святой Камбер пожил подольше, возможно, все сложилось бы по-другому.

— Возможно. Скажите мне, мой господин, вы, в самом деле, рассчитываете найти этим летом останки святого Камбера?

— Надеюсь. Для меня это важно.— Он сделал еще глоток вина.— А тебя интересует возможность восстановления его культа в Гвиннеде?

— Как Дерини? Конечно. У нас не так много святых Дерини — даже опороченных. Его культ никогда не был достаточно сильным в Нур-Халлае, но он никогда и не умирал окончательно — возможно потому, что такое количество михайлинцев бежало через Форсинн после того, как их изгнали из Гвиннеда.

Келсон глотнул, внезапно чувствуя себя неловко, когда увидел возможность задать вопрос, который он хотел задать весь вечер.

— А как монахиню? Твой орден поддерживает то, что я хочу сделать?

— Мой орден не деринийский, сир,— тихо ответила она, смущенно опуская глаза и поглядывая на не-

го из-под опущенных ресниц.— И я не сообщала им о том, что вы хотите сделать.

— А ты... получила особое разрешение... надеть э-э... сегодняшний наряд? — осмелился поинтересоваться Келсон.

Она секунду смотрела ему прямо в глаза, гораздо более смело, чем, он мог бы от нее ожидать, затем быстро опустила глаза на ноги в пурпурных бархатных туфельках.

— Я... не думала, что мне нужно это спрашивать, сир. Я — принцесса королевской крови и пользуюсь привилегией проживать при дворе благороднейшего короля. В тот день, когда этого короля посвящали в рыцари, мне показалось подходящим одеться так, как подобает моему статусу.

Келсон сглотнул, все еще не удовлетворенный ответом.

— Я ценю оказанную честь, принцесса, но мне не хотелось бы, чтобы ради меня кто-то жертвовал тем, что завещано Господу. Я — обычный человек. И я не железный.

— Я знаю,— ответила она. Ее щеки покрылись румянцем, который не могла скрыть вуаль.

— И что же? — настаивал он.

— И я... обнаружила, в течение последних нескольких месяцев, что я больше не уверена, хочу ли окончательно принять монашеский постриг,— прошептала она.— До этого... я никогда не сомневалась в своем призвании.

Когда она замолчала и даже перестала смотреть на него, Келсон медленно кивнул. Его грудь наполнилась ощущением облегчения. Слава Богу, Морган не пришел спасать его тогда, когда Келсон так мечтал об этом.

— Нет необходимости говорить что-то еще, принцесса,— прошептал Келсон.— Через пару дней я снова уеду на несколько месяцев. Возможно... мы оба проведем часть времени, когда будем вдали друг от друга, в размышлениях о том, что могут значить твои слова. Молюсь, ты — и Бог — простите меня, если я осмелюсь надеяться, что ты не примешь постриг.

— Мне нечего прощать, сир... или, если и есть, я прощаю вас, как, знаю, сделает и наш Господь. Это мое решение, и мне его принимать. Мне придется самой справляться с вопросами, терзающими мне сердце. Не вы причина этих колебаний. Вы лишь подтолкнули меня к решению. Не исключено, я пришла бы к этому, даже если бы мы никогда не встретились.

— Не исключено.

Келсон залпом выпил остатки вина, затем с чувством неловкости снова посмотрел в зал. Теперь как раз пришло время показаться Моргану. Король выяснил то, что собирался, и был доволен тем, что выяснил — по крайней мере на сегодняшний день — но он не хотел рисковать, ибо давить на девушку было опасно, точно так же, как и возбуждать при дворе сплетни, которые, в свою очередь, могли отвратить ее от желанного решения. К счастью, спасение было рядом, потому что Морган, на самом деле, приближался.

— А, Морган,— окликнул Келсон.— Вижу, ты вернулся. Ты готов передо мной отчитаться?

— Конечно, сир,— сказал Морган, поклонившись, а затем подав Росане руку, помогая спуститься со ступеньки.— Госпожа, я прошу прощения, что прервал ваш разговор.

— Нет, ваша светлость, я думаю, мне следует взглянуть, как там принцесса Джаннивер. Простите, сир.

После того, как она поклонилась и удалилась, Морган опять повернулся к Келсону.

— Все в порядке? — спросил король.

— Да. Расул и его люди к этому времени уже должны быть в пути. Мы оставили их недалеко от Дессе. Расул торжественно поклялся мне, что он не отклонится от намеченного курса. Если он и лгал, я не смог этого определить. Что произошло в наше отсутствие?

Пожав плечами, Келсон спустился из ниши, и они вдвоем медленно направились к возвышению, где шумная толпа приграничников, окружив Дугала и Дункана, пьяными голосами горланили какую-то песню.

— Ничего особенного, — ответил король. — Я назначил на завтра на полдень заседание совета для обсуждения наших планов в отношении Торента. Я предпочел бы, чтобы мы собрались сегодня вечером, но для этого явно не время. Мне пришло в голову, что Росана может предложить свой взгляд на ход мыслей Расула: он ведь часто бывал при дворе ее отца, когда она была девочкой, так что я попросил ее к нам присоединиться.

Морган кивнул.

— А что там с Кардиелем и Ариланом? Они придут?

— Предполагаю. После того, как вы с Дунканом уехали, они исчезли. Наверное, решили лечь пораньше. Ведь это на самом деле был длинный день. В любом случае, я отправил пажей к ним в покои с письменным уведомлением.

Морган кивнул с мрачным видом.

— Мне кажется, они недовольны откровениями Дункана. Остается еще посмотреть, что они примут по этому поводу — хотя это и не должно повлиять на завтрашнее заседание. Однако даже Расул понял, что что-то не так. И, мне кажется, Дункан теперь задумывается, правильно ли он поступил.

Они практически подошли к возвышению. Приятели Дугала повернулись, встречая их нестройным хором приветствий и поднятыми кубками, большинство из которых были уже пусты. Только что посвященный в рыцари Джасс Макардри снял рыцарскую мантию и торжественно накинул ее на плечи Дункана, а один из барабанщиков уже выбивал мелодию палочками на стуле, так как его барабан был временно «потерян», стараниями умелого помощника лорда Родри.

— Ура нашему королю! — воскликнул Кьярд О'Руан, наполняя кубок Келсона и вручая Моргану еще один, в то время, как пара пажей обслуживала остальных. — Да здравствует король! Люди Макардри салятуют тебе, король Келсон, за то, что ты исправил несправедливость в отношении прекрасного сына Маклайнов! Это было прекрасным решением — посвятить в рыцари сэра Дункана. Слава королю!

— И вам слава, господа, — ответил Келсон с улыбкой, поднимая кубок. — За ваше здоровье! И я очень рад, что вы одобряете.

— Слава! Слава! Слава! — отозвались приграничники, осушая кубки до дна и низко кланяясь королю.

— Благодарю вас за доверие, господа. Это придает сил после слов посла Торента. Долфин!

Он щелкнул пальцами, чтобы привлечь внимание своего старшего оруженосца.

— Да, мой господин?

— Долфин, передай, пожалуйста, лорду Родри, что я велю открыть бочку нашего лучшего фианнского вина для этих прекрасных парней из земель Макардри.

— Слушаюсь, мой господин.

— А у меня в покоях сегодня кто-нибудь дежурит или все празднуют?

— Нет, мой господин. Вас ожидает Иво Хепберн.

— Прекрасно. В таком случае ты можешь ложиться спать после того, как передашь этот приказ Родри. Сегодня ночью вы мне оба не понадобятся.

— Слушаюсь, мой господин.

Когда парень убежал выполнять приказ Келсона и за ним последовали парни из земель Макардри, чтобы потребовать обещанную им награду, Келсон вздохнул и обвел глазами затихающий зал. Музыканты закончили выступление и упаковывали инструменты в боковой галерее, пьяные гости, которым не были отведены покои в замке, укладывались на специальные деревянные настилы, установленные в углах зала. Дамы по большей части удалились.

— Боже, как я устал,— пробормотал Келсон.

— Ты устал,— хмыкнул Дугал.— Это ведь я танцевал весь вечер.

— А мы с твоим отцом,— вставил Морган,— съездили практически к самой Дессе и обратно, пока вы с твоим уважаемым королем пировали и напивались чуть ли не до бесчувствия. И я тоже не отказался бы выпить, прежде чем отправиться спать.— Он ослабил ворот туники и мечтательно посмотрел на остальных.— Кто-нибудь составит мне компанию? Эван по-

дарил Нигелю старую флягу везаирского портвейна, чтобы отпраздновать посвящение в рыцари Конала, и благородные герцоги пригласили Сэйра и меня попробовать его. Мы можем даже поговорить о епископах. Думаю, портвейна хватит и еще на нескольких человек, если кто-то хочет присоединиться.

Дункан устало покачал головой.

— Боюсь, не я. Возможно, везаирский портвейн и легко пьется, но на утро мечтаешь, чтобы ты этого не делал. А завтра утром мне снова нужно быть епископом.— На мгновение на его лице промелькнуло беспокойство, которое быстро сменила лукавая улыбка.— В случае, если кто-то из вас забыл, то завтра — Пепельная Среда. Ожидаю увидеть вас троих в соборе на моей первой мессе. Ни один благочестивый рыцарь не должен ее пропустить.

— Ненавижу, когда он таким образом ставит вопрос,— пробормотал Морган. Его лицо исказила гримаса боли.— Наверное, это означает, что сегодня он к нам не присоединится. А из вас-то двоих кто-нибудь составит мне компанию? Если два новоиспеченных рыцаря не брезгают пить с усталыми старыми воинами.

— Думаю, мы с Дугалом тоже воздержимся,— ответил с улыбкой Келсон,— хотя и не из-за компании. Это был долгий день, а новоиспеченный рыцарь, который также является королем, должен кое-что обсудить с еще одним из новоиспеченных рыцарей до того, как они оба упадут от усталости. Не возражаешь, Дугал?

— Я? Нет, сир.

— Хотя мы выйдем вместе с тобой,— добавил Келсон.

Они расстались прямо за дверьми зала, Морган с Дунканом быстро исчезли в разных направлениях, а Келсон с Дугалом направились в покои Келсона в башне. Оруженосец Иво, бойкий двенадцатилетний парень с густыми темными вьющимися волосами, уже приготовил Келсону шлепанцы и зажег огонь в камине, готовый исполнить любой приказ господина. Но он был явно выведен из равновесия, когда Келсон потребовал воды для себя и гостя вместо приготовленного оруженосцем вина.

— Простую... воду, мой господин?

— Да. Простую воду. Одному Богу известно, сколько вина я выпил. Или ты предпочтешь вино, Дугал?

— Воды будет достаточно, сир,— ответил Дугал, подчеркнуто официально перед новым оруженосцем, когда они с Келсоном опустили на стулья перед очагом.

— Значит, только воды, Иво.

Иво покорно принес воды и поставил кувшин, куда ему указали, перед тем, как склониться, чтобы снять шпоры и сапоги нового хозяина. Как Келсон заметил, мальчик намерен быть даже слишком внимательным и услужливым. От него будет не так легко отделаться, как от более опытного Долфина, который уже находился в услужении Келсона в течение года или чуть больше и знал, что предпочитает хозяин.

«Наверное, стоит раз и навсегда определиться с этим вопросом,— послал король ментальный импульс Дугалу, глядя на него, когда Иво боролся с застежкой на правой шпоре — Следи за мной. Возможно, тебе самому придется сделать что-то подобное в один прекрасный день.»

Он осторожно опустил правую руку на опущенную голову мальчика, а затем послал ментальный импульс, чтобы завладеть его разумом.

— Расслабься, Иво,— приказал он, усиливая давление, когда юный разум внезапно почувствовал вторжение и попробовал сопротивляться.— Нет, закрой глаза и не пытайся со мной бороться. Обещаю, что не причиню тебе зла.

Келсон почувствовал: мальчик ожидал чего-то подобного — навряд ли можно было долго прожить при дворе и не услышать о том, на что способен король, обладающий мистической силой. Но Келсону понравилось, что сопротивление тут же ослабло, и отрок постарался усмирить свой страх.

Продолжая подбадривать и успокаивать мальчика, король притянул его смуглую голову к своему колену и усилил контроль, затем прижал большие пальцы к вискам мальчика, остальные пальцы скользнули в жесткие кудри для еще более тесного контакта. Иво перестал дрожать. Взгляд короля сфокусировался на огне, когда он давал указания.

— Так гораздо лучше. Нет необходимости бояться. Теперь слушай внимательно. После того, как снимешь с меня сапоги, отправляйся спать. Ты не должен шевелиться до тех пор, пока кто-нибудь не постучит снаружи. Если ты услышишь, о чем сегодня вечером будем говорить мы с графом Дугалом, ты все забудешь. Если ты, вообще, когда-либо случайно услышишь разговор между мною и любым другим лицом, то ты забудешь его содержание, если только я не попрошу тебя запомнить его. Я требую этого от всех своих оруженосцев и пажей. Ты понимаешь меня?

— Да, мой господин,— прошептал мальчик.

— Прекрасно,— Келсон отодвинулся назад, теперь лишь слегка касаясь одной рукой шеи мальчика, таким образом сохраняя с ним контакт.— В таком случае прекрати суетиться. Сомневаюсь, что нам когда-либо придется повторить этот разговор. На самом деле, я никогда больше не стану совершать с тобой ничего подобного без твоего согласия. Ну, если только речь не пойдет о жизни и смерти. Если ты будешь хорошо выполнять свои обязанности, то скоро поймешь, что со мной тебе будет очень просто ужиться. А теперь, если хочешь, посмотри на меня.

Мальчик поднял голову, моргнул, его глаза слегка остекленели, но напряжение спало.

— Я сделаю все, как надо, мой господин.

— Прекрасно. Я как раз этого и требую ото всех: делать все, как надо. А теперь ты должен выполнить полученные от меня указания, но ты забудешь, что я их давал.— Он с улыбкой сжал плечо мальчика, а потом ослабил контакт.— Давай, заканчивай с сапогами.

Келсон откинулся на спинку стула, преднамеренно широко зевая и потягиваясь, а оруженосец тут же вернулся к плохо поддающейся застежке. Это дало возможность Дугалу посмотреть на названного брата, тем самым показывая, какое впечатление на него произвело увиденное. Зевая, он наполнил свой бокал.

— Я должен научиться у тебя этому,— сказал Дугал, поднимая чашу и салютуя Келсону.

— Чему, зевать? Как мне кажется, это у тебя прекрасно получается и без моих указаний. И мы определенно заслужили на это право.

После того, как Иво снял шпоры и сапоги, а затем поднялся на ноги, Келсон снова зевнул, а потом

подмигнул мальчику, стараясь его еще больше успокоить.

— Прекрасно, Иво. Видишь, ноги короля пахнут точно так же, как и у других людей, если они целый день и две ночи проходили в одних и тех же сапогах. Я надел их перед вчерашней ночью в базилике и с тех пор не снимал.

Он улыбнулся, видя, как мальчик старается не показать удивление, и преднамеренно отвел взгляд, кивнув на ремешок шпоры, свисавший из руки оруженосца.

— Кстати, мне кажется, герцог Аларик, сегодня утром надевая на меня шпору, застегнул ее слишком туго, ошибся на одну дырочку. Поэтому она меня и беспокоила. Может, ты разберешься с ней завтра утром?

— Я... с радостью, сир,— выдавил из себя мальчик. Его глаза блестели, он прижал сапоги и шпоры к груди.— Что-нибудь еще, мой господин?

— Нет, Иво, ничего. Можешь идти спать. Кстати, разбуди меня завтра, чтобы я успел на мессу. Если я там не появлюсь, то епископ Дункан заставит меня пятьдесят раз повторить *Pater Noster*. Завтра Пепельная Среда, если ты помнишь.

— Да, мой господин,— кивнул мальчик.— А... сколько времени вам нужно?

Келсон улыбнулся.

— Где-то с час. Если вспомнить, сколько вина я сегодня выпил, то мне может потребоваться и больше времени, чтобы прийти в себя утром. И еще, Иво...

— Да, мой господин?

— Королевские оруженосцы имеют право посещать мессы вместе с королем, если они того желают. Ты можешь пойти вместе со мной.

— О, да, мой господин! — выдохнул мальчик, расплываясь в улыбке, когда кланялся королю перед уходом.

Наконец он покинул комнату, закрыв дверь, и Келсон вздохнул, протянув ноги поближе к огню, наслаждаясь теплом и ощущением медвежьей шкуры под ступенями.

— Этот Иво будет хорошим оруженосцем, Дугал,— сказал он.

— Ты и сам неплох,— с восхищением заметил Дугал.— Боже, мне нравится смотреть, как ты работаешь со своими людьми. Надеюсь, я сам когда-нибудь добьюсь хотя бы половины твоего мастерства.

Хмыкнув, Келсон взял в руки чашу с водой.

— Хотелось бы мне, чтобы у меня все также получалось с женщинами. Я думал поговорить с тобой как раз об этом.

— О женщинах? Или одной определенной? — уточнил Дугал, вопросительно приподнимая бровь.

— Это так заметно?

— Ну, поскольку единственной женщиной, с которой ты провел хоть какое-то время сегодня вечером, была Росана — я полагаю, мы можем не учитывать твою тетю Мерауд — догадываюсь, что ты имеешь в виду именно ее. Но — отвечаю на твой вопрос — нет, это не очевидно. Кроме всего прочего, она же монашка или собирается ее стать, не так ли?

— Так предполагалось до сегодняшнего вечера. Хотя я и не ожидал, что ты заметишь. Ты был слишком занят тем, как бы увлечь в темный закуток дочь графа Картанского. Ты мне совсем не помогал.

— Мне в самом деле удалось увести ее в уголок — и получить поцелуй в награду за свои труды! — воскликнул Дугал с хитрой улыбкой.— Но что ты име-

ешь в виду, говоря «так предполагалось»? Разве Росана не собирается принять постриг? — Он склонил голову набок.— Боже праведный, а ведь точно, на ней же не было сегодня одеяния послушницы! Что-то такое... пурпурное, какого-то иностранного фасона.

— Она оделась таким образом, потому что пришла на официальную церемонию, отдавая честь посвящению в рыцари, как принцесса. Так сказала она сама.— Келсон сделал глоток воды.— А мгновение спустя добавила, что больше не уверена, примет ли монашеский постриг.

— Боже праведный! — выдохнул Дугал.

Он острожным направил ментальный импульс в сторону Келсона и не удивился, и не обиделся, поняв, что мысли друга закрыты от него надежным щитом.

— Ты влюблен в нее? — спросил он.

Келсон медленно покачал головой, не глядя на друга, приложив холодную чашу ко лбу.

— Не знаю.

— Ну, она из Дерини и королевской крови,— заметил Дугал.— И определенно красива. Все это — прекрасные качества. Ты не уверен, так как предполагалось, что она станет монашкой?

Улыбаясь, Келсон снова покачал головой, невидящими глазами уставившись в огонь, вращая кольцо на мизинце левой руки. Дугал заметил это и догадался о еще одной возможной причине неуверенности Келсона: кольцо принадлежало его первой умершей жене Сидане, меарской принцессе, чье имя означало «шелк». Она была двоюродной сестрой Дугала, и ее убил ее собственный брат, когда еще и минуты не прошло после того, как она дала брачную клятву

Келсону. Дугал так никогда и не смог решить, любил ли на самом деле Келсон Сидану. Как он знал, Келсон пытался убедить себя в том, что любил, в особенности после случившегося. Но, возможно, тут речь скорее шла о чувстве вины, а не о любви.

Король официально носил по ней траур в течение целого года после ее смерти, хотя это и не требовалось и не ожидалось от него, поскольку брак никогда не был завершен. Вначале он говорил, что носит траур, как напоминание себе самому о собственной клятве справедливо покарать меарских повстанцев. Он говорил, что по той же причине носит кольцо, так как дворцовый протокол требовал от него иногда снимать траур.

Однако, хотя последний меарский повстанец был схвачен прошлой осенью, Келсон прекратил носить траур только два месяца назад в годовщину смерти Сиданы. Но он продолжал носить кольцо.

— Ты любил Сидану? — мягко спросил Дугал, как он уже с десятков раз спрашивал в прошлом.

Келсон пожал плечами, как и всегда, отставляя чашу, но его ответ на этот раз слегка отличался от предыдущих.

— Какое это имеет значение? Она мертва. Даже если бы и любил, это не означает, что я не могу влюбиться вновь.

Пораженный Дугал приподнял одну бровь, а затем с пониманием кивнул.

— Понятно. Значит, ты, в самом деле, влюбляешься в Росану.

У Келсона получилась лишь глупая улыбка.

— Может быть.

— Да будь я прок...

— Никто из нас не будет принимать каких-либо обязательств до моего отъезда в Торент. Нам обоим требуется время вдали друг от друга, чтобы все обдумать.

— Боже праведный, ты, и правда, думаешь на ней жениться? — выдохнул Дугал.

— Это... э... не будет безмятежным браком,— заявил Келсон.— Помнишь, как я рассказывал тебе, что она сделала со мной, когда мы в первый раз не сошлись во мнениях?

— Но, в конце концов, она — Дерини.

— А я — король, Дугал. Придется урегулировать массу вещей. А для начала самой главной из них является: готова ли она вступить в брак или намерена посвятить себя служению Господу. Не хотелось бы мне думать о том, как с Ним соперничать.

Дугал хитро улыбнулся.

— О, мне кажется, тебе не следует слишком сильно об этом беспокоиться. Иногда я думаю, что ты и Ему можешь кое-что показать из твоих штучек.

— Дугал, это богохульство! — открыл рот Келсон.— Немедленно возьми свои слова назад!

— Но ты мог бы,— настаивал Дугал.— Эй ты, потише! — завопил он, когда Келсон бросился на брата, и оба их стула отлетели в сторону, с треском грохнувшись на пол.

— Возьми свои слова назад!

— Но это правда!

Дугал лежал на полу ничком, Келсон сидел на нем верхом, одна рука Дугала оказалась зажатой под его собственным телом, а другой он безрезультатно пытался скинуть руку короля, которой тот зажимал его шею сзади. Он не мог не смеяться, несмотря на то, что проигрывал. Во время борьбы они сбили кув-

шин с водой, который свалился и намочил медвежьей шкуру, капли попали в огонь, послышалось шипение и повалил пар. В комнату ворвались Долфин и Иво, держа в руках кинжалы, чтобы посмотреть, что случилось.

— Отправляйтесь спать! — приказал король, воспользовавшись отвлекающим моментом, чтобы крепче захватить шею Дугала. Он начинал видеть комичность ситуации.— Мы с братом не сошлись во мнениях. Мне не требуется ничья помощь. Дугал, если ты сейчас же не возьмешь свои слова обратно, то я с тобой разделаюсь.

Оруженосцы тут же удалились, причем Долфин тянул за рукав Иво, смотрящего на происходящее округлившимися глазами. Долфину уже доводилось видеть, как эти двое развлекаются. Дугал прекратил сопротивляться. Давление, оказываемое на его горло, уже начинало сказываться: в глазах темнело, и он чувствовал, как к горлу подступает тошнота.

— Возьми свои слова обратно, или я доведу дело до конца,— потребовал Келсон.

— Хорошо, хорошо, беру их назад,— Дугал хватал воздух ртом.— Эй, отпусти меня! Я больше не могу жевать мокрую межвежью шкуру!

Как только Келсон отпустил его, Дугал быстро перевернулся на спину и улыбнулся Келсону, хотя тот все еще продолжал сидеть на нем. После того, как Келсон поднялся на ноги, Дугал еще несколько секунд продолжал лежать.

— Ты в порядке? — спросил Келсон.

Дугал сел, кивнул и взял руку, которую протянул ему Келсон, чтобы помочь встать.

— Если меня не вырвет в следующие тридцать секунд, то все будет в порядке. Но, наверное, я задел

тебя за живое. Хотя, на самом деле, я просто хотел сказать, что какая женщина в здравом уме согласится посвятить себя служению Церкви, если она может заполучить в мужа короля Гвиннеда?

— Следи за тем, что говоришь,— предупредил Келсон.

Он погрозил пальцем Дугалу, все еще не приведшему дыхание в норму. Затем король поставил на место стулья, помог Дугалу сесть на один из них, а потом на короткое время опустил голову между колен. На самом деле он не злился, но Дугал затронул слишком чувствительную струну — о чем Келсон и не догадывался. О Боге так не шутят. Не тогда, когда ставки так высоки.

— Прости,— прошептал Келсон, когда Дугал уже сидел прямо, положив голову на спинку стула.— Наверное, я слишком бурно отреагировал.— Он поднял упавший кувшин и вытер лужу полотенцем.— Однако когда-нибудь тебе следует попросить твоего отца подробно объяснить тебе, что означает посвятить себя служению Богу. Признаюсь, я сам это не до конца понимаю, но я это уважаю. И независимо от того, насколько меня привлекает Росана, и независимо от того, что она, по твоему мнению, мне очень подходит, я не женюсь на ней, если буду считать, что заставил ее отказаться от служения Богу.

— На самом деле, ей не придется отказываться от Бога. Она просто не будет монахиней,— заметил Дугал, потирая запястье, за которое Келсон прижимал его к полу.

— Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду,— сказал Келсон.— В любом случае говорить об этом еще рано. Я даже больше не буду думать об этом сегодня.

Но он, конечно, думал. После того, как Дугал ушел, а Келсон убедил своих оруженосцев, что все в порядке, он около часа лежал без сна, а когда Иво пришел будить его в восемь, чувствовал себя разбитым, потому что совершенно не выспался.

Глава шестая

**Ибо он приносит хлеб Господу
твоему, да будет он у тебя свят¹**

М*emento, homo, quia pulvis es, et in pulverem reverteris... Memento, homo...* Помни, человече, что ты есть прах и в прах возвратишься... Помни, человече...

Склонив колена перед алтарем в Ремутском соборе, глубоко закутавшись в воротник отделанного соболиным мехом плаща, Морган с затуманенным взором ожидал, когда его лоб помажут пеплом, что означало начало Великого Поста.

— *Memento, homo, quia pulvis es...*

Сегодня с утра у него было ощущение, будто его голова наполнена прахом и прах набился ему в рот. А Дункан даже не станет читать ему проповедь о грехе чревоугодия. Но ведь везаирский портвейн на самом деле был хорош...

— *Memento, homo, quia pulvis es...*

Морган пропустил мессу, хотя, возможно, Дункан этого и не заметил. Епископ-Дерини находился в левой части алтаря. Перед ним преклоняла колени целая группа кающихся грешников, и в эту минуту он с торжественным видом наклонялся, чтобы нама-

¹ Левит 21:18

зять пеплом лоб юного пажа. И Дункан, и отец Шандон, молодой священник, помогающий ему сегодня утром, были одеты в скромные лиловые одежды, подходящие для начала Великого Поста. Внезапно Морган обратил внимание на неприятный факт: гораздо большее количество людей ожидает ритуала с той стороны алтаря, где стоит Шандон, а не с той, где Дункан. А ведь обычно люди предпочитают, чтобы помазание пеплом проводил епископ, а не простой священник.

Но это предполагает, что пепел они получают от обычного епископа, внезапно понял Морган, но епископ-Дерини — совсем другое дело. Зная официальную позицию Церкви по отношению к Дерини, не следовало удивляться, что новость о вчерашнем поступке Дункана распространилась достаточно быстро. Многие люди явно сомневаются, стоит ли позволять Дерини до себя дотрагиваться. И это несмотря на то, что за вчерашним инцидентом наблюдали архиепископ и два епископа и ничего не сделали. Но уже сегодня нашлось немного желающих выяснить, ожидают ли их какие-нибудь неприятности после прикосновения епископа-Дерини.

Определенно, не все придерживались такого мнения. Слава Богу. Вот например, люди, склонившиеся с двух сторон Моргану, — молодой тяжеловооруженный всадник Макэвана и еще более молодой сержант из копыеносцев, который, как Морган точно помнил, присутствовал вчера в тронном зале. Они не могли не знать, кем были и он сам, и Дункан, но, казалось, без колебаний встали рядом с Морганом и готовились принять пепел из рук Дункана, который уже приближался к ним, двигаясь вдоль алтарной

ограды. В это мгновение Дункан наносил пеплом крест на лоб халдейнского лучника.

— *Memento, homo, quia pulvis es, et in pulverem reverts...*

Как Морган внезапно заметил, общим у тех, кто очевидно хотел, чтобы ритуал с ними провел Дункан, была молодость. Это по крайней мере давало надежду на будущее, если Дункану удастся пережить то, что последует в ближайшее время.

— *Memento, homo, quia pulvis es...*

Заинтригованный этим наблюдением, Морган вновь осмотрел собравшихся. Разделение по возрасту, на самом деле, имело место. Фактически, именно в эти минуты, когда отец Шандон дошел до середины алтаря и повернул назад, чтобы снова проводить ритуал с дальнего края, Морган заметил, как несколько человек более старшего возраста передвинулись в очередь, стоявшую к отцу Шандону, поняв, что до них он не доходит. Все было сделано украдкой, но тем не менее сделано. Вероятно, некоторым людям уже поздно меняться.

— *Memento, homo, quia pulvis es...*

Теперь Дункан мазал пеплом сержанта копыеносцев, и Морган поднял голову, чтобы встретиться взглядом с кузеном, когда епископ закончил с сержантом и продвинулся к нему самому.

— *Memento, homo, quia pulvis es, et in pulverem revertis...* — произнес Дункан, с особым старанием выводя крест на лбу у Моргана.

«Очень рад, что ты все-таки смог прийти сегодня утром, — добавил Дункан ментально. — Встретимся в ризнице, попозже.»

Моргану пришлось опустить голову, скрывая улыбку. Он подождал, пока Дункан не закончит с

всадником Макэвана и не пойдет дальше, перекрестился и поднялся с колен. Он отошел назад в относительно уединенное место у одной из колонн, где оказался в тени, для того, чтобы продолжить наблюдение, пока все кающиеся грешники не получают пепел. На самом деле, никто не поднялся с колен и не ушел, когда Дункан стал помогать Шандону справиться со склонившимися с его стороны алтаря. Никто не отказался получить помазание от Дункана, но Морган чувствовал тревогу и напряжение, исходящие от людей, покидающих место у алтаря, наконец, выполнив свой долг. Он даже заметил, как один мужчина украдкой тер лоб, чтобы стряхнуть пепел, полученный от Дункана,— считая, что его никто не видит.

Морган знал, что отцу Шандону потребуется несколько минут на переодевание, поэтому подождал еще некоторое время перед тем, как отправиться в ризницу. Подходя к ней, он слышал доносящиеся изнутри гневные голоса, и ни один из них не принадлежал Шандону. Когда Морган с беспокойством толкнул дверь и вошел, с его защитами столкнулись другие защиты Дерини, причем не только Дункана.

— На самом деле я не хочу это обсуждать, Денис,— говорил Дункан. Ни он, ни Арилан, оказавшийся в ризнице, даже не взглянули в сторону Моргана, когда тот прикрыл за собой дверь и прислонился к ней, с тревогой наблюдая и слушая. Отец Шандон сидел на стуле, положив голову на стол, то ли заснув, то ли потеряв сознание, все еще облаченный в одежды, в которых проводил помазание. Очевидно, в такое состояние его погрузил кто-то из Дерини, когда спор принял оборот, слишком специфический для ушей посторонних.

— Тебе все-таки лучше снова подумать о том, что говорить дальше,— сказал Арилан.— Неужели ты не понимаешь: ты мог поставить в опасность всю Церковь. Ты видел, что произошло. Одно дело, когда они только подозревали, что ты можешь быть Дерини... Боже, Дункан, неужели ты не мог подождать?

— А сколько я должен был ждать? — парировал Дункан.— Двадцать с лишним лет, как ты? Именно столько ты служишь священником? И ты до сих пор не признался, кто ты есть! Кто-то должен был стать первым, если мы когда-нибудь хотим дожидаться перемен.

Арилан слишком разозлился, чтобы отвечать, и резко отвернулся, невидящим взором уставившись в витраж. Окно было сделано из цветного стекла в разнообразных композициях, которые, как предполагалось, символизировали океанские волны. Сквозь стекло в помещение попадал солнечный свет. Лучи, проходящие сквозь цветное стекло, отбрасывали на лицо, руки и простую черную рясу Арилана цветные пятна. Морган взглянул на Дункана, не решаясь вмешиваться, но внимание Дункана в любом случае было сфокусировано только на собрате-епископе.

— Я *был* первым, когда-то,— наконец тихо произнес Арилан.— О, нет, не я — Джориан, но я оказался первым, кто успешно преодолел все преграды и не был обнаружен.

Он положил обе руки на край престола и устоялся на белую напрестольную пелену, покрывающую его, затем обернулся назад через плечо.

— А ведь это не так уж плохо, так, Дункан? Быть первым Дерини, получившим сан за почти двести лет? И ты его получил. А после тебя, в последние два или три года, появилось несколько других. Готов по-

спорить: ты о них не знал. Но если бы я попытался все это проверить, когда был первым, то уже покинул бы этот свет, как Джориан и все остальные, кого они убили до него! Поэтому, черт побери, не смей говорить мне о том, что кто-то должен был стать первым!

Когда Арилан снова повернулся к Дункану, чтобы бросить ему открытый вызов, Морган почувствовал, как оседает у двери, закрыв глаза и предаваясь воспоминаниям.

Джориан. Боже, он помнил Джориана! Моргану едва исполнилось тринадцать и он был оруженосцем при дворе Бриона, когда один из королевских капелланов настоял, чтобы домашний Дерини короля присутствовал на казни бывшего священника Дерини Джориана де Курси, бросившего вызов закону. Морган был уверен: его собственный почти парализующий страх смерти от огня идет от того ужасного дня, когда его заставили смотреть, как языки пламени охватывают беспомощное извивающееся тело де Курси. И это был не последний раз, когда ему довелось видеть этот ужас.

Морган понял, что вспотел под тяжелым плащом, когда открыл глаза и содрогнулся от воспоминаний. Но его реакция была очень слабой по сравнению с реакцией Дункана. Маклайн стал бледнее стихая, а его защита сделалась абсолютно непроницаемой, даже для Моргана.

— Что ты хочешь сказать: появилось несколько других? — прошептал Дункан.— Ты хочешь сказать, что нас стало больше? Есть еще и другие священники Дерини?

— Немного, но есть,— холодно сказал Арилан, наполовину повернувшись к витражу.

— И... это ты организовал?

— Заплатив определенную цену, да. Сильно помогло то, что я — тайный Дерини среди духовенства. А то, что я епископ, о котором не знают, что он — Дерини, помогло еще больше. Теперь же все знают или вскоре узнают, что по крайней мере один из нас проник в епископат, а где есть один, могут оказаться и другие. Это может не беспокоить здравомыслящих честных священников, таких как Вольфрам, после того, как они свыкнутся с этой мыслью. Но, предположим, есть еще несколько епископов или будущих епископов, подобных Эдмунду Лорису, а не Томасу Кардиелю? Ты что, хочешь, чтобы *это* снова вылилось на головы невинных?

Дункан отшатнулся, словно получил физический удар. Арилан нисколько не щадил его.

— Я сделал то, что сделал, как раз ради того, чтобы остановить подобное,— прошептал Дункан, опускаясь на скамью, стоявшую за его спиной.— Мы должны показать миру примером наших жизней, что не являемся злом. Я сделал это, чтобы у моего сына был шанс стать частью этого примера.

— Вот она — суть дела, не так ли? — тихо спросил Арилан.— Дугал, твой сын.— Он вздохнул, скрестив руки на груди и глядя в пол.— Возможно, именно поэтому мы не позволяем священникам жениться, Дункан. Мы очень привязываемся к плоти от нашей плоти, и когда приходит время и нам нужно сделать выбор, очень трудно выбрать Бога, а не своего ребенка. Лишь немногие способны на подобное. Но их не следует просить об этом.

Резко вдохнув воздух, Дункан поднял голову.

— Я не изменю своего решения, Денис. Я — отец и священник, и я намерен продолжать быть и от-

цом, и священником. На самом деле, эта двойственность в конце концов и заставила меня сделать то, что я сделал — простое удивление от того, что Бог совершил свое таинство таким образом. Он призвал меня служить Ему и одновременно позволил мне зачать ребенка.

Арилан хмыкнул.

— Как романтично. Хочешь этим тронуть меня и надеешься, что я больше не буду сердиться? И ты абсолютно прав, что не изменишь своего решения. У тебя нет выбора.

— Это было решение, принятое в здравом уме,— сказал Дункан, защищаясь, в его голосе появилась резкость.

— О, я уверен в этом. Не знаю только, просчитывал ли ты, что этот твой сознательный акт может стоить тебе епископства, а то и вообще священного сана.

Морган задержал дыхание. Дункан медленно выпрямился и встал. Его лицо было серым, как мазок пепла, оставшийся у него на лбу.

— Что ты имеешь в виду?

Арилан пытался посмотреть ему в глаза, но это у него не получилось.

— Как ты знаешь, синод должен заседать на следующей неделе в Валорете. Сегодня утром уже шли разговоры о запрете служения для тебя, по крайней мере до тех пор, пока синод не примет официального решения,— сказал он, нервно сжимая и разжимая пальцы.— Кардиель не хочет этого делать, но Вольфрам сомневается. И все может пойти дальше, чем просто временный запрет.

— Насколько дальше? — прошептал Дункан.— Епископский сан на самом деле не имеет значения.

Во-первых, я никогда особо не стремился к епископству. И для меня это будет не первое запрещение — меня ведь даже отлучали от церкви. Это было неприятно, но проходило, не изменив того, что есть в моем сердце. Но что они еще могут со мной сделать, Денис?

— Радуйся, что Церковь больше не сжигает Дерини на костре,— хрипло заметил Арилан.— По крайней мере, официально. Мы не считаем ренегатов, подобных Лорису, или то, что время от времени происходит в долинах. И даже если бы достаточное количество епископов и хотели бы это сделать, король никогда не позволит. Что может стать причиной другого кризиса — если король попытается вмешаться в дела Церкви, но пока нам об этом не нужно беспокоиться. Ни Кардиель, ни Браден не дадут делу зайти так далеко.

— Значит, меня не сожгут,— нетерпеливо сказал Дункан.— Это уже пытались сделать и провалились. А что с духовным саном?

— Не дерзи! Не надо такой самоуверенности! — рявкнул Арилан. В следующий раз тебе может так не повезти. Или твоя удача не перейдет к Дугалу.

Дункан содрогнулся и опустил голову.

— Прости меня. Наверное, мне не следовало говорить этого. Так что с моим духовным саном?

Арилан пожал плечами и вздохнул.

— Ну, ты знаешь, что они не могут тебя полностью лишить его. *Tu es sacerdos in aeternum.* Именно поэтому оригинал Рамосских Уложений предписывал смертный приговор для Дерини, которому удастся получить духовный сан — нельзя сделать священника не-священником. Однако они могут низвести тебя. Наверное, не нужно напоминать тебе, что это озна-

чает. Из личного опыта ты можешь знать, что означает запрещение в служении и отлучение от церкви, но с *этим* тебе еще никогда не приходилось сталкиваться.

Морган разделял ужас Дункана перед этой перспективой. Хотя нельзя лишить священнослужителя сана, если человек им стал, поскольку священником становятся навечно, можно лишить его права священнодействовать, не запрещая ему причащаться у другого священника, как происходит в случае отлучения от церкви. Но если он бросил вызов первым наложенным ограничениям, применяется одно из следующих наказаний, которые церковь может наложить в попытке приструнить отбившегося сына.

Морган знал, как страдал Дункан, когда ему просто запретили служение, впервые заподозрив в нем кровь Дерини. Затем они оба разделили отлучение от церкви, хотя и наложенное несправедливо, что очень тяжело сказалось на душевном равновесии Дункана, которое и так уже пострадало от необходимости соотносить свое призвание и позицию Церкви по вопросу посвящения Дерини в духовный сан. Если Дункана лишат возможности священнодействовать, что он так сильно любил и к чему, очевидно, имел призвание, то это будет самой большой несправедливостью по отношению к нему.

— Надеюсь, до этого не дойдет,— продолжал Арилан, осознавая отчаяние Дункана.— И поскольку ты напрямую находишься под юрисдикцией Кардиеля, сомневаюсь, что он сделает больше, чем лишит тебя возможности священнодействовать публично, пока не пройдет гроза. Но это, конечно, при условии, что на него не будут оказывать слишком большое давление другие епископы.

— Ты упомянул, что Вольфрам сомневается,— прошептал Дункан.— Что скажут другие?

— Если бы я знал,— ответил Арилан.— Многое зависит от Брадена, если дело пойдет дальше местной юрисдикции — что произойдет практически точно, так как синод собирается на следующей неделе. Просто благодари Бога, что до вчерашнего дня твоя биография оставалась безупречна, даже если о тебе и ходило столько разговоров. Фактически перед тем, как ты был избран епископом, вероятно, половина наших епископов пришла к выводу, что ты — Дерини, но это не имеет значения. Конечно, это было до того, как ты решил подтвердить слухи и оповестить весь двор о своей принадлежности к Дерини. Предполагаю, что могло быть хуже. Ты мог бы сделать это с алтаря, в полном епископском облачении. Это разве не являлось бы подвигом?

— Но я никогда бы...

— Не знаю, *что* ты никогда бы не сделал! — рявкнул Арилан.— Теперь уже не знаю. Все, что я знаю — это то, что ты создал слишком много проблем слишком многим людям. Надеюсь, ты полностью удовлетворен.

Дункан громко вздохнул, сжал ладони, пытаясь таким образом держать себя в руках, затем сплел пальцы, глядя на перстень епископа. Когда Арилан оставит его в покое? Морган прикидывал, сколько Дункан еще выдержит.

— Предполагаю... мне... следовало продумать возможные последствия более тщательно,— сказал Дункан через несколько секунд примирительным тоном.— Прости, если я осложнил твое положение.— Он робко посмотрел на Арилана.— Что ты посоветуешь после того, что уже сделано?

Арилан нехотя кивнул, поворачиваясь к Дункану. Выражение лица и поза Арилана говорили о том, что он не намерен прощать.

— Итак, я наконец донес до тебя серьезность положения?

Дункан кивнул с несчастным видом.

— Хорошо. Может, теперь мы сможем предпринять что-то конструктивное.

Арилан стал ходить взад и вперед по небольшой комнате, размышляя, затем остановился и снова сверху вниз посмотрел на Дункана.

— Итак. Вероятно, сейчас ты в безопасности, как и я. Как и все остальные священники Дерини, о существовании которых ты не знал. Ты также все еще епископ, как и духовное лицо — пока. Но на твоём месте я бы сейчас не высовывался.

— Никакого больше пепла на сегодня? — спросил Дункан, пытаясь натянуто улыбнуться.

Арилан кивнул.

— В особенности никакого пепла. Фактически, было бы разумно, если бы ты вдруг серьезно заболел, причем на неопределенное время. Возможно, тебе даже не стоит появляться на заседании синода. И если ты все-таки намерен продолжать служить мессу, по крайней мере, доведи до сведения паствы, что ты намерен взять себе самую раннюю, поскольку ее меньше всего посещают. Таким образом, люди сами смогут принять решение, нужен ли им священник Дерини.

Он взял черный плащ и набросил его на плечи.

— Тебе чертовски повезло, что никто не взбрыкнул сегодня, когда ты мазал людей пеплом. Надеюсь, ты это понимаешь. И ты, и я оба знаем: если бы ты захотел, то даже этого короткого контакта — помаза-

ние лба пеплом — хватило бы для прочтения мыслей человека, причем любого человека, пришедшего в церковь. К счастью, они этого не знают. А пепельная среда бывает только раз в год.

Дункан вздохнул, отрешенно опустив плечи. Морган быстро отодвинулся, чтобы не преграждать дорогу Арилану, когда тот посмотрел на дверь, но Арилан не пошел к ней, вместо этого встав на квадратную плитку в центре комнаты. Это же Перемещающий Портал, понял Морган.

— Сейчас я тебя оставляю,— сказал Арилан.— Может, вернусь, а, может, и не вернусь ко времени заседания тайного совета. Если нет, пожалуйста, передай Келсону мои сожаления. Теперь, получив объяснения от тебя, мне потребуется попытаться объяснить твой поступок некоторым другим людям, которые и без того смотрят на тебя предубежденно и косо.

— Камберианскому Совету,— выдохнул Дункан.— Не думаю, что он может что-то ухудшить.

— Не для тебя,— ответил Арилан без тени юмора в голосе.— А что касается тебя,— продолжал он, впервые признав присутствие Моргана,— лучше будет, если я никогда не узнаю, что именно ты убедил его это сделать.

Морган только покачал головой, в эту минуту впервые в жизни испугавшись Арилана. Тот в последний раз сурово посмотрел на него, затем склонил голову, закрыл глаза, чтобы соединить свою энергию с энергией Портала, и исчез. Только несколько секунд спустя Дункан глубоко вздохнул, содрогнулся и жестом попросил Моргана запереть дверь.

— Мне жаль, что тебе пришлось стать свидетелем этой сцены,— сказал Дункан, поднимаясь на одеревеневших ногах и развязывая узел из лилового шелка,

обхватывающей его запястье.— Он ждал меня, когда мы вернулись с мессы. Бедняга Шандон так и не понял, что с ним случилось.

В другой части комнаты молодой священник все так и сидел, рухнув на стол, не замечая происходящего вокруг. Морган направился к нему, проверил пульс, затем посмотрел на Дункана.

— Зла он ему не причинил, но очень нехорошо со стороны Арилана оставлять нам грязную работу незаконченной. Мне им заняться, пока ты переодеваешься?

Утвердительный ответ Дункана прозвучал приглушенно, так как в этот момент он снимал стихарь через голову. Беззлобно улыбнувшись, Морган снова обратил внимание на бесчувственного Шандона, положив ладонь ему на лоб.

— Отче, ты уже достаточно подремал. Ты не должен помнить ничего из того, что произошло после твоего возвращения с мессы. Ни о приходе епископа Арилана, ни о том, что он с тобой сделал, никакие разговоры, имевшие место в этой комнате — и даже эти мои указания. Когда я прикажу тебе, ты просто откроешь глаза и закончишь переодевание. Я пришел, когда ты стоял, повернувшись спиной. А теперь слушай свое сердцебиение. Досчитав до десяти, просыпайся и следуй только что полученным от меня указаниям.

После этого Морган убрал ладонь со лба Шандона и отправился к Дункану, чтобы помочь застегнуть пуговицы на простой черной рясе, которую тот намеревался носить вместо более официальной пурпурной.

«Это — часть твоего нового образа? Больше скромности?» — послал Морган ментальный импульс

Дункану, когда Шандон пошевелился и стал снимать одежду, словно и не прерывал процедуру.

— Наверное, мне следует радоваться, что ты вообще пришел,— ответил Дункан вслух, неодобрительно взглянув на Моргана, когда оборачивал вокруг талии простой пояс из черного шелка. Он позволил Моргану помочь ему закрепить его.— Но помощь священнику в переодевании не заменяет присутствия на мессе. Что мне с тобой делать?

Это было старой игрой, в которую они играли, хотя Морган и чувствовал остатки напряжения и беспокойства под привычной болтовней. Но им требовалось играть роль ради Шандона.

— Ну, думаю, что продолжать молиться за меня. Мне так представляется. Я... э... мне не удалось поспать столько, сколько хотелось бы. Ты оказался прав насчет везаирского портвейна.

— Хм-м-м, наверное.

Дункан с отрешенным видом просунул руки в рукава черной отделанной мехом мантии, которую подал ему Морган. Затем, словно что-то вспомнив, он взял свой украшенный драгоценными камнями нагрудный крест, поцеловал его и, перекинув цепь через голову, убрал крест под рясу таким образом, что осталась видна только цепь. Теперь, после ухода Арилана, Дункан казался холодным и отстраненным, а его разум был прочно закрыт, словно он разозлился на Моргана.

— Король ждет нас? — спросил Морган, чтобы снова начать разговор.

— Да. Они с Дугалом изучают карты в библиотеке. Он расстроился, что ты не присоединился к ним во время мессы. Отец Шандон, оставшуюся часть утра мы проведем в библиотеке. После этого отпра-

вимся на заседание королевского совета. Аларик, ты идешь?

Морган осмелился вновь заговорить только после того, как они вышли из ризницы и уже двигались по проходу за алтарем.

— Ты закрываешься от меня, Дункан,— прошептал он.— Не поступай так со мной. Арилан вывел тебя из равновесия, а не я. Хочешь поговорить об этом?

— Нет. Я думаю, что Дугал и Келсон вначале должны узнать о случившемся. Тогда мы вчетвером и сможем все обсудить. Однако Арилан прав в одном. Я на самом деле не просчитал все последствия того, что сделал. И, может, я на самом деле позволил любви к Дугалу затмить мой долг перед Церковью. Боже, неужели это в конце концов может поставить одного из тех других священников в еще более рискованное положение?

Он резко остановился в тени дверного проема, ведущего в боковую часовню, и вдруг задрожал. Его глаза были прикрыты, руки сжаты, зубы стучали.

— Боже, что я наделал, Аларик? — удалось ему прошептать. В эту минуту он вернулся в мыслях к той ужасной минуте, когда горячие языки пламени уже начинали подниматься вокруг него.— Я мог послать их на костер!

Сам Морган был глубоко потрясен, он обнял кузена обеими руками и крепко прижимал его к себе в течение нескольких секунд, пытаясь пронести успокоение сквозь твердые защиты Дункана.

— Не надо об этом думать, Дункан,— тихо сказал он.— Ты ведь даже не знаешь, кто они. И никого больше не будут сжигать на костре.

— А если будут?

— Нам и без этого есть о чем беспокоиться, так что давай обойдемся без лишних «если». А теперь пошли в библиотеку, хорошо? Здесь — не самое лучшее место для обсуждения.

* * *

— Ты до сих пор не объяснил, почему он это сделал,— сказал некто час спустя, причем не в первый раз, когда все семь ныне заполненных мест Камберинского Совета были заняты и Арилан выступил с отчетом. Его коллеги по Совету не радовались случившемуся.

— Я уже говорил вам, что не знаю,— ответил Арилан.— Я не уверен, что он сам знает, хотя уверен, что сильным мотивационным фактором стал Дугал. Как Дерини, я должен отметить: во всем этом деле, конечно, есть плюсы. Например, присутствие двух признанных Дерини при дворе, причем находящихся под защитой короля. Это может помочь нашему делу. Однако, как епископ, я в ужасе. Могу сообщить, что Кардиель тоже не испытывает особой радости.

Баррет де Ланей, старший из членов Совета, медленно протянул костлявые, но цепкие пальцы к столешнице из слоновой кости и забарабанил по ней. Весеннее солнце золотило купол помещения, в котором собирался Совет, и наполняло его ярким светом; радужные зайчики танцевали на кристалле в центре арочных проемов. Но Баррет этого не видел — хотя и чувствовал тепло солнца. Его зеленые глаза ослепли тогда, когда большинство членов Совета еще не родилось. Он повернул голову в направлении Арилана. При помощи способностей Дерини он

мог узреть гораздо больше, чем когда-либо смогут видеть глаза простого смертного.

— Что сделает Кардиель, Денис? — спросил Баррет.— Он попытается лишить Дункана митры?

— Не думаю, что это сделает он,— Арилан посмотрел на стол и провел кончиком пальца по одной из золотых полос, вделанных в столешницу из слоновой кости.— К сожалению, дело не только в нем. Старшим архиепископом является Браден.

— Браден находится в Валорете, готовится собирать синод,— сказал голос слева от Арилана. Это была Кайри, самая младшая из трех женщин за столом.— Он занят делами Церкви в северной половине королевства. У него две свободные епархии, и нет никого, кто бы позаботился о живущих там душах. Несколько епископов подверглись дисциплинарным взысканиям. Это, по-моему, указывает на то, что Браден последует рекомендациям Кардиеля — в том, что касается дел на юге. Так что рекомендует Кардиель?

Арилан покачал головой.

— Не знаю. Он не станет провоцировать лишение Дункана митры, но может позволить убедить себя в необходимости этого действия, если на него окажет давление достаточное количество епископов, настроенных решительно. Он любит Дункана почти как сына, даже зная, что он — Дерини. На самом деле, его очень интересуют наши способности. Но он в первую очередь — архиепископ. Он сделает то, что, по его мнению, лучше для Церкви. Много будет зависеть от того, как к новости отнесутся другие епископы.

— В таком случае дело откладывается на неделю,— сказал Ларан ап Пардис, сидевшей по другую сторо-

ну от Кири.— А что насчет немедленных последствий? Кардиель запретит ему служение?

Арилан пожал плечами.

— Он упоминал такую возможность — вчера вечером, когда разозлился на Дункана, это было первой реакцией. Думаю, он в большей степени обиделся, чем рассердился, поскольку Дункан вначале не посоветовался с ним. Однако сегодня рано утром, уже немного поостыв, он заявил, что подождет, чтобы посмотреть, какая последует реакция общественности. Возможно, просто добровольной приостановки публичного священнодействия будет достаточно, по крайней мере, на данный момент. Мне кажется, он собирается поговорить с Дунканом сегодня во второй половине дня. Келсон на полдень назначил заседание тайного совета.

Тирцель Кларонский покачивался на стуле с высокой спинкой, сидя в задумчивости напротив Арилана и Ларана.

— А что с твоими священниками Дерини, Денис? — спросил он.— Они в безопасности?

Арилан кивнул.

— На настоящий момент. Они все очень молоды. Никому нет больше двадцати пяти лет. Я планировал посвятить в духовный сан еще двоих на Пасху. Черт побери, почему Дункан не мог подождать?! — взорвался он, ударив кулаком по столу.— Через несколько лет он мог бы получить собственную епархию, и тогда мы оба могли бы посвящать в духовный сан священников-Дерини. Даже если теперь он и сохранит митру, вероятно, ему никогда не позволят посвящать в сан — боясь как раз такого результата.

— В таком случае,— сказала худощавая женщина без возраста, сидевшая через два стула справа от Арилана,— тебе, возможно, следует направить свою энергию на изменение законов, которые позволяли бы Дерини принимать сан, а не продолжать обходить закон.

Арилан почти виновато посмотрел на женщину. Он мог бы предположить, что Софиана предложит как раз такой вариант.

— Если бы я знал, как это сделать, разве ты не думаешь, что я бы так и поступил? — спросил он.— Неужели ты думаешь, что мне нравится жить так, как я жил последние двадцать лет, зная, сколько еще я мог бы сделать, но не смея, потому что боялся потерять все достигнутое? И ведь нам удалось добиться отмены смертной казни в качестве наказания! Это я не стал бы называть «действиями в обход закона»!

— Возможно, Софиана имела в виду,— сказала Вивьен, сидящая дальше слева от Арилана,— что теперь в епископате имеется признавшийся Дерини — а также есть ты, о ком это неизвестно никому, кроме Дункана и Кардиеля. И насколько я поняла, епископ Вольфрам, заседаая на трибунале на прошлой неделе, воспринял мысль о возможной принадлежности Дункана к Дерини без особого антагонизма. Это уже четверо, считая Дункана, на которого, вероятно, можно рассчитывать в вопросе поддержки изменения законов.

— Я уже предложил Дункану не ездить в Вало-рет,— ответил Арилан.— По крайней мере, вначале, пока я не узнаю, откуда дует ветер. Нам нужно заменить нескольких епископов, ведь часть из них были готовы менее года назад поддержать Эдмунда Лори-

са. Все равно, я предполагаю, что это хоть какое-то начало.

— Конечно, это начало,— пробормотала Вивьен, сделав паузу, чтобы откашляться, прикрывшись вышитым платочком.— Как мне надоел этот кашель! Начинай работу по этому вопросу, Денис, и держи нас в курсе дальнейшего развития событий. А теперь мне хотелось бы услышать о другом Дерини, который вчера представлял герцога Махаэля. Аль Расул, не так ли?

Арилан устало кивнул. Он предполагал, что, по большому счету, Дерини-епископом для них менее важен, чем последнее появление посла Торента, особенно если этот посол оказался Дерини.

— Его трудно описать словами,— ответил он, откидывая голову на спинку стула и берясь руками за руки соседей справа и слева.— Будет проще, если я покажу его вам. Вам следовало быть там, чтобы оценить его по достоинству, но я постараюсь восстановить все, что произошло.

Арилан вошел в легкий транс, сфокусировавшись на кристалле у них над головами, а когда закрыл глаза и позволил потоку образов хлынуть в стороны, то почувствовал, как его, подобно облаку, обволакивает знакомое тепло.

Глава седьмая

Вы отвергли все мои советы¹

Арилан вернулся в Ремутский замок только к концу заседания совета. Он появился вовремя, чтобы после его окончания последовать за Кардиелем и притихшим Дунканом в небольшую комнатку, где Кардиель в присутствии Арилана, но без лишних свидетелей, отругал молодого епископа.

— Дело не в том, что я не знал, кто ты, Дункан. Я уже некоторое время знал и кем является Денис. Предполагаю, что ты понимал: я закрывал глаза — и это являлось моим личным делом, делом моей совести, и что я мог не обращать на это внимание, пока ты играл свою роль. Когда ты решил публично объявить о своей принадлежности к Дерини, это коснулось меня, как официального лица, а не только моей совести.

Дункан смотрел на свои сложенные руки. Кардиель продолжил.

— Ну, к счастью или к несчастью, закон сейчас не дает точных указаний относительно того, что мне следует с тобой сделать. Нам удалось добиться отмены смертного приговора за деяния, подобные твоему — за то, что ты позволил себе принять сан, но Ра-

¹ Притчи 1:25

мосские Положения все равно устанавливают: Дерини не имеет права быть священником.

— Когда-то,— тихо заметил Дункан,— для Дерини было противозаконно владеть землей, или занимать какую-то должность, или иметь благородный титул. Но Аларик уже много лет является герцогом, а королева Джехана остается королевой и владеет землей.

Кардиель вздохнул, с трудом сдерживаясь, чтобы не сорваться.

— Это исключения, и ты знаешь об этом. И, возможно — но только возможно! — ты тоже окажешься исключением. Но бросая вызов в лицо архиепископу, ты едва ли сможешь делу. Не надо мне твоих юридических тонкостей! И вообще ты собираешься спорить или готов выслушать, что я хочу сказать?

— Выслушать,— прошептал Дункан.

— Прекрасно. Официально я намерен игнорировать все случившееся столько, сколько смогу. Однако благодаря твоей импульсивности синоду в Валорете придется решать вопрос с Дерини гораздо раньше, чем мне хотелось бы. Можешь не сомневаться: ты окажешься предметом многих бурных дискуссий, когда они соберутся на следующей неделе. Но ты не поедешь в Валорет. Что касается Церкви, ты должен стать невидимым. Денис предложил — и я согласен — что лучше всего тебе сейчас подхватить какую-то болезнь, из-за которой тебе неблагоприятно отправляться в путешествие. Я также должен попросить тебя не служить мессу и не участвовать в публичных действиях, как священник или епископ.

— Мне это запрещено?

— Нет, хотя ты и искушаешь меня. Ты можешь продолжать служить мессу, но частным образом. Я имею в виду — для короля, Аларика, Дугала. Все. Ты

также можешь исповедовать, но тех же лиц, если только это не вопрос жизни и смерти. Если ты будешь посещать заседания совета или какие-либо мероприятия при дворе, то должен делать это как герцог. Я не намерен запрещать тебе носить церковное облачение, но лучше не привлекать внимания. Я был бы счастлив, если бы ты где только возможно появлялся в светском одеянии.

— Как долго? — спросил Дункан.

— Пока мне не удастся изменить проклятое законодательство, черт побери! — огрызнулся Кардиель. — Дункан, я не могу не подчеркивать важность этого. Если ты не будешь попадаться на глаза и повторять глупые демонстрации того, кто ты есть, то все может успокоиться. Единственное, что позволяет мне так лояльно подойти к тебе, это то, что ты не выступал в роли епископа, когда признался в принадлежности к Дерини. И ты ведь на самом деле ничего не *сказал*. Будет лучше, если ты ничего и не скажешь вслух. Ни ты, ни Дугал. Ты меня понял?

Все было даже слишком ясно, хотя и не так плохо, как могло бы быть. Дункан подчинился ограничениям, наложенным Кардиелем, и притворился, будто у него кашель и жар, заставляющие его оставаться в покоях в епископском дворце. Он посчитал за удачу, что никакие другие наказания не упали ему на голову в последующие дни. Изоляция также дала ему возможность провести больше времени с Дугалом перед тем, как сын отправится в летнее путешествие с королем. Морган и Келсон также приходили поужинать с ними практически каждый вечер и обычно оставались поговорить чуть ли не до утра. В последний вечер, который король с Дугалом должны были в Ремуте, Дункан пришел на ужин в замок.

Предстоящее королевское путешествие имело целью поиск реликвий святого Камбера, поэтому в тот вечер Морган вручил двум новым рыцарям медальоны святого Камбера, такие же, как он сам унаследовал от своей матери-Дерини. Однако после того, как Дункан благословил медальоны, Келсон извинился, сказав, что хочет получить еще одно благословение. Он послал Долфина попросить Росану встретиться с ним у фонтана в центре сада.

Конечно, приличия требовали, чтобы она пришла не одна. В качестве компаньонки и дуэньи ее сопровождала монахиня более старшего возраста. Обе они были одеты в плащи с накинутыми капюшонами, защищающими от холодного ночного воздуха. Но сопровождавшая Росану монахиня без возражений согласилась с предложением Келсона погулять по саду на пару с Долфином, который забудет все, что увидит и услышит. Король отвел Росану в некое подобие укрытия — беседку, летом увитую плющом.

— Я хотел показать тебе кое-что перед тем, как мы уедем утром,— сказал он, доставая серебряный диск — медальон святого Камбера — из-под туники.— Только Дерини может по-настоящему оценить его. Дункан уже благословил его, но я подумал, что ты тоже могла бы это сделать.

— Я, мой господин? — она с интересом посмотрела на медальон, очевидно поняв, что это такое, но не сделала попытки до него дотронуться.— Подобное благословение должен давать священник.

— Тем не менее, я оценил бы *твое*,— сказал Келсон.— Несомненно, это не пойдет во вред, поскольку он уже освящен священником.

— Вы правы.

Осторожно улыбнувшись, она подошла достаточно близко и взяла медальон в левую руку, чтобы его осмотреть, затем перекрестила и склонилась, чтобы поцеловать.

— Спасибо,— тихо произнес Келсон, беря диск в руки и тоже целуя, когда Росана выпрямилась.— Я еще больше буду ценить его после твоего поцелуя.

Она покраснела и наклонила голову.

— Пожалуйста, мой господин, не говорите таких вещей. Вы не должны.

— Не должен? Росана, прошла почти неделя. Я хотел бы узнать, что ты надумала. Не о том, что мы обсуждали на совете. Не о ситуации в Торенте, епископах или даже святом Камбере. О нас.

Она украдкой бросила на него взгляд, затем снова посмотрела на свои руки, убранные в свободные рукава. Движение головы заставило ее капюшон упасть на плечи. Под темно-синим плащом, который она надела для того, чтобы пройти по улице, на ней все еще было надето светло-голубое монашеское одеяние ее ордена, но она заменила свою обычную полотняную камилавку на нечто более тонкое, окутывавшее лицо, подобное покрывалу мадонны. Ее длинные густые волосы сегодня не были заплетены в косу, а заколоты сзади парой серебряных заколок и лежали тяжелой блестящей копной у нее на затылке.

— Что насчет нас, мой господин? — переспросила она.— Я думала, мы договорились провести время вдали друг от друга в раздумьях.

Келсон смог только скрестить руки у себя за спиной, чтобы не надеть глупостей.

— Договорились. Но я... э... надеялся, что это отступление от строгого монашеского одеяния,— он кивнул на ее покрывало,— может означать, что...

Пока он искал слова, она взглянула на него.

— Может означать что, мой господин? — прошептала она.— Что я колеблюсь в правильности выбора призвания? Да, это так. И я солгала вам раньше. Именно вы — причина этого.

Он почувствовал, как участился его пульс и кровь застучала в висках, он не был уверен, что сможет произнести хоть слово, когда смотрел сверху вниз в ее глаза.

— Милая госпожа, не играй со мной,— выдохнул он.— Если бы я думал, что ты лжешь мне сейчас, то мог бы и не прийти в себя. И я не стану рисковать, выясняя правду. Иногда наши способности позволяют нам узнать *слишком* многое.

— А они говорят тебе, Келсон Хаддейн, что я думаю, что люблю тебя? — тихо спросила она.— Говорят ли они тебе, что, собирая зелень и украшая алтарь для ночи твоих молитв перед посвящением в рыцари, я представляла, как готовлюсь к нашей брачной церемонии?

Он медленно вывел руки из-за спины и осмелился поднять их к ее лицу, чтобы откинуть покрывало.

— Настоящее празднование и произнесение брачных клятв может, в самом деле, состояться в конце лета, когда я вернусь,— прошептал он.— Ты этого хочешь?

— Я... думаю да, мой господин,— выдохнула она. Она подняла руку, чтобы слегка дотронуться до его губ.— Но нам не следует говорить об этом. Мы...

Чтобы не допустить никаких слов, которые могли бы уменьшить силу этого невероятного признания, Келсон прильнул к ее губам, держа ее лицо между ладонями. Он почувствовал сладкую истому, а потом прилив огня, зарождающийся у него в паху,

когда ее губы раскрылись под его, вначале несмело, словно еще сдерживаясь, затем все смелее, когда он глубже запустил руки в ее волосы и притянул девушку поближе. Они оба дрожали. Ее заколки расстегнулись, и копна черных с синим отливом волос упала ему на руки, и каждая прядь посылала электрический заряд по его коже.

— Мой господин, мы не должны,— удалось прошептать ей, когда она отпрянула. Ее глаза напоминали глаза испуганной косули, хотя ее руки и обнимали его за талию, когда они целовались, и до их пор оставались там.

Улыбаясь, он взял две пряди волос из-за ее спины, положил их ей на плечи, а потом на короткое время спрятал в них лицо, вдыхая запах ее духов.

— Что мы не должны делать, моя принцесса, моя королева? — прошептал он, снова устремив взор в ее глаза и отводя у нее со щеки прядь волос.— Разве ты только сейчас не сказала, что любишь меня? И, несомненно, я люблю тебя.

— Это слишком скоро,— прошептала она.— Мне нужно еще время. Я никогда не предполагала, что мы обменяемся обещаниями до конца лета, до того, как у нас было время подумать. Ах, мой господин!

Пока она говорила, Келсон позволил одной руке спуститься к завязкам у нее на шее, одновременно покрывая поцелуями ее виски и веки. Наконец голубое одеяние раскрылось, и он легко просунул внутрь руку, лаская грудь.

— Я говорил тебе раньше, что не сделан из железа,— прошептал он.

— И я тоже,— ответила она, вынимая его руку, но затем целуя ее, все еще дрожа.— Но мы не должны

делать то, к чему побуждают наши сердца. Не сейчас. Не здесь.

— Тогда где, сердце мое, и когда? — настаивал он, целуя ее руку. — Я дарю тебе королевскую любовь, Росана. Я сделаю тебя королевой моей земли и моего сердца.

Покачив головой, Росана выпрямилась с рыданием, а затем повернула ладонь таким образом, чтобы держать его руку в своей, просто сжимая и не давая ему снова ее целовать.

— Мой господин, молю вас, не делайте этого со мной. Вы — король. Вы можете брать то, что хотите, где и когда вы хотите, но я еще нахожусь под обетом. Я умоляю вас уважать это.

Мечтательно улыбнувшись, Келсон провел тыльной стороной свободной ладони по ее покрывалу, а затем по щеке.

— А разве те, кто еще находятся под обетом, носят такие покрывала или так свободно подкалывают волосы?

Она слотнула и отвела глаза.

— Мне не следовало надевать это покрывало, мой господин. Это было тщеславие, о котором я, вероятно, пожалею. Я должна буду покаяться, когда в следующий раз пойду на исповедь.

— В таком случае лучше не кайся в этом отцу Дункану, — прошептал Келсон, продолжая улыбаться, — потому что он на протяжении многих лет был моим духовником. Если я скажу ему, что хочу взять тебя в жены, он назначит тебе суровое наказание за то, что искушала меня таким образом.

Она вынула свою ладонь из его, затем сняла покрывало и протянула ему подержать, а сама отвернулась, чтобы заново завязать шнурочки на груди.

— Отец Дункан больше не является моим духовником, мой господин. Разве вы не слышали? Архиепископ запретил ему исповедовать кого-либо, кроме вас, Дугала и Моргана.

Это откровение было подобно ушату холодной воды, выплеснутого в лицо Келсону. Он задумывался о нежелании Дункана обсуждать разговор с Кардиелем после окончания заседания совета. Король чувствовал, как огонь покидает его тело, когда он выпрямился, подняв упавшие заколки Росаны.

— Что ты имеешь в виду — запретил? Дункану не запрещено служение.

— Нет, но ему было приказано добровольно прекратить публичное священнодействие. Разве вы не заметили, что он со среды не служил мессу в соборе?

Не двигаясь, почти загипнотизированный, Келсон смотрел, как ее пальцы стали быстро заплетать толстые пряди в косу, те самые пряди, которые только минуты назад возбуждали каждый нерв в его теле.

— Но это потому, что, как предполагается, он болен, чтобы не отправляться на заседание синода, — удалось выдать из себя Келсону. — Он служил мессу сегодня утром.

— Да, для вас, Дугала и Моргана, и очень рано, в королевской часовне. Мне сказала герцогиня Мерауд. Разве вы не удивились, что там больше никого не было? В конце концов, ведь сегодня воскресенье.

— Э... я...

Она аккуратно скрутила косу на затылке и закрепила заколками, которые держал Келсон.

— Конечно, вы не удивились. Вы возбуждены перед поездкой на поиски реликвий святого Камбера. И так оно и должно быть. Он не хотел портить ее для вас. Ведь вы, мой господин, в конце концов, со-

гласились обратиться к синоду. Чего еще может требовать человек?

— Я думал, что больше никаких наказаний в ближайшее время не последует,— пробормотал Келсон.— Никто ничего не говорил всю неделю.

— Нет, но не сомневайтесь: все думают об этом. К счастью, Дункана любят и уважают. И Дугал может оказаться неожиданным помощником. Священник с законным сыном и так достаточно необычен, а то, что он еще и Дерини, может не играть особой роли для обычного человека. Епископам придется со скрипом пройти процесс официального изменения закона, но это может произойти не раньше конца Великого Поста. Им ведь еще требуется наложить на ряд епископов дисциплинарные взыскания и выбрать новых.

Пока она снова надевала покрывало, правда, на этот раз оставив лицо открытым, Келсон размышлял над ее словами.

— Ты права,— пробормотал он.— Сейчас не время и не место для нас.

Он опустил глаза, затем снова поднял на нее.

— Но когда придет наше время, Росана? Ты имела в виду сказанное тобой раньше, или ты говорила то, что, как ты считала, я хотел услышать, сберегая свою честь?

Она опустила глаза и трюмко слотнула.

— То, что произошло между нами, мой господин, было искренне,— ответила она.— Что касается времени и места, то я... уже сказала моей настоятельнице, что начала сомневаться в правильности выбора призвания. Я уверена, она думает, что это произошло из-за атаки на наше аббатство прошлым летом. Ко-

нечно, я не называла ей истинную причину и не упоминала ваше имя.

Келсон позволил себе улыбнуться, успокоенный в большей степени, чем мог признаться, затем взял обе ее руки в свои и поднес к груди.

— Старая ведьма. Когда она выяснит, что и *кто* стоит за этим, она, вероятно, подумает, что я попытался скомпрометировать тебя. А я ведь на самом деле попытался, но что дальше? Я скажу ей, что ты не поддавалась, если это поможет.

На губах Росаны мелькнула улыбка, но она отказывалась смотреть на него, и он внезапно понял, как ей, наверное, тяжело.

— Следующий шаг — это просить снять с меня обет,— твердо сказала она.— Я давала его епископу Меарскому, который мертв и у которого в настоящий момент нет преемника, так что моя просьба может быть направлена прямо архиепископу. Уверена, ее удовлетворят без особых проблем, в особенности, если я назову истинную причину.

Келсон позволил себе тихо рассмеяться.

— Ты шутишь? Они устроят пляски на улицах. Они требовали от меня жениться чуть ли не сразу же после того, как закрыли гроб Сиданы.

Его лицо помрачнело, когда взгляд упал на кольцо Сиданы на мизинце, затем он задумался, имеет ли он право предлагать его Росане — только как залог. Как он знал, оно не подойдет для скрепления даже обещания второго брака — ведь это был символ первого.

— В чем дело, мой господин? — прошептала Росана.

— Посмотри на это кольцо, которое, как ты видела, я всегда ношу,— тихо сказал он, потирая его боль-

шим пальцем, хотя и не выпустил ее руки из своих.— Я... полагаю, ты не знала, что оно принадлежало Сидане. Изначально я стал носить его, чтобы всегда помнить о данной клятве: справедливо покарать ее убийц. И я так и ношу его. Оно напоминает мне о том, что я больше никогда не женюсь ради государственных интересов. Я не хочу, чтобы ты носила его — потому что оно помечено ее кровью — но если ты хочешь, я готов вручить его тебе на хранение, пока буду в отъезде, как знак того, что она и все с нею связанное оставлено мною в прошлом.

— Я глубоко тронута, мой господин,— прошептала Росана, глядя ему прямо в глаза.— Вы уверены, что хотите это сделать?

— Точно также уверен, как уверен в том, что по возвращении хочу сделать тебя своей женой,— сказал он, снимая кольцо с пальца и протягивая ей.— Раз ты пока связана обетом, это не помолвка и даже не обещание помолвки. Но это — мое личное обязательство вернуться к вопросу, когда мы оба будем свободны это сделать. И если, в мое отсутствие, ты изменишь решение и считаешь, что все случившееся было только приятным полетом фантазии, порожденным обрядом посвящения в рыцари и интригами при дворе, от тебя требуется лишь вернуть кольцо. Без каких-либо объяснений.

Он улыбнулся ей, чтобы с ее лица сошло торжественное выражение, когда она взяла кольцо в руку и зажала в ладони.

— Я должен подать это таким образом, Росана,— добавил он, склоняясь и касаясь губами ее сжатой руки.— Ты пока еще принадлежишь Господу. Я и не буду соревноваться с Ним, несмотря на то, что уже

довел своего названного брата до богохульства, когда мы спорили с ним на днях.

— Дугала? Он в курсе?

— Он знал больше, чем я, до сегодняшнего вечера,— сказал Келсон.— Хотя только он один.

— Узнают и другие, если я в самое ближайшее время не спасу сестру Мариан и не отправлюсь в постель,— прошептала Росана.— Не в *вашу*, мой господин, хотя вы и искушаете меня, несмотря на данный мной обет. И я не должна пропустить вечернюю молитву, иначе нас, в самом деле, заподозрит не только Дугал.

— Я могу сказать Дункану и Аларiku,— предложил Келсон, снова обнимая ее и лаская губами шею.— В конце концов, они все равно узнают.

— В конце концов, но не сегодня,— ответила она, отодвигаясь, чтобы посмотреть ему в глаза.— И не до вашего отъезда. Не сомневаюсь, мой господин: они умеют хранить тайны, но если о нашей станет известно, пока с меня еще не снят обет, это может скомпрометировать мою честь. Ваша невеста должна быть целомудренна и вне каких-либо подозрений, когда она отдастся вам перед Божьим алтарем.

Келсон вздохнул. Ее логика была обезоруживающей.

— Хорошо. Я увижу тебя завтра перед отъездом?

— Да, конечно, мой господин,— весело сказала она, невинно целуя его в щеку и отодвигаясь дальше, оставляя только свои руки в его ладонях.— Я буду махать вам платком вместе со всеми другими придворными дамами и желать удачи смелым молодым рыцарям в их поисках. И я буду молиться о вашем скором возвращении в добром здравии.

Он стоял несколько минут, глядя на нее и слыша только, как бьется его собственное сердце, затем медленно кивнул.

— Я буду бережно хранить в сердце воспоминание о сегодняшней встрече,— прошептал он.— Но нельзя ли мне надеяться на более долгий поцелуй, чтобы вспоминать о нем все лето?

Стесняясь, она шагнула к нему, их руки так и оставались сжатыми на уровне груди, и только губы соединились. Это был целомудренный поцелуй в губы, сладкий и долгий, и эта сладость осталась на губах, когда они отстранились друг от друга. Ничего больше не произошло. И Келсон был доволен, когда наблюдал за тем, как она уходила. Он задержался еще на несколько минут, чтобы вдохнуть обжигающего холодного ночного воздуха, быстро приводящего в чувство, затем сам направился в замок к Дугалу, Дункану и Моргану.

А у небольшого окна, выходящего в сад, стоял Конал, потягивая густое красное вино из кубка, и наблюдал за всем происходящим не только из праздного любопытства. Он видел практически все, но, хотя его способности близко подошли к способностям Дерини, не смог услышать произносимые слова.

Однако действий было достаточно — достаточно, чтобы Конал решил для себя: он сам не отстранился бы, оставив Росану целомудренной. Если бы в темноте сада с Росаной вместо Келсона оказался он сам, он бы теперь наслаждался ее стройным, сладким телом, заставляя его дрожать под своим, делая ее своей, несмотря ни на какие ее обеты. А затем он потребовал бы, чтобы она приняла его предложение — или он публично опозорит ее.

Потому что именно на Росану Конал положил глаз, когда прошлым летом провожал ее и других монахинь из Куилтейна. Именно на Росане он собирался жениться, причем это ему удастся, независимо от того, чего может желать дорогой кузен Келсон.

Выпив остатки вина и готовясь отправиться на свое собственное тайное свидание, Конал размышлял, не знает ли Тирцель способов привлечь внимание женщины. Конал понимал, что попытка повлиять на девушку-Дерини будет гораздо более трудной, чем завладеть любой другой женщиной. Такое ему уже доводилось проделывать, начиная с Ваниссы, а затем перейдя к нескольким служанкам и даже придворными дамами.

Но Росана — невеста для принца, и особенно для принца, только что ставшего Дерини. И если получится, Конал намеревался открыто завоевать ее симпатию, возможно, прямо под носом Келсона. Ни он, ни король не смогут заняться этим вопросом в течение нескольких следующих месяцев, но когда они вернутся...

Он услышал, как зазвонили колокола в базилике, объявляя о вечернем богослужении, и накинул темный плащ. Пришла пора встретиться с наставником. Тирцель обещал на сегодняшнюю ночь какой-то необычный урок, превосходящий все, что довелось раньше испытать Коналу.

А после этого Конал поговорит с Тирцелем насчет будущей жены.

Глава восьмая

Научите меня, и я замолчу¹

Когда он шел в библиотеку, где они должны были встретиться с Тирцелем, принц попытался выкинуть из головы только что увиденное. Фантазии о любви с Росаной не способствовали сосредоточению, какого обычно требовал от него наставник. Более того, Конал вообще не представлял, чего ждать от сегодняшнего урока. В послании Тирцеля говорилось только, что он должен появиться в библиотеке через час после вечернего богослужения. Там они никогда раньше не встречались, но Конал уже привык ожидать необычного, имея дело с Дерини.

Когда Конал вошел в библиотеку, там было тихо — но он знал, что пришел немного раньше назначенного времени. Прикрывая рукой свечу, он остановился на мгновение, прижимаясь спиной к закрытой двери, чтобы осмотреться. Он нечасто приходил сюда. Чтение мало интересовало Конала, если только не касалось военной стратегии и тактики. Его дядя Брион собрал большую коллекцию пергаментов и переплетенных книг по этим предметам, и некоторые из них Конал почти выучил наизусть. Вкусы Келсона скорее затрагивали область истории, а теперь его все

¹ Иов 6:24

более интересовали и сложные эзотерические темы, впрочем в последнее время ставшие и для Конала более понятными.

Келсон даже расширил библиотеку после смерти Бриона, убрав перегородку с соседней комнатой, чтобы разместить растущую коллекцию. Конал помнил шум и гам, две зимы назад, когда Келсон отправил сюда рабочих. Они сломали толстую внутреннюю стену, а затем заделали старый вход из коридора в комнату, где теперь также размещалось книгохранилище, и теперь в него можно было попасть только через старую библиотеку. В то время это казалось лишним: ведь коллекцию просто можно было целиком перенести в какие-то пустующие комнаты, но, возможно, Келсону хотелось в память об отце оставить собранную Брионом библиотеку нетронутой и в том же месте, где она находилась изначально, просто добавив к ней соседнее помещение. Конал мог это понять.

Что он не понимал, так это почему Тирцель велел ему прийти сюда, а не на одно из их обычных мест свиданий. Насколько он знал, Тирцель никогда тут не появлялся: подобное было слишком рискованно даже для опытного Дерини, способного заставить стражников забыть, как он проходил мимо них.

Все еще удивленный и со все возрастающим нетерпением Конал продвигался между рядов полок, направляясь во второе помещение. Вероятно, оно являлось лучшим местом для ожидания — на тот случай если кто-то заглянет взять что-то почитать перед сном. Казалось, температура воздуха упала, когда он отодвинул тяжелую портьеру, закрывающую проход во вторую комнату, и проскользнул внутрь. Но это ощущение прошло, когда он встал с другой сторо-

ны. С тех пор, как он был тут в последний раз, на противоположной стене появились дополнительные полки, но в комнате все равно оставалось больше свободного места, чем он ожидал увидеть. Конал также думал, что он тут один, пока внезапно в глубокой нише, где располагалось окно, не возникло серебристое свечение, и оттуда появился Тирцель. На фоне темного плаща с капюшоном в свете магического огня, созданного левой рукой в перчатке, выделялось только его лицо.

— О, значит ты уже здесь,— прошептал Конал, поворачиваясь к Тирцелю.

— Да, но ненадолго. Мы оба здесь ненадолго. Кто-то может зайти. Кроме того, я должен показать тебе сегодня ночью кое-что очень важное.

— Отлично. Куда ты хочешь пойти? Из покоев Дугала ведет тайный ход, по которому можно пройти во двор замка или даже за его пределы, если возникнет такая необходимость. Дугал никогда не узнает, что мы им воспользовались. Они с Дунканом и Морганом ужинают в покоях Келсона. Когда мы вернемся из летнего путешествия, я намерен поговорить с Келсоном о тех покоях. Они должны были достаться мне, а не Дугалу.

В тени капюшона мелькнула улыбка Тирцеля.

— А, Дункан ужинает с королем? Хорошо. Это исключает одну возможную проблему. Затуши свечу и положи ее в эту нишу. Она не понадобится тебе там, куда мы отправимся.

Эти слова вызвали тревогу у Конала, но он выполнил приказ Тирцеля. Когда он повернулся, Дери-ни уже стащил одну перчатку зубами и сидел на корточках в центре комнаты, потирая голой рукой одну

из каменных плит, составляющих пол. На уровне головы продолжал сиять магический серебристый свет.

— Что ты делаешь? — прошептал Конал, приближаясь к Тирцелю и опускаясь рядом с ним на корточки.

— Видишь края этой каменной плиты? — спросил Тирцель, весело поглядывая на Конала. — Обрати внимание, что она — единственная квадратная плита в комнате и находится здесь по центру.

— Да, вижу. И что?

— Положи ладони на середину квадрата и скажи мне, что ты почувствуешь.

Не произнеся ни слова, Конал подчинился.

— Пощипывает, — прошептал он, быстро переноса одну руку на плиту, соседнюю с квадратной, для сравнения, а затем возвращая руку назад. — Здесь есть что-то магическое, да? Для чего она служит?

— Это, друг мой, Перемещающий Портал, — сказал Тирцель, вставая и вытирая пыль с руки о кожаные штаны. Конал сделал то же самое. — Дерини пользуются такими Порталами, если им нужно куда-то быстро перенестись. А если быть более точным, то это именно тот Перемещающий Портал, которым воспользовалась Карисса, чтобы добраться до библиотеки в ночь перед коронацией твоего кузена Келсона. Морган с Дунканом обнаружили его пару лет назад. Именно поэтому и затеяли этот ремонт.

Тирцель обвел широким жестом комнату.

— В любом случае, я посчитал, что тебе следует знать о таких вещах. Поэтому я решил дать тебе впервые вкусить путешествие через Портал сегодня ночью — что-то типа награды за твою упорную работу зимой. Я не рекомендую подобные путешествия просто для развлечения, поскольку они отнимают

энергию, в особенности, если требуется перенестись на большое расстояние, но я хотел показать тебе три таких места в Ремуте. Все они находятся недалеко друг от друга. Это первое.

Конал снова бросил взгляд на кажущуюся безобидной каменную плиту. Он слышал и раньше, как его отец и Морган говорили о Порталах, и имел смутное представление о том, как ими пользуются. Однако ему никогда не доводилось их видеть и, конечно, он и не подозревал, что один может находиться прямо в библиотеке.

— Я слышал о Порталах,— прошептал он,— но всегда представлял в своем воображении дверь. А здесь только квадрат в полу.

Тирцель улыбнулся.

— О, это гораздо большее, мой практичный юный друг. Встань передо мной внутри квадрата и закрой глаза. В любом случае здесь не на что смотреть.

Тирцель положил ладони на плечи молодого человека сзади, стоя рядом, а затем провел рукой вниз по шее Конала вдоль сонной артерии, задерживаясь на точках биения пульса большим, указательным и средним пальцами.

— Давай. Закрой глаза. И опусти защиты. Максимально расслабься и успокойся. Я сам сделаю все остальное. В первый раз ощущение прыжка немного пугает, но не надо сопротивляться ни ему, ни мне. Я тебе помогу. Расслабься!

Хотя Конал сделал так, как ему велел наставник, но все равно чувствовал, как бьется его сердце и пульсируют точки под все возрастающим нажимом пальцев Тирцеля. Затем внезапно у него сильно закружилась голова и к горлу подступила тошнота. Вскоре

давление ослабло, и он невольно ухватился за Тирцеля, пытаясь вернуть равновесие. Теперь их окружали какие-то другие стены, возвышающиеся очень близко, практически сразу за границами квадрата. Они с Тирцелем опять стояли на каменной квадратной плите, но находились уже в другом месте.

— Расслабься,— прошептал Тирцель в левое ухо Конала.— С тобой все в порядке. Мы теперь в Портале, открывающемся в старый кабинет отца Дункана, прилегающий к базилике.

Наставник провел рукой по воздуху, и перед носом Конала появился магический серебристый свет, испугавший и без того удивленного принца настолько, что он еще крепче прижался к Тирцелю, правда только на секунду. Затем Тирцель протянул руку и быстро нащупал почти незаметную выпуклость, выпирающую из одного из угловых камней, которыми было выложено помещение. Стена слева от них мгновенно отошла в сторону с тихим звуком, Тирцель с Коналом проследовали дальше. Серебристый свет, созданный благодаря магическим способностям Тирцеля, жутковато осветил помещение, но Конал узнал его, только переступив порог.

— Я знаю эту комнату,— тихо сказал он.— Когда мы с Келсоном были детьми, отец Дункан иногда исповедовал нас здесь. Но я не был тут много лет.

— Это очень старая часть здания,— ответил Тирцель.— Если ты когда-нибудь удивлялся, почему Дункан так никогда и не перенес свой кабинет в более удобное место, поднимаясь в церковной иерархии, теперь ты знаешь ответ. Есть кое-что еще, что тебе следует посмотреть, раз уж мы оказались здесь.

Легкими шагами подойдя к расположенному в углу справа от них аналою, Тирцель опустил на од-

но колено и осторожно провел рукой под ним. От его движения с места в сторону сдвинулась тяжелая gobеленовая портьера, закрывавшая теперь зияющий проем.

— Давай взгляни,— сказал Тирцель, заметив немой вопрос на лице Конала.— За исключением нас и членов Совета, не более шести человек знают, что здесь имеется. Сюда приводили твоего отца, чтобы передать ему могущество Халдейнов и, предположительно, приведут тебя, если когда-нибудь до этого дойдет.

Это была крохотная древняя часовенка, по размеру не превышающая половину кабинета. Теплый красный свет горевшей лампадки, висевшей слева от узкого алтаря, только смутно освещал темный крест, висевший над ним. Свет отражался более ярко от позолоты, украшавшей выкрашенную в голубой цвет стену за алтарем. Тирцель прошел мимо Конала, стоявшего в удивлении, и зашел в часовню, освещая ее магическим светом, чтобы ненадолго преклонить колена в молитве. Конал рассмотрел, что стены украшены фресками, изображающими жизнь святых. Хотя Конал редко видел необходимость в соблюдении внешних религиозных ритуалов, он также преклонил колена. Тирцель осенил себя кресным знаменем, Конал встал вслед за ним и только после этого перекрестился.

— Надеюсь, ты попросил о чем-то святого Камбера,— сказал Тирцель, поворачиваясь к нему лицом,— потому что эта часовня когда-то была посвящена ему.— Огонь взметнулся выше, а сам Тирцель, положив руки на бедра, снова осмотрелся.— Наверное, именно поэтому ее так любят Дункан и его друзья. Признаюсь, мне самому она нравится. Надеюсь, что

ваш поиск увенчается успехом. Хотелось бы дожить до того дня, когда Камберу снова будет должным образом поклоняться в открытую.

— Почему? Потому что он был Дерини? — спросил Конал, которому стало несколько неуютно от этого разговора о святых.

— Частично. Думаю, он все равно стал бы великим человеком, даже если бы и не был Дерини. И, может, он бы дольше оставался святым.

Тирцель улыбнулся и, щелкнув пальцами, подождал огонь, висевший над головой, освещая часовню, а затем жестом показал Коналу, что пришло время уходить.

— В любом случае, впереди тебя и других рыцарей ждет интересное приключение, а мне следует показать тебе еще кое-какие Порталы. Я снова возьму тебя под свое прикрытие, когда мы пустимся в путешествие,— сказал Тирцель, закрывая за собой дверь часовни и проводя Конала в помещение, где находился Портал, держа руку у него на плече.— Но теперь, раз уж ты знаешь, чего ожидать, я дам тебе испытать все ощущения от прыжка. Однако перед тем как мы уйдем отсюда, я хочу, чтобы ты закрыл глаза и прощупал этот Портал. Осторожно: ощущения могут быть непредсказуемыми. Каждый из них слегка отличается от других. Путешественнику следует заранее побывать в определенном Портале, чтобы отправляться туда без помощи других. Или же следует получить очень точный образ от того, кто был в нужном Портале. Осмотри все здесь и хорошо запомни. Я проверю тебя после того, как ты закончишь.

Конал покорно закрыл глаза и направил ментальный импульс вниз, себе под ноги, туда, где находил-

ся Портал. Теперь, зная, что искать, он быстро почувствовал покалывание сквозь сапоги, и оно на самом деле отличалось от покалывания, которое он испытал в библиотеке.

Его обостренные чувства несколько секунд впитывали ощущения, он попытался определить, чем одни отличаются от других, затем открыл глаза и оглянулся на Тирцеля, все еще держа в голове образы, чтобы настанник мог их проверить.

— Хорошо,— выдохнул Тирцель.— У тебя не будет проблем с возвращением сюда, если тебе это потребуется.

Он мыслью погасил огонь, но не разорвал ментального контакта с Коналом.

— А теперь мы отправимся к следующему Порталу. Он находится в ризнице в соборе, которая, надо надеяться, не занята в это время. Но если окажется так, что там кто-то есть, я быстро верну нас сюда до того, как ты или те, кто там есть, поймут, что произошло. Это еще одна из причин, побуждающих меня держать тебя под контролем, даже если бы ты и знал то место, куда мы направляемся.

На этот раз контроль Тирцеля был не полным подчинением, а скорее слиянием их ощущений, так что Конал смог проследить за процессом с большим пониманием. Тирцель подключился к энергии Портала, уравновесил ее со своей собственной, соединенной с энергией Конала, а затем направил в нужное русло. Очевидно, в ризнице никого не было, потому что Тирцель снова создал магический огонь, как только удостоверился, что с Коналом все в порядке.

— А здесь тебе доводилось бывать раньше? — прошептал Тирцель, осторожно осматриваясь в небольшой комнате вместе с Коналом.

— Не думаю.

— Ну, это не имеет значения. Посмотри, на чем ты стоишь. Здесь Портал находится в напольной мозаике. Видишь квадрат, в котором выложен крест?

Тирцель отошел на несколько шагов назад и направила магический огонь поближе к полу. Конал присел на корточки, чтобы рассмотреть его. Внешне квадрат был таким же, как и остальные, в общем-то все они казались похожими, но обостренные чувства говорили совсем о другом, когда он провел рукой по периметру.

— Прекрасно. Ты понял, как он отмечен визуально,— прошептал Тирцель.— А теперь потрать несколько минут, чтобы, как и в прошлом случае, хорошо запомнить это место. Ты гораздо легче справляешься с этим делом, чем я мог предположить. Я до сих пор недооцениваю твои таланты.

— У меня хороший наставник,— ответил Конал с улыбкой, произнося редкий комплимент.

— Хм-м-м, посмотрим, насколько он хорош, когда ты сам попытаешься впервые прыгнуть. Как ты считаешь, ты уже запомнил этот Портал?

Открывая свои защиты для учителя, Конал сказал:

— Смотри сам.

— Отлично. Попробуешь добраться до расположенного в кабинете? Ты не очень хорошо запомнил тот, что находится в библиотеке, так как в начале еще не знал, с чем сравнивать, поэтому пока сможешь приземлиться только здесь и в кабинете. Попробуешь?

— Сам? — выдохнул Конал.

Тирцель улыбнулся.

— Для тебя будет безопаснее сделать все одному, не увлекая за собой меня. Операцию может контролировать лишь один человек. Я буду попросту мешать. Я сразу же последую за тобой. Только не делай никаких движений на другом конце, пока я туда не доберусь.

Конал глубоко вдохнул воздух.

— Ты уверен, что я готов?

— Я когда-нибудь просил тебя сделать что-то, к чему ты был не готов?

— Нет.

— Значит, я уверен, что ты готов.

Конал медленно выдохнул и встал, не двигаясь, понимая, что Тирцель внимательно наблюдает за ним. Ему не требовалось смотреть себе под ноги, чтобы знать, что он стоит точно по центру Портала. Он чувствовал, как тот, словно живой, подрагивает у него под ногами, вибрируя энергией. Он призвал из памяти местонахождение другого Портала, уравновесил с тем, на котором стоял, затем неуверенно посмотрел на Тирцеля. Казалось, наставник ничего не сделал в смысле подготовки.

— Просто... отправляться? — уточнил Конал.

— Тебе требуются королевские фанфары? — усмехнулся Тирцель.

Конал не ответил. Вместо этого он закрыл глаза, сделал еще один глубокий вдох, подключаясь к энергиям у себя под ногами так, как делал Тирцель, и направляя их туда, куда хотел перенестись. Затем он вновь летел по темноте, а мгновение спустя руки Тирцеля уже обнимали его за плечи, и тепло поздравлений окутывало Конала, подобно мантии. Конал понял, что они снова находятся в кабинете.

— Отлично! — прошептал Тирцель ему в ухо.— Здорово! Как ты себя чувствуешь?

— Немного... кружится голова,— ответил Конал. Он, как идиот, улыбался от уха до уха.— Я все сделал сам?

— Это что, похоже на ризницу в соборе? — ответил Тирцель вопросом на вопрос, заставляя магический огонь разгореться с новой силой, освещая знакомые каменные стены.

— Давай повторим! — счастливо воскликнул Конал.— Все произошло так быстро, что я едва понял, как тут оказался.

— Нет, мы не будем рисковать, возвращаясь в ризницу,— сказал Тирцель.— Более того, я же говорил тебе: на это расходуется энергия. Сейчас мы вернемся в библиотеку, чтобы ты смог запомнить то место, а затем, может быть, я позволю тебе еще один разок прыгнуть сюда. Ведь мне еще нужно добраться до дома. А тебе — выспаться сегодня ночью, потому что завтра утром ты отправляешься в поход. В любом случае, тебе будет о чем подумать.

— Несомненно,— согласился Конал.

Когда они совершали прыжок на Портал в библиотеке, он позволил Тирцелю опять взять себя под контроль. На этот раз Конал был менее дезориентирован и сразу же смог встать на колени, чтобы запомнить все признаки этого квадрата. Закончив процедуру к удовлетворению Тирцеля, принц спросил, не может ли он сам контролировать возвращение.

— Я могу это сделать, я знаю, что могу,— просил Конал.

— Не уверен,— ответил Тирцель.— Гораздо труднее переносить кого-то еще, кроме себя. Мне не хотелось бы, чтобы ты перенапрягался.

— Но почему бы тебе тогда не использовать на мне этот свой заговор, снимающий усталость? Или дашь мне что-то из своих зелий? Я могу это сделать, Тирцель, я знаю, что могу. Пожалуйста, дай мне попробовать. Если я почувствую, что у меня что-то не получается, ты меня сменишь.

Тирцель вздохнул.

— Ну, хорошо. Я могу вернуться домой и оттуда, с таким же успехом, как и отсюда, уже после того, как мы завершим все дела. Только я хочу, чтобы ты пообещал мне вернуться в покои по тайному ходу, после того как я уйду, а не путешествовал через Порталы. Я говорю серьезно насчет затрат энергии.

— Я обещаю.

Конал приблизился к Тирцелю, положил руку на его запястье, так как физический контакт облегчал контроль, затем осторожно направил ментальный импульс сквозь защиты Тирцеля, удивившись, когда первичные барьеры сразу же упали, открыв необходимые уровни контроля.

— Немного ослабь давление,— сказал Тирцель, закрывая глаза и делая глубокий вдох, чтобы облегчить Коналу задачу.— Я знаю, чего ждать, поэтому такая крепкая хватка не нужна.

Конал подчинился. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы уравновесить свою энергию, соединенную с энергией Тирцеля, с потоками, пульсирующими у них под ногами. Затем он заколебался.

— Ну, давай,— прошептал Тирцель.— Незачем нам тут висеть всю ночь.

Конал решился — и они снова оказались в кабине. Он почувствовал легкое раздражение Тирцеля, недовольного, что принц слишком медленно отпускает ментальный импульс, но на самом деле Конал

не пытался удерживать контроль. Тирцель вздохнул, снова создавая серебристый огонь.

— Ты определено добился результата,— сказал он.— Конал, я горжусь тобой. Сядь.

Затем Тирцель провел рукой перед дверью, ведущей из кабинета. Конал знал, зачем он это делает: ведь следовало обезопасить себя от возможного вторжения. Затем Тирцель достал табуретку из-под стола, установленного у потухшего очага, провел рукой над свечой, стоявшей на столе, и она тут же загорелась. Тирцель загасил магический огонь.

— Надеюсь, тебе было не очень неприятно,— сказал Конал, устраиваясь напротив.— Я не хотел, чтобы тебе было неловко.

— Неважно. Ты пытался сразу же сделать несколько дел. У учителя, как и ученика, остаются шрамы после обучения.

— Наверное,— кивнул Конал.

— В любом случае, это почти все, что я запланировал на сегодня. И у тебя все получилось гораздо лучше, чем я ожидал. Хотя тебе на самом деле нужно хорошо поспать. Я не шутил, когда говорил о затратах энергии. Обычно за сутки не совершается более двух или трех прыжков, а мы сколько сделали? Четыре? Пять? И я пришел к тебе... издалека, и мне еще нужно вернуться домой. К счастью, все наши перемещения совершались на небольшие расстояния.

— А где твой дом, Тирцель? — задал Конал вопрос, который хотел задать уже несколько месяцев.— Куда ты отправляешься после наших встреч?

Улыбаясь, Тирцель положил свой ягдташ на колени, ослабив ремень, перекинутый через плечо.

— В последнее время, по крайней мере, иногда, я пользуюсь домом в городе. Но там нет Портала.

Прости, но я не могу тебе сказать, где мой настоящий дом.

Конал пожал плечами.

— Я не думал, что ты скажешь, но должен был спросить. А существует много Перемещающих Порталов?

— Не очень. Я знаю несколько дюжин, но не всеми могу воспользоваться. Из соображений безопасности некоторые из них настроены только на избранные личности, или особым образом охраняются на другом конце, чтобы воспользовавшийся ими не мог покинуть место, где находится Портал, без разрешения хозяина. А есть и Порталы-ловушки, которые не позволяют вторгнувшемуся прыгнуть назад из Портала, который ему запрещалось использовать. Надо ждать, пока тебя не освободит хозяин. Наверное, это звучит не очень страшно, но предположим, этот, в кабинете, был бы ловушкой и мы оказались бы в нем прошлым летом, когда Дункан участвовал в кампании? Можно было бы умереть от голода.

— Боже праведный, а ты можешь сказать до того, как прыгнешь, является ли Портал ловушкой или нет? — спросил в ужасе Конал.

— Иногда. Иногда нет. Все зависит от мастерства того, кто ставил ловушку, и того, кого в нее ловят. Надеюсь, рассказанное мною заставит тебя хорошо подумать перед тем, как самому пытаться ими пользоваться, если во время путешествия ты каким-то образом обнаружишь новые Порталы. Как я и говорил раньше, я не советую прыгать через Перемещающие Порталы для развлечения.

Конал сглотнул и кивнул.

— Значит, тот Портал в библиотеке... не может быть ловушкой, потому что в противном случае мы

не могли бы им воспользоваться, но... он каким-то образом заговорен, чтобы прыгнувший не мог покинуть ближайшую территорию? Именно поэтому ты и не пользовался им раньше, приходя ко мне?

— *Очень* хорошо,— сказал Тирцель, одобрительно кивая.— Хотя ты и не все понял правильно. Да, там применен заговор, но заговором защищен проход, соединяющий комнату, где находится Портал, со старой библиотекой. Я удивлен, что ты не почувствовал это, когда переходил из одной в другую.

Задумавшись, Конал вспомнил легкое изменение температуры воздуха, которое он тогда ощутил.

— А это было колдовство? Но я ведь прошел внутрь.

— Да, потому что ты — Халдейн. Келсон и его друзья выбрали очень специфический заговор, разрешив мне и другим членам Совета пользоваться библиотекой, но сделали так, чтобы мы без объявления не могли появляться в других частях замка. После Кариссы это, несомненно, оправданно. В любом случае, я мог бы покинуть ту комнату или тем способом, которым воспользовались мы, или попросив тебя взять меня под твою защиту. Ситуация, конечно, разрешимая, но она служит своим целям.

— И все это было сделано *после* Кариссы,— добавил Конал.

— Правильно.

Конал размышлял с минуту. Карисса заставила его вспомнить о Росане. Он сомневался, смеет ли спрашивать Тирцеля о подобном виде магии — гораздо более древней, как он подозревал, чем знание о Порталах.

— Тирцель, могу я спросить тебя кое о чем... как мужчина мужчину?

— Конечно.

— Тирцель; у тебя... в твоём ягдташе есть какие-нибудь любовные зелья? И не знаешь ли ты каких-нибудь любовных заговоров?

— Любовных заговоров?

— Не смей смеяться надо мной! — прошипел Конал, и его тон был настолько серьёзным, что улыбка, начавшая появляться на лице Тирцеля, сразу же исчезла.

— Но зачем тебе нужны любовные заговоры? — спросил Тирцель через несколько секунд. — Твоя дама уже любит тебя. Она беременна твоим ребёнком, она...

— Это не моя дама, — холодно ответил Конал. — Это моя любовница. А то, что она носит моего ребёнка, — случайность. Я никогда не смогу жениться на Ваниссе.

— А, значит, ты планируешь *жениться* на предмете твоих мечтаний, хотя, как я понимаю, эта дама не разделяет твоих чувств.

— Не говори со мной таким тоном, — рявкнул Конал. — Она бы разделяла, если бы не... Но это не играет роли. Она мне идеально подходит, Тирцель, — продолжал он жалобно. — Я танцевал с ней после того, как меня посвятили в рыцари. У меня было чувство, что я держу в руках перышко. Её прикосновение заставило кровь пульсировать у меня в висках...

— И все твои мозги провалились тебе в пах, — пробормотал Тирцель. — Конал, ты меня что, идиотом считаешь? Даже если бы я мог подсказать тебе любовный заговор или у меня с собой было любовное зелье, которое я мог бы тебе дать, неужели ты не понимаешь, насколько это неэтично?

— Я хочу ее любви, Тирцель! Я принц. Меня не волнует, что требуется...

— Любовь нельзя купить, Конал. Разве ты не понимаешь: это бессмысленно, если не дается по доброй воле. Человек по имени Риммель узнал это жестоким способом, и двое невинных людей заплатили своими жизнями за его прихоть. Сестра Моргана и Кевин Маклайн,— добавил он, заметив воинственно-вопросительный взгляд Конала.— Это был тот самый «любовный заговор», как ты изящно его назвал. На самом деле это был «любовный приворот». Боже, я думал ты уже перерос эту крестьянскую чушь!

— Не смей относиться ко мне покровительственно!

— О, как мы возбуждены! — тихо сказал Тирцель, выбрасывая вперед руку, чтобы остановить Конала, когда принц со злостью вскочил на ноги и хотел его ударить.

Враждебность Конала не проходила, и это заставляло Тирцеля привстать. Он схватил принца за запястье и скрутил ему руку так, что молодой человек рухнул назад на стул, вскрикнув от боли. В ярости от своей физической беспомощности, Конал украдкой попытался попробовать крепость ментальных щитов Тирцеля. Защиты устояли, но с гораздо большим усилием со стороны Тирцеля, чем тот ожидал. В ответ он обернул защиты Конала ментальным покровом, с трудом веря в силу и целеустремленность принца.

— Прекрати, Конал,— приказал он, не отпуская его запястье, пока принц продолжил сопротивляться ему и телом, и разумом.— Прекрати! Мне не хочется делать тебе больно! Это глупый спор. Я не мог бы обучить тебя любовному заговору, даже если бы и

хотел. Я не знаю ни одного. Ты прекратишь или нет?

Казалось, желание бороться мгновенно ушло из Конала. Издав тихий стон, он рухнул на стол и закрыл лицо рукой. Поскольку сопротивление прекратилось внезапно, Тирцель едва не зашатался.

— Успокойся,— прошептал Тирцель, поддерживая контакт как с разумом, так и с телом принца, и не отпуская руку, пока не смог помочь дрожащему Коналу расслабиться.

Первичные защиты принца рухнули, когда он сдался под давлением Тирцеля, но вторичные выдержали, когда Дерини попробовал поглубже запустить ментальный импульс. Они закрывали то, что оставалось на более глубоких уровнях сознания. Именно эти защиты несколько месяцев назад установил сам Тирцель, чтобы Морган, Дункан или какой-то другой Дерини при дворе не узнал, чем они с Коналом занимаются. А теперь Тирцель задумывался, что там происходит сейчас и что делалось с тех пор, когда у Тирцеля был свободный доступ к разуму Конала. Наставнику совсем не понравилась вспышка своеволия принца, которую тот только что продемонстрировал, а неожиданная сила была причиной для еще большего беспокойства.

— Ты не хотел бы рассказать мне, в чем дело? — спросил он мягко, избегая встречаться с Коналом глазами и продолжая ментально прощупывать его разум — настолько, насколько мог.

— Прости,— прошептал Конал.— Я не знаю, что со мной случилось. Наверное, я вышел из себя.

— Наверное,— ответил Тирцель.— Как ты думаешь, это может повториться вновь?

Конал постарался улыбнуться и покачал головой, а затем предпринял попытку отодвинуться от Тирцеля, и Дерини прекратил свое ментальное исследование.

— Хорошо. Я приму твои извинения, но при одном условии.

— Каком?

— Думаю, сегодня мне следует очень глубоко погрузиться в твой разум. Хочу разобраться, что вызвало такую реакцию. Мы отправимся назад в твои покои, чтобы я смог дать тебе снотворное и не беспокоился о том, как ты заснешь. После всего случившегося крепкий сон пойдет тебе только на пользу.

Конал сглотнул.

— Я сказал, что прошу прощения.

— Сказал,— кивнул Тирцель, поддерживая Конала под локоть и помогая ему встать.— И я тоже виноват, потому что позволил тебе сильно переутомиться — слишком много путешествий через Порталы, и все сразу. И по этой причине мы отправимся по тайному ходу, а не будем рисковать, еще раз прыгая через Портал.

Он был рад, что Конал не поинтересовался последствиями — если Тирцелю не понравятся результаты глубокого исследования его памяти, потому что Дерини сам не знал, что предпримет в таком случае. Никто из них больше ничего не сказал, пока они приводили в порядок комнату и Тирцель снимал охранный заговор с двери, чтобы они сами смогли выйти. Но случившееся продолжало беспокоить Тирцеля, когда они с Коналом выскользнули из кабинета, заперли за собой дверь и вышли из базилики. Настойчивость Конала в плане использовании магической помощи для завоевания любви желанной жен-

щины затронула что-то, что Тирцель не мог точно определить. Что-то сказанное в Совете, причем очень важное.

Они уже были недалеко от покоев Конала и взбирались по узкой лестнице, освещая путь магическим огнем Тирцеля, когда ответ наконец пришел к учителю.

— Росана,— прошептал он, остановившись внезапно, чтобы вопросительно уставиться на Конала. Принц повернулся к нему в панике.— Арилан говорил о ней всего несколько дней назад. Ты положил глаз на Росану — и ты знаешь, что ее желает и Келсон. Опять та самая проклятая ревность!

Но ему не удалось продолжить обвинения, потому что Конал внезапно в слепой ярости набросился на него и столкнул вниз с узкой лестницы.

Тирцель был слишком удивлен, чтобы даже попытаться закричать. Он хотел остановить падение, ухватившись за нависающую стену руками, но у него в ногах запутался плащ, и это помещало ему еще больше. Конал мгновенно пришел в себя и попытался поймать его. Тирцель полетел спиной вперед, вниз по ступеням, и его лицо исказилось от боли, когда затылком он врезался в одну из ступеней. Открытый рот, искаженный в безмолвном вопле агонии, был последним, что увидел Конал. Тирцель полетел в лестничный проем и исчез во тьме.

Через несколько секунд послышался жуткий глухой звук удара тела о камни внизу, потом звук ломающихся костей и вызывающий тошноту хруст, который сменила полная тишина. А затем, там, где стоял Тирцель, когда все это началось, созданный им магический огонь, помаячив несколько мгновений, замигал и исчез. Конал остался в полной темноте, в ужасе и одиночестве.

Глава девятая

Наследство, поспешно захваченное вначале, не благословится впоследствии¹

Тирцель? — прошептал Конал, не смея пошевелиться, когда крошечная тьма стала давить на него со всех сторон. — Тирцель, с тобой все в порядке?

Ответа не последовало, а нависшее молчание, ставшее еще более жутким из-за этой крошечной тьмы, заставило вырывающееся из груди сердце Конала забиться еще сильнее.

— Тирцель? — повторил он тише.

Когда и на этот раз ответа не последовало, Конал сделал несколько глубоких вдохов, весь дрожа, затем сложил руки лодочкой, чтобы создать магический огонь. Свет медленно нарастал в его дрожащих ладонях, красноватый и неуверенный, пока Конал не взял себя в руки, пытаясь унять растущую панику. Он старался не думать о том, что может найти внизу.

Магический огонь остался в одной ладони, когда Конал стал осторожно спускаться, боясь каждого шага, и того, что он может увидеть на следующем пово-

¹ Притчи 20:21

роте лестницы. Наконец, как раз перед площадкой предыдущего уровня, он увидел сапог, ногу и смятый плащ. Каким-то образом ему удалось добраться до тела, лежавшего без движения, и не повторить падение Тирцеля. Но он знал, даже до того, как склонился к наставнику, что тот мертв.

Конал с трудом подавил рыдание и нежно поднял голову Тирцеля, чтобы убедиться, не мог ли он ошибиться, но его худшие опасения подтвердились. Шея Тирцеля была сломана. Разум, поднявший принца до уровня, о котором Конал не мог и мечтать, и разбудивший его потенциал, навсегда погиб, а ранее непроницаемые защиты уже наполовину ушли, по мере того, как физическая смерть вступала в свои права.

Боже праведный, что же он наделал? И еще хуже, что он будет делать теперь? Конал не смел обратиться за помощью, и не только потому, что Тирцелю Кларонскому теперь уже никто не поможет. Смерть Тирцеля была случайностью, но кто в это поверит? Конал ведь на самом деле толкнул его, и они на самом деле поругались. Если это всплывет на свет, а это всплывет в случае допроса любым Дерини, вместе с причиной ссоры, то Конал навсегда потеряет не только шанс заполучить Росану, отбив ее у Келсона, но обнаружится и его магическая связь с Тирцелем на протяжении всего прошлого года. А это повлечет за собой гораздо худшие последствия, чем просто желание опередить соперника в любовной игре.

Значит, он не имеет права признаваться. Если, с другой стороны, он просто оставит тело лежать там, где оно сейчас лежит — или, еще лучше, оттащит его к следующей площадке и оставит в темноте — может

пройти несколько дней или даже недель, пока его кто-нибудь обнаружит. Или даже месяцев.

А когда тело наконец найдут, с какой стати кому-то подозревать Конала? Разве, вообще, кто-то в курсе, что он знает о тайном ходе? В конце концов, ход-то ведь соединяется с покоем Дугала. Пусть другие размышляют, что здесь делал Тирцель Кларонский.

Возможно, этот план не был лучшим из всех возможных решений, но, как казалось, он мог сработать. Оттянув тело к следующей площадке, Конал осторожно устроил все так, чтобы нашедшие труп подумали: мертвец оказался тут, оступившись с лестницы и прокатившись чуть ли не с самого верха. Красновато-коричневый плащ Тирцеля сливался с тенью, поэтому проходящий мимо, специально не ищущий чего-то необычного, не обнаружит его. Конечно, только пока тело не станет разлагаться. Но к тому времени Конал уже отправится в путешествие.

Единственное, что он еще сделал после того, как добавил несколько последних штрихов к разработанному им плану,— это снял кожаный ягдташ, который Дерини всегда приносил на их уроки. Быстрый осмотр содержимого подтвердил, что кубики, используемые в заговорах, все еще лежали в том же мешочке, да и некоторые порошки и зелья могут оказаться очень кстати. Вот, например, немного мераши в чем-то вине...

Принц отбросил эти мысли, еще раз склонившись над телом, снова пытаясь найти хоть какие-то внешние подсказки, которые могли бы его выдать. Все ли он сделал правильно?

— Прости, Тирцель,— прошептал он очень тихо, готовясь отступить во тьму.— Мне жаль, что тебе

пришлось умереть, не получив отпущения грехов. Это было бы важно для тебя, не так ли? Интересно, а ты помолился в последний раз своему драгоценному святому Камберу, там, в часовне?

Но когда он склонился над телом, чтобы перекрестить лоб умершего, немного сожалея о неблагоприятных мыслях в адрес Камбера, его разум скользнул по уходящим защитам Тирцеля и растворяющейся вместе с ними памяти. Внезапно Коналу в голову пришла смелая мысль.

Он получил в наследство кубики и зелья Тирцеля, об использовании ряда которых он уже знал. Конал теперь и сам сможет кое-что сделать для усиления своих ментальных способностей. Ведь он же прошел начальную подготовку. Но что, если он сможет узнать больше, попытавшись прочесть остающееся в памяти Тирцеля? Он видел, как Келсон делал это с умирающим, а потом продолжал и после смерти человека, причем получил очень полезные сведения. Тот человек не был Дерини, но ведь защиты Тирцеля уже исчезли. А добраться до тайн настоящего Дерини, причем члена Камберианского Совета...

Принц не стал больше размышлять. Сколько уже пропало, ушло и не может быть возвращено, пока Конал занимался проблемами снятия с себя подозрений? Призвав в помощь все силы, которыми он обладал, принц плотно обернул свои защиты вокруг исчезающего, растворяющегося пучка энергии, который был сутью Тирцеля, и попробовал проникнуть вглубь, обходя тривиальные воспоминания о ежедневном бытии Тирцеля и хватаясь только за те вещи, которые могли относиться к Дерини — ритуальные процедуры, заговоры, ментальные упражнения, методы ментальных сражений, обрывки споров Тир-

целя с Камберианским Советом, с которым, как видно, он частенько расходился во мнении. . .

Информации оказалось слишком много, чтобы воспринять ее, одновременно полностью осознав, но некоторые вещи были очень важными. Черт побери, почему Конал не подумал об этом раньше? Но любое дополнительное знание, пусть и отрывочное, было лучше, чем никакого. Он все это рассортирует позже, когда у него появится свободное время.

Он прочитал все, что удалось уловить, пока у него не затекли ноги, а тело под его руками не окоченело, и он больше не смог поддерживать контакт со становящимися все более отрывочными впечатлениями, которые пока оставались. Принц убежал, едва соприкоснувшись с этими последними и самыми неприятными для него воспоминаниями — ужас и неверие, когда Тирцель падал, боль, а затем полная тьма, закрывающая все будущее. Конал покрылся потом к тому времени, как отцепился от разума Тирцеля. Он дрожал от усталости, сказывались последствия всех сегодняшних переживаний, но ему удалось взять себя в руки.

«Ну, Тирцель, боюсь, что ты научил меня гораздо большему, чем когда-либо собирался,— подумал он, накидывая себе на плечи плащ и собираясь снова подниматься по лестнице.— Но я постараюсь использовать полученные знания с пользой. Пусть у тебя все будет хорошо в следующей жизни — если только существует следующая жизнь.»

К тому времени, как Конал достиг потайного входа в покои Дугала, с другой стороны слышались голоса — как понял Конал, слуги упаковывали вещи Дугала на завтра, поэтому принц вернулся обратно, чтобы выйти во двор рядом с базиликой. Проходя

мимо площадки, где лежало тело Тирцеля, он с удовлетворением отметил, что даже ему самому нужно хорошенько присмотреться, чтобы заметить нечто необычное — а ведь он-то знал, что там находилось.

Двор перед базиликой был погружен во тьму и пуст, когда он вышел из тайного хода и закрыл за собой дверь. По пути он ненадолго задумался, не воспользоваться ли ему Порталом в кабинете Дункана, чтобы вернуться в библиотеку, но быстро отклонил эту идею. Конал не сомневался, что в состоянии совершить прыжок без посторонней помощи, но для этого, во-первых, следовало хорошо отдохнуть. Более того, оставался риск столкнуться с кем-то в библиотеке, даже в этот поздний час. Да и Тирцель уже после совершенных сегодня прыжков беспокоился, что Конал растратил слишком много энергии. Кроме того, Конал приложил немало сил, читая память Тирцеля, не говоря о том, сколько эмоций и физических сил отнял несчастный случай. Лучше не рисковать, когда он уже столько получил.

Нет уж, он просто обойдет место проведения парадов и конюшни, а затем проникнет в жилые помещения через боковую дверь. Или можно идти через тронный зал: ведь здесь слишком много любопытных стражников. Но с другой стороны, если его остановят, он всегда может предложить подходящее объяснение — просто вышел прогуляться или решил проверить лошадей перед завтрашним путешествием. Стражник не видел, как он выходил? Ну, наверное, он выходил до смены караула.

Это сработает. Он был уверен, что сработает. Он закинул ягдташ Тирцеля за спину таким образом, что у него на груди можно было заметить только одну лямку.

Как Конал и запланировал, он без проблем добрался до своих покоев, по пути тихо насвистывая старую любовную песенку.

* * *

— Дугал, я чувствую себя полным идиотом,— сказал Келсон на следующее утро, когда его названный брат помогал ему заканчивать одевание перед отправкой в путешествие.— Вчера вечером я держал в объятиях красивую женщину и все, что я сделал,— это только поцеловал ее. Если бы я был более настойчивым, никто не знает, чем бы все закончилось, но она остановила меня. И я дал ей уйти.

Дугал был одет в яркую шерстяную клетчатую накидку и кожаные штаны, типичные для приграничных районов и земель Макардри. Он сидел на краю одного из сундуков в покоях Келсона и разматывал ремень, который был намотан на меч Келсона. Король застегивал белый пояс поверх красного одеяния всадника.

— Боже, какая сила воли,— поддразнил Дугал, обратив внимание на то, что на руке Келсона больше нет кольца, хотя Дугал и не стал упоминать об этом вслух.— А я знаком с дамой, о которой идет речь?

— А ты как думаешь?

Схватив свой меч и ремень у Дугала и закрепив их поверх белого пояса, Келсон позволил Дугалу накинуть себе на плечи плащ с капюшоном, отделанный мехом, просунул руки в прорези, и повернулся к Дугалу, чтобы тот мог застегнуть пряжку у него на шее.

— Я думаю,— сказал Дугал после размышлений,— что мой брат король влюбился и что его дама

никогда не станет монахиней. И поскольку я вижу, что ты подарил ей кольцо...

— Это не совсем так,— вставил Келсон.

— Нет? А твой палец указывает на другое.

Келсон взглянул на мизинец, на белую незагорелую полоску, и тут же начал рыться в шкатулке с драгоценностями.

— Ну, все было не так, как может показаться,— пробормотал он.— Я не подарил ей кольцо в том смысле, который имеешь в виду ты. Мы не давали друг другу обещаний. Она... будет просто хранить кольцо, как знак, что я оставил Сидану в прошлом. Она не будет его носить.

— Нет?

— Нет.

Келсон наконец нашел в шкатулке небольшой, украшенный изумрудом перстень и надел его на мизинец, затем схватил пару черных кожаных перчаток и отделанную мехом шапку. На шапке крепилась золотая диадема, и это было гораздо удобнее в походе для обозначения его ранга, чем обычная корона. Надев головной убор, Келсон несколько секунд в негодовании смотрел на Дугала, раздраженно похлопывая перчатками по бедру. Затем он улыбнулся, покачал головой и в беспомощности рассмеялся.

— Я что-то сказал? — спросил Дугал, невинно округляя глаза.

Продолжая смеяться, Келсон покачал головой.

— Это глупо. Предполагается, что у девственников-рыцарей есть преимущество в поисках чего-либо. В особенности, в священных поисках. Так почему я сокрушаюсь, что я до сих пор девственник?

Дугал виновато посмотрел на свои сапоги, затем поднял голову на Келсона.

— Ну, если ты до сих пор девственник, то нас таких двое,— тихо произнес он.

— Ты? — выпалил Келсон.— Но я считал...

— О, я много болтаю,— признал Дугал.— И в какой-то момент даже сам поверил, что мы с дочерью графа Картанского, вчера вечером...

Его хитрое подмигивание и многозначительное пожимание плечами сказали больше, чем могли бы выразить слова, и несколько секунд они с Келсоном не могли прекратить смех.

— Боже праведный, два рыцаря-девственника,— выпалил Келсон, когда они оба смогли снова нормально разговаривать.— Я думал, что я — последний. И дочь старого Картана. Боже праведный, ты играешь с огнем, парень! Он убьет тебя, если когда-то узнает. То, как он стережет эту девушку...

— Ну, он стерег ее недостаточно хорошо. Я ведь смог поцеловать ее,— заметил Дугал, вытирая слезы, выступившие от смеха у него на глазах.— Думаю, Коналу тоже удалось урвать поцелуй. Может, удалось и большее.

Улыбка Келсона превратилась в фырканье, когда он натягивал перчатки.

— А, Конал. Он-то, как я опасаясь, полностью провалит этот поиск, если девственность на самом деле является обязательным условием. Скажи мне, кто-нибудь, на самом деле, видел его любовницу? Она красива?

— Не знаю. Предполагается, что ее видел его оруженосец. Как его зовут? Джован? К сожалению, парень не болтлив и держит язык за зубами.— На губах Дугала мелькнула хитрая улыбка.— Хотя мы можем и спросить его... Я имел в виду, по-настоящему спросить его...

— Если я сам не накажу или строго не отчитаю тебя за такую глупость, то это сделает твой отец, или, по крайней мере, ему следует это сделать,— заметил Келсон, но неодобрение на его лице быстро сменилось раздумьем.— А если серьезно, то мы могли бы допросить Джована и обычным способом. Он должен что-то знать. И, может быть, мы могли бы проверить, совсем легонько, правду ли он говорит... Ко-нал, в самом деле, слишком часто возвращается усталым.

Они все еще шутили на эту тему, когда вышли к довольно шумной компании, собравшейся во дворе. Король с Дугалом приветственно подняли руки в перчатках при виде Моргана и Дункана, которые с понимающим выражением на лицах следили за происходящим со ступеней, где также стояли Нигель, Мерауд и другие царедворцы более старшего возраста. Но они уже попрощались с семьей прошлой ночью, а Дункан отслужил особую службу, только для них четверых, на рассвете. Джехана и ее духовник, отец Амброс, стояли отдельно от остальных, и Келсон с Дугалом остановились, чтобы должным образом поприветствовать королеву. Когда они продолжили путь к своим лошадям, их внимание привлек Конал.

Келсон ткнул Дугала локтем в бок и попытался снова не рассмеяться. Конал выглядел очень усталым, у него ввалились глаза. Он сурово отчитывал своего оруженосца за какое-то непонятное прегрешение. Принц Рори, который выступит в качестве капитана молодых оруженосцев и пажей, составляющих эскорт первые несколько миль, разделял возбуждение членов основного отряда и казался полно-

стью разочарованным в старшем брате. Младший, Пэйн, вообще, был на грани слез.

— Ого, какой он возбужденный сегодня утром! — прошептал Келсон. — Что я тебе говорил? Посмотри на круги у него под глазами.

— Уж он-то точно не девственник, — прошептал в ответ Дугал, когда они садились на лошадей. — Это явно от недостатка сна. Вероятно, он вчера вечером выскочил для последней тайной встречи со своей подружкой.

— Не сомневаюсь, что так и было, — ответил Келсон, берясь за поводья. — Взгляни, не удастся ли тебе развеселить Рори и Пэйна, пока я проверяю багаж и выясняю, что там натворили наши оруженосцы. Если даже не смотреть на моего измотанного ночными похождениями кузена, происходящее все больше походит на цирк, чем на достойное отправление на священный поиск.

Дугал опять рассмеялся, услышав последние слова короля, и все еще продолжал смеяться, когда Келсон отъехал, чтобы обменяться утренними приветствиями с Кьярдом О'Руаном, присматривавшим за оруженосцами и слугами, которые заканчивали последние приготовления. Большинство слуг были людьми в возрасте и оставались серьезными, но молодые оруженосцы смеялись и шутили между собой все время, отрываясь от работы, и практически не обращали внимания на приближение короля.

— Доброе утро, Кьярд, — поздоровался Келсон. — Эти парни совершенно неуправляемы, и тебе с ними сложно справиться?

Когда старый Кьярд улыбнулся и дотронулся двумя пальцами до полей своей шляпы, приветствуя короля, оруженосцы быстро вернулись к работе.

— Нет проблем, сир,— сказал он. В его голосе слышался акцент, типичный для жителей приграничных территорий.— Просто они возбуждены, отправляясь в путешествие. А если не успокоятся к тому времени, как мы тронемся в путь,— предупредил он, внимательно поглядывая на оруженосцев,— не сомневаюсь, что для них можно будет найти дополнительную работу, когда мы остановимся на ночлег, чтобы занять руки, которые не знают, куда себя девать.

Слабая угроза поимела желаемый эффект, и развеселая молодежь успокоилась. Однако кроме мрачного и раздраженного Конала все, отправлявшиеся в путешествие с королем и его названным братом в то утро, все равно были в приподнятом настроении. Среди членов отряда насчитывалось еще шесть молодых людей, посвященных в рыцари на прошлой неделе, включая сэра Джатама и бывшего оруженосца Дугала сэра Джасса Макардри. Сэйр де Трегерн и Роджер, граф Дженаасский, люди более старшего возраста, должны были делиться своим опытом с молодым поколением рыцарей и улаживать споры, если возникнет такая необходимость. В путь отправлялся и полевой хирург архиепископа Кардиеля отец Лаел, хотя Дугал и имел не меньшую квалификацию. Отряд включал восемь копьеносцев Халдейна и еще троих людей Макардри, сопровождавших их с небольшим количеством багажа, а также достаточное количество оруженосцев и других слуг, чтобы заботиться о них обо всех. В общей сложности насчитывалось почти тридцать человек.

Дункан благословил отряд, когда они проходили мимо него, счастливые и возбужденные от предстоящего путешествия. Проводить молодых людей вы-

шли многочисленные слуги, а также высокорожденные, как мужчины, так и женщины, в это время оказавшиеся при дворе. Зрители быстро переместились на верхние этажи замка, чтобы видеть, как уходит отряд. А путешественники, чьи кони цокали копытами о камни, уже выходили из-под арки, чтобы отправиться на север по дороге, идущей вдоль реки, к Валорету. Среди провожающих были Мерауд, Джаннивер и кормилица, державшая на руках крошечную дочь Мерауд Эйриан. Джаннивер возбужденно махала сэру Джатаму, стоя в компании молодого Брендана и оруженосца Лайема, остающихся дома. Сестры из аббатства святой Бригитты также вышли проводить отряд и спели короткий псалом благодарения.

Когда другие провожающие, стоявшие на ступенях, стали расходиться, Нигель тяжело вздохнул и повернулся к Моргану с Дунканом.

— Боже, я чувствую себя старым,— тихо сказал Нигель.— Все наши птенцы покидают гнездо. Здесь теперь будет ужасно тихо.

Улыбнувшись, Морган похлопал принца-регента по плечу.

— Привыкнешь,— также тихо ответил он.— Говорят, отцам легче остаться без сыновей, чем матерям.

— Поскольку я никогда не стану матерью, то, наверное, никогда и не узнаю этого,— вздохнул Дункан.— Хотя и для отца это тяжело.

Морган только кивнул.

— Я скажу вам свое мнение, когда Брендан немного подрастет. По крайней мере, на этот раз они отправляются не на войну.

— Нет, но переговоры в Торенте могут оказаться весьма сложными, в особенности, если выяснится,

что Мораг больше нет в Ремуте,— заметил Нигель.— Но это все же не война. Да и что может случиться во время поиска?

— Если повезет — ничего,— сказал Морган.— Сейчас меня гораздо больше волнуют епископы. Однако, как кажется, у Келсона есть для них веские аргументы.

Нигель хмыкнул.

— Да, давайте просто надеяться, что все пройдет, как запланировано. Кстати, Аларик, когда тебе нужно уезжать?

— Где-то в середине дня. «Рафаилла» уже стоит в Дессе. Я решил, что мы с Бренданом сегодня переночуем на борту, а утром с приливом отправимся в путь. Так мы гораздо быстрее доберемся до дома, чем по суше. Но в Лендурсе все равно будет еще очень сыро.

— Хм-м-м, надейся, что молодой Брендан не страдает морской болезнью,— сказал Нигель.— В любом случае у тебя есть время перекусить и выпить в последний раз перед тем, как отправиться в путь. Мерауд проследит, чтобы Брендан тоже перекусил. Дункан, почему бы тебе не присоединиться к нам — если, конечно, это утреннее мероприятие не отняло у тебя все силы. И сколько времени тебе нужно притворяться больным, раз все епископы уже отправились в Валорет?

Дункан грустно улыбнулся, когда они вошли в замок.

— Теперь, когда Келсон уехал, а остальные царедворцы вскоре переберутся из Ремута в Валорет, думаю, что мне с каждой минутой становится лучше. Если повезет, Кардиель вызовет меня через неделю или две, и мое выздоровление будет окончательным.

— Молись, чтобы он вызвал тебя ради того, чего ты хочешь,— тихо заметил Морган.

— О, я так и делаю, по несколько раз в день.

* * *

Не прошло и недели, как Келсон в Валорете повторил свой вариант той же молитвы, готовясь выступить перед собравшимися там епископами. Стояло мрачное унылое воскресное утро, солнце не выходило. Дождь не прекращался, похолодало, и Келсон был почти уверен, что простудился.

Дождь начался на второй день после выезда из Ремута и почти не переставал все это время. Они попытались остановиться у одного из представителей местной знати, чьи поместья располагались по пути следования отряда, чтобы переждать дождь, но не имели права слишком долго задерживаться, или Келсон пропустил бы открытие заседания синода и возможность обратиться к епископам перед тем, как они начнут обсуждение.

Отряд прибыл вчера вечером, на несколько дней позже, чем ожидалось. Участники путешествия промокли до костей, устали и были раздражены, так как почти всю дорогу им приходилось следовать под проливным дождем. Несколько человек уже простудились и кашляли. Они высушили одежду, погрелись у очагов, а слуги архиепископа быстро приготовили им обильный ужин.

Дождь не прекращался и ночью и все еще шел на следующее утро, когда пришло время отправляться в собор на торжественную мессу — открытие синода. И Келсон, и Дутал спали плохо.

Они тепло оделись, но в соборе было холодно, сыро и темно, свечей, горевших у алтаря, и факелов, установленных на боковых стенах, явно недоставало. Келсон уже сомневался, увидит ли когда-нибудь солнце. Он закутался в плащ, пытаясь согреться, когда стоял на коленях рядом с Дугалом, слушая мессу, но чувствовал он себя отвратительно. И большая часть его тщательно заученной речи вылетела из головы, когда у него заложило нос, и с каждым чихом, казалось, вылетало еще по несколько слов.

К тому времени, как месса закончилась и все стали перемещаться в здание капитула, Келсона уже не волновало, что это было то самое место, где похожее собрание священнослужителей объявило Камбера Мак-Рори святым двести лет назад, или даже то, что на протяжении некоторого времени одна из боковых часовен собора была часовней святого Дерини. Король то и дело чихал, и перерывы между чихами становились все меньше, пока он шел из собора. Его настроение и уже абсолютно мокрый носовой платок не стали лучше и суше от того, что ему постоянно требовалось вытирать покрасневший нос.

Переход между зданиями был крытым, но это не помогло, поскольку секретарь архиепископа Брадена попросил Келсона и сопровождающих его лиц подождать перед входом в здание капитула, пока священнослужители не займут свои места и капеллан не наведет порядок. У входа было холодно и ветрено, несмотря на то, что Дугал, одетый в плащ с капюшоном, пытался прикрыть Келсона своим телом. Струи дождя все равно попадали под крышу колоннады, пролетая между колоннами. Под аркадой образовались лужи. Келсон удивился, что их не подернуло льдом, и сказал об этом Дугалу. Король с трудом

сдержался, чтобы не показать характер, когда остальные, сопровождавшие его лица, были приглашены занять места в конце зала, а их с Дугалом так и оставили мерзнуть на ступенях.

Отвратительная погода не позволила королю даже надеть обычный для такого важного мероприятия наряд.

Пришлось выбрать самые толстые шерстяные штаны, и не одну, а даже две толстые шерстяные туники, а также тяжелые высокие сапоги на толстой подошве, правда, казалось маловероятным, что кто-то обратит внимание на это облачение под свободным плащом на меховой подкладке. В такую погоду Келсон не стал надевать и тяжелую корону. Епископам придется довольствоваться простым золотым обручем с чеканкой на лбу короля, под отделанным мехом капюшоном.

По крайней мере, зал внутри казался достаточно сухим, хотя несколько образовавшихся луж сразу за дверью могли свидетельствовать и о проблемах с крышей, а не только о том, что вода попала сюда благодаря сильным струям, бьющим в открытую дверь. И внутри было ненамного светлее, чем снаружи, несмотря на факелы, установленные в подставках вдоль стен, и свечи на столах, за которыми сидели выделенные для ведения протокола монахи. Внутри должно быть теплее. На полу по периметру зала было установлено шесть жаровен, а седьмая весело дымила между тронами архиепископов на возвышении. Вероятно, это были тщетные попытки избавиться от влаги и холода. Келсон решил во что бы то ни стало оказаться у одной из них.

Он отстегнул от пояса меч и вручил Дугалу, у ног которого тоже образовалась лужа. Король уже прак-

тически дошел до точки и был готов зайти в помещение, несмотря на нежелание секретаря архиепископа.

Затем он снова чихнул, несколько раз подряд, а когда его зрение прояснилось после того, как он высморкался, рядом с ним уже стоял капеллан. На лице капеллана отражалось глубокое уважение к королю и беспокойство, он посмотрел с осуждением на секретаря архиепископа.

— Отче, ты должен был позволить его величеству подождать за дверьми, а не на ветру,— сказал капеллан, полный священник средних лет, по имени отец Элрой.— Сир, примите мои извинения. Погода ужасна. Пожалуйста, проходите. Вы предпочтете сидеть или стоять, выступая перед синодом?

— Я предпочту лечь,— с мрачным видом ответил Келсон.— Хотя, как очевидно, такой выбор мне не предоставляется. Значит, я буду сидеть. В любом случае, я не знаю, что смог бы произнести лежа, когда у меня льет из носа. Простите, отче,— смягчился он, заметив, как Элрой содрогнулся, услышав его резкий ответ.— Вы не виноваты в том, что я подхватил этот отвратительный насморк и что стоит такая отвратительная погода. Как вы считаете, нам придется пережить сорок дней и сорок ночей потопа за наши грехи?

Отец Элрой позволил себе легкую улыбку, неуверенный, что ему делать: успокоиться после извинений короля, раздражаться из-за слегка непочтительной ссылки на Священное Писание или все еще обижаться.

— Ваше Величество, несомненно, помнит, что Господь покаялся никогда больше не насылать на нас такое наказание и в качестве завета подарил нам

радугу,— священник начинал говорить с суровым лицом, но затем строгое выражение смягчилось и превратилось в обычное человеческое сочувствие.— С другой стороны, сир, тридцать девять дней и ночей не удивят меня, если судить по тому, что мы уже видели.

Когда он подмигнул, Келсон засмеялся, несмотря на плохое самочувствие, и похлопал отца Элроя по плечу, оценивая его юмор, а затем прошел в зал, снова вытирая нос. Внутри он откинул капюшон. Возможно, ему все-таки удастся это пережить. Теперь, когда не задувал ветер и до него не долетали капли дождя, ему стало теплее.

— Господа епископы, ваши преосвященства и святые отцы,— обратился к собравшимся капеллан, стучая посохом с железным наконечником, чтобы призвать собравшихся к порядку.— Его величество король.

Все, кто еще не стоял, поднялись, когда Келсон проследовал по выложенному плиткой полу к возвышению, где на тронах сидели архиепископы. Дугал не сопровождал его, устроившись в задней части зала рядом с Сэйром де Трегерном и Джассом. За его спиной были двери, которые закрыл секретарь архиепископа.

Когда Келсон проходил мимо, священнослужители кланялись. Некоторых ему доводилось встречать раньше, но многих он видел впервые. Все епископы занимали места в партере круглого помещения, каждый имел в помощниках капеллана; остальные священнослужители располагались в два ряда на каменных скамьях, идущих по кругу, причем многие в тесноте. Пять стульев оказались пусты, включая место Дункана рядом с Кардиелем и представителя

Меарской епархии, так как место до сих пор оставалось вакантным: предыдущего священнослужителя жестоко убили более года назад. Вопрос о причислении его к лику святых стоял в повестке дня на ближайшие дни или недели. Свободными оказались также три места епископов, которым на данный момент было запрещено служение за участие или попустительство этого убийства. По крайней мере, один точно потеряет место, если не жизнь в дополнение в свободе, которой эти трое уже были лишены.

Не приготовили места и для пяти странствующих епископов, которым также было запрещено служить после Меарского дела. Несомненно, несколько вакансий будут созданы и заполнены к тому времени, как участники заседания закончат с дисциплинарными мерами, применяемыми к их сбившимся с пути братьям. Отец Лаел показал Келсону список семи странствующих епископов, которым не было отказано в служении, уверяя его, что каждый из них постарается присутствовать, и Келсон верил в это.

Если же кто-то из странствующих епископов станет епископом Меарским, то его место окажется пустующим. И его, возможно, займет кто-то из многочисленных аббатов и приоров и других высокопоставленных священнослужителей, которые также приложили усилия, чтобы присутствовать и чтобы их кандидатуры рассмотрели. Келсон невольно вспомнил все перестановки и маневры, продолжавшиеся со времени выбора последнего епископа Меарского. Этому синоду предстоит снова кого-то выбирать, а также избрать еще нескольких прелатов. Келсон раздумывал, случалось ли такое глубокое потрясение

епископата после первых массовых реорганизаций вслед за Реставрацией.

— Добро пожаловать в Валорет, сир,— сказал архиепископ Браден, наклоняясь над королем, когда Келсон поднялся по ступеням на возвышение и встал на одно колено, чтобы поцеловать перстень примаса.— Мне очень жаль, что наши молитвы оказались малоэффективны и ваше путешествие проходило в такую ужасную погоду. Возможно, путешествие прошло бы легче, если бы вы приехали сюда с архиепископом Кардиелем, епископами Ариланом и Вольфрамом сразу же после посвящения вас в рыцари. Все мои коллеги, присутствующие здесь, которые не смогли стать свидетелями такого важного события, искренне поздравляют вас и возносят свои молитвы, чтобы Ваше Величество всегда находило исполнение своих рыцарских клятв радостью, а не тяжелой обязанностью.

— Спасибо, архиепископ,— тихо произнес Келсон, отмахиваясь от монаха, пытавшегося украдкой приблизиться к нему со стулом, который велел ему подать капеллан.— Спасибо, отец, я все-таки постою. Это заставит меня выступить кратко. Простите меня, господа.

Оказавшись между двумя архиепископами, он подобрал полы плаща и перешагнул через жаровню, затем развернулся и сапогом подвинул ее к краю возвышения, чтобы стоять сразу же за ней на одном уровне с архиепископами. Тепло казалось благословенным после холода и сырости, от которых он так страдал снаружи, и король слегка раздвинул полы плаща, чтобы тепло шло прямо на его тело. Плащ был сшит из шерстяной ткани темно-малинового цвета, причем настолько темного, что представ-

лялся почти черным в тусклом свете. Когда король распахнул плащ, собравшиеся могли увидеть только белый рыцарский пояс на сером фоне туники. Король поднес руки в перчатках к огню, чтобы согреть, и подержал их над жаровней. Из одного сапога торчала рукоятка кинжала — единственного представленного на обозрение оружия. На короле также не было украшений, если не считать золотого обруча с чеканкой на лбу, и серьги с красным рубином, принадлежавшей отцу Келсона.

— Пожалуйста, садитесь, господа. Я не очень хорошо себя чувствую, и надеюсь, что вы меня извините, если моя речь покажется вам более резкой и прямой, чем обычно.

Когда участники заседания подчинились и стали устраиваться в ожидании, перешептываясь, Келсон еще несколько раз потер руки в перчатках, оглядывая аудиторию, затем вытер нос, надеясь, что хоть какое-то время ему не потребуется больше этого делать, а затем сунул носовой платок в рукав.

— Приветствую вас, уважаемые святые отцы,— сказал он, снова грея руки и уважительно склоняя голову.— Благодарю вас за ваши поздравления и за предоставленную мне возможность обратиться к вам перед тем, как вы начнете обсуждение. Со многими из вас я встречался ранее, но с некоторыми мне только предстоит познакомиться. Если я не слягу с простудой, то надеюсь встретить вас сегодня вечером на ужине. Надеюсь, дождь когда-нибудь закончится. Отец Элрой заверил меня, что он не должен длиться сорок дней и ночей, хотя вполне может затянуться на тридцать девять.

Его шутка вызвала скромные смешки, но Келсон предполагал, что дальше будет не до веселья. Он за-

ткнул большие пальцы за пояс и приготовился перейти к самой сути того, о чем собирался говорить.

— Как я и заверял многих из вас в прошлом, я очень ценю ваши советы, как в мирских, так и духовных вопросах. Поэтому я надеюсь, что вы не посчитаете слишком высокомерными и дерзкими мои советы вам по нескольким духовным вопросам, которые вы будете рассматривать во время нынешнего заседания синода.

После этой фразы по залу прошел шепот, но Келсон и ожидал его. По крайней мере, они не выражали враждебности. И теперь, произнеся перед ними речь, он почувствовал себя лучше, да и выступление стоя мобилизует гораздо лучше, чем сидя. Ему просто следует проявлять осторожность, чтобы не выразиться уж слишком прямо и не рисковать: иначе они настроятся против него.

— Во-первых, я не завидую вам в выполнении задачи наложения дисциплинарных взысканий на тех из ваших рядов, кто не оправдал вашего доверия и не оправдал моего доверия в том неприятном деле прошлым летом. Как вас, несомненно, уже оповестили, я тогда свершил правосудие — по совету и с согласия архиепископа Кардиеля и епископа Маклайна — в отношении трех священнослужителей, чье предательство по отношению ко мне и вам было так велико, что я посчитал бы необходимым для себя вмешаться, даже если бы Церковь добровольно не сдала их для мирского правосудия. К счастью, преступления всех троих были таковы, что между нами не возникло разногласий относительно наложения наказания. Бывший архиепископ Эдмунд Лорис, монсеньор Лоуренс Горони и принц-епископ Джедаил Меарский были казнены по моему приказу в

июле прошлого года — последний, в основном, в наказание за преступления против государства, хотя предательство им Церкви и неподчинение были таковы, что при сложившихся обстоятельствах политическая необходимость вами не оспаривалась. И я так понимаю, что двое других были бы повешены духовным судом, если бы я не сделал этого раньше.

Он обвел взглядом зал и продолжил:

— После этих трех казней, а также нескольких чисто мирских, постановления о коих принимались судом относительно лиц за конкретные совершенные преступления против рыцарства и обычаев военного времени, королевская справедливость возторжествовала, и я удовлетворен. Я не ищу лишних смертей, потому что и так слишком многие погибли прошлым летом в результате предательства и его последствий. Однако я хочу, чтобы вы отметили: если вы посчитаете необходимым вынести смертный приговор в адрес некоторых других лиц, участвовавших в Меарском восстании, я поддержу ваше решение. Насколько я понимаю, речь идет о восьми лицах, все из которых — епископы, и все они в настоящее время лишены свободы архиепископом Валоретским.

Он позволил собравшимся несколько секунд переваривать услышанное, сделав паузу, чтобы самому откашляться и высморкаться. Эта часть речи не была слишком трудной. Он просто повторил то, что большинство из них знали и так. Да и следующая проблема не должна была вызвать особых разногласий.

— Второй вопрос, по которому я хочу обратиться к вашему собранию, связан с первым, потому что он касается выбора следующего главы Меарской епархии, чье место в настоящий момент остается ва-

кантным. Также должны образоваться и другие вакансии — после ваших действий, связанных с первым затронутым мною вопросом, потому что даже если вы решите не выносить смертные приговоры в отношении ряда нарушителей, сомневаюсь, что вы посчитаете возможным, чтобы эти люди занимали высокие духовные посты. Относительно выбора новых кандидатур скажу только, что я знаю ряд кандидатов, которые рассматривались вами на заседании два года назад, и считаю, что некоторые из этих людей теперь еще более достойны, чем были тогда. Я уверен, вы оцените их должным образом, а также рассмотрите и ряд новых кандидатур. Несколько недель назад после совещания с некоторыми из моих светских советников я передал архиепископу Кардиелю письмо, изложив ряд своих наблюдений и рекомендаций относительно известных мне кандидатов. Он представит вам эту информацию в свое время. Однако, уверен, мне не нужно напоминать вам, что и вы, и те кандидаты, которых вы выберете, имеют и будут иметь значительную мирскую власть в дополнение к духовной, поэтому ваш выбор должен рассматриваться и в свете мирских проблем. События последних нескольких лет и, в особенности, прошлого лета, широко продемонстрировали нам, что епископу уже недостаточно быть просто благочестивым священнослужителем и заниматься своей паствой. Он также должен быть администратором, а иногда и политиком — хотя, хочу отметить, ему никогда не следует позволять мирским занятиям затмевать духовные обязанности. Относительно выборов я просто хочу сказать: очистите свой разум, свои сердца и души и вслушайтесь в послания Святого Духа, когда обсуждаете новых Пастырей Стада.

После последней фразы, когда Келсон сделал паузу, чтобы снова высморкаться, по залу пронесся шепот. Его нос теперь щекотало от тепла, идущего от жаровни. Но он знал, что может избавиться от щекотки, сделав следующее заявление.

— Третий вопрос, по которому я хочу выступить, касается одного из вас. Его больше нет с нами. Я имею в виду епископа Генри Истелина, да будет он благословен во веки веков. Его очень не хватает нам, и, как я понимаю, вы собираетесь обсуждать вопрос о его канонизации.

Шепот мгновенно прекратился. Теперь король знал, что они очень внимательно слушают его, не отвлекаясь ни на что другое.

— Могу только сказать, что мои собственные дела с его преосвященством всегда приносили глубокое удовлетворение, и его преданность короне и Церкви не поколебались до самого конца. Мученики являются примерами для всех нас, и, конечно, Генри Истелин — один из самых ярких примеров. Нет сомнений, что за смелость и благочестивую жизнь, которую он вел, его уже признал наш Господь на небесах. Мое страстное желание заключается в том, чтобы в ближайшее время мы могли официально обращаться к *святому* Генри Истелину, епископу и мученику.

По залу прокатился вздох согласия, когда участники заседания выслушали короля, и Келсон понял, что достаточно подготовил почву для последнего и наиболее трудного вопроса, который ему предстояло поднять сегодня. Это был самый важный вопрос, если учитывать перспективу, и он потребует очень осторожной подачи. Королю хотелось бы, чтобы он мог более четко изложить суть.

— Наконец,— сказал он, и несколько участников заседания неуютно заерзали на своих местах,— наконец я рекомендую вам тщательно рассмотреть вопрос внесения дальнейших изменений в Рамосские Уложения, которые почти двести лет являлись основой как нашего гражданского права, так и канонического. Я не буду даже пытаться доказывать вам, что все Рамосские Уложения следует отменить, так как этого делать, и правда, не следует. Я не стану также отрицать, что некоторые положения являются ценными и уважаемыми. Но относительно законов, касающихся в частности — давайте говорить прямо, господа — тех, кто известен как Дерини, я хотел бы попросить вас рассмотреть их наиболее внимательно.

Он обвел взглядом зал.

— Гражданское право, касающееся Дерини, постепенно менялось последние два десятилетия, по мере того, как отдельные Дерини доказывали свою ценность и преданность короне — как и было во многих случаях во время худших периодов Междуцарствия. Мой собственный отец, пусть земля будет ему пухом, осмелился исключить или внести поправки в несколько наиболее проблемных положений гражданского права, запрещавших Дерини, даже тем, которые доказали свою преданность, занимать посты или иметь титулы, или даже владеть землей, как простому крестьянину или помещику. Но я склонен считать, что некоторые положения канонического права были продиктованы скорее корыстным расчетом, нежели оправдывались неким изначальным злом, свойственным Дерини. Вы сами в течение последнего года наконец согласились, что смертная казнь не должна налагаться на Дерини, который

просто хочет быть посвящен в духовный сан, поняв, что это — его призвание. Слава Богу, что выявлять отступления от этой до сих пор не вычеркнутой части Рамосских Уложений не предлагалось на практике. Сомневаюсь, знает ли большинство из вас, как на протяжении двух последних столетий обеспечивалось обнаружение будущих священников Дерини.

— А вы сами знаете, сир? — прозвучал голос из правой части зала.

— Кто это спросил? — Келсон осмотрел повернутые к нему лица. — Встань. Тебя не накажут за твой честный вопрос. Я клянусь в этом.

Мужчина в черной рясе с синим поясом *Ordo Vox Dei* поднялся со своего места. Келсон отметил его для себя, чтобы в дальнейшем побольше о нем узнать, а затем кивнул ему, разрешая сесть.

— Да, знаю, — тихо сказал он. — Не все детали, но мне знаком сам метод. И с этим необходимо что-то делать, ибо рука человека, а не Господа обнаруживала их и посылала на костер.

— Вам об этом рассказал епископ Маклайн, сир? — спросил еще один человек, сидевший слева. Келсон заметил его, пока тот еще не закончил говорить, и в упор посмотрел на него.

— Епископ Маклайн теперь знает об этом, но не он рассказал мне. И не он уберег себя, когда был посвящен в духовный сан более двадцати лет назад.

Вот, пусть поразмыслят над этим; нужно приготовить их к тому, что и другие, подобно Дункану, смогли обойти их драгоценную систему. Келсон не смел смотреть на Арилана, который, наверное, сейчас был еще более возбужден, чем он сам.

— Я хочу сказать вам, господа, что пришло время полностью пересмотреть весь вопрос с Дерини. Пу-

ти человеческие могут быть ошибочными, в отличие от путей Господних. Бог призывает людей быть Его священниками, когда, где и как Он пожелает, независимо от того, являются ли они простыми людьми, Дерини или смесью обоих. Пришла пора снять все человеческие наказания с этого преступления, которое на самом деле никогда не являлось преступлением, и судить, подходит ли человек на роль священнослужителя, по тому, какую жизнь он ведет — а не по способностям, с какими он мог родиться или не родиться. Если вы намерены продолжать поддерживать эту безжалостную и нелогичную позицию относительно Дерини, то вы не уважаете и меня — хотя все вы поклялись защищать и поддерживать меня, как я клялся защищать и поддерживать вас. Потому что моя мать, независимо от того, с каким неистовством она это отрицает, передала мне в наследство кровь Дерини, которую я ценю не меньше, чем кровь Халдейнов, текущую в моих жилах. Молюсь, чтобы вы не забывали об этом, когда в последующие недели будете вести обсуждение.

Глава десятая

День тьмы и мрака, день облачный и туманный¹

Во второй половине дня, когда Келсон закончил свою речь, оба архиепископа обратились к синоду, и члены синода перешли во дворец архиепископа на ужин. Келсону не стало лучше, поэтому он отправился в постель сразу же после трапезы и позволил отцу Лаелу дать себе жаропонижающее, которое запил горячим и крепким рендишским бренди. Он сомневался, что простуда тут же пройдет, но уход за королем давал удовлетворение отцу Лаелу, которого всегда беспокоило его здоровье. А вообще, королю было приятно наконец лечь в кровать, да и от бренди больному горлу стало легче. После того, как он покорно выпил его, Келсон попросил Дугала помочь ему погрузиться в глубокий сон, который если и не вылечит его, по крайней мере, не даст страдать от физических неудобств всю ночь. Последним, что он слышал перед тем, как перейти в состояние, когда уже ничто не волнует, был монотонный голос Дугала, все глубже и глубже погружающий его в дрему, а также непрекращающийся стук дождя по крыше.

¹ Исаия 2:2

В Ремуте тоже шел дождь, когда тем же вечером, но позднее, Дункан, работавший у себя в кабинете, отложил перо и потер кулаками усталые слезящиеся глаза. Во время своей «болезни» на прошлой неделе он стал время от времени выполнять функции секретаря Нигеля. Иногда подобное времяпровождение казалось ему бессмысленным, часто скучным, но, по крайней мере, это занятие не позволяло ему постоянно думать о том, что может произойти в Валорете, и он помогал Нигелю. Переписывание, которым он занимался последние два дня, оказалось скучнее большинства предыдущих работ. Наконец-то он его закончил и собирался отнести принцу. Было поздно, но все-таки не настолько, чтобы Нигель уже лег спать — хотя, судя по звуку непрекращающегося дождя снаружи, кровать, вероятно, была лучшим местом в такую ночь.

Дункан позволил себе лениво зевнуть, затем отодвинул одну из тяжелых бархатных штор, закрывающих окно, и приложил лицо к стеклу, стараясь понять, насколько все-таки сильно льет дождь. Стекло янтарного цвета, конечно, несколько искажало картину, но не настолько, чтобы Дункан мог усомниться: его первоначальная оценка погоды была даже слишком благоприятной. Более того, сейчас он слышал, как струи дождя бьют по крытой листовым железом крыше.

Дункан поморщился, глядя на дождь, затем опустил штору на место, скрутил лист трубочкой, опустил ее в специальный кожаный чехол для переноски пергаментов, просунул его за пояс, затем надел отделанную мехом шапочку, перчатки и набросил на плечи тяжелый черный плащ.

По крайней мере, ему не требуется в дождь идти назад во дворец архиепископа, хотя и добраться до покоев Нигеля, не промокнув до нитки, будет не самой легкой задачей. После отъезда Дугала вместе с королем на прошлой неделе и в свете его собственного предполагаемого плохого самочувствия, Дункан, можно сказать, почти перебрался в покои Дугала в замке. Было только естественным ожидать, что в процессе «выздоровления» он черпает там успокоение. А поскольку Дункан постепенно взял на себя и дополнительную секретарскую работу, оказывалось гораздо удобнее спать в замке, а не ходить туда и обратно в свои старые покои, в особенности в такую ночь, или когда он засиживался за работой в кабинете. Иногда они с Нигелем разговаривали далеко за полночь, что происходило все чаще, так как Дункан стал проводить вечера в компании принца-регента, нередко ужиная вместе с ним и Мерауд. Все они сучали по сыновьям, а после массового ухода практически всех Дерини из Ремута на прошлой неделе, Нигель оставался единственным, кто мог составить Дункану компанию, которая ему так требовалась.

Однако принадлежность к Дерини сегодня ночью не давала никаких особых преимуществ. Переставив несколько предметов на письменном столе, Дункан погасил свечи и на мгновение задумался, не воспользоваться ли ему Порталом в кабинете, чтобы перенестись на расположенный в библиотеке, а оттуда проследовать к Нигелю, но отогнал эту мысль. Неизвестно, кто может оказаться в библиотеке и стать свидетелем его прибытия. И как можно объяснить, что ты не промок в такую ночь?

Нет, о таком использовании дара Дерини сейчас нельзя и думать. Ведь его положение столь неустой-

чиво, а будущее в Церкви туманно. Однако, он может воспользоваться тайным ходом, соединяющим покои Дугала со двором базилики, вместо того, чтобы шлепать по лужам через плац и мимо конюшен, чтобы войти через тронный зал. Обычно он избегал пользоваться тайным ходом из-за крутых ступеней и своей нелюбви к закрытым помещениям, где стены давят с двух сторон, но это казалось предпочтительней, чем промокнуть до нитки или спать на стуле у себя в кабинете.

Все равно он достаточно промок, даже когда перебежал небольшой участок двора к входу на потайную лестницу. По пути он поскользнулся и чуть не упал. По лицу струями стекала вода, забираясь под капюшон, и ему пришлось стоять в луже, пока он искал потайной рычаг, открывающий дверь.

Однако внутри было сухо и темно. По привычке и потому что использование магического огня до недавнего времени могло стать фатальным для священника Дерини, Дункан зажег обычную свечу из набора, хранившегося в нише за закрытой дверью. Пламя фактически не грело, но дрожащий желтый огонек казался веселым в мрачной и сырой атмосфере. И Дункану показалось, что ему стало теплее.

До первой площадки требовалось преодолеть пятьдесят пять ступеней, крутых и разновысотных, и Дункан остановился, чтобы привести дыхание в норму, когда добрался до нее, чтобы с новыми силами преодолевать следующий пролет по закругляющейся лестнице. Он был занят своими мыслями, обдумывая, что сказать Нигелю относительно документа, который ему нес. Но Дункан не прошел и двух или трех ступеней, когда почувствовал слабый, сладковатый запах.

Он остановился и принялся, затем напрягся и стал использовать свои чувства Дерини. Здесь было нечто мертвое — причем гораздо больших размеров, чем случайно забежавшая крыса или еще кто-то из грызунов, которых ожидаешь встретить в таких местах.

Дункан повернулся и снова принялся, повыше поднимая свечу, затем быстро вернулся вниз на площадку и осмотрелся по сторонам. Здесь запах был сильнее. Он удивился, как мог не почувствовать его раньше. Ему доводилось и раньше вдыхать этот запах, причем слишком много раз, и он не хотел о них вспоминать, после стольких битв, в которых он участвовал. Он не мог ошибиться.

Дункан создал магический огонь, чтобы лучше осветить окружающую территорию, и площадка заполнилась серебристым светом. А затем он увидел то, что лежало у дальней стены: с одной стороны торчал сапог, с другой виднелась вытянутая рука.

• • •

— Понятия не имею, сколько он здесь пролежал, — сказал Дункан Нигелю полчаса спустя, когда привел принца вниз по крутым ступеням через покои Дугала. — Достаточно, чтобы начать разлагаться. В такую погоду, вероятно, неделю или две. Похоже, он упал с лестницы и сломал себе шею. Но я не могу понять, что делал член Камберианского Совета в этом тайном ходе. Я думал, что они не могут войти в замок, воспользовавшись Порталом в библиотеке.

Нигель только покачал головой, когда они добрались до площадки. Он склонился над трупом, пока Дункан искал объяснения случившегося.

— Я тоже так думал,— сказал Нигель.— По крайней мере, так Келсон сказал *мне*. Ты говоришь, его звали Тирцель Кларонский?

Дункан кивнул.

— Я видел его лишь дважды, да и начинающееся разложение могло меня обмануть. Но он, в самом деле, очень похож. Только Арилан может сказать точно — по крайней мере никто другой не приходит мне на ум.

— А Арилан находится в Валорете, где следует быть тебе,— ответил Нигель, выпрямляясь и с беспокойством потирая усы.— Боже праведный, если это на самом деле член Совета, то они здорово разозлятся.

— Но не на нас,— прошептал Дункан, снова садясь на корточки перед телом.— Мы его не убивали. Ты не сможешь мне его перевернуть, чтобы взглянуть, не скинул ли его кто-то с лестницы? Я не хотел ничего трогать, пока ты не увидел все своими глазами. Только повернул голову, чтобы посмотреть на лицо и понять, что у него сломана шея, да запустил ментальный импульс, выясняя, не удастся ли почерпнуть что-то из его памяти. Конечно, ничего не получилось после прошествия такого количества времени. Его мозг сейчас, наверное, напоминает кашу.

Нигель скривился, приподнял полы халата, чтобы не мешали, и наклонился.

— Из меня никогда не получится хирург,— сказал он, когда они вдвоем осторожно перевернули тело на спину.— В свое время я лично довел немало людей до такого состояния, но обычно мне не приходилось иметь с ними дело после того, как они были мертвы так долго. Ты крепче меня,— закончил он,

поднимаясь и отступая на пару шагов, когда Дункан приступил к дальнейшему осмотру тела.— Раны?

Дункан покачал головой. Крысы добрались до тела, но не было следов никаких других травм, кроме сломанной шеи и нескольких синяков, чего и следовало ожидать, если Тирцель в самом деле свалился с лестницы и таким образом встретил свою смерть.

— Ничего, что бросилось бы сразу в глаза, хотя мне хочется его еще разок осмотреть, до того, как тело будут готовить к погребению. Как ты думаешь этим заниматься?

Когда Дункан встал, Нигель покачал головой.

— Понятия не имею. Вообще-то, не мы должны его хоронить. У него, наверняка, есть семья или, возможно, члены Совета захотят заняться организацией похорон. Но наша единственная связь с Советом — это Арилан. Поэтому если ты уверен, что он тоже входит в Совет Камбера, тебе, наверное, следует временно выздороветь и отправиться в Валорет, чтобы рассказать обо всем Арилану. Там есть Портал, чтобы облегчить тебе дорогу?

— До меня доходили какие-то слухи, но я не знаю, где он расположен. Да даже если бы и знал, что толку, если я там ни разу не был? — вздохнул Дункан.— Я уеду на рассвете. Тебе, вероятно, следует написать письмо Келсону, которое я смогу отправить из Валорета. К тому времени, как я туда доберусь, он, скорее всего, уже отправится в Кайрори, но ему тоже следует знать о случившемся.

Нигель вздохнул, как и Дункан.

— Хорошо. Есть еще кое-какие письма, которые я также должен отослать. Через несколько дней я в любом случае отправил бы курьера. А пока, как я полагаю, тело следует поместить в гроб. Оно ведь не ста-

нет красивее, пока лежит тут в сырости. Как мы вытащим его отсюда?

— Например, на его плаще. Спустим его вниз во двор,— ответил Дункан, тут же начиная действовать. Нигель с неохотой стал ему помогать.— Положим его на крыльцо базилики, пока я не позову нескольких монахов, чтобы занялись им. Тогда никто не узнает об этом ходе.

— Никто, кроме того, кому мог сказать Тирцель,— пробормотал Нигель.— Ты доверяешь этим своим монахам?

— В том, что они должны будут сделать — да. Я велю своему капеллану отцу Шандону присмотреть за ними в мое отсутствие. Он умеет держать язык за зубами и предан мне, да и я могу сделать так, что он забудет все, чего ему не следует знать. Мне не нравится это делать, но иногда нет выбора. Послать за ним?

— Только после того, как мы доставим нашего друга вниз,— ответил Нигель. Он издал недовольный возглас, когда они поднимали плащ-носилки.— Я постою с ним на крыльце базилики, пока ты ходишь за монахами. Нас с тобой будет достаточно, чтобы пресечь любое излишнее любопытство. Скажем, что нашли его в одном из погребов.

К рассвету Тирцеля должным образом положили в гроб и оставили, готового к погребению, в кабинете Дункана. Там же был оставлен отец Шандон, чтобы молиться у тела и пресекать ненужные вторжения. А Дункан уже скакал по сильному дождю, и его первая из нескольких дюжин лошадей была измотана почти до предела. Дункан попытается как можно быстрее добраться до Валорета.

* * *

Между тем в Валорете дождь прекратился на рассвете, Келсону тоже стало значительно лучше. Ко второй половине дня король решил, что надо ехать дальше в Долбан. С утра он осмотрел часовню святого Камбера, где люди били поклоны перед его священными останками, пока они не были перевезены в дом его предков в Кайрори для захоронения. Многие из сопровождающих короля в походе пришли в отчаяние, узнав о его планах, потому что с нетерпением ждали очередного ужина в трапезной архиепископа. Несмотря на то, что шел Великий Пост и пища была скромной и скудной по требованиям двора в Ремуте, они понимали: даже такого ужина в окрестностях Долбана им не получить. Раз они так поздно выйдут из Валорета, им придется провести ночь в кельях, отводимым пилигримам, в аббатстве святого Марка по пути в Долбан.

Но Келсон был тверд в своем решении: они должны трогаться в путь. Выступив перед епископами, он считал, что нужно оставить их спокойно заниматься своими делами, без давящего присутствия короля, которое, вероятно, может вообще застопорить процесс. Без него они смогут быстрее продвинуться вперед. Более того, небо прояснялось на севере и востоке. Если им удастся добраться до Долбана до начала следующей грозы, они смогут отдохнуть там несколько дней, пока Келсон с Дугалом не расспросят монахов о бывшем покровителе их обители. В Долбане, хотя теперь там и давалось пристанище ордену, монахи которого занимались обучением, когда-то размещалась первая Камберианская религиозная община, Слуги святого Камбера. И хотя место

поклонения бывшему святому Дерини было разрушено примерно во времена Рамосского Совета, Келсон надеялся найти какие-то следы, которые помогут ему лучше понять Камбера.

Келсон уже давно покинул Валорет к тому времени, когда туда три дня спустя прибыл Дункан. С согласия Нигеля, Дункан решил путешествовать анонимно, используя значок королевского курьера, чтобы обеспечивать быструю смену лошадей на станциях по пути. Его сопровождали двое лучников Нигеля Халдейна, но даже они не знали, кто он на самом деле.

Таким образом Дункан остановил коня перед Собором Всех Святых утром в среду, измотанный и заляпанный грязью. Он оставил усталое животное на попечение своего эскорта, а сам бросился вверх по ступеням, молясь, чтобы епископы пока не удалились на утреннее заседание. К счастью, месса все еще продолжалась, а значок королевского курьера позволял ему проходить без лишних вопросов. Он осторожно пробрался по боковому проходу, чтобы подождать там окончания мессы и подойти к Арилану. Мессу служил епископ де Торини.

Дункан страстно желал пройти вперед, потому что уже не причащался несколько дней, но было ясно: эта месса — только для епископов и других священнослужителей, собравшихся на заседание синода. Более того, он не мог рисковать: его не должны были узнать. Дункан оделся в черные кожаные штаны и темный плащ с капюшоном. Он скрывал ментальными щитами все следы своей принадлежности к Дерини, чтобы Арилан каким-то образом не заметил его, находясь в том особом психическом экстазе и напряжении всех чувств, которое Арилан, как и он

сам, и каждый другой верующий Дерини испытывает во время кульминационной точки каждой мессы. Но когда месса закончилась, он стал ждать у южных дверей, чтобы остановить Арилана, когда тот пройдет мимо вместе с другими епископами.

— Королевская курьерская служба, ваше преосвященство,— тихо произнес Дункан, поднося значок Арилану почти к лицу и одновременно опуская на мгновение свои защиты, чтобы идентифицировать себя. Но он скрывал лицо таким образом, чтобы его не узнали остальные.— У меня срочная почта. Могу ли я передать вам ее без свидетелей?

«Дункан! Что случилось?..»

Удивление и напряжение Арилана передалось в мозг Дункана, но внешне другой епископ никак не выдал свою реакцию, вместо этого снова опустив защиты, кивнул и без слов повел Дункана в тень потайной лестницы, чтобы другие священнослужители могли беспрепятственно выходить на залитый солнечным светом двор.

— Что там за «почта», курьер? — спросил он холодным тоном, когда снова повернулся к Дункану.— Я должен понимать это так, что у одного знакомого мне епископа теперь проблемы с памятью? Или с чем-то еще?

— У меня в самом деле имеются письма, которые следует переправить королю,— тихо сказал Дункан.— Но я должен был лично сообщить тебе, что Тирцель Кларонский мертв.

Его передернуло, когда он понял силу реакции Арилана.

— Это невозможно. Кто тебе это сказал?

— Я видел тело, Денис,— прошептал Дункан.— По крайней мере, я почти уверен, что это Тирцель, но

ты — единственный из всех, кого я знаю, кто может это точно подтвердить. Надеюсь, ты не очень сердишься, что я без разрешения покинул Ремут, но при сложившихся обстоятельствах больше послать было некого.

— Нет, ты поступил правильно, приехав,— выдохнул Арилан.— Пресвятая Дева Мария, значит, вот почему он не появился на последнем заседании Совета. Как это случилось?

— Мы думаем, несчастный случай.

— Кто это — мы?

— Нигель и я,— ответил Дункан.— Мне требовалось кому-то сказать. Я нашел тело в тайном проходе, соединяющем покои Дугала со двором базилики. Похоже, Тирцель упал со ступеней и сломал себе шею. Он уже какое-то время лежал там.

— Ты знаешь сколько?

Дункан покачал головой.

— Трудно сказать. Неделью? Две? Больше?

— Нет, не так долго. Я видел его утром после посвящения Келсона в рыцари. Эта была пепельная среда. Две недели назад? А когда ты нашел тело?

— В воскресенье.

— Но что Тирцель делал в том тайном проходе? — продолжал Арилан.— Я не думал, что он о нем знал.

— А он знал о Портале у меня в кабинете? — спросил Дункан, глядя другому епископу в глаза.

Арилан тут же установил защиты, словно прикидывая, отвечать или нет. Дункану же очень хотелось бы использовать свои возможности, определяя, говорит епископ правду или нет, но он знал: Арилан будет ему сопротивляться. Более того, неподалеку находились другие священнослужители, некоторым из которых становилось любопытно, о чем так долго

беседуют епископ Дхасский и королевский курьер. Дункан не смел подвергать их обоих риску, просто удовлетворяя свое уязвленное самолюбие.

— Да, знал,— осторожно ответил Арилан.— Я поставил Совет в известность прошлой весной — после того, как ты мне его показал. Я считал, им следует о нем знать на тот случай, если кому-то из них когда-то потребуется срочно добраться до кого-то из вас. Твой Портал показался мне гораздо удобнее, чем Порталы в ризнице и библиотеке.

Дункан вздохнул. Он предполагал, что Арилан говорит правду, но теперь это практически не играло роли. Каким-то образом Тирцель узнал про тайный ход и встретил там свою смерть. Скорее всего, он появился через Портал в кабинете, а затем вошел на потайную лестницу из двора базилики, направляясь к какой-то неизвестной цели в замке. Тирцель точно также мог оказаться в проходе, проскользнув через покои Дугала, после того, как каким-то образом преодолел заговоренную дверь библиотеки, оказавшись там через тот Портал. Это беспокоило Дункана, хотя он был уверен: его сын не имеет никакого отношения к смерти Тирцеля, но эта возможность может прийти в голову кому-то другому.

— Конечно, мне нужно немедленно взглянуть на тело,— внезапно сказал Арилан, врываясь в поток мыслей Дункана.— А затем я должен буду созвать Совет. Как ты мог предположить, здесь в Валорете есть Портал. Мы им воспользуемся. Ты один?

— Двое ждут меня во дворе,— тихо ответил Дункан.— Но они знают меня только как курьера по имени Джон. Мне их отпустить?

— Нет, я сам займусь этим. Подожди здесь,— Арилан кивком показал на вход в часовню с южной сто-

роны.— Тебя никто не должен беспокоить. А если вспомнишь какие-нибудь хорошие молитвы, подходящие к ситуации, сейчас — как раз время их прочесть. Мне придется придумать очень веский повод для объяснения своего отсутствия на следующие несколько часов.

Дункан, не споря, подчинился, и преклонил колена у алтаря в дальней части маленькой часовни. Его лицо оставалось прикрытым капюшоном. Мозг работал слишком напряженно, чтобы он мог молиться. Он в третий раз за три дня использовал заговор, снимающий усталость. Еще никогда он не бывал так истощен физически. Скоро не помогут никакие заговоры, да и в любом случае их нельзя использовать постоянно.

Бедный отец Шандон, подумал Дункан после того, как дважды произнес слова заговора, усиливая его, и сконцентрировал остающуюся энергию. Несомненно, верный священник будет читать молитвы над оставленным на его попечение мертвецом, но неожиданное прибытие Дункана на пару с Ариланом заставит снова поработать с памятью бедняги.

Дункан вздремнул ненадолго за те полчаса, пока Арилан отсутствовал, хотя тут же проснулся, когда старший епископ поманил его от входа в часовню. Арилан переоделся, сменив пурпурную мантию на черный плащ, в котором Дункан в последний раз видел его в Ремуте. Из-под плаща виднелась простая черная ряса. Они представляли собой две одинаковые черные тени, когда молча шли вдоль южной стены собора к ризнице. Комната была пуста, дверь в нее оставлена открытой, и Арилан тихо прикрыл ее за ними, предварительно оглянувшись. Похоже, никто не заметил, как они сюда входили.

— Немного рискованно пользоваться этим Порталом в дневное время,— сказал Арилан.— Но мы не смеем ждать до вечера. Мне нужно взглянуть на тело, пока не исчезла вся память, если это уже не произошло.

— Произошло,— сказал Дункан,— если только ты не умеешь читать ее лучше меня. Я сделал все возможное, чтобы остановить дальнейшее разложение, но не знаю, как сработает заговор. Гроб тоже заговорен, хотя я и не уверен, что это как-то поможет.

Арилан скорчил гримасу.

— Наверное, это означает, что ты двигал тело.

— Ну, мы же не могли оставить его там! Его бы сожрали крысы.

— Нет-нет, я не критикую. Ты все сделал правильно. Конечно, взглянув на него, я захочу прочитать твою память, чтобы узнать все возможное о фактическом месте смерти и положении тела, но это может немного подождать. А кто сейчас находится на другом конце?

— Только отец Шандон,— ответил Дункан, когда Арилан показал на рисунок на мозаичном полу.

Дункана не радовала мысль о том, что придется открывать память для Арилана, но он не мог отказаться. По крайней мере, не требовалось делать это сейчас. Он закрыл ладонями глаза, усиливая заговор, который недавно произнес, затем сделал глубокий вдох, собрав энергию в комок и стараясь, чтобы он не перешел в зевок.

— Подожди с минуту после меня,— сказал Дункан.— И я усыплю его.

— Похоже, что сон требуется тебе. Ты уверен, что сам в состоянии воспользоваться Порталом? Ты же знаешь, я могу перенести нас обоих.

— Тогда тебя увидит Шандон,— ответил Дункан.— Кроме того, он, возможно, не один. Не беспокойся, я выплусь после того, как ты отправишься разбираться со своим драгоценным Советом. Встретимся в Ремуте.

Он весело улыбнулся Арилану и встал в круг, не слушая больше никаких возражений. Закрыв глаза, Дункан соединил свою энергию с пульсировавшей у него под ногами. Это был мощный Портал, и требовалось гораздо меньше усилий, чтобы подключить к нему свою энергию. Затем Дункан подключился и к Порталу в своем кабинете и на короткое время задумался, не усиливает ли Порталы активное использование.

Его разум на мгновение закрылся, живот свело судорогой, он оказался в полной темноте в замкнутом пространстве и, наконец, в знакомом кабинете, стоя на нужном квадрате.

Дункан глубоко вдохнул, чтобы удержать равновесие, и протянул руку к тайному рычагу, открывающему дверь. Затем он пустил ментальный импульс в помещение, расположенное за дверью и почувствовал присутствие только одного Шандона, читавшего молитвы над усопшим, как и ожидал Дункан. Священник сидел перед закрытым гробом, повернувшись спиной к Дункану. Когда Шандон в страхе повернул голову, Дункан бросился к нему, обнял одной рукой за плечи, а указательный палец другой приложил к своим губам, призывая к тишине. Его разум уже цеплялся за разум Шандона.

— Расслабься, отче,— прошептал он перед тем, как перейти к невербальным командам.— А выполнив мои указания, забудь их.

К тому времени, как несколько минут спустя появился Арилан, Шандон уже отправился выполнять задание, а Дункан открывал гроб, чтобы показать завернутое до пояса в саван тело Тирцеля, предварительно сняв заговор. Дункан отошел назад, сел у огня и позволил себе вновь задремать, пока другой епископ обследовал усопшего, положив руки ему на лоб.

— Ничего,— наконец объявил Арилан.

Слово резко вернуло Дункана в сознание.

— Как я тебе и говорил.

— Да. Где Шандон? Разве его здесь не оказалось?

Дункан устало прислонил голову к высокой спинке стула и улыбнулся, не сомневаясь: Арилан уловит второе значение за теми словами, которые он намеревался произнести.

— Я отправил его за Нигелем. Кто-то должен знать, что мы оба уже здесь, в особенности, если он думает, что мы еще находимся в Валорете. Он ведь является регентом в отсутствие Келсона.

Усмехнувшись, Арилан сел рядом с Дунканом.

— Ты не полностью доверишь мне?

— А следует?

— Ну, если бы я на самом деле пытался обмануть тебя, то сказал бы «да», независимо от того, так оно или нет. Так какой смысл в вопросе? Но я даю тебе слово, как Дерини и как священник, что дело, которое занимает нас сейчас, не имеет никакого отношения к нашим прошлым расхождениям в отношении Совета или твоего статуса священнослужителя. Проверь, правду ли я говорю. Давай. Ты потратил много сил, делая мне личное одолжение, и я не буду пользоваться ситуацией. Однако я хотел бы посмотреть, как ты нашел тело Тирцеля.

— Тогда запускай свой импульс,— сказал Дункан, снова улыбаясь и закрывая глаза.— Я помогу тебе. Я так устал, что не уверен, смог бы противостоять, если бы это требовалось, но я рад твоему обещанию. Надеюсь, мне, в самом деле, не потребуется с тобой бороться.

Когда он вошел в транс, разум Арилана следовал за ним, и Дункан уловил ощущение легкого, сочувственного смеха. Все покрывалось теплым серым туманом, усиливавшимся от руки Арилана, лежащей у него на глазах. Дункан отправился в глубины, далекие от сознания, и только смутно понимал, как его память просеивается, причем это просеивание ограничивалось Тирцелем.

Следующим, что Дункан осознал, был стук в дверь. Он вернулся к действительности, странным образом восстановив силы за короткое время, пока находился без сознания. Арилан убрал руку. Дункан открыл глаза и увидел, что над ним стоит Нигель, Арилан отошел чуть в сторону. Отец Шандон закрывал дверь.

— С тобой все в порядке? — спросил Нигель.

— Да. Просто устал. Сколько сейчас времени?

— Только что пробило полдень. Ты здесь давно?

Дункан улыбнулся.

— Столько времени, сколько отцу Шандону понадобилось, чтобы сходить за тобой. Но не прошло и трех часов, как я въезжал в Валорет. По крайней мере, я теперь знаю, где есть еще один Портал.

Нигель мрачно кивнул.

— А Шандону следует все это слушать?

Покачивая головой, Арилан взял священника за руку, отвел его к аналою в дальнем углу комнаты, и по-

вернул спиной к ним. Глаза у отца Шандона были стеклянными.

— Помолись немного, отче,— прошептал он,— и забудь все, что ты услышал и увидел.

Когда священник подчинился, Арилан повернулся назад к Дункану и Нигелю.

— Вы очень помогли. А теперь я хотел бы забрать Тирцеля к его братьям. Помогите мне донести его до Портала. Оттуда я уже сам справлюсь. Дункан, наверное, ты не потребуешься мне, как свидетель, но на всякий случай я прошу тебя быть готовым. А пока поспи — если не возражаешь, в этом кабинете.

После того, как Арилан исчез со своей ужасной ношей, Дункан свернулся на груди плащей перед огнем и уснул под наблюдением Нигеля. Отец Шандон продолжал молиться в углу.

Глава одиннадцатая

Мы вернемся и восстановим разрушенное¹

Вернувшись через несколько часов, Арилан сообщил Дункану, что лично свидетельствовать об обнаружении тела Тирцеля перед Камберианским Советом от него не требуется, но Совет хотел, чтобы Арилан допросил Дугала и выяснил, почему и каким образом Тирцель мог оказаться в тайном проходе, ведущем в его покои.

— Неужели они считают, что Дугал имел какое-то отношение к смерти Тирцеля? — спросил Дункан, потирая глаза: он еще полностью не проснулся.

Арилан в это время присел на корточки перед очагом, согревая руки.

— Конечно, нет. Все указывает на несчастный случай. Но, возможно, Дугал слышал или видел что-то, если находился в своих покоях, когда это произошло — в чем, конечно, нельзя быть уверенным, хотя нам удалось примерно определить время смерти.

— Правда? Вы в состоянии сделать это?

— О, да. По нашим прикидкам, все случилось примерно неделю или дней десять тому назад. Мы основываемся на полном отсутствии каких-либо

¹ Малахия 1:4

остатков памяти и разума. Значит, он умер примерно в день отъезда Келсона или чуть раньше.

Дункан привстал на локтях, Нигель склонился вперед на стуле, где дремал, ожидая возвращения Арилана. Теперь Нигель полностью проснулся. Они переместили отца Шандона в тайную часовню, и теперь он спал там.

— Хм-м-м, наверное, Тирцель кричал, когда падал,— согласился Дункан.— Так поступило бы большинство людей. Чего я не могу понять, так это что он там, вообще, делал? И откуда он зашел? Если со двора — одно дело. Но... Боже праведный, неужели он хотел что-то сделать с Дугалом? Или, в самом деле, что-то уже сотворил?

— Что-то сотворил? — Арилан вопросительно посмотрел на Дункана.— Не уверен, понимаю ли тебя.

— Дугал для членов твоего Совета совершенно неизвестен. Никто, кроме тебя, не пробовал заглянуть ему в сознание, и даже ты не пытался читать его мысли с тех пор, как узнал, что он — мой сын. Как ты считаешь, мог Тирцель этим заняться?

— Ты имеешь в виду: прийти к Дугалу в покои, пока он спал, и попробовать проникнуть в его сознание, пока Дугал этого не осознает?

— Ну, да.

Арилан присел на краешек стула, спиной к очагу, и задумался, теребя в руках край плаща. Аметист на его пальце блестел в отсветах пламени.

— Нет, не думаю. Нигель, я могу допустить, что Тирцель заинтересовался тобой, поскольку его очень волновало, обладают ли силой Халдейнов только правитель и его главный наследник, или она передается и другим членам семьи Халдейнов. В связи с этим он мог бы также интересоваться и Коналом, хотя

Конал — надменный мерзавец. Поэтому я не думаю, что Тирцель стал бы тратить на него свое время. Прости, Нигель, но твой старший сын может быть очень своенравен.

Нигель вздохнул.

— Я знаю. Не перестаю надеяться, что с возрастом он изменится в лучшую сторону.

— Хм-м-м, несомненно,— ответил Арилан.— Однако вернемся к Дугалу. Дункан, я ни в коей мере не хочу выразить твоему сыну неуважение или унижить его, но на самом деле в нем нет ничего такого, что могло бы особо заинтересовать Тирцеля. Дугал ведь только наполовину Дерини и практически не прошел никакой подготовки. А Тирцель был докой в этих вопросах, поэтому ему не имело смысла им интересоваться.

Но не имели смысла и другие объяснения, которых набралось с полдюжины, высказанные ими в течение следующего часа, до того, как Арилан с неохотой приготовился совершить прыжок назад в Валорет.

— Есть еще кое-что, что может иметь значение, но в то же время не иметь никакого,— сказал Арилан.— Если Тирцель на самом деле хотел принести зло кому-то в замке — будь то Дугал или кто-то еще — он, вероятно, прихватил бы с собой магические кубики. А у него их не оказалось, и пока мы не нашли ни одного набора ни в одном из нескольких домов, которые, как нам известно, принадлежали ему. Он мог хранить их в отдельном мешочке или ягдташе, в котором носил травы, используемые Дерини. Он ведь многих обучал по нашему приказу. Но ты не нашел ничего подобного, Дункан?

Дункан не находил ни кубиков, ни трав, но ведь это ничего не доказывало. Нигель написал два письма, ставя Келсона в известность о смерти Тирцеля и задавая вопросы Дугалу. Арилан обещал переправить их отряду короля на следующее утро, вместе с другой, обычной корреспонденцией, которую Дункан привез в Валорет. После того, как епископ исчез, Дункан разбудил отца Шандона и отправил в постель с соответствующими указаниями: забыть все, что он видел и слышал. Затем и Дункан, и Нигель сами наконец отправились спать. После напряжения последних дней хороший крепкий сон требовался им обоим. Они не особо беспокоились о Дугале.

На следующее утро жизнь в Ремуте восстановилась и пошла своим чередом — так, как обычно бывало в отсутствие короля.

После того, как Арилан написал нужные письма и отправил курьера на поиски Келсона, его деятельность в Валорете тоже пошла своим чередом. В предыдущий день он не так много и пропустил, все можно было легко восстановить по протоколу. Более того, ему повезло: он смог заполнить пробелы, на несколько минут подключившись к сознанию готового помочь Кардиеля, знавшего, что произошло в Ремуте, и прикрывавшего отсутствующего Арилана. Синод занимался вопросами наложения дисциплинарных взысканий и замены ряда своих членов.

Первый вопрос на повестке дня епископов был уже решен до того, как Арилана призвали в Ремут — выборы новой главы Меарской епархии. Все помнили, как заполнение этой вакансии в прошлом году изменило политическую ситуацию в Меаре. На этот раз выбор пал на Джона Фицпадрейка, странствующего епископа, чью кандидатуру также рассматрива-

ли до выборов Генри Истелина. Его здоровое поведение во время кризиса в Меарских долинах — он все время передвигался, избегая контакта с меарскими повстанцами — только укрепило его репутацию, как спокойного, умеренного священнослужителя, доказавшего преданность своим священноначальникам и королевскому дому. Он подходил для руководства все еще взрывоопасной епархией, главное которой были только Валоретская и Ремутская.

Выборы епископа Фицпадрейка увеличили количество епископов, глав епархий, которым не отказано в служении, до девяти. Теперь главы имелись в следующих епархиях: Валорет, Ремут, Меара, Грекота, Дхасса, Корот, Кардоса, Стэвенхем, Марбери, и это дало синоду кворум — три четверти голосов — для решения вопроса с тремя остальными. Суд над этими тремя осуществлялся *pro forma*. Единогласного решения не смогли достичь только в одном случае: следует ли передавать Креоду, епископа Кулди, которому запрещено служение, мирскому правосудию с обвинением в предательстве — за которое он точно получит высшую меру — в дополнение к лишению сана и пожизненному тюремному заключению, как было сделано и в отношении Белдена Эрнского и Лачлана Кварлесского, отстраненных от дел епископов Кешиена и Баллимара, соответственно.

В конце концов, Креоду не отправили на мирской суд, но это решение было принято с минимальным перевесом голосов. Поскольку вопрос с этими тремя теперь решился, девять епископов, не теряя времени, заполнили вновь образовавшиеся вакансии тремя наиболее многообещающим из странствующих епископов. Преданный Хью де Берри направлялся в Баллимар, Кирни, в качестве дополнительной

награды за службу королю после того, как он вышел из подчинения Лориса четыре года назад. Беван де Торини — в Кулди. Беван раньше являлся аббатом уважаемого *Ordo Vox Dei* в Грекоте, где он также читал лекции в университете. Он был молод и гибко подходил к вопросу Дерини, уже давно открыто подерживая шаги по восстановлению статуса святого для самого скандально известного сына Кулди. И еще одного ученого, Джеймса Маккензи, назначили в приграничную епархию Кешиен. Поскольку избранные кандидаты соответствовали рекомендациям Келсона, переданным Кардиелю, и трое уже являлись епископами, их тут уже усадили на места, положенные им по новой должности. Таким образом, все двенадцать мест были заполнены. Арилан не сомневался, что король одобрит выбор синода.

Затем синод перешел к следующему вопросу повестки дня — следовало заполнить пять мест странствующих епископов, освободившихся или только сейчас, или раньше. Синод начал заниматься этим вопросом в предыдущий день, когда появление Дункана сорвало Арилана с места. Второй раунд обсуждений последует за решением судебных еще пяти странствующих епископов, которым запрещено служение. Их определенно лишат должности, даже если и позволят вернуться к службе в приходе в качестве простых священников или на испытательный срок. По крайней мере, первая часть процедуры выбора обещала закончиться относительно быстро, поскольку на протяжении последней зимы епископы изучили материалы, собранные по ряду кандидатов два года назад.

Поэтому когда епископ Сивард из Кардосы допрашивал священника по имени Джодок д'Армайн,

Арилану удалось немного помечтать, размышляя, какова будет реакция Дугала и короля на его письма после их получения в ближайшие дни.

* * *

Тем временем король был счастлив, занимаясь поиском реликвий, оставшихся от святого Камбера. Прошлой ночью королевский отряд переночевал в аббатстве святого Беренда и на эту ночь собирался остаться там же. На следующий день планировался тяжелый подъем на горный перевал, ведущий к долине Йомейр, и Сэйр хотел, чтобы выючные животные хорошо отдохнули.

Однако день был солнечным и слишком красивым, чтобы молодые люди сидели в помещении, так что сэр Джатам и Джасс Макардри организовали охоту на землях аббатства, хотя некоторые, в том числе Конал, предпочли просто подольше поспать и расслабиться. Келсон отказался и от того, и от другого, и они с Дугалом на рассвете выехали на исследование руин Кайрори. Их сопровождали Сэйр де Трегерн и Долфин.

Это место было когда-то тесно связано со святым Камбером. До конфискации его короной, после введения в силу Рамосских Уложений, Кайрори являлось любимым местом жительства семьи Мак-Рори за пределами родовых земель в Кулди, и располагалось недалеко от Валорета, в то время — столицы. К сожалению, преследования Дерини, последовавшие за лишением Камбера статуса святого, привели к полному разрушению замка. На той же земле где-то неподалеку новый хозяин Кайрори построил новый дом. С тех пор земля пребывала в руках у двух семей

и теперь принадлежала Томасу, графу Каркашальскому, хотя главное родовое поместье этого графа располагалось дальше на запад, у Долбана. Келсон ужинал вместе с ним на этой неделе и граф сообщил ему, что от старых зданий практически ничего не осталось.

Однако привлекательность Кайрори не обязательно заключалась в том, что там когда-то жил Камбер и что именно там его изначально похоронили. Хотя большую часть старого замка разобрали, чтобы построить новый, рассказывали, что погреб и семейные склепы остались, хотя и в плачевном состоянии. Конечно, Келсон не сказал об этом графу Томасу, но он надеялся, что силы Халдейнов или Дерини помогут ему получить какую-то важную информацию из руин, несмотря на разрушения, сотворенные временем и людьми.

Таким образом в полдень Келсон счастливо занимался своими изысканиями. Он сам, Дугал, Сэйр и оруженосец Долфин пробирались по руинам старого замка Кайрори, спускаясь вниз в поисках входа в семейные склепы Макрори. Насколько знал король, в течение десяти лет, непосредственно следовавших за канонизацией Камбера, вокруг ныне разрушенной святыни процветал культ святого Камбера. Монах из местной деревенской церкви, некто брат Арнольд, отправился вместе с ними в роли проводника, но его, очевидно, обуяли большие сомнения, когда Дугал, Долфин и король попытались сдвинуть упавшую плиту, блокирующую проход.

— Мне не совсем понятно, почему вы хотите туда спуститься, сир,— сказал монах, глядя, как Сэйр подключился к работе, и совместными усилиями трое мужчин немного сдвинули плиту с места.— Ведь по-

сле этих дождей все внутри затоплено водой. И, насколько мне известно, ничего не делалось для восстановления оскверненных могил.

— Позор тебе, брат,— пробормотал Келсон, кряхтя и напрягаясь, поскольку плита двигалась очень медленно, несмотря на прилагаемые усилия.— Даже если ты и поддерживаешь тех, кто лишил Камбера статуса святого, его предки, жившие до него, не принесли никому зла, чтобы заслужить подобное обращение.

— Ну, никто с этим не спорит, сир,— сказал брат Арнольд. Он больше не мог оставаться в стороне, подключился к работе и помог сдвинуть плиту в сторону.

Открылся проем. Теперь внутрь мог проскользнуть мальчик или худой мужчина, но не человек телосложения монаха или даже Сэйра.

— В те времена люди делали странные вещи. Говорят, один из сыновей Камбера был похоронен во дворе моей церкви, но толпа не пощадила его, когда сносили замок. Он умер задолго до того, как все это произошло. Местные говорят, именно ему следовало стать святым, а не его отцу.

— Правда?

Келсон заглянул в открывшийся проем и, глядя вниз, задумался, в самом ли деле ему стоит мочить ноги.

— Тут глубоко? — спросил Дугал, вытягивая шею, чтобы заглянуть через плечо Келсона.

Сэйр взял из рук Долфина факел и сунул его в проем, но тут же образовавшийся дым вообще застилал весь вид.

— Нет, факел не поможет,— пробормотал Келсон.— Дугал, не хочешь ли взять на себя честь спусти-

ться первым? Брат Арнольда, если привлечение в помощь сил Дерини обидит тебя, то будет лучше, если ты нас покинешь.

Арнольд громко сглотнул, но не отступил назад.

— Я... останусь, мой господин. Вам... потребуется провожатый к склепам.

— Как хочешь,— Келсон поддерживал Дугала за руку, когда Дугал пролезал в отверстие. Наконец он прыгнул вниз. Вначале послышался всплеск, затем Дугал выругался.

— С тобой все в порядке? — крикнул Келсон.

Вверх из отверстия поплыл серебристый свет, при виде которого брат Арнольд побледнел и перекрестился.

— Да. Мне нужно тут осмотреться. И как меня угораздило прыгнуть в единственную яму? Во всех остальных местах вода доходит не выше, чем до лодыжки. Кроме, конечно, выбранного мной.

— А насколько там глубоко? — крикнул Келсон, посмеиваясь, когда они с Сэйром переглянулись, а Долфин постарался не расхохотаться, держа факел.

— Немного выше колена — достаточно, чтобы перелиться через отвороты сапог, когда я приземлился. Обожаю мокрые ноги. Попытайся прыгнуть чуть правее. Давай я буду тебя направлять. А Сэйру лучше остаться наверху на тот случай, если нам будет самим не вылезти. И можешь отправить Долфина за веревкой.

Продолжая посмеиваться, Келсон перекинул ноги в проем и держался за край руками, пока не опустился достаточно низко, чтобы Дугал мог ухватиться за его сапоги, отводя ноги вправо.

— Давай!

Келсон отпустил руки и не попал в яму, но вместо этого приземлился на ладони и колени, поскольку поверхность под слоем воды оказалась неровной. Дугал тут же помог ему встать. Келсон огляделся в склепе, освещаемом довольно тусклым серебристым светом.

— Мурашки по коже пробегают, правда? — прошептал Дугал, когда Келсон осматривал нависающий потолок при свете магического огня, остающегося у головы Дугала.

Келсона передернуло — как от холода, так и от всего остального. Здесь пахло застоявшейся водой, гнилью, присутствовал и слегка сладковатый запах то ли склепа, то ли покойницей, хотя последнее скорее было плодом воображения, а не реально присутствующим запахом, потому что, как считал Келсон, тут по крайней мере последние сто лет никого не хоронили. Король показал жестом Дугалу, чтобы тот загасил свой магический огонь, и посмотрел в зияющий сверху проем, где силуэты Сэйра и брата Арнольда закрывали большую часть дневного света.

— Брат, ты можешь спуститься, если хочешь, но, боюсь, ты не пролезешь в дыру, если все-таки решишься, — крикнул Келсон. — Не говоря уже о том, что прыгать довольно высоко, а единственный путь наверх — по веревке. Наверное, ты предпочтешь руководить нами сверху.

От проема послышался нервный кашель, который, определенно, издавал не Сэйр.

— О, мой господин, если не возражаете, я все-таки предпочту остаться наверху. Я много лет туда не спускался и уже не так строен, как когда-то. Встаньте таким образом, чтобы резная дверь была за вашими спинами, потом идите вперед столько, сколько смо-

жете, и окажетесь рядом с местом погребения графа Камбера.

— И здесь была его святыня? — спросил Келсон.

— Да, сир. Но практически ничего не осталось. Ее сожгли, как вам известно. Именно поэтому часть крыши и обвалилась.

— Уж как в те годы любили сжигать всех и вся, — мрачно пробормотал Дугал. Его приграничный акцент стал заметнее.

Келсон задумчиво посмотрел на названного брата.

— Сэйр, мы идем дальше. Наверное, долго не задержимся.

— Хорошо, Келсон, — донесся тихий ответ Сэйра.

Келсон сам создал слабый магический огонь, следуя за Дугалом дальше по руинам, причем его огонь был малиновым, в отличие от серебристого светошара Дугала. Король пустил его плыть на уровне головы чуть впереди себя. Под слоем воды поверхность оставалась очень неровной. Мародеры здорово постарались, разрушая место, а время не улучшило состояние вещей.

— Взгляни сюда, — позвал Дугал, склоняясь над разбитой мраморной плитой прямо впереди. — «Баллард Мак-Рори, *Sextus Comes*» — шестой граф Кулди. Я не могу различить даты, но, похоже, 808-871. Значит, это отец Камбера?

Осторожно передвигая ногами, чтобы не брызгать, Келсон подошел поближе и рассмотрел находку Дугал, а затем, наклонившись, осторожно поднял кусок челюстной кости, поблескивающий прямо под поверхностью воды рядом с плитой.

— Наверное, — сказал он. — Разве Камбер не был седьмым графом? А теперь взгляни на это.

— Хм-м-м, зубы хорошие,— заметил Дугал, переводя внимание на другой кусок плиты, торчащий из воды за первым.— На этом тоже написано «Баллард Мак-Рори», но даты более поздние: 877-888. О, да ведь он был совсем ребенком. А вот еще даты: 876-888, но часть с именем отвалилась. Почему, Боже праведный, они разрушали могилы детей?

Келсон покачал головой.

— Человечество наделало много глупостей и многое разрушило, причем с именем Бога на устах, Дугал. Когда нечто подобное имело смысл?

Келсон прошел мимо того места, где Дугал пытался стереть мох, выросший еще на одной плите, и чуть не упал, когда сапог соскользнул на ступеньке. Наверное, он очень близко подошел к месту, где когда-то находилось место поклонения Камберу, поскольку уже практически добрался до конца помещения. Но впереди было глубже, потому что к последней части склепа вниз вело около полудюжины ступенек. Он послал вперед свой магический огонь, но смотреть было не на что. Здесь имелись сгоревшие остатки балок, из воды торчали куски древней мебели, устанавливаемой в часовнях, перемешавшиеся с отвалившимися кусками мрамора. В задней стене зияло несколько пустых ниш. Он подумал, что смог бы подойти к ним поближе, пытаясь балансировать на всем этом мусоре, плавающем в воде, но не видел особого смысла.

— Что ты думаешь? — спросил Дугал, подходя к нему.— На самом деле хочешь промокнуть еще больше, чем теперь?

Келсон недовольно сморщился.

— Не особо. Там, по меньшей мере, до пояса. И отсюда видно: все гробницы пусты. И независимо

от того, забрали ли тело Камбера отсюда прямо на небо или его сын перенес его отсюда в другое место, оно в любом случае не лежало тут уже более двухсот лет.

— Ну, мы знали об этом до того, как пришли сюда.

— Да. Но я сам хотел взглянуть на место. И можно еще кое-что сделать, пока мы здесь,— добавил Келсон, осторожно передвигаясь влево, пока не прислонился к грубому покатоку куску гранита, отвалившемуся от арки.— Иди сюда и помоги мне. Я попытаюсь поймать образы памяти, которые могли тут остаться.

Дугал нахмурился, хотя и покорно встал рядом с королем.

— Ты откроешь себя для большого количества грязи, а совсем не для Камбера, если не будешь очень осторожен. И весь тот бедлам, происходивший тут, имел место гораздо позже, поэтому мог стереть все, что оставалось от *него*.

— Ты прав,— согласился Келсон.— Хотя по прошествии времени ни те, ни другие образы не будут особо сильными. Но, думаю, я способен отделить зерна от плевел. Причем без особого труда.

— Ну, ты знаешь, на что способен. А от меня ты что хочешь?

— Просто дай руку и стой рядом, поддерживая мои защиты,— сказал Келсон.— В любом случае это не займет много времени.

Почувствовав холод руки Дугала в своей, Келсон закрыл глаза и легко перешел в состояние транса, поддерживаемый другом. Вначале он двигался осторожно, а потом стал освобождаться от щитов, позво-

ляя впечатлениям от окружающего места проникнуть внутрь.

Конечно, как и следовало ожидать, сильнее всего были воспоминания о витающем в воздухе насилии, но Келсону без особого труда удалось отвести их в сторону. Фактические образы того, что тут произошло, обойти оказалось труднее — осквернение места поклонения, разрушение гробниц, вскрытие их, кости, полуразложившееся тела и даже наполовину мумифицированные, бесцеремонно бросающиеся в огонь, который затем частично спалил крышу.

Келсон сморщился от силы этих образов, и позволил части из них передаться Дугалу, чтобы он тоже увидел, что тут делалось. Но здесь не нашлось ничего, ассоциировавшегося со святым Камбером — с силой или духом, которые Келсон связывал со святым Камбером. Создавалось такое впечатление, что святого тут никогда и не было. Келсон долго тряс головой, когда вышел из транса.

— Не повезло? — спросил Дугал, мигавший, чтобы тоже полностью вернуться к реальности.

— Ничего,— Келсон еще раз визуальнo осмотрел разрушенное помещение и снова создал магический огонь.— Может, нам больше повезет в Йомейре, где он умер. Мы будем там на следующей неделе. Ты хочешь еще на что-нибудь взглянуть?

— Нет, я только мечтаю высушить ноги,— ответил Дугал, поднимая из воды мокрый сапог.— Неплохо бы и поесть. Даже постная пища наших хозяев из аббатства святого Беренда будет желанна, если учесть, как у меня урчит в животе.

Слова Дугала напомнили Келсону, что он сам голоден, и они оба шутили на темы еды, возвращаясь

к отверстию, через которое спускались вниз. Остановившись под ним, они крикнули Сэйру и Долфину, чтобы бросали веревку.

* * *

Келсон еще не вернулся в аббатство, когда курьер, посланный Ариланом, наконец добрался до отряда короля. Он прибыл во второй половине дня. Короля ждали к сумеркам. Граф Роджер и несколько человек из тяжеловооруженных всадников отправились покататься на лошадях после полуденной трапезы. Джасс с компанией все еще охотились. В результате, когда прибыл курьер, Конал оказался старшим по рангу рыцарем.

Поэтому представившись дежурному копьеносцу у ворот аббатства, курьер отправился с докладом к нему. Поскольку Конал являлся кузеном короля и по крайней мере несколько писем были адресованы ему лично, курьер без колебаний вручил ему всю почту и отправился в трапезную, чтобы перекусить постной монастырской пищей.

Конал почувствовал судороги в животе, когда отнес пакет в предоставленную ему келью. Там находился его оруженосец, чинивший какой-то ремень из лошадиной сбруи, но Конал быстро погрузил его в сон перед тем, как вскрыть пакет, и быстро стал просматривать письма. Он сразу же отложил в сторону адресованные ему самому — одно от матери и по письму от каждого из двух братьев. С ними он разберется позднее, после возвращения Келсона. Адресованные же королю он просмотрел, не открывая, используя навыки, которым его обучил Тирцель: теперь он умел читать и запечатанное письмо.

Конал не удивился, что большая часть писем была от Нигеля и касалась ежедневных забот, связанных с управлением королевством — обычные депеши, отправляемые королю, отсутствующему в столице, чтобы он в общем и целом представлял ситуацию. Несколько посланий были написаны рукой Дункана: или когда он выполнял функции писаря для принца-регента (Нигель ставил под ними только свою подпись и печать), или Дункан сам давал оценку некоторых вопросов. Эти тоже были достаточно безобидными.

Однако одно письмо Дункана предназначалось Дугалу с указанием дать Келсону прочитать его. Как только Конал узнал содержание, у него от страха закружилась голова: в письме в подробностях описывалось, как Дункан обнаружил в тайном проходе труп Тирцеля.

Проклятье! Из всех возможных кандидатур тело нашел Дункан!

Еще одно письмо Дугалу пришло от Арилана, интересовавшегося, не знает ли он, что могло привести к смерти Тирцеля. Епископ Дерини написал похожее письмо Келсону и просил короля, чтобы Дугал немедленно ответил ему.

Эти три последние письма испугали Конала — и каждое по отдельности, и все вместе. Он знал: в конце концов тело Тирцеля должны найти, но одно дело было узнать, что это случилось, и совсем другое — что его нашел Дункан — единственный человек в Ремуте, кто мог узнать усопшего.

А теперь не только Арилан, но и, очень вероятно, все другие могущественные и таинственные члены Камберианского Совета уже применили свои способности Дерини, расследуя смерть Тирцеля. И даже

если ни в одном из писем даже не содержалось намека на подозрения Арилана о том, что смерть Тирцеля не была несчастным случаем и не упоминался Конал, вина грызла принца, подобно голодному волку.

Конал понял: мысль о том, что Дугала будут допрашивать по этому вопросу, приводит его в ужас. Если Арилан, Дункан или один из членов Совета смогли определить точное время смерти Тирцеля, то, как знал Конал, алиби Дугала непоколебимо. У Конала тоже было алиби: его оруженосец Джован может честно поклясться под присягой, что его хозяин рано лег спать в тот вечер. Однако тщательный допрос парня может показать, что его память кто-то подправил, и даже установить, кто именно.

Это само по себе может служить достаточным основанием для дальнейшего расследования. И, кто знает, вдруг Дугал в случае применения интенсивной техники допроса, вспомнит, как Конал осторожно приближался к дверям, ведущим в его покои, пытаясь вернуться через дворец после того, как спрятал тело Тирцеля на площадке? А что если Дугалу удастся увидеть связь с Коналом? Ведь в конце-то концов Конал в самом деле толкнул Тирцеля, хотя и не хотел его смерти...

Но с другой стороны, можно ли каким-то образом ухитриться и представить улики таким образом, чтобы они указывали на Дугала? Вот это — очень привлекательная мысль. Может, удастся подставить Дугала, и таким образом убрать с дороги не только опасного потенциального свидетеля, но и приносящего беспокойство соперника. Конечно, потребуется предпринять шаги, чтобы Дугал не смог защититься...

Конал задумался над идеей, возвращая все письма в курьерскую сумку, оставив себе свои и три, рассказывающие о смерти Тирцеля. Конал взял с собой в поход ягдташ Тирцеля с травами: он не мог оставить его, рискуя, что его найдут. Не исключено, кое-что из содержимого можно использовать. Он не знал предназначения всех трав в наборе Тирцеля, но помнил некоторые — и этого было достаточно... если он найдет способ подсыпать их — чтобы Дугал не пережил следующий день.

Он не станет применять простой яд или передозировку, потому что завтра им предстоит следовать по очень сильно пересеченной местности. Требовалось более тонкое решение — например, нечто, затуманивающее зрение и дающее неправильную оценку перспективы, или что-то, обеспечивающее ложное чувство безопасности. Судя по тому, что говорил монах, который завтра поведет их по этому пути, поспешный шаг может стать для всадника смертельным.

Но Конал в любом случае не мог ничего сделать для дальнейшей разработки плана до возвращения остальных, и ему требовалось время для решения. Закрыв курьерскую сумку, он отнес ее в соседнее помещение, где разместились Келсон с Дугалом, и оставил ее рядом с храпящим Кьярдом О'Руаном. Затем он вернулся к себе, чтобы разбудить Джована, прочитать адресованные ему самому письма и сформулировать планы на вечер.

* * *

Келсон с сопровождавшими его лицами вернулись как раз к вечерним молитвам, и Конал со стра-

хом и ревностью наблюдал, как Дугал вошел в аббатство рядом с королем. Принц даже не пытался молиться, заняв место недалеко от них, хотя, если посмотреть со стороны, то он должным образом склонял голову и его губы что-то шептали.

Позднее, за ужином, Конал был весел — по крайней мере настолько весел, насколько это позволялось в Великий Пост. Когда король с друзьями покинули трапезную, отправившись в покои аббата, чтобы посидеть часок у очага, Конал даже остался ненадолго — послушать, как поет баллады один из послушников.

Однако никто не засиживался долго, потому что Сэйр планировал рано тронуться в путь, чтобы преодолеть перевал при свете дня. И когда король с фаворитом пошли спать даже до вечернего богослужения, Конал также засвидетельствовал свое почтение аббату и отправился в постель.

Однако он не смел спать. Немного времени спустя, когда все аббатство затихло, Конал двинулся в сторону конюшни. Его никто не остановил по пути. В конюшне все, необходимое для путешествия, было уже собрано. Там Конал без труда нашел вещи Дугала и отвинтил крышку с наплечной фляги, уже наполненной вином перед завтрашним путешествием. Он понюхал содержимое фляги перед тем, как добавить зелье из керамического пузырька, который с вечера прятал на теле. Конал был уверен: запах и вкус вина скроют то, что он добавил. Он не беспокоился, что кто-то из слуг хлебнет из фляги: как говорил Коналу Тирцель, его зелья действуют только на тех, в чьих жилах течет кровь Дерини.

Затем, в волнении и возбуждении, Конал быстро вернулся в свою постель и лег. Но он все равно почти не спал остаток ночи.

Глава двенадцатая

Путь глупца прямой в его глазах¹

Следующее утро оказалось очень тихим, но воздух наполняла влага. Вероятность дождя была очень высока, хотя он пока и не начинался. Местные монахи, когда их попросили предсказать погоду, поклялись, что к полудню должно разъясниться, правда, в это время года погода очень часто меняется. На горных перевалах иногда встречается снег и лежит он там до конца марта. При теперешнем состоянии неба, равно вероятны были дождь, снег и ясный день.

После мессы и гораздо более неторопливого завтрака, чем изначально планировалось, Келсон раздумывал, что делать. Дождь пока не шел. Им и не требовалось волноваться о том, чтобы именно сегодня преодолеть весь перевал до наступления темноты: на вершине стояло небольшое аббатство, в котором они, несомненно, смогут разместиться и обсохнуть — если сильно промокнут. Сэйр склонялся к тому, чтобы отложить путешествие еще на день, в надежде, что появятся более четкие указатели ясной погоды и разойдутся тучи, заполонившие восточный горизонт. Однако Келсон горел нетерпением и не хотел терять время. Его возбуждала перспектива поисков в Йомейре,

¹ Притчи 12:15

потому что там тоже когда-то находилось место поклонения Камберу — там, где святой пал в битве; и король надеялся, что в Йомейре он узнает о Камбере больше, чем удалось в Кайрори.

Поэтому Келсон приказал отряду собраться во дворе аббатства, как и планировалось изначально, хотя и на несколько часов позднее, чем ему хотелось бы. И, словно в ответ на его оптимизм, солнечный луч пронзил облака, когда он дал сигнал колонне выезжать за ворота аббатства святого Беренда.

Неожиданным приятным пополнением их отряда оказался монах, согласившийся выступить в роли проводника — некто брат Гелрик, словоохотливый и почти до комичности худой мужчина, сидевший на нелепой пегой лошаденке. Все, находившиеся поблизости, уже вскоре хохотали над его шутками: он давал оценку жизни при дворе Ланнеда, где служил до того, как стал монахом. Его юмор вкупе с проясняющейся погодой быстро улучшили настроение всему отряду. Вскоре молодой Джасс Макардри, половина рыцарей, все приграничники и большинство копьеносцев хором присоединились к припеву разудалой баллады о том, как веселый граф Килшанский ехал день и ночь, ночь и день, целую неделю, чтобы предупредить главу клана Макардри об ужасном вторжении с моря.

Они преодолели значительное расстояние за первый час, с легкостью взбираясь по первому, ровно идущему подъему, который представлял собой подход к настоящему подъему на перевал. Погода оставалась холодной, но ясной, хотя, когда они взобрались выше, появилось много облаков. Продвигаться вперед становилось тяжелее. Постепенно, когда им пришлось следовать вдоль берега быстрой горной

речки, сильно взбухшей после последних дождей, дорога стала скользкой. Более того, как сообщил монах, эта речка недавно выходила из берегов, и ее воды неслись с горы вниз. Теперь же отряду приходилось идти по тропе, где совсем недавно бежали воды речки. На горном плато, неподалеку от холодного, как лед, озера, в которое удивительно красиво ниспадал водопад слева от них, брат Гелрик объявил короткий привал, чтобы дать отдохнуть людям и лошадям.

— Будет лучше, если вы, сир, отдадите приказ все проверить: сбруи и все такое. Надо сделать это до того, как мы тронемся дальше или будет уже поздно, — сказал он Келсону, когда король с Дугалом разминали ноги, а Долфин отвел их лошадей к озеру напиться. — Проверьте, чтобы все ремни были крепко затянуты. Дорога сейчас станет значительно хуже. Это — последнее относительно ровное место до самой вершины, и вскоре нам вообще придется следовать, вытянувшись в цепочку.

— А сколько до вершины? — спросил Келсон.

— Полтора часа, — ответил монах. — Может, доберемся быстрее, если не пойдет дождь.

Конал расположился чуть дальше, у самого берега, и нервно присматривался и прислушивался к происходящему на плато. Он вручил меч Джовану, чтобы тот привязал его ремнем к седлу, а сам растянулся на разогретом солнцем камне, стараясь притвориться, что его совершенно не волнует, сделает Дугал глоток вина из фляги, ремень которой был перекинут у него через грудь. Поскольку светило солнце, хотя и не очень ярко, а в последний час приходилось напрягаться, поднимаясь вверх, Конал немного вспотел. В дополнение в этому он уже стал сожалеть

о содеянном. Пока Дугал с Келсоном занимались своим снаряжением, затягивая ремни при помощи Долфина, Конал развязал тесемки туники на шее и попросил Джована принести ему холодной воды, струящейся с горы. Если Дугал все-таки выпьет вина из фляги, у Конала должна быть светлая голова, чтобы не выдать себя.

Но как и большая часть отряда, Дугал решил утолить жажду из водоема, вытянувшись ничком на плоском камне, чтобы попить из ладони, словно простой крестьянин. Конал снова почувствовал раздражение, увидев, как Келсон делает то же самое, совсем неподобающим королю образом. И принц снова подумал: пусть оба соперника напьются из фляги. Тогда решится даже больше проблем, потому что никто из членов отряда не в состоянии распознать действие зелья в вине, и уж тем более каким-то образом ему противостоять. Так что пусть судьба сама делает свой выбор в следующие несколько часов.

Но если сегодня никто из этих двух не выпьет из фляги, Конал заберет ее ночью. Никто не пострадает, и Конал сможет притвориться, что никогда даже не думал причинить кому-то зло.

Самая же большая опасность ждет Конала, если Дугал все-таки хлебнет вина, а Келсон вмешается до того, как с Дугалом что-то случится. Даже если ничто не может связать Конала с зельем во фляге, король все равно забеспокоится, поняв: кто-то в отряде имеет доступ к таким вещам и задумал недоброе. У Келсона нет оснований подозревать Конала, но то, что он присвоил письма о смерти Тирцеля, в конце концов приведет к неприятным вопросам. А он не сможет противостоять Дерини, считал Конал, если его все-таки вызовут на допрос.

С другой стороны впереди их ждала еще более труднопроходимая местность. Возможно, если Конал поедет рядом с Дугалом, то ему просто удастся подтолкнуть лошадь к краю пропасти у какой-то особо опасной точки, а потом заявить, что его собственная почему-то взбрыкнула. И он может *заставить* свою лошадь на самом деле взбрыкнуть. Никто и не подумает спросить его, уж не сделал ли он это преднамеренно. А вместе с Дугалом в пропасть полетит и фляга — в дополнение к опасному сопернику.

Вскоре дорога на самом деле стала труднее и все время петляла. Как Конал и надеялся, ему удалось пристроиться за Дугалом, когда отряд выстроился в цепочку. Грязь под копытами лошадей сменилась песком, но это улучшение грунта не много значило, так как в песке валялось множество острых камней, которые могли поранить ноги лошадей и таким образом послужить причиной падения. Чем дальше они продвигались вперед, тем больше Конал сомневался, осмелится ли он что-нибудь предпринять, так как боялся сам последовать за своей жертвой в пропасть. Справа нависала каменная стена, по большей части залепленная грязью, из щелей в ней в некоторых местах стекала вода, собравшаяся где-то в породе во время последних дождей. Слева предательски зияла пропасть, внизу ждали острые камни и речные пороги. Чем выше они поднимались, тем быстрее несла свои воды горная река, становясь все глубже и уже, в некоторых местах ее перегораживали массивные валуны, гладкие от воды. Все больше было и острых камней, выступающих из воды, пенящейся вокруг них.

Затем снова начался дождь — примерно через полчаса после последнего привала. Когда упали пер-

вые редкие капли, участники путешествия вначале с опаской оглянулись по сторонам, думая, не долетели ли это капли от бурной реки; но за первыми мелкими каплями последовали крупные. Члены отряда тут же накинули на головы капюшоны и подняли воротники. Крупные капли быстро перешли в сплошной поток дождя.

Конал кутался в плащ и тихо бормотал проклятия, прищуриваясь, чтобы разглядеть дорогу. Даже если бы тропа была достаточно широкой, чтобы на ней развернуться, ему не хотелось бы возвращаться назад тем же путем, который они уже преодолели, и в особенности спускаться с горы. И ему также не хотелось повторять подъем, ни завтра, ни на следующий день. Они чуть не потеряли выючную лошадь несколько минут назад, а сейчас тропа стала хуже, чем была в том месте. Кроме того, они наверняка преодолели всего половину пути или около того. Возвращаться глупо.

Не то чтобы дорога впереди казалась лучше — насколько мог разглядеть Конал сквозь идущий стеной дождь. Прямо впереди маячила серая лошадь Дугала, между Дугалом и Келсоном ехал Долфин, король в свою очередь следовал прямо за проводником. Все остальные участники путешествия находились уже за Коналом. Прямо за ним — Джован. Как раз перед тем, как монах скрылся за поворотом тропы, он, как увидел Конал, приостановил свою пегую лошадедку, повернулся к Келсону и что-то прокричал ему сквозь дождь. Но затем и монах, и Келсон последовали дальше и, как решил Конал, решили не поворачивать назад.

Очень хорошо. Его это устраивает. Они не могут промокнуть больше, чем уже промокли. И даже если

то, что ждало их впереди, будет хуже того, что они уже преодолели, на вершине их ждет аббатство, жаркий огонь, сухая одежда, горячая еда...

Конал мечтал о горячем пряном вине, наклоняясь к шее лошади, и молился, чтобы этот подъем наконец закончился. Он пытался не смотреть на то, что находилось так близко слева. Потоки дождя лились на тропу, поэтому в некоторых местах лошади оказывались в грязной воде по колено. На противоположной стороне каньона, разделяемого рекой, появилось несколько потоков, летящих вниз с гор — такие крохотные подобия водопада, который они недавно миновали. Шум падающей с гор воды, дождь и грохот воды внизу на порогах исключали возможность общения. Конал не смел использовать ментальную речь, так что ему приходилось довольствоваться чтением других сигналов следующих перед ним ездовых: движений рук, голов и выражений лиц, если кто-то оборачивался назад. Келсон, как с радостью заметил Конал, совсем не выглядел счастливым, а Дугал вообще был явно обеспокоен.

Наконец дождь начал ослабевать. Конал полагал, что это следует рассматривать как улучшение. Тропа впереди казалась не тверже, но и не грязнее, и хотя бы немного шире. У Конала даже сложилось впечатление, что и обрыв там не такой крутой, как раньше, но в дальнейшем он пришел к выводу, что это был оптический обман. Но как бы там ни обстояло с истинной крутизной склона, силы природы выбрали именно это место для трагедии.

Лошаденка монаха первой завязла в грязи, внезапно утонув по колено в двигающемся, промокшем от дождя грунте, затем последовала цепная реакция, в результате чего лошади Келсона, Долфина и

Дугала вскоре оказались на брюхе. Они ржали и метались, когда вся тропа стала разъезжаться под ними.

Затем лошадь Конала не нашла опоры под передней ногой и чуть не перекинула ездока через голову, пока он сам пытался удержать равновесие. Оруженосец Джован, следовавший сразу же за хозяином, приблизился к нему, чтобы протянуть Коналу руку на тот случай, если хозяину придется спрыгнуть, но это привело к тому, что конь Джована соскользнул, и обе его задние ноги внезапно оказались за краем пропасти. Животное неистово билось, старясь снова найти опору, в то время как Джован пытался по его шее сползти на тропу.

Конал инстинктивно схватился за узду, пытаясь одновременно успокоить свою лошадь, но вскоре стало очевидно, что он сам может не выйти из переделки живым. Казалось, вся поверхность разъезжается под ним, подвергнувшись воздействию такого количества воды, тяжелых лошадей и ездоков.

Он услышал, как кто-то впереди полетел в пропасть, но у него не было времени выяснять, человек или животное, или оба сразу: он сам прилагал усилия не последовать за ними. Лошадь Дугала, с еще большим неистовством стараясь найти опору, перекинула хозяина через голову, а задней ногой каким-то образом умудрилась попасть в узду лошади Конала. В результате голова бедного животного оказалась опущенной в грязь. Принц не видел, где приземлился Дугал, потому что брыкания собственной лошади заставили его выпустить из рук узду Джована, и он повернулся в седле, чтобы узнать последствия.

Джован закричал. Конал увидел, как они с конем медленно скользят к краю, но теперь его собствен-

ная борьба уже стала отчаянной и он не смел предпринимать попыток спасти Джована, иначе потерял бы равновесие сам, и тогда уже они оба полетели бы в пропасть. Его собственная лошадь пыталась освободиться от серой лошади Дугала, так и не выпутавшейся из узды.

Часть животных определенно слетит в пропасть. Впереди с одной это уже произошло. Конал слышал ее ржание и приглушенный всплеск, когда тело упало на пороги далеко внизу. Но он был слишком занят, пытаясь выбраться на более твердый грунт, чтобы смотреть, кому она принадлежала, Келсону или Долфину. Второе, правда, казалось более вероятным. Но он не видел их обоих.

Его собственная лошадь могла последовать за ними. Цепляясь за любой самый слабый шанс спастись, Конал бросился с седла вперед, ухватившись за какие-то растения, торчавшие из скалы справа. Его руки в перчатках изогнулись и скользили, потому что и растения, и скала, из которой они торчали, были мокрыми от дождя. Он молился, чтобы они его выдержали и он не вырвал бы траву с корнем, хватаясь за нее всеми силами. К счастью, трава выдержала, хотя его животное, освободившись от седока, предприняло последнюю отчаянную попытку высвободиться от лошади Дугала, но вместо этого отлетело дальше, и они на пару рухнули вниз в пропасть, так и не отцепившись друг от друга.

Конал заметил, как обе лошади перелетали через край, и мог только предположить, что то же самое произошло и с Джованом. А впереди он видел извальявшуюся в грязи массу — животных и людей. Они отчаянно боролись, чтобы остаться на тропе, но потом вся эта куча соскользнула с нее и тоже полетела

вниз. Среди них, определенно, был Дугал, за которым последовал Долфин, чей плащ бился на ветру — и все они рухнули в пенящуюся воду внизу. Келсона Конал не видел вообще.

Затем внезапно рядом с ним оказался плачущий Сэйр, пробравшийся вдоль каменной стены; он закрепил у него на поясе веревку. Конал осмелился посмотреть вниз, где неистово бьющаяся серая лошадь Дугала исчезала за поворотом реки, уносимая к водопаду, ниспадающему чуть дальше. Его собственная лежала без движений, не в воде, а рядом на камнях, ее ноги были развернуты под странными углами, а немного дальше Конал заметил тело пегой лошаденки монаха, плывущее брюхом вверх и бьющееся о валуны, которые огибал поток.

В дальнейшем Конал не мог вспомнить, как Сэйр провел его вниз, к площадке рядом с водопадом, и когда точно прекратился дождь. Но он до конца жизни будет помнить выражения лиц тех, кто спасся и собрался там, постепенно извлекая тела людей и животных из озера с относительно спокойной водой, куда их приносил бурлящий поток. Единственным, кого извлекли живым, был оруженосец Долфин, переживший путешествие по бурному водному потоку, не говоря уже про падение со скалы. Правда, он здорово наглотался воды, сломал запястье и несколько ребер, не говоря о том, что все его тело представляло собой один сплошной синяк. Выжила и серая лошадь Дугала. Она дрожала, тяжело дышала и жалко волочила одну ногу, когда с трудом шла за слугой, подхватившим ее под уздцы и старавшимся отвести подальше от воды.

По крайней мере, Долфин поправится, чего нельзя было сказать о лошади Дугала, которую придется

прирезать. После того, как Долфин откашлялся, выплюнув всю воду, которой наглотался, отец Лаел перевязал его запястье и ребра, дал выпить поссета и объявил его спасение чудом.

Однако подобного чуда не случилось с другим пропавшим оруженосцем. Конал был среди тех, кто нашел тело Джована, застрявшее среди камней чуть дальше озера. Он утонул, хотя его череп и не был размозжен ударом о камни внизу. Пока они смотрели на Джована, и Конал все еще полностью не отошел от своей встречи со смертью, из воды появилось тело несчастного отца Гелрика и несколько минут его кружило у основания водопада, а затем засосало вновь. Тело больше не появилось, точно также, как и почти прекративший биться конь Джована.

В течение следующих нескольких часов по порогам спустились тела коричневого коня Долфина, серого Конала, двух вьючных лошадей, а также пегой лошаденки монаха. Они давно утонули или удары о камни забили их до смерти. А позднее, дальше вниз по течению члены отряда нашли тело серого коня Келсона, к седлу которого все еще был привязан ремнями меч Халдейнов. Но они не нашли следов ни самого короля, ни его названного брата, хотя и продолжали искать, пока не стало темно, а потом зажгли факелы и искали еще несколько часов.

Даже когда Сэйр приказал прекратить поиски до утра, люди Макардри остались дежурить у берега озера, ожидая, что тела может еще принести. Старый Кьярд О'Руан тихо причитал, оплакивая покойников, качаясь из стороны в сторону. Его горе было безмерным, потому что он воспринимал Дугала почти как родного сына. Получив подсказку от старика, отец Лаел собрал поблизости всех оставшихся в жи-

вых членов отряда, и они все помолились за упокой души Джована, а затем за возвращение короля и Дугала. В дальнейшем, когда слуги готовили ужин из прихваченных с собой припасов, Джасс и другие люди Макардари остались с Сиардом. Меч Дугала был воткнут в землю, подобно кресту, Джасс положил руки на поперечину и приложил лоб к холодной стали, подобно тому, как он видел, делали король и Дугал во время ночной молитвы перед церемонией посвящения в рыцари, после которой не прошло и трех недель. Джасс плакал, и его сердце было готово разорваться.

И только когда уже спустилась ночь и Конал лежал, завернувшись в плащ у одного из костров разбитого лагеря, ему в голову, пробиваясь сквозь ужас всех событий этого дня, внезапно пришла интересная мысль. Ведь остается очень мало шансов найти Келсона или Дугала — по крайней мере живыми. А это означает, что королем станет отец Конала, а сам Конал — наследником престола.

Незачем Коналу страдать от угрызений совести и испытывать чувство вины от своего везения. В смерти короля он невиновен. Надо забыть, что если бы не несчастный случай, Дугал и даже Келсон могли бы хлебнуть из отравленной Коналом фляги. Теперь эта фляга навсегда исчезла в водной могиле, в которой похоронены Дугал с королем.

Глава тринадцатая

**Поэтому страх передо мной
не может смутить тебя, и рука моя
не будет тяжела для тебя¹**

С трудом Дугал вернулся в сознание, твердо уверенный, что умирает. Или, может, уже умер. Даже когда он с трудом открыл глаза, вокруг стояла крошечная тьма, ему было холодно, он весь промок, промок до нитки, на нем не было ничего сухого. С другой стороны, если он на самом деле умер, то почему слышит какой-то шум? Грохот, который стоит у него в ушах?

Кроме того, у него слишком болело все тело. Оно не может так болеть у мертвого. Болела каждая клеточка — там, где плоть не потеряла чувствительность от холода. Он лежал на животе, и ему в лицо била вода. Дугалу удалось приподнять голову достаточно высоко, чтобы сделать глубокий вдох. В горле тут же стало жечь от воды, которую он вдохнул. Мгновенно все тело скрутило, и он был вынужден перекатиться, а вернее, его отбросило на бок, ибо сам он сейчас был неспособен двигаться. Он кашлял и давился. Вода брызнула изо рта, потом из носа.

¹ Иов 33:7

Все силы уходили на то, чтобы держать голову выше и больше не наглотаться воды.

Каким-то образом ему удалось встать на четвереньки, а если быть абсолютно точным, то на колени и локти, потому что левое запястье пронзала острая боль, стоило на него хоть немного надавить. Дугал снова выплюнул воду, опять чуть не задохнувшись, когда его рвало так чильно, что он не сомневался: следующими вылетят кишки или легкие.

Наконец, плоть вроде бы успокоилась. Грудь болела так, словно на ней сидел гигант, и Дугалу даже не хотелось думать о том, как сильно повреждено запястье. По крайней мере, он сам жив. Дугал опять постоял на коленях и локтях, отдыхая, затем вытер лоб здоровой рукой. Он прилагал усилия, чтобы вновь не хлебнуть воды. Он постарался привести дыхание в норму, вначале сделав глубокий вдох, потом еще один, затем приказал сердцу замедлить ритм, а когда сердцебиение стало успокаиваться и он проморгался, протирая глаза от попавшего в них песка, Дугал попытался рассмотреть что-либо в окруженных во тьму окрестностях. Грохочущий звук за спиной продолжал оставаться для него непонятным — пока внезапно к нему не вернулась память.

Река! Та самая подземная река. Она же течет вниз, под тропой, по которой они шли, а потом уходит в подземелье. Так говорили монахи из аббатства. Боже праведный, где же Келсон? Тропа разверзлась под копытами их коней, и они перелетели через край, вниз, в бурлящую воду. И теперь его принесло в эту пещеру...

Дугал не мог не застонать, когда попытался сесть: боли в одном только запястье было достаточно, чтобы потерять сознание, хотя он и старался осторожно

поддерживать его здоровой рукой. Если он снова потеряет сознание и упадет лицом вниз, в воду, велика вероятность, что на этот раз он на самом деле захлебнется. А Келсон...

Несомненно, Келсон тоже упал в воду. Дугал помнил, как сам он бросился из седла, когда лошадь падала вниз, пытаясь сгруппироваться в воздухе таким образом, чтобы не грохнуться ни на один из стремительно приближающихся острых камней вниз. И еще он понял, падая, что Келсон уже барахтается в воде, чуть дальше того места, где предстояло шлепнуться Дугалу. Келсон выглядел обалдевшим и испуганным.

Дугал плюхнулся в воду с шумным всплеском, чуть-чуть не задев огромный валун, а затем пошел на глубину. Ему как-то удалось оттолкнуться, и он почти мгновенно всплыл на поверхность, пытаясь проморгаться, так как в глаза бил еще и дождь. Невдалеке он увидел руку, одетую во что-то малиновое, и решил добраться до нее. Неожиданно он вскрикнул, ударившись коленом о скрытый под водой валун, но собрал всю свою волю, чтобы не обращать внимания на такие мелочи. Дугал понимал — в противном случае он потеряет короля.

Воспоминания не были особо четкими, но он точно знал, что ему удалось добраться до Келсона и они держались вместе столько, сколько могли, а вода несла их все дальше. Затем он вспомнил про водопад... и о том, что сразу же понял: им ничего не сделать. Келсон уже тогда сильно ослаб, причем гораздо больше, чем он сам. Они оба закричали, когда вода принесла их к краю водопада.

Дугал держал Келсона весь путь вниз — пока их кружило и вертело сильными струями воды, до са-

мого конца водопада, а что было затем, он не помнил. Быстро ощупав место вокруг себя здоровой рукой, Дугал понял: по крайней мере рядом с ним Келсона нет.

Он знал, что они все еще держались друг за друга, когда поток воды потянул их вниз, засасывая все глубже и глубже. Тогда Дугал еще подумал, что у него разрываются легкие. В конце он был вынужден сдаться боли и холоду, хлебнув воды и отпустив Келсона.

Это воспоминание снова вызвало приступ кашля, но теперь было легче, и кашлял он не так сильно, но в груди появилась другая боль. Она говорила, что он, похоже, сломал ребро или два в дополнение к травме руки. На несколько секунд он дотронулся здоровой рукой до ребер, снова пытаясь отдышаться и пронзить взглядом окружающую тьму, и к своему удивлению обнаружил, что фляга с вином каким-то образом осталась у него на груди.

Спасибо тебе, Господи, за такие маленькие радости. Если крышка не отвинтилась, конечно... А она не отвинтилась, как вскоре обнаружили его с трудомдвигающиеся от холода пальцы. Вино ослабит боль, по крайней мере, ему станет немного теплее, и он сможет собраться с силами.

Но вначале ему требовался свет, потому что Дугал не смел трогаться с места без него. За спиной грохотала река, из которой он каким-то образом выбрался в полубессознательном состоянии. Если он не будет проявлять осторожность, то снова может рухнуть в нее. А второго подобного испытания он уже не переживет.

Хорошо, значит, нужно самому создать магический огонь. Наверное, ему удастся провести это не-

сложное магическое действие, даже несмотря на то, что, как казалось, его голова все еще полна воды. Но когда, не подумав, он попытался нужным образом согнуть пальцы травмированной руки, чтобы произвести необходимые для создания огня действия, его пронзила боль. Он с трудом сдержал стон, сжал зубы и чуть снова не разразился приступом кашля. Ничего не получилось.

Боже, неужели она сломана?

Дальнейший осмотр, осторожно проведенный здоровой рукой, убедил его, что запястье, вероятно, не сломано, но лишь сильно растянуто, однако это различие практически не играло для него сейчас роли. Ему не удастся провести магические действия с такой легкостью, как он предполагал. В нормальной обстановке он, несомненно, смог бы вызвать огонь любой рукой; но сейчас обстановку, в которой он находился, можно было назвать какой угодно, но только не нормальной. Раньше же он всегда вызывал огонь левой рукой. И не впервые в жизни он понял, как неудобно быть левшой, хотя в следующее мгновение подумал: если бы он был правой, то, наверняка, повредил бы правую руку. Дугал считал, что, вероятно, поранился, пытаясь защититься от валуна, или отталкиваясь от него более сильной рукой.

Значит, придется действовать правой, потому что без света ему не обойтись — и для того, чтобы найти Келсона, и спастись самому. Осторожно втянув в себя воздух, он сложил правую ладонь чашечкой и сосредоточился на ней, для чего пришлось приложить усилие: он ведь привык концентрировать свои ментальные силы слева. В результате переноса ментальной энергии в правой руке вначале робко мелькнул

огонек, но затем он усилился и вскоре засиял, как обычно, ярким серебристым светом.

Спасибо тебе, Господи!

Правда, свет не особо помог. Подняв руку, чтобы оглядеться вокруг, Дугал понял, где пришел в себя. Он сидел в воде, на мелководе — участке, который обычно, наверняка, остается сухим, но после такого количества дождей, какое выплеснулось на землю в последнее время, подземная река, как и ее поверхностная часть, разлились. Теперь он даже не мог разглядеть другой берег, где вода с силой билась о камни и проносилась на яростной скорости.

Когда он поменял положение, чтобы все это разглядеть, под ногами скрипнул песок, зубы стали стучать от холода, но тут он заметил, что к берегу прибило достаточно большое количество веток, кусков дерева и других обломков, природы которых он не мог понять. Куски лежали и на самом каменном берегу. Может, хоть какие-то из них окажутся сухими?

Прекрасно. Возможно, ему удастся развести костер. Он должен что-то сделать, чтобы обсохнуть и согреться, причем как можно скорее, а то результат может оказаться самым плачевным. Иначе, возможно, ему лучше было бы утонуть. Дугал прошел достаточно хорошую подготовку как военно-полевой хирург, и распознавал следы шока в своем теле — и только одному Богу известно, что потребуется сделать, когда он найдет Келсона.

Если Келсон, конечно, еще жив. Одна мысль о том, что Келсон может находиться уже в том состоянии, когда ничто не поможет, быстро отрезвила Дугала и придала ему сил. Он даже не ожидал, что у него их столько, когда подбирал ноги под себя, а потом, качаясь, пытался встать. От этих усилий у не-

го закружилась голова, причем, как он понял, не только от холода и шока. Придя в себя и еще лежа в воде, Дугал не осознавал, что голова-то у него болит от сильного удара по затылку. Быстро ощутив затылок здоровой рукой, он обнаружил там огромную шишку. Наверное, он ударился этим местом о скалу или валун. Можно было только надеяться, что он не получил сотрясения мозга.

Правая лодыжка тоже причиняла ему боль, когда он попытался, с трудом переставляя, а вернее — волоча ноги, пробраться на сухой берег, возвышавшийся впереди. Нога распухла в мокром сапоге, но сейчас Дугал даже не смел думать о том, что в кости может оказаться трещина. Нога болела не так, как рука, но если она все-таки сломана и он попытается снять сапог, то больше его никогда не наденет. По крайней мере, обтягивающая кожа немного поможет ему, пока он пытается найти Келсона. Сделав несколько шагов, Дугал порадовался, что не слышит скрипа сломанной кости, хотя лодыжка и болела достаточно сильно. Он добрался до кучи веток и отломал кусок, чтобы использовать, как костыль.

Наверное, лучше сбросить мокрый плащ, по крайней мере, на время. Промокшие кожа и мех весили примерно столько же, сколько он сам, да и какое тепло от промокшего насквозь плаща? Более того, таскание лишней тяжести отнимет у него остатки энергии, которую он должен сохранять для другого. Теперь, когда он мог мыслить более четко, Дугал понял: воздух в том месте, где он находится, не кажется особо холодным, хотя вода и была почти ледяной. И дрожал он, в основном, от того, что промок. Он вспомнил, что подземные пещеры обычно сохраняют более или менее постоянную температуру на про-

тяжении всего года, подобно винному погребу. И ветер сюда не попадает. Если ему удастся обсохнуть, то можно будет гораздо меньше беспокоиться о холоде. А ведь на нем несколько слоев мокрой одежды...

Дугал направил созданный им магический огонь повыше, в результате тот завис у него над головой. Затем одной рукой юноша развязал тунику, все время с беспокойством вглядываясь в окружающую темноту. Внезапно, немного вверх по течению, недалеко от того места, где он сам взобрался на берег, Дугал заметил большой темный предмет, отличающийся по форме от куч веток и хлама, лежащих у кромки воды. Дугал застыл на месте, его голова слегка закружилась, когда он концентрировал свою энергию, чтобы выпустить в том направлении ментальный импульс, а затем забыл о болевшей голове, руке и лодыжке и, прихрамывая, поковылял туда — так быстро, как только мог.

— Келсон! — закричал он.

Ответа не последовало. Но, приближаясь, Дугал понял: это в самом деле король. Непонятный силуэт превратился в тело под промокшим малиновым плащом, что осветил магический огонь, направленный Дугалом на находку. Когда Дугал свалился на колени перед Келсоном, в панике и с нехорошим предчувствием, он тут же потянул на себя его плащ, а под ним обнаружил распластавшееся, но дышащее тело Келсона.

— Он жив! Слава Богу! — прошептал Дугал, хотя дышал Келсон с трудом, а его голова слегка касалась воды. Очевидно, Келсону удалось выползти на берег, примерно так же, как и Дугалу.

Надеясь, что он не добавит травм Келсону, Дугал осторожно приподнял голову короля из воды и, изловчившись, так как не мог использовать свою больную руку, расстегнул застежку плаща Келсона, зацепившегося за что-то в воде. Малиновый плащ короля был не легче его собственного. Справившись с застежкой, Дугал смог запустить два пальца за ворот туники Келсона — пульс едва пощупывался. Дугалу хотелось посмотреть в зрачки Келсона, но тот лежал не под тем углом. В любом случае, Келсон находился в шоковом состоянии в дополнение ко всем полученным травмам.

— Надо вытащить его из воды и дать обсохнуть,— пробормотал Дугал себе под нос, доставая из воды оставшуюся там часть плаща Келсона, затем перевернул короля на бок. Слава Богу, что в эту отвратительную погоду они не надели кольчуги!

— Давай, Дугал, ты можешь! — подбадривал он сам себя.— Ты должен, или он умрет! Давай!

Сжимая зубы, так как он прекрасно представлял, какую это вызовет у него самого боль, и не намереваясь ей сдаваться, Дугал приподнял тело Келсона достаточно высоко, чтобы ухватить его подмышки сзади, причем больную кисть он просунул подальше, поддерживая Келсона на локтевом сгибе, чтобы вес тела не давил на запястье. Все равно оно страшно болело, и Дугал опасался, что лодыжка тоже подогнется под ним, но каким-то чудом ему удалось оттащить короля, так и остававшегося без сознания, от воды, наверное, где-то на дюжину шагов. Они как раз добрались до ближайшей стены, и там Келсон слабо пошевелился, а потом начал хватать ртом воздух и задыхаться, выплевывая воду. Вода пошла и изо рта, и из носа, точно так же, как недавно у Дуга-

ла. Все, что мог сделать Дугал теперь — это придержать короля в сидячем положении, пока приступ не закончился. Он пытался согреть его теплом своего тела и молился, чтобы избавившись от воды в легких и желудке, Келсон скорее пришел в себя.

Но Келсон не пришел в сознание, когда спазмы прекратились, хотя и стал дышать гораздо легче, а его пульс показался Дугалу сильнее. Дугал уложил его на спину, ослабив завязку на шее. Под голову Келсону он подложил мокрую тунику, которую снял с себя, потом быстро ощупал здоровой рукой тело Келсона, чтобы проверить хотя бы поверхностно, нет ли сломанных костей. На правой ноге кожаные штаны были сильно порваны, а в дыре виднелся огромный синяк с кровоподтеком. Несомненно, синяки появятся или уже появились в других частях тела. Дугал не сомневался, что у него самого их будет не меньше. Но, по крайней мере, похоже, у короля ничего не сломано.

Ничего ниже шеи, но что насчет того, что находится выше? Дугал уже различал набухающую шишку под кровавым рубцом над правой бровью Келсона, а царапина вдоль левой челюсти обещала по меньшей мере перерасти в синяк. Дугал легко ощупал оба места кончиком пальца, но ни одно не показалось ему достаточно серьезным, чтобы вызывать особое беспокойство.

Но когда Дугал снова приподнял веки Келсона, чтобы проверить зрачки, только левый мгновенно отреагировал на свет. Правый был расширен, и веко вяло закрылось, когда Дугал призвал свой магический огонь поближе.

Дугал тут же провел пальцами под мокрыми черными волосами, проверяя, не пропустил ли он в

первый раз какие-нибудь раны. Он действовал не только пальцами, а выпустил и ментальный импульс — и к своему ужасу обнаружил: то, что он при первом обследовании принял за кусок грязи над левым ухом Келсона, было чем-то более серьезным. Там скрывалась не только рана, из которой медленно сочилась кровь, но и вдавленное повреждение черепа, размером почти с небольшой грецкий орех.

Когда Дугал нащупал его, горло молодого человека сдавил страх, а на глаза навернулись слезы. Он заставил себя рассмотреть повреждение получше, молясь, чтобы он ошибся, но ему раньше часто доводилось видеть такие травмы. Обычно прогноз был не очень хорошим, даже при условии, что человеку оказывалась квалифицированная хирургическая помощь и он находился в соответствующих условиях. Если Келсон вскоре придет в сознание, основания для какого-то оптимизма появлялись. Но только *если* рана над вдавленным повреждением была лишь поверхностной и никакая инфекция не проникла в мозг. Шансы короля уменьшались с каждой минутой, пока он оставался без сознания.

Улучшения не произошло, и когда Дугал попытался применить свои магические способности, чтобы вернуть короля в чувство. Щиты, которые должны были охранять разум Келсона, практически не играли роли — они оставались, но стали настолько тонкими, что их мог пронзить любой, владеющий минимумом магической силы. Дугал не хотел рисковать, разрушая ту малую защиту, которую могли предоставить щиты. Ментально он воздействовал на центры, отвечающие за дыхание, и в результате Келсону стало дышать легче. То, что сейчас делал Дугал, не особо отличалось от исследований, которые он

начал осваивать, когда Келсон или Дункан входили в глубокий транс.

— Самая серьезная опасность сейчас — это шок, — сказал себе Дугал, наклоняясь, чтобы снять мокрую верхнюю одежду с Келсона. В этом плане, в отличие от травмы головы, Дугал мог что-то сделать. — Нужно снять с него эти мокрые вещи и согреть его. Каким-то образом разведу огонь. Воздух тут не такой уж и холодный. Но, Боже, как я сам-то замерз!

Усилия помогли Дугалу согреться, хотя Келсон и не выглядел лучше, чем раньше, раздетый до нижнего белья. К тому времени, как Дугал был готов отправиться собирать хворост для костра, он уже чувствовал легкое головокружение, а запястье дергало все сильнее. Поэтому Дугал решил, что его нужно перевязать. Зубами и здоровой рукой ему удалось нарвать полос ткани с верхней туники Келсона, которую он снял с короля, и хотя у Дугала не все получалось, когда он перевязывал больную руку одной здоровой, он почувствовал себя лучше. Дугал задумался, не осмотреть ли ему повнимательнее лодыжку, но отказался от этой мысли сразу, как понял: сапог гораздо лучше фиксирует ноющую ногу, чем могла бы сделать повязка. А более глубокое обследование при помощи ментального импульса подтвердило: если что-то и сломано, то это место остается в неподвижности благодаря сапогу, так что лучше его сейчас не трогать.

Однако после ментального обследования двух собственных травм, Дугал потерял некоторое количество сил, больше, чем рассчитывал, и у него даже появилась слабость под коленями. Поэтому он решил сделать глоток из забытой на время фляги, чтобы вернуть хоть немного сил перед тем, как начать тас-

кать хворост. После того, как он разведет костер, он станет думать, чем бы им перекусить и чем вообще питаться, пока Келсон не окажется в состоянии выбираться отсюда. Дугал понимал, что он по возможности должен беречь собственные силы, но не знал, в состоянии ли идти собирать хворост, не сделав пары глотков вина.

Руки Дугала дрожали, когда он прижимал флягу к груди забинтованной рукой и пытался открыть ее здоровой. Он с удовольствием думал о вкусе великолепного фианнского вина, которое, как он знал, Кьярд залил туда.

Но стоило Дугалу поднести флягу к губам, как Келсон пошевелился, застонал, перевернул голову с одной стороны на другую и поменял положение ног. И даже его веки задрожали.

— Келсон! Слава Богу! — воскликнул Дугал. Его лицо исказила гримаса, когда кончики пальцев раненой руки дотронулись до лба короля. — Келсон, как ты? Ты слышишь меня, Кел?

Издав еще один стон, Келсон открыл глаза и попытался остановить взгляд на лице Дугала, с беспокойством склонившимся над ним.

— Где болит сильнее всего? — спросил Дугал. — Можешь сказать?

— Пить...

Из распухших губ вылетело одно слово, хотя и с трудом. Но Дугал радовался уже тому, что король начал говорить.

— Ты хочешь пить. Конечно. Вот, давай-ка я помогу тебе сесть.

— Пить... — повторил Келсон заплетающимся языком.

Возбужденный Дугал провел раненую руку под голову Келсона, чтобы приподнять ее, затем аккуратно положил ее на свой локтевой сгиб и поднес открытую флягу к его рту.

— Это вино. Пойдет? — прошептал он.— Наверное, воды ты напился надолго.

Келсон не ответил, но только жадно припал к горлышку и сделал четыре или пять больших глотков перед тем, как отодвинуть флягу.

— Хорошо,— прошептал он.— Боже, кажется, у меня в животе разгорается огонь. А еда у нас есть?

— Боюсь, что нет. По крайней мере, пока. Я собирался развести костер, но боялся оставлять тебе одного без сознания. Если ты думаешь, что можешь несколько минут полежать один, я соберу хвороста.

— Я не ребенок,— пробормотал Келсон запletaющимся языком.— Наверное, я опять посплю.

— Прости, но я не могу тебе позволить это сделать,— ответил Дугал.— Ты был без сознания, Келсон, и я не знаю, сколько времени, и у тебя сотрясение. Не представляю, насколько серьезное, но мне хотелось бы, чтобы ты какое-то время постарался не заснуть. Ты был практически в состоянии комы.

Келсон моргнул, в его серых глазах появилось какое-то странное выражение.

— В коме?

— В коме, без сознания,— ответил Дугал, внезапно забеспокоившись.— Келсон, с тобой все в порядке? — Он замолчал на мгновение.— Ты помнишь, что случилось?

Келсон с трудом сглотнул и покачал головой, от этого движения его лицо исказила гримаса.

— У меня... есть чувство, что я должен знать... о чем ты говоришь, но я...

Внезапно он побелел, а затем одной рукой ухватился за рубашку Дугала, причем с такой силой, словно от этого зависела его жизнь.

— Боже праведный, все плывет... Я не могу дышать! А моя голова...

Уже когда Келсон произносил последнюю фразу, Дугал догадался о причине и отправил ментальный импульс во флягу, которую все еще держал в руке, а затем со злостью отшвырнул на камни.

Как он этого не заметил? Во фляге была мераша — не такой концентрации, как они пили, когда с ними сидел Арилан, но достаточно высокой — и что-то еще. Он не знал остальных добавок, но они, казалось, душили Келсона. Мераша уже стирала то, что оставалось от защит Келсона после травмы головы, а его дыхание...

В отчаянии Дугал резким движением посадил Келсона, вставил два пальца ему в горло и безжалостно держал, пока Келсона рвало, и он не исторг из себя все, что только что выпил. Келсон укусил пальцы Дугала. В то же время Дугал направил все свои оставшиеся силы сквозь уже наполовину разрушившиеся щиты Келсона и взял под контроль дыхательный центр, заставляя короля продолжать дышать.

Дугал не представлял, достаточно ли этого: ведь какая-то часть яда уже попала в организм Келсона, хотя, надо надеяться, не в смертельной концентрации. Последствия еще должны проявиться. Если получив дозу мераша, можно отоспаться, предварительно зная, какой будешь испытывать дискомфорт — хотя как Келсон перенесет ее с травмой головы? — Дугал понятия не имел, какие последствия может дать другое вещество или несколько веществ, добавленные в вино. Может, он даже поступил неправиль-

но, вызвав у Келсона рвоту, но при сложившихся обстоятельствах он ничего другого предложить не мог.

Так что, черпая силы непонятно откуда, Дугал потащил Келсона, слабо хватающего ртом воздух, назад к краю воды и стал рукой заливать воду ему в рот, используя физическую силу, свои навыки военно-полевого хирурга, а также силы Дерини, чтобы заставить короля проглотить воду, а затем повторил процесс, вставив два пальца ему в рот. Он повторял это снова и снова, каждый раз заставляя короля выпивать все большее количество воды. Келсон сопротивлялся все слабее. Наконец Дугал почувствовал, что дальнейшие повторения только еще больше ослабят его пациента и процедуры дадут меньше пользы, чем заберут сил.

Дугал плакал, прижимая Келсона к груди, сама стараясь привести свое дыхание в норму. Но Келсон дышал гораздо тяжелее, причем его дыхание могло вообще прекратиться, если Дугал хоть на немного ослабит контроль. Часть разума Дугала поддерживала дыхание Келсона и помогала ему по возможности избежать разрушения от мераша — что достигалось только одной целеустремленностью. Одновременно Дугал пытался найти другие менее очевидные сбои, которые он мог пропустить, придя в ужас от случившегося и разбираясь с необходимостью срочно вывести отравленное вино из организма Келсона. Но, казалось, больше никаких сбоев нет.

Оставалось только сотрясения мозга, которое не промоешь водой. Поскольку они опять сидели у воды, все, что могло на них обсохнуть, снова промокло. Дугал осторожно промыл рану над левым ухом Келсона. Надо уж выяснить самое худшее.

Но тут его ждала первая удача с тех пор, как Дугал сам открыл глаза в этом Богом забытом месте. Рана оказалась неглубокой, а череп — незадетым. Большая часть свернувшейся крови легко смылась, и открылся синяк с царапиной и шишкой, над которым, используя свои ментальные силы, он обнаружил вмятину, которую уже нащупывал раньше. Она не была такой глубокой, как он опасался вначале, хотя и серьезной травмой. Потому что если мозг Келсона задет внутри черепа... Ведь на черепе снаружи образовалась большая шишка...

Дугал не хотел об этом думать. Позднее, если не будет никакого другого выбора, он может попытаться, используя свои силы, осторожно приподнять вдавленную кость и поставить на место. Но ему доводилось видеть слишком много травм головы, полученных в битвах, чтобы не знать, как опасно заниматься ими. Дугал мечтал, чтобы у него был целительский талант его отца, но, к сожалению, он не нашел и следа такого благословения, обнаружив другие способности. Он даже подумал о том, чтобы связаться с отцом, таким же образом, как прошлым летом связывался с Келсоном после той ужасной битвы при Дорне, но понимал: такая попытка бессмысленна — он один, ему никто не поможет, и Ремут находится слишком далеко.

Более того, он не знал, насколько хватит его сил, чтобы поддерживать Келсона. В конце концов, ему самому будет нужно поспать. Какое-то время можно продержаться без сна, но это нельзя делать вечно. И цена отсрочки может быть слишком велика.

А что если и к тому времени, когда ему будет просто необходимо поспать, Келсон еще не сможет нормально дышать? А если сможет, то через какое

время? Что они будут есть? Как они отсюда выберутся? Дугал не представлял, где они находятся, потому что не знал, сколько времени они провели в воде и сколько — без сознания. Когда случилось несчастье, они находились там, где обычно нет ни одной живой души, значит, скорее всего, понадобится несколько дней, чтобы организовать отряд спасателей, да же если об их местонахождении каким-то образом узнают. Конечно, не может быть, чтобы весь отряд вместе с ними упал вниз. Хотя Дугал был уверен: свалились Долфин и монах, а также, возможно, Конал и его оруженосец.

Но когда он вспомнил остальных, в голове возник интересный вопрос: а как отравили его вино? Было очевидно: именно он являлся целью того, кто намеревался совершить злодейство во время этого похода. Кьярд, отвечавший за пожитки Дугала, оставался вне подозрений. Но кто? Мераша — зелье Дерини и доступ к ней мог иметь только другой Дерини, причем даже не любой из них, потому что в таком случае Морган смог бы раздобыть мерашу зимой и им не пришлось бы проходить испытание с Ариланом. Но никто в отряде не принадлежал к Дерини и не имел тесных контактов с Дерини.

Конечно, это не остановило Эдмунда Лориса и Горони, и они достали мерашу. Значит, должны быть и источники, доступные для обычного человека. Но кто из членов отряда имел основания желать смерти или тяжелого ранения Дугала? И, несомненно, тот, кто это сделал, знал, что Келсон тоже может выпить вина из фляги Дугала. Невольно напрашивалась ужасающая параллель с тем, что случилось с отцом Келсона — но кто был готов воспользоваться их беспомощностью?

Раздумья на эту тему помогли Дугалу не заснуть. Через несколько минут сидения у кромки воды он оттащил остающегося без сознания короля к стене, туда, где они были раньше, хотя и поближе к куче хвороста, казавшейся подходящей для костра. Дугал не смел разрывать физический контакт с Келсоном даже когда развел огонь, чтобы не потерять контроль над дыхательным центром, но смог — сконцентрировавшись и даже на время загасив свой магический огонь — наконец зажечь одну палочку. Костер будет гореть до тех пор, пока он подбрасывает в него хворост, до которого Дугал мог дотянуться с того места, где лежали они с Келсоном. Это было благословенное тепло.

Дугал снова прижал Келсона покрепче и попытался помечтать о приятных для них обоих вещах. Затем он снова задумался о том, кто мог отравить вино. Временами его начинало клонить в сон и дыхание Келсона тут же прерывалось, тогда Дугал резко возвращался к действительности с намерением больше не допустить такой оплошности. И все равно, по мере того, как проходили часы, Дугал так и не мог сказать, стало дыхание Келсона легче или нет.

Глава четырнадцатая

И душа его приближается к могиле¹

Следующим утром в горах ярко светило солнце, словно извиняясь за ужас прошлого дня. Люди, пережившие его и расположившиеся лагерем у водопада, снова принялись за поиски с первыми лучами солнца и даже обнаружили еще одну мертвую выжонную лошадь в нескольких сотнях ярдов вниз по течению. Но они не нашли никаких следов ни Келсона, ни Дугала. Монахи аббатства святого Беренда подключились к поискам. За ними в предыдущий день был отправлен посланец, сумевший удачно спуститься по предательским склонам. Однако с каждым часом шансов найти короля живым становилось все меньше. К вечеру Сэйр с неохотой приказал прекратить поиски.

С потерей короля и речи идти не могло о том, чтобы продолжать путешествие в Йомейр, а оттуда в Кардосу, этим или каким-то другим путем. После того, как Сэйр с остальными членами отряда спустятся с гор и немного передохнут в аббатстве святого Беренда, им следует возвращаться в Ремут, чтобы поведать ужасную новость Нигелю. Будет также отправ-

¹ Иов 33:22

лен гонец к графу Истмарка: ему не следует ждать королевский отряд.

Больше Сэйр не строил никаких планов. Будущую политику относительно Торента придется определять новому королю. Являясь родственником Нигеля через брак и важным королевским советником, Сэйр примерно представлял, что тот, вероятно, сделает, но не собирался даже предугадывать действия Нигеля в такое время.

Сэйру и так будет тяжело сообщать ему о смерти любимого племянника. А Келсон, должно быть, мертв, как и Дугал, и пропавший монах. Монахи из аббатства рассказали Сэйру, что в этой части массива река уходит под землю — сразу за озером у водопада, и никто не знает, где она снова выходит на поверхность и выходит ли вообще. Раз воды до сих пор не вынесли тело короля на поверхность, шансы найти его практически равнялись нулю.

Значительно поредевший отряд в мрачном расположении духа спустился вечером по горной тропе. На плато остались Кьярд, Джасс и другие слуги Макардри, намерившиеся сидеть там по крайней мере до конца недели, в надежде найти хоть какие-то намеки о судьбе Дугала и короля. Остальные на исходе дня вошли во двор аббатства святого Беренда и поужинали горячей пищей, которая оказалась очень кстати после недавних событий. Они были рады поспать в настоящих постелях перед тем, как назавтра тронуться в путь и вернуться в Ремут через Валорет. Утром монахи отслужили торжественную мессу, молясь о спасении короля, и обещали молиться за него до тех пор, пока судьба Келсона не станет точно известна. Затем Сэйр вывел отряд за ворота.

Сэйр и оставшиеся члены отряда быстро скакали весь следующий день, делая остановки только для того, чтобы сменить лошадей, и въехали в окруженный стенами город в сумерках. Епископы были на вечерней службе, которую вел новый помощник епископа Валорета Бенуа де Эверинг. Голоса певчих радостно поднимались к небесам, когда Сэйр с трудом приоткрыл тяжелую дверь в западной части собора. Все удивленно обернулись, на лицах появилась тревога, когда собравшиеся в соборе увидели идущего по центральному проходу Сэйра; за ним следовали Конал, граф Роджер и отец Лаел. По рядам собравшихся в соборе священников пробежал напряженный шепоток. Четверо вновь прибывших остановились прямо перед ступенями алтаря, чтобы преклонить колена. Сэйр оставался стоять на одном колене на несколько секунд дольше, чем трое других, затем встал и взглянул на лица, на которых застыл немой вопрос.

— Господа епископы,— сказал он дрожащим от переизбытка эмоций голосом.— С большим прискорбием я должен сообщить вам, что король мертв.

Они были готовы к самым разным сообщениям, но только не к этому. Все одновременно вскрикнули, вскочили на ноги, и с губ стали срываться вопросы, невнятные и вразнобой. Сэйр поднял обе руки, призывая к тишине.

— Произошел несчастный случай — в половине дня пути от аббатства святого Беренда, над Кайрори и Долбаном,— мрачно сообщил Сэйр.— Мы поднимались вверх, чтобы воспользоваться перевалом Хай-Греддер и спуститься в долину Йомейр. Проводником служил один из монахов аббатства. Мы чуть не остались в аббатстве в тот день: собирался дождь

и монах предупреждал нас, что дорога может стать опасной. Но Келсон хотел ехать.

Сэйр сделал паузу, чтобы слотнуть, очевидно, снова вспоминая все случившееся. Архиепископ Бранден осенил себя крестным знаменем.

— Что это был за день, мой господин?

— Пятница? Нет, суббота,— ответил Сэйр.— Дни слились в один. А сегодня какой день?

— Понедельник,— тихо ответил Арилан.— Расскажи нам, что произошло.

Его лицо приобрело серый оттенок, и ему страшно хотелось отвести отца Лаела в сторону, чтобы потребовать полных объяснений.

Сэйр кивнул, очевидно беря себя в руки, причем с большим усилием.

— Тропа, размытая дождем, рухнула под первой частью отряда. Келсон пропал в порогах внизу вместе с Дугалом Макардри, монахом-проводником, оруженосцем принца Конала и множеством лошадей. Стала рушиться вся дорога. Оруженосец короля тоже свалился вниз, но позднее мы нашли его живым. И Конал чуть не упал. Мне удалось вовремя обвязать его веревкой.

Архиепископ Кардиель, чье лицо искажала скорбь, медленно покачал головой.

— Спасибо тебе, Господи, по крайней мере, за это.

И он, и большинство епископов перекрестились после этого, некоторые прошептали «Аминь», а Конал склонил голову.

— Вы нашли тела? — спросил Арилан, внезапно догадавшись, что они еще не слышали обо всех деталях трагедии.

Сэйр покачал головой.

— Только тело мертвого оруженосца и нескольких лошадей. Мы искали остаток дня, вплоть до темноты, и большую часть следующего, но...

Он замолчал и был вынужден даже прикрыть на мгновение глаза дрожащей рукой, но затем все-таки смог продолжить.

— Простите, господа. Как нам сказали местные жители, после прошествия такого количества времени практически нет никаких шансов отыскать тела. Тем не менее, мы оставили часть отряда для продолжения поисков — на тот случай, если местные все-таки ошиблись. Если... они хоть что-то найдут, то тут же дадут знать. А пока мы... должны отправиться в Ремут и сообщить о случившемся Ниге... новому королю,— он вновь сглотнул.— Придется также сказать и епископу Дункану и семье молодого Джована. Думаю, было бы неплохо, если бы кто-то из вас отправился вместе с нами в Ремут. В частности архиепископы Кардиель и Браден. Придется... кое-что урегулировать.

После этого его окружили, задавая вопросы, причем все сразу, не веря в глубину трагедии. В суматохе Арилану удалось отвести отца Лаела в сторону, в один из боковых проходов за высоким алтарем.

— А теперь расскажи мне, что ты сам видел, Лаел,— сказал он тихо, глядя ему прямо в глаза, но не применяя сильного ментального давления.

Лаел заплакал, и Арилан так остро почувствовал его горе, что понял: Лаел нисколько не сомневается — король на самом деле мертв.

— Все... было так, как рассказал де Трегерн, ваше преосвященство,— прошептал Лаел.— Никто не смог ничего сделать, чтобы это предотвратить. Я... видел, как они перелетали через край пропасти один за дру-

гим... И я ничего не мог поделать,— его горло перехватило от волнения.— Я думаю, что он... не ударился о камни, когда слетел в воду, но он...

Когда стало очевидно, что Лаел не в состоянии продолжать, Арилан опустил руки на плечи священника и обнял его. Если бы кто-то в эту минуту посмотрел на них со стороны, то подумал бы, что Арилан утешает Лаела, но на самом деле он направил в его сознание ментальный импульс, чтобы увидеть весь ужас случившегося. Он наблюдал за тем, как Келсон бьется в воде, Дугал пытается добраться до него, как борются лошади, причем одна разбивается о камни при падении.

А затем Келсона, Дугала, монаха и двух оруженосцев уносит потоком прочь. Позднее, недалеко от водопада члены отряда вытаскивают из воды тело одного из оруженосцев и, удивительно, находят второго живым. Но не нашлось и следа остальных. Несомненно, король, Дугал и монах были мертвы.

Даже Арилан не мог больше смотреть на трагедию. Они с Келсоном часто расходились по вопросам, имеющим для них обоих большое значение, и он только начинал близко узнавать Дугала, но Арилана охватило чувство глубокой потери — не меньшей, чем почувствует Дункан, когда узнает о гибели Дугала. Арилан был духовником Келсона перед тем, как эту роль стал выполнять Дункан — и задолго до того, как кто-либо узнал, что Дункан — отец Дугала.

Епископу-Дерини пришлось приложить огромные волевые усилия, чтобы забыть на какое-то время о своей горе и скрыть содеянное с Лаелом. Не нужно, чтобы тот заподозрил о проникновении в его сознание. Он позволил Лаелу просто поплакать в своих объятиях, раздумывая, что делать дальше.

Он явно должен отправиться назад с Сэйром, Коналом и двумя архиепископами, потому что будет нужен Нигелю — гораздо больше, чем могут подозревать эти четверо, возможно, за исключением Конала. Раз Нигель становится королем, то следует подумать и о Конале, следует готовить нового наследника престола, который в конце концов сменит отца. А Конал сделан совсем из другого теста — не то что Келсон или даже Нигель.

Для Арилана было очевидно, что он должен поставить в известность о случившемся Камберианский Совет. Еще одна смена королей, когда после смерти Бриона даже не минуло пяти лет, внесет большие изменения в исполнение Советом возложенных на себя обязанностей по охране благополучия одиннадцати королевств.

Однако оповещение Совета представляло свои проблемы. Арилан мог немедленно добраться до зала заседаний Совета, используя Портал в ризнице, находящийся в нескольких шагах от того места, где он утешал Ласла. Но вызов советников из их резиденций, разбросанных по всем одиннадцати королевствам, отнимет время — гораздо больше времени, чем Арилан может отсутствовать. Более того, потребуются колоссальные затраты энергии. Вызвать членов Совета, когда они этого не ожидают, всегда трудно, и Арилан уже один раз сделал это на прошлой неделе, чтобы сообщить им о смерти Тирцеля. А если повторить подобное еще раз с таким малым перерывом, а также оставить силы для поездки верхом в Ремут и для выполнения того, что потребуется от него там, нужна чья-то помощь для восстановления сил самого Арилана.

И здесь в Валорете не было никого, кто мог бы выполнить эту миссию — из тех, чье отсутствие не будет замечено. Узнав истинные чувства Лаела, Арилан не сомневался, что сможет к нему обратиться, если потребуется, да и Кардиель ему поможет без возражений, как и Сэйр. Но Арилан также знал, что Сэйр хочет отправиться в Ремут уже сегодня вечером, после того, как все поужинают горячим и будут подготовлены свежие лошади. А Арилану с Кардиелем требуется быть в рядах отъезжающих.

И в первый раз в жизни Арилан решил, что его долг перед Халдейнами важнее долга перед Советом. Понимая важность новости, он не смел пользоваться Порталом, чтобы оказаться в Ремуте раньше остальных. Нужно по возможности сохранять свои способности в тайне. За последние полгода и так произошло слишком многое, угрожающее раскрытием его принадлежности к Дерини.

Нет, он должен ехать с остальными. Дорога до Ремута займет два-три дня, и ужасная новость для всех и для короля, еще не знающего, что он — король, подождет. А затем, когда Арилан поможет Дункану пережить первый шок от страшного известия, он отправит несчастного епископа уведомить Моргана — потому что оба они потребуются для передачи Нигелю всей силы Халдейнов. Вот это и есть главная задача.

И все это следует сделать до того, как враги Гвиннеда узнают, что Келсон мертв, и попытаются воспользоваться нестабильностью, неизбежной при смене королей. Даже Нигель на время может лишиться мужества и стать уязвимым.

Они оседали коней и тронулись в путь еще до последней вечерней службы, освещая себе дорогу фа-

келами. Они ехали по твердой хорошей дороге, идущей вдоль реки, небо наконец прояснилось. Каждый был погружен в свои мысли, и казалось, что стук копыт повторяет: «Он мертв, он мертв, он мертв». А по пути им предстояло остановиться в нескольких десятках мест, чтобы поменять лошадей.

Он мертв — он мертв — он мертв...

* * *

В милях от того места, где преданные люди Макадри неустанно дежурили у воды, поглотившей их молодых хозяев, Дугал радовался, что Келсон не умер. Более того, казалось, что король, наконец, стал дышать спокойнее.

Это была хрупкая победа, поскольку Келсон все еще не пришел в сознание, но для Дугала, который к этому времени уже почти три дня не спал, она оказалась самым большим чудом, свершившимся с тех пор, как он обнаружил, что им с Келсоном удалось пережить первую трагедию.

Однако его беспокоила черепно-мозговая травма. Польза от его способностей была сомнительной: он лишь смутно мог представить себе, что означало в медицинском смысле то, что ему удалось обнаружить на ментальном уровне. Но ему совсем не нравилось увиденное. Вмятина давила на мозг Келсона, и там внутри ощущалась припухлость. Дугал не мог сказать, имело ли место внутреннее кровоизлияние. Ему доводилось слышать о хирургических процедурах, применяемых для ослабления подобного давления: просверлить дыру в черепе и попытаться приподнять часть, оказывающую давление, но у него не было инструментов, даже если бы он оказался доста-

точно глуп, чтобы поверить в свою способность провести такую операцию.

Размышляя над проблемой, он оставил Келсона, чтобы сходить за флягой, которую в ярости отбросил в сторону. Найдя флягу, он долго и тщательно мыл ее, не спуская глаз с едва дышащего короля, теперь завернутого в слегка влажный, но уже не такой мокрый плащ. Наполнив флягу водой, Дугал вернулся к Келсону, чтобы снова промыть ему голову и дать попить. Он использовал свои способности, чтобы вызвать у Келсона глотательный рефлекс: он узнал очень многое о центрах, контролирующих эти функции, пока в одиночестве сидел над королем.

И как-то требовалось решить вопрос с едой. Со времени их последнего привала перед несчастным случаем у Келсона во рту не было ничего, если не считать отравленного вина, да еще воды, которой Дугал промывал ему желудок, а потом вливал в него рот в рот, когда опасность обезвоживания стала страшнее остановки дыхания. Дугал даже не помнил, когда поил Келсона в последний раз и пил сам, но его собственный желудок подсказывал, что вынужденный пост длится уже слишком долго. И если здоровый человек при необходимости может даже несколько недель продержаться только на воде, такая диета не способствует выздоровлению. Дугал понятия не имел, что из съестного ему удастся найти поблизости — может, в подземной реке водится рыба — но раз уж Келсон пережил первый кризис, Дугал должен приложить усилия и найти хоть что-то съестное.

А пока следовало подумать о черепно-мозговой травме, и Дугал судорожно размышлял, что делать. Если он ничего не предпримет, а опухоль будет расти или даже просто не уменьшится, то Келсон, веро-

ятно, умрет. И если Дугал что-то сделает неправильно — хотя и выбор способов лечения очень ограничен — Келсон все равно может погибнуть.

Дугал вздохнул, подтаскивая побольше хвороста к костру, огонь в котором он поддерживал довольно долгое время. Наступать на больную ногу было трудно, она опухла, и он также старался не перегружать раненую руку. Подбросив в костер несколько веток, Дугал устроился рядом с Келсоном и повернул его темноволосую голову от себя, а затем легко провел кончиками пальцев по шишке за левым ухом короля. Кровь уже запеклась за то время, что они находились в пещере, и рана затянулась, но Дугал прямо под кожей чувствовал вмятину величиной с грецкий орех.

Эх, если бы было можно каким-то образом вернуть на место вдавленную кость — не хирургическим способом. Он, конечно, не собирался производить подобные манипуляции при помощи небольшого стилета, спрятанного у него в сапоге... Это был единственный металлический предмет, оставшийся у него после путешествия по бурлящей реке.

Но, возможно, существовал еще какой-то способ. Раньше Дугалу доводилось перемещать разные вещи силой своего разума. Самым первым, что показал ему отец, узнав о его принадлежности к Дерини, было как открыть замок без ключа. Если Дугал мог поворачивать защелку, даже не видя ее, возможно ли, что ему удастся поставить этот кусок кости на место в черепе Келсона?

Правда, подобное совсем не походило на то, что его отец и Морган называли целительством. Для этого требовалось представить поврежденную область такой, какой ей следует быть, и позволить лечению

проходить под руками Целителя. Но разве у хирургии нет физической стороны в дополнение к биологической? При условии, что Дугал не нанесет непоправимый вред тканям под черепной коробкой, облегчение может наступить просто от того, что кусочки кости наконец вернется на правильное место. А затем можно позволить естественному процессу выздоровления идти своим чередом.

Несомненно, стоило попробовать, но очень осторожно. Дугал не думал, что может еще сильнее навредить Келсону, да и состояние короля, хотя и стабилизировалось, но и не улучшалось от того, что Дугал ничего не предпринимал. Он сделал несколько глубоких вдохов, затем изменил положение Келсона таким образом, чтобы тот лег ему на грудь, и поддерживал его голову правой рукой на уровне плеча, в то время как левой легко дотронулся до шишки за ухом. Растянутое запястье дернуло, но Дугал слегка изменил положение, и эта боль отпустила.

Дальнейшая процедура обещала быть сложной и требовала большой точности. Он собирался настроить часть своих ментальных сил на контроль дыхания и пульса Келсона, в то же время направив основное внимание на другую задачу. Он знал, что ослабив давление под шишкой, он нарушит автономный ритм, так недавно восстановленный. Дугал закрыл глаза и подключился к ритму, жалея, что сам давно не отдыхал, потому что несколько часов сна, которые ему удалось урвать, не дали восстановить силы, растроченные за последние дни. Но на этом этапе об отдыхе можно было даже не вспоминать. Победу одержит целеустремленность, если, вообще, она будет одержана, да еще немного удачи, а, может, и чудо.

Постепенно Дугал вошел в глубокий транс, его тихий шепот и дыхание Келсона уравнились. Вначале ему было не очень уютно, так как даже после того, как мераша почти полностью ушла из организма Келсона, защиты все равно стояли неровно и искаженно — в некоторых местах нетронутые, в других полностью исчезнувшие, оставаясь везде несбалансированными. Это состояние, возможно, хотя бы частично объяснялось сотрясением мозга — или ударом, последствиями которого теперь занимался Дугал, или второй травмой, над глазом. Но независимо от причины, достигнуть уровня слияния энергий, к которому стремился Дугал, чтобы рискнуть сделать желаемое, оказалось нелегко.

Не смея слишком много думать об этом, Дугал перенес энергию Дерини в тело у себя под руками, сконцентрировавшись на кусочке кости, лежавшем у него под кончиками пальцев. Он мгновенно увидел ее внутренним взором, словно ее обнажил нож хирурга — это был закругленный с одной стороны треугольник, один его угол до сих пор находился в нужном месте, а другой был вдавлен почти на глубину фаланги мизинца.

Очень осторожно окружив кость ментальным покровом, Дугал поднял ее. Она двигалась гораздо легче, чем он ожидал, и мягко проскользнула на изначально определенное природой место. Дыхание Келсона за время процедуры никак не изменилось.

Дугал еще несколько секунд осматривал результат, прикидывая, сделал ли он достаточно, затем все-таки оторвался от разума Келсона и полностью снял контроль, открыл глаза и посмотрел на короля теперь уже обычным зрением. Казалось, ничего не изменилось. Когда, по прикидкам Дугала, прошло

около часа, а состояние Келсона так и не улучшилось, хотя и не ухудшилось, Дугал решил, что пора каким-то образом решить вопрос с едой. Что бы ни случилось, он никак не сможет помочь ни Келсону, ни себе, если умрет от голода.

* * *

Остатки королевского отряда добрались до Ремута поздно вечером в среду, в Благовещение. Несмотря на то, что члены отряда ехали быстро, какие-то слухи все равно летели впереди них — или что-то витало в воздухе, так как Нигель, Мерауд, Дункан и Джехана уже с беспокойством ждали в зале, где обычно проходили заседания королевского совета. Сэйр и граф Роджер сообщили новость, Конал благоразумно помалкивал, стараясь не выделяться. Он был подобающе молчалив и грустен. Затем три епископа выразили соболезнования. Правда, тут же пришлось призвать отца Лаела, чтобы он применил свои врачебные навыки: Джехана начала истерично рыдать и ее пришлось вывести из помещения. Роджер ушел вместе с ними. В зале остались скорбящие семьи и священнослужители.

Нигель тоже немного поплакал, и объятия жены не могли его утешить. Дункан ушел в себя, подойдя к окну и невидящими глазами уставившись во двор. Арилан неуверенно перемещался между ним и Нигелем, в то время как Кардиель и Браден оказывали больше внимания новому королю. Даже Конал пытался сморгнуть слезы.

— Пусть Бог поразит меня, если я когда-то хотел стать королем,— сказал Нигель, в неверии качая головой, когда ему удалось взять себя в руки. Все еще

влажными глазами он посмотрел на Кардиеля. — Этого не может быть, Томас. Я не готов. Я не стремился к этому и потому не готов. Разве нет никакого шанса найти его живым?

— Если смотреть на дело трезво — нет, — мягко ответил Кардиель, сам на грани слез — потому что он тоже плакал, услышав новость в Валорете три дня назад. — Нам даже сказали, что по прошествии такого количества времени практически нет шанса найти тела.

Сэйр, пытавшийся успокоить свою сестру, тоже покачал головой, отметив, что Нигель, похоже, взял себя в руки.

— Мы сделали все, что смогли, — прошептал он, — но не нашли и следа. Ни следа! Река уходит под землю сразу же за тем местом, где мы их потеряли. Мы также не нашли тело монаха. Местные говорят, река никогда не отдает мертвых.

Онемевший от горя, Нигель только покачал головой, его грусть была осязаемой в тишине старого зала. Арилан, все еще мечущийся между Нигелем и Дунканом, повернулся к нему.

— Есть вещи, которые необходимо сделать... ваше величество, — сказал он тихо.

Нигель в шоке взглянул на него, в его глазах стоял ужас.

— Не надо меня так называть. Пожалуйста.

— Однако вы — король, — настаивал Арилан, — независимо от того, как вас называть. А завтра вас следует объявить королем официально. Гвиннед не может долго существовать без правителя.

Нигель отвел взгляд в сторону.

— Я побуду регентом, пока мы не будем абсолютно уверены. Но я не хочу этого титула — пока... пока еще есть надежда.

— Надежда на что? — спросил Арилан.— Надежда найти тело Келсона? Это ничего не изменит. А по прошествии стольких дней я практически уверен: шансов найти его живым нет, независимо от того, как мне хотелось бы сказать вам об обратном. А пока у вас есть обязанности, которые должны быть выполнены.

— Я их исполню.

— Обязанности Халдейнов, Нигель,— тихо сказал Арилан.

Даже Дункан отреагировал на это, когда Нигель побледнел и быстро отвернулся.

— Я буду выполнять обычные обязанности короля,— прошептал он,— но как регент. Но если тело Келсона не найдут, я не буду короноваться, пока не пройдет один год и один день. Это решение не подлежит обсуждению.

Даже несмотря на свое собственное горе, Дункан знал, что ни Нигель, ни Арилан не говорят о простой человеческой королевской ответственности. Но если Нигель предполагал, что полное принятие им сил Халдейнов состоится только после коронации, как было в случае с Келсоном, Дункан знал, что никакой подобной условности не существует. А если Келсон на самом деле мертв, как и Дугал — Боже, пусть это будет неправдой! — то могущество должно быть полностью передано Нигелю как можно скорее. Однако ради Арилана он не имел права говорить об этом в присутствии Брадена.

— Я не вижу трудностей в том, чтобы отложить коронацию, если так желает регент,— тихо сказал Дункан, преднамеренно не используя королевское обращение.— Однако по прошествии подходящего периода траура, мы все сможем посмотреть на ситу-

ацию более трезво. Может, регент пожелает изменить свое решение. На сегодняшний день я предлагаю не устанавливать точной даты. А пока рекомендую незамедлительно созвать всех членов совета в Ремут, вместе с другими благородными герцогами и графами, чье мнение ценит регент. Я предпочел бы сам отправиться к герцогу Аларику и сообщить ему эту новость. Пусть он... лучше узнает ее от меня, как мне кажется.

Арилан бросил на Дункана взгляд, красноречиво говоривший: он понял, что имеет в виду Дункан,— и кивнул.

— Я согласен,— сказал Арилан вслух.— Но, Дункан, у тебя ведь двойное горе — хотя мы тоже скорбим по твоему сыну. Ты считаешь разумным сейчас пускаться в такое долгое и тяжелое путешествие?

Дункан болезненно сглотнул.

— Я предпочту побыть один, чтобы помянуть обоих моих сыновей,— тихо сказал он.— А пока, ваше преосвященство, я хотел бы попросить вас помолиться вместе со мной — до моего отъезда.

Просьба удивила Арилана, но только до того момента, как он вместе с Дунканом не зашел в покои, в которых когда-то размещался Дугал. Там Дункан, вместо того, чтобы молиться, снял рясу и стал переодеваться в более подходящее для верховой езды одеяние — одежду курьера, в которой путешествовал в Валорет.

— Ты уже сообщил Совету? — спросил Дункан.

Арилан покачал головой.

— Нет, не было времени до отъезда из Валорета. Сделаю, как только провожу тебя. Кардиель прикроет мое отсутствие до утра.

— Прекрасно. В таком случае тебя не будут искать, если ты потратишь еще немного времени, чтобы доставить меня в Дхассу, если, конечно, нет Портала, расположенного еще ближе к Короту.

Арилан нахмурился, наблюдая за тем, как Дункан облачается в кожаные штаны и мягкую черную замшевую куртку.

— Не помню, что упоминал при тебе тот Портал.

— Ты и не упоминал, но если там и не было его раньше, то не могу представить, чтобы вы с твоими братьями из Совета не установили его после того, как ты стал епископом Дхассы.

— Он уже был там,— мрачно сообщил Арилан.— Но ты просишь слишком многого.

— Я прошу тебя избавить меня хотя бы от недели езды верхом — между Ремутом и Коротом,— ответил Дункан. Он сел на табурет, натягивая доходящие выше колен кожаные сапоги.— Даже из Дхассы мне придется ехать целый день. И мне понадобится там лошадь, если ты можешь это организовать. Я предпочел бы ее не воровать.

Арилан не мог сдержать улыбку, когда Дункан пристегивал простые стальные шпоры, которые мог носить любой вооруженный всадник.

— И ты это сделаешь, если потребуется?

— Приходилось делать и худшее,— заметил Дункан, поднимаясь и надевая утепленную кожаную куртку, между слоями которой были вшиты металлические пластины.— Ты мне поможешь или нет? Если нет, я прямо отсюда пойду в конюшню. У меня нет ни времени, ни желания спорить с тобой.

— Хорошо,— ответил Арилан, подавая ему кольчугу.— Однако могу я попросить тебя об одном одолжении?

— Это условие твоей помощи? — посмотрел Дункан на другого епископа.

— Конечно, нет. Это может помочь нам обоим. Вы с Алариком в состоянии убедить Нигеля, что он должен принять силу Халдейнов до окончания года?

— Не понимаю, как тебя это касается,— холодно ответил Дункан, застегивая пряжку.— Именно сейчас мне плевать на силу Халдейнов. Я просто хочу попытаться выяснить, могли ли остаться в живых мой сын и мой король.

— Ты в самом деле думаешь, что они могут быть живы? — тихо, без обиды спросил Арилан.

Дункан с трудом сдержал рыдание, готовое вырваться из груди, но ему это все-таки удалось. Он понимал, что дальше сдерживаться ему будет труднее. Слезы застилали ему глаза, когда он взял меч, развернул сложенный пояс, обернул его вокруг талии и застегнул.

— Я хочу верить, что они живы,— прошептал он.— Пока не нашли тела, я буду надеяться на чудо. Кроме того, я не могу отделаться от чувства, что я бы каким-то образом *знал*, если бы они умерли, в особенности Дугал. Он мой *сын*, Денис. И я был духовником Келсона почти семь лет. Ты знаешь, какая в таких случаях может установиться связь между людьми — в особенности между двумя Дерини.

Затем Дункан надел кожаную шапку, отделанную мехом, взял пару перчаток и засунул их за пояс. Арилан подхватил черный кожаный плащ, который Дункан, очевидно, собирался надеть, и перекинул его через руку. Вместе с Дунканом они подошли к очагу.

— Да, я знаю, какая устанавливается связь,— сказал он. А ты не пытался восстановить ее?

Дункан покачал головой.

— То место расположено слишком далеко, чтобы я сделал это один. Да и времени не было: ты же в курсе. Ты все это время находился рядом со мной.

— А из Корота до того места еще дальше.

— Да, но не из Дхассы.— Дункан смотрел, как языки пламени из очага отражаются в аметисте епископского перстня, единственном знаке его истинного ранга. Его можно будет спрятать под перчаткой.— Ну, так что? Ты доставишь меня в Дхассу или мне следует идти в конюшню и начинать этот трудный путь?

— А что с силой Халдейнов для Нигеля? — возразил Арилан.— Что, если она потребуется ему до твоего возвращения?

— Предполагаю,— ответил Дункан,— ему придется справляться, как есть. Или ты считаешь, что я сам могу провести ритуал?

— А ты можешь?

— Не знаю. И не хочу выяснять. И в особенности не хочу выяснять, пока я не уверен, что Келсон... на самом деле мертв.— Он слотнул и взглянул через плечо на Арилана.— И Дугал. Как ты думаешь, они погибли, Денис?

Арилан устало вздохнул.

— Боюсь, что да, сын мой,— прошептал он.— А теперь скажи мне, какой Портал ты предпочтешь использовать с этой стороны? Я бы порекомендовал тот, что находится у тебя в кабинете.

Примерно через четверть часа они вошли в небольшое помещение за кабинетом, где скрывался Портал. Дункан прижал к себе плащ, чтобы Арилан уместился за ним на квадратной плите. Арилан освещал им дорогу серебристым магическим огнем.

— Мы никого не удивим на другом конце? — уточнил Дункан.

Арилан тихо хмыкнул, положив руки на плечи Дункана.

— Маловероятно, потому что Портал находится в моей личной часовне, но кто знает, что могло происходить в мое отсутствие? Отец Нивард, мой капеллан, имеет разрешение служить там мессу, но для нее уже поздно. В любом случае он... знает обо мне.

— Другими словами, ты его контролируешь, — сказал Дункан, улыбаясь, несмотря на то, что чувство потери не отпускало его. — Мне, конечно, не следует читать тебе проповеди, в особенности после того, что я сам неоднократно проделывал с отцом Шандоном. Но, предположим, там окажется кто-то еще?

— Если это так, я быстро доставлю тебя назад, сам вернусь в Дхассу, разберусь с ситуацией и вновь вернусь за тобой, — сказал Арилан, притягивая Дункана поближе. Теперь он шептал ему в правое ухо. — А сейчас закрой глаза, расслабься, и мы отправимся в путь. Не надо со мной бороться или, клянусь, в следующий раз поедешь на лошади. Если нам все-таки придется возвращаться туда и обратно, то это и так отнимет слишком много энергии, а у меня еще полно дел после того, как я доставлю тебя в Дхассу.

— А далеко добираться до места встречи Камберрианского Совета? — прошептал Дункан, не ожидая получить ответ. Как раз в это мгновение магический огонь затух у него перед закрытыми веками.

«Из Ремута или Дхассы?» — донесся ответ мысленно усмехнувшегося Арилана перед тем, как его ментальные силы обернули Дункана, подобно покрывалу или туману, а перед глазами появилась серая мгла.

Дункан почувствовал, как все в животе у него сжалось, а к горлу на мгновение подступила тошнота, но ощущения от прыжка значительно смягчились благодаря помощи Арилана. Только на мгновение Дункан почувствовал, что очутился в пространстве, куда не проникает даже горе, словно удалось оставить его в Ремуте. Но затем, когда Дункан открыл глаза в почти полной темноте, ощущение потери снова вернулось. Они уже стояли не там, откуда совершали прыжок.

— Ну, нам повезло,— прошептал Арилан.— Даже Ниварда тут нет, хотя я сейчас и отправлюсь искать его, чтобы он тебе помог.

— Что ты собираешься ему сказать? — спросил Дункан.

Они оказались в крошечной боковой часовенке, из которой открывалась дверь в главную часовню. Дункан предположил, что они находятся в Дхассе. Выставленные в ряд свечи в прозрачных стеклянных подставках высветили какое-то странное натянутое выражение лица Арилана, как раз перед тем, как он ступил в тень, собираясь идти в главную часовню.

— Не беспокойся: ему можно доверять. И ведь тебя нельзя назвать частным лицом,— тихо сказал Арилан.— Побудь тут несколько минут. Как раз запомнишь ощущения от этого Портала, пока я ищу Ниварда. И было бы неплохо, если ты хотя бы сделаешь вид, что молишься, на тот случай, если сюда кто-нибудь заглянет. Да и, думаю, настоящая молитва не помешает. Я недолго.

Он исчез до того, как Дункан успел задать еще один вопрос, оставив дверь в часовню чуть-чуть открытой. Дункан с минуту смотрел ему вслед, чувствуя себя несколько неуютно, затем перевел внима-

ние на покаявания Портала у себя под ногами. Визуально расположение этого Портала отмечал идущий кругом мозаичный рисунок, но Дункану требовалось узнать гораздо больше, чтобы он сам мог воспользоваться им в дальнейшем.

Встав на колени, он обеими руками провел по полу с двух сторон от себя, закрыв глаза и склонив голову, пытаясь выделить черты именно этого Портала, отличающие его ото всех остальных. Примерно через дюжину ударов сердца Дункан понял, что теперь в состоянии соединить и сбалансировать энергию этого Портала с энергией четырех других, известных ему. Это успокаивало, потому что он понимал, сколько физических усилий ему и так придется потратить в следующие несколько дней. Путешествие через Портал значительно сократит дорогу. Запоминая отличия этого Портала от других, он также немного успокоил сильно бьющееся сердце.

Он снял шапку и на самом деле стал молился, умоляя Бога, чтобы его сына и Келсона нашли живыми, когда услышал, как дверь часовни легко открылась. Его голова оставалась склоненной, и он еще притворялся молящимся, даже услышав, как к нему идут два человека.

— Познакомься с отцом Джоном Нивардом, — сказал Арилан тихим голосом.

Дункан встал и повернулся к ним, ожидая увидеть пожилого человека, держащегося с достоинством, но в удивлении понял, что отец Нивард молод. Фактически, он выглядел едва достигшим возраста, когда можно стать священником, не то что капелланом епископа со статусом Арилана. У Ниварда были пухлые розовые щеки, его голова с трудом достигала плеча Арилана, а темные жесткие кудри вились во-

круг тонзуры, подобно нимбу вокруг головы какого-нибудь языческого бога.

Дункан не смог определить, соответствуют ли глаза образу, потому что молодой священник скромно отводил их, когда на пару с Ариланом приблизился к Дункану, но руки у него были сильными и грубыми, какими они могут стать только от напряженной физической работы. Нивард склонился и поцеловал перстень епископа — Арилан представил Дункана под подлинным именем, назвав его сан. Еще больше молодости Ниварда Дункана удивили ментальные защиты, которых на мгновение коснулись собственные щиты Дункана, когда их руки соприкоснулись.

Боже праведный, неужели это один из священников Дерини, которых Арилан посвятил в духовный сан?

— Познакомиться с вами, Ваше Преосвященство,— большая честь для меня,— тихо сказал Нивард. В его голосе слышались благоговение и почтение, когда он поднял зеленые глаза, чтобы встретиться взглядом с Дунканом.— Епископ Денис сказал, что вам требуется помощь, и все должно быть сделано незаметно. Как я могу вам помочь?

Дункан сам испытал чувство благоговения, поднимая с колен молодого человека. Затем он посмотрел на Арилана, не выпуская руки юноши.

— Один из нас? — выдохнул он.

Улыбаясь, Арилан кивнул.

— Давай, проверь его защиты. Думаю, ты будешь приятно удивлен. Когда я нашел Джона, почти четыре года назад, он учился в семинарии и мучился совестью, потому что только начал понимать, кто он, и был уверен: ему придется отказаться от своего призвания. Он прошел достойный путь с тех пор — учи-

тивая все обстоятельства. Я посвятил его в духовный сан прошлой осенью.

— А, значит ты, можно сказать, еще совсем молодой священник? — сказал Дункан, снова обращая внимание на Ниварда.

— Да, ваше преосвященство.

— Тогда ты не против, чтобы я прочитал твои мысли?

Нивард сглотнул и кивнул.

— Нет, сударь.

Дункан уже отправил ментальный щуп в сторону защит Ниварда, затем остановился, когда зеленые глаза моргнули, едва импульс коснулся щитов.

— Ты уверен, что не будешь возражать? — повторил Дункан. — Я не должен этого делать. А ты не обязан мне позволять.

Рука Ниварда теперь дрожала под его рукой, но молодой человек только снова кивнул, украдкой поглядывая на Арилана в поисках успокоения.

— Я не боюсь, ваше преосвященство, — прошептал он, — просто я...

— Просто он не привык к тому, что кто-то проникает за его щиты, — пояснил Арилан. — Кроме меня, ты — первый из нас, с кем он познакомился. И, как мне кажется, наш отец Джон чувствует легкое благоговение перед тобой, Дункан. Джон, я могу выступить в качестве посредника, если хочешь, но я, в самом деле, думаю, что ты готов и без моей помощи. Уверяю тебя, у отца Дункана очень легкая рука — даже легче моей, если бы нас кто-то сравнивал.

— Возможно, нам, и правда, лучше подождать, — сказал Дункан. — Не уверен, что мои прикосновения будут такими легкими, если учитывать мое теперешнее состояние.

— Нет, ему пора учиться этому,— твердо ответил Арилан.— И я хочу, чтобы вы могли работать вдвоем, на тот случай, если тебе по возвращении потребуется его помощь. Джон, покажи ему расположение соборного комплекса. Это весьма специфическая тема и не опасная, а Дункану знание пойдет на пользу.

Все еще дрожа, Нивард сделал глубокий вдох, а затем выдохнул, как его учили, входя в легкий транс, перед тем как Дункан успел возразить. Дункан почувствовал, как очищается поверхность защит молодого человека и, повинуясь импульсу, поднял свободную руку, чтобы слегка дотронуться кончиками пальцев до век священника. Дополнительный физический контакт, вкупе с тем, что юноше не требовалось больше смотреть на Дункана, послужили во благо, и Нивард снял свои защиты. Дрожание прекратилось по мере того, как он показывал Дункану все, что велел Арилан, робко предлагая проникнуть поглубже, когда ненавязчивое касание не вызвало у него неприятных ощущений.

Дункан мгновенно воспринял всю передаваемую информацию, впитывая ее без колебаний, а затем, с позволения Ниварда, проследовал дальше. Для Ниварда контакт с легендарным Дунканом Маклайном оказался не таким пугающим, как он предполагал. Дункан не шарил в его сознании наобум, а следовал туда, куда позволял проникнуть Нивард, обретающий все большую уверенность. Когда Дункан вернулся к действительности, чуть позже Ниварда, и убрал руку с лица молодого человека, также отпустив его ладонь, на него внимательно посмотрел Арилан. На лице Ниварда сияла улыбка.

— Ну что, неплохо получилось? — спросил Арилан.— Подозреваю, во время контакта ты увидел гораздо большее, чем план собора, но, как я понимаю, ни у кого нет никаких возражений.

Дункан покачал головой.

— Хочу поблагодарить твоего ученика, Денис. Отче, мы должны еще разок это попробовать, когда я не буду таким усталым. А теперь, я думаю, мне следует трогаться в путь, если вы не возражаете. Мне нужна хорошая лошадь, указания для станций, где меняют лошадей, а также еда на день пути. Мне хотелось бы завтра в это же время быть в Короте.

— Чтобы вернуться сюда с герцогом Алариком? — выдохнул Нивард.

— Да. Можешь ли ты оказаться в том месте, откуда меня сегодня проводишь, через два дня и провести нас в эту часовню так, чтобы нас никто не узнал?

— Да, ваше преосвященство, конечно.

— На этом,— заметил Арилан, становясь внутри круглого мозаичного рисунка за их спинами,— я прощаюсь с вами обоими и отправляюсь заниматься своими делами. Отец Нивард, если кто-то спросит, меня здесь не было, и ты не слышал новость, которую принес Дункан.

— Да, ваше преосвященство.

Услышав эти слова, Арилан исчез, и в часовне осталось только два человека. Полчаса спустя Дункан уже сидел на спине крепкой лошадки, привычной к горным переходам; с собой у него была также сумка с едой, которой хватит, чтобы спуститься с гор и пересечь долину до Корота. Дункан уехал, а молодой священник остался размышлять обо всем, что с ним произошло. Его глаза светились от счастья.

Глава пятнадцатая

**Чист я, без порока, невинен я, и
нет во мне неправды¹**

В столицу владений Аларика Моргана, Корот, расположенную в дне быстрой езды на юго-восток от Дхассы, печальная новость, которую ехал сообщить Дункан Маклайн, еще не дошла. Сюда еще даже не пришла весть о кончине Тирцеля, потому что посыльный, отправленный Дунканом в начале недели, только сейчас сходил с корабля, вставшего на якорь в Коротском заливе. Посыльный считал, что ему повезло, вообще, добраться до цели: на море свирепствовали весенние штормы. Монах в зеленом одеянии каноника собора святого Георгия благодарил Бога за то, что погода, которая в Короте всю последнюю неделю была не лучше, в день его прибытия разъяснилась — первый день не шел дождь, ливший целый месяц.

Отдыхая в Коротском замке, прибывший неделю назад герцог Корвинский не имел ни малейшего представления о том, что к нему спешат посланцы — и только что высадившийся в гавани, и меняющий лошадей на пути из Дхассы. На самом деле в эти минуты события, происходящие в мире за стенами

¹ Иов 33:9

замка, его мало волновали. С Коротского залива дул холодный ветер, заывая под крышей и посвистывая за окнами, но в комнате, где у очага сидел Морган, было уютно и тепло.

По крайней мере, физически. Огонь весело играл в камине узкой комнаты, а жаровня на углях согревала его ноги в сапогах, на небольшом табурете. На улице сегодня рано утром, когда герцог выходил на свежий воздух, было морозно. Тогда Морган радовался, что он не зря надел подбитый мехом плащ, хотя накидка и не могла заменить сладкое тепло жены, которую он оставил в огромной кровати под балдахинном.

Но обычное приятное времяпровождение в ближайшие часы было маловероятно, даже если бы от него не требовалось исполнения обязанностей герцога. Риченда сейчас находилась в сильном возбуждении. За время его отсутствия накопилось много дел, с которыми он теперь и пытался разобраться. Более того, в замке, в герцогском зале, вскоре должна была собраться выездная сессия суда присяжных, и ему следовало к ней подготовиться. Это было нудным занятием, и оно не делалось приятнее от плохого настроения жены. Риченда ходила взад и вперед перед его столом и пыталась с ним спорить.

Вернее, говорила одна только Риченда, Морган же все-таки старался углубиться в разложенные на столе бумаги и счета, слушая только вполуха. Все эти аргументы ему не раз доводилось слышать и прежде. Морган проводил подсчет доходов всех поместий к востоку от Корта за последний год, выражаемых в наличных деньгах, натуральном обмене и несении службы, причем последнее было очень важным для

защиты восточных границ с Торентом. Именно этого требовал Келсон от герцога Корвинского.

И еще требовалось подумать о наследнике — гораздо более привлекательной проблеме с точки зрения Моргана, чем аргументы Риченды или доходы от поместий. Они с Ричендой уже решили назвать мальчика Келриком, одновременно в честь Келсона и самого Аларика. Вторым именем Риченда предлагала Алайн — это имя носил сам Морган, когда они встретились с Ричендой у места поклонения святому Торину. Сам же Морган предпочитал имя Ричард. Вероятно, парень получит оба.

Но когда Морган мечтал о той радости, которую испытает от появления сына в дополнение к маленькой дочери, которую ему подарила Риченда два года назад, его внимание все время отвлекалось от жены. Она не могла это стерпеть.

— Аларик, ты слышал хоть слово из того, что я сказала? — спросила Риченда, внезапно остановившись. Она уперлась руками о стол напротив него, ее голубые глаза сверкали.

Морган, в эту минуту думавший о новом укрепленном замке де Вали, в удивлении поднял на нее глаза. На ней было свободное синее платье, потому что она объявила о своем твердом намерении сопровождать его на заседание суда, несмотря на советы ее врача Рандольфа. Платье скрывало округлившийся живот и, видя ее такой, не верилось, что она собирается меньше чем через месяц подарить Аларiku его первого сына.

— Моя дорогая, я слышал каждое слово. Проблема в том, что я все это уже слышал и раньше, и у нас нет времени в это углубляться. Суд собирается через четверть часа.

— Времени никогда нет,— ответила она, со злостью поворачивая обручальное кольцо на левой руке.— Ты дома уже целую неделю, практически после месячного отсутствия. Ты всю зиму со дня на день откладывал решение вопроса, и я до сих пор не могу получить от тебя честного ответа. Мне что, применить мои способности и влезть тебе в сознание, чтобы выяснить, что тебя беспокоит, Аларик?

— Я говорил тебе: я не хочу больше это обсуждать,— ответил он, возвращаясь к доходу де Вали и опуская перо в чернильницу, чтобы сделать пометку.— А тебе не следует заниматься серьезными проблемами, когда тебе так скоро рожать.

— А, понятно,— отрезала она.— К мнению беременной женщины нельзя относиться серьезно, так? Ты считаешь это просто истерикой?

— Не истерикой, дорогая. Но тебе, на самом деле, не следует забивать этим свою хорошенькую голову. Через несколько месяцев после того, как родится ребенок, а ты восстановишь свое здоровье, мы поговорим об этом.

В следующее мгновение Риченда потянула на себя скатерть, которой был застелен стол, и чернильница, счета, бумаги, и все остальное, лежавшее на столе, полетело в разные стороны. Морган с ужасом наблюдал за происходящим. Он бросился, чтобы спасти чернильницу, пока она не грохнулась на пол, но вовремя остановился, поняв, что в таком случае к списку жертв добавятся его руки и герцогское одеяние, в котором он планировал появиться на заседании суда присяжных. Звук разбитого стекла только подчеркнул продолжающуюся тираду Риченды.

— Послушай меня, черт тебя побери! — кричала она.— Я — не племенная кобыла герцога! И не про-

сто украшение твоего двора! А я даже не являюсь хозяйкой своего собственного дома!

— Риченда!

Он поймал ее за запястье, когда она хотела его ударить, и Риченда разрыдалась.

Злость переполняла его, ведь разбросанные по полу вещи представляли потерянные часы работы: все бумаги оказались залепаны чернилами. Тем не менее он попытался притянуть жену к себе, чтобы успокоить.

— Риченда, ты понервничала и перевозбудилась,— тихо сказал он.— Это все твое состояние...

— Дело не в моем состоянии! С моим состоянием все в порядке! А если я перенервничала, то из-за тебя! Я не больна, и я не ребенок. Почему ты продолжаешь ко мне так относиться?

— Потому что ты ведешь себя, как ребенок, причем капризный! Посмотри, что ты наделала!

— А ты собираешься меня ударить? — попыталась поддеть его она.— Ведь именно так поступают с капризными детьми. Я залила твои драгоценные счета. Они, очевидно, значат для тебя больше, чем я.

— Ударить тебя? — Морган тут же ее отпустил.— Разве я тебя когда-нибудь бил или был с тобой неласков? Почему ты вообще могла о таком подумать?

Риченда наполовину отвернулась от него, с чувством собственного достоинства расправляя плечи.

— Похоже, я наконец смогла завладеть твоим вниманием,— сказала она холодно.

— Моим вниманием? — Морган в удивлении уставился на нее.— Риченда, мое внимание почти всегда привлечено к тебе. Ты никогда не покидаешь моих мыслей.

На ее глаза снова стали наворачиваться слезы, она опустила голову, глядя себе на ноги, в возбуждении сминая между пальцев складку платья.

— Аларик, я знаю, что ты по-своему любишь меня,— мягко сказала она.— Но твое сердце остается в Ремуте с королем и Дунканом, даже когда ты сам находишься здесь.

— Это неправда.

— Это правда, и ты знаешь это. Я не могу ставить тебе это в вину, потому что они были твоей семьей задолго до того, как я вошла в твою жизнь. Я знаю, как ты любишь их обоих. Твои обязанности герцога и члена совета требуют, чтобы ты определенную часть времени в году проводил при дворе.

— Но большую часть этого времени ты ведь тоже провела вместе со мной в столице,— ответил Морган.— Мы никогда не расставались очень надолго.

— Возможно, нет,— согласилась она.— Но теперь *здесь* — мой дом, Аларик.

— Ну, разве ты не жила тут последние полгода? И разве я не провел с тобой большую часть этого времени?

Она вздохнула.

— Даже когда ты находишься здесь, я не являюсь хозяйкой своего дома, поскольку здесь исполняются прежде всего желания хозяина. А когда тебя нет...

Морган скрестил руки, услышав это, потому что они вернулись к старому, очень старому разногласию, причину которого он никак не мог заставить себя объяснить Риченде.

— Почему ты не сделаешь меня регентом в мое отсутствие, Аларик? — спросила она. И почему ты никогда не отвечаешь мне на этот вопрос? Несомненно, после трех лет брака, ты должен не сомнева-

ться, что я знаю дела Корвина достаточно хорошо, чтобы править в твоё отсутствие. Я — внучка короля, ради всего святого! Я обучалась государственным делам, сидя у него на коленях! Как ты думаешь, я что, не управляла имениями Брэна, когда он отсутствовал? Разве я так плохо управляю землями Брендана?

Внутренне страдая, Морган взял её руку в свою, хотя и установил дополнительные ментальные защиты, чтобы пресечь любую её попытку прочесть его мысли.

— Нет,— тихо сказал он,— у тебя всё очень хорошо получается. И не сомневаюсь: ты бы не хуже справилась и с Корвином, если бы я сделал тебя регентом. И даже лучше, потому что ты живёшь здесь, и управляешь Марли издалека.

— Тогда почему?

— Пойдем сядем, и я попытаюсь объяснить тебе,— сказал он, притягивая её к скамье, установленной в нише с окном.— Или вам с сыном будет комфортнее в постели?

— Нашему сыну прекрасно там, где он есть,— ответила Риченда, оттолкнув его, когда он попытался увлечь её в спальню, хотя на лице и промелькнула легкая улыбка.— А его мать очень хорошо знает, что с его отцом не стоит ложиться в постель, когда она надеется выяснить что-то серьёзное и важное.

Морган тоже улыбнулся.

— Ну, разве я стану совращать женщину на восьмом месяце беременности?

— Уверена, мы смогли бы найти какое-то решение ко взаимному удовольствию,— ответила она игриво, подталкивая его к нише с окном.— Однако, хотя спальня, несомненно, была бы приятна, но наше

появление там может отвлечь кое-кого, и он не раскрывает то, что обещал.

— Я, вообще-то, ничего не обещал,— заметил Морган, когда она устроилась на скамье, подложив под спину подушку.

— Ты сказал, что объяснишь, почему не назначал меня регентом,— напомнила Риченда.— С моей точки зрения, это обещание.

— Хорошо.

Морган вздохнул, сел напротив нее, положив руки на колени, и принялся вертеть на пальце перстень с грифоном.

— Сегодня ты сказала, что даже не являешься хозяйкой этого дома,— начал он после нескольких секунд молчания.— В некотором смысле это так, хотя проблема лежит в другом, совсем не в том, что ты думаешь.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, слугам не потребовалось много времени, чтобы принять тебя, когда я привез тебя сюда как мою жену. Им платят за выполняемую работу, и — я ни в коей мере не хочу тебя оскорбить, но... подождеваю, они приняли бы почти любую женщину, которую их холостой хозяин привел бы сюда как свою герцогиню.

Риченда осторожно кивнула.

— На это потребовалось время, но ведь в первый год мы здесь практически не жили?

— Да. Дело и не в моих приближенных. Хиллари тебя обожает и, как я думаю, Гамильтон смотрит на тебя почти как на дочь, которой у него никогда не было. И мне не нужно оправдываться за господина Рандольфа или отца Тагаса, как мне кажется.

— Но все равно есть те, кто не принимает меня,— догадалась Риченда.— Но почему, Аларик? Я никогда не сделала твоим людям ничего плохого. Я всегда была предана и тебе, и твоим интересам.

— А, вот оно, ключевое слово — преданность,— сказал Морган.— И похоже, именно она и является предметом беспокойства младших из моих приближенных и воинов.

— *Моя преданность?* — Риченда была поражена.

Морган повернулся лицом к окну, желая, чтобы солнце, греющее его тело сквозь стекло, согрело и его душу. Ему не хотелось говорить Риченде то, что предстояло сказать.

— Твоя преданность,— повторил он.— Из-за Брэна.

Он искоса наблюдал за нею. Вначале он подумал, что она не уловит, к чему он клонит, а ему не хотелось все произносить вслух. Но хотя она побледнела и одна ее рука сжалась в кулак, который она спрятала в складке платья, думая, что он ничего не заметит, Риченда лишь на короткое время закрыла глаза, а затем сама повернула лицо к лучам солнца, струящимся в комнату из окна.

— Поскольку мой первый муж был предателем, они боятся, что я тоже вас предаю,— сказала она через несколько мгновений.

— В некотором смысле, да.

Она громко сглотнула, но не отвела своего застывшего взора от окна.

— Я не хочу говорить о нем ничего плохого, Аларик,— тихо сказала она.— Я знаю, что он умер в бесчестье, от руки Келсона — и у Келсона было не только право, но и долг сделать то, что он сделал. В конечном счете, это было милостью. Но Брэн Корис

являлся моим мужем и отцом моего первого ребенка, и он по-своему любил меня. И я не думаю, что он добровольно выбрал тот путь. До своего смертного часа я буду верить: Венцит Торентский склонил его к предательству.

— Это все равно не освобождает его от ответственности за свои действия.

— Конечно, нет. Брэн любил власть, и его жажда власти не была удовлетворена, когда он был одним из графов при дворе короля Бриона. Я знала это и принимала, ради мира между нами, и в надежде, что Брендан не пойдет по его стопам. Но предполагать, что я последую за Брэном в предательстве — это нелепо! Это противоречит здравому смыслу! Даже если бы твои люди подозревали меня в самых корыстных интересах, которые только можно представить, что я еще могу надеяться получить сверх того, что у меня есть? Я — жена самого могущественного человека в одиннадцати королевствах после самого короля — конечно, если только они не боятся, что я претендую на корону,— она в ужасе положила ладонь на его руку.— Аларик, они *так* не думают?

Морган беззлобно усмехнулся.

— Странно, но твоя преданность *Келсону* не ставится под сомнение, ну если только косвенно.

— Но вопрос все же стоит именно о преданности?

— Да.

— Но если не Келсону, то кому?

— Мне.

— *Тебе?*

Морган повернулся, посмотрел на нее и кивнул.

— Мне.

— Но почему? Я когда-нибудь давала тебе повод сомневаться во мне?

— Конечно, нет. Но теперь ты, наверное, понимаешь, почему мне так не хотелось обсуждать с тобой эту тему?

— Но какие у них основания сомневаться в моей преданности?

— Насколько я могу определить, основная причина именуется «Брендан»,— сказал Морган.

— Брендан?

— Дорогая, я не сомневался, что тебе не понравится этот разговор. Я надеялся, мне никогда не придется говорить тебе все это, потому что все это — сумасшествие.

— Но ведь он только маленький мальчик...

— Он — твой сын от другого брака,— прямо сказал Морган, прерывая ее.— Когда у нас первой родилась девочка, мои люди боялись, что ты когда-нибудь можешь попытаться отодвинуть ее и отдать Брендану предпочтение в Корвине. Корвин следует оставить для *нашего* сына. Я надеюсь, что после того, как родится Келрик, и станет известно, что я не намерен перемешивать наследства обоих мальчиков или лишать кого-либо из них того, что по праву принадлежит ему, возражения, в конечном счете, отпадут. В конце концов они оба будут твоими сыновьями — и у каждого будет имущество, которое он унаследует по праву.

— И твои люди, в самом деле, так считают? — переспросила она, все еще не веря услышанному.

— Не обязательно все из них, но стражники шепчутся об этом,— ответил Морган.— Или мне так говорят. И определенно не все из них, хотя, очевидно, их немало. Хиллари испугался вызвать общий бунт, ес-

ли оставить тебя регентом и что-то случится в мое отсутствие — независимо, по твоей вине или нет. Мои люди очень преданы мне, если ты этого еще не заметила.

— И они ожидают, что твоя жена — изменница, просто потому, что ее первый муж оказался предателем? Аларик, это несправедливо.

— Я и не говорил, что это справедливо, я просто повторяю сказанное. А поскольку на мне и так столько всего висит, у меня просто не было времени разбираться в деталях.

— Ты мог бы сказать мне об этом раньше, — надулась она. — Наверное, ты не представляешь, какие картины я рисовала, пытаюсь найти объяснение, почему ты не отдаешь мне должное как супруге. Я...

Стук в дверь прервал ее на полуслове, Морган пожал плечами, извиняясь, встал и прошел к выходу из ниши.

— Войдите.

Войти собиралась целая процессия: лорд Ратхольд, гофмейстер и главный костюмер, с короной пэра, которую взял в герцогской оружейной палате; лорд Гамильтон, сенешаль, и канцлер, лорд Роберт Тендальский. Последний был одет в соответствующее одеяние, чтобы присутствовать на выездной сессии суда присяжных. Замыкал шествие лорд Дерри, бывший военный помощник Моргана, а теперь его заместитель по Корвину. Он сопровождал посыльного в темно-зеленом одеянии монаха из Ремута. Но перед тем как Дерри смог провести посыльного мимо остальных, лорд Роберт с удивлением заметил разбросанные по полу бумаги.

— Ваша Светлость, что случилось? — спросил Роберт.

— Все необходимые цифры у меня в памяти, Роберт,— ответил Морган, выходя из ниши.— Не беспокойся по этому поводу. Одна из застёжек на этом проклятом рукаве зацепилась за скатерть, и все слетело. Я даже не успел сообразить, что происходит. Ратхольд, пожалуйста, пришли кого-нибудь тут убрать. Ведь и чернила пролились.

Он взял корону из рук пришедшего в отчаяние Ратхольда и надел на голову. Пожилой человек покачал головой.

— Не понимаю, как такое могло случиться, ваша светлость. Я всегда так тщательно проверяю вашу одежду...

— Ну, может, скатерть вначале зацепилась за что-то еще или я сам... В любом случае теперь это роли не играет. Просто распорядись, чтобы здесь убрали,— Морган прошел мимо него к посыльному, ждущему с Дерри.— Брат, ты что-то привез для меня?

Монах уважительно поклонился, затем протянул пару запечатанных посланий.

— Письма от епископа Маклайна и принца-регента, Ваша Светлость.

— Спасибо.

Поскольку монах назвал Дункана епископом, Морган понял, что новость, принесенная им, не касается лишения Дункана духовного сана или еще каких-то серьезных неприятностей, вроде решений синода. При физическом контакте с посыльным, когда тот передавал письма из рук в руки, Морган также не ощутил никакой тревоги монаха за Дункана. Поэтому Морган вначале открыл письмо Нигеля и стал читать его, повернувшись вполоборота и приподняв руки, чтобы Ратхольд мог надеть на него пояс, пристегнуть меч и поправить весь наряд. Статус Дунка-

на не являлся и темой письма Нигеля, но информация, полученная вместо этого Морганом, тем не менее, заставила его похолодеть. Он только два раза встречался с Тирцелем Кларонским, однако смерть любого члена Камберланского Совета не могла не повлиять на него.

— Плохие новости, мой господин? — спросил Дерри.

— Смерть,— тихо ответил Морган, просматривая до конца письмо Нигеля, но не находя ничего, кроме краткого рассказа о том, как Дункан обнаружил тело.— Скорее знакомый, чем друг, но в некоторых кругах он обладал большой властью.

Дерри кивнул.

— Я его знаю?

— Нет,— тихо ответил Морган.— Не думаю.— Он посмотрел на ожидающих его людей и решил, что должен прочитать письмо Дункана без свидетелей.— Пожалуйста, отправляйтесь в герцогский зал, господа. Я присоединюсь к вам, как только прочитаю второе письмо. И проследите, чтобы монаха хорошо накормили и разместили в гостевых покоях. Сделаете, Дерри?

— Прямо сейчас, сударь. Пожалуйста, следуй за мной, брат.

Когда они выходили, Морган повернулся спиной к входу и сорвал печать с письма Дункана. Он думал, что она содержит тайное послание, которое способен прочесть только Деррини, но такого не оказалось, хотя печать внизу страницы, рядом с подписью Дункана, и содержала его. Риченда приблизилась к выходу из ниши, услышав слова про смерть, и видя, как Морган читает письмо, пошла к мужу.

— Кто умер? — спросила она.

Морган не поднял на нее глаз, продолжая читать письмо Дункана, но протянул ей письмо Нигеля.

— Тирцель Кларонский. Очевидно, упал с лестницы и сломал шею — хотя не представляю, что он делал в том тайном проходе, идущем из старых покоев Келсона. Дункан практически повторяет то, что говорится в письме Нигеля; по крайней мере, от епископов нет никаких плохих новостей. Но в его печати заключено дополнительное послание.

Он коснулся печати кончиками пальцев, на несколько секунд закрыл глаза, делая глубокий вдох, чтобы войти в легкий транс, необходимый для прочтения дополнительного послания, которое отсутствовало на пергаменте. Дункан вкратце передавал, как нашел тело и сделал первичный осмотр, как привел Нигеля взглянуть на тело, как скакал в Валорет за Ариланом, реакцию Арилана, а затем как Арилан доставил их обоих назад в Ремут через Портал в ризнице Собора Всех Святых, к которому у Дункана теперь имелся ключ. Тело Тирцеля забрали на Камберианский Совет, но Дункану, к его огромному облегчению, не потребовалось туда отправляться, чтобы лично давать показания о том, как он нашел тело, хотя он позволил Арилану прочесть свои воспоминания, чтобы выяснить все подробности обнаружения тела. От Моргана не требовалось никаких действий, поскольку все указывало на случайную смерть, однако Дункан считал, что ему следовало быть в курсе.

Морган тяжело вздохнул, выходя из транса, позволяя Риченде выяснить то, что он сам почерпнул из печати, вручил письмо Дункана и позволил ей чуть дольше задержать свою руку в его ладони. Смерть Тирцеля сводила количество членов Совета к

шести — и это не могло не привести их к еще большому разъединению, как подсказывал опыт Моргана. Но, возможно, это переключит на некоторое время их внимание с Келсона, Дункана и его самого. Он не знал, не пытались ли они через Арилана повлиять на события в Валорете — но он знал, что Арилан был очень недоволен тем, что Дункан перед всем двором подтвердил свою принадлежность к Дерини. Однако теперь, возможно, они займутся поиском новых членов Совета и оставят Дункана в покое.

Морган подумал о месте заседаний Совета, вспомнив тот единственный раз, когда ему довелось там побывать, пытаясь мысленно представить его несколько минут спустя, входя вместе с Ричендой, держащей его под руку, в герцогский зал.

* * *

В помещении с куполом, расположенном на вершине отдаленной горы, за много миль от поместья герцога Аларика, шесть оставшихся членов Камберланского Совета на самом деле обсуждали Дункана, Моргана и короля — но не того короля, которого имел в виду Морган.

— Денис, факт остается фактом — Келсон мертв, и Нигель должен стать новым королем,— говорила Вивьен.— Это дает нам уникальную возможность вновь усилить влияние на род Халдейнов.

— Ну, зачем такая безжалостность? — спросил Баррет, непривычно резко.— В отличие от остальных из нас, Денис был близок к Келсону. Пусть минует приличествующий период траура.

— Если соблюдать «приличествующий» период траура,— сказала Кайри,— можно пропустить мо-

мент. Из четырех человек, определенных в помощники для передачи Нигелю всего могущества Халдейнов, трое заняты и не опасны, по крайней мере на следующие два или три дня. Это передает инициативу тебе, Денис. Вопрос в другом: можешь ли ты один передать силу Нигелю?

Арилан все еще чувствовал себя крайне усталым после колоссальных усилий, которые потребовалось приложить, чтобы несколько часов назад собрать Совет. Он прислонился затылком к высокой спинке стула и прикрыл глаза.

— Не знаю,— прошептал он.— В любом случае, я не считаю это разумным. Почему нельзя подождать Моргана с Дунканом?

— Не будь наивным,— сказала Кайри.— Это наш шанс разрушить власть, которую имел Морган над двумя предыдущими королями. Если мы не можем его контролировать и ты не позволяешь нам навсегда от него избавиться, то исключение его из помощников является, по меньшей мере, разумной альтернативой.

— А нужно сводить к этому? — спросил Арилан.

Баррет склонил лысую голову.

— Мы знаем, как ты к ним относишься, Денис,— сказал он.— Но Кайри права. Если ты передашь потенциал Халдейнов Нигелю, то это не даст нам большего контроля над ним, чем мы имели над Келсоном, пусть земля будет ему пухом,— он перекрестился, и это действие повторили остальные, с разной степенью искренности.— Но, по крайней мере, мы будем больше знать о происходящем, так что когда придет время Конала или одного из его братьев, мы получим большее влияние.

— Не уверен, что я смогу один это сделать,— повторил Арилан.— Да, наверное, во мне есть какие-то неведомые мне силы, способные передать могущество в подходящее время, но даже если я бы и был готов, Нигель сейчас не в состоянии его принять.

— Но он был готов стать королем, если бы с Келсоном что-то случилось во время прошлогодней кампании,— безразличным тоном сказала Софиана.

Арилан кивнул.

— Да, но это было прошлым летом. Кто мог подумать, что Келсон погибнет во время путешествия в поисках реликвий? Что он упадет в пропасть с проклятой тропы? После всего, что он пережил, умереть таким образом...

— Значит, Нигель подавлен? — нетерпеливо спросила Вивьен.

— Нет, но он очень сильно грустит. Он ошеломлен. Не знаю, как подойти к нему с этим вопросом.

Ларан в задумчивости поджал губы.

— Нужно небольшое вмешательство,— предложил он.— У нас есть снадобья, облегчающие процесс. Тебе доводилось и раньше давать их Нигелю. Я считаю, такая помощь определенно должна быть использована теперь, если ты один будешь пытаться передать ему магическую силу — чтобы не беспокоиться о физическом и даже психологическом сопротивлении.

С трудом подавив рыдание, Арилан сложил руки на столе перед собой и положил на них голову.

— Я не могу сейчас думать об этом, Ларан. Почему я не могу заставить вас понять это? Всех вас?

Его плечи затряслись, когда он дал волю своему собственному горю, впервые с тех пор, как всего несколько часов сообщил ужасную весть Дункану. То-

лько Софиана, поняв, что он молча плачет, сообразила: им всем следует покинуть комнату и оставить его на некоторое время одного. Она горевала вместе с ним, когда вела остальных вниз по лестнице в ритуальный зал под названием *киилъ*, чтобы там они молча помолились за упокой души мертвого короля.

Глава шестнадцатая

Наказывай сына своего доколе есть надежда, и не возмущайся криком его¹

С нечеловеческими усилиями, чтобы сдержать тошноту, Дугал заставлял себя жевать обгорелое вонючее конское мясо, запивая каждый кусок водой, потому что знал: ему нужно есть, или он умрет с голоду.

Ему никогда не нравилась конина, даже правильно приготовленная. При необходимости и в отсутствие достаточного количества припасов ему приходилось ее есть во время охраны границ. Более того, он терпеть не мог пережаренное мясо. А это было еще и тухлое. Он ел единственный кусок, который не испортился окончательно, после того, как пропекся на костре. Это помогло хоть как-то заглушить запах тления.

К сожалению, раздутый лошадиный труп уже наполовину прогнил, когда Дугал нашел его день назад, хотя день сейчас или ночь, не играло никакой роли в этом склепе вечной тьмы. Он нашел его по запаху, запутавшимся в корнях и ветках, не очень далеко вниз по течению от того места, где он все

¹Притчи 19:18

еще сидел над остающимся без сознания Келсоном. Это была лошадь Джована. Дугал видел, как она и всадник падали вниз с тропы. Казалось, падение произошло чуть ли не полжизни назад. Он гадал о том, повезло ли уцелеть Джовану.

А вот проводнику точно не повезло. Его тело Дугал тоже нашел, недалеко от утонувшей лошади. На голове имелись две смертельные раны, мозг вытек, обе руки и ноги были сломаны и их нельзя было бы вправить, даже если бы человек и не умер сразу от травмы головы.

Для монаха Дугал ничего не мог сделать, кроме как помолиться за упокой его души, но монах мог сослужить для него одну последнюю службу — или, скорее, для Келсона. Ряса под мокрым плащом была сшита из хорошей шерсти — теплой и легкой. Ее, конечно, требовалось постирать, потому что с телом брата Гелрика происходило то же, что и с мертвой лошадью. Но когда Дугал прополоскал рясу и высушил у костра, эта свободная одежда оказалась гораздо удобнее для Келсона, чем грязное платье, в котором он лежал уже непонятно сколько времени. Дугал делал все возможное, чтобы король оставался в сухости и чистоте, а также регулярно вливал ему в рот воду, но если Келсон в самое ближайшее время не придет в себя, у Дугала было мало надежд на то, что он выживет.

Лошадь также одарила его не только несколькими кусками горелого мяса: седельные вьюки каким-то образом остались прикрепленными к седлу и даже не развязались. Большая часть найденного добра не пригодилась бы никому, кроме утонувшего Джована, но Дугал обнаружил кресало, запасной ремешок и несколько кожаных полос, которые потенци-

ально можно было использовать. А с другой стороны седла — чудо из чудес! — нашлось крепкое яблоко, хотя и слегка подгнившее, и влажный кусок хлеба, начавший плесневеть.

Хлеб Дугал по крошкам скормил Келсону, отделяя плесень и заталкивая размоченные кусочки ему в рот, затем тут же вливая воду, чтобы облегчить глотание. Он попытался повернуть подобное и с яблоком, но это у него не получилось, и яблоко он съел сам, потому что не смел рисковать: Келсон мог подавиться, оставаясь без сознания.

Дугал как раз закончил обмывать Келсона — точно также, как делал со своим приемным отцом в последние годы жизни, и аккуратно надевал рясу мертвого монаха ему через голову, когда король издал стон, более громкий, чем когда-либо в последнее время, а когда ряса уже была на нем, открыл глаза.

— Что ты делаешь? — удалось ему прохрипеть слабым голосом.

— Келсон! Слава Богу, ты очнулся!

— Голова болит,— прошептал Келсон.— Пожалуй, меня вырвет.

— Нет, не вырвет,— тихо ответил Дугал, устраивая Келсона на боку. Одну руку Дугал положил на лоб Келсона, другую — на горло, а затем с легкостью пропустил ментальный импульс сквозь почти несуществующие защиты Келсона, чтобы остановить рвоту и сохранить в организме то малое количество пищи, которое Дугалу удалось втолкнуть в Келсона.— Не могу позволить тебе тратить энергию на такую глупость. Расслабься, и тошнота пройдет. Это от сотрясения мозга. Закрой глаза и дай мне поработать с тобой. Через пару минут все будет в порядке.

Дугал, в самом деле, справился за две минуты, а после этого впервые за долгое время Келсон наконец сам смог перекатиться на спину и посмотреть вверх на Дугала. Похоже, ему было трудно сосредоточиться.

— Дугал! — выдохнул он.

— Кто же еще, мой господин? — ответил Дугал, улыбаясь и с любовью проводя обеими руками по лбу Келсона. — Отдыхай. Все будет хорошо. Как ты себя чувствуешь?

— Ужасно. И я голоден, — прохрипел Келсон. — И пить хочу. Где мы? Что случилось?

— Где-то под землей, — Дугал отвинтил крышку фляги, поднял Келсона за плечи и приложил ее к губам, аккуратно поддерживая голову короля. — Мы упали с тропы в реку, и нас занесло куда-то под землю. Ты помнишь, как все началось?

Келсон отрицательно дернулся, все еще жадно припадая к фляге, а Дугал вздохнул.

— Ну, я не удивлен. Ты несколько раз ударился головой. Что последнее ты помнишь?

Келсон наконец оторвался от фляги, затем неуверенно посмотрел на друга.

— Ты, в самом деле, Дугал Макардри, да? — спросил он. — Боже, сколько же прошло времени...

В сердце у Дугала похолодело.

— Келсон, разве ты меня не знаешь? — прошептал он.

— Конечно, я знаю тебя. Но ты выглядишь гораздо старше, — затем взгляд Келсона упал на талию Дугала. — И на тебе белый рыцарский пояс. Тебе не может быть столько лет. Кто посвятил тебя в рыцари?

— Разве не помнишь? *Ты*.

— Я? Но...

Келсон на несколько секунд плотно прикрыл глаза, затем снова открыл их. Дугал с беспокойством наблюдал за ним.

— Дугал, какой сейчас год?

Дугал осторожно сглотнул.

— А как *ты* считаешь, Кел?

Келсон задумался на мгновение, затем сказал угрюмо:

— Если я все правильно помню, 1123-ий.

С мрачным видом поджав губы, Дугал покачал головой.

— Ты ошибся на два года. Сейчас март 1125-ого. Когда, как ты помнишь, ты видел меня в последний раз?

Келсон сморщился, стараясь сконцентрироваться, затем озадаченно покачал головой.

— Когда ты покинул двор после смерти твоего брата, как мне кажется. Я знаю, что ты не присутствовал на моей коронации.

— Нет, благословенная удача. Я сломал ногу за несколько недель до того и не мог путешествовать. По крайней мере, ты помнишь, что ты — король. Это уже что-то. Хотя очевидно, у тебя амнезия после удара головой.— Он снова положил одну руку Келсону на лоб.— Давай-ка я посмотрю, какие там у тебя провалы. Боже, твои ментальные защиты...

— Ты чувствуешь мои щиты? — воскликнул Келсон.— Но...

— Я тоже Дерини, Келсон,— сообщил Дугал.— Боже, полагаю, этого ты тоже не помнишь, как и... что Дункан — мой настоящий отец.

— Дункан? — слабым голосом переспросил Келсон.— Но как...

— Господи, сколько всего нам придется вспоминать,— тихо сказал Дугал, словно обращался сам к себе.— Просто расслабься, и я посмотрю, что можно сделать.

* * *

— Конал, мне хотелось бы поговорить с тобой.

Арилан ухватил Конала за рукав, когда они на пару с новым наследником престола вышли из зала, где проходили заседания совета, оставив Нигеля с Мерауд и Сэйром де Трегерном. Архиепископы Браден и Кардиель уже ушли вперед и сейчас отвечали на вопросы нескольких менее высокопоставленных лиц, которые стали возвращаться ко двору, когда распространилась весть о смерти Келсона.

Это не было обычным заседанием совета — собрались только семь человек, потому что Джахана оставалась в своих покоях с тех пор, как получила известие о гибели сына, а Дункан находился на пути в Корот. Масса гонцов была отправлена сообщить новость остальным старшим советникам короля. Нигель председательствовал вначале, но он все еще не освоился со сменой статуса и, казалось, то ли просто не желал, то ли был неспособен сам брать на себя инициативу.

Поэтому на долю Брадена выпало взять на себя функции председателя в отсутствие Эвана. Требовалось составить официальное сообщение об объявлении Нигеля королем, наследующим Келсону. Это, по крайней мере, вызвало хоть какую-то реакцию у Нигеля — хотя единственное, что он сказал, это что отказывается короноваться, пока не пройдет один год и один день или пока не будет представлено до-

казательство, что Келсон, в самом деле, мертв. Конал по большей части помалкивал, разумно считая, что сейчас не время привлекать ненужное внимание к себе. Ведь корона наконец оказалась реально достижимой, если он только проявит терпение.

— Давай выйдем в сад,— предложил Арилан, беря под локоть Конала. Прикосновение епископа-Дерини заставило сердце принца неистово и тревожно забиться, хотя он обнаружил, что в состоянии скрыть это лучше, чем когда-либо раньше. Его защиты, казалось, окрепли после возвращения из Валорета. Конал размышлял, с чем связано желание Арилана поговорить с ним: со смертью Келсона и с тем, что теперь силы Халдейнов должны проявиться в самом Конале — что он уже чувствовал — так как стал главным наследником престола? Возможно, и Тирцель, и Камберианский Совет были правы насчет Халдейнов.

— Что-нибудь не так, ваше преосвященство? — спросил Конал нарочито тихим и ровным голосом.

— Нет, все в порядке, просто мне хотелось бы спросить тебя кое о чем,— ответил Арилан.

Оглянувшись по сторонам, дабы убедиться, что никто их не видит, епископ открыл дверь, ведущую в сад, и вывел Конала наружу, ничего больше не говоря, пока они медленным шагом не дошли до центра, куда никто другой не мог приблизиться незаметно. Несколько человек гуляли в дальнем конце сада, трудно различимые среди деревьев, которые только-только начинали зеленеть после долгой зимы, но, вообще, сад оставался пуст. И хотя солнце ярко светило, высушивая последние лужи, оставшиеся от вчерашнего дождя, было холодновато. Конал сильнее закутался в черный плащ, когда Арилан остановился у засыпанного прошлогодней листвой фонтана.

— Предполагаю, ты мог понять,— тихо сказал Арилан без дальнейших вступлений,— что прошлой весной я имел некоторое отношение к передаче части потенциала Халдейнов твоему отцу перед тем, как Келсон отправился в поход. Я также думаю, ты не удивишься, когда я скажу тебе, что заметил и твое постепенное развитие в этом плане. Щиты и все остальное, как мне кажется, значительно усилились в тебе после смерти Келсона. Это неудивительно, поскольку Нигель теперь король, а ты — его наследник.

Конал почувствовал легкое, бархатистое прикосновение разума собеседника к своим защитам, но ментальный импульс не проник внутрь, хотя давление и усилилось перед тем, как ослабеть.

— Да, в самом деле. Спонтанное развитие силы Халдейнов,— прошептал Арилан, улыбаясь.— Мне говорили, что у Келсона ряд способностей тоже появился внезапно, перед смертью Бриона. Возможно, Тирцель все-таки был прав.

— Я... простите? — удалось выдавить Коналу, у которого в душе поднимался страх, хотя он и был уверен, что Арилан не мог этого прочесть.

— О, ты его не знал,— ответил Арилан.— Это был мой друг, который считал, что магическая сила Халдейнов может быть доступна одновременно нескольким представителям вашего рода. Мы все считали его сумасшедшим. Но это неважно. Играет роль то, что в тебе в самом деле проявятся некоторые из способностей Халдейнов, сами по себе или, возможно, от контакта с Дерини. Так что я считаю, ты сможешь помочь мне в одном очень важном деле.

Коналу стало не по себе.

— Помочь *вам*? — выдохнул он.

— Только косвенно,— сказал Арилан.— Но я получил задание от...— Он вздохнул.— Это глупо. Предполагается, что я не должен упоминать про Камберианский Совет посторонним, но ты ведь прекрасно представляешь, кого я имею в виду, даже если и не знаешь имен его членов. Уверен, Морган с Дунканом не испытывали угрызений совести, говоря о нем, хотя, надеюсь, они продолжают с уважением относиться к тайне имени членов. Они ведь упоминали при тебе Совет, не так ли?

Задерживая дыхание, Конал кивнул. Неужели ему удалось так легко избежать дальнейших разговоров о Тирцеле?

— В любом случае,— продолжал Арилан,— я стал одним из четверых, кто участвовал прошлой весной в передаче части могущества Нигелю. Тремя другими, как ты мог уже догадаться, были Морган, Дункан и Риченда. Все они сейчас находятся в Короте и чтобы добраться сюда им потребуется пара дней. Риченда, конечно, не станет путешествовать вообще, потому что ей скоро рожать, поэтому меня попросили самого окончательно передать силы Халдейнов Нигелю.

— Не дожидаясь Дункана и Моргана? — уточнил Конал.

Арилан сардонически улыбнулся.

— Совет... э... в настоящий момент не очень доверяет Дункану и Моргану. Я не могу объяснить тебе причины. Лично я не имею ничего против того, чтобы подождать их, но я... не могу все решать сам в этом вопросе.

— Вы выполняете приказы Совета,— сказал Конал, кивнув с пониманием.

— По большей части да.

Коналу все равно было не по себе, и он встал вполоборота к Арилану, поставив ногу на край фонтана, притворяясь, что изучает опавшие листья.

— Не уверен, что понял вас,— сказал он через несколько секунд.— Я-то тут причем? Я не Дерини. Я не знаю ничего, что могло бы помочь вам в этом деле.

— Нет, но ты — сын Нигеля и его наследник.

— Это только означает, что после того, как к нему перейдет полная сила Халдейнов, кому-то придется побеспокоиться, чтобы открыть *мой* потенциал,— ответил Конал.— Что говорит мой отец?

Арилан сплел пальцы на уровне талии и невидящим взором посмотрел на перстень епископа.

— Я обсуждал с ним этот вопрос, но он хочет отложить до коронации.

— До коронации? Но тогда ждать целый год — если все будет так, как хочет он.

И чем больше отсрочка, подумал Конал, тем больше вероятность, что его собственные силы подвергнутся более тщательной проверке, которую они не смогут выдержать, и связь с Тирцелем будет обнаружена.

— Я знаю,— сказал Арилан.— Ты думаешь, король Гвиннеда может выжить столько времени, не обладая всем потенциалом? Ты ведь знаешь, с какими врагами ему придется столкнуться после того, как станет известно о смерти Келсона.

— Вы имеете в виду Мораг и герцога Арьенольского? — спросил Конал.— Навряд ли он сумеет уцелеть.

— Точно такого же мнения придерживается и Совет,— сообщил Арилан.— Именно поэтому ты мне нужен, чтобы помочь убедить Нигеля: принятие им

полного потенциала должно произойти как можно быстрее.

— Без Дункана и Моргана?

Арилан приподнял брови.

— Если я правильно помню, ты однажды жаловался, что Морган с Дунканом обладают слишком большой властью в Гвиннеде и слишком большим влиянием на короля?

Конал в задумчивости поджал губы.

— Иногда, когда я был молод и глуп, я говорил что-то, не думая. Но что остановит *вас* от получения «слишком большого влияния», если вы будете единственным передающим полную силу моему отцу?

— Оч-чень тонко подмечено,— Арилан одобрительно кивнул.— Я не буду тебе лгать и говорить, что это невозможно. Определенная связь между королем и лицом или лицами, которые помогают ему овладеть потенциалом, на самом деле устанавливается. Однако я думаю, ты знаешь: я чту свои обеты, и я клянусь тебе, Конал, что моей целью является только сделать короля Нигеля более независимым от Моргана и Дункана, чем был король Келсон.

Они еще немного поговорили, обсуждая, какие аргументы Конал может использовать, чтобы убедить Нигеля изменить свое решение, затем Арилан ушел. Конал постоял в саду еще несколько минут, думая обо всех последствиях, и прикидывая, как он сможет повернуть ситуацию в свою пользу, затем медленно направился к другому концу сада, теребя между пальцами стебель засохшей розы. Он держал один палец на шипе, чтобы легкая боль заставляла его не отвлекаться от нужного предмета.

Но шагая по одной из тропинок, он увидел еще одну возможность повернуть последние события в

свою пользу. На парковой скамье в одиночестве сидела Росана, склонив голову над требником, открытым у нее на коленях, одна ее ладонь лежала на странице. Конал почти не узнал Росану в первое мгновение, потому что одеяние ее в этот день было черным, а не обычным голубым. Он надеялся, что смена одеяния не означает принятия еще более связующих обетов, поскольку теперь, когда Келсон убрался у него с дороги, Конал твердо намеревался сделать Росану из Нур-Халлая своей женой.

— Добрый день, госпожа,— тихо сказал он.

Она уставилась на него, подняв глаза от требника, очевидно, удивленная, затем начала вставать, но он остановил ее жестом и вместо этого сам сел рядом с ней. Она плакала и теперь стыдливо стала утирать слезы свободной рукой.

— Я заметил, вы поменяли одежду,— сказал он, глядя на рясу.— Это также означает смену чина пострижения?

Она быстро покачала головой.

— Мы носим траур по королю,— прошептала она.— Все из моего ордена. Я... не могу поверить, что он мертв.

Конал опустил глаза, притворяясь, будто изучает свои собственные черные одежды, хотя у него и не все одеяние было черным: пурпурный знак Халдейнов выделялся на груди туники.

— Хотелось бы мне уверить вас в обратном, госпожа,— вздохнул он через минуту.— К сожалению, я сам видел, как он упал. Никто не смог бы выжить столько времени.

— Я знаю,— ответила она очень тихо.

Он попытался очень легко прощупать ее сознание, запустив слабенький импульс, который можно

было бы ожидать от наследника Халдейнов, только-только получающего свою силу. Но Росана, казалось, не обратила на импульс никакого внимания. Ее защиты были практически опущены, и Конал заметил чувство вины, связанное с неким предметом, что она держала под рукой, хотя и не мог сказать, что именно там находилось. Но, возможно, ему удастся использовать чувство вины Росаны, и повернуть его таким образом, чтобы она сделала то, что хочет он.

— Лучше бы умер я, вместо Келсона,— тихо сказал принц, глядя в мертвый сад, хотя и продолжал наблюдать за Росаной уголком глаза.— Тогда эта ноша не пала бы на моего отца. По крайней мере, не сейчас.

Он услышал, как она резко вздохнула и содрогнулась. По этим признакам он понял, что выбрал правильный подход.

— Он никогда не ожидал и не хотел бремени короны,— продолжал Конал.— Как и я, хотя теперь когда-нибудь она будет моей.

Росана громко сглотнула, снова на грани слез, но Конал не жалел ее.

— Груз тяжел, госпожа,— прошептал он.— У отца есть моя мать, а рядом со мной нет никого. Мне... понадобится королева, чтобы когда-нибудь стоять рядом со мной. Может, это и не время спрашивать, но могу ли я надеяться, что ею будете вы?

— Я?

Она вскрикнула и в шоке подняла на него глаза.

— Пожалуйста, не отказывайте мне сразу, госпожа,— умолял Конал.— Подумайте хорошенько о том, чего я прошу. Я... знаю, что вы давали обет. Но обет — это временно. И я... также знаю, что вы... размыш-

ляли над тем, чтобы отказаться от него ради другого принца из рода Халдейнов.

— Кто вам сказал об этом? — потребовала она ответа.

Он почувствовал, как она пробует его защиты, но только укрепил их и встретился с ее ищущим взором, притворившись, что слегка отпрянул от давления.

— Пожалуйста, не надо этого делать, — прошептал он, немного расслабляясь, когда она прекратила свою попытку проникнуть в его сознание. — Я только сейчас начинаю осознавать, кто я.

— Простите меня, — прошептала она. — Я не стала бы давить на вас без разрешения.

— Я знаю.

— Но... кто вам сказал? — настаивала она.

— А как вы думаете? Келсон был моим кузеном. Мы часто беседовали. Я... знаю, как вы оставили его, и как он искушал вас в ночь перед нашим отъездом.

Все это в какой-то мере было правдой — на тот случай, если ей удастся определить, истину ли он говорит, и он не почувствует, как она это сделает. Роса на побледнела и виновато посмотрела на свою руку, все еще лежавшую на странице, и внезапно Конал понял, что там скрыто.

Затем ее сопротивление, казалось, рухнуло, плечи опустились, и она медленно взяла то, что лежало у нее под рукой и показала ему, держа на своей ладони. Это оказалось кольцо, подаренное Келсоном Сидане в день их свадьбы, сквозь него была продернута тонкая шелковая нить.

— Я не думала, что он кому-то расскажет, мой господин, — прошептала она. — И я не думала, что вы с ним были так близки. Возможно, Дугалу, но...

— Я никому ничего не говорил, госпожа,— мягко произнес Конал.— Ваша честь со мной в безопасности.

— Я не сомневаюсь в этом.

Она несколько раз повернула кольцо в пальцах, затем грустно посмотрела на Конала, с трудом сдерживая слезы.

— Вы верите в магию, мой господин? — тихо спросила она.

Он кивнул, не смея сказать ни слова.

— Конечно, верите,— прошептала она, отвечая на свой вопрос.— Вы — Халдейн, и ваша магия уже рождается в вас самом. Как вы можете не верить?

Она опять посмотрела на кольцо в своей руке и медленно покачала головой.

— Но иногда магия выбирает странный путь,— продолжала она.— Иногда, когда мы чего-то очень сильно желаем, мы можем взглянуть именно то, что желаем больше всего. Это встречается не так уж редко. Мне следовало это знать. Но я позволила себе по мечтать до того, как магия сработала. И я буду всю оставшуюся жизнь расплачиваться за свою самонадеянность.

Он склонил голову набок, глядя на нее, не совсем понимая, что она пытается сказать.

— Вашу самонадеянность?

Росана покачала головой.

— Кольцо не было подарено, как обязательство. Келсон сказал об этом очень четко даже до того, как вручил его мне. Оно было только символом того, что он оставил прошлое позади и готов думать о будущем. Он только начинал освобождаться от чувства вины из-за смерти принцессы Сиданы, хотя, конечно, его никто в ней не винил. Мы... говорили о воз-

возможности брака, когда он вернется, и у нас обоих будет время подумать. Но он просил меня не носить кольцо, потому что оно было помечено *ее* кровью.

— Так тогда о какой самонадеянности с вашей стороны идет речь? — спросил Конал.

Она грустно покачала головой.

— Иногда, мой господин, женщины позволяют себе мечтать о том, что могло бы быть. И иногда магия даже самой простой женщины оказывается достаточно сильной, чтобы побудить это случиться. Однако для одной из нас...

Сдавленное рыдание вырвалось у нее из груди, и она смогла продолжать только через несколько секунд.

— Неделю назад — наверное, это было как раз перед несчастным случаем — я позволила себе представить, как оно будет — выйти за него замуж. В этом не было зла. И то был не первый раз, когда я таким образом мечтала, хотя моя настоятельница испытала бы шок, узнав об этом. И отец Амброс был потрясен, вначале. Но затем я осмелилась надеть на палец кольцо Сиданы — несчастной обреченной принцессы — представляя, будто его надел король. Только на этот раз погиб тот, кто подарил кольцо — не та, кто приняла. Наверное... король погиб вскоре после этого.

— Но, несомненно, вы не думаете, будто это *вам* послужили причиной несчастья? — воскликнул Конал. — Это чужь!

— Правда? — она бросила взгляд на кольцо, затем скрыла его в ладони. — Мой разум говорит мне, что вы правы, мой господин, — прошептала она, — но в глубине души я никогда не буду в этом уверена. Я слишком хорошо знаю, какой могущественной мо-

жет быть наша сила — иногда, когда мы меньше всего ожидаем этого. Теперь, когда вы... приблизились к трону, я думаю, вы сами это со временем обнаружите. А судя по вашим защитам, я вижу: вы к этому приближаетесь. Бог даст, и пройдет много времени, перед тем как вам придется узнать всю силу — и вам никогда не придется сомневаться, как мне, гадая, уж не ваши ли силы погубили то, чего вы хотели больше всего.

— Значит, вы, в самом деле, намеревались выйти замуж за Келсона,— выдохнул Конал.

Она медленно кивнула.

— Письмо с просьбой снять с меня обет уже отправлено архиепископу Кардиелю, хотя, предполагая, оно могло и затеряться где-то между Ремутом и Валоретом, поскольку его преосвященство сейчас вернулся в Ремут. Однако в конце концов оно должно попасть к нему в руки. А когда попадет, я попрошу его не принимать это решение.

— Понятно,— тихо произнес Конал, который совсем потерял надежду, когда понял, что Росана намерена все-таки принять монашеский постриг.— Но разве они возьмут вас назад? Разве просто просьба о снятии обета не бросает тень на ваше призвание?

Она склонила голову.

— Я не буду говорить настоятельнице, что написала архиепископу,— ответила она.— Отец Амброс знает, потому что он в последнее время был моим духовником. Я полностью обсудила с ним этот вопрос. Но он связан тайной исповеди, и я попрошу архиепископа Кардиеля уничтожить письмо, когда он его получит, предпочтительно не читая его вначале.

— Пожалуйста, не делайте этого,— прошептал Конал.

— Почему нет? В дальнейшем я должна задуматься, не было ли все случившееся Божьим помыслом. Может, таким образом Он сказал мне, что хочет видеть меня своей невестой. Говорят, он ревнивый любовник.

— И я тоже могу быть ревнивым любовником, Росана,— сказал Конал.— Стань *моей* невестой.

— Вы не должны смеяться над Господом,— прошептала она.

— Я не смеюсь над Ним. Но я не думаю, что дух имеет большую необходимость в плотских вещах. Мне никогда не нравилось то, как юных девственниц одевают в монашеские одежды и они теряют юность и красоту в служении Богу, который не может оценить их очарования.

— Вы не должны богохульствовать, мой господин,— удалось ей прошептать, хотя она и не смела взглянуть на него. И она резко вдохнула воздух и закрыла глаза, когда Конал кончиками пальцев дотронулся до руки Росаны, сжимавшей кольцо Сиданы.

— Ты и я, Росана,— это плоть,— мягко произнес Конал.— Как я могу дать тебе понять, что делает со мной одно твое присутствие? Ты — это все, чего может желать мужчина. Я думаю, что хотел тебя с той самой минуты, когда впервые увидел. Я сдерживался только из-за Келсона. Но теперь он мертв и когда-нибудь я стану королем. И этот Халдейн не менее нуждается в тебе как в королеве, чем нуждался он. Ты нужна и Гвиннеду, Росана.

Ее лицо вспыхнуло, и она закрылась свободной рукой, прижав другую, с кольцом Сиданы, к груди.

— Не давите на меня, по крайней мере, этим, мой господин,— прошептала она.— Меня воспитывали с чувством долга. Я очень хорошо знаю, какой должна быть королева Гвиннеда, чтобы править рядом с королем Халдейном. Как вы можете об этом спрашивать, зная, что я вам рассказала?

Конал улыбнулся: сама Росана только что подсказала, какие следует представить аргументы, чтобы в конце она не смогла ему отказать.

— Я могу спрашивать, потому что сейчас, больше чем когда-либо раньше, знаю, сколько в тебе любви и сколько любви ты можешь подарить — как Гвиннеду, так и мужчине, за которого ты выйдешь замуж. С Божьей помощью, может быть, когда-нибудь мне удастся завоевать часть этой любви для себя. Но пока ты нужна Гвиннеду, точно так же, как нужна была Келсону, и ты нужна мне — по тем же причинам. Ты не должна отвечать мне сейчас, госпожа моя, но обещаю подумать об этом. Стань королевой, которая нужна Гвиннеду, чтобы помочь королю Халдейну. Но если ты, в самом деле, думаешь, что смерть Келсона отчасти произошла по твоей вине, тогда искупи грех, совершив то, о чем мечтала — только со мной, а не с Келсоном. Клянусь тебе, поменяется только имя короля.

Конал знал, что ставит слишком многое на такое эмоциональное заявление, и молился, чтобы она не отказала ему прямо и не вынуждала его перейти к шантажу — потому что в качестве последнего средства он сможет сказать ей, как видел все, случившееся между нею и Келсоном, и пригрозит открыть это ее настоятельницам и другим священноначальникам, соответствующим образом приукрасив. Тогда уж точно придет конец всем ее надеждам

получить разрешение в дальнейшем следовать религиозному призванию.

Но Росана и не приняла его, и не отказала ему за те несколько минут, которые они после этого еще провели в саду, и Конал почувствовал: она задумалась над его словами. Разговор прекратился, когда в другую часть сада зашли отец Амброс, настоятельница и несколько других монахинь из ордена Росаны. Очевидно, священник читал молитву, пока они шли медленным шагом. Росана тут же извинилась и обещала поразмыслить над его предложением.

Конал следил за ней в задумчивости, когда она поспешила присоединиться к остальным. Его голова болела после напряжения от этой встречи, но он был уверен: ей не удалось пробиться сквозь его защиты. Теперь ему следовало ждать следующей возможности вернуться к предмету их разговора и молиться, чтобы отец Амброс не раскрыл рта, и сама Росана не осмелилась больше говорить об этом ни с кем до тех пор, пока Кардиель не снимет с нее обет.

Да и на письмо Росаны к архиепископу также следовало бы взглянуть и выяснить, что именно там сказано. То, что он уже знал о ней, подсказывало: Росана должна была бы действовать осторожно и осмотрительно, и навряд ли точно указала причины, побудившие просить снять с нее обет. Но у Конала появлялся гораздо больший шанс добиться ее согласия на брак, если Кардиель решит, что ее мотив — это сомнение в выбранном призвании, а не намерение выйти замуж за Келсона.

К счастью, Кардиель был обычным человеком. Конал мог манипулировать им, если потребуется. Фактически за исключением Арилана — и Моргана с Дунканом когда они наконец вернутся — Конал счи-

тал, что при дворе нет никого, кем бы он *не* смог бы управлять. Ну, возможно, его отец составляет исключение. А если Конал также примет на себя хотя бы часть могущества Халдейнов вместе с Нигелем — а это, несомненно, возможно, раз он теперь наследник престола — то должны быть способы обойти и Нигеля, даже после того, как отец овладеет всей магической силой целиком.

Когда Конал встал и неторопливо пошел в жилую часть замка, он чувствовал все нарастающую собственную силу. Принц направлялся в покои отца, чтобы попытаться выполнить просьбу Арилана. Нигеля нужно убедить принять полный потенциал Халдейнов как можно скорее, чтобы положение Конала как наследника престола было подтверждено, а его собственные силы не так заметны.

А они росли. Несомненно, это было результатом смерти Келсона и теперешней близости Конала к трону. Однако любой рост часто сопровождается болями — в случае Конала это оказались головные боли, которые становились все чаще и чаще. И теперь у него болела голова. Тирцель, должно быть, слишком рано задействовал его потенциал, однако чтение памяти Тирцеля, несомненно, дало Коналу дополнительные возможности. Теперь принц был полностью готов принять так сказать официальную помощь, чтобы получить причитающееся ему наследство. После того, как в Нигеле раскроется весь потенциал, Арилану и другим придется подтвердить права наследника престола. О какое сладкое предвкушение!

Когда он поднимался по лестнице, его голова продолжала болеть, но он без труда отделался от боли, так как теперь ему не требовалось быть настороже рядом с Росаной. И нет необходимости беспоко-

иться о силах отца. Насколько мог понять Конал, Нигелю было далеко до его собственных способностей, несмотря на готовность отца принять оставленное Келсоном наследство — магическое и кровное.

Он нашел отца за письменным столом, встроенным в оконную нишу в спальне родителей. Нигель смотрел в окно, у него в руке застыло перо. На фоне черного траурного наряда принца-регента выделялись белые, как снег, лицо и руки, и седина на висках, блеснувшая в солнечных лучах, когда Нигель повернул голову, чтобы посмотреть, кто вошел. При приближении старшего сына новый король Гвиннеда улыбнулся, отложил в сторону перо и с огромным вздохом облегчения отодвинул в сторону кипу пергаментных листов.

— Слава Богу, Конал, ты спас меня от бесконечного потока корреспонденции, которую нужно подписывать и скреплять печатью. Писари, наверное, работали всю ночь, причем несколько дюжин писарей. Арилан еще хуже, чем Дункан. Наверное, ты не хочешь мне помочь?

Уныло улыбнувшись в ответ, Конал сходил к камину, взял зажженную свечу и присоединился к отцу за заваленным бумагами столом, поставив свечу на быстро освобожденное отцом место. Конал хотел поговорить только об одном из двух епископов, которых упомянул отец. Если он будет помогать запечатывать документы и займет руки делом, это поможет ему осторожнее выбирать слова.

— Да, тебе оставили целую гору, — заметил Конал, протягивая руку к сосуду с красным воском для запечатывания писем, а затем растапливая его над свечой. — Боюсь, что с подписыванием я не могу тебе

помочь, а вот с запечатыванием справлюсь. Какой печатью ты намерен пользоваться?

Нигель снял с пальца свой личный перстень-печатку и со вздохом положил на стол перед Коналом.

— Несмотря на то, что они говорят, я пока еще не король, сынок,— сказал он.— И, не побоюсь тебе сказать, я надеялся, что мне никогда не придется рассылать такие письма.

Он взял из кучи первое письмо и положил на стол перед Коналом. Красные густые капли упали на пергамент под подписью, к которой Нигель добавил латинскую букву «Р», означавшую *Princeps*, а не «R» — *Rex*.

Конал ничего не сказал, когда его отец опустил печать в горячий воск, оставив отпечаток своего собственного герба, а не причитающегося ему теперь льва Халдейнов. Было очевидно: Нигель осознает, как Конал внимательно наблюдает за ним. Отец натянуто улыбнулся, откладывая письмо в сторону, затем достал следующее, преднамеренно не встречаясь с взглядом серых глаз другого Халдейна.

— Я знаю,— мягко сказал Нигель, глядя, как воск капает на другое письмо.— Вероятно, я поступаю глупо, все еще надеясь, что Келсон жив. Но я *не хочу* быть королем. Если бы я считал, что смею это сделать, то серьезно подумал бы об отречении от престола в твою пользу. Но ты ведь тоже этого не хочешь? Конечно, ты достаточно молод, и мог бы рассматривать ответственность просто как вызов и приключение. Но наша знать никогда на это не согласится. И для человека, который когда-то был королем, нет другого места, кроме могилы.

Когда Нигель снова приложил печать к воску, Конал почувствовал прилив гнева: отец совсем не по-

нимает его желаний и стремлений! Но он заставил себя бесстрастно отогнать эту мысль. Во многих отношениях Нигель был абсолютно прав. Для двух королей в одном королевстве нет места.

— Бог даст, этот день долго еще не придет, отец,— тихо произнес он.— Я хочу обучаться государственным делам рядом с тобой, и это меня полностью устраивает. Однако мы оба должны кое-что освоить. И ты, в особенности, не можешь это слишком долго откладывать.

— А, я вижу, Арилан и до тебя добрался,— заметил Нигель.

— Он прав в том, что наши враги не будут ждать, узнав о смерти Келсона,— ответил Конал, внешне сосредоточив все свое внимание на следующей печати, хотя его защиты непроизвольно окрепли.— Наши враги как раз и надеются на то, что ты пока не станешь принимать могущество Халдейнов.

Он осторожно запустил ментальный шуп, ожидая встретить прочные щиты, но импульс прошел, не остановленный и не обнаруженный, сквозь практически не существующую защиту. Нигель только покачал головой в ответ на замечание Конала, беря следующее письмо.

— Не думаю, что они так скоро начнут нас проверять. В Торенте об этом еще не могут знать. Даже Морган узнает о случившемся где-то завтра или послезавтра — а Дункану не пришлось скакать на лошадях отсюда в Дхассу. Обычным курьерам потребуются гораздо больше времени, чтобы пересечь границу с Торентом.

— Отсюда,— согласился Конал.— Но не с севера, где все произошло. Мы четыре дня ехали из аббатства святого Беренда через Валорет, но следует учиты-

вать, что новость могла распространяться и прямо оттуда. О случившемся знают все монахи из аббатства. Мы сами отправляли посыльного к графу Истмаркскому — вот уже еще хотя бы один. Он должен был передать новость в Кардосу. А дойдя до Кардосы, новость в течение нескольких часов распространится по Торенту — как только какой-нибудь агент Торента, Дерини, или со связями в кругах Дерини доберется до ближайшего Портала.

— Ты рисуешь довольно мрачную перспективу,— заметил Нигель, опять беря следующее письмо.— Но я все равно думаю, что мы можем отложить любые решения до возвращения Дункана и Моргана.

— Почему бы не позволить Арилану провести ритуал, и дело с концом? — спросил Конал.— Он говорит, что в состоянии это сделать без Моргана с Дунканом. И он не так сильно переживает смерть Келсона, как мы все. Он может оказаться лучшим выбором в любом случае, как лицо незаинтересованное.

Нигель вздохнул, отложил в сторону печать, положил сжатый кулак на бедро и посмотрел на Конала.

— Он тебе это сказал или ты сам догадался?

Внезапно Коналу стало не по себе, причем он не мог сразу же четко определить причину дискомфорта. Отодвинув сосуд с красным воском, он затушил свечу и поставил ее рядом с перстнем отца.

— Что ты имел в виду? Он, в самом деле, менее взволнован.

— Да, в том, что касается смерти Келсона, возможно,— допустил Нигель.— Но я бы не стал называть его незаинтересованным лицом. Он ведь член Камберланского Совета.

— А это какое имеет значение в данном деле?

Нигель пожал плечами, затем скрестил руки на груди.

— Не уверен. Нет ничего, на что бы я мог четко указать пальцем. Но они были в смятении из-за смерти Тирцеля. Келсон ведь сказал тебе, что одного из советников нашли мертвым, прямо здесь в замке?

У Конала появилось ощущение, словно холодная рука сжала его сердце, и ему пришлось отвести глаза, чтобы не передать свое напряжение отцу. Он надеялся, что Нигель не заметил мгновенную панику, охватившую его, когда принц только услышал эти слова. Конал не ожидал поворота разговора к Тирцелю Кларонскому.

— Он упомянул, что кого-то важного нашли мертвым, но не сказал кого, заметив только, что я его не знал.

— Нет, ты не мог его знать,— тихо сказал Нигель.

Но у него в мозгу промелькнуло странное смятение. Все еще оставляя свой импульс глубоко за слабыми щитами отца, Конал не увидел ни следа настоящего подозрения — пока — однако он следил за цепочками, которые выстраивал Нигель, пытаясь связать слова Конала с удивлением, промелькнувшим на мгновение на лице сына. Конал боялся, что недооценил отца, и прикидывал, не поздно ли перекинуть луч сомнения на Дугала.

— На самом деле Келсон очень мало говорил об этом,— продолжал Конал.— У меня сложилось впечатление, что дело не должно меня касаться, поэтому я и не проявлял любопытства. Однако, как я помню, и Дугал получил письмо. Кажется, он очень расстроился. Он знал того человека?

— Это нам неизвестно,— ответил Нигель.— Дункан так не думал. Но тело нашли в тайном проходе, ве-

дущем из покоев Дугала во двор базилики. Только несколько человек знали о его существовании.

— Ну, очевидно, знал и этот Тирцель Кларонский,— заметил Конал.— Как бы иначе он в него попал?

Слишком поздно Конал понял, что роковое имя только что вылетело у него из уст. Он ощутил спазмы в животе, увидев, как изменилось лицо Нигеля.

— Я никогда не упоминал полное имя Тирцеля, сын,— прошептал Нигель.— Откуда оно тебе известно?

— Ну... наверное, его называл Келсон,— соврал Конал, в отчаянии пытаясь отступить и замести следы.— Может, его упоминал Арилан.

— Нет, Арилан никогда бы не назвал его тебе, и ты уже сказал мне сегодня, что Келсон не называл имя усопшего, так как ты не мог с ним встречаться. Конал, ты знаешь об этом больше, чем говоришь мне? Не лги мне, сын.

Конал мгновенно понял: Нигель знает, что он запустил сквозь защиты отца ментальный импульс, и в ужасе осознает, как далеко тот проник. Часть его пронзенного разума напряглась, изгоняя захватчика, но Конал также понял, что отец попытается воспользоваться своей способностью узнавать, говорит ли человек правду или лжет.

Конал не мог позволить этому произойти. Он подавил попытку отца, обернув часть собственного разума вокруг той части разума Нигеля, которая хотела установить контроль над сыном, и понял: Нигель догадался, что он задумал.

— Конал, что ты делаешь? — удалось выдавить Нигелю, который ухватился за край стола, придя в ужас от вторжения сына. В его серых глазах стояла боль и

смятение.— О, Господи, ты *знал* его. И он дал тебе силу? Боже праведный, он дал тебе могущество, и ты убил его?!

Конал не был уверен, откуда пришли знания и сила — он только чувствовал, как она вскипает где-то внутри него, свертываясь в кольцо, чтобы ударить. Он был бессилен остановить ее. Позднее, когда у него было время подумать, он пришел к выводу, что ее могло разбудить чтение памяти Тирцеля: он пережил быструю смену ментальных образов, которых в его личном опыте не было, но намекали они на прошлые схватки магической силой.

Однако несмотря на догадку об источнике своей новой силы, он не имел над ней власти. Это был инстинкт самосохранения, не смягченный жалостью или даже осознанием того, что он собирался ударить своего собственного отца и почти наверняка убить его. И хотя, он надеялся, ему удалось в самое последнее мгновение отвести часть смертельного удара, он не представлял, какой будет эффект.

Конал с ужасом смотрел, как руки Нигеля оторвались от стола, за который держались, и поднялись вверх в бессильном жесте — отец пытался отгородиться от удара; потом он попытался встать, его красивое лицо исказилось от боли, затем руки сжали поседевшие виски в безмолвной агонии. Казалось, что это продолжается часами, хотя на самом деле не прошло и тридцати ударов сердца, причем в быстром ритме — Конал чувствовал, как оно начинает биться все быстрее и быстрее.

Когда принц, наконец, почувствовал, как поток силы спадает, по-прежнему, помимо его воли, Нигель стал медленно падать, точно срубленное дерево. Конал смотрел, замороженный, как обмякшее тело

отца рухнуло на пол. Конечности все еще слегка подрагивали, стул, на котором он сидел, перевернулся, красивое лицо побледнело, в серых глазах теперь стояла пустота, и выражение невыносимой боли.

Глава семнадцатая

**И будут рыдать о Нем,
как рыдают об единокровном сыне¹**

Келрик бился ножками. Морган прижался ухом к огромному животу жены, в котором пока находился его неродившийся сын, потом в удивлении посмотрел на Риченду, улыбаясь, когда Келрик снова стукнул ножкой. Риченда сморщилась от боли.

— Наш сын сегодня утром ведет себя слишком бойко,— заметил он.

— Он вел себя слишком бойко большую часть ночи,— ответила Риченда.— Мне кажется, он поворачивается. Наверное, в конце срока ребенку в животе становится слишком тесно. В любом случае, он может и не ждать еще три недели, чтобы появиться на свет.

Морган сел в беспокойстве.

— Пришло время? Мне послать за Рандольфом?

— Аларик...

Она рассмеялась, взяв его лицо в ладони и качая головой. Риченда рассеивала его беспокойство, побуждая и жестом, и мысленно устроиться повыше в кровати, чтобы она могла поцеловать его. Он удов-

¹ Захария 12:10

летворенно вздохнул, когда прижался к ней, уткнув лицо ей в плечо и обнимая раздутый живот.

— Я знаю,— тихо сказал он, глядя на полог, закрывающий кровать.— Я слишком много беспокоюсь. Но интересно, понимаешь ли ты, как ужасно для мужчины знать, через что должна пройти его жена, чтобы подарить ему ребенка, и волноваться, переживет ли она это испытание.

— Дорогой мой, мне уже доводилось делать это дважды...— запротестовала она.

— Да, и меня не было рядом оба раза,— сказал он, потираясь небритой щекой о ее руку и с лукавой улыбкой приподнимая голову, когда она опять запротестовала.— Ну, ты же не дождалась меня в предыдущий раз,— продолжал он.— И не моя вина, что первого ребенка ты родила не от того мужа. Если бы ты вела себя разумно и с самого начала вышла за меня замуж, то все сложилось бы по-другому.

— Ты не предлагал,— возразила Риченда.— Более того, Брендан не был бы Бренданом, если бы ты оказался его отцом. Он был бы очень милым и необыкновенным — но он был бы другим.

Морган кивнул, соглашаясь.

— Да, это так. Ну, малыш Келрик будет другим, это определенно. И несомненно необыкновенным, как и его мать.— Он снова в задумчивости посмотрел на ее живот.— Интересно, что он думает в эти минуты? Вообще интересно, думают ли дети до того, как появятся на свет.

— Ну, если он что-то и думает, я надеюсь, это: «Как жаль, что я создаю своей маме столько трудностей сегодня утром»,— грустно ответила она.— Наверное, я спала только пару часов. По крайней мере, он сейчас вроде бы успокаивается. Может, удастся уго-

ворить лорда Ратхольда, чтобы кухарка послала завтрак наверх, а затем, пока я подремлю, я позволю тебе разбираться со своими драгоценными подданными. В любом случае, они прекрасно обойдутся без меня и не заскучают. Да и женщине, которая, как кажется, может в любую минуту лопнуть, трудно выглядеть серьезной.

— Дорогая, ты так не выглядишь! В том смысле, что готова лопнуть в любую минуту! — с негодованием запротестовал Морган, снова садясь и не спуская с нее глаз.

— Зато я чувствую себя именно так. Аларик, ты не представляешь...

— Помолчи минутку, любимая,— прошептал Морган, дотрагиваясь кончиками пальцев до ее губ и прислушиваясь к звуку шагов, избегающих по лестнице, находящейся рядом с дверью. Как только в дверь постучали, он тут же взял халат.

— Ваша светлость! О, пожалуйста, Морган, открой немедленно!

Это был голос Дерри, возбужденный и полный эмоций, и Морган, вскочив с кровати, бросился к двери, на ходу надевая халат — еще до того, как стук прекратился.

— Иду, Дерри. Что случилось?

Он откинул защелку и раскрыл дверь, а потом замер на месте от удивления, увидев, что рядом с Дерри стоит Дункан, пропахший лошадиным потом. Он выглядел так, словно весь мир прекратил существовать.

— Дункан?

— Келсон,— выдавил из себя Дункан.— И Дугал. Произошел несчастный случай.

* * *

«Бог мой, что же я наделал?»

Конал, все еще не веря, прижал кулаки к вискам и смотрел на лежащее неподвижно тело отца. Какое-то время он был в шоке и сам не мог пошевелиться, затем встал на колени рядом с трупом.

Принц не знал, что на него нашло. Он не соби-
рался причинить Нигелю зло. Сила, атаковавшая его
отца, поднялась без усилия и приглашения в ответ
на панику. И он не мог контролировать эту силу.
Случившееся было подобно магическому удару, на-
несенному Келсоном Кариссе во время той страш-
ной схватки в соборе в день коронации Келсона. Ко-
нал хотел получить весь потенциал Халдейнов, и он
приложил значительные усилия, чтобы приблизиться
к цели, но он никогда не думал, что за это могуще-
ство придется заплатить *такую* цену.

Но каким-то чудом, которое Конал никак не мог
объяснить, Нигель, совершенно неготовый к атаке
сына, все еще оставался жив, несмотря на сильней-
ший удар. Его дыхание было слабым и прерыви-
стым, кожа липкой от пота, и он не реагировал ни
на какие попытки Конала поднять его, но на шее
прощупывался слабый пульс. Во рту Нигеля была
кровь: он прикусил язык, когда забился в конвульси-
ях, и Коналу пришлось закрыть невидящие глаза, по-
тому что сами по себе они не хотели закрываться.

Но хотя пульс стал ровным через минуту или две,
ничто другое в состоянии Нигеля не менялось. Ко-
нал с опаской попытался прощупать его мозг и об-
наружил только туман, который бывает в голове у
человека, пребывающего без сознания. В памяти
блуждали тени обширной травмы, нанесенной телу

и разуму, но даже Конал, зная, что искать, не обнаружил никакой подсказки на то, как все случилось или по чьей вине.

Собственное сердцебиение Конала стало успокаиваться, когда он понял: его, по крайней мере, не смогут ни в чем обвинить. Отстраненная, незнакомая часть его стала хладнокровно разрабатывать версию, при помощи которой он объяснит состояние отца, не беря никакой вины на себя. Кое-что из доводов и логических ходов был подсказано воспоминаниями мертвого Тирцеля Кларонского, как с испугом и удивлением обнаружил Конал.

Ему доводилось видеть людей в похожем состоянии и раньше — обычно более старшего возраста, чем Нигель, которому еще не исполнилось и сорока — но случалось, и более молодые оказывались в подобном положении. Врачи расходились во мнении, возлагать ли вину на мозг или сердце. В любом случае, последствия были очень похожи на те, которые Конал сейчас наблюдал у отца. Выздоровление, если вообще человек выздоравливал, проходило очень медленно и тяжело, и жертва могла несколько дней, недель и даже месяцев лежать без сознания, а потом долго оставаться парализованной и лишенной способности говорить, причем последнее могло длиться вечно.

Но в случае отца было одно исключение: Конал знал, что эта жертва не пойдет на выздоровление, пока кто-то не сможет повернуть вспять содеянное им. Сам он не представлял, как повернуть процесс вспять, потому что, вообще, не мог объяснить, как привел отца в это состояние. А если кто-то другой выяснит истинную причину состояния Нигеля, то в

конце концов придет к выводу, что во всем виноват Конал.

Значит, он не должен допустить, чтобы кто-то узнал о его участии. Чувство вины усиливалось с каждым новым, ужасным поступком, совершенным им, но он не смел признаваться — особенно сейчас, когда корона была в пределах досягаемости.

Раз Келсон мертв, а Нигель на неопределенное время вышел из строя, значит, Конал становился самым могущественным человеком в Гвиннеде. Возможно, он фактически еще не являлся королем, потому что по праву королем считался Нигель, пока остается в живых, и Конал не хотел смерти отца. Но Конал, несомненно, являлся логическим выбором на пост регента — становясь королем во всем, кроме титула.

Мысль имела удивительное очарование — король Конал. И даже регент Конал звучало неплохо. Осталось только пережить грядущие пару часов, когда обнаружат отца, и не дать никому намека, что сын имел к его теперешнему состоянию какое-то отношение.

Он поблагодарил Бога за то, что Тирцель в свое время приложил немалые усилия, дабы установить в его сознании прочные защиты, так что даже никто из Дерини не сможет проникнуть в его разум. В ближайшее время единственным Дерини, с которым ему придется столкнуться, будет Арилан, но даже он более не внушал Коналу страх. Принцу потребовалось всего несколько секунд, чтобы запечатать свое новое чувство вины вместе с несколькими предыдущими там, где Арилан до них никогда не доберется. Затем, сделав глубокий вдох, он бросился к двери, с

силой распахнул ее и закричал, стоя на верху винтовой лестницы:

— Стража? Стража! Немедленно приведите врача! У моего отца удар!

* * *

Морган, как парализованный, сидел рядом с очагом в спальне, Риченда прильнула к нему, молча сжимая его руку и глядя на мужа расширившимися испуганными глазами, когда они оба слушали, как Дункан еще раз повторял детали случившегося. Дерри взял табурет и расположился чуть поодаль, а Дункан занял резное кресло Моргана, отпивая маленькими глотками подогретое вино из кубка, которое принес паж. Но, казалось, он не чувствовал вкуса.

— Это все, что я знаю, Аларик. Пусть поможет мне Бог, я тоже не могу в это поверить, но это должно быть правдой. Я допросил всех свидетелей перед отъездом — и я имею в виду то, что говорю. По-настоящему допросил. По крайней мере один видел своими глазами, как Келсон врезался в камень, когда упал в воду. Они говорят, что Дугал вроде бы плыл, когда его видели в последний раз, но их с Келсоном подхватил водопад. Черт, все, кто свалился в воду, попали в этот водопад. И если, по счастливой случайности, кому-то удалось пережить это, река уходит под землю, чуть дальше того места. Так что ты или разбиваешь голову о камни, или тебя засасывает вниз, и ты тонешь. Или и то, и другое.

— Но ты сказал: один человек выжил,— напомнила Риченда.

— Да, но только чудом,— ответил Дункан.— Молодой оруженосец Келсона, Долфин. Они оставили его

в аббатстве святого Беренда — пока не выздоровеет, чтобы путешествовать, но на это потребуется несколько недель. Как говорит отец Лаел, парень может навсегда остаться калекой.

— Но другие тела они нашли,— заметил Морган. Дункан кивнул.

— Одно. И пару мертвых лошадей. Но ни следа монаха-проводника, Келсона или Дугала.

Морган прикрыл глаза, нежно проводя рукой по щеке Риченды, потому что это его хоть немного успокаивало, но он не позволял ее разуму коснуться своего. Он должен оставаться отстраненным от случившегося. Если он сдастся и позволит себе признать, что Келсон мертв, то его подавит скорбь, и он не сможет никому помочь, пока она не пройдет. Судя по тому, что рассказал Дункан, Келсон вероятно на самом деле мертв, хотя, как было в случае с Брионом, Морган считал, что он бы почувствовал, если бы король умер. Но пока никто не обнаружил тело Келсона, Морган должен сохранять надежду и пронести ее через все, что он должен будет сделать, чтобы бразды правления Гвиннеда оставались в надежных руках.

А если Келсон все-таки мертв — и в таком случае ни Морган, ни Дункан, ни кто-то другой ничего не смогут для него сделать — то в Ремуте есть новый король, которому потребуется их помощь. И их основной задачей должен стать Нигель. Только после того, как власть и магия полностью перейдут к нему, Морган с Дунканом смогут позволить себе горевать.

— Для тебя это особенно трудно,— сказал Морган Дункану, наконец поднимая глаза.— Беспокоясь о Келсоне, боюсь, я упустил, что ты ведь также потерял и сына, а не только короля. Мне очень жаль, Дункан.

Дункан отрешенно пожал плечами.

— Это естественно. Я знаю, ты и не думал с пренебрежением относиться к Дугалу. Как ты считаешь, остается ли хоть какой-то шанс, что они все-таки живы?

— Ты хочешь, чтобы я ответил сердцем или разумом? — спросил Морган.

— Тогда давай пока не будем отвечать, хорошо? Мы оба знаем нашу главную задачу. Нам нужно вернуться к Нигелю.

— Да. С другой стороны, мы просто не можем оставаться в стороне, предполагая, что Келсон и Дугал мертвы. От этого зависит слишком многое. Нам нужны доказательства.

— Я надеялся, что ты придешь к такому мнению,— прошептал Дункан, болезненно сглотнув.— Что ты хочешь сделать?

— Ты же знаешь про глубинную связь. Попробуем добраться до них.

— Я помогу,— сказала Риченда.

Благодарно улыбнувшись, Морган покачал головой, похлопав ее по руке.

— Не отсюда, дорогая. Отсюда слишком далеко, даже если они и живы. Нет, я думал сделать это из Дхассы.

— Значит, я отправлюсь с вами в Дхассу.

— Не смейся. Ты не в том состоянии, чтобы путешествовать.

— И ни один из вас не в том состоянии, чтобы пойти на подобное без чьей-либо помощи,— возразила Риченда.— От Дхассы до территории аббатства святого Беренда все равно далековато. А если они ранены...

— Ты с нами не поедешь, и это окончательное решение,— сказал Морган, выпуская ее руку из своей и

поднимаясь.— Кроме того, кто-то из Дерини должен остаться здесь из-за Мораг. Я, конечно, и так прошу от тебя слишком многого, учитывая твое положение.

На лице Риченды появилось недовольное выражение.

— Я уже говорила, что это не такой важный фактор, каким ты упорно его представляешь. Беременная женщина — не инвалид, ради всего святого. Даже когда начнутся роды, я просто отвлекусь на несколько часов. А насчет Мораг мы уже все решили. Дерри знает, что делать, когда придет время.

— Одно дело, когда ты здесь. И совсем другое, если ты понесешься со мной в Дхассу — и там, в любом случае, не место для беременной женщины-Дерини, в этой обители нетерпимых священнослужителей.

— Там есть еще один Дерини, Аларик,— вставил Дункан.— Он молод и пока не прошел обучения, поэтому не могу сказать, насколько он будет нам полезен, но он наверняка в состоянии поддерживать пассивную связь.

Морган моргнул, переваривая информацию, затем покачал головой.

— Сейчас я не буду больше о нем спрашивать. Но раз он там, значит Риченде, тем более, не нужно ехать!

— Послушай! — воскликнула Риченда.— Если ты думаешь, что я намерена доверить твою безопасность какому-то плохо подготовленному Дерини, щенку, который даже с самыми лучшими побуждениями может позволить тебе проскользнуть слишком глубоко и...

— Риченда, хватит. Мы больше не обсуждаем этот вопрос.

— Тогда позвольте *мне* отправиться с вами, мой господин,— вставил Дерри.— Я — не Дерини, но я знаю, чего следует опасаться. Или вы можете черпать из меня дополнительную энергию. Я не боюсь.

— И оставить Риченду волкам, Дерри? — спросил Морган насмешливо.— Я намерен сделать ее регентом перед отъездом и надеялся, что ты останешься, чтобы помогать ей.

Когда Риченда подняла на него глаза в удивлении, неуверенная, радоваться ли ей или продолжать упрямиться, Дункан в растерянности переводил глаза с одного на другую и на третьего.

— Это долгая история, Дункан,— тихо сказал Морган.— Я расскажу ее тебе по пути. А пока могу ли я считать, что моя любимая жена и верный друг в состоянии держать здесь все в руках в мое отсутствие?

— Ну, конечно, но...

— Тогда отлично. Дункан, хочешь помыться и переодеться перед тем, как мы тронемся в путь? А, может, вздремнуть? Время есть. Если... худшее все-таки случилось, нам придется отсутствовать довольно долго, и мне нужно несколько часов, чтобы завершить тут кое-какие дела.

Когда Морган принялся за работу, лицо Келсона стояло у него перед глазами.

* * *

Тем временем лицо Келсона во плоти было перед Дугалом, который разбудил его, дотронувшись кончиком пальца до лба спящего короля. Ноздри Келсона тут же почувствовали запах жареной рыбы, что сразу помогло ему проснуться.

— Еда,— прошептал Келсон, приподнимаясь на локтях и моргая.— Слава Богу! А то я так проголодался! Наверное, целую лошадь бы съел.

— Тебе бы не понравилась та, которую ел я,— заметил Дугал, помогая королю сесть.— Это запах рыбы.

— Ну, его я знаю,— пробормотал Келсон, уныло поглядывая на Дугала.— А где ты ее взял?

Дугал усмехнулся и показал руки, шевеля пальцами.

— Приманил сюда с помощью магии. Удивительно, как много можно сделать, если ты — Дерини. Кстати, у нее нет глаз.

— Нет глаз? — Келсон удивленно посмотрел на рыбину, надетую на палочку и висящую над костром.— Что ты имеешь в виду?

Дугал пожал плечами, снял палочку с подпорок и поднес Келсону.

— Вот. Смотри сам. В любом случае, ее уже можно есть. Наверное, им не нужны глаза, раз они живут здесь, в темноте.

Келсон выглядел удивленным, более того, ему явно стало не по себе. Он протянул рыбу назад Дугалу.

— Не уверен, что хочу есть безглазую. Это... противостоестественно.

— Я думаю, это естественно в нашей пещере,— сказал Дугал, снимая рыбу с палочки и опуская в заранее сделанное углубление в глинистом грунте. Он разломал ее на куски, чтобы немного поостыла.— Да и есть больше нечего. Конина совсем протухла. Это пятая или шестая, которую я поймал, и ни у одной из них не было глаз. Я выбросил первых в воду из-за этого, но они все такие.

Лизнув палец, он оценивающе кивнул.

— А на вкус очень ничего. И это, определенно, именно то, что следует есть в пост. Мой отец бы одобрил.

Вздохнув, Келсон с несчастным видом и без особого энтузиазма положил в рот маленький кусочек после того, как Дугал взял себе большой.

— Как ты думаешь, Дугал, Дункан с Алариком придут нас искать? — спросил король. — Или решат, что мы мертвы?

Дугал, проголодавшийся, принялся жевать новый большой кусок рыбы и покачал головой.

— Не знаю, — сказал он, проглотив. — Чувствую, мы находимся глубоко под землей и не уверен, что они будут знать, где искать. Надеюсь, отсюда можно как-то выйти, если двигаться по течению воды. Мы, определенно, не сможем выбраться тем путем, которым сюда попали.

Он взял еще кусочек рыбы.

— Нас отнесло на значительное расстояние от того места, где мы упали, и затем мы застряли в этой пещере. Нас могло отнести и на много миль. Я уверен, они попытаются нас искать, но...

Когда Дугал снова пожал плечами, Келсон вздохнул и посмотрел во тьму в направлении течения.

— Боже, как бы мне хотелось побольше вспомнить о случившемся, — прошептал он. — Моя память начинает возвращаться, но...

— А как насчет твоих способностей? — тихо спросил Дугал.

— Ничего, — уныло покачал головой Келсон. — Я пытаюсь сосредоточиться — на чем угодно — но ничего не происходит, только голова болит сильнее. Как ты считаешь, они вернутся?

— Ты *меня* об этом спрашиваешь?

— Ну, ты же был лекарем,— заметил Келсон.— Сколько времени длятся последствия травмы головы?

— От таких сотрясений, как у тебя — наверное, несколько недель. Но я не знаю, повлияло ли это на твои способности, Кел. У меня никогда раньше не было пациента-Дерини с сотрясением мозга. По крайней мере, чтобы я знал, что он — Дерини.

Келсон громко вздохнул.

— Ну, теперь появился. Кроме того, ты сам — Дерини.

— Да, но это обнаружилось не так давно. Я не получил достаточной подготовки.

— Может, ты Целитель — как Дункан,— сказал Келсон.— Может, ты сможешь вылечить меня.

— Келсон, я не осмелюсь.

— Но ты же сказал, что уже справился с моей головой, там, где череп был вдавлен.

— Нет, я совершил физическую манипуляцию своей ментальной силой, подобно открыванию замка без ключа. Между этим и Целительством большая разница.

— Наверное.

— В любом случае, раз ты теперь снова встаешь на ноги, нам нужно двигаться вниз по течению. Мы не можем оставаться тут вечно.

Келсон в задумчивости посмотрел на сапог Дугала, привязанный к лодыжке нарезанными из ткани полосами.

— А ты можешь идти?

— Справлюсь,— Дугал сморщился, поднимаясь на ноги и тяжело опираясь на палку.— Уверен, перелома нет. По крайней мере, тогда бы были другие ощущения.

— Ты хочешь сказать, что не смотрел ее?

— Я боюсь снять сапог,— ответил Дугал, подавая Келсону руку, а другой продолжая опираться на палку.— Хотя я довольно хорошо чувствую сквозь кожу. Я порвал несколько связок, но они заживают. Опухоль уже спадает.

Дугал сунул в костер палку, чтобы использовать ее как факел, а Келсон выбрал себе еще одну, толстую, чтобы опираться на нее. Дугал перекинул через плечо седельные вьюки, а Келсон взял флягу.

Однако даже она вскоре оказалась слишком тяжелой ношей для короля. Хотя Келсон думал, что они шли несколько часов до первого привала, Дугал знал: они были в пути гораздо меньше. В любом случае король очень устал. Дугал должен был дать ему поспать несколько часов перед тем, как он снова соберется с силами, чтобы продолжить путь. Дугал не знал, сколько они, вообще, смогут пройти.

Они то шли вдоль несущейся в темноте воды, то останавливались и засыпали от усталости, а шум воды действовал так убаюкивающе, что они практически сразу же погружались в глубокий сон без сновидений. Затем пространство над ними увеличилось и они вышли в огромную пещеру, настолько высокую, что не могли видеть ее потолок, даже когда Дугал, создав магический огонь, послал его вверх.

Казалось, тьма еще больше сгущалась по мере того, как они шли дальше вдоль реки. Ветки, используемые для факелов, теперь встречались все реже и реже, поэтому в конце концов Дугалу пришлось подбирать подходящие ветки, когда они попадались на глаза, и нести поверх седельных вьюков.

Глава восемнадцатая

**Путь же беззаконных — как тьма;
они не знают, обо что споткнутся¹**

В Ремуते удача по-прежнему оставалась на стороне Конала. «Припадок» Нигеля именно так и был воспринят, когда в королевские покои вначале ворвалась стража и слуги, затем обезумевшая Мерауд и, наконец, целая толпа лекарей, склонившихся над распростертым телом короля. Конала только вначале спросили о том, что произошло, а затем больше никто не обращал внимания на явно пришедшего в отчаяние принца. Да и он постарался не попадаться никому под ноги.

Арилан явился немного позднее, но он не был лекарем, а Коналу к тому времени вполне удалось даже в собственном сознании изображать невинность и изумление от случившегося. Поэтому епископ-Дерини не получил ни одной подсказки относительно того, что произошло на самом деле. Конечно, никто другой тем более был не в состоянии определить правду. К сумеркам состояние Нигеля стабилизировалось, но он не вернулся в сознание.

— Он слишком много работал после того, как мы принесли известие о смерти Келсона,— сказал Ко-

¹ Притчи: 4:9

нал отцу Лаелу, когда последний наконец отошел от королевской постели. Он оказался первым, кто вспомнил о королевском наследнике.— Я говорил ему, что следует больше отдыхать. И он очень беспокоился насчет этих писем, которые требовалось рассылать баронам. Сама процедура приводила его в еще большее отчаяние, постоянно напоминая о случившемся.

Конал указал рукой на стол у окна, где лежали временно забытые письма, и Лаел посмотрел в ту же сторону.

— Он работал над ними, когда случился припадок? — уточнил Лаел.

Конал кивнул.

— Это письма, объявляющие о его восшествии на престол. Он уже подписал их, когда я вошел, и я решил помочь скреплять их печатью. Но все пошло наперекосяк. Он ведь никогда не хотел быть королем и не готовился им стать. Наверное, архиепископ Кардиель рассказывал, какие усилия пришлось приложить совету, чтобы получить его согласие на объявление его королем прямо сейчас. Но сам-то он хотел ждать целый год и один день, как и для коронации. Он жаловался мне на это, когда...

Конал замолчал, из его горла вырвалось рыдание, и он спрятал лицо в ладони, изображая скорбь. Лаел сочувственно положил руку ему на плечо.

— Тебе тоже тяжело, да, сын мой? — тихо спросил Лаел.— Тебе, наверное, лучше поспать. Сейчас ты ничем не можешь помочь отцу. Или я, или кто-то еще из врачей посидит рядом с ним всю ночь.

Конал сглотнул слезы и покачал головой. Он должен был оставаться рядом — на тот случай, если у ко-

го-то вдруг возникнут подозрения и ему потребуются защищаться.

— Не думаю, что сейчас засну.

— Я дам тебе снотворное.

— Но... если он позовет меня?

— Чушь,— сказал Лаел.— Даже если он ночью и придет в сознание — в чем я сомневаюсь — ты ничего не сможешь для него сделать. Более того, мне кажется, ты сам еще не отошел от потрясения.

Конал попытался возражать, но затем резко замолчал и покачал головой. Теперь он стал прикидывать, не лучше ли, если люди будут *думать*, что он спит. Ведь таким образом он обезопасит себя от возможных опасных вопросов. На самом деле, постель может этой ночью оказаться самым подходящим местом для него, но он сомневался насчет снотворного — ведь ему может потребоваться использовать все свои возможности, а времени отойти от снадобья не будет.

— Я... возможно, вы правы, отче,— произнес он почтительно и используя все свое обаяние, свойственное Халдейнам.— Несомненно, вы правы. Я ведь ни разу как следует не спал с тех пор, как случилось несчастье.

— Ну, тогда давай посмотрим, что можно сделать, чтобы по крайней мере этой ночью ты как следует отдохнул,— ответил Лаел.— Утром мы гораздо точнее сможем сказать, как будет меняться состояние твоего отца. И для тебя гораздо важнее быть отдохнувшим и иметь светлую голову утром, а не сейчас. Если это до тебя еще не дошло, то ты будешь королем, если Нигель умрет. И даже если он останется жить, ты будешь регентом до его выздоровления — если он вообще поправится.

— Вы хотите сказать, что он навсегда может остаться в таком состоянии? — прошептал Конал.

— Может. Вероятно, до самой смерти. Мне очень жаль, Конал. Я был бы рад сказать тебе что-то более утешительное.

Конал испытал угрызение совести, но ненадолго: его быстро затмило чувство удовлетворения. На самом деле, он никогда не желал зла своему отцу, но он также не хотел отвечать за смерть Тирцеля. Он не намеревался совершить ни то, ни другое злодеяние, но не мог заставить себя сожалеть о них. Более того, что сделано, то сделано, а перспектива стать регентом и, в конце концов, королем была слишком соблазнительной и волнующий.

— Наверное, я все-таки приму снотворное, о котором вы говорили, отче,— прошептал Конал, заставляя себя посмотреть на Лаела грустными глазами, словно бы смирившись с ситуацией.

— Вот и отлично,— ответил Лаел.— Но вначале тебе нужно лечь. Думаю, ты лучше всего отдохнешь в своей комнате.

Без дальнейших возражений, внешне покорный Конал отвел Лаела к себе в покои, молча разделся, пока священник смешивал зелье, достав какие-то ингредиенты из своей медицинской сумки. Но вместо того, чтобы сразу же лечь в постель, принц надел халат и отправился к аналою, стоявшему у стены рядом с дверью, изображая беспокойство.

— Поставьте его, пожалуйста, на тумбочку у кровати, отче,— тихо сказал Конал, оборачиваясь на священника.— Я немного помолюсь перед сном.

— Конечно,— кивнул Лаел, выполняя просьбу.— Ты хочешь, чтобы я помолился с тобой, или предпочтешь побыть один?

Конал склонил голову.

— Наверное, лучше я останусь в одиночестве, отец, если вы не возражаете. Все это было... нелегко.

— Конечно, ваше высочество.

Конал почувствовал дрожь возбуждения, услышав это обращение. Лаел поклонился ему и вышел из покоев, но как только священник ушел, Конал отправился к тумбочке и вылил содержимое чаши в ночной горшок, стоявший под кроватью. После этого он налил в чашу свежего вина и в течение почти целого часа сидел у окна, попивая его маленькими глотками, лениво посматривая на темнеющий сад. На закате, перед тем, как рассмотреть в саду что-либо стало практически невозможно, он с удовольствием увидел Росану в группе других монахинь и придворных дам, которых из базилики провожал отец Амброс. Они возвращались с вечерней службы.

Вскоре после этого Конал отправился в постель, и этой ночью ему снилась Росана, как это уже не раз случалось после его возвращения из Валорета; он грезил, что занимается с ней любовью. Он несколько раз просыпался, весь в поту, твердо решив превратить мечту в реальность как можно скорее.

* * *

— Один раз,— говорил Морган,— всего один раз перед смертью мне хотелось бы открыто въехать в Дхассу.

— Если ты не будешь говорить тише, то это получится уже сейчас, вероятно с последствиями, которые окажутся более чем сомнительными,— прошептал Дункан.— Веди себя, как монах.

— *Dominus vobiscum*, — пробормотал Морган, склоняясь в седле на своей небольшой горной лошадке, когда мимо них прошел торговец.

Они с Дунканом наконец приближались к городским воротам с северного берега озера, их кольчуги и кожаные одежды скрывались под просторными черными рясами простых братьев, служащих в соборе Дхассы. Как монахи-курьеры, они имели право носить мечи, и те были привязаны к седлам под коленями, хотя Морган, взяв простые черные ножны, замотал рукоятку своего кожей, чтобы спрятать украшающие ее драгоценные камни и позолоту.

Маскарад был идеей отца Ниварда, когда он три дня назад отправлял в путь отца Дункана. Двое мужчин также нацепили бляхи святых покровителей Дхассы, обычно надеваемые пилигримами. Правда, монастырь святого Торина был сожжен дотла, когда эти два представителя Дерини в последний раз проезжали по территории Дхассы. И Морган, и Дункан внесли значительные пожертвования в фонд восстановления святыни, так что обнаружение их истинных личностей не повлечет за собой убийство, как могло бы случиться раньше. Они также больше не находились под епископским отлучением, а потому не могли быть отданы под суд и казнены. Тем не менее, их присутствие в Дхассе могло вызвать неприятные вопросы как для них самих, так и для Арилана, если бы кто-то узнал, что они приехали сюда, чтобы использовать Перемещающий Портал.

Но деликатность ситуации, точно так же, как и отношение к Дерини в Дхассе бледнели на фоне очень человеческой боли от потери Келсона. На протяжении долгого трудного пути из Короты Морган пытался заставить себя принять факт смерти и Кел-

сона, и Дугала, но его сердце отказывалось смириться с этой мыслью. Однако когда временами это все-таки случалось, тяжелый гнет в груди превосходил тоску, которую он испытал после смерти Бриона. А в то время он ведь думал, что никогда не сможет так сильно страдать по кому-то, кроме своего умершего друга и короля. О горе Дункана он просто старался не думать.

Одетый под монаха, Морган следовал за кузеном через ворота Дхассы в направлении рыночной площади, расположенной перед входом в епископский дворец. Во второй половине дня в воскресенье, во время Великого Поста площадь была почти пуста. Дункан немедленно проследовал к общественному колодцу, где несколько одетых в черное монахов поили с поддюжины коров. При приближении Морган с Дунканом из толпы выступил молодой человек, которого Дункан назвал отцом Нивардом. Отец Ниварда попросил одного из монахов позаботиться о лошадях прибывших, и подождал, пока гости не отвяжут мечи от седел, затем быстро провел их внутрь дворца, расположенного недалеко от часовни. Дункан рассказывал Моргану о Ниварде во время одной из редких остановок в пути, но Морган все равно удивился, увидев, насколько молодо выглядит священник-Дерини. Морган осторожно запустил ментальный импульс, и это исследование подтвердило: по крайней мере, что касается установки щитов, молодой человек прошел достаточную подготовку. Тем не менее, он все равно казался очень молодым и уязвимым. На его лице теперь, когда затворил двойные двери и они остались без лишних свидетелей, читалось благоговение.

— Нас тут никто не потревожит, господа,— сказал Нивард, перекрестившись и добавляя дров в огонь, горевший в очаге.— Епископ Денис велел мне оказывать вам любую помощь.

— Понятно,— осторожно ответил Морган.— Наш общий благодетель,— он жестом показал на герб епископа Дхасского, висевший над камином,— не посчитал нужным сообщить нам, что он... пополняет ряды. Здесь безопасно разговаривать?

— Да, и делать все, что вы посчитаете нужным,— ответил Нивард.— Как сказал епископ Денис, вы попытаетесь вступить в контакт с королем или лордом Дугалом перед тем, как отправиться в Ремут, и вам может потребоваться моя помощь для поддержания этого контакта. У меня практически нет опыта в таких делах,— он виновато улыбнулся,— но, как епископ заверил меня, в этом нет необходимости, и вы точно знаете, что делать.

Он выжидательно посмотрел вначале на одного гостя, потом на другого. Морган обменялся скептическим взглядом с Дунканом.

— Ты уверен, Дункан, что он нам подойдет? — спросил Морган.— Иногда малое знание хуже, чем его полное отсутствие. Для нашей цели лучше использовать простых людей.

— Но он потенциально сильнее,— ответил Дункан, по-доброму улыбаясь Ниварду.— Перед моим отъездом в Корот Арилан велел ему вступить в контакт со мной, и Нивард оказался крепким, как камень. По силе он равен трем или четырем простым людям, которые не знают, что делают.

— Ладно,— кивнул Морган.

Он не представлял, чему обучал Ниварда Арилан, но они с Дунканом тут же принялись готовиться к

ритуалу, поставив три стула кругом — так, чтобы колени сидящих касались друг друга. Нивард, казалось, воспринимал происходящее в порядке вещей и не моргнув глазом, когда Морган извлек красную кожаную коробочку с магическими кубиками, и стал расставлять белые и черные в нужной конфигурации на полу у их ног.

Морган почувствовал, как Нивард расслабляется. Тем временем делались последние приготовления. В результате белые кубики составили квадрат, а черные стояли по углам. К тому времени, как Морган был готов дотронуться кончиком пальца до первого белого кубика и дать ему имя, Нивард был невозмутим, подобно Дункану, который взял на себя контроль над его сознанием и магической силой. Морган задействовал первый кубик:

— *Prime.*

Нивард не моргнув глазом, когда первый кубик засветился. Казалось, он лишь сконцентрировался еще сильнее. Когда имя второго кубика — *Seconde* — вызвало такую же реакцию, Морган практически выбросил Ниварда из головы и сосредоточился только на кубиках. В любом случае, теперь уже маловероятно, что Нивард сбежит.

Морган задействовал *Tierce* и *Quarte*, и все четыре белых кубика засветились. Он на мгновение выпрямился, чтобы сделать глубокий вдох и расправить уже ноющую спину, перед тем, как заняться черными кубиками. Нивард в это время закрыл глаза и опустил голову на скрещенные руки, лежавшие на слегка разведенных коленях. Теперь его защиты стали практически прозрачны и податливы.

Остатки тревоги, которую Морган чувствовал относительно молодого священника, в это мгновение

полностью испарились, потому что на самом деле не обращать внимание на установку кубиков уже являлось достижением. Нивард определенно был гораздо лучше подготовлен, чем показывал — или, возможно, он сам не осознавал, насколько он хорошо обучен: ведь раньше мог сравнивать себя только с Ариланом. Морган быстро назвал черные кубики: *Quinte, Sixte, Septime, Octave*, затем стал приводить в соответствие черные и белые.

- *Primus.*
- *Secundus.*
- *Tertius.*
- *Quartus.*

И энергия Ниварда, как и энергия Моргана с Дунканом, начала обряд, когда Морган раскинул руки в стороны, откинул голову назад и произнес последнюю ритуальную фразу, которая обеспечит их безопасность, пока они ищут хоть какой-нибудь след Келсона или Дугала:

- *Primus, Secundus, Tertius, Quartus, fiat lux!*

Когда светящийся ореол серебристого света поднялся вверх вокруг них, Морган опустил руки и взял ладони Дункана и Ниварда в свои. Физическая связь усиливала единение, которое и без того было достигнуто удивительно легко, пока устанавливались кубики, и Морган обнаружил, что ему легче общаться напрямую с сознанием двоих помощников, а не вербально, как он планировал вначале.

«Я раскладываю кубики в первый раз и пытаюсь соединиться с Келсоном,— послал он ментальный импульс.— Если после нескольких попыток, мы не добьемся успеха, я переброшусь на поиски Дугала. Дункан, ты будешь руководить этим поиском. Нивард, ты должен поддерживать неактивного партнера

в обоих случаях и просто быть готовым дать дополнительную энергию, если это потребуется. Вопросы есть?»

Вопросов не было. Морган перестал волноваться насчет Ниварда после первых нескольких секунд, когда послал свой зов пропавшему королю. Перед тем, как закончить ритуал, ему пришлось забрать немало энергии у молодого священника.

Но хотя они направляли свою энергию в сторону аббатства святого Беренда в течение почти целого часа, пытаясь отыскать вначале Келсона, а потом Дугала, и возвращаясь к первому, а потом ко второму, они не обнаружили никаких следов. К тому времени, как они закончили ритуал и сняли кубики, все трое чувствовали истощение. И Морган, и Дункан были вынуждены признать, что дальнейшие попытки, вероятно, бессмысленны.

— Я продолжал надеяться,— прошептал Морган, и шепот его звучал хрипло и неуверенно, когда он использовал заговор, снимающий усталость.— Я все еще не верю, что они оба мертвы — и мы оба этого не почувствовали. Но раз мы не нашли ни следа...

Морган с Дунканом были очень тихи и подавлены, следуя за Нивардом в часовню, чтобы, воспользовавшись Порталом, переместиться в Ремут.

* * *

И их настроение не стало лучше, когда они узнали новость, поджидавшую их в столице. Вначале, после всего остального, они посчитали случившийся с Нигелем припадок незначительным. Но все оказалось очень серьезным, когда они пришли к королевской постели вместе с Ариланом вскоре после при-

бытия, а затем, перейдя в другую комнату, выслушали мнение врачей.

— Состояние не ухудшилось,— сообщил им отец Лаел.— Но и нет никаких улучшений. Обычно, если человек идет на поправку, после такого периода времени появляется хоть какое-то изменение.

— Он вообще ни на что не реагирует? — спросил Дункан.

Лаел покачал головой.

— Нет. Его сердце бьется сильно, дыхание регулярное и ровное, и мы получаем ряд обычных рефлексов, которые и следует ожидать, но он в глубокой коме. Мы даем ему настойки и бульоны, так что какое-то питание он получает. Но его состояние не внушает особых надежд. Он уже потерял в весе. Если ничто не изменится, он в лучшем случае проживет несколько месяцев.

Морган вздохнул и посмотрел себе на сапоги. Ему удалось подавить большую часть эмоций, которые он испытал, узнав о болезни Нигеля. Ведь надежда все равно оставалась, пока Нигель фактически не умер. Но груз еще и этого, в дополнение к потере Келсона и Дугала, привел его на грань полного истощения. Он закрыл ладонями глаза, вновь произнося слова заговора, снимающего усталость, понимая, что если так будет продолжаться долго, то никакие заговоры уже не помогут. Потом он затуманенным взглядом посмотрел на Дункана, который чувствовал себя не лучше. Оба понимали, что теперь должны обсудить ряд с Ариланом вещей, не предназначавшихся для чужих ушей.

— Спасибо, что ввели нас в курс дела, отче,— поблагодарил Дункан Лаела, отпуская его кивком.— Вероятно, вам нужно возвращаться к пациенту.

— Конечно. Если я вам потребуюсь, зовите.

Когда Лаел ушел, Дункан повернулся к Арилану. У него было чувство, что Арилан точно знает, какой будет следующая тема разговора.

— Ну, что теперь? — тихо спросил Дункан. — Очевидно, это поднимает сложные вопросы о наследстве Халдейнов. Денис, когда мы возвращались, мы были готовы передать Нигелю могущество. Очевидно, сейчас это невозможно, если, вообще, когда-нибудь станет возможно. У Совета есть мнение по этому поводу?

Перед тем, как Арилан смог ответить, Морган хмыкнул и скрестил руки на груди.

— Конечно, у них есть мнение. Ты слышал когда-нибудь, чтобы у Совета не было мнения по какому-то вопросу, независимо от того, касается он их или нет?

— Не думаю, что грубость уместна, — ровным тоном заметил Арилан. — Но я прощаю ее, потому что знаю, в каком напряжении вы оба находитесь. А вообще передача силы Халдейнов жизненно важна для Совета. И, да, у них есть свое мнение. Они хотят, чтобы Конал был утвержден как наследник Халдейнов и наделен всей полнотой силы, даже если его нельзя короновать, пока жив Нигель.

Дункан резко вдохнул воздух.

— А это, вообще, можно сделать, раз Нигель пока жив? Более того, ведь Нигелю потенциал уже был частично передан.

— Да, но в настоящее время он не способен стать преемником Келсона и не способен передать по наследству то, что у него есть. Это будет нелегко, не сомневаюсь, но, мы считаем, необходимо забрать у Нигеля все то, что было передано ему прежде, и в

свою очередь передать эти силы Коналу. Конечно, это лишит Нигеля возможности когда-либо носить корону, если он все-таки поправится, но вы слышали, что сказал Лаел. Это маловероятно.

Морган хмыкнул.

— Я не удивлюсь, если они просто исправят ситуацию,— пробормотал он.— Подушка, прижатая к лицу беспомощного больного или что-то в этом роде — очень удобно, и как раз в их стиле. И все это здорово упростит жизнь Совету, не так ли?

— Тебе не кажется, что ты зашел слишком далеко? — возразил Арилан.

— На самом деле, нет,— Морган наполовину отвернулся, сжав руки за спиной, и смотрел в ближайшее окно.— А что думает Конал обо всей сложившейся ситуации? Он готов списать со счета отца, чтобы удовлетворить благородные намерения Совета? Он согласен с тем, как Совет намерен распорядиться могуществом Халдейнов?

— Фактически,— ответил Арилан, упираясь кулаками в бока,— принц Конал гораздо более реально смотрит на вещи, чем вы оба. В конце концов, сейчас уже почти апрель. Наступает самое подходящее время для ведения войны, если враги Гвиннеда решат воспользоваться нестабильностью, пока трон не занят. А как регенту, именно ему придется отвечать за последствия решений, принятых в ближайшие несколько дней людьми типа нас троих.

— Конал — король во всем, кроме титула,— выдохнул Морган, покачивая головой, когда снова тер глаза.— Голова идет кругом.

— Но он в самом деле сын Нигеля,— напомнил ему Дункан.— И внук короля Донала Блейна.

— Он также очень незрел,— ответил Морган.— Я знаю. Прошлым летом он впервые участвовал в кампании вместе с Келсоном и со мною. Я с тех пор не заметил никаких особых свидетельств его возмужания. Способность зачать ребенка не делает мальчика мужчиной.

— Ребенка? — нахмурился Арилан.— Я ничего не слышал о ребенке.

Дункан вздохнул и покачал головой.

— Он еще не родился, насколько мне известно,— тихо сказал он.— Судя по дворцовым слухам, должен появиться на свет где-то в конце лета. Мать — деревенская девушка. Она живет в домике примерно в часе езды от города.

— Хм-м-м,— Арилан почесал узкий подбородок.— Он не женился на ней или не сделал еще какой-нибудь подобной глупости?

— Нет,— Дункан сплел пальцы.— Она — просто королевская любовница. Суда по тому, что я слышал — уже около года. Может, он и незрел, Денис, но он не глуп. Он сберег свою свободу для женитьбы на принцессе королевской крови, что была бы ему равней.

— И ему придется найти ее как можно скорее, если у него должен родиться незаконный ребенок. Мы не можем ставить под угрозу наследование трона, после того, как он станет королем во всех смыслах.

— Боже праведный, Нигель еще даже не умер! — выдохнул Морган.— Почему ты не оставишь бедного мальчика в покое? Еще достаточно времени, чтобы найти жену. Мы не торопили Келсона. Разве и так недостаточно, что ему придется принять власть, пока Нигель все еще жив?

— Вопрос наследника очень важен,— холодно заметил Арилан.— Однако если вы предпочтете, можно предпринять шаги, чтобы незаконный ребенок Конала никогда не родился.

Эта угроза заставила Моргана резко дернуться, потому что он знал: если на Арилана надавить, он именно так и поступит. Затем Морган бросил взгляд на Дункана, застывшего с изумленным видом. Несомненно, Дункан тоже верил, что Арилан в состоянии привести угрозу в исполнение.

Дальнейшее сопротивление было бессмысленным. Морган знал: они с Дунканом неспособны сопротивляться ни Арилану, ни остальным членам Совета. Вдохнув, он развел руки, показывая свое согласие.

— Хорошо, епископ. Вы победили.

Глава девятнадцатая

Воды краденые сладки, и утаенный хлеб приятен¹

Епустя четыре дня Конал узнал о том, что его ждет. Арилан кратко поведал ему о его судьбе во время разговора с глазу на глаз в кабинете архиепископа Кардиеля и назначил время для проведения обряда передачи магической силы, через два дня, ночью.

— Проводить его будут Морган с Дунканом, как изначально планировалось для Нигеля,— сказал ему Арилан,— но я также буду присутствовать. Процедура будет несколько более сложной, чем обычно, поскольку твой отец еще жив, но ты пройдешь ее без особых трудностей.

Однако заверения Арилана не сняли беспокойство Конала: он прекрасно понимал, насколько будет уязвим, пока весь потенциал Халдейнов в нем не реализуется. Из знаний, полученных от Тирцеля, он мог сделать вывод: участие в ритуале по передаче силы Халдейнов, в основном, расширит и углубит мощь того, что он уже развил сам или под руководством Тирцеля. От него потребуется только давать ожидаемые ответы. Больше всего его беспокоил вопрос, который он не мог никому задать: сможет ли

¹Притчи 9:17

он скрывать свои нынешние достижения достаточно долго, чтобы они соединились с новыми, переданными ему силами? После того, как ритуал будет завершен — даже если больше ничего не случится — он сможет объяснять все свои нынешние способности, как часть наследства Халдейнов. Да и в любом случае Халдейнам редко приходилось что-либо объяснять.

Однако пока ему нужно пережить два дня. Кроме подготовки ко дню ритуала — медитации и поста — к нему не предъявлялось больше никаких требований.

Кроме династических. Очевидно, это было связано с беременностью Ваниссы. Арилан без обиняков заявил: раз теперь Конал является реальным наследником Халдейнов, от него требуется заключение подходящего брака, причем как можно быстрее, чтобы произвести на свет собственного наследника. Епископ не делал прямых угроз, но Коналу стало ясно: любая отсрочка с его стороны может повлечь опасность для Ваниссы и ее нерожденного ребенка.

Не то, чтобы Конала это особо волновало, хотя он по-своему и был привязан к девушке. А отсутствие беспокойства объяснялось тем, что выбранная им невеста уже фактически дала ему обещание, независимо от того, понимала она сама это или нет. Его агент наконец перехватил письмо Росаны архиепископу Кардиелю день назад и положил в кучу корреспонденции, ожидающей внимания архиепископа.

Поэтому, закончив разговор с Ариланом, Конал попросил личной встречи с архиепископом. Арилан ушел и вскоре его сменил Кардиель, которого разбирало любопытство: почему его хочет видеть принц? Конал должным образом поцеловал перстень священнослужителя, воспользовавшись фи-

зическим контактом, чтобы установить скрытую ментальную связь с архиепископом. Она сохранилась даже после того, как Конал выпустил руку Кардиеля.

— Вы хотели поговорить со мной, ваше высочество? — спросил Кардиель, усаживаясь за стол и жестом предлагая Коналу занять место напротив.

— Да, ваше преосвященство,— почтительно кивнул Конал, устраиваясь на краешке стула.— Я... наверное, вы к настоящему моменту получили письмо от леди Росаны? Вы ведь получили его?

— От Росаны? — бровь Кардиеля приподнялась в удивлении.— Я об этом не знаю. Оно касается вас?

Изображая волнение, Конал сплел пальцы, играя золотым перстнем на левой руке.

— Я... да, касается, архиепископ. Она...— он замолчал, словно смутился, затем в надежде посмотрел на Кардиеля.— Она сказала, что собирается просить снять с нее обет, Ваше Преосвященство,— прошептал он.— Я думал, вы его уже получили.

— Снять обет?

Кардиель быстро просмотрел лежавшие у него на столе письма, а затем застыл на мгновение перед тем, как вынуть из пачки один лист.

— Боже праведный, она в самом деле просит об этом,— его голубые глаза округлились, когда он просматривал текст.— «Неуверена в моем призвании... снимите с меня обет... я, в любом случае, пока давала только временные клятвы...»

Он поднял глаза на Конала в приятном удивлении, не осознавая, что его удовольствие от полученной информации и всего, что она подразумевала, закрепляется и усиливается магией Конала.

— Боже праведный, я в самом деле поражен. Она не указывает причин своей просьбы, но должен ли я предполагать, раз вы лично заинтересованы в этом деле, что вы и она...

Конал опустил голову и робко кивнул.

— Я знаю, многие будут удивлены, Ваше Преосвященство, но основания этого союза были заложены почти год назад, когда я провожал ее из аббатства святой Бригитты. Она отказывалась говорить на эту тему после моего возвращения, потому что считает неподобающим обсуждать такие вещи, пока мы все носим траур по Келсону, но мне кажется, я убедил ее, что нельзя терять время. И мой долг регента — и, похоже, короля до конца этого года — как можно скорее обеспечить Гвиннед наследником.

— Да,— сказал Кардиель, затем посмотрел на Конала с легким укором.— *Законным* наследником.

Коналу удалось демонстративно покраснеть.

— О, вы слышали про Ваниссу.

Получив от Кардиеля резкий кивок, Конал решил, что ему лучше раз и навсегда решить этот вопрос.

— Я не давал ей никаких обещаний, архиепископ,— тихо сказал он.— Если вас это беспокоит. Конечно, я обеспечу и ее, и ребенка всем необходимым, но я абсолютно свободен жениться на Росане.

К счастью, реакция Кардиеля смягчилась после заверения о чувстве ответственности Конала, и тому больше не потребовалось давить на архиепископа ментально.

— Понятно,— сказал Кардиель.— Наверное, большинство принцев начинают несколько незаконно рожденных детей перед тем, как начинают вести подобающую королю жизнь. Келсон был исключени-

ем. Но я надеюсь, что ничего подобного не повторится после твоей женитьбы, сын мой. Я не могу не подчеркнуть важность наличия законного наследника престола.

— Я знаю о своем долге, ваше преосвященство,— прошептал Конал, опустив глаза.— Больше никаких Ванисс не будет. Однако я хотел бы, чтобы свадьба состоялась как можно быстрее. Я... считаю, что мой отец был бы согласен.

— Конечно,— кивнул Кардиель.— Великий Пост заканчивается чуть больше, чем через две недели, так что...

— Я предпочел бы не ждать так долго, архиепископ,— перебил Конал, вновь немного надавливая ментально.— Враги могут напасть гораздо раньше, чем мы предполагаем. Мой долг перед короной должен быть превыше всего. Не нужно пышных обрядов. Фактически при сложившихся обстоятельствах самой подходящей будет небольшая тихая церемония — только для членов семьи. Вы, наверное, сможете дать на это разрешение?

— Да, конечно.

— А пока я буду очень вам благодарен, если вы удовлетворите просьбу Росаны снять с нее обет,— сказал Конал, подталкивая письмо к Кардиелю и вручая ему перо.— Сейчас достаточно будет просто поставить внизу *Placet*, с вашей печатью и припиской, что официальное одобрение последует. Тогда я прямо сегодня отнесу это письмо ей, а вы уже подготавливаете все официальные бумаги после моего ухода.

Без малейшего сопротивления Кардиель обмакнул перо и написал на пергаменте одно слово: *Placet*, а после него добавил: *Mandatum diligit*, то есть «При-

каз последует». После этого он подписался и приложил к листу свою печать, а затем умиротворенно откинулся на спинку стула. Конал тем временем дул на воск, чтобы тот побыстрее остыл, и он мог бы убрать лист к себе в карман.

— Я также хотел бы попросить вас пока хранить молчание,— продолжал Конал, готовясь уйти.— Кроме необходимых пояснений настоятельнице Росаны, я предпочел бы, чтобы вы ни с кем не обсуждали этот вопрос, пока я сам не сделаю объявление королевского совету. Это произойдет после воскресенья и проведения ритуала по передаче мне силы Халдейнов.

Поскольку Конал усилил свою просьбу магическим давлением, она превратилась в приказ, но это не являлось необычным требованием, учитывая деликатность ситуации. Реакцию Кардиеля тоже нельзя было назвать нехарактерной, даже хотя им и руководила воля Конала. Вопрос быстрой женитьбы следующего наследника уже стал или в самое ближайшее время станет темой для беспокойства практически всех высокопоставленных лиц при дворе, в особенности теперь, когда он стал регентом.

Единственным, что могло вызвать вопросы, была очевидная внезапность просьбы Росаны, но Конал быстро послал в мозг архиепископу яркие ментальные образы, созданные его воображением: исповедь Конала перед посвящением в рыцари — на которой тот вел себя подобающе принцу королевской крови, кандидату на посвящение в рыцари. Теперь архиепископ был уверен: Конал уже говорил ему о своей глубокой и нежной любви к Росане и просил у Кардиеля совета, как завоевать ее руку.

И Кардиель — так, как если бы его в самом деле спрашивали — будет помнить только, что он посоветовал осторожность на тот момент, поскольку дама давала обет церкви, но заверил Конала в своей искренней поддержке, если дама попросит у него самого снять с нее этот обет.

Когда Конал покидал кабинет Кардиеля, получив благословение архиепископа на задуманное, он считал, что даже Арилан не сможет добраться до случившегося на самом деле. Да и у епископа-Дерини не будет оснований для расспросов. Ведь его устраивает сложившаяся ситуация. Конал тихо посвистывал, направляясь назад в замок вместе с оруженосцем Иво, которого он забрал себе в услужение по возвращении, вместе с короной, которую он надеялся в скором времени надеть, и невестой, на которой он надеялся в скором времени жениться. Решение архиепископа в безопасности покоилось у него на груди.

Добравшись до замка, принц решил не терять времени и подтвердить участие Росаны в деле, которое он только что провернул. Он должен немедленно с ней увидеться. Более того, следовало обеспечить, чтобы их не перебили и им не помешали.

Заглянув к отцу и неторопливо пообедав с матерью, Конал отправился в небольшую комнату, расположенную за возвышением тронного зала, и послал Иво за Росаной. Она появилась полчаса спустя, все еще в черной траурной рясе, еще более похудевшая с последней встречи. Одна из сестер осталась подождать у дверей, чтобы соблюсти приличия.

— Вы хотели видеть меня, мой господин? — спросила Росана, чуть-чуть наклоняя голову и поглядывая на него с легким любопытством, когда церемонно кланялась.

— Да,— ответил он, жестом приглашая ее сесть рядом с ним на скамью у очага.— Пожалуйста, сядь.

Она вложила руки в широкие рукава и подчинилась, скромно глядя в пол, когда он вытянул ноги в сапогах поближе к теплу огня. Она устало вздохнула.

— Многое изменилось с тех пор, как мы разговаривали с тобой в последний раз,— начал Конал после секундного молчания.— Несомненно, ты слышала про припадок моего отца.

— Да, мой господин,— ответила она.— Мы каждый день молимся о нем, но я слышала...

— То, что ты слышала, несомненно, правда,— тихо сказал Конал.— Прогноз не многообещающий. Благодарю тебя за твои молитвы, но...

Он пожал плечами, по его телу пробежала нервная дрожь, затем, словно от горя, он закрыл лицо рукой.

— Прости меня. Просто я чувствую себя таким беспомощным. Вначале Келсон, теперь отец, он ведь покидает нас...

Она сидела к нему в профиль, невидящими глазами глядя в огонь.

— Говорят, он не переживет лето,— тихо произнесла она.— Вы станете королем, когда он умрет. И говорят, вы уже регент.

Он осторожно кивнул, едва осмеливаясь верить, что она сама привела его как раз к той теме, которую он хотел обсудить.

— Да, госпожа. И я буду королем. Хотя я и не чувствую себя готовым вынести такую огромную ношу. А ты... подумала о том, о чем мы говорили раньше?

Когда она повернула голову, чтобы взглянуть на него, ее глаза округлились и в них стоял испуг. Он

тут же вскочил со скамьи и опустился перед ней на колени, схватился за край ее рясы и страстно прижал ее к губам. Он в самом деле дрожал, хотя и думал, что контролирует ситуацию.

— Я люблю тебя, Росана,— прошептал он.— И, что по меньшей мере так же важно для короля, ты мне *нужна*. Ты нужна мне, чтобы быть рядом со мной и помогать мне править Гвиннедом. Без твоей поддержки и советов я не уверен, смогу ли вынести этот груз.

— Вы можете научиться любить другую,— прошептала Росана, пытаясь отнять свой подол у него из рук, но вместо этого он схватил ее руку и поцеловал.— Есть... много принцесс, которые посчитают за честь вступить с вами в брак.

— Но ни одна из них не может сравниться с тобой,— ответил Конал. Он повернул ее руку и поцеловал ладонь.— Я — Халдейн, но меня никогда не готовили к тому, чтобы стать королем. Да, я сейчас почти король. Через несколько дней мне передадут весь потенциал королей Халдейнов — и я понятия не имею о том, как его правильно использовать. Но ты — Дерини. Ты сможешь научить меня. А наши дети...

— Мои дети...

В горле Росаны застряло рыдание, и она опустила голову.

Она плакала о Келсоне. Конала резко пронзила ревностью, но он заставил себя подавить ее, как бесполезную. Келсон мертв, а он, Конал, жив, и пожинает плоды, причитающиеся Халдейну. Он мог позволить себе быть милостивым.

— Ты любила Келсона, не так ли, Росана? — тихо сказал Конал.— И ты думала, что твои дети также будут его детьми.— Он сделал паузу.— Я думаю, что

знаю, насколько сильно ты этого хотела, но теперь этого уже не случится никогда. Однако есть шанс сделать многое почти таким же, как оно было бы, если бы он остался в живых.

— Ничто никогда не будет таким же,— удалось ей прошептать.

— Все может стать таким же,— уговаривал он.— Ты строила планы, Росана — и нет оснований, чтобы они не осуществились, только твоим мужем стану я, а не Келсон. Ты будешь королевой-Дерини Гвиннеда, со всем, что это подразумевает, и у тебя будет положение, которое даст тебе возможность улучшить положение своего племени. Ты сможешь основывать религиозные институты, исследовать дополнительные духовные возможности, которые, кажется, есть у Дерини, не исключено, даже возродить культ святого Камбера, как хотел Келсон. И ты станешь матерью принцев и принцесс Халдейнов — а я хочу иметь много детей, моя дорогая. Даже если ты не любишь меня сейчас, неужели ты не думаешь, что сможешь полюбить меня в будущем?

Конал снова поцеловал ее руку, затем позволил языку поласкать ее гладкую кожу, но только на мгновение. Он почувствовал, как она вздрогнула от этого. Принц очень осторожно запустил слабый ментальный импульс из-за двойных щитов и обнаружил: ее защиты в смятении и она, очевидно, не видит оснований ограждать себя от его ментальной силы.

Однако ее тело вело себя совсем иначе. Конал чувствовал: Росана отвечает ему и это беспокоит ее. Она не боялась, что он попытается воспользоваться ситуацией — хотя ей и следовало бы — но она только с трудом сдерживалась. Его раздражало, что она сравнивает его прикосновение с прикосновениями

Келсона, но успокоился, поняв: сравнение, скорее, в его пользу.

— А, я кое о чем забыл,— сказал он, выпуская ее ладонь и запуская руку под тунуку, откуда достал пергамент, подписанный Кардиелем.— Сегодня утром я встречался с архиепископом. Я подумал, ты наверное прямо сейчас захочешь взглянуть на это, а не ждать день или два, пока получишь официальное уведомление.

Когда он вручил ей письмо, она побледнела, и ее руки задрожали. Раскрыв его, она прочитала несколько написанных Кардиелем слов.

— С меня снимают обет,— тихо прошептала Росана.— Почему он отдал это вам?

— Потому что я сказал ему, что хочу на тебе жениться.

— Вы... сказали ему.

Она прижала письмо к груди, глядя в огонь. На глаза ей наворачивались слезы, и она не сопротивлялась, когда Конал взял письмо у нее из рук и положил рядом на скамью. Росана не отодвинулась, когда он снова взял ее руки в ладони, сжав их, и вопросительно посмотрел на нее.

— Стань моей женой, Росана,— прошептал он, передавая ей все свое желание — столько, сколько смел, при помощи ментальных посланий, а также голосом и телом.— Будь моей королевой и любовью. Теперь тебя ничто не останавливает. Ты свободна делать свой выбор.

Она с грустью покачала головой.

— Нет, я не свободна, мой господин. Я точно такая же пленница долга, как и вы. Даже больше, потому что меня так воспитывали, а ваш долг — внове для вас.

— Разве Гвиннед является такой уж неприятной тюрьмой? — спросил он.— А меня ты находишь отвратительным тюремщиком?

— Это... дело не в этом, как вам конечно известно. Просто... все произошло так *внезапно*.

— Я разделяю твое беспокойство, сердце мое,— согласился он.— Слишком скоро ноша упала на *мои* плечи, но иногда у нас нет выбора. Если ты разделишь мою ношу, мы сможем сделать нашу тюрьму дворцом, я обещаю тебе. Мы будем самыми справедливыми королем и королевой, которые когда-либо правили в этом благородном королевстве, а я стану твоим мужем и любовником и буду жить только для того, чтобы сделать тебя счастливой.

Он положил голову ей на колени, пока говорил, обнимая ее за талию, а через несколько секунд, когда она не отстранилась, он поднял голову и провел губами у нее по груди. Она застонала, закрыв глаза, и даже сквозь грубую шерсть рясы он почувствовал ее реакцию.

Ощувив это, он поспешно вскочил, подняв ее вместе с собой, затем он обнял ее, притягивая к себе, и поцеловал. Через несколько секунд, когда ее губы раскрылись под его напором, он снял с ее головы камлавку, открыв черные, как ночь волосы, коса упала на спину и ударила по ягодицам, которые ласкала его рука. Она издала робкий звук, похожий на слабое рыдание, но он замер у нее в горле. Конал не сжалился, затягивая Росану все глубже и глубже в сладостный водоворот возбуждения и не переставая целовать.

Оторваться от нее, как и в ту ночь Келсону, когда Конал наблюдал за ними в саду, принцу было очень сложно и удалось лишь невероятным волевым усили-

ем. В эту минуту Конал хотел ее больше, чем когда-либо раньше. Но цена невесты-девушечницы королевской крови была слишком велика для принца — и будущего короля — и он не хотел рисковать честью девушки, если бы воспользовался ее состоянием здесь и сейчас, в ее теперешней уязвимости, о чем она сама может в дальнейшем пожалеть.

Поэтому он смог от нее оторваться, едва веря в то, что она без принуждения согласилась выйти за него замуж. Но только тут до него дошло, что она ведь на самом деле не сказала, что выйдет.

— Так ты станешь моей женой, Росана? — прошептал он.

Но когда в ее глазах появилась неуверенность, он снова поцеловал ее, сильно и крепко, языком проникая ей в рот. Его трясло, когда он вновь от нее оторвался, чтобы посмотреть в глаза, и увидел, что она тоже дрожит. Но на этот раз Росана не отвела взгляд, когда принц обнимал ее, глядя в заплаканные карие глаза.

— Стань моей женой, Росана,— повторил он.— Ты же не можешь отрицать, что между нами что-то есть.

Снова содрогнувшись, словно собирая всю свою силу, чтобы взять себя в руки, Росана кивнула.

— Да,— выдохнула она так тихо, что он практически ее не услышал.

— Скажи это громче,— потребовал он, улыбаясь.— Скажи: Конал Халдейн, я буду твоей женой!

Ей удалось изобразить слабую улыбку, и она кивнула ему.

— Конал Халдейн, я... буду твоей женой,— сказала она.

Тогда он на несколько секунд с силой прижал ее к себе, вдыхая запах ее волос, от которого у него

кружилась голова, но не прибегая больше ни к каким ласкам после того, как получил ее согласие. Через некоторое время он отпустил ее. Пока Росана приводила в порядок свою одежду и надевала камиллавку, Конал постарался взять себя в руки, сдерживая возбуждение, и приказал плоти успокоиться, сделав несколько глубоких размеренных вдохов.

Позднее, пытаясь заснуть, он заплатит за это, но пока что все мучения стоили того. Все его мечты и желания теперь находились в пределах досягаемости, от него только требовалось сдерживать нетерпение, да пережить магический ритуал, запланированный на следующую ночь, не выдав себя. Тогда все силы Халдейнов будут подтверждены в нем. Как только им позволят, они с Росаной поженятся.

Однако пока ему придется подержать в узде свои чувства. Он попросил ее не говорить об их помолвке никому, за исключением Кардиеля — по тем же причинам, которые он представил архиепископу. Затем Конал отпустил ее и подождал несколько минут, чтобы никто не заподозрил, что Росана проводила с ним время один на один.

Таким образом, Конал Халдейн был очень доволен и горд собой, когда вернулся в свои покои, чтобы сделать вид, будто погружен в медитацию, как того требовали от него в течение следующих двадцати четырех часов. После того, как Росана выйдет за него замуж, а сила Халдейнов будет передана ему самим Морганом и Дунканом, никто не сможет бросить ему вызов. Фактически, он сомневался, сможет ли ему противостоять Келсон, даже если тот воскреснет!

Не то, чтобы он верил, что Келсон все еще остался в живых, но...

* * *

Но Келсон, конечно, был жив, хотя еще не полностью вернулся к прежнему состоянию. Он достаточно оправился, чтобы идти довольно бодрым шагом, пока они с Дугалом пробирались по кажущейся бесконечной пещере, однако постоянно жаловался на головные боли, а память о магических способностях Халдейнов так и не возвращалась. Он достаточно окреп, чтобы в основном передвигаться без посторонней помощи, и даже частенько двигался быстрее Дугала, лодыжка которого отдавала болью при каждом шаге, но казалось, король словно утратил внутренний стержень и иногда по нескольку часов шел, не произнося ни слова.

Проходили дни — так, по крайней мере, казалось Дугалу, поскольку он потерял счет времени в темной пещере, где сутки не делились на день и ночь, и у Дугала оставалось все меньше и меньше надежды, ищет ли их еще кто-нибудь. Несколько раз перед тем, как погрузиться в сон, тяжелый и без сновидений, когда они с Келсоном делали привал для еды и отдыха, он пытался послать ментальные импульсы за пределы подземной тюрьмы, но у него ни разу не создалось впечатления, что его зов услышали.

Глава двадцатая

Приобретение сокровища лживым языком – мимолетное дуновение ищущих смерти¹

Лак же мы все-таки позволили уговорить себя на это? — спросил Морган, когда сумерки погрузили помещение в глубокую тьму, а они с Дунканом закончили приготовления к ритуалу, который позволяет передать могущество Коналу.

Дункан снисходительно посмотрел на кузена, осторожно подкладывая в огонь дрова, но оба знали, что вопрос Моргана — риторический. Он слишком много раз задавался на последней неделе, когда они обсуждали, какая будет форма у ритуала, и исследовали различные варианты обряда. Ведь Конал же не проходил никакой предварительной подготовки — никто не ожидал, что он когда-то станет королем. К сожалению, единственным ответом было: у них нет выбора.

Нигель, несомненно, умирал. Не исключено, он еще проживет несколько недель или даже месяцев, но его общее состояние ухудшалось с каждым днем. Когда-то мощное тело медленно увядало, туман ста-

¹Притчи 21:7

новился все гуще за остатками щитов, сохранившихся во время припадка. В тот вечер они устроились в его комнате, решив, что будет правильно, чтобы Некоронованный король присутствовал, по крайней мере, телесно, когда наследство Халдейнов перейдет к его сыну. Они хотели соблюсти хотя бы видимость снятия с него силы Халдейнов перед тем, как передать ее Коналу. Правда ничего, кроме остатков защиты, не показывало, что Нигель обладает хоть какой-то магией Халдейнов.

Необходимость лишить Нигеля могущества была подсказана Ариланом, по настоянию Совета Камбера, на тот случай, если и впрямь подтвердится запрет двум представителям рода Халдейнов одновременно владеть магией, и это помешает Коналу в полной мере получить причитающееся ему наследство. Ни один из королей Халдейнов никогда не наделялся силой, пока был жив его предшественник, хотя у Нигеля и жила только телесная оболочка.

Это привело их еще к одному вопросу, который пока ни Морган, ни Дункан не осмелились сформулировать вслух, но который мучил их обоих — если сила будет передана Коналу, это станет почти неопровержимым доказательством смерти Келсона.

А предмет их беспокойства ждал поблизости, нервничая, пока его не позовут, упрямо направляя свои мысли в нужное русло, чтобы пережить предстоящее испытание. Конал был голоден, а колени болели от стояния перед аналоем, но он отмахивался от телесных неудобств, проверяя меры предосторожности в последний раз — ведь за ним кто-то придет в самое ближайшее время.

Странно, но он чувствовал некую отстраненность от обряда, предстоящего ему в эту ночь. Ему почти

ничего не сказали о том, какое физическое испытание его ждет, но он считал, что в состоянии его выдержать, если не подведет ментальная защита.

Правда, он не особо беспокоился и по этому поводу, — та защита, которой его наделил Тирцель, выдержит многое. Он усилил свои щиты на несколько уровней, установив двойную защиту определенных областей сознания, поэтому теперь был уверен: он в состоянии выдержать все, кроме полного разрушения мерашей. Но он не думал, что сегодняшнее испытание включает мерашу, судя по тому, что он извлек из памяти Тирцеля. Дерини крайне редко применяли ее — кроме обучения, как справляться с ее последствиями, а также — иногда — чтобы не позволить противнику воспользоваться своей магией, если тот вдруг окажется сильнее.

Конечно, в достаточном количестве имелись и другие вещества, которые могут привести к неприятным ощущениям, и он окажется полностью на милости Моргана, Дункана и Арилана, которого Конал опасался больше всего: ведь Арилан очень хорошо подготовлен. Но Конал знал о большинстве возможностей благодаря контактам с Тирцелем — или из его непосредственных рассказов во время периода обучения, или из запретного знания, полученного Коналом, когда он читал память Тирцеля. И если он ничего не мог поделать, чтобы избежать применения какого-то зелья, он был уверен, что в состоянии справиться с последствиями, не продемонстрировав свою истинную силу и ее источник.

Тем не менее, он вздрогнул, когда в дверь тихо постучали. Это означало прибытие сопровождающего. Конал произвольно склонил голову и быстро

прочел коротенькую детскую молитву, прося о защите.

За ним должен был прийти один из двух епископов, или Дункан, или Арилан, а запертая дверь не остановит ни одного из них больше, чем на несколько секунд. Как и его отец, Конал обычно не особо увлекался внешним соблюдением религиозных ритуалов, но теперь, когда наступил ответственный момент, его смелость дала сбой. При появлении реальной тревоги перед неизвестным, молитва оказалась очень кстати. Кроме того, от Конала, как короля, будут ожидать появления на службах и соблюдения по крайней мере минимума ритуалов, так что, конечно, не навредит, если провожающий его священнослужитель увидит в нем набожность.

Через несколько секунд только что запертая дверь тихо отворилась, без скрипа петель, и мгновение спустя на плечо Конала легла рука.

— Время, Конал,— сказал Арилан.— Или тебе нужно еще немного?

Конал расправил плечи и поднял голову, чтобы, не мигая, встретиться с взглядом епископа.

— Я уже достаточно помолился, Ваше Преосвященство, но буду благодарен за ваше благословение перед тем, как мы пойдем туда.

Он оставался на коленях, когда Арилан на короткое время возложил руку ему на голову, благословляя, после того, как осенил Конала крестом.

Затем принц встал, Арилан накинул ему на плечи черный плащ, а затем сам Конал, уловив повелительный жест епископа, закрыл капюшоном лицо. Конал старался не смотреть в сторону Арилана, когда тот вывел его в коридор, затем они поднялись по уз-

кой лестнице, ведущей в комнату, где лежал Нигель. Сердце сильно билось в груди у Конала.

* * *

Морган стоял напротив Дункана, справа от кровати Нигеля, скрестив руки на груди, готовый к ритуалу. Как и на Дункане, на нем была черная ряса с капюшоном и красным поясом, капюшон — низко опущен на лоб, чтобы не отвлекаться ни на что постороннее. На его правой руке оставалась печатка с грифоном, но он снял перстень Королевского Защитника и повесил на кожаном ремешке на шею. Теперь он не был защитником ни Келсона, ни некоронованного Нигеля, лежащего перед ним неподвижно, ни сына Нигеля, регента, которого скоро коронуют. Но Морган будет хранить кольцо Келсона до самого дня своей смерти, с любовью вспоминая потерянного короля.

А Нигель, который теперь никогда не станет королем, без движений лежал по центру кровати с балдахином, одетый в пурпурные одежды, украшенные львами, символами королевского дома. Вдоль его тела лежал меч Халдейнов, рукоятка покоилась под скрещенными на груди руками, а одна из корон Халдейнов находилась на подушке над его головой — корона, которую Нигелю уже не суждено носить. Нигеля не брили с начала болезни, и теперь у него отросла борода. Сейчас он очень походил на своего умершего брата Бриона. И Морган с ужасом подумал о том, как в недалеком будущем Нигель будет точно также лежать в гробу, готовый к погребению, а стражу перед телом будут нести самые благородные рыцари их земли, отдавая ему почести перед по-

следним путешествием, вглубь королевских склепов в Ремутском соборе. В некотором смысле Нигель уже умер, и Морган оплакивал его, как друга и брата, хотя настоящее время траура еще и не пришло.

И тем не менее Нигель должен был находиться здесь: он дважды оказывался свидетелем ритуалов, похожих на тот, которому предстояло совершиться сегодня — вначале, когда силу Халдейнов передавали Бриону, кажется, целую вечность назад, затем он сам прошел через ритуал. Он не присутствовал при передаче потенциала Келсона, всего несколько лет назад, хотя там тогда находился Дункан. То, чему предстояло совершиться сегодня, будет сплавом элементов всех трех ритуалов, но добавятся и дополнительные детали в соответствии с особыми обстоятельствами. Если бы только успешное завершение также не подтверждало, что Келсона больше нет в живых...

Морган напрягся, когда щелчок дверного замка объявил о появлении Арилана с Коналом, но ни сам Морган, ни Дункан не подняли голову, когда Арилан снял с Конала плащ и провел его к аналою, установленному в ногах кровати с балдахинном. Арилан велел Коналу встать на колени перед аналоем, а сам вернулся закрыть дверь. Конал склонил голову без дальнейших приглашений, он оставался пассивен за мягкими щитами, затем перекрестился и посмотрел на неподвижное тело отца. Рукоятка меча Халдейнов, лежащая у Нигеля на груди, почти не вздымалась: дыхание было слабым. Арилан встал прямо за преклонившим колена принцем, теперь накинув красную парчовую ризу на черную рясу, и сложил руки в молитве.

— Если у тебя есть какие-то опасения насчет предстоящей церемонии,— тихо заговорил Морган, обра-

щаясь непосредственно к Коналу,— то сейчас пришло время сказать о них. Мы ожидаем, что все пройдет гладко, но выбранный нами обряд включает в себя некую опасность: ведь нам, в общем-то, впервые приходится совершать подобное. Поэтому я должен официально спросить тебя, как назначенный Глава этого ритуала, готов ли ты безоговорочно отдаваться в наши руки, телом и душой, чтобы сделать то, что мы считаем необходимым для пробуждения в тебе силы Халдейнов?

— Я готов,— ответил Конал, как его и учили.

— Тогда перед тем, как мы начнем,— сказал Дункан, принимая эстафету официальной процедуры и произнося слова ровным безликим голосом,— я должен прочитать официальную декларацию, в которой перечислены основания для проведения этого ритуала: ведь при нормальном течении событий, принц не должен принимать титул своего отца, пока отец еще остается жив.

Он вытянул перед собой лист пергамента, взяв его с небольшой тумбочки у кровати, и прочитал ровным голосом:

— «Поскольку наш усопший, оплакиваемый и любимый правитель, король Келсон Синхил Райс Энтони Халдейн, милостью Божьей король Гвиннеда, принц Меарский и рыцарь Пурпурной Марки, покинул это королевство, не оставив прямого наследника;

И поскольку упомянутый король Келсон назначил своего любимого дядю, Великого и Могущественного принца Нигеля Клуима Гвидиона Райса Халдейна наследником по закону и наследником своих магических сил в том случае, если упомянутый король Келсон умрет, не зачав наследника;

И поскольку упомянутый принц Нигель до того, как он мог быть коронован или его силы Халдейнов подтверждены, стал неспособен править из-за физической болезни, ведущей к гибели его тела;

И поскольку Великий и Могущественный принц Конал Блейн Клаум Утир Халдейн, старший сын и наследник принца Нигеля, был признан регентом и будущим королем государственными мужами, как мирскими, так и духовными;

И поскольку наш усопший, оплакиваемый и любимый король Келсон назначил в качестве исполнителей передачи своей силы Халдейнов его светлость, благородного рыцаря Корвина, сэра Аларика Энтона Моргана; его светлость, благородного рыцаря Кассанского, сэра Дункана Говарда Маклайна, священнослужителя и епископа; его преосвященство епископа Дхасского, лорда Дениса Майкла Арилана;

Поэтому указанные исполнители пришли к заключению, что поскольку у Гвиннеда имеется срочная необходимость в правителе, обладающем всем наследием Халдейнов, в полной мере и дееспособным;

А также поскольку упомянутый принц Нигель неспособен в настоящее время и, вероятно, не будет способен в будущем принять на себя всю силу Халдейнов, а временное исполнение королевских обязанностей уже возложено на его сына и наследника принца Конала;

Поэтому духовная и магическая власть должна принадлежать его сыну и наследнику.

Для этой цели вышеуказанные герцог Аларик, герцог Дункан и епископ Денис собрались вместе, в присутствии вышеупомянутого принца Нигеля, чтобы исполнить необходимые ритуалы для передачи

этой власти его высочеству, принцу Коналу Блейну Клауму Утиру Халдейну.

Подпись: Морган, герцог Корвинский; Маклайн, герцог Кассанский; Арилан, епископ Дхасский.»

Подписи и печати каждого стояли внизу листа. Теперь Арилан подвел Конала к документу, чтобы он тоже его подписал, Дункан расправил лист на столе, а Арилан вручил Коналу перо. Конал аккуратно вывел буквы — Конал *Interrex*, завершив подпись витиеватым росчерком, что практически исключало возможность подделки подписи и делало ее уникальной. Но когда он отложил перо и вопросительно посмотрел на Дункана, не зная, что делать с печатью, Арилан отвел его назад к аналою и заставил вновь преклонить колена, призывая к молчанию, приложив указательный палец к губам. Бросив быстрый взгляд на Конала, Морган достал тонкий стилет из ряссы и осторожно снял большой палец правой руки Нигеля с рукояти меча.

— Так требует традиция,— прошептал Арилан в ухо Коналу.— Такие документы скрепляются кровью.

Морган быстро проколол большой палец Нигеля концом стилета и на нем тут же появилась блестящая капля крови, к которой Дункан приложил пергамент, затем к пергаменту крепко приложили палец Нигеля. Это и служило печатью. Потом Морган протер палец Нигеля чистым куском материи, переданным ему Дунканом, и прижал палец ладонью, чтобы остановить кровь и заживить ранку. Дункан передал документ Арилану, который положил его перед Коналом.

— Ты будешь скреплять его несколько по-другому,— сказал Арилан, когда Дункан принес небольшой поднос с бокового столика. Морган тоже подо-

шел и взял его в руки. На подносе лежало Кольцо Огня Келсона; серьга, украшенная голубым сапфиром в форме звезды; иголка с продернутой белой шелковой ниткой, а такая небольшая заткнутая ваткой склянка. Дункан взял склянку и один раз перевернул вверх дном, смачивая ватку. Арилан подошел поближе к преклонившему колена Коналу, оседлал его, слегка зажав голову коленями с двух сторон.

— Глаз Цыгана утерян с Келсоном,— пояснил Морган, наблюдая, как Дункан смачивает мочку правого уха Конала, а затем дезинфицирует иголку и серьгу.— Это вдвойне неудачно: у нас сложилось впечатление, что он всегда играл определенную роль в передаче потенциала Халдейнов наследникам престола. Я точно знаю, что он использовался во время ритуалов Келсона и Нигеля; правда, у меня есть основания считать, что его вдели в ухо Бриону, когда тот был еще мальчиком, и между двумя частями ритуала прошло от десяти до пятнадцати лет. Кольцо Огня без него может сработать совсем по-другому, но оно у нас осталось, а Глаза Цыгана нет. В любом случае мы с Дунканом попытались наделить заменяющий драгоценный камень — голубой сапфир — тем видом энергии, которая имелась в Глазе Цыгана — чего должно быть достаточно для наших целей. Важный элемент передачи, как мы считаем, связан с кровью, а не самим камнем. Он нужен для скрепления печатью документа, который ты только что подписал. Кольцо Огня с гранатом тоже заряжается твоей кровью, так что мы все сделаем одновременно. Не беспокойся: тебя уколут только один раз.

Он наблюдал за тем, как Конал закрыл глаза, а Дункан близко поднес иглу. Принц и не дернулся, когда Дункан быстро сделал надрез. Арилан припод-

нял лист пергамента, чтобы Дункан капнул кровью Конала на него. Конал открыл глаза и следил за происходящим, а потом без дополнительных приглашений опустил в кровь палец, таким образом скрепляя документ. Принц ничего не сказал, когда Дункан поднес Кольцо Огня к крови, капающей с мочки уха и, казалось, не замечал, как Дункан положил его назад на поднос и огромный неограниченный гранат в центре потемнел не только от крови, а чего-то еще. Но Конал сморщился, когда Дункан продел дужку сапфира сквозь только что проделанную дырку.

— Я заживлю ранку, если ты расслабишься и снимешь свои защиты,— тихо сказал Дункан, слегка накрывая и драгоценный камень, и мочку уха пальцами.— Незачем страдать больше, чем необходимо.

Конал тяжело вздохнул, услышав это, а через несколько секунд на его лице уже появилось облегчение. Тогда Дункан убрал пальцы. Арилан отошел, чтобы положить скрепленный кровью документ на небольшой столик, установленный у противоположной стены. Затем он вернулся и встал за спиной Конала, Дункан вернулся на свое место у постели Нигеля слева, снова приняв ритуальную позу со скрещенными на груди руками. Заговорил Морган.

— А теперь я требую от тебя, Конал Блейн Клаум Утир, как от истинного законного наследника Нигеля Клаума Гвидиона Райса, засвидетельствовать законное изъятие сил Халдейнов у Нигеля Клаума Гвидиона Райса.

Морган закрыл глаза и вытянул руки вперед, держа их на уровне плеч, ладонями вверх, подобно священнослужителю, взывающему к Богу, и провозглашал:

— И для этой цели я призываю и велю явиться незримых свидетелей, дабы они могли одобрить и стать свидетелями сего действия. Пусть защитят нас от всех опасностей и врагов с Востока во имя Рафа-ила.

Он пропел имя архангела, а когда последняя нота заглохла, Дункан с Ариланом хором воскликнули:

— Аминь.

— И пусть мы также будем защищены ото всех опасностей и врагов с Юга, во имя Ми-ха-ила.

— Аминь,— сказали оба священнослужителя.

— Пусть мы будем защищены ото всех опасностей и врагов с Запада, во имя Гав-ри-ила.

— Аминь.

— И, наконец, пусть мы будем защищены от опасностей и врагов с Севера, во имя У-ри-ила.

— Аминь, аминь, аминь. Мы продолжаем с открытым сердцем,— провозгласили священники.

Когда Морган вновь скрестил руки на груди и склонил голову, Арилан положил руку на шею Конала сзади, заставляя его склонить голову на сложенные руки, в то время как правая рука поднялась ладонью вперед в направлении Нигеля, словно в благословении.

— Да будет славен Создатель, отныне и во веки веков,— сказал Арилан, сотворяя крестное знамение над лежащим без движения Нигелем,— начало и конец, альфа и омега.

Затем его рука нарисовала в воздухе греческие буквы — над головой Нигеля и в ногах, потом изобразила символы элементов в четырех концах креста, после чего Арилан продолжил:

— Ему принадлежат времена года и века, Ему слава и власть отныне и во веки веков.

Слова, хотя Моргану и доводилось слышать их раньше в магическом контексте, обычно использовались для освящения пасхальных свечей и, возможно, имели дополнительный оттенок, признавая Нигеля жертвой и жертвователем — как на самом деле и были все Святые Короли для своих народов.

— Благослови нас, Господи,— завершил Арилан.— Благословенно имя Твое.

Закончив говорить, он отпустил шею Конала и скрестил руки на груди точно так же, как Морган и Дункан, а Морган, бросив быстрый взгляд на Дункана, протянул руки и положил левую на лоб Нигеля, а правую на меч Халдейнов под руками Нигеля. Дункан последовал его примеру, но наоборот: положив правую руку на лоб Нигеля и левую на клинок. Кончики их пальцев встретились.

— И ныне в скорби,— прошептал Морган,— мы забираем то, что было дано Нигелю Клуиму Гвидиону Райсу в свое время, все, скрепленное кровью Халдейнов, и прямо сейчас передаем твоему сыну и наследнику Коналу Блейну Клуиму Утиру. Да будет так.

— Да будет так,— прошептал Дункан.

— Аминь,— сказал Арилан.

Затем Морган вступил в глубокий ментальный контакт с Дунканом, пока их единение не стало полным. Потребовалась целая минута, чтобы его достичь, а затем они стали извлекать силу из Нигеля. В дальнейшем Морган не был уверен, в самом ли деле Нигель что-то потерял во время процедуры, но когда они с Дунканом разорвали связь, почувствовав физическое истощение, Моргану показалось, что он ощущает, как новая сила пульсирует в мече — гораздо большая, чем обычно в магическом клинке.

Он вынул оружие из-под рук Нигеля и подождал, пока Дункан не скрестит по-новому руки бесчувственного принца, а затем поднес рукоять меча к губам Нигеля и дотронулся до них. После этого Морган перенес меч в центр комнаты, его рука крепко сжимала рукоять в самом низу, как можно ближе к лезвию. Он встал, повернувшись лицом на Восток, и подождал, пока Дункан с Ариланом не подведут Конала и не поставят его прямо за ним.

Арилан взял кропило и, встав перед Морганом, поклонился востоку, а потом начал создавать вокруг них круг, по часовой стрелке брызгая святой водой, чтобы обозначить периметр. Дункан зажег свечи на маленьком столике, который ранее передвинул в центр Арилан, затем поднес к огню документ, который они все подписали и скрепили печатями, и положил его в небольшую глиняную миску после того, как пергамент охватило огнем.

— Пусть это подношение, благословенное Тобой, поднимется к Тебе, Господи,— сказал Дункан, сотворив над чашей крестное знамение.— И пусть Твоя милость опустится на Твоих слуг, и присутствующих, и тех, которые еще грядут.

Затем он перекрестил чашу с фимиамом перед тем, как бросить несколько крупинок в глиняную миску, где горел пергамент, и в кадило.

— Пусть тебя благословит Тот, в чью честь тебя сжигаем,— сказал он, затем взял кадило за цепочку и стал медленно покачивать.— Пусть наши молитвы поднимутся к Тебе, Господи, как аромат фимиама. Когда мы поднимем наши руки, пусть это будет принято, как наша вечерняя жертва.

Запах горящих пергамента и крови быстро заглушился сладким ароматом фимиама. Дункан повер-

нулся на восток и поклонился, раскачивая кадилом, затем, как и Арилан, обозначил второй защитный круг.

А когда Дункан добрался до южной четверти, Морган повернул меч Хаддейнов в своих руках, чтобы отсалютовать Востоку, затем стал нарезать в воздухе третий круг. Кончик клинка, казалось, порождает блестящую ленту сочного оранжевого цвета на уровне груди, где он проходил. Когда третий круг был завершен, Морган повернулся в центр, чтобы посмотреть на Дункана и Арилана, стоявших с двух сторон Конала.

— И вот мы встретились,— тихо сказал Арилан, когда Морган остановил меч горизонтально к груди, удерживая лезвие на левой ладони. Затем Морган поднял меч до уровня плеч между собой и тремя другими участниками церемонии, откинул голову назад и призвал магические силы, чтобы начали действовать заговоры. Вокруг них вверх взметнулся огонь, окружив их и создав огненный купол над головами. Тогда Морган опустил меч в правой руке. Кончик его коснулся пола у ног, обе руки остались на поперечине, а огонь, идущий по кругу, опустился до уровня пола. Заговор сработал.

— Теперь мы едины со Светом,— продолжал Арилан, склонив голову.— Мы чтим древние пути. Но мы не ступим на них вновь.

— *Augeatur in nobis, quaesumus, Domine*,— продолжал Дункан на латыни,— *tua virtutis operatio*. Да возрастет сила Твоя, Господи, в душах наших.

— Да будет так. Аминь,— ответил Морган. Арилан поднял руки для последнего благословения, и все они сотворили крестное знамение.

— *Et mentis nostri tenebras, gratia tuae visitationis, illustra, Qui vivus. Amen.* Своим милостивым приходом освети темноту нашего разума, Ты Кто Есть Сущий. Аминь.

Конал выглядел настороженным, но не испуганным, когда Морган бросил на него взгляд, и Морган не был уверен, нравится это ему или нет.

— Прекрасно, теперь мы полностью защищены заговорами. У тебя есть вопросы перед тем, как мы продолжим?

Конал осторожно покачал головой; казалось, он, вообще, не склонен открывать рот. Получив знак от Моргана, принц последовал за Ариланом к другой стороне принесенного из алтаря стола, Дункан достал небольшой табурет, который был скрыт под столом, и Арилан сел на него, спиной к столу. Пока Арилан разворачивал у себя на коленях полотняную ткань — потому что следующим этапом планировалось миропомазание Конала, так как он пока фактически не являлся королем — Дункан развязал завязки на рубашке принца, обнажив его грудь, затем жестом показал, что принцу следует преклонить колена у ног Арилана. Морган встал прямо за спиной Конала, поставив ступни у его икр, а меч между ног, чтобы клинок прикасался к спине Конала. Принц склонил голову и сложил руки на коленях у Арилана. Дункан взял сосуд со священным миром и также склонился рядом с Ариланом, справа, чтобы держать его для него.

— Садок, первосвященник, и Нафан, пророк, миропомазали Соломона на царствие, — сказал Арилан, цитируя Священное Писание. — Принц Конал Блейн Клеим Утир Халдейн, пока ты не коронован и не миропомазан; тем не менее признание правителя Хал-

дейна обычно включает миропомазание. Поэтому, как старший из присутствующих здесь в качестве свидетелей священников, я настоящим осуществляю предварительное миропомазание и благословляю тебя, предзнаменуя тем самым благословение и миропомазание, которые будут осуществлены, когда ты станешь королем.

Епископ обмакнул большой и указательный пальцы правой руки в масло, которое держал Дункан, и помазал ладони, которые Конал раскрыл на его открытых полотняной тканью коленях, ведя от правого большого пальца до мизинца левой, а затем от большого пальца левой к мизинцу правой, потом нарисовал кресты на правой и левой ладонях.

— Пусть твои руки будут в священном масле, чтобы ты мог достигнуть славы.

Арилан снова обмакнул пальцы в миро и нарисовал крест у Конала на груди.

— Пусть твоя грудь будет в священном масле, и в твоём сердце всегда будут доблесть и отвага.

И наконец на макушке склоненной головы Конала.

— Пусть твоя голова будет в священном масле, как были миропомазаны короли, священники и пророки, чтобы ты мог обрести мудрость.

Затем Арилан закрыл руки Конала, перевязав их куском материи перед тем, как тщательно вытереть свои собственные пальцы. Миро, в самом деле, было священным, но оно также включало вещество, снижающее сопротивление и вызывающее легкое ослабление. Оно не оказывало заметного влияния на Арилана, который лишь слегка и ненадолго обмакивал руку в масло, но Конал продолжал впитывать его через руки, грудь, голову и слегка качался, стоя на

коленях. Дункан заменил сосуд с маслом на чашу с пеплом от сгоревшего документа, а Морган поднял Конала, положив правую руку ему на плечо, в то время как его левая рука продолжала прижимать меч Халдейнов к спине принца.

Морган почувствовал, как ослабевают ранее твердые защиты Конала, когда Дункан, обмакнув большой палец в пепел, пометил принца между глаз, и успел ощутить мягкое тепло и слабое смятение у него в сознании.

— Конал Блейн Клеим Утир,— сказал Дункан,— я объявляю тебя старшим Халдейном, и подтверждаю, что ты — наследник.

Пока Дункан брал щепотку пепла между большим и указательным пальцами, Морган провел правой рукой вокруг челюсти Конала. Это была подсказка, что нужно открыть рот. Конал подчинился без сопротивления.

— Вкус пепла смешанной крови Халдейнов,— прошептал Дункан, бросая пепел на язык Конала,— твоей собственной и твоего отца, непрерывная линия наследования. Кровью ты освящаешься на наследство Халдейнов и признаешься старшим в роду Халдейнов. Сила придет к тебе в полном размере.

Но фактический прилив силы не придет из пепла. Не придет он и из Кольца Огня, которое Арилан вставил Коналу в левую руку после того, как развязал руки принца и вытер их от масла. Как и в ритуале Келсона, проведенном четыре года назад, Морган и Дункан установили катализатор на запуск могущества в физический предмет, соединенный раньше с магией Халдейнов — тяжелую, размером с кулак брошь, которую Дункан достал из-под полотняной материи. Брошь в последний раз видели во время процедуры

посвящения Келсона в рыцари — золотой лев Халдейнов на пурпурном эмалевом фоне.

Сзади была застежка, которой обычно пристегивалась брошь, — три дюйма блестящего золота, очень острая, которой Коналу, как до него Келсону, придется проколоть свою левую руку. В золотой полости также имелся сильный наркотик, который снизит возможное сопротивление силам, которые должны соединиться и сконцентрироваться в Конале.

Арилан стоял справа от Конала, когда Дункан вложил открытую брошь в правую руку принца, а Морган приготовился отступить назад — потому что ни один из них не должен дотрагиваться до Конала в этот момент испытания. По очереди каждый из епископов вознес мотиву за здоровье и процветание последнего наследника Халдейнов, в соответствующие моменты Морган вместе с Коналом произносили «Аминь». Морган подсказывал Коналу, когда это нужно делать, потому что глаза принца теперь расширились, и он все глубже и глубже подвергался воздействию наркотика.

А затем, когда Морган отступил назад и встал на колени сразу за Коналом, держа между ними меч Халдейнов, подобно кресту, Арилан преклонил колени справа от принца, а Дункан, остававшийся стоять, легко опустил обе руки на голову Конала, проявляя осторожность, чтобы не коснуться кожи, поблескивавшей от масла.

— Конал Блейн Клеим Утир Халдейн, хотя тебя и обвиняют пути другого мира, хотя огненные языки смерти взметаются ввысь вокруг тебя, ты не должен бояться зла. Господь охранит тебя и под Его покровительством ты обретишь спасение.— Дункан поднял

руки и перекрестил склоненную голову Конала.— *In Nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti, Amen.*

А затем, встав на колени слева от Конала, Дункан поднял руки, взывая к Господу в последний раз, точно так же, как поднимал он их для Келсона, казалось, целую вечность тому назад.

— *Domine, fiat voluntas tua.* Господи, да будет воля Твоя.

Один раз вдохнув воздух, собираясь с силами перед тем, что ему предстояло сделать, Конал слегка изменил положение броши со львом в правой руке, чтобы взяться за нее покрепче, направил острие к центру левой ладони, а затем проткнул ее.

Глава двадцать первая

Сила моя иссохла как черепок¹

Конал не ожидал, что это будет настолько мучительно. Булавка, которой он проткнул руку между костей, обожгла его, подобно расплавленному металлу. У него перехватило дыхание от боли, он согнулся пополам, словно получил удар в солнечное сплетение. Он не мог ни вдохнуть, ни тем более вскрикнуть.

И тем не менее, он ощущал что-то еще, помимо боли — хотя его сознание и было слегка затуманено зельями. И это была сила, уже принадлежавшая ему. Через жжение, сконцентрировавшееся у него в руке, Конал чувствовал ее, как жужжание пойманного в ловушку насекомого, бьющего крыльями, в попытках освободиться. Вначале она только слегка отвлекала, затем стала раздражать, поскольку он никак не мог на ней сосредоточиться. Принц стиснул зубы от боли, а здоровой рукой еще крепче сжал гладкую холодную брошь, словно пытаясь, надавив на нее сильнее, поймать на острие нечто еще, находившееся у него в руках, и проткнуть так же, как брошь проткнула руку.

¹Псалмы 22:16

Второе зелье, попавшее ему в организм, тоже возымело действие. Конал почувствовал, как новое средство усиливает первое, но они оба были ему известны со времен общения с Тирцелем — и принц знал: он может справиться с их действием. Они не вынудят его выдать себя, а только помогут и укрепят те знания и способности, что все настойчивее требовали выхода изнутри.

Нечто поднималось подобно волне у него в сознании, не то чтобы угрожающе — хотя и нельзя сказать, что он чувствовал себя комфортно. Сила была там — огромная и могучая — и этот новый и непривычный вид власти предназначался ему и только ему. Этой силе не сможет противостоять никакой другой живой человек. Брошь жгла его руку, словно сам металл разогревался, но он знал: это просто реакция плоти. Сила была чем-то иным, непонятным и неведомым, но в то же время известной и теперь полностью контролируемой. Конал чувствовал, что с каждым ударом сердца она начинает пульсировать все сильнее, заполняя пустоты, принося новые знания бытия и придавая новую форму старому, только наполовину понимаемому знанию, четко фокусируя его, так что даже разрозненный материал, полученный им от Тирцеля, становился теперь доступен во всей полноте.

Конал наслаждался ею. Он в экстазе плыл на волне знания и позволил себе соединиться с ним — хотя и не ослабил давления на брошь, чтобы боль в руке задержала его в своем теле. Принц испытывал искушение полностью сдаться силе, свернувшейся в нем кольцом, но вовремя забеспокоился: ведь если он слишком сильно откроется, его защиты могут

упасть, и посторонние прочитают скрытое у него в сознании и узнают, что он не тот, кем кажется.

Поэтому Конал на всякий случай согнулся еще ниже над своими сжатыми руками. Его дыхание все еще оставалось неровным, как реакция на жар, сконцентрировавшийся в левой руке, и он направил свой разум на поглощение всего, что было принесено на разные уровни сознания и все еще поднималось на поверхность.

Не все это оказалось приятно. Был короткий щекотливый момент, когда призраки содеянного им поднялись и угрожали ему — вначале лицо Тирцеля, застывшее от ужаса и непонимания, когда наставник летел спиной вперед вниз по лестнице, забравшей его жизнь; затем отец, бессмысленно поднимающий руки, защищаясь от гнева Конала, разбуженного чувством вины и усиленного запрещенной магией. Он видел, как эта сила окутала еще живого отца смертью и оставила только медленно умирающую оболочку.

Последнее чуть не заставило Конала расплакаться, потому что он самом деле не желал причинить зло собственному отцу. Все это случилось само по себе, и он до сих пор не был уверен, как и почему. Дрожа, он попытался вернуть равновесие, но новые зарождающиеся в нем силы, бурлящие внутри, еще не успокоились.

Любой из троих помощников, стоявших на коленях вокруг него, понял бы, что случилось потом, но не сам Конал. Когда он изгнал обвиняющее лицо отца из своих воспоминаний, медленно начало возникать другое. И оно ему тоже мало нравилось.

Третьим после Тирцеля и Нигеля появилось бледное круглое лицо, обрамленное седыми волосами, с

чувственными губами, сурово поджатыми в раздумье и сосредоточении. Выделялись серые глаза, такие же, как у Халдейнов, за которыми, казалось, ничего нет. Капюшон темно-серого цвета слегка спал с головы. Глаза поймали взгляд Конала и не отпускали, и он чувствовал, что они вытягивают его душу из тела. Он всхлипнул и еще сильнее сжался в комок, когда руки потянулись к нему.

Но затем Конал стал откуда-то черпать силу, чтобы сопротивляться этим рукам, он смог установить барьер из пурпурного света между собой и другой сущностью, наконец уйдя от всяческого контакта. Это было нелегко, но все-таки удалось ему.

Какое-то время после этого он отдыхал, постепенно обретая равновесие, и наконец нормализовалось даже его дыхание — когда он сумел подчинить себе боль в руке при помощи энергии, хозяином которой он стал. Память Тирцеля тоже, казалось, стала стабильной, а все полученные знания сделались полностью доступны.

Он несколько минут потратил на то, чтобы проверить и убедиться в этом, сознавая, что зелья, попавшие в его тело, достигли максимального эффекта, а он, несмотря на это, все еще может использовать свою волю. Затем он сделал глубокий вдох и медленно выпрямился, сев на пятки и придерживая то, что теперь казалось просто брошью у него в руке.

— Конал? — услышал он едва различимый шепот Моргана.

Хотя он и пытался держаться, Конал издал неприятный резкий звук от новой боли, остро почувствовав булавку у себя в руке. Но к нему уже пододвинулся Дункан, Морган отводил его здоровую правую

руку, а Дункан развел пальцы левой, чтобы вынуть острие. Хотя она и была гладко отполирована, булавка с трудом выходила из руки. Конал не скрывал боли, поскольку до него дошло: он, возможно, реагирует не совсем адекватно на то, что, предположительно, должно было случиться. Его отец рассказывал, как потерял сознание даже после того, как ему передали лишь часть могущества, и у Конала создалось впечатление, что Келсон тоже отключался на какое-то время, когда принимал силу Халдейнов. Может, Коналу стоит притвориться, что он потерял сознание.

Но перед ним на коленях стоял Арилан и с большим интересом наблюдал за ним, очевидно, весьма довольный его реакцией. А Дункан, хотя и промывал раны на руке Конала чем-то ужасно жгучим, вскоре снял боль, используя свои целительские способности. И в результате исчезли и оба разреза, сверху и снизу, и все неприятные ощущения. Судя по реакции Дункана, в поведении Конала не было ничего необычного. Конал в удивлении посмотрел на руку после того, как ее выпустил Дункан: там не осталось даже капли крови, свидетельствующей об испытании, хотя кровь еще оставалась на булавке броши, которую держал Морган.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Морган, всматриваясь в серые глаза принца.

Проявляя осторожность, Конал покачал головой, притворяясь, будто с трудом соображает и еще не вполне пришел в себя.

— В порядке, наверное. Но...

Он слотнул и опять покачал головой. Он, в самом деле, не мог выразить словами случившееся с ним, даже если бы и посмел — с тем, что давило ему

на совесть. И ему не хотелось упоминать то незнакомое лицо, которое увидел.

— Я очень устал,— прошептал он, инстинктивно зная, что это будет самый безопасный ответ.

— Удивительно, что ты не потерял сознание,— тихо сказал Арилан, вытирая остатки миро с груди и макушки Конала.— На самом деле, как мне кажется, ты вообще не лишался чувств, не так ли?

Конал сразу же решил, что слегка приукрашенная правда безопаснее прямой лжи.

— Ну... мне кажется, все-таки я словно куда-то уплывал,— прошептал он.— Все было так... словно я уходил от действительности, потом возвращался и снова уходил. И я почти ничего не помню.

— Ну, это обычно,— заметил Дункан.— Мне кажется, Келсон так и не смог рассказать нам о пережитом, хотя и отметил, что, как ему показалось, он видел своего отца.

Арилан хмыкнул.

— Этого наврядли следовало ожидать в данном случае, раз Нигель еще жив. Однако, определенно, что-то случилось. Конал, как насчет пробы своих новых сил? Может, что-нибудь продемонстрируешь, раз ты в неплохой форме?

Коналу стало не по себе, когда он прикидывал, что бы такое безобидное сделать. Ему следовало выбрать действие, которое не покажется слишком уж необычным спустя лишь несколько минут после обретения силы, в исполнении совершенно неподготовленного человека. Затем, притворяясь, будто из всех сил концентрируется, он вытянул вперед правую руку и сложил ее чашечкой, призывая магический огонь. Конал изобразил благоговение, когда огонь появился, поблескивая малиновым светом у

него в руке, но Арилан только улыбнулся, затем улыбнулся Дункан, а Морган только медленно кивнул.

— Магический огонь,— сказал Арилан.— Да, это начало.— Он бросил взгляд на двух других Дерини.— Вам потребуется моя помощь, чтобы тут все убрать, или я могу отвести Конала в его покои?

— Мы справимся,— ответил Дункан, когда Морган медленно поднялся на ноги с мечом Халдейнов.

Позднее, когда они уже сняли все заговоры, а Арилан ушел с Коналом и Морган с Дунканом собрали все предметы, использовавшиеся в ритуале этой ночью, Морган тяжело вздохнул, а затем опустился на пол, прислонившись спиной к боковине кровати Нигеля и беспокойно потирая рукоять убранного в ножны меча.

— Наверное... мы должны принять, что Келсон мертв,— прошептал он, когда Дункан присел рядом.— Мне не хотелось верить в это раньше, но...

Его голос резко оборвался, он склонил голову, прикрыв лицо рукой от горя, сдерживаемого столько дней.

Но теперь случившееся нельзя было отрицать. Он предавался скорби еще несколько мгновений, стараясь найти успокоение в объятиях Дункана, а также в нежных прикосновениях сознания друга, которое посылало умиротворяющие импульсы, хотя горе Дункана было не меньше его собственного, ведь тот потерял не только короля, а еще и сына. Но, странно, отчаяние и горе довольно быстро прошли, постепенно сменяясь растущей убежденностью: они каким-то образом должны подтвердить для себя самих, что Келсон и Дугал на самом деле мертвы.

— Ты имеешь в виду: отправиться туда, где произошел несчастный случай и искать тела? — спросил Дункан вслух, когда они оба вновь смогли говорить.

Морган натянуто кивнул.

— Мы должны это сделать, Дункан. Пока сами не увидим доказательства и не удостоверимся, что Келсон с Дуталом потеряны навсегда, от нас будет мало проку. Я даже не уверен, большую ли роль мы сыграли в том, что сегодня происходило здесь.

— Любопытно, что ты об этом говоришь,— заметил Дункан, тоже отметивший про себя странность только что законченной процедуры.— Я сам как раз думал, как сегодняшняя ночь отличалась от того, что я ожидал. Какая-то странная пустота, словно мы просто автоматически производили нужные действия. Определенно, ничего общего с ритуалом Келсона.

— Согласен, последовательность была изменена в сравнении с тем, что нам доводилось видеть раньше,— сказал Морган, расстроенный гораздо глубже, чем ему хотелось признаться.— Одно это могло сделать процедуру иной. И, не исключено, что все остальное воспринималось по-другому, поскольку у нас не было Глаза Цыгана — хотя я определенно должен сказать, что конечный результат получился успешным. *Что-то* определенно произошло, когда он проколол руку брошью — хотя я согласен с тобой: ощущения очень отличались от тех, которые я испытал, когда руку прокалывал Келсон.

Дункан вздохнул и сел рядом с Морганом, точно также прислонившись к боковой боковине кровати, затем провел рукой по лицу, на несколько секунд погружившись в собственные мысли, а затем покачал головой.

— Мы гоняемся за призраками, Аларик,— прошептал он,— и к сожалению источник этих призраков, скорее всего — наше глубокое горе, а не что-либо по-настоящему странное, происшедшее здесь сегодня ночью — хотя и магию Халдейнов нельзя считать не странной по стандартам Дерини, как мне кажется.

— Да, ты прав.

— Что приводит нас к еще одному интересному вопросу,— продолжал Дункан.— Конал — *только* Халдейн. Джехана не является его матерью — а это даст гораздо более слабое воплощение силы, чем мы привыкли видеть в Келсоне.

— Если только в Халдейнах уже не было крови Дерини до Джеханы,— заметил Морган.— В прошлом-то была, хотя я сказал бы, что к сегодняшнему дню ее здорово разбавили,— он вздохнул.— Но ты прав. Конал не будет таким королем, какими были Келсон или Брион. Жаль. Это грустный факт сам по себе.

Он медленно встал на колени, повернулся и посмотрел на Нигеля, теперь освобожденного от регалий Халдейнов. Он казался еще бледнее на крахмально-белых простынях, чем когда был одет в пурпурные одежды Халдейнов.

— И как жаль, что Нигелю никогда не суждено править,— продолжал он, с грустью опуская руку на одну из неподвижных рук Нигеля.— Боже, из него получился бы великолепный король. Он — не Келсон, тут я согласен с тобой, но во многом у него есть лучшие качества Бриона — без его слабостей. Бедный дорогой Нигель. Он не хотел бы умереть так, как ему приходится. Почему он не мог умереть мгновенно, достойной смертью в битве?

Дункан отвернулся, стараясь взять себя в руки.

— Едва ли стоит рассуждать об этом, Аларик. Ставнет только хуже, ты сам знаешь это.

— Знаю.

Вздыхнув, Морган поднялся на ноги и положил убранный в ножны меч Халдейнов на подставку в головах кровати.

— Дункан, давай отправимся в путь сегодня ночью? — сказал он, поворачиваясь к кузену. — Я понимаю, глупо предполагать, что они по прошествии стольких дней еще могут быть живы, но даже если мы обнаружим истлевшие разбитые тела, или утопленников, по крайней мере, мы будем *знать*.

Дункан не встречался взглядом с Морганом, когда также поднялся со склоненной головой, теребя в руках кончик одеяла, которым укрывал Нигеля.

— Ты, в самом деле, считаешь, что мы должны отправляться так скоро? А что если мы понадобится Коналу?

— Зачем мы ему? — возразил Морган. — Мы никогда ему не требовались раньше. А если ему понадобится кто-то из Дерини, здесь остается Арилан. Мы можем с ним регулярно связываться, если это тебя успокоит. Кроме того, теперь Конал — старший Халдейн, обладающий всем потенциалом, и король во всех смыслах, кроме титула. И не уверен, что мне хочется здесь присутствовать, когда вот это дело завершится, — он грустно посмотрел на Нигеля. — Я сказал все свои «прощай», пока мы ждали появления Конала.

Дункан медленно кивнул.

— Наверное, я говорил тебе, что Кьярд, Джасс и несколько других людей Дугала остались в лагере, чтобы продолжить поиски. Мы можем добраться в

Валорет через Портал, а оттуда, как мне говорили, до аббатства святого Беренда и этой площадки в горах примерно два дня пути — при условии сносной погоды и быстрой смены лошадей.

— Значит, поедем? — уточнил Морган.

— Думаю, да.

— Сегодня ночью?

— Нет, утром. Навряд ли мы можем уехать, ни с кем не попрощавшись.

— А если Конал не позволит нам?

Дункан хмыкнул.

— Ты что, считаешь, он хочет, чтобы мы тут болтались? Он так же хочет, чтобы мы уехали, как мы сами хотим уехать. Теперь он получил силу, Аларик. Он будет королем. Старые порядки меняются — и мы с тобой, к сожалению, не являемся частью нового.

Пока они сидели в комнате, вернулся Арилан, и они сообщили ему о своем решении. Епископ выслушал его с грустью, но понял причины, побуждающие их, а также с готовностью согласился установить часы, когда следует выходить на связь, чтобы Морган с Дунканом оставались в курсе происходящего в столице.

— Однако вы не правы насчет того, что не нужны Коналу, — заметил Арилан. — Ну, прямо сейчас, когда он только что стал старшим в роду и обеспокоен ухудшением состояния отца, он еще менее приятен в общении, чем обычно. Но я очень надеюсь, что он изменится к лучшему. Вы знаете, он ведь женится, а как мне говорили, хорошая женщина многое может сделать, чтобы сгладить острые углы.

— Он *что*? — переспросил Морган.

— Ну, не надо так удивляться, — заметил Арилан. — Посмотри, что с тобой сделал брак.

— Но...

— Радуйся, что он уже думает о продолжении династии,— заявил Арилан, расправляя плечи и изображая возмущенного епископа.— Насколько я понял, Кардиель сделает объявление о предстоящем бракосочетании в понедельник, после того, как Конал объявит о своем решении королевскому совету. Я бы, конечно, ничего не сказал вам до этих объявлений, но раз вы уезжаете...

Дункан только недоверчиво качал головой.

— А на ком он женится? На той деревенской девушке, которая от него беременна?

— Боже праведный, нет,— ответил Арилан.— Его избранница — настоящая принцесса, да еще и Дерини. Уверен, вы одобрите его выбор. Он женится на Росане из Нур-Халлая.

— На Росане?! — резко вдохнул воздух Морган.

— Но она ведь давала обет! — воскликнул Дункан.

Арилан пожал плечами.

— Если верить Томасу Кардиелю, то обет с нее снят. Она обратилась с официальной просьбой. Кстати, она ведь в любом случае давала только временные клятвы. Вначале, какое-то время тому назад, она обсудила вопрос с духовником, а потом написала письмо архиепископу. Конал очень хочет законного наследника, и бракосочетание состоится даже до окончания Великого Поста — тихая церемония, отдавая должное трагедиям последнего месяца. Если не ошибаюсь, через неделю.

Пораженный Морган качал головой.

— Я и понятия не имел. Я всегда считал, что на нее положил глаз Келсон — и предполагал, ему будет нелегко ее добиться. Никогда не забуду, как она поразила его при первой встрече,— Морган грустно

улыбнулся, вспоминая.— Он спрашивал меня, не насиловал ли я когда-нибудь женщин.

— Что? — спросил Арилан.— Боже праведный, ты хочешь сказать, что *он*...

— Нет, конечно! Нет! — ответил Морган.— Насколько мне известно, Келсон до сих пор девственник. Или был девственником,— добавил он запнувшись.

— Но что тогда произошло между ним и Росаной? — спросил Арилан.

Морган вздохнул, заставляя себя сосредоточиться только на ответе на вопрос.

— Он искал человека, изнасиловавшего принцессу Джаннивер. Он хотел подключиться к сознанию Джаннивер и посмотреть, что она помнит из нападения, чтобы убедиться, не сумеет ли он опознать насильника. Но Росана не хотела и слышать об этом: ведь он же — мужчина. Она сама подключилась к сознанию Джаннивер и передала информацию Келсону — только она также передала ему и ощущения того, что чувствует женщина при таких обстоятельствах. Наверное, это было полезно ему узнать, но, возможно, он получил и более негативное впечатление, чем я думал. Интересно, знает ли об этом Риченда.

Арилан пожал плечами.

— Конечно, я не могу тебе ответить. Однако я рад узнать, что между нею и Келсоном ничего не было. Не хотелось бы заниматься вопросами кровного родства и тому подобного. Она будет идеальной королевой для Гвиннеда. А Коналу в самом деле требуется законный наследник, не менее, чем требовался Келсону.

— Ну, если этого хочет Росана,— тихо сказал Дункан.— И, по крайней мере, в Гвиннеде все равно будет королева Дерини, что, естественно, к лучшему.

Как ты думаешь, Конал не оскорбится, если мы не будем присутствовать на бракосочетании?

— Не думаю,— ответил Арилан.— При сложившихся обстоятельствах это будет очень скромная церемония. И, вероятно, Коналу пойдет на пользу побыть без надзора с вашей стороны в течение нескольких недель, пока он ищет свой путь. Я не хотел вас оскорбить.

— И не оскорбил,— сухо ответил Морган, давая ментальный сигнал Дункану, что пришла пора идти.— Нам определенно пойдет на пользу отъезд. Кроме того, раз и навсегда нужно разобраться. Сомневаюсь, что в королевстве может случиться нечто такое, с чем не справятся Эван и Сэйр. Пожалуйста, передай наши извинения Коналу и его матери за такой скорый отъезд, но, насколько я понимаю, безопаснее всего пользоваться Порталом в Валорете рано утром, а нам бы не хотелось откладывать отъезд до следующей ночи.

— Разумная предосторожность,— согласился Арилан.

— Еще один вопрос,— сказал Морган перед тем, как уйти.

— Да?

— Что обо всем случившемся подумает Камберланский Совет?

— О женитьбе Конала на Росане? — улыбнулся Арилан.— Предполагаю, они будут в восторге. Ее родители хорошо нам известны и всегда сочувствовали нашим целям. Из нее получится прекрасная и послушная королева.

— Да уж, послушная! — пробормотал Дункан себе под нос, когда они уже отошли от покоев Нигеля и

направлялись в комнаты Дугала, чтобы переодеться.— Еще какая послушная!

• • •

А тем временем тот, кто собирался сделать Росану своей королевой, продолжал тяжелым шагом следовать по кажущемуся бесконечным тоннелю, проходящему глубоко под землей и спускающемуся все глубже. За ним внимательно наблюдал и помогал с постоянно возрастающим беспокойством не менее усталый Дугал.

Его пациент поправлялся. Память Келсона возвращалась с каждым днем, так что теперь он вспомнил уже большую часть случившегося до самого падения, но он все равно очень быстро уставал, и при малейшем перенапряжении его мучили головные боли. Магическими силами он мог пользоваться лишь изредка, да и то малой их частью. Время от времени он делал попытки установить ментальную связь с Дугалом, усиливая возможности самого Дугала, пытавшегося послать сигнал за пределы каменной темницы, чтобы вступить в контакт с миром за ее пределами. Однако малейшее напряжение ментальных сил вызывало у короля головную боль. Единственной способностью Дерини, работающей надежно, оставалась способность опускать защиты, чтобы Дугал мог временно блокировать боль, помогая заснуть.

И он спал на каждом привале, глубоко и без сновидений. По крайней мере, это позволяло ему двигаться после пробуждения. Но ни один из них не мог толком набраться сил, питаясь исключительно рыбой и водой, поскольку ничего больше пещера предложить не могла. А затем наконец они оказались в

таком месте, где вода еще глубже уходила вниз, под землю, а пещера уводила в другую сторону. Перед друзьями простиралось глубокое озеро, дна которого Дугал не мог почувствовать, сколько бы усилий ни прилагал.

После этих попыток, от которых он страшно устал, Дугал решил, что им следует поспать у озера, и они так и сделали, прикорнув рядом с жалким костерком, прижавшись друг к другу в поисках тепла. Хвороста попадалось все меньше и меньше по мере того, как они проникали все глубже в недра земли. Проснувшись, Дугал поймал еще рыбы и приготовил ее на костре. Пока они ели, он попытался обрисовать ситуацию так, как понимал ее.

— Мы добрались до конца реки, Кел,— сказал Дугал.— Я попытался проверить озеро мысленными импульсами и понял: река уходит очень глубоко и нет ничего, чтобы подсказать нам, где она вновь выходит на поверхность. Может, вообще, никогда не выходит. В любом случае, не похоже, что река нам сулит избавление. Если только мы не выберем смерть...

Келсон содрогнулся и плотнее закутался в плащ. Теперь он гораздо больше мерз, чем раньше, до несчастного случая, и здорово похудел, что не нравилось Дугалу. Келсон снова надел свою одежду, предпочтя ее рясе брата Гелрика, после того как восстановил немного сил, но одежда висела на нем, как и на Дугале. За прошедшие дни у короля отросла негустая, но шелковистая бородка, которую он отвлеченно почесывал, пока они сидели у огня.

— Я хочу найти выход — но не *этой*,— сказал Келсон.— Если бы мы собирались умереть в воде, можно было сделать это в самом начале. А как давно это было!

— Я так и думал, что ты это скажешь,— заметил Дугал, нанизывая на палочку еще одну рыбину, чтобы поджарить.— В таком случае у нас только один путь: идти по пещере и надеяться, что мы найдем выход, прежде чем закончится рыба и вода. Я поймал пару рыбин про запас, мы сейчас их поджарим и возьмем с собой, но запасы воды, которые мы можем взять, ограничены: у нас только одна фляга. И ее не хватит надолго после того, как мы уйдем от реки.

Келсон пожал плечами.

— Так что у нас выбор не такой уж и большой,— заметил он.— Или бесконечно сидеть здесь, где есть рыба и вода, но не набираясь сил и не приближаясь к месту, где есть выход на свет — или все же рискнуть.— Он потер переносицу.— Но ведь какой-то выход на поверхность должен быть... где-то. Воздух-то тут всегда свежий. А даже если его и нет, мы можем сказать себе, что, по крайней мере, попытались.

Дугал кивнул с серьезным видом.

— Хотелось бы мне, чтобы ты был достаточно силен, чтобы установить контакт с внешним миром, хотя бы один раз. Не верю, что отец и Аларик нас не ищут. Конечно, после прошестввия стольких дней, наверное, все считают нас мертвыми.

Через минуту Келсон спросил:

— А как ты думаешь, Дугал, сколько времени мы уже провели здесь? Несколько недель? Месяц?

Но Дугал, в самом деле, не знал. И больше они об этом не говорили — после того, как поджарили последнюю рыбину и упаковали ее, вдосталь напились воды и взяли в руки столько хвороста, сколько могли унести.

К тому времени, как они достаточно далеко отошли от реки, и ее грохот превратился в тихий шепот — приятная тишина после стольких дней на берегу — характер пещеры очень быстро изменился. Вначале они шли по следовавшим один за другим влажным коридорам с неровными стенами, соединяющим большие помещения, подобно бусам на нити, причем расположенным неравномерно. Некоторые были абсолютно непримечательны, пусты и не имели никаких отличительных черт, другие же напоминали сказочные залы — так гротескно там расположились камни, с вкраплениями минералов. Постепенно им стало трудно продвигаться вперед: приходилось выбирать дорогу в пещерах, напоминающих соборы, заполненных сталактитами и сталагмитами, свисавшими с потолка и выросшими на полу. Иногда в этих пещерах попадались лужи со стоячей водой, но она отдавала неприятным запахом, была полна солей, и от нее сводило живот. Вскоре они поняли: ее не стоит даже пытаться брать в рот.

Спустя несколько часов им пришлось полагаться только на магический огонь Дугала: хвороста для обычных факелов больше не осталось. И без того истощенный, Дугал тратил на его создание последние силы, а Келсон ничем не мог помочь ему, ибо сам едва держался на ногах. Они несколько раз останавливались, чтобы вздремнуть, на протяжении нескольких следующих «дней», каждый раз съедая понемногу рыбы и выпивая по глотку воды из своих скудных запасов. Теперь они не могли даже развести костер, чтобы согреться во время сна.

В результате спали они плохо и хуже восстанавливали силы, чем раньше. По прикидкам Дугала, они ушли от озера примерно три дня назад. Их надежды

рухнули, когда пещера внезапно просто закончилась. Из горла Дугала вырвалось отчаянное рыдание, когда он завершил круг по последнему залу и сел, прислонившись спиной к камню.

— Выхода нет? — спросил Келсон, остававшийся на пороге коридора, из которого они пришли.

Дугал испустил стон, полный отчаяния, качая головой, и спрятал лицо в ладонях. Магический огонь затух, и Дугал плакал в полной темноте. Пораженный, Келсон медленно сделал несколько шагов, пока не дотронулся рукой до дальней стены. Затем он тоже опустился на пол, приложив щеку и обе ладони к камню, и просто несколько минут концентрировался на дыхании, неспособный на большее. Он молился, чтобы получить отсрочку от очевидного смертного приговора.

Возврата не было. О, конечно, они могли повернуть, но с теми запасами, которые у них остались, они не доберутся до озера. А если и доберутся, там их ждет просто более медленная смерть.

Но, склоняя колена в крошечной тьме, сам на грани отчаяния, Келсон вдруг стал осознавать то, чего не заметил раньше. Камни под его пальцами имели какую-то регулярность — гладкая, горизонтальная линия, которая, как он выяснил, проведя руками чуть дальше, повторялась другими параллельными линиями. Имелись и перпендикулярные, идущие так же ровно. Это был искусственный рисунок, как будто...

Кирпичи? Боже праведный, неужели эта стена сделана человеком?

— Дугал! — прошептал Келсон, с трудом веря в находку. — Дугал, тут стена!

— Я знаю,— долетел лишенный каких-либо эмоций ответ друга.

— Нет, я имел в виду, что она сделана человеком. Кирпичи или что-то в этом роде. Кто-то ее построил. Потрогай, Дугал! Ты почувствуешь линии соединения. Давай, создай свой огонь и посмотри!

Дугал пошевелился в темноте, очевидно пытаясь так же, как и Келсон, обследовать стену, затем резко вдохнул воздух.

— Боже, ты прав! — воскликнул он, и его магический огонь тут же замерцал, а сам Дугал стал судорожно ощупывать стены вокруг.— Кирпичи и известковый раствор. Келсон, мы отсюда выберемся! Если кто-то это построил, значит, они строили с другой стороны. Нам просто нужно найти способ разбить эту стену.

Но сделать проход оказалось гораздо сложнее, чем они понадеялись, потому что у них не было никакого инструмента, кроме единственного кинжала и голых рук. Известковый раствор, соединяющий кирпичи, можно было расковырять, но это оказался медленный, трудоемкий процесс. Лезвие тут же затупилось, его теперь больше нельзя будет использовать ни для какой цели. Они также сломали все ногти. Но, по крайней мере, появилась надежда.

Потребовалось несколько часов, чтобы вынуть первый кирпич. За ним находился второй, на некотором расстоянии. Еще несколько часов ушло на то, чтобы вынуть несколько кирпичей из первого ряда, чтобы открылась вторая стена кладки. Они работали гораздо дольше, чем обычно шли до привала, хотя у Келсона уже слипались глаза от усталости.

Однако в конце концов им удалось вытолкнуть один кирпич из второго ряда кладки, и они порадо-

вались, что стена оказалась лишь двойной. Он упал с другой стороны с глухим звуком. Пальцы Дугала отделили еще немного известкового раствора, когда он просовывал руку внутрь.

— С другой стороны что-то гладкое,— сказал он, пытаясь ощупать стену.— Может, штукатурка.

— Ты что-нибудь видишь? — уточнил Келсон.

Но когда они оба припали глазами к открывшемуся проему, за ним оказалась только темнота. И даже когда Дугалу удалось направить в проем магический огонь, чтобы осветить другую сторону, они все равно ничего не увидели. Но прорыв был сделан, да и само существование стены доказывало: до них в этих местах появлялись другие люди, которые ее построили, а, значит, за ней лежит выход.

Это возродило новую надежду. Они немного отдохнули, съели остатки рыбы, а потом сделали по небольшому глотку из почти опустевшей фляги. После этого Келсон немного поспал, а Дугал продолжил вытаскивать кирпичи, хотя оба понимали: потребуются по меньшей мере целый день, чтобы сделать отверстие, достаточно большое, чтобы в него можно было пробраться.

* * *

Неподалеку от лагеря, разбитого на каменной площадке над аббатством святого Беренда, Морган с Дунканом стояли вместе с Кьярдом О'Руаном, глядя на летящий вниз водопад и на то, как брызги отбрасываемой в разные стороны воды расцветиваются, подобно радуге, яркими солнечными лучами.

— И ты утверждаешь, что оруженосца Келсона протащило по этому водопаду и он выжил? — спро-

сил Морган у старого слуги, в неверии качая головой, когда вытягивал голову, чтобы посмотреть через край.

— Да, но вы видите, озеро окружают скалы. Не знаю, как парню удалось о них не расшибиться. А, может, он и расшибся. Второй оруженосец точно на них налетел. И валуны перед водопадом выглядят предательски.

У Моргана болело сердце, когда он смотрел на пенящуюся белую воду, летящую вниз. Келсон с Дугалом рухнули в воду значительно дальше вверх по реке. Они с Дунканом приехали сюда с первыми лучами солнца, сопровождаемые от аббатства святого Беренда одним из монахов. Монах остался в лагере внизу с Джассом Макардри и другими, которые ожидали тут чуда уже почти три недели.

Осталось еще много вопросов, но первое впечатление не было обнадеживающим. Теперь практически подтвердилось, что и Дугал, и Келсон пережили падение вниз с тропы: несколько человек видели, как Дугал пытался подплыть к королю, когда вода унесла их за поворот, вне пределов видимости других членов отряда. Но смог ли кто-то из них или они оба пережить спуск по водопаду? Предположительно, именно этот спуск стал смертельным для молодого Джована и монаха-проводника. Несомненно, ни один из тех, кто рухнул по нему вниз, не остался без тяжких увечий.

В дополнение к этому река уходила под землю — как раз тогда, когда выживший в водопаде мог посчитать себя в безопасности, пережив пороги. С того места, где он стоял, Морган не мог найти подсказки, где именно это происходит, но было совершенно

определенно, что по поверхности земли с гор вниз от водопада спускается лишь ручеек.

— Как ты считаешь, Кьярд, где река уходит под землю? — спросил Морган через минуту или две.

— Вон там,— Кьярд вытянул вперед руку и показывал указательным пальцем.— Если провести прямую линию вон от той скалы, видите, там, где торчит ветка. Там вода кажется спокойней, чем во всех остальных местах. Видите это место?

— Да.

— А теперь надо посмотреть, когда принесет какую-то ветку. Так, вот она,— старик показал направо.— Ничего примечательного не будет. Ага — вот она пропала. Один из оруженосцев, следовавших в конце отряда, видел, как туда улетела лошадь.

Морган заметил, как лицо Дункана исказила гримаса, и он отвернулся. Сам Морган тоже опустил голову.

— Давайте посмотрим на эту часть реки от лагеря,— предложил Морган, начиная спускаться по крутой тропинке, по которой они поднялись на эту точку обзора.

Однако, при ближайшем рассмотрении они не получили успокоения. Морган долго стоял на берегу, уставившись на место, где река уходит под землю, и пытаясь направить ментальный импульс в пропасть, но ничего не обнаружил.

— Ты не думаешь о том, чтобы последовать за ними? — тихо спросил Дункан, подойдя ближе и касаясь локтем Моргана.

Морган покачал головой.

— Хотя я и в отчаянии, но не собираюсь совершать самоубийство,— ответил он.— В этом месте дно реки напоминает воронку. Вода должна где-то выхо-

дять, но я не могу прочувствовать, как далеко находится это место. Что мы знаем? Она вполне может собираться в подземное озеро, но ведь и из него должна куда-то вытекать.

— Давай считать, что она не собирается ни в каком озере,— сказал Дункан.— Предположим, река продолжается, как река, но под землей. Она должна где-то выходить на поверхность. Здесь горная местность, но ведь за ней лежат долины.

Морган кивнул.

— Я тоже об этом подумал. Но, похоже, никто не знает, где она выходит.

Кьярд, прислушивавшийся к разговору, в задумчивости склонил голову на бок.

— А это мысль, господа,— сказал он.— Монахи почти ничего не знают об этих горах, хотя и живут тут. Возможно, они и не поверили бы, если бы услышали, что я говорю, но у нас, людей с приграничных земель, иногда бывает второе зрение. Вы когда-нибудь слышали про лозоискательство для нахождения воды?

— Лозоискательство? — переспросил Морган.

Но Дункан кивнул с энтузиазмом, внимательно слушая Кьярда.

— Я слышал, Кьярд. Но мы уже знаем, где есть вода. Как ты считаешь, возможно ли сосредоточиться на какой-то ее части, когда вокруг столько всего?

— Ну, я не знаю, способен ли я сам на такое, но Дерини, подобные вам...

— Хуже, чем сейчас, все равно не будет,— нетерпеливо заметил Морган.— Я готов попробовать. Кьярд, есть ли хоть какой-то шанс, что их не засосало в воронку и снесло вниз по реке, со склона?

Кьярд покачал головой.

— Мы с парнями проехали вниз по течению, сэр. Целый день ехали. Тела, которые мы нашли, не пронесло и половину нашего пути. Большинство осталось здесь, застряв в камнях у краев озера. Нет, бедняга Дугал и король должны были угодить в воронку. Пусть земля будем им пухом.

Оценка случившегося старым слугой была резкой, но после того, как Морган с Дунканом быстро переглянулись, молча задав друг другу вопрос, они согласились: проследить за течением реки под землей, определенно, не принесет вреда. Они с искренним любопытством наблюдали, как Кьярд копался в куче хвороста у края озера, и после того, как осмотрел с дюжину палок и отбросил их, выбрал, наконец, подходящую ветку, расходящуюся сверху надвое. Он быстро подрезал ее, чтобы в результате получилось нечто, похожее на латинскую букву Y с равными верхними частями, затем снял кору и долго полировал поверхность, убирая лишнее, а затем ощупывая пальцами. Убрав кинжал, он протянул им свою работу для осмотра.

— А почему ты выбрал именно эту ветку, Кьярд? — спросил Морган.

— Ну, потому что она заговорила со мной. Некоторые из них узнают воду, а некоторые нет. Почувствуйте жизнь в этой. Ну, не совсем жизнь того дерева, с которого она упала, а... жизненную силу, если угодно.

Когда оба Дерини провели пальцами по гладкой, светлой поверхности дерева, Дункан кивнул, вместе с Морганом открывая свои чувства.

— Думаю, понимаю, что ты имел в виду, — сказал Дункан. — А как ею пользоваться?

Кьярд осторожно взял два конца «вилки» в пальцы, причем придерживая их легко, и повернулся таким образом, что нижняя часть указывала на воду. Через несколько секунд, эта часть немного опустилась.

— Это ты сделал? — уточнил Морган.

Дункан покачал головой одновременно с Кьярдом.

— Нет, сударь,— прошептал Кьярд, его морщинистое лицо скривилось, а глаза уставились на конец палки.— Я не могу точно объяснить, что я делаю, но...

Когда он замолчал, а конец дернулся еще сильнее, Дункан подошел поближе к Кьярду и коснулся его плеча.

— Постарайся не обращать на меня внимания, Кьярд,— сказал Дункан, осторожно прощупывая сознание старика.— Ты работал с Дугалом, так что знаешь: проникновение в твой разум не принесет тебе вреда. Я просто хочу попытаться понять, как это у тебя получается.

Он закрыл глаза, пытаясь уловить все тонкости того, что делал Кьярд.

— Нам придется приготовить свои лозы,— Дункан наконец открыл глаза и снял руку с плеча Кьярда.— Каждый должен выбрать тот, что ему подходит. Но, как мне кажется, в общих чертах я все понял.

Час спустя, вооружившись лозами, Морган с Дунканом, начав с места, где река уходит под землю, постепенно обнаружили, куда река идет дальше.

— Это будет медленный процесс,— заметил Дункан,— и, Бог знает, будет ли от него какая-то польза, но все равно это лучше, чем ничего не делать. Однако нам нужно перебраться на другую сторону реки.

Кьяра, это возможно сделать, не возвращаясь в долину святого Беренда?

— Да, но опасно с лошадьми. Есть некое подобие брода в нескольких милях вверх по реке, выше того места, где они сорвались.

— Тогда пошли,— сказал Дункан.— Если только ты не думаешь, что мы теряем время, Аларик,— добавил он.

Морган, еще не освоивший лозу так хорошо, как Дункан, мог только кивнуть, и последовал за Дунканом и Кьяром к лагерю, чтобы подготовиться.

Глава двадцать вторая

Если бы я ожидать стал, то преисподней стал бы дом мой¹

Отковырнув кусок засохшего известкового раствора, Дугал от всей души понадеялся, что это последний, который ему придется отбить, чтобы вынуть крепившийся кирпич. Затем он стукнул по камню ребром ладони. Тот поддался и с приглушенным стуком свалился в помещение за стеной, прежде чем Дугал успел его поймать. Звук разбудил Келсона, дремавшего на сваленных грудой плащах, рядом с кучей кирпичей, выросшей благодаря их усилиям.

Дугал уже более суток долбил стену, делая лишь короткие перерывы, чтобы перевести дух, да вздремнуть на пару минут.

Келсон пытался помогать другу, но не мог работать подолгу: ему вскоре требовалось прилечь и отдохнуть, или он терял сознание.

Однако теперь он поднялся и приблизился к Дугалу, чтобы посмотреть через плечо. Дугал создал второй магический огонь, поменьше первого, и послал его в проем.

¹ Иов 17:13

— Думаешь, теперь пройдем? — спросил король, когда Дугал просунул в отверстие голову и одну руку и стал протискивать плечи мимо неровных краев.

— Надеюсь,— долетел несколько приглушенный ответ Дугала.— Однако нам следовало делать дыру пониже. Подтолкни меня, а?

Келсон наклонился и сплетенными пальцами подсадил Дугала, словно помогал ему сесть на лошадь. Хотя от этого усилия голова Келсона закружилась, он не прекращал толкать друга. Дугал извивался червем, пробираясь в отверстие. Он чуть не свалил Келсона, нетвердо стоявшего на ногах, но король уперся плечом в стену и каким-то образом подерживал ноги друга до тех пор, пока руки Дугала не нашли опору на полу с другой стороны и он не смог сам проташить внутрь тело.

Они уже знали, что с другой стороны нет прямого выхода. Надеясь попасть на поверхность, они оказались в усыпальнице, влажной и пахнущей гнилью, вероятно, только первой в долгом ряду похожих гробниц, подобных залам пещеры, по которой они шли до этого. Обитатель гробницы, очевидно, лежал в гробу из цельного ствола дерева, установленного на пьедестале из груды камней. Он был обернут не то покровом, не то знаменем, но уже настолько прогнившим, что прочесть надпись не представлялось возможным, по крайней мере, с их точки обзора. Пол вокруг был усыпан остатками давно сгнивших венков.

Но не острый запах гниения и древней смерти беспокоил Дугала больше всего, когда он поднимался на ноги, отряхивая руки и колени от пыли. Он боялся, что теперь очень скоро последуют его собственная смерть и смерть Келсона: в полудюжине ша-

гов за гробом высилась еще одна стена, очень похожая на ту, которую они только что пробили, хотя и отштукатуренная, и расписанная давно потрескавшейся фреской. И хотя посреди стены имелась деревянная дверь, она была плотно закрыта и не имела замка. Она не поддавалась, когда Дугал приблизился и попытался надавить на нее плечом, вначале слабо, а потом со всей силы. Удар отдался эхом в замкнутом пространстве усыпальницы.

— Она заперта на щеколду с другой стороны? — слышался опасливый вопрос Келсона, который нагнулся и выглядывал из отверстия.

— Похоже, — ответил Дугал, возвращаясь к нему. — Но мы будем об этом думать, когда протащим тебя сюда. Интересно, кто здесь похоронен. Все кажется очень старым.

Келсон в это время проталкивал в отверстие их плащи, пустую флягу и седельные вьюки, затем нагнулся и просунул правую руку и голову.

— Сейчас мне плевать, насколько древним оно выглядит, — сказал он, начиная извиваться, пытаясь пролезть в дыру. — Вопрос в другом: смогу ли я тут протиснуться?

— Должен, — ответил Дугал, подхватывая правую руку Келсона. — Ты пошире в плечах, чем я, так что будет немного тесновато — и, к сожалению, никто не может подтолкнуть тебя сзади, но... Хорошо. Ты можешь оттолкнуться, а я тебя потяну?

— Оттолкнуться, — пробормотал Келсон, пытаясь превратить слова в действия. Теперь его ноги висели свободно, а тело застряло посередине, причем под ним оказалась зажатой одна рука. Келсон резко вдохнул воздух. — Боже, я сейчас оторву себе руку!

— Нет, все будет в порядке.

— Да, ведь не твоя рука пропадает!

— Что правда, то правда.

Дугал ухватил Келсона под правую руку, уже протиснувшуюся внутрь, и стал тянуть друга в усыпальницу.

— Если можешь, немного изогни спину. Побольше веса на правую сторону. Не хотелось бы терять еще несколько часов, увеличивая дыру.

— Придется,— заметил Келсон.— Я застрял.

— Ты не застрял.

— Дугал, у меня кожа сдирается!

— Это не беда. Ты почти пролез. А теперь полегче — я почти освободил твою вторую руку. Немножко слева покрутись, если можешь. Так, давай!

Келсон кричал, пока Дугал тащил его остаток пути, и почти рыдал, когда они рухнули на каменный пол — Дугал не смог удержать Келсона, и сам не устоял на ногах.

К счастью, падение смягчила груда плащей, валявшаяся рядом. Дугал тут же сел и стал помогать Келсону, но король только качал головой и согнулся, держась за низ живота и втягивая воздух сквозь стиснутые зубы.

— С тобой все в порядке? — спросил Дугал.

— Будет через минутку,— прохрипел Келсон с побелевшим лицом, когда Дугал помогал ему сесть.— Хотя не могу сказать то же самое о будущих наследниках Халдейнов.

Дугал с трудом сдержался, чтобы не рассмеяться.

— Прости, но было уже поздно проталкивать тебя обратно и начинать все сначала. Ты ведь, на самом деле, не так уж и пострадал?

— Только моя гордость.

Келсон все еще дрожал, но смог встать на колени, а потом при помощи Дугала и поднялся на ноги.

— Давай посмотрим, куда мы забрались.

В дополнение к фреске на стене с дверью, имелась еще одна: как раз там, где они проделали дыру. Долгие годы и влага сделали рисунок нечитаемым.

Однако их в настоящий момент больше интересовало тело. От легкого прикосновения Дугала покрывающая гроб ткань осыпалась, распавшись на нитки. Дугал склонился поближе, с удивлением обнаружив, что у гроба нет крышки, и тело закрывала только истлевшая ткань.

— Ну-ка, иди сюда, взгляни вот на это,— прошептал Дугал, подзывая Келсона, который подошел нетвердой походкой.

Перед ними лежал скелет. Кожаная часть одежды и металл кольчуги, в которых хоронили мертвеца, до сих пор оставались целы. Шерстяная ткань снаряжения и брюки рассыпались прахом от одного дыхания, и из-под них показались желтоватые кости. На черепе был шлем с гребнем. Таких в Гвиннеде не видели уже несколько столетий.

Но внимание Дугала привлекли не доспехи, которые заметил Келсон, когда положил руки на край гроба, чтобы повнимательнее рассмотреть содержимое, а какой-то ровный узор из красных нитей, лежащих по всему телу, подобно сетке. Ячейки примерно равнялись ширине ладони. Каждый узел украшал небольшой сероватый камень с дырочкой, просверленной в середине, чтобы продернуть нитку.

— Что это? — прошептал Келсон, вопросительно поглядывая на Дугала.

Тот пожал плечами, а потом, поднеся руку поближе к одному из камней, задержал над ним ладонь.

— Не знаю. Что-то магическое, как мне кажется. Защитный заговор или что-то в этом роде. Насколько я могу сказать, теперь уже все улетучилось, но осталась какая-то энергия.

— Дерини?

— Это *ты* спрашиваешь *меня*?

— Сейчас я не могу ничего сказать, — ответил Келсон. — Из чего это сделано, как ты думаешь?

Дугал осторожно попробовал одну из нитей.

— Шелк? И на некоторых камнях есть следы огранки, хотя другие никак не обрабатывались, если не ошибаюсь. Однако все это очень старое. Никогда не видел ничего подобного. Хотелось бы мне, чтобы тут рядом с нами были отец и герцог Аларик.

Келсон вздохнул, оглядываясь в комнате. Теперь, удовлетворив первое любопытство и познакомившись с обитателем, они снова вернулись к вопросам спасения и выживания.

Непосредственным путем к свободе являлась дверь, к которой вернулся Дугал, а Келсон внезапно обнаружил, что у двух боковых стен усыпальницы — естественных стен пещеры — в большом количестве — на высоту до колена — навалены разнообразные подношения умершему: глиняные кувшины и горшки, сгнившие корзины, покрывшиеся плесенью деревянные сундуки. А в такие подношения традиционно включались еда и вино. Когда Келсон повернулся к Дугалу, чтобы сказать об этом, тот уже сам бросился к дарам, но прежде из груды плащей, поднял то, что осталось от кинжала.

— Как ты считаешь, там уже все испортилось? — спросил Келсон, когда Дугал попытался открыть крышку первого кувшина.

— Сейчас узнаем,— ответил Дугал.— Очень надеюсь, что что-то еще можно использовать в пищу.

Крышка вылетела, и Дугал заглянул внутрь. Исследовав содержимое за пару секунд, Дугал запустил руку внутрь и достал горсть зерна, подернутого плесенью.

— Ну, мы по крайней мере на правильном пути, хотя не уверен, что достаточно голоден, чтобы уже бросаться на подгнившее зерно. Я надеялся найти вино. Вероятно, здесь держится постоянная температура, так что вино вполне могло стать только лучше, если, конечно, хорошо закрыто. Мы, конечно, можем быстро опьянеть, но оно питательно, да и воды в любом случае нет.

Они, в самом деле, после нескольких попыток нашли кувшин с вином. Оно оказалось кисловатым, но пить было можно. Сделав несколько глотков, Дугал отправился к запертой двери и положил на нее руки, прижав ладони к дереву на том уровне, где, по его прикидкам, следовало находиться задвижке. Келсон наблюдал за тем, как его названный брат закрыл глаза и замедлил дыхание, сожалея, что сам он настолько беспомощен. Но он не мог пока даже всерьез помыслить об использовании своих способностей — от одного только усилия у него начинала болеть голова.

— С другой стороны там просто защелка,— сообщил Дугал через пару минут, не открывая глаз.— Думаю, что смогу ее сдвинуть, но она очень тяжелая. Мне потребуется твоя помощь.

— Не знаю, как смогу тебе помочь,— ответил Келсон, подходя к Дугалу.— Но сделаю все, что в моих силах.

— Сядь, прижавшись спиной к двери, и попытайся открыть сознание, чтобы я мог за него уцепиться и черпать энергию,— велел Дугал, обхватывая правой рукой шею Келсона, когда король подчинился.— Постараюсь не очень на тебя давить.

Келсон закрыл глаза и попробовал расслабиться, но черпать энергию оказалось практически неоткуда, так как ее запасы были очень ограничены, и сам процесс доставил королю большие неудобства. Тем не менее, с другой стороны двери слышался скрежет дерева о дерево. Это время показалось Келсону вечностью. Но затем дверь поддалась. Он резко со стоном вышел из транса. Голова болела так, что у него темнело в глазах. Он с трудом сумел сфокусироваться, повернувшись на руках и коленях, когда Дугал полностью распахнул дверь.

Перед ними открылось еще одно помещение, очень похожее на то, в котором они находились, с еще одной дверью на противоположной стене и еще одним гробом из цельного ствола дерева, стоящим посередине. Он также был закрыт сгнившим покровом, от которого остались лишь лоскутки. Дугал медленно поднялся на ноги и с опаской направился к следующей двери, но она точно также оказалась закрыта с противоположной стороны. Он уже сжал пальцы в кулак и занес руку для удара, но остановился в последнее мгновение и просто приложил кулак к двери, а затем уперся в него лбом. Он попытался улыбнуться, когда наконец повернулся к Келсону, однако в глазах стояло отчаяние.

— Определенно, когда все это строили, о нас никто не подумал,— чуть слышно сказал он.— Никто не предполагал, что кто-то соберется выйти наружу, после того как эти двери заперли!

— Ты думаешь, в той гробнице все точно так же, как в первой? — спросил Келсон, с трудом поднимаясь на ноги у первой двери. Его качало.

— Вероятно,— ответил Дугал.— И справиться с задвижкой с этой стороны нет другого способа, кроме того, который я использовал. И нам никак не узнать, сколько тут всего усыпальниц. А если эти две на самом деле такие старые, как кажутся, а пещеры продолжают использовать, то здесь могут оказаться десятки, даже сотни гробниц.

Келсон на мгновение закрыл глаза, качаясь даже несмотря на то, что спиной прислонился к стене, затем тяжело вздохнул и направился к Дугалу.

— В таком случае, нам лучше поскорее взяться за дело. Мне бы хотелось уже завтра или послезавтра поспать в нормальной постели. Со мной все в порядке,— добавил он, когда Дугал подхватил его под руку и посадил рядом с второй дверью.— Вытягивай энергию, сколько нужно, чтобы делать дело. Я буду тебе помогать, даже если потом смогу только ползать.

Дугал вернулся в первую усыпальницу, взял плащи и пустую флягу, затем наполнил ее вином из открытого кувшина, после чего вернулся к Келсону, встал на колени перед второй дверью, и приложил к ней ладони. На этот раз задвижка сдвинулась немного легче, поскольку он уже знал, что делает. Но ему все равно пришлось забрать у Келсона слишком много энергии, а в одиночку Дугал пока не мог справиться.

За второй дверью располагалась следующая усыпальница, с еще одной дверью на противоположной стене. Двое друзей, шатаясь, а временами и ползком добрались до нее и отдыхали почти час перед тем, как попытаться ее открыть — и вскоре оказались в следующей усыпальнице.

* * *

Пока Келсон с Дугалом с трудом медленно перебирались из усыпальницы в усыпальницу, хотя захоронения и стали казаться более свежими, начиная примерно с десятого, обнаруженного ими, Морган с Дунканом пребывали в таком же унынии и с почти такой же сломленной волей, хотя и не были столь же голодны. Они оставили часть своих спутников в лагере у водопада, чтобы те несли там вахту, а сами продолжили поиски с Кьярдом и Джассом, проверяя лозой путь подземной реки. Когда они вчетвером сидели у костра и ели зайца, пойманного и зажаренного Джассом, Морган снова задумался, не теряют ли они попусту время, продлевая страдания, вместо того, чтобы окончательно признать, что Келсон и Дугал мертвы.

— Вы, и правда, считаете, что есть надежда? — спросил Кьярд, упираясь подбородком в колени.

Морган резко поднял голову, подумав, не удалось ли старику уловить его мысль. Когда-нибудь ему и впрямь следует попытаться побольше узнать об этом втором зрении, которым Кьярд оправдывал слишком многие свои ощущения, необъяснимые иным способом.

— А ты готов бросить поиски, Кьярд? — ответил он, когда на него удивленно посмотрел Дункан.

Кьярд покачал головой и вздохнул, обхватывая колени руками, что давало хоть какое-то успокоение — чего не могли сделать ни слова Моргана, ни чьи-либо еще.

— Нет, я с вами до конца, сударь. Просто я не знаю, понравится ли нам то, что мы наконец найдем. Сама мысль о том, чтобы опускаться в землю молодого парня... Вы, конечно, не верите, что они столько времени оставались живы.

— Я не могу сдаться до тех пор, пока не останется абсолютно никакой надежды! — воскликнул Морган.

Пламя костра резко взметнулось вверх, когда он вылил в него остатки из своей чаши. Затем он поднялся на ноги и, слегка пошатываясь, отправился на край освещенной поляны. Через несколько секунд к нему присоединился Дункан.

— С тобой все в порядке?

— Нет, со мной не все в порядке, и не будет в порядке, пока мы не будем знать правду, — резко ответил Морган, и сразу пожалел о таком тоне. — Прости, Дункан, — тут же добавил он. — Наверное, все случившееся в конце концов подействовало мне на нервы — сознавать, что мы сделали все, что в наших силах, и это не помогло. Ведь нам, пожалуй, в конце концов придется признать, что они, и правда, мертвы.

— Ну, до этой точки мы еще не дошли! — с чувством сказал Дункан. — И мы ее не достигнем, пока у нас остается вера, что мы их найдем.

— Вера, — на губах Моргана мелькнула горькая усмешка, когда он посмотрел на Дункана. — Тебе легко говорить. Однако моя вера сейчас несколько колебалась, Дункан. Как Бог мог сделать такое с нами? Как Он мог допустить, чтобы это случилось?

— Может, Он проверяет нас.

— Ну, если это так, то я отказываюсь от проверки.

— Нет, ты не отказываешься,— ответил Дункан,— потому что я тебе не позволю. Давай попробуем еще разок связаться с Келсоном и Дугалом. Послать им Зов. Если они все еще живы, то мы им, в самом деле, нужны.

Они вернулись к костру, затем Кьярд и Джасс, по просьбе двоих Дерини, сели рядом с ними, чтобы давать Моргану и Дункану необходимую энергию. Кьярду и Джассу теперь было легко это делать, потому что подобный ритуал совершался каждый день, утром и вечером, с тех пор, как они покинули лагерь у водопада. На этот раз они добились не большего успеха, чем в предыдущие, после чего Кьярд с Джассом плавно перешли из состояния транса в обычный сон. Морган же с Дунканом, все еще не разрывая связи друг с другом, почти час лежали без сна, вспоминая тех, кого искали.

• • •

А те двое тем временем продолжали пробираться из усыпальницы в усыпальницу. Каждое следующее захоронение было более поздним, чем предыдущее и в каждом имелась закрытая дверь, преграждающая движение вперед. Они пытались ничего не трогать, кроме необходимого для выживания, потому что отнюдь не хотели показывать неуважение к мертвым, которых тревожили в своей попытке вырваться на свет.

Однако при первой же возможности они вооружились, на тот случай, если после внезапного появле-

ния из гробниц их встретят враждебно, и придется вступить в схватку; до того, как их объяснения выслушают. Само их присутствие в гробницах вероятно будет рассматриваться как надругательство и осквернение священного места. Они также продолжали осматривать съестные припасы в каждой новой гробнице. Силы Келсона истощались особенно быстро, так как он постоянно отдавал энергию, необходимую Дугалу для открывания дверей. Кислое вино поддерживало их, но они оба постоянно были слегка пьяны, пока Дугал не обнаружил, как воспользоваться своими способностями, чтобы противодействовать эффекту опьянения, по крайней мере, для себя самого. Что касается Келсона, ему, по мнению Дугала, лучше было как раз оставаться чуть нетрезвым — это немного облегчало головную боль, сопровождавшую его постоянно с момента прихода в сознание. Дугал многое бы отдал, чтобы найти зерно, не зараженное насекомыми и не заплесневевшее, или корочку хлеба, еще не ссохшуюся до состояния известкового раствора, который они отколупывали из первой стены.

Но приемлемым для потребления оставалось только вино. Единственная попытка Дугала съесть горсть зерна закончилась ужасными спазмами живота, перешедшими в потерю сознания и галлюцинации, в результате чего они не могли продолжать путь целые сутки. За это время Дугал настолько ослаб, что не смог даже поддерживать магический огонь, и отчаявшемуся Келсону пришлось отломить от сундуков с подношениями несколько досок, чтобы зажечь факелы, при свете которых он смог ухаживать за Дугалом.

Реакция организма на зараженное зерно показала не только опасность отравления старыми продуктами, но и какое количество энергии Дугал тратил на поддержание магического огня. Все случившееся научило их быть осторожными и экономными. В дальнейшем они предпочли использовать факелы, а не магический огонь, хотя и пытались ничего не разрушать, кроме деревянных сундуков с подношениями. На самом деле, когда им впервые захотелось освободить мочевой пузырь, они некоторое время обсуждали, какое место будет наименее оскорбительным, не желая осквернять священную землю. Дугал каждый раз переживал, когда ему приходилось освобождать еще один сундук и ломать его на факелы. Некоторые были очень красиво сделаны.

Таким образом освещая себе дорогу факелами они открыли дверь очередной усыпальницы, и это захоронение неожиданно оказалось совсем свежим. Венки из вечнозеленых растений, разбросанные по полу вокруг пьедестала, почти не изменили цвет. А обитатель гробницы умер не более недели или двух назад.

Он, похоже, был ненамного старше их самих — ему казалось не больше двадцати пяти или тридцати. Он лежал не в деревянном гробу, как большинство захороненных, кроме последних предшественников, а прямо на ткани, которой был застлан пьедестал из кучи камней. Тело завернули в плащ, под которым оказалась одежда из добротной темной-серой шерсти, доспехи отсутствовали. Знакомая сетка из красных нитей покрывала его с головы до ног, но эту, похоже, сплели из грубой шерсти, а не шелка, в узлы же поместили не драгоценные камни. Даже Келсон, чьи обычные ощущения были несколько размыты

вином, а способности снижены до малой части обычного уровня, мог сказать, что сетка не заговорила.

Однако гораздо больший интерес представляли подношения умершему, оставленные на небольшом столике, стоявшем в головах возвышения: плоские круглые хлебцы, сильно засохшие, но еще не покрывшиеся плесенью, плотно закрытые фляги с элем, который не только не испортился, а показался почти амброзией двум изголодавшимся юношам. Когда Келсон смотрел на то, как лежал хлеб и стояли кувшины с элем, ему вспомнились хлеб и вино — дароприношения во время мессы, и он указал на это Дугалу после того, как они жадно заглотили по несколько кусков. Находка съедобной пищи, первой, попавшей им в рот после многих-многих дней, временно отодвинула необходимость проникать за следующую дверь.

— Неважно, по какой причине они все это тут оставили,— сказал Дугал, вытирая рот рукавом после большого глотка из кувшина.— Я рад, что так получилось. Возможно, они спасли нам жизнь.

— Да уж,— пробормотал Келсон с набитым ртом, когда Дугал поближе склонился над неподвижным восковым лицом трупа.— Как ты думаешь, от чего умер этот парень? Он очень молод. И, главное, сколько он тут лежит?

Дугал покачал головой.

— Не знаю. Неделя? Самое большее, две. Взгляни на эту зелень,— добавил он, носком сапога подбрасывая ветки, валяющиеся вокруг пьедестала.— Они ведь совсем свежие, так что не могут тут долго находиться.

— Наверное, ты прав.

Утолив голод и жажду, друзья наполнили флягу элем и прихватили две последние буханки хлеба, завернув их в край плаща Дугала, после чего придвинулись к двери. Келсон все еще нетвердо стоял на ногах, но чувствовал себя лучше, чем когда-либо с момента прихода в сознание. Он держал зажженный факел, когда Дугал склонился перед дверью и, как обычно, приложил ладони к тому месту, где с другой стороны должна находиться задвижка. Келсон держал руку на шее Дугала, чтобы тому было легче черпать из него энергию.

Келсон гораздо легче перенес это усилие, чем раньше, и все еще стоял на ногах, когда дверь поддалась и открылась. На этот раз помещение за нею оказалось пустым, хотя дверь с другой стороны была так же прочно закрыта, как и другие. На этот раз Келсон сел на пол рядом с Дугалом, потому что оба не успели даже частично восстановить силы для еще одной попытки. Но ждать они не могли, даже сознавая, как им будет тяжело открывать вторую дверь подряд. За этой последней преградой могла лежать свобода...

Келсон вздохнул с облегчением, когда она открылась, а затем вдохнул свежий холодный воздух, пахнущий сосной и дымком. Поднимаясь на дрожащих ногах, король ухватился за полу плаща Дугала. Впереди простирался коридор, по обеим сторонам которого в специальных подставках горели факелы — определенный знак, свидетельствующий о том, что они вернулись к живым людям, да и воздух больше не был затхлым и влажным, как в гробницах, хотя они еще и не выбрались наружу.

— Слава Богу! — прошептал Келсон, когда они с Дугалом нетвердой походкой направились в ту сто-

рону, откуда ощущалось дуновение ветерка, с наслаждением втягивая воздух.— Дугал, мы выбрались! Мы свободны!

Не успев сделать и дюжины шагов, они вышли из пещеры на открытое место. Там обнаружился костер — и люди, сидевшие вокруг огня, уставились на них в ужасе и изумлении. Келсон с Дугалом тоже застыли на месте, и какое-то время все просто безмолвно взирали друг на друга, причем один из людей у костра украдкой перекрестился. Тут же другой вскочил и попытлся с криком:

— Духи! Мертвые восстали!

— Это не духи! — рявкнул еще один.— Это разбойники. Они пытались ограбить *туам койсигт*! Хватайте их!

— Воры! Надругательство! — подхватили крик остальные, и внезапно все они, выхватив оружие, ринулись на двоих друзей.

У Келсона не было времени даже подумать, почему их атакуют, он был слишком потрясен, чтобы выхватить старый короткий меч, заткнутый за пояс — даже если бы у него и осталась физическая сила сражаться. У Дугала хватило воли выхватить оружие, одновременно крича нападавшим, чтобы они отступили и что перед ними король, но, казалось, его никто не слушал.

Келсон слабо сопротивлялся, когда на них набросились, пытаясь объяснить, что он не вор, а король. Ведь река, определенно, не могла вынести их за пределы Гвиннеда? Но его перекричали. Старший приказывал связать их и не слушать, что говорят осквернители святых мест.

Когда Келсона повалили на землю, крича что-то на малопонятном диалекте, король заметил, как Ду-

гал рухнул под натиском по меньшей мере шести человек, причем один из них ухватил Дугала сзади за шею, и лицо друга побагровело.

Келсон продолжал сражаться за свою жизнь, уже обезоруженный, его голова раскалывалась от боли, кровь стучала в висках, и он почти терял сознание, и вдруг король увидел, как в огромном кулаке нападавшего мелькнул кинжал, целящийся ему прямо в голову.

Он попытался увернуться или, по крайней мере, отклонить удар, но не смог отпрянуть достаточно быстро и достаточно далеко. Его голову пронзила боль, причем в том же месте, которым он ударялся раньше, и все вокруг погрузилось во мрак.

Глава двадцать третья

Не бойся смертного приговора, вспомни о предках твоих и потомках¹

С Дугалом тоже обошлись грубо, но он во время борьбы ни разу не терял сознание, хотя и был близок к этому, когда один из нападавших схватил его за шею и чуть не придушил, в то время как другие держали его за руки. В надежде предотвратить худшее и понимая, что он не может надеяться на побег, по крайней мере, сейчас, Дугал расслабился и притворился, будто лишился чувств. После этого его положили на землю, стянули с него плащ и пояс, но горло отпустили и больше не били.

Однако притворство далось ему с большим трудом: он видел, как упал король, и смертельный блеск кинжала над его головой. Дугал не заметил, как ударили Келсона и куда, но король тут же прекратил сопротивление.

Дугал в отчаянии молился, чтобы они не убили Келсона, и изо всех сил пытался не разрыдаться. Хотя ему страшно хотелось вскочить и броситься к королю, он понимал: это все равно не поможет Келсо-

¹ Сирах 41:5

ну — если теперь, им вообще, что-то поможет — а его самого только сильнее избыют, а то и убьют. Если же Дугалу удастся остаться в живых, то, возможно, с пленителями еще удастся договориться, хотя сейчас они так громко вопили об осквернении могил и воровстве, что едва ли были расположены слушать.

Тем не менее, Дугал удачно изобразил потерю сознания, пока его продолжали обыскивать. Думая, что он не слышит, пленители сделались словоохотливыми, правда, изъяснялись они на каком-то странном диалекте, в котором Дугал понимал лишь слово из десяти. Правда, одно из них ему удалось уловить совершенно определенно, и это было слово «рыцарь»... они все повторяли его, когда добрались до золотых шпор. Они сняли шпоры, явно понимая, что те представляют ценность, а затем, поразмыслив, решили забрать и сапоги.

Когда они сняли сапоги, не обращая внимания на его поврежденную лодыжку, Дугал, в самом деле, чуть не лишился чувств, хотя прекрасно понимал: эти действия разумны, с их точки зрения, поскольку уменьшают вероятность побега. Без сапог и без оружия в горной местности, он определенно не сможет далеко уйти. Они также стащили кожаную безрукавку, оставив его на холоде лишь в рубашке и штанах.

Это позволило им обнаружить медальон святого Камбера и кристалл, принадлежавший матери, и они забрали и то, и другое. Они лишили его и перстня-печатки Макардри, после чего перекатали на живот, заломили руки на спину и связали.

Тут они тоже действовали со знанием дела, связав запястья и дополнительно проведя веревку вокруг больших пальцев, так, что он не смог бы опустить руки даже до пояса, не то что развязаться. От этих

действий заболело поврежденное запястье, хотя Дугал и думал, что оно практически зажило, но он смог выдержать эту боль. Однако лодыжка заставляла его стонать, когда они связывали его щиколотки, потом колени, а потом подтянули ноги к рукам и, продев веревку вначале через скрученные запястья, обвязали ее вокруг шеи так, что если он станет сильно дергаться, то задушит себя сам. Но затем, когда двое из них перекатали его на бок, собираясь поднять и куда-то нести, веревка врезалась в горло, и Дугал наконец потерял сознание.

Очнулся Дугал от приглушенного гула голосов. Он все еще не вполне пришел в себя, веревка давила на горло, но он понял, что оказался в небольшой полутемной комнатке, и лежит на левом боку. Лицо казалось сплетенной из трав подстилки, все еще пахнувшей свежестью. Во рту был платок-кляп, что отнюдь не облегчало дыхание, а левое плечо так затекло от неудобного положения, что он чуть не застонал, слегка изменив положение. Но, по крайней мере, в голове просветлело через несколько секунд.

Теперь, когда для себя он сделал все что мог, нужно было позаботиться о Келсоне. Комната была не полностью погружена во мрак — немного света проникало из-под двери, расположенной поблизости, откуда продолжали разговаривать голоса — но из своего теперешнего положения Дугал практически ничего не видел. Он чуть опять не задохнулся, пытаясь приподняться на бедре, чтобы осмотреться. В конце концов, ему пришлось изогнуть спину и перекатиться на живот, чтобы он мог поворачивать голову.

Точно таким же образом связанный Келсон лежал неподалеку, его глаза были закрыты, но он дышал.

Слава Богу!

Испытав огромное облегчение, Дугал опустил подбородок на подстилку и закрыл глаза. Его ступни болтались в воздухе, но в таком положении веревка меньше всего давила на шею. Ему требовалось оценить ситуацию, в которую они попали.

Во-первых, если брать положительные моменты, то он сам, кажется, травмирован не больше, чем когда начались их несчастья, хотя он не был уверен, что может то же самое сказать о Келсоне. Король оставался без сознания, и удар по голове определенно не улучшил его состояние после первого сотрясения мозга.

Также положительным можно было считать тот факт, что они оба наелись хлеба и напились эля, что обнаружили в последней гробнице. Конечно, это едва ли расположит к ним пленителей, которые и без того считали обоих юношей грабителями и осквернителями святынь, и все же пища придавала Дугалу сил. Он, конечно, предпочел бы что-то более существенное, чем хлеб — например, кусочек оленины или куропатку, или, наконец, пирог с голубятиной или что-то еще в этом роде, чем можно по-настоящему насытиться. Правда, после многих дней на воде, рыбе и вине, а в последнее время, и вовсе на одном только вине, хлеб показался божественной пищей. Эль также не затуманил его сознание, потому что Дугал заедал его хлебом, значит, ему не придется тратить драгоценную энергию на то, чтобы уменьшить воздействие алкоголя.

Однако выпитый эль имел одно неприятное последствие: мочевой пузырь был переполнен. Дугал сейчас никак не мог его опорожнить, ну если только в штаны, поскольку был связан подобно барашку,

приготовленному на заклание. Интересно, а Великий Пост уже закончился? Ведь Дугал понятия не имел, сколько времени они с Келсоном блуждали в подземельях. Пока он еще мог терпеть, но с каждым часом это будет все труднее и труднее.

Значит, он в любом случае должен освободиться от пут — чтобы позаботиться о раненом Келсоне и вызволить их обоих. Побег может оказаться возможным, если у него будет время поразмыслить над проблемой. Звуки за дверью стихали. Очевидно, их пленители собирались укладываться спать. По прикидкам Дугала, их, скорее всего, схватили ранним вечером, а потому он предполагал, что никакого решения не станут принимать до утра. Ему совсем не хотелось думать о том, что с ними могут сделать, если им не удастся убедить пленителей в своей невиновности.

Так, чем же заняться вначале? Попытаться самому освободиться от пут или каким-то образом подползти к Келсону и посмотреть, не сможет ли он освободить его?

Для начала Дугал решил произнести слова заговора, снимающего усталость, затем посмотреть, удастся ли ему собрать достаточно энергии, чтобы освободиться от пут. Он работал над первой задачей, когда внезапно открылась дверь, и на него сзади упала полоска света, которую тут же закрыло несколько теней. Дугал на мгновение застыл, сразу же поняв, что не может притворяться, что он без сознания, если ноги по-прежнему болтаются в воздухе. Затем он медленно, с глухим стоном от боли, перекатился на бок, чтобы посмотреть, кто пришел. Двое мужчин в серых плащах показались знакомыми — они участвовали с драке у пещеры. Типичные солдаты на вид,

которые лишь исполняют чужие приказы... а вот третий был совсем другого сорта.

Он напомнил Дугалу старого Каулая в лучшие годы — загорелый, с ногами колесом от многих лет, проведенных в седле, с мускулистыми руками и плечами, одетый в мягкую темно-рыжую рубашу с длинными рукавами. На нем были клетчатые штаны из неизвестной серо-черной ткани. Рубашка выглядывала из-под кожаной стеганой безрукавки со шнуровкой спереди, кожаные сапоги доходили почти до колен, а на правом боку висел кинжал, украшенный серебром. У него была окладистая каштановая борода, усы, подернутые сединой, напоминали кошачьи, в пышных волосах тоже проглядывала седина, и они были заплетены в косу, как у самого Дугала. На шее поблескивал серебряный торк вождя.

— Значит, вот какие эти негодяи,— сказал мужчина негромко, не сводя взгляда с Дугала.— Обокрали гробницу Сагарта?

— Да, осквернили священные места, Бенед-Сианн,— ответил один из подчиненных.— Мы не знаем, сколько всего они разрушили, до завтрашнего утра. Братья посмотрят, что они там натворили.

Второй приближенный, мрачный и отстраненный, в сером плаще, закрывающем его тело от плеч до щиколоток, без всякого выражения что-то быстро пробормотал на диалекте, который Дугал не мог разобрать, несмотря на схожесть с приграничными говорами, известными ему. А вождь поджал губы, взглянул на так и не пришедшего в сознание Келсона и снова вернулся к Дугалу.

— Твоему напарнику повезло больше, молодой разбойник,— тихо произнес он.— Потому что когда мы будем сжигать вас на костре за ваше богохульст-

во, думаю, он не почувствует языков пламени, а вот тебе придется куда хуже...

Презрительно фыркнув, вождь развернулся и ушел, двое подчиненных смерили Дугала тяжелыми взглядами и тоже последовали за ним, закрыв дверь. Сердце Дугала опустилось, когда он услышал, как задвижка с глухим стуком упала на место, затем он выгнул спину, чтобы ослабить давление веревки на горло, пытаясь найти более удобную позу.

Костер. Пленители собирались сжечь их, очевидно не предоставив возможности ни слова молвить в свою защиту. Он понятия не имел, кто был тот Сагарт, чью гробницу они осквернили, но, очевидно, он в этой местности занимал какое-то важное положение. Приговор был вынесен исходя не из фанатизма, а из простой логики. Преступление совершено двумя неизвестными — никакие смягчающие вину обстоятельства роли не играют — а за это преступление полагалась смертная казнь через сожжение на костре.

Подобная несправедливость разозлила Дугала, и он несколько минут просто лежал, распаляясь, прежде чем смог повернуть свой гнев на нечто более полезное в их ситуации — например, постараться освободиться. Его тело переполнял адреналин, в то время как ярость подпитывала разум, поэтому через несколько минут он сумел ослабить узлы при помощи своих способностей, освободил запястья, стянул веревку с шеи, вынул кляп и снял веревки, связывавшие его ноги.

Перед тем, как проверить состояние Келсона, Дугал неслышно подобрался к двери, скорчился и попытался заглянуть под нее. Свет там померк, и помещение, располагавшееся за дверью, заполнял мощ-

ный храп. Молясь, чтобы никто больше не пришел их проверять, Дугал размял ноги и повернулся к Келсону, правда, для начала опорожнил в углу мочевой пузырь, затем склонился над лежащим без сознания королем, чтобы развязать его. Дугал создал слабенький магический огонь, чтобы было можно разглядеть, что он делает, а когда закончил распутывать Келсона, тот пошевелился.

«Не говори ничего вслух,— послал Дугал ментальный импульс в сознание Келсона, как только у того задрожали веки и на Дугала уставились серые глаза. Дугал даже приложил палец к губам Келсона, чтобы усилить приказ.— Думаю, на ночь нас оставят в покое, но, судя по звукам, за дверью спит целый отряд стражи.»

Келсон слабо кивнул, и Дугал снял палец с его губ, но в свете магического огня увидел, что зрачки Келсона опять реагируют слабо. Над виском появился новый синяк, недалеко от того места, где Дугал восстанавливал кость после первого повреждения черепа. Келсон чуть не вскрикнул, когда Дугал легко дотронулся до головы кончиком пальца.

«Плохи дела, да?» — удалось послать мысль Келсону, причем он вначале взял руку Дугала в свою, чтобы физический контакт облегчил ментальный.

С трудом сглотив, Дугал кивнул.

«И это не самое худшее,— ответил он.— Келсон, они думают, что мы преднамеренно забрались в гробницы и осквернили их. Они угрожают сжечь нас завтра на костре.»

«Сжечь нас...»

Келсон прикрыл глаза, но затем его мысль ворвалась в разум Дугала. Дугал и не думал, что у короля

осталось столько сил после очередного удара по голове.

«В таком случае обещай мне две вещи, Дугал — не как королю, а как другу и брату. Поклянись мне своей любовью ко мне, памятуя, как ты чтешь нашу братскую клятву, скрепленную кровью.»

«Все, что хочешь, Келсон — я клянусь!» — тут же пришел пылкий ответ Дугала.

«Во-первых, пообещай мне, что если ничего больше нельзя будет сделать, ты поможешь королю умереть до того, как его охватят языки пламени.»

«Ты имеешь в виду — убить тебя?»

«Да.»

«Келсон, я...»

«Обещай, Дугал! — серые глаза раскрылись, спокойные, как море, окутанное туманом. — Из всего того, что есть на земле и за ее пределами, я, пожалуй, больше всего боюсь именно этой смерти. Ты знаешь, через что прошел твой отец. Обещай мне, Дугал!»

Глаза Дугала застлали слезы, но он кивнул.

«Я обещаю», — сказал он, и его губы также шевельнулись, когда разум послал ментальный импульс.

«А теперь второе обещание», — продолжал Келсон с легкой улыбкой.

Дугал кивнул, склонив голову над рукой короля, и поцеловал ее.

«Я обещаю.»

«Разве ты не хочешь вначале узнать, что еще я прошу?»

«Какое это имеет значение? — ответил Дугал, на губах которого появилась горькая усмешка. — О чем еще ты можешь попросить меня, что окажется труднее твоей первой просьбы?»

«Я могу попросить тебя спасти меня,— ответил Келсон.— На самом деле, я именно об этом и собираюсь просить — потому что я ни в коем случае не готов сейчас умирать.»

«Спаси тебя? — в ужасе Дугал внимательно посмотрел в серые глаза Келсона в поисках какой-то подсказки, пытаясь понять, о чем говорит король.— Келсон, ты знаешь, что когда они придут за нами утром, я сделаю все возможное, чтобы спасти нас обоих, но...»

«Излечи меня, Дугал,— мысль Келсона прорезала сознание Дугала, подобно ножу.— Ты ведь из рода Целителей. Ты унаследовал от Дункана все остальное, так почему бы и не это? Ведь, в конце-то концов, ты же поставил на место кость в моем черепе.»

«Это была физическая манипуляция,— запротестовал Дугал.— А то, о чем ты говоришь — совсем другое дело. Я ведь не смог дотронуться до внутренних повреждений.»

«А ты пытался?»

«Нет, я не посмел.»

«А теперь как раз время посмечь,— заметил Келсон.— Когда Морган лечит, он прикладывает руки к тому месту, которое он собирается исцелить, а затем... в некотором роде представляет, каким оно должно стать.— Келсон потер переносицу.— Также, наверное, не помешает обратиться к святому Камберу. И Морган, и твой отец говорили про — как их называть? — посещения? — во время процесса исцеления. И тот, кто им являлся — эта странная сущность — подходит под описание святого Камбера. Морган также рассказывал, как у него появляется ощущение, будто на его руках лежит еще одна пара рук.»

Дугал оставался без движения несколько секунд. Он был ошарашен, долго моргал и вернулся к нормальному состоянию только после того, как в его разум снова ворвалась мысль Келсона.

«Я знаю, что это тебя пугает,— король пытался его ободрить, но одновременно и подтолкнуть, и искусить.— Если тебя это страшит не так сильно, то попробуй вначале вылечить себя, перед тем как займешься мной. Тебе ведь, в любом случае, потребуются две здоровые ноги, чтобы мы могли выбраться отсюда — так что поработай вначале над своей лодыжкой. У тебя есть здоровая для сравнения. А из меня ты можешь черпать дополнительную энергию, как мы делали, чтобы открыть двери.»

«Но... даже если мне удастся это сделать, ты считаешь разумным так опустошать твои запасы силы?» — спросил Дугал.

«Дугал, если ты не можешь меня вылечить, то можешь сразу же убить! — пришел ответ Келсона, жестокий, но честный.— Сколько еще времени и энергии ты намерен тратить на споры? И вообще, ты не боишься, что нам в любой миг могут помешать?!»

Дугал понятия не имел, сумеет ли он сделать то, чего ожидал от него король, хотя Келсон, похоже, был уверен, что он справится. Чтобы защититься от возможной проверки, на тот случай, если кто-то решит взглянуть на них ночью, Дугал вложил кляп Келсону в рот, но, конечно, не глубоко, затем перевернул его на бок, как раньше, чтобы проверяющему показалось, будто король по-прежнему лежит без сознания, и накинул на него веревки, не завязывая их. Из дверного проема этого все равно не разглядеть.

Сам Дугал улегся на бок — так, чтобы их головы соприкоснулись, словно после последней проверки он смог проползти до друга, а затем рухнул от усталости. Он тоже вставил себе кляп, а руки и ноги спрятал за спиной, заслоняя их своим телом. Так что если не подходить к ним близко, проверяющий мог бы решить, что они оба связаны, как и раньше.

Из этого положения, устроившись настолько удобно, насколько позволяли обстоятельства, Дугал погасил магический огонь и вызвал первые стадии глубокого транса. Он уверенно проник в разум Келсона; последние недели они так часто находились в мысленном контакте, что это давалось ему с каждым разом все легче. Связь практически мгновенно окрепла, давая Дугалу доступ даже к самым последним запасам энергии Келсона, хотя он и не воспользуется ими, если не возникнет крайняя необходимость. Затем Дугал позволил себе проскользнуть на более глубокие уровни транса, чтобы осмотреть свое собственное тело.

Он никогда не делал ничего подобного раньше. Единственное, чем он занимался, — это простые упражнения на расслабление. На этот раз он вначале занялся судорогами, болезненно отдающими в плечах из-за того, что ему приходилось держать руки сзади в неудобном положении. Однако после того, как ему удалось справиться с этим, он стал быстро улавливать многое другое — кровь, пульсирующую по телу в одном ритме с биением сердца, медленным и ровным, потенциал мышц и связок, когда разминал пальцы.

Дугал изменил положение рук, чтобы схватить каждое запястье противоположной рукой, и быстро почувствовал небольшое отличие в неповрежденной

правой от почти залеченной левой. Через несколько секунд он перебрался к ногам, перекатившись на живот и опустив руки вниз, чтобы ухватиться ими за лодыжки.

В этом случае разница между больной и здоровой сразу же стала очевидна. Больная оказалась более теплой при физическом прикосновении и более мягкой, когда он нажал на нее кончиками пальцев, отыскивая повреждения, которые он раньше чувствовал сквозь сапог, но не смел осмотреть повнимательнее, боясь, что не сможет надеть сапог назад.

Однако, когда захватчики забрали его обувь, лодыжка оказалась свободной. Раньше сапог служил своеобразным гипсом, а теперь за короткое время она успела немного опухнуть. Дугал почувствовал линию трещины в одной из костей — не физически, но так же уверенно, как если бы пальцы прошли по голой кости без какой-либо мышечной ткани и кожи. А затем, позволив себе проскользнуть на более глубокий уровень сознания, гадая, каким же образом начать исцеление, он внезапно оказался словно внутри кости, и на этом уровне он уже знал, что нужно сделать для сращивания кости.

Потребовалось гораздо меньше энергии, чем он предполагал, и ему почти не понадобилось пользоваться ресурсами Келсона. Почувствовав, что кость цела, Дугал передвинулся к следующей, залечил ее и отправился проверить остальные, а затем перекинулся на окружающую ткань, отыскивая порванные связки и поражаясь, как легко хрящи и мускулы подчиняются его воле.

Казалось, успокаивающее тепло проникает сквозь ладони, и он использовал его, как бальзам, облегчая боль и напряжение, снимая опухоль, усиливая ток

крови, силой воли заставляя ногу вернуться к тому состоянию, которое было до травмы. Он почувствовал, как опухоль спадает под его рукой, а лодыжка, когда он попробовал подвигать ею, смогла шевелиться во все стороны, причем без каких-либо болезненных ощущений.

У Дугала слегка перехватило дыхание, когда он вышел из транса, практически не веря, что добился желаемого результата. Но сразу же после того, как Дугал открыл глаза, на самой грани поля зрения, ему показалось, что он на мгновение увидел улыбающегося высокого седого мужчину в сером одеянии. Дугал резко поднял голову, чтобы получше разглядеть его, но в ту же секунду образ исчез. Дугал не воскликнул от удивления из-за кляпа, а к тому времени, как он его вынул, молодой человек вспомнил, почему не должен произносить ни звука, и сел.

— Боже праведный, что это было? — прошептал он очень-очень тихо, продолжая в благоговении оглядываться.

«Что такое?» — пришел ответ Келсона, едва король вернулся в сознание и схватил руку Дугала.

«Неважно», — Дугал создал очень слабенький магический огонь и склонился, осматривая свои лодыжки, затем попробовал согнуть правую и несколько раз поменял ее положение — и не почувствовал боли. На ней больше не было никакой припухлости, и кожа обрела нормальный цвет.

«Келсон, я сделал это!»

Тихий вздох Келсона передал больше, чем слова или мысли, когда он на мгновение прикрыл глаза.

«Я предполагал, что ты на это способен, по крайней мере, следовало попробовать», — послал Келсон ментальный пульс. — Мне не хотелось бы подрывать

твою уверенность, но, боюсь, со мной тебе будет справиться куда труднее, да и нам может не хватить времени, если мы еще будем откладывать. Ты готов заняться мною?»

«Не настолько, как мне хотелось бы, но у нас нет выбора,— ответил Дугал, призывая свой магический огонь, чтобы тот завис над Келсоном.— Перестань думать о том, чтобы притворяться связанным. Мне понадобится очень глубоко войти в твоё сознание.»

Он вынул кляп у короля изо рта и помог ему лечь на бок, вытянув руки вдоль тела, но не прижав к полу.

«Ты собираешься оставить этот огонь, пока работаешь? — спросил Келсон.— Если кто-то заглянет, он тут же нас выдаст.»

Дугал слабо улыбнулся, устраиваясь на корточках и опуская обе руки на полузалеченную голову Келсона.

«Мне нужно видеть, что я делаю, по крайней мере, вначале. А если они заглянут и увидят, что мы не связаны, мы, в любом случае, окажемся в большой беде. Кроме того, может, они любят Дерини?»

«А, возможно, святой Камбер вмешается, чтобы вызвать нас отсюда»,— добавил Келсон.

Услышав последнюю фразу, Дугал вспомнил, что видел, выходя из транса в первый раз. Камбер, и правда, может им помочь. Но Келсон, очевидно, этого пока не осознавал.

«Давай рассчитывать прежде всего на самих себя,— ответил Дугал напряженно, снова пытаясь установить тесный контакт.— Давай-ка, снова войди в транс и расслабься. Соединись со мной в одно целое. Отдайся на мою волю. Не думаю, что мне потребуется твоя энергия, сама по себе, но мне нужен

полный контроль после того, как к тебе станут возвращаться твои защиты. Если я все понял правильно, то по крайней мере первая часть будет несложной. Для остального потребуется более тонкая работа, но мы займемся ею, закончив с первой частью. А если ты знаешь какие-нибудь молитвы святому Камберу,— добавил он,— то сейчас как раз пришло время для них.»

«Никаких особенных,— пришел слабый ответ: король явно терял над собой контроль,— но я постараюсь что-нибудь придумать.»

«Хорошо, потому что у меня появилось такое чувство, словно он очень заинтересован в происходящем здесь сегодня ночью.»

Дугал почувствовал, как Келсон шевельнулся, желая задать вопрос, но контроль Дугала был уже настолько силен, что король почти полностью утратил собственную волю и не мог сопротивляться. Дугал мягко протолкнул Келсона в глубокий, но не тяжелый сон, одновременно уводя их обоих еще дальше. По мере того, как они продолжали падение, Дугал направил свою волю в больное место под кончиками пальцев — и почувствовал, как ткань потеплела под его прикосновением, а затем, когда с кожи отлетела короста, она сделалась прохладной.

Улыбаясь, Дугал позволил себе взглянуть при свете магического огня на то, что стало с поврежденным местом, и увидел теперь чистую кожу, затем перевел руки на внутреннюю травму, которой уже занимался раньше. Ему показалось, будто он почувствовал, как чьи-то чужие руки легли поверх его собственных, но не рискнул взглянуть на незванного помощника, а, сосредоточившись, направил мысленный импульс на сложное повреждение. Тем не ме-

нее, эта сущность у него за спиной, и руки ее были совершенно реальны, у Дугала не возникало в этом никаких сомнений. И страха не было... он чувствовал одну только силу и любовь.

Нав сей раз физическое исцеление прошло гораздо проще, стоило Дугалу пропустить через себя мощный поток энергии. Отметина старого перелома стерлась перед его внутренним взором, затем исчезла и появилась новая, чистая кость, а исцеленная часть стала неотличима от всех прочих костей черепа, никогда не знавших повреждений. Но находящаяся под костью небольшая опухоль, все еще нарушающая работу мозга, представляла гораздо большую опасность. Дугал справился и с нею, почти так же, как со своей лодыжкой, заставляя кровь принести тепло и излечить место травмы, а затем смыть поврежденную ткань прочь — хотя пока еще мозг не восстановился окончательно, и ему придется этим заниматься через мгновение.

В третьем месте оказалось, что никаких повреждений костей нет, вообще, хотя имелись два синяка и крохотная вмятинка, которая быстро поддавалась воздействию его силы. Дугал теперь уже без особого труда справился с кровоподтеками.

Но внезапно ему пришло в голову, что нужно кое-что еще — и он вполне способен сделать это. Поэтому, закончив с поверхностным лечением, он призвал всю свою смелость и проскользнул за пределы плоти, на совсем иной уровень, и занялся исцелением разума. Но это оказалось гораздо труднее.

Процесс напоминал самое первое радостное единение с отцом, но еще сильнее и глубже, ибо теперь Дугал взирал на мир сквозь призму вновь обретенных способностей. Давняя дружба, связывавшая их с

Келсоном, увлекала его все дальше, хотя Дугал по-прежнему контролировал происходящее, но теперь это единение захватило его целиком, и, по крайней мере, на время, их души стали единым целым. Слияние оказалось неимоверно полным, вызывающим столь невероятный экстаз, какого раньше они даже не могли бы вообразить.

Подобное единство не имело границ, да, похоже, и не нуждалось в них, даруя каждому из них всю полноту души другого; эта глубокая духовная связь превосходила физическую и в то же время охватывала ее, поэтому Дугал в это мгновение понял, почему им обоим в дальнейшем, когда они оба соберутся жениться, подойдет только женщина-Дерини. Его удивление стало полным, когда Келсон открыл, что уже выбрал эту женщину, и это Росана, согласившаяся сложить с себя монашеские обеты, и они с принцессой-Дерини намерены пожениться, когда Келсон вернется.

Когда Келсон вернется. Осознание их положения, подобно ушату холодной воды, вернуло их к реальности, и оба они одновременно поняли необходимость вернуться в сознание — обычное сознание, теперь, когда лечение было закончено. Когда Дугал отнял руку от груди Келсона, они одновременно всплыли на поверхность, в ярких аурах Дерини, окрашенных красными и серебристыми тонами.

Но затем Келсон замер на месте, приподняв голову, чтобы посмотреть на что-то у Дугала за спиной, и его аура немедленно погасла. Повернувшись, Дугал тоже скрыл свою ауру.

Сейчас на них смотрел не святой Камбер. Комната освещалась красноватым светом факела, который высоко держал вождь, заглядывавший к ним раньше.

Справа от него стояла женщина в просторном сером одеянии и головном уборе, закрывавшим подбородок и шею. Возможно, это платье свидетельствовало о принадлежности к какому-то религиозному ордену. За вождем стояло с полдюжины воинов, одетых так же, как и он. Все они были хорошо вооружены, их грубые лица отражали благоговение и страх.

В другой руке вождя что-то серебристо блеснуло — и Дугал понял, что это медальоны святого Камбера на цепочках, которые отобрали у пленников. Но вождь тут же забыл о них после увиденного.

— Кто вы? — спросила женщина негромким голосом, очевидно привыкшим к повиновению.

Глава двадцать четвертая

От руки его лучи, и здесь тайник его силы¹

Кто вы такие? — повторила женщина. — Вы ведь Дерини, не так ли? Дугал с Келсоном быстро обменялись мысленным вопросом — так быстро, что за это мгновение нельзя было бы произнести ни слова. Несмотря на физическую слабость, вызванную столь долгим голоданием, Келсон чувствовал, что понемногу поправляется и уже в силах взять переговоры на себя. Но, наверное, пока не стоило признаваться, кто они на самом деле. Судя по тону женщины, принадлежность к Дерини она отнюдь не считала достоинством пленников.

— Мы — не разбойники и не грабители, госпожа, — сказал король, осторожно подбирая слова. Он уселся, и Дугал сделал то же самое.

— Это мы еще посмотрим, — вставил мужчина. — Оставайтесь на месте!

За открытой дверью послышался топот, затем вновь прибывшие остановились, мужчина взял женщину под локоть и быстро отвел в сторону, его подчиненные отодвинулись в другую, и в проеме возникли два лучника, натянувшие тетиву и нацелив-

¹ Аввакум 3:4

шие стрелы на пленников. За спинами первых двух лучников пристроились еще двое, готовые быстро сменить первую пару и выстрелить в свою очередь. Келсон с Дугалом застыли на месте.

— А теперь,— продолжал вождь,— медленно поднимайтесь на ноги, по одному, и дайте моим людям вновь связать вас — в противном случае лучники убьют вас.

— Мы не намерены причинить вам зло,— твердо сказал Келсон.

— И мы не принесем *вам* зла, если вы сделаете так, как вам велят,— ответил вождь.— Ты первый. Встань и отойди от него.

Келсон встал, но не отошел от Дугала.

— Мы не станем сражаться с вами, но не позволим снова себя связать,— сказал он, не отводя взгляда от вождя.— Если над вами кто-то стоит, я хотел бы поговорить со старшим, или, возможно, со священником. Мы — честные, благочестивые люди.

— Честные, благочестивые люди не оскверняют гробниц,— ответил вождь.— И у нас нет священников, только *койсигты* — святые братья. Мы похоронили одного из лучших неделю назад. Именно его могилу вы осквернили.

— Сагарт,— тихо произнес Дугал, осторожно поднимаясь на ноги и стараясь держать руки на виду, чтобы не тревожить понапрасну пленителей.

Услышав это имя, вождь резко выдохнул, а лицо женщины окаменело.

— Кто сказал вам об этом? — спросила она.

— Один из его подчиненных, когда Бенед-Сианн заходил в первый раз,— ответил Дугал.— Сианн означает «вождь», не так ли? А знак на шее — торк — подтверждает это положение. Ваш диалект труден для

меня, но я немного понимаю его, так как сам долго жил на границе.

Когда мужчина по имени Бенед устался на него, обдумывая сказанное Дугалом, женщина медленно кивнула.

— Оба молодых человека носят *г'дуу*, Бенед,— тихо сказала она.— И разве ты не говорил, что у обоих были золотые шпоры? Это значит, они принадлежат к знати. Как тебя зовут, молодой *руадх*? — обратилась она к Дугалу.

Она обратилась к нему «руадх», так в приграничье обычно называли рыжеволосых. Дугал снова быстро обменялся вопросом с Келсоном на мысленном уровне. Не будет вреда в том, чтобы назвать свое имя этим людям. Скорее всего, оно для них ничего не значит. Но было важно показать себя одним из них. Келсон согласился.

— Я тоже претендую на титул «сианн», госпожа. Я — Макардри из Транши,— ответил Дугал.— Среди своих людей я тоже ношу торк вождя. Мой брат — еще более великий вождь, чем я. Мы приветствуем Бенед-Сианна из приграничья.

Когда за ее спиной поднялся шепот, женщина кивнула.

— Меак Ард Риг,— повторила она, произнося его имя со странным акцентом.— Сын большого короля... И что же это за большой король?

— Меня не интересует его родословная, Джилиан,— перебил Бенед.— Это не объясняет, что они делали в гробнице Сагарта и дальше. Даже король может быть грабителем. Говори дальше, молодой Макардри, может, тебе удастся спасти себя и своего друга.

Дугал осторожно кивнул, запоминая имя Джиллиан для дальнейших обращений, потому что почувствовал: это настоящее имя, а не сан.

— Клянусь, мы не хотели выказать неуважения, Бенед-Сианн. Мы боролись за свою жизнь.

— Ворвавшись в гробницу *наомха* Сагарта? — выкрикнул один из стражей.

— Вывавшись из его гробницы, — ответил Дугал резко. — Именно это я и пытался вам сказать. Мы пытались выйти — а не войти. Мы пришли с другого конца, из пещеры, которая находится за гробницами.

— Из пещеры... — прошептал другой человек.

— Дайте ему сказать, — велела женщина.

— Хорошо, *Бан-Аба*, — кивнул мужчина, тут же отступив назад.

Дугал уважительно и с благодарностью поклонился ей, приложив правую руку к сердцу, одновременно послав перевод Келсону.

«*Бан-Аба* — это что-то типа настоятельницы аббатства. Я думаю, она главнее Бенеда.»

— Спасибо, *Бан-Аба*, — сказал он. — Много дней назад, или возможно недель, нас унесло подземной рекой вблизи аббатства святого Беренда, к северо-востоку от Кайрори. Мы чуть не утонули. Мы не знаем, как далеко нас утащило перед тем, как мы оказались на берегу в пещере, которая привела нас к другому концу ваших гробниц. Фактически мы даже не знаем, где сейчас находимся.

Он сделал паузу, но никто не вызвался прояснить этот вопрос.

— В любом случае нам удалось пробить дыру в стене, воздвигнутой вашими людьми, чтобы оградить коридор, который вы превратили в цепь гроб-

ниц, а затем мы прошли через... бесконечную череду дверей,— осторожно закончил он, так как внезапно понял: он не смеет сказать им, каким образом открывал двери.

— Это правда, *Бан-Аба*,— вмешался Келсон, пытаясь скрыть чуть не совершенную Дугалом оговорку.— Мы потревожили гробницы только потому, что искали выход и еду. У нас много дней ничего во рту не было, кроме воды и рыбы, но и это все закончилось к тому времени, как мы попали в первую гробницу. К счастью, вино оставалось еще пригодным для употребления. А затем, когда мы обнаружили хлеб и эль в гробнице Сагарта, мы съели их. Когда мы вышли тут на поверхность, это был наш первый глоток свежего воздуха за... вероятно, несколько недель.

— Но вы освободились от пут, чего не может сделать ни один обычный человек,— сказал Бенед, показывая на них рукой, все еще держа медальоны святого Камбера. Затем резко замолчал, вспомнив про них.— И вас окружал священный огонь, когда мы только что вошли.— Благословенным клянусь, *ты* создал огонь. И на тебе, парень, был *его* знак,— продолжал Бенед, переводя изумленный взгляд с Дугала на Келсона и обратно.— Вы... нет, вы не можете быть...

— Кем мы не можем быть? — переспросил Дугал, уставившись на мужчину, внезапно увидев луч надежды. Может ли так оказаться, что «Благословенным», о ком Бенед говорил с таким очевидным почтением, тут считается святой Камбер? — Стали бы мы носить *его* медальоны, если бы не поклонялись *его* памяти?

Бенед еще пристальнее уставился на них. *Бан-Аба* слегка побледнела. Подчиненные стали перешептыва-

ться между собой, явно чувствуя себя неуютно, некоторые украдкой крестились, а лучники медленно опустили оружие. И Дугал, и Келсон не смели вздохнуть.

— Вы обманываете нас? — прошептал один из солдат.

Дугал категорически покачал головой, но почувствовал: следующим следует говорить не ему, а Келсону, и вопросительно посмотрел на короля.

— Назови *его* имя,— наконец сказал вождь, поворачиваясь к Келсону и почти кидая медальоны ему в лицо.

С трудом дыша, Келсон медленно, очень медленно протянул руку к одному из медальонов и взял его в ладонь, затем склонился и поцеловал его.

— Мы почитаем имя блаженного святого Камбера из Кулди,— смело сказал он и перекрестился, выпрямляясь.— Мы — его слуги.

Шепот благоговения и удивления перешел в шок и смятение, и Келсон подумал, не зашел ли он слишком далеко.

— По какому праву вы заявляете, что являетесь *его* слугами? — наконец громко спросил Бенед, тем самым призывая остальных к тишине.

Келсон почувствовал, что сейчас может прозвучать только правда.

— Мой друг и я недавно были посвящены в рыцари,— твердым голосом заявил он,— и отправились в путешествие, как обычно делают молодые рыцари, чтобы найти некоторые из реликвий святого Камбера. Я намереваюсь восстановить его культ в Гвиннеде — таким, каким он по праву должен быть.

— Ты восстановишь культ святого Камбера? — выдохнула *Бан-Аба*.

— Это невозможно! — выпалил один из лучников, еще ниже опуская оружие.— Церковь никогда этого не позволит!

— Даже король не смог бы этого сделать! — прошептал в благоговении еще один человек.

— Тот король, что перед вами, сможет,— ответил Келсон,— и намерен преуспеть.

— Ты утверждаешь, что ты — король? — презрительно спросил еще один.

— Да, я — король,— ответил Келсон.— Я — Келсон Халдейн Гвиннедский.

— Келсон?

— Халдейн?

Мужчины загомонили все разом, сыпя торопливыми вопросами, но говорили они на своем диалекте и так быстро, что Дугал не смог уловить смысла большей части сказанного. Затем, без какого-либо предупреждения, все они ушли, закрыв за собой дверь. Когда задвижка упала на место, Келсон быстро создал магический огонь и вопросительно повернулся к Дугалу.

— Черт побери, что произошло?

Дугал хмыкнул.

— Это ты мне скажи. Предполагаю, они отправились обсуждать нашу судьбу. Упоминание Камбера несомненно вызвало у них реакцию. Бурную реакцию. Как ты считаешь, нам стоит попробовать убежать или подождать и посмотреть, что будет дальше?

— Давай подождем и посмотрим,— ответил Келсон.— Их реакция на имя Камбера была гораздо лучше, чем я мог надеяться, и, думаю, они говорили о наших аурах Дерини, когда упоминали «священный огонь». И это тоже неплохо, как мне кажется. Если бы я знал об этом раньше, то, возможно, сумел бы

лучше обернуть ситуацию в нашу пользу. Однако не хотелось слишком рано представляться, а то нас ведь могли и убить. Эти люди могут быть очень ранимы.

— Ты это говоришь жителю приграничья? — ответил Дугал с улыбкой.

Усмехнувшись, Келсон вновь опустился на пол, прислонившись спиной к стене, самой дальней от двери, и качая головой. Через несколько секунд к нему присоединился Дугал.

— По крайней мере, ты поправился, — сказал Дугал через несколько секунд. — Что бы теперь ни произошло, по крайней мере, у нас есть шанс и мы сможем побороться за свою жизнь.

Келсон кивнул, касаясь стены головой.

— И я должен благодарить тебя за это, — сказал он. — Я бы многое отдал за нормальную еду, но во всех других смыслах я давно не чувствовал себя так хорошо... даже не помню, с какого времени. Как, черт побери, тебе это удалось?

— Мне, наверное, следовало бы спросить, какую часть процесса ты имеешь в виду — лечение или нечто другое, но что бы то ни было, я все равно не сумел бы объяснить, — ответил Дугал. — Исцеление — это чудо. Я понятия не имел, что делаю, но это все равно сработало. И наше единение было непохоже на все, о чем я когда-либо мечтал, на то, что испытывал прежде. Полагаю, и для тебя это было внове.

— Несомненно, — ответил Келсон тоном, в котором чувствовалось уважение. — Мне и раньше доводилось уходить глубоко, с Алариком и даже с Дунканом, но никогда подобным образом. Может быть, ощущения были такими сильными, поскольку я глубоко раскрылся для исцеления. Мои силы полностью восстановились — как и воспоминания. Я чув-

ствую как будто... все стало более утонченным, отточенным по краям — и словно я теперь могу сделать практически все, что угодно.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду,— сказал Дугал.— Рухнули все старые барьеры. Не могу объяснить, откуда я это знаю, но я *знаю*, что мне больше никогда не придется бояться ментальных контактов. Мои защиты теперь полностью под контролем. Словно сделанное нами довершило тот обряд, что начал в свое время мой отец, то утро, когда мы выяснили, кем приходимся друг к другу. Если у меня и были прежде сомнения насчет своей принадлежности к Дерини, теперь их больше нет.

— Да, мы с тобой составляем великолепную команду,— согласился Келсон.— Настоящее братство, как у Аларика и твоего отца. И не думаю, что когда-либо почувствую себя ближе к кому-то еще, до самой смерти.

— Даже к Росане? — спросил Дугал с застенчивой улыбкой.

Келсон покраснел в свете магического огня и спрятал лицо, обхватив руками колени.

— Наверное, глупо смущаться после того, что мы пережили вместе. Я, правда, собирался рассказать тебе обо всем, Дугал.

— Ну, ты и рассказал.

— Да, но я имел в виду не так. Я, на самом деле, люблю ее, хотя совершенно по-другому, это не похоже на те чувства, которые, как я думал, я начинал испытывать к Сидане. И хотя мы с Росаной пока не достигли того, что с тобой, это придет. Я получил урок в тот раз, когда наши с ней сознания впервые соприкоснулись. Но ведь мне нет необходимости те-

бе об этом рассказывать? Мы ведь и это с тобой разделили, да?

Дугал на мгновение закрыл глаза, оставив это воспоминание позади, ему не хотелось говорить то, что он должен сказать, но знал: это необходимо, ради них обоих.

— Иногда в слишком большой откровенности есть и отрицательная сторона,— произнес он, прислоняясь головой к стене и глядя за Келсона.— Поверь мне, я ценю то, чего мы достигли, но считаю, каждому из нас нужно и что-то личное — область, которая закрыта ото *всех*. Она есть у моего отца и связана с его жизнью как священника. Я, например, не хочу и не готов узнать, что ему открывают на исповеди. И я не собираюсь проявлять любопытство к их дружбе с Морганом. Думаю, отношения между мужем и женой должны быть, по меньшей мере, столь же священные.

— Ну, мне кажется, еще рано об этом беспокоиться. Ведь у нас с Росаной пока не дошло до супружеских отношений.

Последние слова Келсона только подчеркнули ту неловкость, которую испытывал Дугал, и он скептически приподнял одну бровь, посмотрев на короля и радуясь, что они оба пока еще остаются девственниками, по крайней мере, в физическом смысле.

— Правда? Считаешь, что в том, как она показывала тебе изнасилование Джаннивер, не было никакой интимности?

— Согласен, это было интимно,— вставил Келсон, краснея до корней волос.— Но это другое.

— Другое,— кивнул Дугал.— В таком случае мы ограничиваем наше обсуждение физической близости

стью? А что там с вашей встречей в саду в ночь перед отъездом?

— Я только поцеловал ее, Дугал.

— Да? Это не то, что я почувствовал, когда во время нашего слияния всплыл тот эпизод,— ответил Дугал, посылая эхо разделенных воспоминаний назад Келсону, не ограничивая их физическими ощущениями.— Ты бы никогда не сделал этого, Кел, ведь ты честный и благородный человек, но твоя плоть была готова овладеть ею, прямо там. И ты сам знаешь, что она бы позволила тебе... Я ни в чем тебя не обвиняю, но это относится как раз к разряду тех вещей, которые должны остаться между тобой и ею, и только между вами двумя, точно так же, как зрелище того изнасилования. Это — частное.

Келсон закрыл глаза и спрятал лицо в ладонях, а тело его содрогнулось под гнетом воспоминаний. Он понимал, что Дугал прав. Пусть даже нельзя считать, что он предал Росану, поделившись своими чувствами с Дугалом, все равно, справедливо ли подвергать друга такому испытанию? Думая об их единении, Келсон понял, что оно на самом деле было глубже, чем что-либо испытанное им раньше. Теперь стало очевидно: существует вещи слишком ценные, слишком интимные, чтобы обнажать их перед другим, кто в них не участвовал лично, даже если очень сильно любишь этого человека.

Теперь Келсон понял, почему он никогда не имел ни малейшего представления о возможных проблемах между Морганом и Ричендой. Морган спрятал эту часть своей жизни, только для себя — поскольку, несомненно, были и вещи, которыми он не делился с Ричендой. Как бы крепка и глубока ни была друж-

ба короля с Морганом, кое-что должно храниться в тайне.

— Ты прав,— сказал Келсон через минуту.— Ни ты, ни я об этом раньше никогда не думали, но, в самом деле, должно оставаться что-то сугубо личное, даже в нашей близости — в близости любых людей. Я уверен, будут вещи, которые мне так же не следует делить с Росаной, необязательно даже такие, что мне не следует *говорить* ей, но и просто те, о которых ей лучше не знать. Ах, наивность молодости — думать, что полная открытость возможна и даже желанна.— Он улыбнулся, смирившись, и снова посмотрел на Дугала.— Именно это ты пытался мне внушить?

Дугал только улыбнулся и кивнул, поворачиваясь, чтобы лениво посмотреть назад на дверь.

— Видимо, да,— он сделал паузу на мгновение, затем продолжал.— Как ты думаешь, когда они придут за нами?

— Понятия не имею.

— Ты считаешь, они все еще хотят нас сжечь?

Келсон вздохнул.

— И этого не знаю. Однако мы не можем этого допустить, даже если нам придется убить их всех, чтобы спастись.

— Ты прав,— Дугал вытянул ноги вперед и снова вздохнул.— Интересно, сыграет ли роль то, что они узнали, кто ты такой?

— Ты, в самом деле, думаешь, что они хотя бы слышали обо мне? — ответил вопросом на вопрос Келсон.

— Не смейся меня. Все слышали о Келсоне Гвиннедском.

— Но только если они тут не отрезаны от остального мира,— ответил Келсон.— А это возможно, судя

по тому, какая дикая была местность там, где мы с тобой свалились в реку. Я понятия не имею, где мы находимся, но не могу представить, что такая преданность святому Камберу еще сохранилась в наши дни в тех местах, где нам с тобой доводилось бывать.

— Хм-м-м, вероятно, ты прав.

— Вспомни доспехи в гробницах. Некоторые из них казались такими старыми, будто остались еще со времен Камбера. Я не знаю, Дугал, с чем мы столкнулись, но это не похоже на все то, что мы видели раньше.

Но насколько не похоже, им еще предстояло узнать. С другой стороны двери подняли задвижку, и оба молодых человека поднялись на ноги.

— *Квориал* примет вас,— сказал Бенед-Сианн.— Идите спокойно.

Комнату, куда они вышли, заливал солнечный свет. Друзья тут же заметили лучников, готовых, как и раньше, выстрелить в любой момент, а также людей, собиравшихся связать им руки.

* * *

А в королевской башне в Ремутском замке Росана из Нур-Халлая ожидала, что вскоре тоже будет связана... но не веревками, а золотым кольцом, которое наденут ей на палец. Это был день ее свадьбы — в полдень она выйдет замуж за Конала Халдейна и станет принцессой Гвиннеда.

Уже совсем скоро. Она слегка откинула голову назад, когда одна служанка заканчивала завязывать ее белое платье из камчатного полотна, а другая — расчесывать распущенные волосы, спадавшие блестя-

щей иссиня-черной волной почти до бедер. На глаза стали наворачиваться слезы, угрожая размазать аккуратные линии у основания ресниц, которые нарисовала служанка, чтобы подчеркнуть ее миндалевидные глаза, но Росана твердо приказала себе не плакать.

Она и так много плакала последние три недели. У нее почти не осталось слез. Вначале она чуть не довела себя до болезни, хотя и не смела никому признаться о причине своего горя. Конечно, теперь отец Амброс знал обо всем, но он никому не скажет. Даже он согласился, что ее решение являлось благородной данью потерянной любви, а также королевскому долгу. Но оно не облегчало ей сердце.

Она снова напомнила себе, что сама сделала свой выбор — ради Келсона и той страны, королевой которой он просил ее стать. Это помогало, но совсем немного. В предыдущий день в присутствии матери Хелоиз, выступавшей свидетельницей, Росана подписала документы, которые требовались архиепископу Кардиелю, чтобы снять с нее обет — и это была последняя формальность. Ни настоятельница, ни архиепископ не настаивали, чтобы она объяснила причины, и она сама не предложила их назвать. Это только открыло бы раны, которые она предпочитала больше не бередить. Позднее, в присутствии только Кардиеля, матери и братьев Конала, они с принцем обменялись клятвами, и он преподнес ей кольцо с рубином.

— Время, госпожа,— сказала Сильви, ее личная служанка, принося диадему и фату из прозрачного, легкого, словно солнечный свет, шелка, по которому проходили золотые нити. По краям фату украшали крохотные жемчужины.

Почти двадцать лет назад ее надевала Мерауд, выходя замуж за Нигеля, и прошлой ночью она вручила ее Росане со слезами на глазах. Мерауд хотела надеяться, что брак Росаны с Коналом принесет хотя бы половину той радости, которую сама она испытала в браке с Нигелем. Росана предпочла бы более плотную вуаль, сделанную в восточной манере, подобную тем, к которым она привыкла, но она не могла и подумать, чтобы обидеть Мерауд, отказавшись от подарка. Фата напоминала паутину, когда Сильви опустила ее на голову Росаны, и лишь слегка закрывала плечи. Затем Сильви надела на нее диадему, чтобы удержать фату на месте. Эта была та же диадема, которую девушка надевала на церемонию посвящения Келсона в рыцари, но Росана пыталась не думать об этом. Она должна была стать принцессой Гвиннеда и когда-нибудь будет королевой. Выходя замуж за будущего короля, она выходила замуж за страну.

— Вы выглядите очень красивой, госпожа,— прошептала Сильви, держа зеркало.— Принц будет гордиться вами!

Росана заставила себя улыбнуться и кивнуть.

— Спасибо, Сильви.

Она опустила глаза на рубин у себя на пальце, единственный драгоценный камень, принадлежавший ей, за исключением диадемы, а затем нервно покрутила его, подняв глаза на окно. Солнечный луч освещал аналой, где она провела столько часов в последние недели. Затем она медленно поднялась, откинув фату с лица.

— Я скоро присоединюсь к вам, дамы,— сказала она и направилась к аналою, шурша платьем.— Пожалуйста, подождите за дверью.

Она опустилась на колени и перекрестилась, склонив голову над сложенными руками, подождав, пока они уйдут и она останется одна. И только тогда она достала из лифа отделанный кружевами платочек и стиснула его в руках, прижав кончиками пальцев к губам, и снова склонила голову.

«Дорогой, дорогой Келсон,— задумчиво произносила она про себя, закрыв глаза, чтобы представить его лицо таким, каким она видела его в последний раз,— пришло время попрощаться. Ты научил меня, что за верой есть долг, и научил любить это королевство, которое так любил сам. Ты убедил меня: я могу принести ему честь, ему и тебе, согласившись стать его королевой. Я с радостью отказалась от своих собственных намерений, ради желания править рядом с тобой.»

Она открыла глаза и склонила голову на бок, грустно и мечтательно, разворачивая квадратик платка, открывая кольцо Сиданы, и дотронулась до него указательным пальцем.

«А теперь тебя больше нет, как нет и той, которая первой надела это кольцо, и я никогда не смогу стать твоей королевой, точно так же, как и она никогда не сможет стать твоей королевой. Но я все равно буду королевой Гвиннеда, Келсон, как я и говорила тебе, и королевой для наших Дерини. Я думаю, ты хотел бы этого для нашей земли. Для тебя очень важно, что мне также придется стать королевой Конала, как и королевой Гвиннеда? Он нуждается во мне, Келсон. И, я думаю, он сделан не из того теста, из которого был сделан ты, хотя я и постараюсь помочь ему показать себя в лучшем виде. Так что прощай, мой господин и моя любовь. Я выхожу замуж за другого Халдейна, не за того, за кого мы оба хоте-

ли. И для того, чтобы быть ему верной, как, я знаю, ты хотел бы, я должна сказать прощай тому, что могло бы быть.»

Она проглотила последние слезы, затем поднялась, уже с сухими глазами, обошла аналой и остановилась в нише у окна. Одна из рам была некрепко притворена, и она открыла ее. Далеко внизу блестел ров с водой, спокойной и освещенной солнцем. Росана на мгновение поднесла кольцо к губам, в последний раз, а затем бросила его вниз. Оно описало дугу и исчезло почти без всплеска.

Когда это было сделано, она опустила свои защиты точно так же, как закрыла окно в комнате, поскольку не была готова делиться своей тайной с будущим мужем — по крайней мере пока. Она высоко держала голову, повернувшись, чтобы идти к своему жениху, потому что была принцессой Нур-Халлая, воспитанной в уважении к долгу. Слез больше не будет.

Она сказала несколько ничего не значащих добрых слов своим служанкам, присоединившись к ним в коридоре, позволив им еще раз заняться ее фатой и шлейфом и поправить выбившиеся пряди волос. Она была спокойна и смирилась со своей судьбой, позволяя отвести себя в королевскую часовню, где состоится бракосочетание.

Мать Хелоиз ждала у дверей церкви — и это была вся ее «семья», которую удалось собрать так быстро. Позднее состоится более официальная церемония, но на этот момент и такой казалось достаточно. Росана склонилась, чтобы поцеловать руку настоятельницы в последний раз и получить ее благословение, перед тем как взять руку пожилой женщины, и пройти короткий путь к алтарю.

Королева Мерауд, ее брат Сэйр и два младших брата Конала, Рори и Пэйн, ждали вместе с архиепископом, одетые на церемонию в пурпурные цвета Халдейнов. Конал странным образом выглядел похожим на Келсона, когда повернулся, чтобы следить за ее приближением. На нем была пурпурная туника, расшитая золотом и украшенная крошечными львами, брошь Келсона с изображением льва и меч Халдейнов, гордо свисающий на перевязи. Росана улыбнулась и вложила свою руку в его ладонь.

Глава двадцать пятая

**При чужом не делай тайного,
ибо не знаешь, что он сделает¹**

дин из королей Халдейнов отменил канонизацию святого Камбера, а другие, его наследники, допустили, чтобы продолжали преследовать *Его* слуг, так что ты должен понимать, почему одно твое имя не склоняет нас к снисходительности и терпимости, Келсон Халдейн. Обстоятельства, в которые ты попал, прискорбны, и ты достоин сожаления, но надругательство над могилами все равно совершено, независимо от того, желал ты этого или нет.

Говоривший был полным мужчиной примерно сорока пяти лет, представившимся братом Майклом. Он также состоял членом *Кворнала*, который, как узнали Келсон с Дугалом, насчитывал восемь человек и являлся высшим органом управления деревни. Деревня называлась Сент-Кириелл. Мужчина, несомненно, обладал властью и привык к ней. Темные, немигающие глаза выделялись на его мясистом волевом лице. В квадратных ладонях, покрытых мозолями от тяжелой работы, перо казалось очень хрупким. У него была выбрита тонзура, хотя и совсем небольшая, но правильной формы, остальные воло-

¹Сирах 8:2

сы, не тронутые сединой, оставались длинными. Он заплетал их в толстую плотную косу. Брат Майкл был одет точно так же, как усопший Сагарт — темно-серая ряса с капюшоном и пояс из веревки с красными и синими узелками. Келсон пришел к выводу, что брат Майкл, как и Сагарт, относится к священникам-*койсригтам*.

Один из стражников, стоявших по бокам Келсона и Дугала, задал вопрос, быстро говоря на диалекте, так неразборчиво, что не смог понять даже Дугал. Этот вопрос вызвал очередную порцию горячих споров среди четырех мужчин и четырех женщин, составляющих *Квориал*, в который также входили Бенед и Джилиан, оказавшиеся братом и сестрой; лучник по имени Килан; еще один воин, чье имя не уловили ни Келсон, ни Дугал; две женщины более старшего возраста, возможно пятидесяти с лишним или даже шестидесяти лет; и молодая девушка по имени Ридиан, которая, казалось, едва достигла половой зрелости. Как и другие женщины, она была одета в серое, но без покрывала на голове. Прямые каштановые волосы просто были перехвачены в хвост.

Келсон не представлял, сколько времени они с Дугалом стоят в круге солнечного света, проникающего через отверстие в потолке, предназначенное для выхода дыма из очага в центре зала. Этот круг уже значительно изменил положение — значит, прошло несколько часов. Судя по нему, Келсон считал, что сейчас как раз перевалило за полдень, но в зале без окон было темно и мрачно. Он освещался лишь факелами. Стропила, переплетенные в форме решетки, крепко поддерживали плотно подогнанную крышу, нависавшую достаточно низко и в холодную погоду не позволявшую теплу уйти. Отштукатуренные

стены были побелены, чтобы помещение казалось чуть светлее. Дугал с Келсоном сидели на низких табуретах, а прямо перед ними за длинным столом расположились члены *Квориала*. Стол на одну ступень был приподнят над полом.

Чтобы послушать, что происходит, здесь собрались жители деревни — пятьдесят-шестьдесят крепких людей, расположившихся на длинных скамьях сразу же за пленниками. Келсон полагал, что большинство из них жили непосредственно в Сент-Кириелле. Практически у всех у них в одежде была хоть какая-то деталь серого цвета, а некоторые, вообще, оделись только во все серое. Эта странность, в дополнение к тому, что собрание вел *брат* Майкл, добавляла собранию оттенок религиозности, что в свою очередь усиливало беспокойство Келсона.

Более того, ни он, ни Дугал, на самом деле, не вполне понимали, что именно происходит. Как заявил им брат Майкл, это был не суд, но происходящее, по мнению и короля, и Дугала, очень его напоминало. Большинство речей произносилось быстро и на диалекте, который даже Дугал понимал смутно, поэтому им с Келсоном приходилось поддерживать постоянную ментальную связь, что всегда трудно было без физического контакта. Но так король имел хоть какое-то представление о том, что говорится. Большое беспокойство вызывали свидетельские показания: несколько человек, изначально захвативших их в плен, долго рассказывали о происшедшем и в деталях описывали урон, нанесенный гробницам.

Судя по их описаниям, ущерб оказывался гораздо большим, чем помнили Келсон с Дугалом. В конце концов, им предоставили возможность повторить свой рассказ. Но им не удалось ничего прочитать на

суровых лицах селян, кроме убежденности, что они сами действовали справедливо, если исходить из серьезности совершенных преступлений. И только когда Келсон заканчивал свое третье выступление, повторяя, что он невиновен и не имел никакого злого умысла, он понял: кто-то из присутствующих пытается определить, говорит ли он правду.

«Дугал! Здесь есть еще Дерини!» — послал он ментальный импульс перед тем, как плотно сдвинуть защиты.

Дугал дернулся, хотя удачно скрыл это, для отвода глаз притворившись, будто закашлялся, а Келсон осторожно выпустил ментальный импульс в направлении возвышения. Вся область тут же стала странно туманной для его внутреннего зрения. По крайней мере один из *Квориала* был Дерини и защищал остальных.

— Мы знаем, кто вы такие,— внезапно, впервые за все время, подала голос девушка, Ридиан.— Мы знали с тех пор, как вы вошли.— У нее был гораздо более низкий голос, чем ожидал Келсон, а глаза имели цвет светлого янтаря, почти пшеничный.— А теперь и вы знаете, поскольку мы решили это открыть: среди нас тоже есть Дерини. Однако ваша принадлежность к Дерини только затрудняет наше решение, поскольку факт остается фактом: вы совершили преступление против нашего племени, которое обычно требует смертного приговора. И тем не менее, мы теперь понимаем: вы не намеревались совершить святотатство в *туам койсригте*.

Келсон осторожно втянул в себя воздух. Именно Ридиан установила большую часть защит, которые он теперь ощущал над возвышением. То, что она и, по крайней мере, несколько других относятся к Де-

рини, создавало свои трудности и для них с Дугалом — потому что если им все же придется выбираться отсюда при помощи магии...

Но, возможно, имелся и другой вариант. Если Ридиан удалось убедиться, что они говорили правду...

— Поэтому мы предоставляем вам выбор, если не желаете гореть на костре,— продолжала Ридиан, и ее глаза неотрывно смотрели на Келсона.— Шанс не только завоевать свободу, но и восстановить честь Халдейнов перед ликом святого Камбера.

Она сделала паузу, словно ожидая ответа, но Келсон не знал, что сказать. Когда стало очевидным, что она не намерена продолжать, пока он не отзовется, Келсон бросил взгляд на Дугала, однако тот также ожидал от короля следующего шага. Келсон откашлялся и снова обратился к девушке.

— Ты говоришь от имени *Квориала*? — негромко уточнил он.

Она слегка наклонила голову.

— Да.

— Могу ли я спросить, утверждаешь ли ты также, что говоришь от имени святого Камбера?

На ее спокойном, детском лице не отразилось никаких эмоций, но несколько других членов *Квориала* обменялись какими-то фразами шепотом и неуютно поерзали на своих местах.

— Мы — Слуги святого Камбера,— сказала Ридиан после короткой паузы.— Мы хранили его память и втайне почитали почти двести лет. Мы не претендуем на то, чтобы говорить за него, но мы верим: время от времени он разговаривает с теми, кто верит в него, и доводит свою волю до них.

— Понятно,— сказал Келсон.— А он донес до вас свою волю в том, что касается нас?

— Нет, но я прошла *круайд-дьюхаинн* и видела его лицо,— загадочно произнесла Ридиан.— Чтобы вас простили за совершенное вами, ты должен сделать то же самое.

«Что такое этот кр... или как там она сказала?» — послал Келсон ментальный импульс Дугалу.

«Не знаю и не уверен, что хочу узнать,— ответил Дугал.— Какое-то испытание?»

— Ты видела его лицо,— повторил Келсон вслух, стараясь выиграть немного времени.— А если я скажу тебе, что мы с Дугалом тоже время от времени видим лицо святого Камбера?

Среди зрителей пробежал тревожный шепот, члены *Кворнала* принялись наводить порядок, поэтому Келсон даже не пытался сказать что-то еще. Когда наконец наступила тишина, Ридиан снова посмотрела на него удивительно пронизательным для ребенка взглядом.

— Если уж ты оказался настолько смел, что заявил такое,— ответила Ридиан, словно их и не перебивали,— то должен доказать свое право на это, пройдя *круайд-дьюхаинн*, то есть *periculum*, или испытание.

— А что это такое? — спросил Келсон.

— Ритуал. Увидишь в свое время.

Келсон слотнул. Ему было не по себе.

— А почему мы должны проходить это... испытание? — спросил он.— Ты — Дерини. Ты знаешь, что я не лгу, и мы, правда, видели Камбера.

— Ты не лжешь, нет,— ответила Ридиан.— Ты *веришь*, что говоришь правду. Но разум может обманывать. Наш путь более точен. Когда ты подробно

изложишь, что испытал во время *круайд-дьюхаинн*, мы будем *знать*, были ли твои видения истинными.

— А что, если мы откажемся проходить это кру... испытание?

— Не вы вдвоем, а ты один, Келсон Халдейн.

— Нет! — воскликнул Дугал. — Если через это должен пройти только один из нас, то позвольте мне! Он был тяжело ранен. Я сильнее.

Ридиан перевела взгляд на него, потом посмотрела на других членов *Квориала*. Брат Майкла покачал головой.

— Нет, это должен быть Халдейн.

— Почему? — спросил Дугал. — Я тоже чувствовал присутствие Камбера.

— Это ты так считаешь, — нетерпеливо сказал Майкл. — Однако вопрос не подлежит обсуждению.

— А если я откажусь? — вставил Келсон.

— В таком случае вы оба сгорите на костре за ваши преступления, — сказал Бенед, — хотя нам будет горестно подвергать братьев Дерини пламени. Но надругательство над гробницей Сагарта требует искупления — или через огонь, или через *круайд-дьюхаинн*.

— Он не откажется, — мягко вставила Ридиан. — Он — *Ард-риг*, верховный король, должным образом миропомазанный и благословенный, давший клятву защищать свой народ. Честь требует, чтобы он думал прежде всего не о своей безопасности, а о безопасности вассала, и не позволил вассалу пройти испытание вместо него. Более того, если он, и впрямь, сказал нам правду, то Келсон Халдейн, действительно, сможет восстановить культ Благословенного Камбера и должное поклонение ему.

— Я могу и сделаю это, — сказал Келсон.

«Келсон, нет!» — послал ментальный импульс Дугал.

«Вопрос закрыт», — послал Келсон в ответ.

— Восстановишь культ святого Камбера? — скептически переспросила Джилиан.

— И пройду ваше... испытание, если это даст нам свободу. Я верю: святой Камбер меня не покинет — после всего, через что мы прошли вместе, — добавил он гораздо более уверенно, чем чувствовал на самом деле.

— Значит, так и будет, — объявил брат Майкл. — В таком случае тебя отведут для приготовления. Ты примешь ритуальное омовение и помедитируешь. Ритуал начнется на закате.

Келсон кивнул и спросил:

— Может ли Дугал сопровождать меня по крайней мере до тех пор?

Бенед уже собрался возразить, но Майкл покачал головой и поднял руку.

— После ритуального омовения, да. И он может дежурить с братьями, когда ты отправишься на *круайд-дьюханни*. Это мы вам позволим, раз вы оба — Дерини.

— Спасибо, — поблагодарил Келсон. — Еще одна просьба — нельзя ли нам чего-нибудь поесть?

На этот раз ответила Джилиан.

— Обычно соблюдается строгий пост, чтобы обострить чувства, но вы можете съесть хлеба и выпить воды. Лично я посоветовала бы только воду, зная, что тебе придется испытать. Молодой Макардри может есть все, если пожелает.

— Я буду поститься с моим названным братом, — упрямо заявил Дугал, хотя Келсон и сказал, что в этом нет необходимости.

— Очень хорошо,— сказал брат Майкл, вставая.— Келсон Халдейн, клянешься ли ты нам, как король и рыцарь,— он дотронулся до шпор, лежавших на столе перед ним,— что ни ты, ни твой товарищ не попытаешься сбежать, пока не закончится *круайд-дьюхинн*?

— Клянусь святым Камбером,— сказал Келсон.

— И ты гарантируешь, что этого не сделает и молодой Макадри?

— Да.

— Клянешься?

— Как король и рыцарь.

— В таком случае,— сказал брат Майкл,— отведите кандидата и его товарища на место подготовки к испытанию.

• • •

Солнце стояло еще довольно высоко над горизонтом, но обещало ранний закат в горах, когда Морган, Дункан, Кьярд и Джасс остановили лошадей, чтобы разбить лагерь на ночь.

В морозном воздухе ощущался недостаток кислорода, поэтому и люди, и животные выдохлись. Они потеряли след подземной реки где-то около полудня, и настроение у всех четверых падало, когда в оставшуюся часть дня они не обнаружили никаких других признаков воды.

— Мы больше не найдем эту реку,— сказал Морган Дункану, без особого удовольствия приканчивая жаркое, приготовленное Кьярдом. Джасс занимался лошадьми, Кьярд убирал после ужина.

Дункан в беспокойстве потягивал подогретый эль. Он покачал головой и отставил чашу в сторону, опираясь подбородком на колено.

— Я должен согласиться. Мне не больше, чем тебе хочется признавать поражение, но боюсь, мы исчерпали наши возможности.

Морган вздохнул.

— Как ты думаешь, стоит ли сегодня ночью отправлять позывные? Попробовать еще разок найти хоть какой-то след? Даже если мы сможем найти хотя бы тела...

Дункан покачал головой и с трудом вздохнул, не желая рассматривать эту возможность, хотя даже мертвые тела были бы лучше, чем полная неизвестность.

— Не знаю, Аларик. Я так устал. Я не могу четко мыслить. От этого горного воздуха у меня болит голова. Они не могли остаться в живых после происшествия такого периода времени, не так ли?

— Сомневаюсь.

Морган на короткое время прикрыл глаза, прижав перстень с грифоном к губам, затем достал кольцо Келсона из туники и в задумчивости посмотрел на него, покачивая на кожаном ремешке. Наблюдая за ним, Дункан приподнял брови.

— Зачем ты достал его?

Морган пожал плечами с унылым видом.

— Я просто подумал о том, как суть человека входит во что-то, тесно с ним связанное, типа этого кольца. Конечно, оно не подойдет, поскольку оно здесь, а Келсон... где-то еще. Но, может, нам удастся подключиться к чему-то, что было надето на одном из них. По крайней мере, это будет цель, точка фокуса, на которую направлять сигнал — чтобы найти их останки.

— И если это сработает, мы будем знать наверняка,— заметил Дункан.

— Да.

Через несколько секунд Дункан подвинулся поближе к Моргану.

— Хорошо. Какую из вещей ты предлагаешь?

— Я боялся, что ты спросишь об этом,— признался Морган.— Это должно быть что-то, что они не могли бы потерять во время падения. Например, медальоны святого Камбера.

Дункан покачал головой.

— Думаешь, у них успела возникнуть такая связь с медальонами? Они ведь не так долго их носили.

— В таком случае, кольцо Сиданы,— сказал Морган.— В последний год Келсон его не снимал. Эмоционального заряда должно хватить.

— Ты прав,— согласился Дункан.— Значит, будем искать его?

Морган вздохнул.

— Можем попробовать. Ты позовешь людей или?..

Вместо ответа Дункан выплеснул остатки эля в костер и встал.

— Кьярд, когда вы с Джассом закончите работу, пожалуйста, подойдите к нам. Мы должны кое-что сделать сегодня ночью.

* * *

А в Ремуте та, что недавно носила кольцо Сиданы, сидела на ужине, устроенном в честь ее бракосочетания, и слушала, как ее новый родич поднимает тост в честь нее и жениха.

— Я пью за Росану, красавицу Росану,— сказал Сэйр де Трегерн с улыбкой, поднимая кубок и глядя на девушку.— Я приветствую ее как нового члена на-

шей семьи, и желаю им с Коналом долгих счастливых лет совместной жизни, прекрасного здоровья и рождения сына до конца года. За вас!

Росана покраснела и уставилась в свой кубок, когда приветствие повторили все гости и выпили. Она постоянно чувствовала взгляд Конала на себе. Архиепископ Кардиель, епископ Арилан, мать Хелониз и несколько сестер из аббатства святой Бригитты, а также с полдюжины друзей Конала и некоторые из их жен были приглашены на скромный свадебный ужин. Пожелать паре счастья пришлось всего около двух дюжин человек. Пир проходил несколько сдержанно, из-за смертельной болезни Нигеля, но даже Мерауд покинула место у его ложа, чтобы сесть рядом с Коналом на трон королевы, и вежливо поддерживала беседу с окружающими.

За тостом Сэйра последовали другие, некоторые из них довольно смелые, но вскоре после этого, когда лучи солнца стали длиннее, а потом вообще покинули узкие окна и наступили сумерки, Мерауд склонилась вперед, поймала взгляд Росаны и положила руку на плечо Коналу.

— У твоей невесты был долгий день, сын,— сказала она тихо, улыбаясь Росане,— и ближайшая ночь станет долгой для вас обоих. Дочь, давай скажем спокойной ночи Нигелю перед тем, как я провожу тебя в спальню?

— Конечно, матушка,— прошептала Росана, прилагая усилия, чтобы ее руки не дрожали, когда она ставила кубок на стол, и поднялась вместе с Мерауд. Выпив вина, она даже смогла преодолеть девичью скромность, чтобы нервно и застенчиво улыбнуться Коналу, добавив:

— Я буду ждать тебя, мой господин.

— Ожидание покажется мне вечностью, госпожа,— прошептал он.— До встречи.

Затем он поймал ее руку и прижал губы к ладони, задержавшись достаточно долго, чтобы поласкать ее языком. Росана внезапно почувствовала, что на них смотрят почти все собравшиеся в комнате.

— Не здесь, мой господин. Прошу тебя,— прошептала она, к ее щекам прихлынула горячая кровь.— Это... так не подобает делать.

— Не подобает целовать руку моей супруги, прощаясь с ней? — тихо ответил он.

— В самом деле, Конал,— мягко укорила его Мерауд.— Подумай о чувствах своей жены.

Улыбаясь, Конал отпустил ладонь Росаны и откинулся на спинку стула, снова взяв в руки кубок. Росана почувствовала в нем силу. Его рука, а затем и глаза наконец отпустили ее, но она все еще краснела и ругала себя за это. Когда они с Мерауд выходили из зала, все гости еще раз встали, чтобы выпить за ее здоровье.

Она думала о Конале, следуя за Мерауд по ступеням лестницы. Ей не требовались способности Дерини, чтобы почувствовать его пылкость и рвение. Они были очевидны с их первого разговора один на один. Тогда он еще не получил всего могущества Халдейнов, и потому не предлагал вступить с ней в мысленный контакт. А после того, как он обрел силу, она тоже не стала настаивать, поскольку такая интимность была неподобающей до свадьбы, несмотря на то, что с Келсоном она однажды делила свои мысли.

Но у нее не было оснований не доверять Коналу. Она точно знала, что он говорил искренне, когда просил ее стать его женой; магия Дерини подтверж-

дала это. Конал желал ее разумом и сердцем, а также плотью, и искренне намеревался стать ей любящим, добрым и верным мужем. А она, со своей стороны, хотя в душе все еще оплакивало потерю Келсона, обнаружил, что и ее плоть начинала отвечать ему — ради нее самой, и ради ее земли, и молодого человека, во многом так похожего на Келсона, человека, который скоро будет королем этой земли.

— Я думаю, мой сын очень любит тебя,— тихо сказала Мерауд, беря Росану за руку, когда они обе дошли до верха лестницы и повернули по коридору, ведущему в покои Мерауд и Нигеля.— Ты не очень нервничаешь перед первой брачной ночью? Я знаю, что ты намеревалась никогда не выходить замуж.

Росана не встречалась взглядом с Мерауд, пока та открывала дверь в королевские покои, и отступила в сторону, давая ей пройти.

— Брак не вызывает у меня отвращения, матушка,— ответила она тихо.— Я принимала обет не для того, чтобы избежать брака.

— И тем не менее,— Мерауд вопросительно склонила голову, прислонившись к закрытой двери.— Ты, в конце концов, решила стать невестой Конала, а не Господа. Пойми, этот выбор очень меня радует, больше, чем я могу выразить словами, моя дорогая, в особенности, когда Нигель...

Она замолчала, и на мгновение на ее лице мелькнула тень страдания, когда она посмотрела вглубь погруженной во мрак комнаты, туда, где лежал ее муж. Росана нежно опустила руку ей на предплечье, выражая сочувствие.

— Мне так жаль, матушка,— прошептала она.— Я постараюсь быть для вас хорошей дочерью.

Улыбаясь, Мерауд опустила глаза.

— Ты всегда будешь дарить мне только радость, Росана,— сказала она.— Хотя должна признаться, я всегда считала более вероятным, что ты станешь моей племянницей, а не дочерью.

Росана сложила руки перед собой и опустила голову, смущенная, что Мерауд оказалась столь проникательна.

— Если бы Келсон остался жив, матушка, это могло бы случиться,— чуть слышно ответила она.— Бог не пожелал этого.

— Значит, ты, в самом деле, намеревалась выйти замуж за Келсона,— сказала Мерауд, и в голосе ее прозвучало удивление.— Но почему тогда после его смерти ты решила выйти замуж за Конала? Он — мой сын, и я люблю его, но несчастна та мать, которая не видит недостатков своего ребенка. Он может стать прекрасным человеком, но он *не Келсон*.

— Это имеет значение? — спросила Росана ничего не выражающим голосом, обхватив себя руками за плечи и проходя дальше в комнату, где без сознания лежал Нигель.

— Думаю, да.

Когда Росана не ответила, Мерауд продолжала.

— Почему ты это сделала? Твое призвание и уверенность в выбранном пути казались такими твердыми, когда ты впервые оказалась у нас. Ты отказываешься от своих обетов ради вступления в брак, затем тот, за кого ты собиралась замуж, умирает до свадьбы. Большинство женщин восприняли бы это, как знак: Бог не намерен делить ее с мужчиной.

— Но я не такая, как большинство женщин, матушка,— ответила Росана.— Я — Дерини, а ваш сын — Халдейн, а это гораздо большее, чем обычный человек. Когда я думала о браке с Келсоном... и это все,

что было между нами, мы не обменивались никакими обещаниями до его отъезда... он дал мне понять: независимо от того, какие личные отношения возможны между нами, он уже женат на своей земле, а Гвиннеду требуется королева-Дерини.

— У Гвиннеда *была* королева-Дерини,— тихо сказал Мерауд.— Ее имя было — и есть — Джехана. И она даже не посчитала нужным прийти на твою свадьбу.

— И пусть поможет мне Бог,— воскликнула Росана,— никогда не быть такой, как она, по крайней мере, в делах моего племени! У меня есть долг перед своим народом, как и перед мужем, с которым я связала свою судьбу. И даже если мужчина, за которого я вышла замуж, оказывается... не тем, о ком я думала вначале, то это не снимает с меня долг.

— И значит, любя Келсона, ты вышла замуж за Конала,— выдохнула Мерауд.

— А вы можете назвать мне более сильное доказательство любви, матушка? — возразила Росана.— Не само по себе замужество с Коналом — и столь скорое! — однако я должна была выйти замуж за человека, который, в конце концов, станет королем и делает меня королевой Гвиннеда, королевой *Дерини*, чтобы претворить в жизнь мечты, которые разделяли мы оба.

После долгого молчания Мерауд медленно кивнула.

— Ты очень смелая и сильная молодая женщина, Росана,— сказала она.— Но будешь ли ты счастлива?

Росана опустила глаза.

— С Божьей помощью, я буду довольна, матушка. Я не могу честно сказать, что... люблю Конала, но... он нравится мне. И меня волнует та вызываю-

щая благоговение и восхищение задача, которая стоит перед ним; он должен править королевством — и *это* мне понравится. Возможно, я также люблю и его самого. А пока, я чувствую, он любит меня — и знаю, что нужна ему. Это больше, чем связывает большинство супружеских пар.

Грустно улыбнувшись, Мерауд медленно кивнула.

— Ради всех нас, я хотела бы, чтобы все сложилось по-другому, дитя. Ради всех нас.

Она посмотрела вглубь комнаты, туда, где в сгущающихся сумерках маячило ложе Нигеля под балдахином, затем нежно взяла руку Росаны.

— Пойдем, дитя. Мы должны сказать спокойной ночи Нигелю, а затем я провожу тебя на брачное ложе. Скоро стемнеет.

* * *

Келсон тоже ждал ночи, погрузившись по горло в ванну с горячей водой и пытаясь расслабиться. Он хотел бы, чтобы вместе с ним был Дугал, но их пленители поместили его друга в соседнюю купальню, хотя и уверили Келсона, что он сможет на короткое время увидеть Дугала перед тем, как их отведут к месту поклонения святому Камберу.

По крайней мере, горячая ванна успокаивала и была приятна. Ведь естественное беспокойство постепенно нарастало, так как впереди ждало таинственное испытание. Келсон понял: его клонит в сон, хотя он резко вздрагивал каждый раз, когда появлялся слуга и подливал горячую воду. В пару, поднимающимся из дубовой бадьи, тонули последние лучи дневного света, попадающие в помещение через небольшое отверстие у потолка. Это навевало тоску. В

горячей ванне не чувствовался холод, но горный воздух быстро остывал с приближением заката. Зима еще не сдала свои позиции в этих краях. С паром также смешивался запах трав, иногда они были сладкими, иногда едкими, попеременно. Они горели в небольшой жаровне, у которой стоял молчаливый человек в сером, а откуда-то еще один, невидимый Келсону, приятным тенором пел псалмы на латыни со странным акцентом.

— Закат приближается.

Голос брата Майкла, почти у самого его правого уха, испугал Келсона и вывел из дремоты, в которую он почти погрузился. Из ванны выплеснулось немного воды, когда он невольно вздрогнул и отпрянул. Пение смолкло, а он даже этого не заметил, человек, стоявший у жаровни, ушел. В помещении теперь горел тусклый слабый свет. В комнате оставался только Майкл, таинственным образом вынырнувший из пара. Он держал огромное грубое полотенце между собой и Келсоном. Король встал и позволил Майклу обернуть им себя, а затем усадить на стул, где монах лично стал сушить ему волосы вторым полотенцем, а затем вычесывать из них колтуны, причем все это — молча.

— Ты хочешь, чтобы твои волосы свободно висели, или предпочтешь *г'дуу*? — спросил Майкл, когда волосы наконец легли мокрыми и блестящими прядями на плечи Келсона. Келсон помнил, что раньше слышал это слово, и догадался: это, наверное, их название для косички.

— Вы так называете косу? — уточнил он. — *Г'дула*?

— Да.

— Тогда *г'дуу*, — сказал Келсон. — Я ношу ее уже несколько лет, но мы просто называем ее пригранич-

ной косой. Я обратил внимание, что большинство ваших мужчин их тоже носят.

Майкл молча склонился, чтобы разделить влажные черные волосы на пряди для заплетения в косу, всем своим видом пресекая ненужные разговоры. Келсон попытался мысленно прощупать его, но казалось, будто человек окружен туманом. Это не были защиты в обычном понимании, но проникнуть сквозь туман оказалось ничуть не легче. Келсон подумал, что это, возможно, проявляется эффект некой религиозной практики, что в ходу у этих людей; впрочем, возможно, что Майкл — Дерини; или и то, и другое разом. Или же ни то, и ни другое.

Король ушел в свои мысли, пока Майкл не закончил, и встал, когда монах взял в руки серое одеяние, подобное тому, что здесь носили большинство. Это оказалось подобие плаща-хламиды, с капюшоном, очень свободное, а сбоку имелись прорезы для рук. Майкл протянул накидку Келсоном, как прежде держал полотенце, и явно не намеревался предлагать никакой другой одежды.

— Те, кто приходят поклониться Благословенному, входят туда так же, как являются в этот мир,— сообщил ему Майкл.— Нельзя, чтобы внешний мир вмешивался и отвлекал от встречи со святыней.

По крайней мере, плащ был теплым. Келсон крепче закутался в него, когда брат Майкла вел его из купальни, ибо воздух снаружи оказался весьма прохладным. Ему дали сандалии, но подошвы оказались очень тонкими. Он чувствовал каждый камушек на тропе от бани до церкви. По всему пути стояли жители деревни с факелами и распевали какой-то псалом; Келсону казалось, он должен был бы узнать пес-

ношение, но это ему так и не удалось. Когда он прошел вперед, жители деревни пристроились сзади.

Церковь прислонялась к горе. У двери его ждал Дугал в серой рясе, его окружали остальные члены *Квориала*. Дугал встал на колено, чтобы почтительно поцеловать руку Келсона, и воспользовался коротким физическим контактом, послав своему названному брату краткий подбадривающий сигнал, который не уловят посторонние.

«Попытайся забрать назад наши медальоны, а я сделаю все возможное, чтобы, используя их, поддерживать контакт и посылать тебе энергию», — передал он мысленно, одновременно подняв голову и произнеся вслух:

— Прошу тебя, государь, о благословении.

— Не бойся, — ответил Келсон, опуская руку на голову Дугала и стараясь изобразить гораздо большую уверенность, чем чувствовал на самом деле. — Благословенный Камбер знает своих и не оставит меня. Брат Майкл, — продолжал он, отворачиваясь от Дугала, — я хотел бы надеть свой медальон святого Камбера, если можно. Он дает мне чувство уверенности. А серьга, которую вы у меня отобрали, является моим королевским символом. Я хотел бы надеть и ее.

— Нельзя, — твердо сказал Майкл.

— Тогда отдайте их на хранение моему брату, — предложил Келсон, помогая Дугалу встать. — По крайней мере, дайте ему такое успокоение, раз не разрешаете разделить вместе со мной испытание.

— Он может взять медальоны, — сказала Ридиан, — поскольку на них образ Благословенного Камбера. Серьга же — знак Халдейнов, и вызовет у *него* отвращение. Тебе еще предстоит доказать, что ты являешься *его* истинным слугой.

Серьга, конечно, обладала куда более мощной силой, чем медальоны, ибо в свое время с ее помощью король обрел магию Халдейнов, но Келсон не собирався спорить, опасаясь потерять то, что уже было отвоевано. Медальоны, независимо от того, находились ли у них обоих, или у одного Дугала, все равно оставались проводниками, и это было лучше, чем ничего.

Он молча смотрел, как принесли медальоны и положили в сложенные лодочкой ладони Дугала — два серебристых диска в гуще перепутавшихся цепей; после чего Келсон отправил осторожный импульс к своему. Дугал поймал импульс, и его золотистые глаза стали светлее, словно в них попал солнечный свет. Их взгляды встретились. Опустив голову, Келсон поцеловал медальоны — так, словно пил из рук Дугала воду.

Затем открылись двери, и брат Майкл повел их в церковь, правда, перед этим остановился и снял обувь.

— Снимите сандалии,— приказал Майкл, обращаясь на Келсона и Дугала, когда другие члены *Кворала* вокруг них также оставили обувь перед дверьми,— потому что вам предстоит ступить по священной земле.

Келсон с Дугалом подчинились, а жители деревни последовали за ними, также без обуви и распевая псалом, затушив факелы перед дверью.

Внутри стоял мрак, хотя побеленные стены усиливали тот свет, который все-таки имелся. Восточная стена была серой и пустой, и вначале казалось, будто она просто исчезает вдали за алтарем. Вскоре Келсон понял: это — естественная скала, часть горы. Свечи на алтаре и под распятием давали хоть какую-то точ-

ку, на которой можно остановить взгляд, когда они медленной процессией двигались в их направлении. В крыше имелся открытый проем, подобно отверстию в зале заседаний *Квориала*, но Келсон не смел надолго поднимать глаза, а только быстро взглянул вверх. Крыша была погружена во мрак, и он не смог определить, из чего она сделана.

Деревянный пол по обеим сторонам центрального прохода покрывали плетеные соломенные циновки. Правда, это не было необычным для небольшой деревенской церкви. Жители деревни разошлись по этим циновкам, по обе стороны процессии, а некоторые даже забежали вперед, наблюдая за происходящим. Брат Майкл взял при входе посох с крестом наверху, красиво вырезанный из дерева, и держал его подобно пастушьему или епископскому посоху, когда вел их вперед. Бенед и Джилиан шли по бокам Келсона и Дугала, за ними следовали все остальные члены *Квориала*. Все были одеты в серые плащи, подобно тому, что был на Келсоне. Келсон почувствовал, как Дугал осторожно распутывает цепи медальонов и надевает их себе на шею. Связь короля с Дугалом тут же окрепла, и это радовало и дарило хоть какую-то надежду.

Майкл привел их к самой алтарной ограде и в ожидании остановился перед ней. За спиной раздался хлопок в ладоши, и это был сигнал для всех поклонить колена. Келсон с Дугалом также уважительно последовали примеру остальных, правда, они встали только на одно колено. Затем Майкл прошел вперед и поцеловал алтарный камень. После этого он перенес посох с крестом в левую руку и повернулся к ним. Правой рукой он сотворил в воздухе крестное знамение:

— *In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sanctus.*

— Аминь,— ответили жители деревни.

— *Dominus vobiscum.*

— *Et spiritu tuo.*

— *Sursum corda.*

— *Habemus ad dominum.*

— *Laudamus Dominum Deum nostrum.*

— *Dignum et justum est.*

Возрадуйтесь в сердце вашем. Мы вознесли сердца наши к Господу. Восславим же Господа Бога нашего. Это достойно и праведно...

Затем брат Майкл снова повернулся и преклонил колена, глядя на алтарь, Келсон опустился на колени на нижней ступени. Все вокруг него все сделали то же самое — на циновках. Шорох движения пронесся по всей церкви. Затем один голос где-то далеко за спиной начал петь, постепенно подключились и другие, и вскоре слова уже повторялись всеми присутствующими.

— *Super flumina Babylonis illic sedimus et flevimus, cum recordaremur Sion...* На реках Вавилонских, там сидели мы и плакали, вспоминая Сион...

Это была песнь захваченных в плен израильтян, но, как понял Келсон, она также являлась напоминанием об изгнании, которое приняли на себя эти люди, и о его причинах. И он был одной из причин — вернее его предки, допустившие преследования Дерини на протяжении почти двух столетий. Песнопения вызвали чувства, которые он никогда не испытывал раньше — он разделял братство с этими людьми и всеми другими, подобными им, страдавшими на протяжении веков, но продолжавшими свято нести свое наследие, чтобы позволить ему уцелеть.

Голос певчего замолк, а остальные продолжили точно так же, но в другой тональности, и этот хор породил неожиданный холодок, пробежавший по позвоночнику Келсона, и что-то сжалось у него в груди. Теперь звучали новые слова, о другом изгнании, другого народа, совсем недавнем. Келсон не мог и не желал скрыть свою реакцию, и этот плач захватил его целиком, заставляя от души оплакивать всех погибших Дерини, все потерянные годы и растраченные жизни. Слезы открыто лились у него по щекам, к тому времени как песнопение вновь сменилось, на более радостной и полной надежды ноте.

— *Duce et regere servum tui, Domine... Adsum Domine. Adsum Domine. Adsum Domine...* Веди и охраняй Твоего слугу, Господи, от всякого искушения, и да будет честь его незапятнана, а дар неутрачен... Здесь я, Господи. Здесь я, Господи...

Келсон не делал попыток вытереть слезы. Так он признавал все те гонения и обиды, что пришлось претерпеть Дерини от руки его предков Халдейнов, и он снова покаялся, как клялся последние четыре года, что посвятит свою жизнь восстановлению справедливости для всех людей и Дерини.

Глубокая тишина окружала его, когда песнопение закончилось. В тишине Келсон чувствовал, как Дугал тоже пытается справиться со своими эмоциями, хотя тот и не плакал в открытую. Все собравшиеся стояли на коленях еще несколько минут, и Келсон слышал, как другие приходили в себя в умиротворении, снизошедшем на всех присутствующих в церкви.

Еще через несколько минут брат Майкла встал и повернулся к Келсону, сложив обе руки на кресте-посохе. Стоявшие на коленях вокруг Келсона также поднялись, как и те, кто был сзади, но Бенед и Джи-

лиан положили руки на плечи Келсона, когда он попытался встать, жестом показывая: ему следует оставаться на коленях. За спиной Келсона Дугала отвели на циновку, лежащую в первом ряду, сразу же слева от прохода. Ридиан подошла ближе и встала сразу же за Келсоном. Когда Майкл подал знак, все собравшиеся сели, оставив короля одного, стоящим на коленях перед Майклом и алтарем. В это мгновение Келсон понял: все четверо, окружающие его — Дерини, не только Майкл и Ридиан. Их защиты окутали его, как кокон, лишив всех чувств, кроме обычных, телесных. Связь с Дугалом временно прервалась.

— То, что произойдет дальше, может показаться тебе странным, Келсон Халдейн,— сказал брат Майкл, обращаясь прямо к нему, и голосом его разнесся по всему храму, хотя говорил он довольно тихо.— Многое было утрачено за годы изгнания, но мы, как могли, пытались сохранить старые традиции. Мы верим: сам святой Камбер установил некоторые из ритуалов, которые будут воспроизведены сегодня ночью. Но мы не даем тебе никаких особых указаний. Мы не говорим, что делать, лишь советуем полностью предаться *его* воле. Твоими лучшими проводниками станут *его* вдохновение и твоя собственная интуиция. Тебе будет проще, если ты по своей воле попытаешься отбросить все барьеры, которые могут помешать обрести предлагаемые тебе знания, когда ты лицом к лицу встретишься с Благословенным. Хочешь ли ты что-нибудь сказать перед тем, как тебе отведут к *нему*? Могу добавить: это будет испытание души, а не тела.

Келсон мог бы сказать сотню вещей, но ничего, что могло бы иметь хоть какое-то отношение к тому, что случится с ним, поскольку было очевидно: даже

эти люди точно не знают, что должно произойти. Отчасти он почувствовал облегчение, узнав, что испытание не будет касаться плоти, но с другой стороны, испытание души вызывало у него еще большую тревогу.

И тем не менее, он с самого начала догадывался, что все будет именно так — испытание в смысле инициации на более высокий уровень сознания, как случилось практически во время каждого контакта со святым Камбером, насколько знал Келсон. У него самого было очень мало таких контактов — но разве не это являлось его целью, когда он отправлялся на поиск святого-Дерини?

Келсон решительно покачал головой, затем, помимо воли, поклонился. Брат Майкла молча сделал два шага к нему и опустил руку ему на голову.

— Тогда пусть он соблаговолит поговорить с тобой, Келсон Халдейн,— тихо произнес брат Майкла.— А когда ты услышишь его, ты должен сказать об этом, и мы поймем, говоришь ли ты правду или лжешь — и мы знаем, как это выяснить. И пусть Господь осенит тебя своими крылами, когда ты будешь проходить это испытание веры. Да будет так. Аминь. И пусть люди скажут аминь.

— Аминь,— тихо повторила паства.

Майкл убрал руку, и Келсон осмелился посмотреть на него.

— Ты готов? — спросил Майкл.

— Да,— ответил Келсон.

Без дальнейших слов Бенед и Джилиан помогли ему встать. Но отводили его к небольшой низкой двери Майкла и Ридиан. Эта дверь находилась в стене справа от алтаря. Их защиты все еще немного искажали и затуманивали его связь с Дугалом, но одно

лишь осознание того, что Дугал пытается ее поддерживать, придавало Келсону уверенности. Когда они остановились перед дверью, король в последний раз посмотрел через плечо, и их с Дугалом привязанность друг к другу превзошла всю магию в последнем прощании.

Стена оказалась частью горы, а дверь была сделана из дерева и открывалась железным кольцом. В четырех углах ее украшали символы четырех элементов природы, по центру был вырезан крест, а в его центре переплетались буквы С и К, означающие «Святой Камбер». Буквы были глубоко вырезаны в хорошо промасленном дереве. Уважительно склонив голову, Ридиан дотронулась кончиками пальцев до губ, затем по разу повернула кольцо в каждую сторону, перед тем как отступить назад и посмотреть на Келсона. Майкл, стоявший сразу за ним, развязал плащ на шее Келсона и снял с его плеч.

— Ты, слуга Благословенного, ныне пришло время твоего испытания,— объявил Майкл, когда Ридиан отступила еще дальше, скрестила на груди руки и склонила голову.— Теперь ты должен уйти в землю, обнаженным, каким пришел в этот мир, и пройти *круайд-дьюханни*. Открой же дверь, Келсон Халдейн, и ступай к *нему*.

Келсон подчинился. Он положил руки на железное кольцо и открыл дверь, оставив плащ в руках Майкла, затем наклонил голову, чтобы пройти в узкий дверной проем.

Глава двадцать шестая

Во сне, в ночном видении, когда сон находит на людей¹

За спиной Келсона плотно закрылась дверь. В этом простом действии самом по себе была какая-то окончательность. Тускло освещенный проход оказался узким и низким, не выше, чем дверной проем, так что когда Келсон осторожно попытался выпрямиться, у него ничего не получилось, и он понял: придется идти, склонив голову и пригнув плечи. Он какое-то время постоял у двери, привыкая к тусклому освещению, его руки лежали на стенах по обеим сторонам. Помещение было наполнено запахом влаги и плесени, звуки отсутствовали и не проникали даже через дверь. Келсон слышал только, как удары сердца отдаются у него в висках. Затем он начал медленно и осторожно пробираться вперед. Тусклый свет, попадавший в коридор, шел откуда-то из-за поворота — слабые желтоватые отблески, скорее всего, факелов или, может, свечей.

Проход казался естественным, хотя кончики пальцев Келсона и дотрагивались до мест, где камень определенно отбивали вручную, выравнивая стены. Пол казался гладким под босыми ногами и не таким

¹ Иов 33:15

холодный, как он ожидал от камня. Келсон чувствовал, как связь с Дугалом становилась все более и более слабой, чем дальше он уходил. К тому времени, как он достиг поворота, она, вообще, исчезла — но он ничего не мог поделать. Король прошел еще немного и за углом увидел довольно просторное помещение... и это зрелище заставило Келсона в благоговении сделать глубокий вдох.

Именно оно было источником света, становившегося все ярче по мере того, как Келсон продвигался вглубь горы. По кругу комнаты в бронзовых подставках горели факелы, причем достаточно высоко над полом — так, что человек, стоявший на полу, не мог бы до них дотянуться. У самой дальней от входа стены возвышалась фигура, скорее всего, как решил Келсон, это и был святой Камбер. Фигуру окружал ряд свечей, вставленных в глиняные подсвечники. Зрелище заинтриговало Келсона. Фигура была выбита из какого-то бледно-серого камня, слегка мерцающего в свете факелов. Тонкие руки поднимались вверх, поддерживая железный обруч, очень древний на вид, лицо оставалось сокрыто в тени капюшона рясы, застывшего навеки по желанию скульптора. Черты лица, возможно, вообще, не были высечены, поскольку Келсон не мог их различить, хотя и полагал, что с того места, где он остановился, должен бы их видеть.

Королю стало холодно — и душе, и телу, но он прошел вперед, в комнату, и встал прямо, слегка дрожа. Чтобы согреть комнату, в ней по углам горели жаровни. Похоже, они также являлись источниками странного едкого запаха, щекотавшего ему ноздри. В центре, недалеко от ног статуи, лежала груда шкур. Шкуры привлекли короля и потянули к себе —

пока у него в голове даже не успела пронестись ни одна осознанная мысль. И тут он неожиданно обнаружил источник странного запаха — небольшое углубление, выдолбленное в полу, слева от статуи, довольно глубокое. Над поверхностью бурлил и клубился густой туман, а затем струйкой поднимался к вентиляционному отверстию в потолке.

Делая шаг назад, Келсон услышал, как сверху камень скрежещет о камень, закрывая дыру, и вытяжка тут же прекратилась. Король попятился. Туман стал распространяться по помещению, поскольку путь вверх оказался для него отрезан. Келсон почувствовал легкое головокружение. В это мгновение он коснулся спиной стены, что помогло ему удержать равновесие, но он все равно закачался, потом потряс головой, стараясь отделаться от запаха.

Он пытался не думать о том, что все это значит. Слишком большой вдох — в первый момент, когда пары стали распространяться по комнате — затуманил все деринийские ощущения. Теперь, правда, когда он делал только неглубокие вдохи, с ним все было в порядке — или ему так казалось. Он попытался убедить себя, что головокружение наступило из-за слишком резкого движения, отсутствия еды и излишнего напряжения, чтобы поддержать связь с Дугалом — но на самом деле он знал, что это не так. Ему доводилось читать о пещерах, подобных этой, хотя он и подумать не мог, что они имеются в Гвиннеде. Естественные испарения, встречающиеся в таких пещерах, иногда вызывают видения и пророчества, но в слишком больших дозах они могут оказаться губельны.

Впрочем, насчет последнего, по крайней мере, ему не следует беспокоиться. Если бы горцы хотели

его убить, у них для этого уже имелось достаточно возможностей. Правда, и его теперешнее положение нельзя было считать совершенно безопасным, однако в душе Келсон не сомневался, что умереть ему никто не позволит.

Впрочем, испарения могут также использоваться, чтобы подтолкнуть внутреннее видение, осознал он, когда вдохнул еще немного тумана и снова почувствовал головокружение, более сильное, чем раньше. Ему пришлось несколько раз встряхнуть головой, чтобы она прояснилась. Говорили, в древние времена такие пещеры часто служили местами инициации, где адепт должен был лечь перед образом божества и вдыхать наркотический газ, в надежде увидеть провидческий сон. Если древним удавалось таким образом узреть своих богов, то, возможно, тот же способ подойдет и для святого... хотя как христиане, жители Сент-Кириелла, умудрились вернуться к столь давним обрядам оставалось загадкой.

Но это сейчас не имело значения. И дальнейшие рассуждения, и сопротивление были бессмысленны. Келсон высказывал пожелание получить больше знаний о святом Камбере. Вот его испытание, чтобы выяснить, искренне ли он это говорил. Вообще-то, происходящее можно было считать погружением в подземный мир, символической смертью и возрождением со знанием о божественной силе — в данном случае, облаченное в мифологию святого Камбера. А поскольку испытания ему все равно не избежать, следовало воспользоваться предоставленной возможностью и выяснить как можно больше. Если это метод, приемлемый для Слуг Камбера — а, похоже, они очень его уважают и относятся с почтением — то в нем должно быть что-то стоящее.

Вдыхая воздух как можно более мелкими глотками, чтобы не потерять сознание под воздействием паров, пока он не успел приготовиться, Келсон, шатаясь, направился к куче шкур и опустился на них, скрестив ноги. Он чуть не упал по пути. Одной из шкур он закрыл от холода нижнюю часть тела; чтобы защитить себя, если потеряет сознание — а это наверняка скоро произойдет, если судить по тому, что голова кружится все сильнее с каждым мгновением,— он создал вокруг себя защитный круг, как его учили Морган с Дунканом. Круг не предохранит от испарений, но определенно остановит любое живое существо, пытающееся воспользоваться его беспомощностью. Он вспомнил рассказы о людях, иногда помогавших божественным силам, священниках и жрицах древних богов, которые порой принимали облик божественных посланцев, чтобы привести иницилируемых к желанной цели. Если святой Камбер, и впрямь, ниспошлет ему видение, Келсон хотел быть уверенным, что воля святого не будет волей его слуг, как бы благожелательно настроены они ни были.

Келсон сложил ладони лодочкой, направляя их вверх, и посмотрел на статую святого. Теперь он глубже вдыхал пары, ставшие более концентрированными по мере того, как шли минуты и им некуда было уходить, из-за закрытого отверстия сверху. Келсон почувствовал, как его внутренние барьеры стали медленно таять по мере погружения в медитацию, необходимую Дерини для глубинной связи. В попытке подтолкнуть видение в желаемом направлении, он вспомнил тот единственный раз, во время коронации, когда, как казалось Келсону, он вступал в контакт со святым Камбером. Видение в серой ря-

се с капюшоном, которое заметили только он сам, Морган и Дункан, появилось ниоткуда, чтобы возложить руки на корону Келсона, признавая его королем как Дерини, так и простых людей.

Он почувствовал, как с каждым вдохом его тело все больше расслабляется, а концентрация поднимающихся паров становится все насыщеннее, но Келсон не прекращал попыток сосредоточить рассеивающееся внимание на искомое видение, стараясь отыскать святого, и медленно погружался в сон в ожидании исполнения мечты.

* * *

Однако сквозь толстые слои горной породы ничего из происходящего с Келсоном в эти минуты не доходило до Дугала. Брат Майкла и девушка Ридиан вернулись к алтарю и встали там на колени, Бенед и Джилиан сидели по обе стороны Дугала, но они больше даже не пытались вмешиваться и не окружали его защитами. Дугал опасался, что они сняли щиты, потому что точно знали: своими силами ему все равно не проникнуть сквозь дверь, за которой исчез король.

Тем не менее, он не мог бросить своего названного брата и короля на милость этих людей, просто потому, что они чтят того же святого — пусть и Дерини — которого отправились искать Келсон с Дугалом. Келсону уже сейчас, не исключено, угрожает смертельная опасность. От Дугала может зависеть, выживет он или нет; точно также, как и прежде, когда Келсон был серьезно ранен, лишь от Дугала зависело, уцелеет он, или нет.

Дугал сидел, скрестив ноги, на соломенной циновке, и чувствовал себя отвратительно. Чтобы избежать внешних раздражителей и ни на что не отвлекаться, он надвинул капюшон серого плаща низко на лоб. Он сжимал медальоны, как талисманы, по одному в каждой руке, пытаясь использовать их для усиления почти несуществующей связи с тем, кто находился за дверью. Сконцентрировавшись на лицевой части одной медали, он попытался вызвать то же видение, которое искал Келсон, пытаясь привлечь в помощь все, что его отец, Келсон и даже Морган когда-либо говорили ему о святом Камбере. И Дугал с мольбой обратился к забытому святому-Дерини.

* * *

Для Келсона минуты и часы проходили и пролетали, пока, в конце концов, он уже совершенно не потерял счет времени, не зная, сколько времени сидит у подножия статуи святого Камбера — хотя чувствовал, как его колени и спина начали затекать. После долгого сидения со скрещенными ногами в одной позе возникло желание подвигаться и вытянуть ноги. Пары в комнате теперь напоминали густой туман, но Келсону стало легче представлять черты лица статуи. Он попытался вообразить, что будет, если статуя внезапно оживет и заговорит с ним, представил, как опускаются руки в рукавах рясы — они ведь определенно устали, столько лет поддерживая корону — как голова приподнимается, достаточно для того, чтобы Келсон смог разглядеть черты лица, скрытого капюшоном.

И внезапно это произошло! В состоянии полной погруженности в транс, а также под воздействием

наркотических туманов, все еще поднимающихся из бассейна, Келсон ошолбенело уставился на призрак, который, казалось, вышел из статуи — из себя самого. Каменная фигура так и стояла, подняв руки, вечно придерживающие корону. Но некое существо, полупрозрачное, но насыщенное силой, высвободилось из своей каменной темницы и медленно поплыло к нему.

Сердце Келсона судорожно билось, когда он смотрел, как сущность приближается. Он страстно желал отшатнуться, отступить, но не мог заставить себя пошевелиться. Он резко вдохнул воздух, когда призрак остановился у барьера — заговоренного круга — и развел руки, молча взывая к королю. Капюшон упал с головы и открыл спокойное красивое лицо, чисто выбритое, округлое, обрамленное седыми волосами. Чувственные губы раскрылись, словно для того, чтобы что-то сказать, но Келсон ничего не слышал.

Однако желание сущности было очевидным: она хотела попасть внутрь. И когда Келсон наконец понял, что способен двигаться, он поднял руку, открывая врата в заговоренном круге — потому что знал: астральный гость не может пройти сквозь барьер без приглашения Келсона, а король не желал останавливать его.

Пульс Келсона судорожно бился, когда он сотворил проход, используя ребро ладони, как клинок священного меча, чтобы разрезать потоки энергии и закрепить их на концах. А когда проем был готов и рука Келсона снова двинулась, чтобы окончательно раскрыть дверь и пригласить жестом гостя, ожидающая фигура на мгновение с благодарностью скрестила прозрачные руки у себя на груди. Затем внезапно

она оказалась внутри круга и открытая дверь осталась видна сквозь прозрачное тело. Казалось, сущность увеличилась в размерах, а не приближается просто обычным образом,— и Келсону стало страшно. Чем ближе она подходила, тем сильнее Келсону приходилось запрокидывать голову, чтобы взирать на это создание, и наконец он почувствовал, что падает навзничь, на мягкие шкуры. И он остался лежать.

Страх не уходил, поскольку фигура стояла над ним... ужасающе бесплотная, она склонялась ниже, к его голове, правая рука вытянулась вперед, чтобы дотронуться прозрачными пальцами до лба Келсона.

Ему было некуда отступить, он не мог убежать. И потерял сознание, после того как его сознание получило откуда-то приказ: спать; и в этот миг ему почудилось, будто прохладная рука, касавшаяся его лба, внезапно обрела плоть.

* * *

Тем временем Дугал понятия не имел о происходящем, и о том, что Келсон сейчас сумел узреть *того*, чьи медальоны его побратим сжимал в руке. Какое-то время тому назад он потерял нить связи с королем. Дальнейшие попытки ее восстановить казались бесполезными, так как прошло уже примерно полчаса, как контакт был утрачен.

Тем не менее, он не мог сдаться. Дугал не представлял, какое испытание проходит Келсон. Но если был шанс, что король сможет воспользоваться энергией Дугала, то он намеревался сделать ее доступной для него, и он будет продолжать свои попытки, пока не свалится от истощения. Фактически, сами попыт-

ки не могли привести к истощению: если никто другой не воспользуется энергией Дугала, то попытки установить связь заберут не так и много сил. Однако Дугал не осознавал, что радиус его позывных расширялся, и в отсутствие получателя никто не может их остановить, поэтому энергия расходуется в разные стороны. А те, кто в этот самый миг искали его самого, сейчас начинали поиск как раз в этом направлении.

* * *

Морган вошел в глубокий транс и положил голову на колени Дункану. Кьярд и Джасс лежали рядом. Дункан слегка пошевелился, когда его ментальный импульс внезапно очень легко, совсем мельком коснулся знакомого сознания... причем это не был кто-то из тех, кто спал вокруг костра. Не веря самому себе, епископ-Дерини с еще большим напряжением послал импульс в направлении, откуда, как ему показалось, пришел тот, другой, заставляя себя проникнуть дальше, чем когда-либо считал для себя возможным, в отчаянной надежде вновь испытать это мимолетное прикосновение. Джасс легко застонал, когда Дункан принялся черпать у него энергию, но успокоился от прикосновения, а Дункан, в свою очередь, заставил себя успокоиться и впредь тратить силы более равномерно.

Ибо Дункан обнаружил нечто удивительное, что не удалось нащупать даже Моргану — нечто такое, чего, он боялся, что больше никогда не найдет. Лишь он один пока полностью осознавал, что произошло — и был так потрясен, что стремительно вырвался из транса, вытащив полубессознательного Моргана вслед за собой.

«Ты это уловил?» — спросил он Моргана, мгновенно посылая мысленный образ тому в сознание и закрывая ладонью глаза друга, когда Морган был уже готов пошевелиться и сесть.

Морган все еще оставался под контролем Дункана, и снова ушел в транс, и только его молчаливая просьба прозвучала в голове Дункана:

— Покажи мне, что ты видел.

Дункан снова закрыл глаза и поделился образом, который ему удалось поймать — серебряный медальон святого Камбера, расплывчатый, как видят предмет, когда двоится в глазах — или, возможно, два медальона. Их рисунок был хорошо знаком и Моргану, и Дункану.

Морган слегка пошевелился и достал такой же медальон из туники. Он принадлежал его матери, и именно с него делали медальоны Келсону, Дугалу и Дункану.

«Существуют только три другие, известные мне, — заметил Морган, открывая руку, чтобы Дункан мог зажать медальон между ладонями. — И ты видел не свой и не мой. Мы используем этот для связи.»

Дав это указание, он на равных с Дунканом принялся за поиски, уводя их обоих глубже и глубже в состояние транса и с еще большей силой рассылая импульсы в направлении изначального контакта. Они оба зашли опасно глубоко, и начали черпать слишком много энергии у людей, связанных с ними. Когда они почти до конца исчерпали свои ресурсы, а дыхание Кьярда и Джассом сделалось неровным и прерывистым, установился еще один контакт. На этот раз Дункан сразу же за него ухватился и попытался закрепить. Морган отступил, чтобы подстрахо-

вать друга, а Дункан попытался протолкнуться еще дальше вперед.

«Дугал! Слава Богу, сынок, неужели это на самом деле ты?»

Смесь радости, усталости, страха прошла сквозь установленную нить связи и чуть не разрушила ее, но это, на самом деле, оказался Дугал.

«Отец!»

Отчаянно и неистово — поскольку юноша боялся, что в любой миг контакт может превратиться, или им помешают те люди, что захватили их с Келсоном в плен — Дугал принялся передавать основную информацию отрывочными образами, а не словами. Они с Келсоном оба живы, находятся в деревне под названием Сент-Кириелл, очевидно, отдаленном поселении людей, называющих себя Слугами святого Камбера, причем некоторые из них Дерини. Келсон прямо сейчас проходит какое-то испытание, имеющее отношение к видениям и поискам святого Камбера. Они оба непреднамеренно осквернили местные святыни, когда прорывались через серию гробниц, заканчивая таким образом свой поход по подземным лабиринтам. Он показал пещеру, и то, как их унесло рекой и выбросило там на берег, как они чуть не утонули, как был ранен Келсон, а Дугал обнаружил, как можно его исцелить! Вспомнив кое-что еще, Дугал добавил, что у него во фляге оказалась мераша.

Многочисленные информационные уровни постоянно смешивались и прерывались, да и, в любом случае, на таком расстоянии было тяжело снимать информацию, хотя Дункан и чувствовал, что слишком многое оставалось недосказанным. Однако он не смел дольше поддерживать связь: Морган преду-

предил его, что запасы энергии у людей подходят к концу, и они скоро не выдержат. Да и концентрация Дугала ослабевала.

Но по крайней мере теперь Дункан с Морганом точно знали, куда направлять ментальные импульсы для установления контакта, при условии, что ничего ужасного не случится с Келсоном в течение следующих нескольких часов. Тогда все будет в порядке. Если Дункан с Морганом не встретятся с двумя молодыми людьми до следующего вечера, то попытаются снова установить связь. Дункан широко улыбался, когда вышел из транса, а также привел в себя Морганна.

— Боже, просто не верится, что они живы! — выпалил Морган, с трудом принимая сидячее положение — Дункану пришлось ему помочь. — Нам ведь это не померещилось? Заверь меня, что видел то же, что и я.

Дункан только вздохнул и счастливо кивнул, с определенным видом поглядывая на своих помощников-людей, а затем вводя их в более глубокий транс, чтобы они во сне получше восстановили силы. Ведь утром им всем предстоит рано вставать и трогаться в путь.

— Да, они, в самом деле, живы, — сказал Дункан. — Но после каждого вопроса, на который мы сейчас получили ответ, возникает несколько новых.

Первоначальное возбуждение Морганна тут же прошло, и он скорчил гримасу, принимая более удобное положение.

— Да уж, это точно, — тихо сказал он. — И самый главный — это их безопасность на ближайшее время, второй же — мераша во фляге Дугала. Кто мог ее ту-

да залить, Дункан? И почему? У Дугала ведь нет врагов?

— По крайней мере, я о них не знаю.

— Я тоже не знаю, но... Подожди-ка минутку. Подумай вот о чем. Кто тот единственный, кто от исчезновения Келсона с Дугалом только выиграл?

Дункан осторожно втянул в себя воздух.

— Конал?

— Конал,— согласился Морган.— Теперь он — король во всем, кроме титула. Он также обладает всеми силами Халдейнов. Дункан, он не захочет от них отказываться.

Дункан тихо присвистнул.

— И мы передали их ему.

— В самом деле? — спросил Морган.— Не уверен.

Он замолчал на мгновение, уставившись в костер, затем снова посмотрел на Дункана.

— А что если мы *не передали* их ему? Что если он уже владел ими? Предположим, Тирцель оказался прав — а ведь, очевидно, он *был* прав! То есть теперь точно можно сказать, что одновременно несколько членов рода Халдейнов могут обладать магией, поскольку Келсон до сих пор жив. Боже праведный, а может, Тирцель...

— Может, Тирцель и передал Коналу силу,— с мрачным видом вставил Дункан,— а затем Конал убил его в благодарность за это? У Тирцеля был доступ к мераше. О, Боже праведный, ты думаешь, Совет имел к этому отношение?

Морган покачал головой.

— Если и имел, Арилан об этом ничего не знал. Его горе было неподдельным, когда он думал, что Келсон мертв.

Дункан хмыкнул.

— Скорбь могла и не остановить его, если это Совет принял решение умертвить Келсона. Он мог горевать, даже принимая необходимость таких мер. Если Совет отправил Тирцеля работать с Коналом и обнаружил, что в роли короля Конал их больше устраивает, чем Келсон... Конал вполне мог показаться им более послушным королем.

— Более послушным...— Эти слова вызвали у Морган совсем другое воспоминание и он закрыл глаза, чтобы попытаться уловить его. Так говорил Арилан, но тогда речь шла о...

— Росана,— прошептал он.

— Что?

— Господи, он ведь теперь уже женился на ней. И я готов поспорить: она на самом деле любила Келсона. Неудивительно, что мне стало не по себе, когда Арилан сказал, что Конал женится на ней. Боже праведный, мог Конал все это каким-то образом устроить из-за ревности и из-за любви?

— Ревности к Келсону и Дугалу и любви к Росане? — повторил Дункан, в голосе которого звучал ужас.— А Нигель? Аларик, что случилось с Нигелем?

— Если Конал уже обладал силами Халдейнов и Нигель узнал об этом... об этом, о Тирцеле, о мере-ше, о чем-то еще... Конал вполне мог обратить свои силы на него.

— На своего собственного отца?

Морган склонил голову, поджав губы.

— Зная то, что ты знаешь о характере Конала, как ты думаешь, это, и впрямь, могло бы остановить его? — тихо спросил он.— Дунакн, ведь на кон была поставлена корона... и королева.

— Бедная королева,— прошептал Дункан.

— Да, бедная королева.

* * *

В Ремутском замке, в королевских покоях, ранее принадлежавших Келсону, а теперь Коналу, женщина, избранная Коналом на роль своей будущей королевы, сидела, сжавшись у очага и кутаясь в халат, отделанный мехом. Темные волосы свободно рассыпались по плечам и рукам, до самых колен. Недавно соборные колокола пробили полночь и разбудили Росану от беспокойного сна. После несколько безуспешных попыток заснуть, она встала с кровати и устроилась у очага, оставив Конала храпеть под шкурами. Шкуры также были разбросаны перед очагом, и она закутала ими ноги для тепла.

«Теперь я, на самом деле, жена Конала», — думала она, глядя в огонь. Лишение невинности прошло не так болезненно, как она опасалась, но достаточно неприятно для той, что не столь давно давала обет целомудрия. Конал пытался быть нежным и повторял, как ее любит, и это подтвердилось в том кратком неловком ментальном единении, которое он позволил ей, когда впервые обнял ее как муж, а не жених. Как любовник, однако, он оказался настойчив и нетерпелив. Потом он попросил прощения, неожиданно ласково, и долго старался осушить поцелуями ее непрошенные слезы, а затем принялся ласкать, пока не довел до пика наслаждения, острого и резкого, после чего погрузился в сон, а она осталась лежать рядом, дрожа всем телом.

Росана, с отрешенным видом поправляя полено в очаге железной кочергой, размышляла теперь о причинах своего смятения. Если бы сейчас у нее за спиной в кровати с балдахином спал Келсон, она чувствовала бы себя совсем иначе, и сама сейчас ле-

жала бы рядом, наслаждаясь их близостью. Не то чтобы ей не нравился Конал, или он плохо к ней относился — на самом деле, это было не так... просто он оказался не тем Халдейном.

О, она все равно будет королевой Гвиннеда, когда придет время, и с готовностью примет на себя королевские обязанности и долг Дерини, она будет умело их исполнять, поскольку ее так обучили и воспитали, и таково было желание Келсона. Но как она хотела быть рядом с другим Халдейном! Она думала о другом Халдейне, мечтая о том, как все могло бы сложиться, как вдруг рука, опустившаяся на плечо, вернула ее к действительности.

— Я тебя испугал, дорогая? — прошептал Конал, склоняясь к ее уху и лаская его языком.

Она содрогнулась, подняв на него глаза. Он стоял обнаженным в свете огня камина, его тело было гладким и, казалось, языки пламени целуют его. Он был готов вновь овладеть ею.

— Мой господин, я думала, ты спишь,— с трудом выдавила она, переводя взгляд на огонь, чтобы унять дрожь.— Не хотелось тебя беспокоить, ворочаясь в постели.

Конал издал горловой смешок, опустился на одно колено рядом с ней и запустил руку в волосы, притягивая за голову, чтобы страстно поцеловать ее, тогда как другая рука проскользнула ей под халат.

— Ну, тогда давай поворочаемся вместе, любовь моя,— прошептал он, прерывая поцелуй, а затем опуская ее на шкуры перед очагом.— Это наша брачная ночь. Первый раз был для моего удовольствия. Второй будет для твоего. Ляг, Росана, и дай мне показать, что может сделать король для своей королевы.

На фоне огня он виднелся лишь силуэтом, черные волосы спутались, ореолом окружая лицо. Росана могла почти поверить, что это — тот самый король, которого она оплакивает, и позволила себе снова уйти в свои грезы. Ее тело верило в ложь, даже если в это не верило сердце, и телу еще больше понравилось то, что Конал делал с ним на сей раз, в конце концов приведя ее к пику наслаждения и заботы.

* * *

Сексуальное напряжение в ремутской спальне эхом отдалось в пещере, расположенной в недрах горы, далеко на северо-востоке. Там Келсон беспокойно грезил, погружившись в бессознательное состояние от долгого вдыхания испарений.

За прошедшие часы он растратил много ментальных и душевных сил, общаясь с призраком святого Камбера. Но теперь его тело, лишь недавно обретшее физическое здоровье после долгих недель слабости и недомогания, пало жертвой самых изначальных потребностей.

Он мечтал о Росане. Он видел ее такой, какой запомнил с той ночи в саду, перед отъездом из Ремута. Это воспоминание усиливалось теперешним желанием. Келсон видел, как какой-то священнослужитель в черной рясе благословил их союз, а затем ушел. Король снова упивался ее поцелуями и снова чувствовал желание, которое Росана возбуждала в его крови. Только на этот раз он не дал ей вырваться из объятий, когда развязал платье спереди и спрятал лицо между ее грудей. И на этот раз она не пыталась остановить его.

Лежа на спине в приятно пахнущей траве, теплой и возбуждающей, он ощутил затвердение в паху. Дело происходило не сейчас, ранней весной, а летом. Почти в благоговении он наблюдал за тем, как Росана стоит над ним, с распущенными волосами, поблескивающими в лунном свете, медленно развязывая свой лиф. Потом ее одеяние упало серебристо-голубой массой вокруг ее ног. Лунный свет за спиной выделял ее стройный силуэт, небольшие смотрящие вверх твердые груди, которые отчетливо выпирали под нижней рубашкой, когда она потянула за тесемку у шеи, а затем позволила ей соскользнуть с плеч. И та с шелестом опустилась на платье у ног.

Он вздохнул, видя, как она, обнаженная, сделала шаг, оставив позади снятую одежду. Ее красота заставила его почувствовать боль желания. Она встала на колени рядом с ним, легкий ветерок приподнял ее волосы и часть черных прядей упала ему на грудь и живот. Его зрение помутилось, когда она вела его к экстазу. Наслаждение взорвалось каскадом огня и пламени, и сила его не уменьшалась, а росла, по мере того как он переходил на все более высокие уровни удовольствия. Росана двигалась вместе с ним и уводила его все выше и выше. Он застонал, когда она привела его к освобождению, сила которого едва не заставила его потерять сознание.

Затем она склонилась вперед, лежа у него на груди, и поцеловала его, нежно и глубоко, ее темные волосы окутывали его лицо, нежные теплые пальчики мягко прижимались к его шее. Он погружался в сон, подобный забытью.

Когда Келсон снова пришел в сознание, то понял, не открывая глаз, что ночь миновала. Во сне он

подтянул к себе побольше шкур, а когда открыл тяжелые веки, то увидел, что факелы практически выгорели до основания в своих подставках, пары из бассейна снова уходят вверх через открытое вентиляционное отверстие. Он покраснел, кровь прилила к щекам при воспоминании о грезах, в которых присутствовала Росана. А грезы эти, как он обнаружил, были достаточно реальны, если судить по реакции тела — и он неловко поднялся, чтобы омыться в бассейне.

Но стоило лишь шевельнуться, как события этой ночи вновь вернулись со всей отчетливостью, и Келсон застыл на месте, уставившись на статую святого Камбера. Теперь это было самое обычное изваяние, и вначале Келсон подумал, что видение Камбера ему тоже пригрезилось, но затем понял: заговоренный круг все еще на месте, и в нем зияет открытый проход.

Значит, эта часть ему не привиделась. Святой Камбер, на самом деле, приходил к нему — или, по крайней мере, Келсон верил в это достаточно сильно, чтобы рискнуть намеренно открыть вход для призрачной сущности. Он мог вспомнить каждую деталь событий: как разделились два образа, когда один вышел из другого, и призрак направился к нему, остановившись перед заговоренным кругом; существо молча попросило пропустить его; он сам согласился, совсем ничего не боясь; а затем почувствовал одновременно дикий страх, от которого по спине пробежали мурашки, и благоговение, когда сущность внезапно оказалась внутри круга и протянула руки, чтобы до него дотронуться.

Но он не помнил, что случилось после этого. Он получил некие знания, Келсон был в этом уверен, но

не смог удержать их в сознательной памяти. Однако это было нечто важное — не просто одобрение и признание, хотя и это также имело место.

В глубокой задумчивости, Келсон снял заговоры, удивляясь тому, насколько у него прояснилось в голове, несмотря на все случившееся, затем отправился к бассейну, чтобы попить и вымыться. Он погрузил в него голову, а затем от стекавшей по спине воды кожа покрылась мурашками. Он замер, все еще стоя на коленях, и снова посмотрел на статую, пытаясь вновь увидеть глаза и хоть какое-то выражение в тени, где должно быть лицо.

— Надеюсь, ты простишь меня, если я пока полностью не понимаю всего,— сказал он вслух, словно у статуи были уши, чтобы услышать его, и глаза, чтобы увидеть, как он склоняется перед ней.— Думаю, ты многое поведал мне прошлой ночью, но, боюсь, я не могу это вспомнить. Это тоже было частью плана? И сказанное каким-то образом вернется, когда придет время, оставаясь скрытым до тех пор?

Не получив никакого ответа не пришло, Келсон вздохнул и в отчаянии уперся кулаками о бедра.

— Ну, хорошо. Я могу руководствоваться лишь своей интуицией, если ты не дашь мне никакого более осязаемого знака. Я верю в тебя, святой Камбер Кулдский, и, думаю, ты являешь собой достойный пример и источник силы для наших людей. Бог знает, им нужно что-то, чтобы помочь выжить в этом безумном, полном ненависти мире. Поэтому я намерен восстановить твой культ, как и обещал.

Он поднялся на ноги, сказав это, и его руки ослабленно повисли вдоль тела.

— Но это не все, что я собираюсь сделать. Святыни и другие места поклонения важны, но я также на-

мерен восстановить и разрушенные здания Дерини, основать школы, чтобы обучить их всему тому, что было утрачено за последние двести лет — по мере того, как мы будем находить потерянные знания. Многие, конечно, придется создавать заново, но мы можем это сделать, в особенности с твоей помощью. Особенно важны забытые таланты Целителей — и теперь у нас уже есть трое, кто обладает ими. Спасибо тебе за Дугала, если ты, и впрямь, каким-то образом помог ему раскрыть свои таланты.

Он вздохнул и огляделся вокруг, внезапно почувствовав себя глупо, что разговаривает со статуей. Келсон не сожалел ни о чем из пережитого этой ночью, но пришло время пожинать плоды. С чувством собственного достоинства, даже несмотря на то, что был обнажен, он в последний раз встал на одно колено, уважительно поклонившись статуе святого-Дерини.

Затем король повернулся, чтобы осторожно пройти назад по узкому коридору, касаясь кончиками пальцев стен по обеим сторонам, проявляя осторожность, чтобы не стукнуться головой. На этот раз коридор показался ему темнее, так как он уходил от света. Дверь в конце легко поддавалась, а после его появления из дверного проема тут же началось пение псалмов.

Следующий час для Келсона прошел, как в тумане. Вначале горцы не позволяли Дугалу приблизиться к нему. Но на лице друга читалась радость. На этот раз Келсона закутали в синий плащ и дали выпить козьего молока с медом — по древней традиции, как ему объяснили, символизирующей возрождение: он ведь вышел на свет нового дня. Когда он выпил кубок до дна, как требовалось, его посадили у

алтаря на трон, который подозрительно напоминал нечто среднее между троном короля и епископа.

Когда брат Майкла начал служить мессу благодарения, слегка отличную от той, к которой привык Келсон, король узнал, что сегодня — воскресенье ваий. И приветствие Келсона, как короля, в ходе мессы, вызвало удивительные ассоциации с другим священным Царем, который вошел в святой город в такой же день, более тысячи лет назад, под такие же ритуальные возгласы: «Осанна! Благословен тот, кто приходит с именем Господа!»

После того, как испытание закончилось, жители Сент-Кириелла приняли предварительные заверения Келсона в благорасположении, даже не выслушав его рассказ о событиях прошлой ночи. Это будет официально проверено после мессы. И только перед причастием Дугал смог приблизиться к нему. Когда они обнялись, он прошептал слова успокоения, и вслух, и мысленно, и вернул Келсона к реальности за стенами святыни, сообщив королю, что ему удалось вступить в короткий контакт с Морганом и Дунканом, которые теперь на полной скорости направляются к ним, в надежде приехать еще до заката. Келсон внезапно осознал, что ведь в королевстве все, наверняка, считают его погибшим. Раньше это не приходило ему в голову, поскольку он боролся за выживание. И как там Нигель? Ведь он считает себя королем. Теперь на Келсона давила необходимость поскорее вернуться, причем ощущение это явилось к нему совершенно внезапно.

Но вначале ему пришлось рассказать об испытании, к вящему удовлетворению их пленителей — хотя теперь жителей деревни едва ли стоило так называть. После того, как он появился в дверях, целый и

невредимый, отношение к нему изменилось. Когда месса закончилась, все собрались у его ног, словно зачарованные дети, он рассказал им все, что мог вспомнить о Камбере и о том, как ему явился святой-Дерини. Он не стал упоминать о Росане. Келсон без сопротивления позволил местным Дерини проверить, говорит он ли правду, повторив свою клятву восстановить школы Дерини, а также культ их святого. Энтузиазм жителей деревни утроился.

К тому времени, как Келсон закончил говорить, они уже были полностью им очарованы. Когда он сказал им, что должен их покинуть, по крайней мере, на время — поскольку все королевство сейчас пребывает в трауре по своему королю, и, возможно, ему угрожает опасность от иноземных врагов, — они тут же предложили свою помощь. К полудню они с Дугалом, наскоро перекусив, сели на горных выносливых лошадок и выехали из долины Сент-Кириелл, в сопровождении шестерых веселых горцев, которые собрались проводить их до Ремута. Все облачились в традиционный наряд горцев: кожаные обтягивающие штаны, поверх них — юбки из клетчатой ткани, и туники из грубой шерсти, а также в подбитые мехом плащи, чтобы защититься от холода.

К сумеркам они все еще не встретились с Дунканом и Морганом, поэтому Келсон остановился, чтобы послать короткий, но мощный ментальный импульс. Он даже не удосужился спрыгнуть с лошади, только позволил Дугалу придержать поводья, пока сам погружался в глубокий транс. Очевидно, Келсон набрался сил во время ночного испытания, так как зов его тут же достиг цели. К восходу луны, несколько часов спустя, сопровождающие их горцы с удивлением увидели двух самых достойных и могущест-

венных герцогов королевства, которые спрыгнули с усталых лошадей и бросились со всех ног по продуваемой ветром равнине, чтобы обнять короля и его спутника, тогда как двое приграничников с радостными воплями устремились вслед за ними.

Они не стали пускаться в обратный путь той же ночью, поскольку новости, сообщенные Морганом и Дунканом после радостной встречи, были серьезными и трагичными, и требовалось принять решения на свежую голову. А подобное было бы невозможно, если бы они сразу же бросились в дорогу, не отдохнув как следует. Они разбили два лагеря: один — для короля и трех его ближайших соратников, второй — для людей Макардри и горцев из Сент-Кирилла. После легкого ужина королевская команда расселась вокруг меньшего из костров для военного совета. Келсон молча слушал, как Морган рассказывал о том, как Дункан обнаружил труп Тирцеля, о болезни Нигеля, об уже, вероятно, совершившейся женитьбе Конала на Росане и, наконец, об их с Дунканом подозрениях относительно Конала.

— Пока у нас нет доказательств, что именно он все это сотворил, — сказал Дункан после того, как пораженный Келсон задал несколько вопросов и молча выслушал рассуждения друзей. — Но кто еще выдал столько, сколько он, при сложившихся обстоятельствах? Остаются факты: Тирцель мертв, Нигель при смерти, а Конал думает, что он в любой момент станет королем, и вся сила Халдейнов теперь утверждена в нем. И, скажу прямо, он не желал терять ни единого дня и требовал, чтобы могущество передали ему как можно скорее, едва лишь состояние Нигеля ухудшилось.

Дугал нахмурился.

— Но не может ли быть так, что он всего лишь желал обрести всю полноту силы, ради защиты королевства, так как полагал, будто Келсон мертв, а его отец не способен править?

— Вполне возможно,— согласился Морган,— и очень вероятно, что Конал как раз и будет на этом настаивать. Но независимо от того, получил ли он свои силы от Тирцеля или благодаря нашим усилиям — в последнем я, кстати, сомневаюсь, оглядываясь назад — теперь он обладает полным потенциалом Халдейнов. Я совсем не уверен, что он готов отказаться от короны, которая почти находится у него в руках... только потому что Келсон вернулся целым и невредимым. И даже если он невиновен во всем остальном, остается еще один вопрос — почему он так спешно женился на Росане?

Келсон грустно кивнул. То, что Конал предал его, не особо удивляло, при сложившихся обстоятельствах. Он давно знал о той ревности, которую кузен испытывал к нему последние четыре года, но при необходимости с Коналом можно будет разобраться. Келсона поразило очевидное предательство Росаны. Именно эта новость, если не считать беспокойства за Нигеля, послужила причиной холодной свинцовой тяжести у него на сердце. Он с трудом сдерживался, чтобы не расплакаться.

— Мы предоставим Коналу шанс объясниться,— тихо сказал Келсон после долгого молчания.— Не хочется верить, что мой кузен совершил все эти преступления. Вполне может найтись какое-то другое объяснение.

— Надеюсь,— сказал Дункан.— Ради Конала и тебя самого.

Дугал кивнул.

— Если нам всем повезет,— сказал он,— может оказаться, что он виновен только в поспешности, а это не обязательно является преступлением.

Однако когда они улеглись, согласившись завтра отправиться в Валорет и воспользоваться имеющимся там Порталом, Келсон какое-то время лежал без сна. Наконец он дотронулся до плеча Дугала. Если не считать часовых, все остальные спали: Морган с Дунканом — у того же костра, остальные члены отряда — у другого.

— Дугал, ты не спишь? — прошептал Келсон.

Дугал слегка приподнял голову и кивнул, затем взял короля за руку, переходя к мысленному общению.

«Ты беспокоишься, да?»

«Не то чтобы беспокоюсь. Если даже сбудутся наши худшие опасения, я все равно в состоянии справиться с Коналом. А раз вы все трое теперь стали Целителями, не исключено, что и Нигель поправится.»

«Значит, все дело в Росане, так? — спросил Дугал.— Мне очень жаль, Келсон. Ты, на самом деле, любил ее?»

Келсон вздохнул и прикрыл глаза свободной рукой, желая скрыть свои чувства.

«Я грезил о ней прошлой ночью, Дугал. После того, как видел Камбера. Это была ее брачная ночь, не так ли, хотя тогда я и не знал об этом. Мы занимались любовью. Это было настолько реально, что я... ну, давай просто скажем: все было очень-очень реально. Ты не думаешь, что я каким то образом... подключился к ним с Коналом?»

«Нет, невозможно, на таком расстоянии, сквозь такую толщу скал»,— ответил Дугал, быстро блокируя

обрывки воспоминаний, прорывавшиеся через установленный канал связи, поскольку не хотел знать деталей. Но у Дугала имелись кое-какие собственные наблюдения. Он видел, как сразу же после полуночи брат Майкла и Ридиан тихо удалились еще другую дверь, находившуюся рядом с той, за которой исчез Келсон. На их исчезновение практически никто не обратил внимания: паства дремала. Майкл вернулся практически сразу же, а Ридиан нет. Она появилась только примерно через час. Дугал задумался, не оказался ли «сон» Келсона более реальным, чем он сам подозревал. Может, это была какая-то форма сексуальной инициации, облаченная в забытие под влиянием дурманящих испарений... нечто вроде ритуального бракосочетания освященного короля с родной землей в лице Ридиан, как это порой было заведено в древние времена у предков тех горцев, что спали сейчас у второго костра. Келсон, возможно, даже не слышал про такие традиции, но Дугал о них знал, ведь вырос на легендах и сказаниях приграничья, очень похожих на мифы горцев, так долго живших в отдалении от прочих народов.

Но он ничего не сказал Келсону. У того и так разбились все надежды, когда король узнал о браке Росаны с Коналом. И если признаться ему сейчас, что ночные грезы могли быть вызваны реальной женщиной из плоти и крови, это причинит Келсону боль, которую он может не выдержать после всего случившегося.

Поэтому Дугал спрятал свои подозрения за особыми защитами, которые создан после того, как исцелил Келсона и они с королем осознали необходимость всегда держать некоторые вещи при себе. Келсон не мог не уловить, что Дугала пытается

что-то скрыть от него, но решил, что друг попросту не желает вторгаться в подробности его видений. Келсон тоже отправил эти воспоминания поглубже, куда никто другой никогда не проникнет. Наконец он откинулся на спину со вздохом.

«Прости, что у меня это вырвалось, в самом начале,— послал он импульс через несколько секунд.— Не хотел тебя беспокоить. Мне придется решать этот вопрос самому, когда вернемся. Ведь, в конце-то концов, она была уверена, что я мертв.»

«Да, конечно, все так и было,— ответил Дугал.— Ты хочешь, чтобы я помог тебе заснуть?»

«Нет, я спал прошлой ночью, и куда крепче, чем хотелось бы,— пришел ответ Келсона.— А ты сам как? Может, это мне нужно помочь тебе?»

Это предложение было самым приятным из всех, что слышал Дугал за последние несколько дней, так что он с радостью согласился, поскольку это означало отсутствие сновидений. Дугал благодарно вздохнул, когда рука Келсона легла ему на лоб. Следующим, что он увидел, был солнечный свет, бьющий ему в глаза, и тут же ощутил запах жареного мяса, от которого и проснулся окончательно. Впервые за много недель он по-настоящему отдохнул.

Глава двадцать седьмая

Спроси священника о законе¹

Отвратительная погода и труднопроходимые горные дороги сильно задержали путешественников, так что Келсону со свитой потребовалось почти четыре дня, чтобы добраться до Валорета. Оказавшись там, Келсон решил подзадержаться еще на пару дней, чтобы выяснить, что решил синод, перед тем как перенестись в Ремут через Портал. Теперь, учитывая трудности, с которыми готов был столкнуться король после возвращения в столицу, для него еще важнее стало окончательно прояснить вопрос с Дунканом. То, что он объявится в Ремуте чуть позже, ничего не изменит в их грядущей схватке с Ко-налом... если принц, и правда, повинен во всех этих преступлениях. Все равно возвращение короля станет для него неожиданностью, ведь даже если гонцы будут скакать день и ночь без отдыха, они не смогут добраться до Ремута раньше, чем на второй день Пасхи. Сам король намеревался появиться в столице днем раньше, решив, что Пасха — самое подходящее время для возвращения из могилы. К сожалению, Ко-нал, вероятно, не сумеет уловить всей иронии ситуации.

¹ Аггей 2:4

Тем временем епископы продолжали заниматься свои труды, как было намечено еще в самом начале Великого Поста, несмотря даже на то, что Кардиель с Ариланом вернулись в столицу в роли советников, и Браден также ненадолго уезжал в Ремут, чтобы присутствовать на торжественном провозглашении Конала королем. Однако примас вернулся в свою епархию к страстной неделе и оказался свидетелем того, как Келсон въехал в городские ворота Валорета в великий четверг, удивительным образом живой и невредимый.

Соборные колокола трезвонили несколько часов кряду, возвещая праздник, напрочь презрев всю традиционную суровость последних предпасхальных дней. В полдень епископы собрались в быстро заполнившийся собор, чтобы провозгласить радостное «*Te Deum*», с благодарностью за счастливое возвращение короля. До конца дня было дозволено даже несколько отступить от обычных ограничений в пище, чтобы вечером устроить скромный пир в трапезной архиепископа, хотя Келсон и сопровождавшие его друзья решили не особо предаваться чревоугодию. Келсон в тот вечер ничего толком не узнал, потому что пришлось снова и снова пересказывать свою историю по очереди всем епископам и другим священнослужителям, а потом он рано лег спать, чтобы как следует отдохнуть к завтрашнему дню.

Но следующим утром, после обязательных церемоний страстной пятницы, когда город оправился от первого шока, король собрал епископов в здании капитула, где он несколько недель назад обращался к ним, и попросил отчитаться о достигнутом. Он был рад узнать, что они многое успели сделать, несмотря даже на его предполагаемую гибель.

Во-первых, были заполнены все ранее вакантные места в епархиях, и назначенные ожидали только королевского одобрения, которое Келсон с радостью дал. Также были избраны шестеро новых странствующих епископов, чтобы свободно перемещаться по королевству. Оставалось заполнить четыре вакансии — после подбора подходящих кандидатур. Это Келсон тоже одобрил. За канонизацию покойного епископа Меарского, Генри Истелина, священнослужители проголосовали единогласно. Официально о его новом статусе объявят позднее.

И, самое важное, по мнению Келсона,— завершилась большая часть подготовительной работы для пересмотра Рамосских Уложений. Половину страстной пятницы Келсон провел вместе с Морганом, Дунканом и Дугалом, изучая этот документ, и внес лишь несколько поправок и дополнений, а к заходу солнца объявил, что в общем и целом удовлетворен тем, как подготовлены новые Уложения. А на следующее утро, последнее, что он собирался провести в Валорете, король наконец собрался приступить к самым щекотливым вопросам.

— Не могу даже сказать вам, как я доволен вашей работой за последний месяц, господа,— сказал он собравшимся епископам на закрытом заседании, где из светских лиц были только он сам, Морган и Дугал.— Мне не хотелось бы накликать на себя настоящее несчастье, но, возможно, моя «смерть» не оказалась на самом деле так ужасна, если в память обо мне вы смогли столько сделать.

Он поднял руку, призывая к тишине, когда услышал их сдержанный нервный смех.

— Однако, если говорить серьезно,— продолжал он,— мне хотелось бы думать о вашей работе, как о

памяти живым — потому что вы сослужили службу мне и всему Гвиннеду, нынешнему и будущему, вашими искренними намерениями исправить ошибки, непреднамеренно, а иногда и, к сожалению, намеренно, служившие причиной смерти преданных подданных этой земли на протяжении многих поколений. Судя по вашим предложениям, я надеюсь, что имею право сказать, что вы считаете Дерини полноправной частью многих различных народов, составляющих наше королевство — и не просто потому, что четверо из них сейчас сидят здесь перед вами, а один из них является вашим королем. На самом деле, если бы не эти трое, меня бы сегодня не было здесь с вами.

По аудитории снова пронесся шорох. Он не был окрашен страхом, как часто случалось в прошлом, а только легкой тревогой, что естественно, когда люди думают о чем-то, не слишком хорошо им известном.

— Наконец мы подошли к последнему вопросу, который я хотел бы представить на ваше рассмотрение,— продолжал Келсон,— и это — полное восстановление в правах и прежнем положении одного из вас, того, кто много раз служил лично мне и Гвиннеду, доказал преданность и проявил мужество, которые большинству из вас даже трудно представить. Конечно, я имею в виду епископа Дункана Маклайна, чья верная служба мне, а до меня моему отцу были безупречными. А поскольку часть Рамосских Уложений, запрещающая лицам его племени принимать сан, сейчас находится в процессе отмены, я молюсь, чтобы вы протянули ему руку братства и навсегда отложили в сторону все сомнения, которые имелись у вас из-за его крови Дерини. Он слишком часто доказывал, что его кровь такого же алого цвета, как и у

остальных, и он всегда готов был ее пролить для защиты короны и нашей земли.

Дункан неподвижно сидел чуть позади Келсона, суровый и торжественный, в самой простой черной рясе. После речи короля он почтительно поднялся, получив знак от архиепископа Брадена, и ждал, пока архиепископ взглядом обводит своих коллег. Они немного побеседовали с Браденом прошлой ночью и согласились насчет процедуры, которая, как они надеялись, последует после выступления Келсона. Но успех зависел от того, согласятся ли с предложением остальные епископы.

— Ваше Величество,— тихо обратился к королю Браден, все еще глядя на своих коллег,— по вопросу, только что поднятому вами, я считаю, что по всем пунктам, кроме, возможно, одного, Дункан Маклайн действовал во благо Господа, короля и себя лично, и именно в такой последовательности. Если у меня и остается какая-то тень сомнения, она касается его личных оправданий: принимая сан и становясь священником, он знал, что он — Дерини и что Церковь запрещала ему это.

По залу пронесся шепот, и снова он был не враждебным — только настороженным. Келсон позволил себе легкий вздох, когда Браден продолжил:

— Поэтому я предлагаю отцу Дункану открыто дать объяснения перед нашим собранием, и если он, по нашему мнению, сможет быть прощен за то, что он открыл, ему будет дано отпущение грехов, и этот вопрос никогда больше не будет ставиться ни перед каким собранием. Лично я не желал бы терять такого пастыря,— завершил он, искренне и тепло улыбаясь Дункану.— Кто-нибудь против?

Удивительно, но никто не выступил против. Келсон, Морган и Дугал теперь наблюдали за происходящим словно со стороны — как совершенно посторонние лица — поскольку то, чему предстояло сейчас произойти, в некотором роде являлось исповедью перед священнослужителями, собравшимися в зале, а исповедь должна всегда оставаться тайной. Выйдя вперед, Дункан встал на колени перед тронном Брэдена. Перстень епископа на его правой руке блеснул в свете факела, когда он склонил голову и перекрестился, — перстень этот был сделан из золота, прежде украшавшего алтарную плиту, где поклонялись святому Камберу. Голубые глаза Дункана блеснули серебром, когда он, сложив руки перед собой, поднял глаза на архиепископа.

— Я признаю, что в праздник Пасхи в 1113 году со дня Рождества Христова меня посвятил в духовный сан архиепископ Александр Ремутский и я принял это посвящение, зная, что я — Дерини и что каноническое право запрещало мне становиться священнослужителем.

— А почему ты сделал это, сын мой? — спросил Брэден.

Призвание Дункана никогда не было так очевидно, как в эту минуту, когда он смотрел в глаза Брэдену.

— Я верил и до сих пор верю, что сам Господь призвал меня быть Его священником и что таланты, переданные мне в наследство, как Дерини, должны быть обращены Ему на службу, как в старые времена священники Дерини служили Ему.

— А что насчет учения Церкви — то, что Дерини больше не могут служить таким образом? — спросил Брэден.

— Мое решение было вопросом совести, ваше преосвященство, и формировалось годами учения и молитв. Церковь также учит, что если бы я не последовал своему призванию и голосу совести, то это было бы тяжким грехом. Поэтому, зная, что я избран Им, как я мог *не* подчиниться Его воле? Его зов отдавался болью во мне, которая могла быть снята только служением Ему. Я испытывал страстное желание постоянно быть в Его присутствии, совершая Его таинства с Его людьми, как простыми, так и Дерини. И, совершая эти таинства, я тоже стал частью их, и всего себя положил на служение Ему, как Он того пожелал. Есть ли здесь, среди присутствующих священнослужителей хоть кто-то, кто не услышал такого же зова и не последовал ему?

Конечно, таких не нашлось — или, по крайней мере, никто не решился в этом признаться. Один пожилой странствующий епископ спросил, правда ли что в способностях Дерини изначально заложено зло, но старый друг Дункана Хью де Берри, только что назначенный епископом Баллимара, ответил раньше Дункана.

— Не способности являются злом, ваше преосвященство,— сказал Хью,— а использование их злыми людьми, которые иногда обладают этими способностями. Конечно, мы достаточно образованы и не можем считать, что такой ценный дар следует уничтожать, раз кто-то, не имеющей совести, когда-то воспользовался им не по назначению и принес таким образом разрушение, а не радость. Но ведь каждый из нас получают какие-то таланты при рождении, которые после соответствующей подготовки делают одного человека сильным, другого — ученым, третьему даются умелые руки, а есть еще и четвертые, которые

каждым своим дыханием желают служить Богу! Разве таланты отца Дункана так отличаются ото всех прочих? Разве смеем мы говорить, что не на пользу Господу идет его способность определять, говорит ли человек правду или лжет, чтобы защитить невинных против тех, кто готов их обмануть в корыстных целях; или способность исцелять больных и раненых? Разве вы забыли, ваше преосвященство, что Дункан Маклайн, как и наш Господь, обладает даром исцеления? Кто лучше священника-Целителя Дерини способен навести мосты и изгнать страхи, отделявшие нас от наших братьев Дерини?

После такого эмоционального выступления практически не осталось ничего, что можно было бы добавить. Хью занял свое место, Дункан продолжал стоять на коленях перед архиепископом, а Браден дал священнослужителям время на раздумья, после которого каждый епископ должен был письменно подать свой голос за отпущение грехов Дункану или против. Пока шло голосование, Келсон закрыл глаза, слушая шорох шелков и шерстяных одеяний, когда каждый епископ относил бумагу со своим решением к небольшому столику, стоявшему в центре капитула, за спиной Дункана, и опускал в большой потир. После того, как все проголосовали, Браден сам отправился к столу и стал читать решения, Дункан поднял глаза к кресту над пустым тронем архиепископа.

— *Absolvo*,— было сказано на первом листке: я отпускаю грехи твои.

— *Absolvo*.

— *Absolvo*.

— *Absolvo*.

Никто не был против, все девятнадцать участников голосования написали одно слово: «*Absolvo*.» В

конце Дункан закрыл лицо руками, и у него из глаз полились слезы радости, которые он даже не пытался скрывать. Его глаза все еще были влажными, когда Браден вернулся на свое место на троне. Архиепископ улыбался. И слезы Дункана не были единственными, пролитыми в здании капитула.

— Дункан Говард Маклайн, ты есть тот, кто призван стать исполнителем воли Христа,— официально обратился к нему Браден, подобно тому, как обращаются к священнику, только что посвященному в сан. Епископ Толливер подошел к Брадену и протянул ему Библию, стоя на коленях.

— *Adsum*,— тихо ответил Дункан.— Я здесь.

— Дункан Говард Маклайн,— повторил Браден.— В соответствии с требованиями, установленными для желающих стать священнослужителем, двенадцать лет назад, когда ты принял сан, ты не имел права под угрозой отлучения от церкви и предания тебя суду, быть посвящен в сан под любым предлогом, если ты являлся незаконнорожденным, был лишен всей или части гражданских прав вследствие совершения позорного преступления, был судим мирским судом и найден виновным, отлучен от церкви или каким-либо другим образом не подходил для роли священнослужителя. В соответствии с действовавшим в те времена законом принадлежность к Дерини являлась не только препятствием для принятия духовного сана, но и автоматически вела к смертному приговору, если бы это выяснилось после посвящения в сан. И тем не менее ты решил принять сан, подчиняясь высшему зову, а не тому, который заставил испуганных людей принять ужасающие законы двести лет назад, как последствие ужасной тирании — поскольку ты знал сердцем: это твое призвание. Если

следовать букве закона, то ты бы понес самое суровое наказание и от Церкви, и от государства, если бы твоя тайна была раскрыта, но ты выбрал служение Господу, несмотря на опасность, и остался верен своей совести и своему призванию, в надежде, что воля Господа и воля человека когда-нибудь могут снова стать едины.

Браден вздохнул, закрыл Библию и жестом приказал Толливеру вернуться на место.

— Мне бы очень хотелось сказать с полной уверенностью, что воля Господа и воля человека наконец стали едины, хотя я верю — и твои братья очевидно тоже верят — что в этом вопросе, по крайней мере, мы подходим близко к единению с Его волей, судя по прогрессу, достигнутому нами в последние дни. Но ты, возлюбленный сын Христа, конечно лучше кого-либо из нас понимаешь, сколько еще предстоит сделать для исправления наследия, оставленного нашими предшественниками. Тем не менее, твои братья по вере отпустили тебе все грехи, которые ты мог совершить в прошлом — и, я думаю, твоя душа была самым суровым судьей в том, что касается искупления совершенного греха. Более того, каноническое право скоро узаконит истину, которую ты понял более десяти лет назад. Поэтому я также отпускаю тебе все грехи во имя Отца, и Сына, и Святого Духа,— он перекрестил Дункана.— Пусть всемогущий Господь будет милостив к тебе, простит тебе твои грехи и дарует жизнь вечную.

— Аминь,— произнесли епископы хором, к которому также подключился и Дункан.

— Пусть всемогущий и милостивый Господь простит тебе твои преступления, если они и были совер-

шены, и отпустит твои грехи,— сказал Браден, снова перекрестив Дункана.

И снова все собравшиеся хором произнесли:

— Аминь.

— И наконец,— завершил Браден,— пусть благословение Господне, Отца, и Сына, и Святого Духа снизойдет на тебя и пребудет с тобой вовеки веков.

В третий раз «Аминь» было произнесено так громко, что эхом отразилось от потолка, когда Браден вновь перекрестил Дункана, а затем возложил обе руки ему на голову.

— Теперь я попрошу тебя об особом одолжении,— сказал Браден, склоняясь к Дункану и убирая руки.— Обещаешь ли ты вновь подчиняться мне и моим преемникам и почитать меня и моих преемников, точно так же, как ты клялся в этом в тот день, когда тебя посвящали в духовный сан, понимая, что теперь в обмане больше нет необходимости?

Дункан улыбнулся, а по его щекам снова, теперь открыто, потекли слезы. Он положил руки в ладони Брадена и опустил голову, чтобы поцеловать перстень архиепископа.

— *Promitto.* Обещаю.

— *Ora pro me, frater.* Молись за меня, брат.

— *Dominus vobis retribuatur.* Пусть Господь наградит вас.

* * *

После восстановления Дункана в епископстве он снова облачился в пурпурное одеяние, положенное ему по сану, предоставленное ему епископом Хью. Вечерняя трапеза прошла празднично, хотя и неско-

лько сдержанно — в конце концов, это все же была великая суббота страстной недели, самое торжественное время Великого Поста. Пицца оказалась простой, но Дункан сидел на почетном месте, справа от архиепископа, а Келсон намеренно сел слева из почтения к восстановлению Дункана в милости. Рано утром в Пасху король и сопровождающие его лица отправились вместе с епископами в собор Валорета и присоединили свои голоса к радостному хору.

— *Resurrexi, et adhuc tecum sum, alleluia...* Я воскрес и пребываю среди вас, аллилуйя... Ты возложил на меня Твою руку, аллилуйя... Господи, Ты подверг меня испытанию. Ты видел мою смерть и мое воскресение...

Позднее, когда месса закончилась и все они причастились, включая людей Макардри и жителей горной деревни, Дункан с Морганом отвели членов отряда в ризницу, специально освобожденную от людей, и стали переносить через Портал. Архиепископ Браден также присоединился к ним.

Полчаса спустя они все собрались в ризнице Ремутского собора, как раз к окончанию пасхальной службы, совершенной архиепископом Кардиелем. Их прибытие чуть не вызвало панику. Внезапное появление людей в грубой горской одежде, сопровождавших Келсона, вначале было принято за нашествие местных воинственно настроенных кланов, которые каким-то образом проникли сквозь городские ворота и просочились на территорию собора, потому что Келсона в первое мгновение не узнали, так как он был одет таким же образом.

Но узнали Моргана, а затем Дункана и Брадена. А потом, когда компания расступилась, чтобы пред-

ставить Келсона, гнев и страх переросли в удивление, а потом и радость. Король вернулся!

— Давайте не будем слишком волноваться и поднимать много шума,— попросил Келсон после того, как первая волна криков утихла, а один из священнослужителей предложил начать бить в колокола.

Обрадованный оруженосец Долфин спросил, следует ли ему ехать в замок, чтобы сообщить принцу Коналу добрую новость.

— Если не возражаешь, я предпочту сам сообщить новость своему кузену.

Немного притихшая, но с трудом сдерживающая эмоции процессия направилась от соборного комплекса вверх, к воротам замка. По пути к ним присоединялись другие люди, и благая весть быстро разошлась по округе. А Келсон, приближаясь ко дворцу, готовил себя к встрече с кузеном Коналом и женщиной, которая должна была стать его королевой, но теперь была женой его кузена.

* * *

Выйдя из спальни отца, Конал вздрогнул на мгновение, и тихо прикрыв за собой дверь, приложил трясущуюся руку ко лбу. Его мать как раз обмывала Нигеля, по-прежнему пребывающего в бессознательном состоянии, когда Конал зашел, чтобы исполнить свой долг: раз в день он появлялся у королевской постели. Принц испытал шок, увидев, как исхудало и стало хрупким тело, которое еще совсем недавно было таким мощным. Конал не осознавал, насколько ухудшилось состояние его отца за две недели пребывания в коме. Из-за тайных страданий от угрызений совести и чувства вины, радость Кона-

ла от его нынешнего положения словно бы померкла. Но он не мог ничего сделать или сказать о случившемся, не предав себя, даже если бы и мог вернуть Нигелю здоровье.

Ему удалось справиться с дрожью, но он все равно чувствовал себя не лучшим образом, когда вернулся в свой кабинет, залитый солнцем, собираясь просмотреть план коронации, представленный герцогом Эваном — может, рановато, но требовалось иметь план наготове, когда Нигель неизбежно уйдет из жизни. Не следовало слишком уж продлевать статус регента после того, как король умрет. Регента полагалось скорее короновать. Читая проект, Конал жевал горбушку свежего белого хлеба. Его ноги в изящных сапожках покоились на специальной скамеечке, а он сам наслаждался тем как приятно ласкает кожу шелковистая, украшенная золотыми львами Халдейнов туника, прежде принадлежавшая Келсону. Однако он тут же поднялся на ноги, когда к нему присоединилась Росана с распущенными волосами. Она все еще казалась сонной. Росана была одета в халат из синего бархата, отороченный мехом.

— Дорогая, я думал дать тебе поспать,— сказал он, обнимая ее сзади и щекоча шею.— Боюсь, что прошлой ночью не дал тебе отдохнуть. Ты простишь меня?

Если бы он мог видеть в этот миг ее лицо, то прочел бы на нем выражение смиренной покорности судьбе, или даже снисхождение матери к ребенку, но в ее голосе ничего не отразилось.

— Мне нечего прощать, мой господин. Но я не должна была проспать все утро. Сегодня Пасха, а я уже пропустила утреннюю службу.

— Я схожу вместе с тобой,— прошептал он, поворачивая ее и целуя в губы и веки.— Я уже был на мессе, но снова пойду, чтобы нам подольше побыть рядом.

— Такая преданность, конечно, поможет тебе заслужить еще большую милость, мой господин,— ответила она, легко смеясь, когда он уловил двойное значение ее слов и еще крепче прижал к себе, целуя и лаская, словно не мог вдосталь ею насладиться.

— О, Боже, как я люблю тебя, Росана! — прошептал он, слегка отодвигая жену от себя, чтобы снова взглянуть ей в глаза.— Я хочу любить тебя каждый час дня и ночи. Я хочу наполнить тебя сыновьями! Я хочу, чтобы мы стали самыми великими правителями, которых когда-либо знал Гвиннед, и положили начало еще более великому роду Халдейнов!

Она таинственно улыбнулась, когда он снова спрятал лицо у нее на груди, нежно поглаживая его шелковистые волосы.

— Твои желания исполняются, мой господин, поскольку, как мне кажется, ты уже наполнил меня сыновьями — по крайней мере, одним сыном...

Когда он оторвался от нее и посмотрел на нее сверху вниз в удивлении, она скромно потупила взгляд.

— Сыном? — выдохнул Конал.— Ты беременна, Росана? Ты уверена? Как ты можешь знать так быстро?

Она пожала плечами.

— Заметных признаков пока нет, но женщины Дерини порой... просто знают об этом. Конечно, я никогда раньше не была беременна, но уверена, что зачала. Если так, то твой наследник родится следующей зимой. Маленький принц Халдейн.

— Принц? — прошептал Конал в благоговении.— Значит, ты также знаешь, что это сын?

— Ну, конечно, мой господин. Можно...

Уже в течение нескольких минут во дворе замка нарастал какой-то шум, и Конал поднял руку, прося Росану помолчать. Сам он проследовал к окну, открыл стекло с витражом и посмотрел вниз. В это время большая толпа людей, в основном пешехов, многие из которых были одеты в грубые одежды приграничников, с традиционными косичками, ворвалась в ворота и быстро направилась ко входу в тронный зал. Никто из них не казался воинственно настроенным, но Конал в панике повернулся, когда по коридору протопали ноги в сапогах и в дверь кабинета застучали кулаки.

— Ваше высочество! Принц Конал!

Со странным, внезапно появившимся недобрым предчувствием Конал бросился к двери.

— В чем дело?

— Король, ваше высочество! Король вернулся!

— Мой отец пришел в сознание? — резко выдохнул Конал.

— Нет, король Келсон вернулся! — ответил оруженосец.— Он жив! Как и лорд Дугал!

* * *

Келсон держал в объятиях плачущую Мерауд, наблюдая за тем, как Морган, Дункан и Дугал склоняются над Нигелем. В комнате также находились архиепископы Браден и Кардиель. Кьярд, Джасс и люди из Сент-Кириелла стояли на страже перед дверью, чтобы больше никого не впускать. Епископа Арилана нигде не нашли. Герцог Эван собирал лю-

дей в тронном зале, сообщая новость, но Келсон не собирался к ним спускаться, пока побольше не узнает о состоянии Нигеля.

— О, Келсон, он умирает,— рыдала Мерауд, качая головой. Келсон продолжал гладить ее по волосам.— Мы думали, что ты мертв, а затем с ним случился припадок...

Шум перед дверью объявил о прибытии Конала, единственного, кого стражники имели право пропустить. Лицо Конала побелело, как молоко, когда он проскользнул в открытую Джассом дверь и упал на колени у ног Келсона и взял руку короля, чтобы поцеловать. Его ладони были холодны, как лед.

— Келсон... мой король! Мы думали, ты мертв. А затем отец заболел и...

— И ты даже не мог выждать хоть немного, и женился на моей невесте,— вполголоса произнес Келсон, вырывая ладонь и скрещая руки на груди. Мерауд отошла назад.— Конал, даже если будет доказано, что ты невиновен во всем остальном, я никогда не прощу тебе этого.

— Я только хотел обеспечить наследование престола,— прошептал Конал, поднимаясь на ноги. Его мать резко вдохнула воздух, поняв, на что намекает Келсон.— Отец серьезно заболел, и я...

— Я не давал тебе разрешения встать,— холодно сказал Келсон, и один его взгляд заставил Конала снова опуститься на колени.

— Келсон, это несправедливо,— запротестовал принц.— Я же не мог знать, что ты до сих пор жив, и этого не знала Росана. Невероятно, как ты пережил падение в водопад! А затем, когда тела не нашли...

— Ты все равно действовал слишком поспешно.

— Разве можно назвать поспешностью желание как можно скорее обеспечить наследования престола? — возразил Конал. — Я — регент Гвиннеда, ради всего святого! Никто не знал и не знает, сколько еще времени протянет мой отец. Почему, ты думаешь, советники подталкивали *тебя* к женитьбе, если не ради наследника?

— А тебя они подталкивали? — рявкнул Келсон.

— Нет, пока нет. Но ведь, в конце-то концов, вы с Росаной не давали друг другу никаких обязательств.

— Встань,— сказал Келсон встревоженно: его внимание внезапно переключилось на людей, окруживших изголовье кровати Нигеля. Затем Морган пододвинул его самого поближе.

— Как мы и боялись, это больше, чем обычный припадок,— сказал Морган, когда Келсон встал между двумя архиепископами в ногах кровати. Возле него остановилась пораженная Мерауд с широко раскрытыми глазами.— Похоже, тут имело место сочетание физической травмы и некоего психического блока. Мы не заметили этого раньше, поскольку даже не представляли, что нам искать. Чтобы установить его, нужен сильный Дерини. Дункан с Дугалом занимаются физической травмой, но нам может потребоваться твоя помощь, чтобы разобраться с остальным.

— Психический блок,— прошептала Мерауд, держа Келсона за рукав.— Келсон, о чем он говорит?

Келсон не мог вынести взгляда Мерауд, и, повернувшись, холодно посмотрел на ее старшего сына.

— Боюсь, тетя, тебе придется спросить об этом своего сына. Конал, тебе что-нибудь известно об этом?

— Мне? Я даже не знаю, что такое психический блок. То есть, я хотел сказать, что теперь в некотором роде знаю, но когда у отца случился припадок, я не знал,— объяснил Конал.— Почему ты на меня так смотришь?

— Потому что определяю, говоришь ли ты правду, Конал Халдейн, несмотря на все твои попытки окружить свое сознание туманом,— ответил Келсон.— И мне не нравится то, что я вижу. Неужели ты сделал это с Нигелем, своим собственным отцом?

Защиты Конала опустились еще плотнее, прежде чем Келсон успел четко все выяснить, но сама воинственность принца могла быть принята за признание вины, даже если и не являлась неопровержимым доказательством.

— Как ты смеешь задавать мне такие вопросы? — вспыхнул Конал.

— Король Гвиннеда смеет задавать *любой* вопрос своему вассалу, поклявшемуся ему в верности,— отрезал Келсон.— Или ты так быстро забыл, какую клятву давал мне, когда тебя посвящали в рыцари?

Прежде, чем Конал смог ответить, Морган жестом подозвал Келсона подойти поближе.

— Он приходит в себя,— сказал Морган после того, как Дункан с Дугалом отошли.— Сломать блок оказалось не так трудно, как мы опасались, как только поняли, что искать. Единственное возможное последствие — частичная потеря памяти.

Но вскоре стало ясно, что если Нигель и пострадал за время долгого пребывания в бессознательном состоянии, то память его осталась невредима. Взломав блок, Дункан мысленно сообщил Нигелю все о спасении и возвращении Келсона. Теперь Нигель смог обратить все свое внимание на решение друго-

го вопроса: что за причина вызвала его припадок. Открыв глаза, он тут же уставился на Келсона.

— Мой король, ты жив,— прошептал он огрубевшим и охрипшим от долгой болезни голосом.— А, мой сын, желавший мне смерти,— продолжал он холодно, переводя взгляд на пришедшего в ужас Конала,— лучше бы тебе самому умереть, за то что предал свою кровь и своего господина. Он убил Тирцеля, Дункан,— продолжал Нигель.— Я смог соединить все разрозненные факты, после того как ты отправился за Алариком, а когда представил Коналу доказательства, он также попытался убить и меня. Наверное... то, что я сам — Халдейн, и спасло меня.

Услышав это, Конал хотел убежать, но два архиепископа, а затем и Морган бросились на него, прежде чем он успел достичь двери, и повалили на пол. Мерауд закричала, а Дункан с Дугалом удерживали Нигеля в лежачем положении, поскольку ему еще было рано вставать с постели.

Конал в отчаянии попытался собрать все свои силы, но Морган выхватил стилет, пытаясь надавить рукояткой на соответствующие точки у него на шее, чтобы его нейтрализовать. Кардиель с Браденом тем временем прижимали к полу его руки и ноги.

— Конал, если ты не прекратишь это, клянусь, я перережу тебе горло! — рявкнул Морган.— И ничто сейчас не доставит мне большего удовольствия.

— Нет, свяжите его,— приказал Келсон, когда Моргану наконец удалось найти нужные точки на шее принца, и тот лишился чувств.— Он не заслужил такой легкой смерти. Но мы раз и навсегда решим это законным путем. Дункан, я хотел бы попросить тебя и архиепископов остаться с моим дядей. Дугал, я хочу, чтобы ты обыскал покои Конала. Дункан го-

ворил мне, что некие лица интересовались ягдташем Тирцеля. Полагаю, ты найдешь его среди вещей Конала. Готов поспорить: именно он подлил мерашу в твою флягу, так что я доверяю тебе найти, где он спрятал остальное.

— А ты где будешь?

— В королевской часовне, убеждая себя, что должен справедливо судить этого негодяя! — сказал Келсон, пиная Конала. — И, Морган, сними с него туннику Халдейнов. Он не достоин ее носить. Я также хочу получить назад Кольцо Огня, даже если для этого потребуется отрезать ему палец.

Когда Келсон уходил, Мерауд рыдала в объятиях Нигеля, но он не мог больше находиться в одном помещении с Коналом, даже пока тот оставался без сознания. Король взял с собой Джасса Макардри и поставил этого благородного рыцаря перед дверью часовни — следить, чтобы его никто не побеспокоил. Там, после того, как его праведный гнев немного утих, и король смог трезво оценить ситуацию — поскольку у него не было сомнений насчет решения суда — он позволил себе поплакать. Несмотря на наказание, которое Конал понесет за свои преступления, кое-что исправить уже нельзя никогда.

Келсон стоял на коленях перед алтарем, закрыв лицо руками. Вдруг он услышал, как открылась дверь за его спиной. Он повернул голову, ожидая увидеть Дугала, который пришел за ним, но это была Росана, закутанна в плащ синего цвета, ее лицо скрывал капюшон. Король неловко поднялся, когда дверь закрылась за нею и она направилась к нему, но не смог ничего прочитать за ее щитами. Она низко поклонилась ему, почти касаясь лбом пола, а затем поднялась, чтобы встретиться с ним взглядом.

Росана плакала. Перед Келсоном была уже не та беззаботная и невинная девушка, которую он помнил с того времени, как уезжал.

— Я бы умоляла вас о милосердии ко мне и моему супругу, мой господин,— прошептала она,— но знаю: вы никогда не простите того, что мы сделали.

— А что сделала *ты*, Росана, чего я не мог бы простить? — спросил Келсон, ласково снимая капюшон у нее с головы.— Ведь ты, конечно, не участвовала в предательстве Конала.

Ее волосы под капюшоном были уложены подобающим замужней женщине образом, а не распущены, как у девушки, и на левой руке, как тяжелый груз, находились золотое обручальное кольцо и кольцо с рубином, подаренные ей Коналом. Они оба знали это и понимали: их отношения никогда не смогут стать такими же, как были.

— Вы добры, сир,— прошептала Росана,— но я знаю о своей вине. Я больше не достойна вас.

— Росана...

— Нет, выслушайте меня, сир. Я потеряла надежду. И теперь я жена Конала, соединенная с ним навсегда, независимо от его положения.

— Его жизнь,— резко сказал Келсон,— скоро закончится. Это судьба всех убийц и предателей. А когда он умрет, я возьму в жену его вдову, если она согласится.

— Она не может согласиться, сир,— прошептала Росана, опуская глаза.— И Церковь не согласится. Мы теперь состоим в кровном родстве: ведь я же вышла замуж за вашего двоюродного брата.

— Можно получить особое разрешение Церкви.

— Ничто не изменит того факта, что я ношу его ребенка.

— Ты беременна?

— Я ношу сына Конала, любовь моя,— с несчастным видом сказала Росана, поднимая на него глаза, на которые наворачивались слезы.— Это меняет дело.

— Нет! Это просто означает, что у *наших* детей будет старший сводный брат, также Халдейн по крови,— ответил Келсон без колебаний.— Росана, я люблю тебя. Не отвергай нашу любовь!

— Мне бы очень хотелось поступить по-другому, сир,— сказала она.— Но принц Конал Халдейн, мой законный муж, является отцом ребенка, которого я ношу, а из-за совершенных им убийства и предательства я больше не достойна быть вашей королевой.

— Нет! Его преступления тебя не касаются!

— По закону, возможно, и нет, сир. Но, на самом деле, стоит только посмотреть, как страдала моя кузина Риченда, оказавшись вдовой предателя, чтобы понять, насколько хуже все окажется для королевы. И для короля этой королевы. Я не могу поступить так с Гвиннедом, мой господин — и я не могу позволить *вам* сделать поступить так с землей, с которой вы обручились, прежде чем стали думать о том, чтобы найти себе королеву. Поэтому не принимайте во внимание наши прошлые отношения. Теперь я никогда не смогу быть вашей, что бы ни случилось.

* * *

Полчаса спустя Келсон отправился в тронный зал; он шел по центральному проходу в сопровождении одного только Дугала. Его приветствовали ревущие толпы. Он преднамеренно не стал переодеваться в цвета Халдейнов, оставаясь в грубой одежде горцев. Она стала как бы символом его с трудом

сдерживаемого гнева, до сих пор кипящего в сердце. Однако он вновь надел Кольцо Огня вместе с Глазом Цыгана и медальоном святого Камбера. Словно королевский скипетр, он нес на сгибе руки не убранный в ножны меч Халдейнов.

Его шаг сбился только один раз, как раз перед тем, как он достиг возвышения. Тогда Келсон увидел, как Росана вместе с Мерауд проскользнула в боковую дверь, чтобы сесть со своей свекровью на скамье рядом с носилками, на которых принесли Нигеля. Великий герцог, за которым ухаживали Дункан и отец Лаел, полусидел, окруженный множеством подушек, его глаза лихорадочно блеснули, когда он попытался подняться при приближении Келсона, но Дункан тут же приказал ему снова лечь. У Дугала на плече висел ягдташ Тирцеля, а на лице застыло суровое выражение. Морган ждал сразу за боковыми дверьми вместе с Коналом, окруженным жителями Сент-Кириелла и полудюжиной рыцарей в полном снаряжении. На верхних галереях расположились лучники Халдейнов, тетива их луков была натянута, стрелы готовы сорваться. Они успеют справиться даже с пленником Дерини до того, как он сможет причинить кому-то вред.

Приветственные крики собравшихся продолжались, пока король не повернулся к подданным лицом. Он стоял, поглаживая рукоятку меча Халдейнов. Крики приветствия долго отдавались эхом от высоких балок зала. Браден и Кардиель стояли за тронном с двух сторон. Поймав взгляд короля, Браден принес самую старую и простую из парадных корон Келсона: золотой обруч шириной в два пальца, украшенный резьбой со вставленными небольшими рубинами. Она лучше всего сочеталась с одеж-

дой горцев. В зале стало тихо, когда король склонил голову, чтобы принять корону из рук архиепископа, прошептал слова благодарности, а затем занял свое место.

— Господа, благодарю вас за такое приветствие,— сказал Келсон, когда наконец установилась такая тишина, словно перед ним лежал спокойный пруд.— Очень хорошо быть дома и еще лучше знать, что верность тебе не поколебалась. Хотелось бы мне сказать то же самое обо всех моих подданных, о том, что все оставались преданы мне в мое отсутствие, но к сожалению это не так, по крайней мере, в одном ужасающем случае. Однако перед тем как перейти к решению этого неприятного вопроса, я с радостью готов сообщить вам приятную новость — мой любимый дядя Нигель, который всегда преданно служил мне и моей семье, снова среди нас и пошел на поправку — хотя и достаточно слаб, слабее, чем нам хотелось бы его видеть,— добавил он, бросая взгляд на Нигеля и останавливая жестом его очередную попытку подняться.— Но через несколько недель, как полагают его лекари, он полностью выздоровеет и вернется к подготовке королевских пажей и оруженосцев, гоня их как следует, чтобы из них получились прекрасные воины и честные люди, а также продолжит выполнять функции одного из моих самых доверенных и ценных советников. Приветствую тебя, дядя, и благодарю за все.

Когда зал опять взорвался радостными и одобрительными криками, Келсон снова бросил взгляд на Нигеля, который неловко опустил голову, смахивая слезы гордости. К нему подошла Мерауд и склонилась рядом. За ним стояли два его сына, Пэйн и Рори, которых утешал Дункан. Им явно было неуютно

и страшно, по крайней мере, они выглядели испуганными и старались, чтобы никто не заметил, как они вглядываются в зал, пытаясь найти глазами старшего брата. А Росана так и сидела на скамье. Казалось, ей хочется сжаться в комок, чтобы стать невидимой. Она не поднимала глаз. Келсон вздохнул, отворачиваясь от этого печального зрелища.

— Еще одна вещь, которую я должен сообщить вам, касается моего верного друга и духовника епископа Дункана Маклайна, герцога Кассанского,— он почувствовал, как Дункан напрягся, но не стал смотреть в его направлении.— Многие из вас уже знают, что отец Дункан — Дерини.— Он поднял руку, призывая к молчанию, когда по залу пробежал шепот, угрожая снова надолго нарушить тишину и не дать королю продолжить. Не все смогли с легкостью принять такое открытое и откровенное признание принадлежности Дункана к Дерини.— Как я также знаю, некоторые из вас высказывали опасения насчет того, не сделает ли раскрытие этого факта невозможным для него оставаться священнослужителем и епископом. Я рад сообщить вам, что только что вернулся с заседания синода в Валорете, и Рамосские Уложения, запрещающие Дерини становиться священнослужителями, находятся в процессе отмены. Вчера, как подтвердит архиепископ Браден, епископы единогласно проголосовали за то, чтобы оставить отца Дункана священником и епископом, простили его и отпустили ему грехи, а также простили все пригрешения, что он мог совершить в прошлом в связи с этим несправедливым положением закона. Как меня заверили, отпущение грехов будет дано любому другому Дерини, который в настоящее время может быть священнослужителем, и таким образом мы по-

кончим с суровой несправедливостью, совершенной в прошлом относительно тех, кто пришел служить Господу, бросая вызов законам человеческим, и чей единственный грех заключался в том, что они родились Дерини.

Келсон сделал глубокий вдох.

— И все это приводит нас к изменению прошлой официальной позиции относительно Дерини. Закон меняется, и простая принадлежность к Дерини отныне не будет считаться преступлением. Отсутствие подобного в прошлом объясняется тем, что большинство людей не осознавало истинных способностей Дерини — и это слабость нашего народа, и простых смертных, и Дерини: мы часто боимся того, чего не понимаем. Поэтому то, что я собираюсь продемонстрировать вам, будет представлено открыто, чтобы вы все знали: и Дерини, и даже члены королевской семьи равным образом несут ответственность перед законом. Кое-что из того, что должно произойти, удивит, поразит и даже испугает вас — но я считаю: пришло время всем узнать правду.

Он повернулся к тому месту, где в конце зала стоял Морган. Рядом с ним находился Конал.

— Аларик, герцог Корвинский, введите обвиняемого.

Собравшиеся одновременно резко вздохнули, когда Морган медленно пошел по центральному проходу вместе с Коналом. Стилет касался горла принца, его руки были связаны, а в серых глазах горел вызов и гнев.

Глава двадцать восьмая

Царь, сидящий на престоле суда, разгоняет очами своими всякое зло¹

Во время суда все случившееся в конце концов выплыло на свет. Когда Коналу показали ягдташ Тирцеля, он сперва стал отрицать свою вину.

— Я не предавал тебя, Келсон,— рыдал он,— но эти несчастья просто... случались сами по себе. Это несправедливо! Почему ты получил все, раз твой отец оказался старше моего? Ты становишься королем, тебе достается вся слава — и власть — и ты, ко всему в придачу, собирался жениться на женщине, которую любил и я. Я видел тебя с ней в саду в последний вечер перед нашим отъездом!

— И ты решил погубить соперника? — спросил Морган, когда Росана закрыла лицо руками и молча плакала, а Келсон крепко сжал зубы.

— Нет! — ответил Конал.— Я ревновал — это я признаю — но я никогда не сделал бы ничего дурного Келсону. Он был моим королем.

— Тем не менее, ты добавил мерашу во флягу Дугала, зная, что Келсон также может из нее хлебнуть,—

¹ Притчи 20:8

вставил Дункан.— Несомненно, ты понимал, какие могут быть последствия.

— Я ничего не знаю о мераше,— настаивал Конал, хотя ни у кого из присутствующих Дерини не было сомнений, что он лжет.— Я... завидовал Дугалу, но я никогда бы не попытался убить и его.

— Но ты очень быстро воспользовался ситуацией, поверив в смерть Келсона и Дугала,— сказал архиепископ Браден.

Конал с вызовом поднял голову.

— Казалось, судьба убрала с дороги обоих моих соперников, а мне даже не потребовалось ударить пальцем о палец,— надменно сказал он.— Тем временем я чувствовал ответственность за продолжение королевского рода. *Все* считали, что Келсон мертв — включая Аларика и Дункана! И это означало: мой отец становится королем — а я его наследник. Мне следовало тут же найти себе подходящую невесту и обеспечить наследование престола, чего не удалось сделать моему кузену. Что бы еще я ни сделал ошибочно, но, по крайней мере, свой династический долг я выполнил: моя жена уже носит ребенка. Это не преступление.

В данном случае Конал, к сожалению, был прав, хотя многие и сожалели о случившемся, когда было уже слишком поздно. Придворных в шоке повернулись к Росане, но ее лицо оставалось скрытым в ладонях. Она одиноко сидела на скамье недалеко от носилок Нигеля.

— А как насчет смерти Тирцеля? — спросил Дункан.— Ты хочешь сказать, это тоже не преступление?

— Это был несчастный случай,— ответил Конал.— Мы поругались. Мы оба сказали вещи, которых не следовало говорить. Это привело к драке, и он... сва-

лился спиной вперед и ударился головой. Я не соби-
рался убивать его, но боялся, что меня обвинят в его
смерти.

— И ты чувствовал себя виноватым, потому что
втайне встречался с Тирцелем,— холодно добавил
Морган.— А встречаясь с ним тайно, ты, на самом
деле, совершал вместе с ним преступление — поско-
льку вы хотели узурпировать магию Халдейнов, кото-
рая всегда доставалась старшему в роду. В конце
концов, ты планировал оспорить права короля на
престол. Именно поэтому, когда мы с Дунканом пы-
тались передать тебе магическое наследие Халдейнов
— после того, как ты чуть не убил своего отца неза-
конно полученной силой — у нас обоих сложилось
впечатление: что-то не так. Мы не могли на самом
деле передать тебе могущество, поскольку ты уже
овладел им, бросив вызов закону!

— Нет! Это было совсем не так!

— Тогда как это было, кузен? — потребовал ответа
Келсон.— Мы знаем, что Тирцель всегда считал: сила
Халдейнов может принадлежать более, чем одному
Халдейну за раз. И вы вдвоем решили это доказать,
не так ли? И теперь мы точно знаем, почему это ра-
ньше всегда запрещалось.

Допрос длился несколько часов. Где-то в середине
прибыла радостная, немного испуганная Джехана,
сопровождаемая отцом Амбросом. Их перехватил
Дункан и велел отцу Амбросу отвести королеву на
одну из верхних галерей прежде, чем она смогла пре-
рвать процедуру, поскольку Келсону не следовало на
нее отвлекаться в такое время. Келсон заметил, как
появилась мать, но это не поколебало его намере-
ний. Вздыхнув, он медленно кивнул, когда Конал на-

конец закончил свою последнюю попытку оправдаться.

— Продолжать бессмысленно,— тихо сказал король.— Сам твой отказ позволить нам выяснить, говоришь ты правду или лжешь, приговаривает тебя. Что *ты* сделал бы на моем месте, Конал? Как бы ты сам разрешил эту сложную ситуацию?

Конал, сидевший на стуле с прямой спинкой, устало поднял связанные руки, как бы демонстрируя этим жестом полную безвыходность своего положения. Морган и Джасс Макардри стояли по обеим его сторонам.

— Что еще можно сделать, кроме как убить меня, кузен? — горько спросил он.— Ты уже давно лишил меня возможности получить положенное мне по праву рождения. И независимо от того, что я скажу, ты все равно приговоришь меня.

Келсон неуютно поерзал на троне, зная, что это правда. Но прежде чем он успел открыть рот, чтобы что-то сказать, Конал внезапно в отчаянии прыгнул влево и перекинул связанные запястья через голову Джасса, заваливаясь на пол таким образом, чтобы тело Джасса предохранило его от ударов и стрел. Он перевернул стул, совершая бросок, но до того, как стул упал, Конал ловко отшвырнул его в сторону Моргана. В результате Морган рухнул на пол вместе со стулом. Одновременно Конал создал горящую ауру белого света вокруг себя и Джасса, тут же заставившую Моргана отскочить подальше.

— Отзови лучников, или я убью его! — закричал Конал, неистово вертя головой из стороны в сторону, чтобы видеть всех. Джасс пытался сопротивляться.— Я не хочу его убивать, но если уж мне все равно умирать, мне нечего терять. Морган, отойди! Ты зна-

ешь, что я могу сделать. И если меня коснется хоть одна стрела, я убью Джасса до того, как умру сам. Я могу это сделать!

Келсон вскочил на ноги, когда началась борьба, и Дугал уже пробежал до середины возвышения. Все придворные инстинктивно шарахнулись назад, пока лучники целились, а люди Макардри выхватили оружие, но король жестом показал: следует прекратить любое вмешательство, по крайней мере, сейчас.

— Конал, не будь глупцом! — сказал Келсон. — Не добавляй преднамеренное убийство к списку своих преступлений. Что тебе сделал Джасс?

Конал только улыбнулся и прошептал что-то на ухо Джассу. Глаза принца горели, в них был вызов. Молодой рыцарь прекратил сопротивление, его руки безвольно обвисли по бокам, а глаза закрылись. Энергетическое поле, не позволявшее Моргану подойти поближе, исказило ощущение того, что именно делал Конал, но недостаточно. Всем Дерини стало ясно: он уже взял под контроль разум Джасса — поскольку руки юноши медленно поднялись и начали развязывать запястья Конала.

— Ну, почему ты не пошлешь своих людей разрубить меня на части, Келсон? — издевался Конал, победно поглядывая вверх на колеблющихся лучников, пока Джасс развязывал узлы. — Убей меня, как ты прошлым летом убил Сикарда Макардри. Но не думаю, что ты станешь рисковать жизнью Джасса, если вместо этого сможешь заключить сделку.

— Я не заключаю сделок с предателями, Конал, — холодно сказал Келсон, поднимая руку, чтобы удерживать лучников на галереях от поспешных действий. — Но хотя бы для того, чтобы развлечь меня, может,

скажешь, чего ты хочешь? Ты, конечно, не думаешь спокойно уйти отсюда после всего, что ты натворил?

Запястья Конала наконец были развязаны. Он отвел правую руку назад и намотал на кулак косицу Джасса, держа голову молодого рыцаря близко к своей собственной, в то время как другой рукой сжимал шею юноши.

— Я хочу, чтобы ты сразился со мной, один на один, в настоящем Магическом Поединке,— тихо сказал Конал, в его глазах появилось дикое и одновременно хитрое выражение.— Я хочу, чтобы ты сразился со мной так, как сражался с Кариссой во время коронации — но только в этом случае исход будет немного другим. Ведь за мной стоят знания Тирцеля Кларонского, усиливающие магию Халдейнов, которой обладаем мы оба.

В заполненном зале поднялся шепот. Люди были возмущены и не одобряли происходящее, в особенности Дерини, но Келсон только сжал зубы, с трудом сдерживая гнев.

— Ты, в самом деле, думаешь, что это что-то решит? Даже если ты и выиграешь, Конал, тебя никто не признает. Если ты убьешь меня, ты не выйдешь из этого зала живым, несмотря на то, сколько невинных людей тебе придется убить по пути.

— Значит, они заплатят высокую цену за мою жизнь,— ответил Конал.— И я умру в битве — а не от руки палача.

— А ты так уверен, что должен умереть?

Конал хмыкнул.

— Ты принимаешь меня за идиота? Ты не можешь оставить меня в живых, зная, что я могу сделать. Если ты не убьешь меня, тебе придется постоянно использовать своих лучших Дерини, чтобы

охраняли меня день и ночь до конца моей жизни — ведь попробовав вкус того, что на самом деле означает быть Халдейном, я теперь не успокоюсь, пока корона не будет моей.

И хотя ему хотелось бы, чтобы все сложилось каким-то другим образом, Келсон знал — это правда: на этот раз Конал позволил ему проникнуть в свое сознание. И это понимал и Нигель, теперь принявший сидячее положение, опираясь на плечо Дункана, который также защищал его своими щитами. Нигель понял это не с помощью способностей Халдейнов, а благодаря простой человеческой интуиции. И он знал своего сына. Его глаза потемнели от праведного гнева.

— Мне стыдно за честь моей семьи, сир,— сказал он, когда Келсон просмотрел в его направлении.— Конал — мой сын, и я люблю его, но он опозорил меня. Если даже отбросить то, что он сотворил с собственным отцом, он пытался узурпировать трон и убить короля. За это я не могу простить его. Он предатель. Он должен умереть.

Мерауд также не могла просить за сына и выступать в его защиту, поскольку ей это не позволяла честь. Хотя она ничего не выразила словами, она на показ отвернулась от Конала, когда Келсон перевел взгляд на нее.

— Госпожа? — тихо сказал Келсон, с неохотой обращая внимание на Росану.

Она отказывалась встретиться с ним взглядом.

— Не просите меня говорить за или против моего мужа, сир,— прошептала она.— И мое будущее не должно влиять на ваше решение. Я никогда больше не выйду замуж. Никогда! Поэтому делайте то, что,

как вы знаете, вы должны сделать. Делайте то, к чему вы были рождены и к чему вас готовили.

Вздыхнув, Келсон снова повернулся к Коналу, на лице которого во время речи Росаны вначале появилась надежда, а потом легкая грусть. Но когда он опять посмотрел на короля, его выражение вновь сделалось вызывающим, а рука сжалась на горле Джасса.

— Она ведь все сказала, не так ли? — спросил он. — Делай то, что должен. А я сделаю то, что должен я.

— Хорошо, — устало сказал Келсон. — Значит, состоится Поединок. А теперь отпусти Джасса.

— А откуда я могу знать, что ты не отдашь приказ лучникам расстрелять меня до того, как мы сможем встретиться в схватке? — возразил Конал, когда Джахана медленно встала, внезапно поняв, что должно произойти. — Вспомни, мне доводилось раньше пользоваться лучниками, кузен. Я знаю, на что они способны.

Келсон насмешливо хмыкнул. Встретившись с ним взглядом, Джахана тут же села обратно.

— Я дам тебе слово.

— В самом деле? — ответил Конал. — Покаянешься своей честью на мече Халдейнов?

Келсон покраснел: Конал оценил его правильно — Келсон Халдейн не сможет нарушить данную таким образом клятву.

— Я клянусь своей честью на мече Халдейнов. Я честно встречусь с тобой в схватке, в соответствии с древними традициями, установленным для Магических Поединков, но при двух условиях. Первое: если в любое время до или во время схватки ты нарушишь правила, все клятвы отменяются, и я буду сво-

боден сделать с тобой то, что посчитаю нужным, и таким образом, как посчитаю нужным.

— Разумное условие, но я не собираюсь нарушать традиции — согласился Конал. — А второе?

— Необязательно проводить Поединок до смерти одного из участников, а только до тех пор, пока один из нас не одержит явную победу над другим. Скорее всего, это буду я.

— Несколько самоуверенное предположение, кузен, — заметил Конал. — Или ты боишься умереть в кругу?

Келсон только грустно покачал головой.

— Я не собираюсь сегодня *нигде* умирать, Конал. Но я намерен не позволить тебе достойно умереть в битве, поскольку ты должен быть казнен так, как следует казнить предателей.

Ответ явно разозлил Конала, но он понял: никаких других условий не последует.

— Хорошо. В любом случае это спорный вопрос, раз я тоже не собираюсь умирать. Но я клянусь *моей* честью — что бы ты о ней ни думал. Я также буду следовать традициям Магического Поединка и двум поставленным тобою условиям. Значит, этот вопрос решен, — добавил он, отталкивая покорного Джасса, и встал.

Лучники переминались с ноги на ногу, некоторые из них стали вновь поднимать луки, но их остановил жест Келсона.

— Пусть никто не вмешивается, — сказал он, быстро поднимаясь, чтобы отдать меч Дугалу.

Корону он передал на хранение Нигелю, тем самым демонстрируя, что Нигель все еще остается наследником, даже если Коналу и удастся одержать победу. Когда Келсон сошел с возвышения, Морган

помогал плохо соображающему Джассу сесть на ступеньку. Король остановился выразить сочувствие и одобряюще положил руку на плечо молодого рыцаря.

— С тобой все в порядке, Джасс?

— Да, сир. Я пытался не позволить ему так меня использовать, но ничего не мог поделать.

— Это не твоя вина,— тихо ответил Келсон.— Не беспокойся по этому поводу. Аларик, должен ли я волноваться из-за Джасса? Конал не подготовил никаких неприятных сюрпризов?

Морган покачал головой с поджатыми губами.

— Это было просто установление контроля через контакт. Никаких последствий и остаточных явлений. Но будь осторожен. С его потенциалом Конал может быть таким же могущественным, как и ты. И невозможно предсказать, какую дополнительную информацию и способности он получил от Тирцеля.

— Ну, у него все равно нет крови Дерини,— ответил Келсон, поднимая глаза на Джехану и стараясь успокоить ее улыбкой.— Может, это сыграет роль.

— Это, или опыт,— согласился Морган.— К счастью, он лишь недавно получил знания от Тирцеля. Это минус для него, независимо от того, насколько хорош был его наставник. Удачи, мой господин.

Келсон кивнул, выпрямляясь. Конал стоял в одиночестве в центре зала, его руки были скрещены на груди, лицо выражало самодовольство, правда, в глазах поблескивало легкое беспокойство, но оно заглушалось предвкушением схватки. Кто-то отодвинул стул в сторону. Когда их глаза встретились, Келсон спустился с возвышения. Собравшиеся в зале придворные тут же стали отступать назад, освобождая побольше места в центре зала, поскольку многие

присутствовали на дуэли Келсона с Кариссой, и знали: вскоре в воздухе полетят молнии, которыми станут обмениваться поединщики.

— Ты уверен, что желаешь этого? — тихо спросил Келсон.

На мгновение Конал показался неуверенным, но затем надменно кивнул.

— Ты не оставил мне выбора,— прошептал он.— Я загнан в угол. Независимо от того, что я сделаю, я умру. Но если я утяну и тебя с собой, то это уже что-то, не так ли? Я только хотел получить принадлежащее мне по праву, Келсон, но ты был королем и не собирался ничего мне отдавать.

Келсон презрительно хмыкнул.

— По праву? Когда, интересно, ты показывал себя достойным и заслуживающим получить что-то сверх того, на что в самом деле имел право? Ты мог бы пойти по стопам отца, Конал. Разве это была бы такая ужасная судьба?

— Мой отец может быть великим воином, но у него нет честолюбия,— ответил Конал.— Он был доволен всегда оставаться на втором месте, а я не могу. Это не в моей природе.

— Значит, в твоей природе заложено желание опозориться? — возразил Келсон.— Поскольку это — единственное, на что ты можешь рассчитывать сегодня.

— Один из нас будет опозорен, но я не намерен быть им!

— Это бессмысленный спор,— вполголоса ответил Келсон.— Устанавливай круг.

— Я? — пробормотал Конал.

— Да, ты. Ты все это затеял. Поэтому можешь начинать свою последнюю игру. Или не знаешь, как это делается?

Укол возымел желаемый результат. Конал с обиженным видом отступил назад на три шага, поднял руки над головой, потом развел их в стороны, тихо шепча себе под нос слова нужного заговора. Полу-круг малинового огня взметнулся вверх из пола за его спиной и вокруг него. Наблюдающие за процессом придворные тут же отбежали еще дальше и прижались спиной к южной стене зала. Стоявшие за спиной Келсона тоже отошли назад, к нишам с окнами на северной стороне.

Келсон проверил барьер, установленный Коналом, удовлетворившись, что никому не грозит смерть в попытке его снять. Затем он сам поднял руки и торжественно развел их в стороны, рисуя в воздухе ровную дугу. За его спиной тоже вспыхнул малиновый огонь, подобный огню Конала, и они оба оказались закрыт в магическом круге.

— Снова твоя очередь,— сказал Келсон, опуская руки.

Легкость тона короля, предполагающая тривиальность всего, что может попытаться сделать Конал, разозлила принца, но Конал снова поднял руки до уровня плеч.

— Если ты ожидаешь чего-то банального, то зря,— сказал Конал.— Мой наставник имел свой взгляд на подобные вещи. Я подтверждаю: круг будет сдерживать все силы, которые мы поднимем в этих границах, чтобы никто за его пределами не пострадал. Он не будет разорван, пока один из нас не одержит над другим чистую победу. Ты точно так же понимаешь условия?

— Да,— согласился Келсон, снова поднимая руки. И получив кивок от Конала, стал изливать энергию, чтобы замкнуть круг. Конал делал то же самое, смут-

но осознавая, как огонь двух дуг, нарисованных ими, поднимается, создавая купол у них над головами. Когда они закончили, сложилось впечатление, что они оказались под куполом из розоватого, слегка опалесцирующего стекла.

Практически сразу же после того, как купол оказался на месте, Келсон перешел к атаке, даже не удосужившись выглянуть наружу, за пределы купола. При сложившихся обстоятельствах он не хотел тратить время на театральные эффекты. Поэтому внешне было совершенно незаметно, как он собирает силу. Как тот, кому бросили вызов, он не намеревался отказываться от права первого удара просто потому, что Конал был одной с ним крови. Атака началась до того, как Конал понял, что схватка уже идет.

Конал слегка пошатнулся после первого удара, однако его щиты устояли, и он ответил серией традиционных разведывательных ударов, которые Келсону и раньше приходилось отражать. Король снова это сделал с легкостью, и в ответ отправил ожидаемые от него пробные удары — на которые Конал ответил так же легко, как король отвечал на его собственные.

Последовавшее за этим стало более серьезной битвой разумов и силы. Какое-то время Келсон решил просто твердо держаться и позволить Коналу выплеснуть первые излишки энергии на непродуктивные атаки. Конал принял вызов, подпитывая свои атаки все возрастающим количеством живых визуальных образов — вначале кошмарные видения из его собственных худших снов, затем — безжалостная последовательность образов из прошлого Келсона. Это были люди и события, которые или угрожали Келсону, или приносили ему сильную боль: фа-

натичный и слегка безумный архиепископ Лорис, мучивший Дункана; обреченный Сикард Макардри, дядя Дугала и предатель, на которого Конал ссылался раньше, беспомощно падающий со стрелой в глазу, застреленный самим Келсоном в кругу рыцарей и стрелков, неспособный убежать; старший сын Сикарда принц Ител Меарский, повешенный по приказу Келсона, не исповедовавшийся, не получивший отпущения грехов и не раскаявшийся; еще один меарский принц, священнослужитель и епископ по имени Джедаил, кланяющийся палачу; принц Ллевелл из Меары, младший брат Итела, обвиняющий Келсона в смерти Сиданы как раз перед тем, как палач отрубил ему голову и, наконец, сама Сидана, захлебнувшаяся кровью на руках у Келсона, и осквернение кровью священного алтаря, перед которым они только что произнесли свои брачные обеты.

Последнее больше всего потрясло Келсона, но только пока Конал не показал яркие образы брачной ночи с Росаной, которые разбудили в памяти Келсона его собственный эротический сон о ней во время испытания в пещере.

Из памяти всплыл другой образ, с которым он встретился у святыни — призрак одетого в серое покровителя того места, могущественного, стоявшего у края его круга и просящего войти, и то, как Келсон впустил его внутрь. И теперь он обратился к святому Камберу, вызывая *его* образ настолько точно в деталях, насколько помнил — серебристые глаза, в которых человек мог утонуть, так похожие на глаза Халдейнов; круглое доброе лицо, обрамленное седыми волосами; нежные, но сильные руки, протягивающие пальцы к его голове — и к голове Конала.

Внезапно Конал тоже увидел этот образ, и в удивлении отступил назад, испуганно поднимая руки, стараясь оборониться, когда фигура святого не отступила, а наоборот продолжала приближаться. Келсон стоял, не двигаясь, уставившись на призрак, едва позволяя себе дышать, неуверенный, его ли воле повинуется этот образ — ибо как Камберу удалось войти в круг было выше его понимания. В последний раз, когда к нему являлся Камбер, Келсону ведь пришлось отворить врата...

Но появившуюся сущность, независимо от того, был ли это сам Камбер или просто галлюцинация, созданная воображением Келсона, не остановил заговоренный круг. Она надвигалась на Конала, принц продолжал отступать, пока наконец его плечи не прижались к изгибу круга, барьером окружающего место схватки. А призрак все равно продолжал наступать.

Конал закричал, когда руки призрака схватили его голову, и это был крик чистого ужаса, резко отдавшийся в туманных границах купола. Но призрак не исчез, когда Конал наконец закричал в последний раз и без сил рухнул на пол, хватаясь за виски — то ли мертвый, то ли лишившийся сознания. Призрак на несколько секунд склонился над лежащим без движения принцем, затем легко поднялся и повернулся к Келсону.

«Приветствую тебя, Келсон Гвиннедский. Теперь ты должен стать настоящим королем для простых людей и для Дерини», — мысленно передал он Келсону, эхом повторяя слова, которые другое подобное существо — или возможно, то же самое — сказало Келсону во время коронации.

Пораженный, король опустился на одно колено и склонил голову, почтительно крестясь.

«Ты тот, кто я думаю?» — осмелился он спросить.

Фигура приблизилась, пока Келсон склонял голову, и король сделал резкий вдох, когда она остановилась на расстоянии вытянутой руки.

«А как ты думаешь, кто я?» — спросила сущность.

У Келсона пересохло в горле, и он смог только сглотнуть, порадовавшись, что ему не требуется говорить вслух.

«Я думаю, ты — святой Камбер Кулдский, которого я искал во время путешествия. Ты... пришел мне на помощь.»

«В самом деле? — ответила сущность. — Может, я — просто удобный образ для той более лучшей части души, которая есть в тебе и во всех, взыскующих Света; образ, который можно призвать, когда тьма наступает?»

Келсон моргнул. Это должен был быть святой Камбер. Только святой-Дерини мог говорить так уклончиво и тем не менее изрекать такую истину.

«Это не имеет значения, — прошептал он. — Я все равно намерен восстановить культ святого Камбера. Я обещал это, там, в Сент-Кириелле, и я сделаю это. Я построю для тебя святыню, подобную которой никто никогда не видел во всех одиннадцати королевствах!»

Смешок святого определенно должен был прозвучать вслух, но в ушах Келсона все еще звенела тишина.

«Дорогой мой юный защитник Света, неужели ты в самом деле думаешь, что для меня нужно строить здания и так хранить мою память? Памятник мне — в сердце каждого мужчины и каждой женщи-

ны, кто во все века был готов пожертвовать собою во имя Света и Истины.»

«Я не собираюсь тебе противоречить,— ответил Келсон,— но памятник много значит для людей. Им требуется место, где можно сосредоточиться. Ты... не возражаешь, если я построю молельни?»

Смех призрака прозвучал подобно маленьким серебряным колокольчикам в пределах купола, и он покачал головой.

«Это человеческая слабость — и слабость Дерини,— сказал он.— Ты можешь строить свои святыни, если это даст удовлетворение тебе и им. Но храни то, за что я боролся: это гораздо важнее.»

«Да, господин,— покорно ответил Келсон.— Э-э, есть ли у тебя какие-нибудь советы насчет Конала? Что мне с ним делать?»

Лицо призрака стало задумчивым, даже немного мечтательным.

«Ты должен сделать то, что должен, Келсон Халдейн. Долг короля — казнить и миловать в соответствии с обстоятельствами. Только ты можешь решать.»

«Но ты не можешь дать мне никакой подсказки?» — настаивал Келсон.

«Ты должен слушать свой внутренний голос. После молитвы и медитации ты будешь знать, что делать.»

Но когда Келсон собирался еще спросить о чем-то, фигура приблизилась и протянула руки к голове Келсона.

«А теперь иди с миром, сын мой,— раздался у него в сознании голос, когда руки легко коснулись его волос.— Силы и процветания тебе, король Гвиннеда.»

Коснувшись волос короля, фигура исчезла — быстрее, чем Келсон успел моргнуть глазом, а купол

уже распадался на тысячи нитей, издающих легкий музыкальный звон. Купол опал до барьера-круга, а затем круг тоже растворился на каменном полу под музыку, звучащую в душах. Несколько секунд никто не двигался, только сотни людей переводили взгляды с Келсона на Конала и обратно. Но когда Келсон наконец вздохнул и встал, чуть покачиваясь, шепот вновь возрождающейся жизни пронесся по залу, как очищающий ветерок. Дугал опустился на колени рядом с Коналом и достал пузырек из синего стекла из ягдташа Тирцеля.

— Что это? — прошептал Келсон, прикладывая руку к шее Конала, чтобы попытаться найти пульс, одновременно рассматривая пузырек.

— Мераша, чтобы нам не беспокоиться зря, пока ты его не казнишь.

Лицо Келсона исказила гримаса: он отчетливо помнил два своих собственных опыта с нею, но знал — это самый разумный путь.

— Ты так уверен, что я казню его? — спросил он.

— У тебя нет выбора,— сказал Морган, склоняясь рядом с ним и приподнимая голову Конала, когда Дугал вынул затычку из пузырька. Откуда-то появился Арилан и встал рядом, скрестив на груди руки.— Даже если бы он смирился, в чем я очень сомневаюсь, ты не можешь оставить его в живых, как не мог пощадить и Джедаила Меарского. Романтические мечты о спасении сбившегося с пути принца от бесчестия и смерти привлекательны, но никогда не сбываются в реальной жизни.

Подавленно склонив голову, Келсон вздохнул.

— Не знаю, понимаете ли вы, насколько я устал покупать жизнь ценою смерти других,— сказал он очень тихо.

Дункан тоже подошел посмотреть на лежащего без сознания Конала. Услышав слова Келсона, он сел на корточки и помог Моргану открыть рот Коналу, чтобы Дугал влил в него мерашу.

— Это очень старое противоречие, которое мы теперь не сможем разрешить, так же, как не могли в прошлом, Келсон. Это несчастливая, но необходимая часть королевской ноши. Кстати, а с кем ты разговаривал перед тем, как снять круг?

Келсон моргнул.

— Вы его не видели?

— Кого? — спросил Дугал, бросая пустой пузырек назад в ягдташ.

— Свя... неважно, — тихо сказал Келсон, когда Конал пошевелился и застонал, а Морган достал веревку, чтобы связать руки пленника за спиной. — Уведите его. Я расскажу вам позже.

Эпилог

**Жизнь и милость даровал мне,
и попечение Твое
хранило дух мой¹**

Два месяца спустя король Гвиннеда и его названный брат, теперь — герцог Кассанский и граф Кирнийский и Траншайский, молча ехали вдоль берега моря, у самой кромки воды, недалеко от столицы Моргана — Корота. Наступила середина лета, с бескрайнего южного моря дул легкий бриз, день стоял солнечный и теплый. Оба молодых человека были в домотканой одежде с короткими рукавами, что являлось приятным контрастом с шелком и парчой, в которые они облачались с утра. Но утром состоялась официальная церемония: король прибыл в Корот со своими придворными, чтобы отпраздновать рождение первого сына и наследника Моргана, а Дункан уже окрестил его, дав имя Келрик Алайн Морган.

— Крошка Келрик — симпатичный малыш, правда? — мечтательно спросил Дугал. — Такие светлые волосики... Интересно, у него будут голубые или серые глаза?

¹ Иов 10:12

Келсон пожал плечами, стараясь не думать о другом ребенке благородного происхождения, пока еще не родившемся, чьи волосы, наверняка, будут столь же темными, насколько волосы сына Моргана были светлыми, потому что его зачали темноволосые родители. Король также подумал еще об одном ребенке, который родится еще раньше, причем окажется незнатного происхождения. И оба они придут в этот мир, не имея отца. Келсону особенно не хотелось думать об этом отце.

Конал умер не лучше, чем жил. Он рыдал от страха, когда копьеносцы Халдейна с каменными выражениями лиц вели его на плаху прекрасным майским утром. Смерть Конала не была такой быстрой, как пожелал бы Келсон. Несчастный палач допустил ошибку во время первого удара, нервничая из-за того, что приходится отрубать голову принцу королевской крови. Его еще больше отвлекло резкое движение Конала перед тем, как топор упал. Потребовалось сделать два дополнительных удара, чтобы закончить неприятную процедуру — хотя Конал уже ничего не чувствовал после первого. Келсона же сильно рвало после того, как он скрылся от людских глаз. Чувствовал он тогда себя отвратительно.

— Ты прекратишь переживать? — тихо спросил Дугал, врываясь в грустные мысли Келсона. — Что на этот раз? Росана? Конал?

Келсон громко вздохнул, покачав головой.

— Конал — и его сын — и сын Росаны, — признался он. — Боже, Дугал, почему он это сделал? Он был моим кузеном. Я был готов столько ему дать, если бы только он пожелал это заслужить.

— Келсон, он *заслужил* именно то, что получил, — ответил Дугал. — Можно говорить, что он стал жерт-

вой странной цепи событий, если тебе от этого станет легче, но Конал сам выбрал свой путь. Независимо от того, каковы были его истинные намерения, когда он заливал мерашу мне во флягу — и мы никогда не узнаем, на самом ли деле он потом испугался и предупредил бы нас, чтобы мы из нее не пили — он получил мерашу, убив человека, а затем сбежав от ответственности. Он встречался с Тирцелем с единственной целью — обрести силу Халдейнов, чтобы когда-нибудь бросить тебе вызов, что он, в конце концов, и сделал. И он пытался убить своего собственного отца. Всему этому нет оправдания.

— Ты прав, оправдания нет,— согласился Келсон.— Но я все равно имею сокрушаться и оплакивать потерю человека, который, возможно, еще способен был встать на путь исправления, не так ли?

— Конечно,— Дугал раздраженно склонился вперед, чтобы потрепать коня за гриву.— Я просто не хочу, чтобы ты винил себя за то, что Конал стал таким — поскольку твоей вины тут нет. И мне плевать, что ты король и мой брат, но если ты еще раз позволишь себе так думать, я тебе хорошенько врежу.

Келсон виновато кивнул.

— И я это заслужил,— сказал он.— Мне все еще тяжело. Теперь, после того, как Дункан передал тебе свои обязанности герцога, тебе будет понятнее, насколько все это трудно. У тебя появятся свои головные боли. Теперь ответственности у тебя лишь немногим меньше, чем у короля, в особенности, раз ты — Дерини.

— Я постараюсь не забыть об этом,— сухо ответил Дугал.— Слава Богу, отец по крайней мере оставил мне немало преданных помощников. И у большинства наследников нет живого предшественника, к ко-

тому они могли бы обратиться за помощью, как есть у меня. Я рад, что мне не потребовалось терять отца, чтобы получить герцогство.

— Не ты один,— ответил Келсон.— Именно я убедил его отречься в твою пользу. Это был единственный способ оставить его в Ремуте. Когда-нибудь, не сомневаюсь, он станет архиепископом, а пока он еще может на время оставаться в столице как мой помощник, а также духовник и советник. Мне требуется, чтобы рядом был, по крайней мере, *один* Дерини, которому я могу доверять.

— Ну, ты же знаешь, что я буду рядом столько, сколько могу.

— Да, знаю.

С притворной беззаботностью Келсон управлял лошадью. В этот прекрасный летний день он был без перчаток и держал красные кожаные поводья в голых руках.

— Росана хорошо выглядела? — спросил он, изображая веселость.— Я рад, что она решила пожить с Морганом и Ричендой, пока не родится ребенок.

— Да, она выглядела... сияющей,— тихо сказал Дугал.— О, Келсон, как бы мне хотелось...

— Я знаю,— вставил Келсон, вспоминая единственный разговор с Росаной с тех пор, как он прибыл в Корот несколько дней назад, отказываясь вспоминать несколько других, состоявшихся, пока она все еще находилась в Ремуте.— На самом деле, она очень хорошо все переносит. Кажется, никто не ставит ей в вину преступления Конала. Думаю, ей помогло то, что она находится здесь с Ричендой — да и положение Риченды также улучшилось. Теперь, после того, как она родила Моргану наследника, его люди, кажется, наконец приняли ее.

— Словно бы какая-то из этих двух несчастных женщин имела хоть какое-то отношение к предательству их мужей! — воскликнул Дугал, возмущенно фыркая.— Прости, я не хотел снова к этому возвращаться.

— Это не имеет значения,— вздохнул Келсон и привстал в стременах, потягиваясь.— Боже, у меня затекла спина! Я собираюсь немного пройтись пешком.

— Я составляю тебе компанию,— сказал Дугал, также прыгивая на песок.

Несколько минут они шли молча, лошади следовали позади. Наконец Дугал снова посмотрел на Келсона.

— Послушай, ты не должен говорить об этом, если не хочешь. Но Росана хотя бы намекнула тебе, что она планирует делать после рождения ребенка?

— О, да. Конечно, это не то, что я бы предпочел, но она собирается вернуться в религию,— тихо ответил Келсон, играя красными кожаными поводьями.— Наверное, в этом есть и светлая сторона. Она связывалась со Слугами святого Камбера, и они хотят, чтобы она приехала к ним и помогла восстановить Орден в том виде, в каком он существовал во времена Камбера, а также основать женский Орден, в котором бы изучалось наследие Дерини. Она очень возбуждена по этому поводу. И это определенно будет полезно для нас.

— А ребенок? — спросил Дугал.

Келсон поморщился.

— Его будут готовить к посвящению в сан. Нигель старается подойти ко всему этому по справедливости, но он твердо заявил, что не желает проводить наследование через Конала. Поэтому следующим

герцогом будет Рори — а не наследник старшего сына. Однако у мальчика все равно останется титул принца Халдейна. Я настоял на этом. Уж он-то точно никоим образом не повинен в случившемся.

Дугал кивнул.

— Может, он когда-нибудь станет князем Церкви. Вот уж что разъярило бы Конала, если бы он узнал!

Вздыхнув, Келсон покачал головой.

— Мне абсолютно все равно, разъярило бы это его или нет. Он уплатил свой долг, пусть теперь покоится в мире.

Ни один из них не произносил ни слова несколько минут. Они шли по влажному песку, время от времени останавливаясь, чтобы перевернуть носками сапог раковину или еще что-то, выброшенное морем. Первым тишину нарушил Дугал, когда они приблизились к гряде скал, частично уходящей в море.

— Ты, правда, думаешь, что в круге с тобой был святой Камбер, когда ты сражался с Коналом? — спросил он.

— Не знаю. Меня беспокоит, что его не видел никто из вас. И ведь мы провалили наше путешествие, хотя и нашли Слуг. Я так хотел отыскать хоть какую-нибудь настоящую реликвию. Восстановительные работы в святыне в Валорете идут прекрасно, а новая боковая часовня замка будет завершена к Рождеству. Но тот, кто был со мной в круге, кажется, не считал особо важным строительство святынь в честь Камбера.

— Ну, священники в Транше всегда учили меня, что Бог — в сердце, а не в здании, построенном человеческими руками, так что, может, то же самое относится и к святым, — ответил Дугал. — О, конечно, пре-

красно иметь определенное место поклонения, но ведь, на самом деле, речь идет о духе.

— Да, но Камбер когда-то был человеком,— упрямо сказал Келсон.— И я не убежден, что он был во плоти вознесен на небеса, несмотря на то, что так говорится в отчетах, где приводятся доказательства для канонизации. Мы ведь знаем, что от некоторых физических предметов что-то осталось — как, например, перстень Дункана.

— Ну, может, тебе удастся уговорить его пожертвовать перстень, как реликвию,— заметил Дугал.— Маловероятно, конечно, зная о его связи с нашим новым святым, но...

Внезапно Дугал замолчал, остановившись так резко, что Келсон споткнулся. Впереди, на ближайшей к воде скале, неподвижно сидел человек в серой рясе с капюшоном, опираясь на деревянный посох.

— Ты видишь то, что вижу я? — выдохнул Дугал, хотя Келсон уже уставился на человека, и его лицо побелело и застыло.

Не говоря ни слова, Келсон взял Дугала за руку, бросив поводья. Их ноги оставляли глубокие четкие отпечатки во влажном песке. Человек не шевелился и не поднимал головы, пока они не подошли достаточно близко, остановившись в нескольких ярдах от него. Когда он наконец поднял голову, на его лицо падала тень от капюшона. Его ноги, как заметил Келсон, были босы.

— Я могу вам чем-нибудь помочь? — спросил человек. Его голос оказался низким и приятным, а его руки на посохе — гладкими и без мозолей.

— Кто вы? — выдохнул Келсон.— Мы встречались раньше?

Человек пожал плечами под серой рясой — многозначительный жест, не подтверждающий и не отрицающий — но это движение позволило увидеть его рот.

— Многие люди спрашивают меня об этом, сын мой,— ответил приятный голос.— Но мое имя не имеет значения.

— Некто, очень похожий на вас, сказал то же самое моему другу несколько лет назад, на дороге неподалеку отсюда. Вы знаете отца Дункана Маклайна?

Человек снова пожал плечами.

— Я знаю многих священнослужителей, сын мой.

— А вы знаете о святом Камбере? — осмелился спросить Келсон.— Вы можете нам что-нибудь о нем рассказать?

— А, значит, вы ищете великого Защитника?

— Да,— ответил Келсон.— Этой весной мы отправлялись в путешествие, чтобы найти его реликвии. Мы встретили его Слуг, но так и не нашли ни следа его самого.

— А какой след вы думаете найти? — прозвучал следующий вопрос.

— Ну, что-то... осязаемое, доказательство, что все произошло в реальности, что контакты, которые у нас были с ним, случились не просто потому, что мы так сильно этого желали,— он сделал короткую паузу.— Не знаю, почему рассказываю вам все это.

— Может, потому что честный искатель истины всегда знает, когда встретил учителя,— ответил человек, подвигая посох и начиная рисовать концом какие-то линии.— Вы достаточно отважны, юные искатели истины, чтобы довериться страннику-учителю, который готов помочь вам в ваших поисках?

Теперь человек начертил более сложный рисунок — в том месте, куда долетела одна волна, зашедшая слишком далеко на берег и оставившая после себе ровный влажный участок песка. Когда глаза Келсона опустились на рисунок и попытались проследить за ним, он почувствовал, что входит в транс. Рисунок не был ему знаком, но король не чувствовал страха. Дугал тоже попал под чары странника.

— Расслабьтесь и следите за тем, что я покажу вам, юные искатели истины,— подбадривал голос, мягкий и успокаивающий.— Я не причиню вам зла.

Это противоречило всякой логике, но Келсон инстинктивно почувствовал: он может верить этому человеку. Не закрываясь щитами, он позволил себе войти в более глубокий транс. Голос продолжал монотонно говорить, постепенно перейдя на пение, на языке, которого не знал Келсон. Мокрый песок, казалось, стал темнее, глубже. А потом внезапно Келсону показалось, что он перелетает в другое место и время.

Он взирал на огромное помещение со сводчатым потолком, где центральное почетное место под куполом занимало возвышение с гробом. В нем, покрытое сетью из красных шелковых нитей, лежало тело, одетое в одежды, очень похожие на одеяния старших священников Сент-Кириелла, но они, скорее, имели синий оттенок, а не серый. Подобно сетям, которые Келсон с Дугалом видели в гробницах в пещере, эту тоже украшали в узлах небольшие кристаллы. Все они были гладко отполированы и имели небольшие дырочки, чтобы пропустить через них нить. Казалось, от сетки исходит энергия, окутывающая тело, а чувство умиротворенности, окружающее ее, было почти осязаемо. Вокруг края пьедестала бы-

ли выбиты слова, и Келсон, в своем видении, нагнулся и прочитал их:

Hic jacet Camber Kyriell MacRorie, Comes Culdi: carrissimus pater, ministrator coronae Gwyneddi, Regum salvator, sacerdos et episcopus, defensor hominum. Natus est Anno Domini 846. Non mortuus est. Resurget. Здесь покоится Камбер Кайрил Мак-Рори, граф Кулди: заботливый отец, покровитель королевского дома Гвиннеда, спаситель отечества, священник и епископ, защитник людей. Родился в 846 году от Рождества Христова. Он не умер, и воскрес вновь...

Келсон все еще пытался понять, что это значит, когда волна набежала на рисунок и смыла его, резко выведя короля из транса. Он слегка покачнулся, но удержался на ногах, возвращаясь в сознание и пытаясь не упасть, держась за руку Дугала. Король смотрел, как волна омывала его сапоги.

Но человек в сером исчез. И Келсон, и Дугал оглядывались вокруг, пытаясь понять, как страннику удалось уйти, не оставив даже следа на мокром песке. Внезапно Келсон упал на колени в уходящую волну и стал копать песок.

— Что ты делаешь? — воскликнул Дугал.

— Я что-то видел... там! — Келсон бросился на предмет до того, как волна смогла унести его назад в море, а затем подошел поближе к воде, чтобы ополоснуть его.

— Боже праведный! — прошептал Дугал, также падая на колени рядом с королем и протягивая руку, чтобы рассмотреть предмет получше. — Если ты скажешь мне, что в нем есть просверленная дырочка, я потеряю сознание.

— В таком случае готовься промокнуть до нитки, если намереваешься делать это прямо здесь, — ответил

Келсон, помогая Дугалу подняться и снова оглядываясь вокруг.— Потому что в нем есть отверстие. Дугал, как ты думаешь, этот кристалл из... ты ведь, надеюсь, видел то же, что и я? Тело на пьедестале, покрытое сетью?

Дугал кивнул с серьезным видом.

— Сеть из красных шелковых нитей, с кристаллами в местах переплетения — точно такая же, как в гробницах. Келсон, как ты думаешь, они *знают*, где он похоронен?

— Их предки могли знать,— ответил Келсон.— И готов поспорить, что тот, кто сейчас был здесь, знает.

— Ты не думаешь, что это и был сам святой Камбер? — спросил Дугал.

— Нет, но я бы очень удивился, если бы оказалось, что он не является одним из Слуг Камбера — в широком смысле, а не отшельником из Сент-Кириелла. На самом деле, я не удивляюсь, если окажется, что он — тот самый странник, которого встретил недалеко отсюда твой отец несколько лет назад. Мы наконец смогли получить осязаемое доказательство, что гробница существует — или, по крайней мере, существовала — физическое подтверждение, которое мы можем подержать в руках, и...

Он замолчал, когда его взгляд упал на открытый ворот рубашки Дугала, где молодой герцог носил вместе с медальоном святого Камбера небольшой кристалл медового цвета на кожаном ремешке — тот самый, что когда-то мать подарила его отцу, в их брачную ночь. Лицо самого Дугала застыло, когда он понял, на что смотрит Келсон, и его рука дрогнула, коснувшись кристалла.

— Келсон, ты думаешь, моя *мать* могла что-то знать об этом?

— Понятия не имею,— прошептал Келсон.— Но внезапно несколько разрозненных фактов соединяются вместе. Как ты думаешь, а в Транше могут оказаться дополнительные сведения?

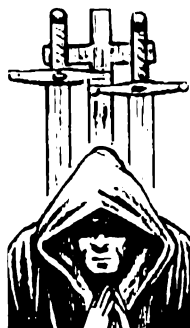
На этот вопрос пока что ни один из них не мог ответить, но они станут задавать его в будущем, вместе со многими другими. Молодые люди в молчании поехали назад в Корот, чтобы рассказать остальным о случившемся. Душу Келсона согревала надежда,— сильнее, чем когда-либо в течение последних нескольких месяцев.

Возможно, радость может родиться из печали. Возможно, поиск святого Камбера еще не закончился, а только начинается.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ХРОНОЛОГИЯ ЦИКЛА КЭТРИН КУРТЦ «КАНОН ДЕРИНИ»

«Легенды о Камбере Кулдском»

**Камбер Кулдский
Святой Камбер
Камбер еретик**

«Наследники Святого Камбера»

**Скорбь Гвиннеда
Год короля
Бастард**

«Хроники Дерини»

**Возвышение Дерини
Игра Дерини
Властитель Дерини**

«Истории короля Келсона»

**Наследник епископа
Милость Келсона
Тень Камбера
Невеста короля Келсона**

«Потомки Моргана»

(трилогия анонсирована к выходу
в США с 2002 года)

Отдельные произведения

Архивы Дерини (сб. рассказов)

Магия Дерини (эзотерический трактат)

Кодекс Дерини (рассказы, эссе, стихи)
(анонсирована к выходу в США в 2002 году)

Список персонажей трилогии «Истории короля Келсона»

Агнес де Барра, леди — молодая дама при дворе.

Аларик — см. *Морган*.

Александр Ремутский, архиепископ — епископ, посвящавший в духовный сан *Дункана*.

Алрой, король — умерший король *Торента*, старший сын герцога *Лайонела Арвенольского* и сестры *Венцита*, принцессы *Мораг*; погиб, упав с лошади во время охоты, летом 1123 года, вскоре после того, как ему исполнилось четырнадцать лет; на престоле его сменил младший брат *Лайел*, которому сейчас десять лет. Многие в *Торенте* считают, что «несчастный случай» был устроен *Келсоном*, чтобы убрать соперника, достигшего совершеннолетия.

Ардри Макадари — старший сын и наследник *Каулая*; убит в 1107 году в возрасте двадцати лет в драке с вассалом *Маклайна*.

Арилан, епископ Денис — епископ *Дхассы*, сорок один год; втайне *Дерини* и член *Камберийанского Совета*.

Арманд, сэр — легендарный герой одиннадцати королевств, герой многих баллад.

Арнольд, брат — монах, провожавший *Келсона* и *Дугала* к развалинам *Кайрори*.

Баррет де Ланей — престарелый *Дерини*; слепой коадьютор *Камберийанского Совета*.

Беван де Торини, епископ — один из двенадцати странствующих епископов *Гвиннеда*; избран епископом *Кулди* на заседании синода в *Валорете* в 1125 году.

Бедден Эрнский, епископ — епископ *Кашиенский*, ему запрещено служение за участие в *Меарском восстании* 1123-24 годов.

Бенед — сианн или вождь горных жителей из *Сент-Кирилла*.

Бенуа де Эверинг, епископ — избран помощником епископа *Валорета* на заседании синода в *Валорете* в 1125 году.

Браден, архиепископ — ученый, бывший епископ *Греготы*, теперь архиепископ *Валорета* и примас *Гвиннеда*.

Брендан Корис, лорд — восьмилетний граф *Марли*, сын *Брэна* и *Риченды*.

Брион Донал Синхил Урисн Хаддсейн, король — покойный отец *Келсона*; убит в *Кандор Реа* магией *Кариссы* в 1120 году.

Бриони Бронвин де Морган, леди — дочь *Моргана* и *Риченды*, родилась в январе 1123 года.

Брэн Корис, лорд — предатель, граф *Марли* и бывший муж *Риченды*; убит *Келсоном*.

Ванисеа — любовница *Конала*, беременна от него.

Варин де Грей — самоназначенный мессия, изначально веривший в свое божественное предназначение уничтожить всех *Дерини*; обладает целительскими способностями.

Венцит Торентский — маг-король *Дерини* из *Торента*, имел притязания на трон *Гвиннеда*; убит *Келсоном* в *Линдрут Медоуз* в 1121 году.

Вивьен, леди — *Дерини*; немолодой коадьютор *Камберианского Совета*.

Вольфрам де Блазет — епископ *Греготы*.

Гамильтон, лорд — сенешаль замка *Моргана* в *Короте*.

Гелрик, брат — монах, выступавший проводником *Келсона* и его отряда по перевалу *Хай Греддер* над аббатством святого *Беренда*.

Гильберт Десмонд, епископ — один из двенадцати странствующих епископов *Гвиннеда*, ему запрещено служение за участие в *Меарском* восстании 1123/24 годов.

Горони, монсеньер Лоуренс Эдвард — помощник архиепископа *Лориса*; казнен *Келсоном* в 1124 году за предательство.

Дерри, Шон, лорд — бывший помощник *Моргана*, а теперь его правая рока в *Корвине*, двадцать восемь лет; также член совета *Келсона*.

Джаннивер, принцесса — дочь принца *Коннаита*, ранее была обручена с королем *Лланнеда*.

Джаред Маклайн — герцог *Кассанский* и отец *Кевина* и *Дункана Маклайнов*; захвачен в *Ренгарте* и казнен *Венцитом Торентским* в *Линдрут Медоуз* в 1121 году.

Джасс Макардри — молодой вассал *Макардри*, посвящен в рыцари *Келсоном* в 1125 году.

Джатам — бывший оруженосец *Келсона*, посвящен им в рыцари в 1125 году.

Джедаил Майка Ричард Джолион Макдоналд Квиннел, принц *Меарский* — священник, племянник *Кийтрин Меарской*; незаконно сде-

лан *Лорисом* епископом *Ратаркина* и казнен за предательство в возрасте тридцати восьми лет *Келсоном*.

Дженас, граф — см. *Роджер*.

Джехана, королева — мать *Келсона*, *Дерини*, вдова короля *Бриона*, тридцать семь лет.

Джилиан, мать — бан-аба или настоятельница среди горных жителей *Сент-Кирилла*.

Джован — оруженосец *Конала*.

Джодок д'Армайн, отец — кандидат, рассматриваемый на пост странствующего епископа.

Джодрелл, барон — один из помощников *Дункана* в *Кири*.

Джон — второе имя *Дункана*, как королевского курьера, отправившегося к *Арилану* в *Валорет*.

Джориан де Курси, отец — священник *Дерини*, близкий друг *Арилана*, после того, как стало известно, что он *Дерини*, был сожжен на костре до того, как *Арилана* посвятили в духовный сан.

Долфин — новый старший оруженосец *Келсона*, пятнадцать лет.

Дугал Ардри Макардри, лорд — названный брат *Келсона*, семнадцать лет; граф *Траншайский* и глава клана *Макардри*; сын *Дункана Маклайна* и *Мариз Макардри*; внук *Каулая Макардри*.

Дункан Говард Маклайн, епископ — священник *Дерини*, кузен *Моргана*, тридцать три года; герцог *Кассанский* и граф *Кириныйский* после смерти отца и старшего брата; помощник епископа *Ремута*, подчиняется архиепископу *Кардиелю*; отец *Дугала Макардри*.

Иво Хепберн — новый младший оруженосец *Келсона*, двенадцать лет.

Истелин, епископ *Генри* — бывший странствующий епископ и помощник архиепископа *Брадена*; на короткое время епископ *Меари*, повешен и четвертован по приказу архиепископа *Лориса* в 1123 году; причисление его к лику святых обсуждалось на заседании синода в *Валорете* в 1125 году.

Итель, принц — старший сын и наследник претендента на *Меарский* трон, казнен *Келсоном* в возрасте шестнадцати лет за предательство.

Кэйтрин Меарская, принцесса — потерпевшая поражение претендентка на трон *Меари*, шестьдесят два года, теперь заточена в монастырь; мать *Ителя*, *Ллевелла* и *Сидани*.

Калвер Шиильский, епископ — один из двенадцати странствующих епископов *Гвиннеда*, без какой-либо фиксированной епархии; двоюродный дедушка *Дугала*; ему запрещено служение за участие в *Меарском* восстании 1123/24 годов.

Камбер (Мак-Рори) Кулдский, святой — объявленный в течение двух предыдущих столетий вне закона святой *Дерини*; покровитель магии.

Кардисель, архиепископ Томас — бывший епископ *Дхассы*, теперь архиепископ *Ремута*, сорок шесть лет.

Картанский, граф — граф из *Гвиннеда*, чья дочь вызывает большой интерес у молодых людей при дворе *Келсона*.

Каулай Макардри (старый Макардри) — вождь клана *Макардри* и граф *Траншайский* до своей смерти в 1123 году; считался отцом *Дунала*, пока *Дункан* не доказал обратное.

Келрик Алаин Морган, наследник Корота — маленький сын *Аларика* и *Риченды*, родился весной 1125 года.

Келсон Синхил Райс Энтони Халдейн, король — сын короля *Бриона* и *Джехани*, сейчас восемнадцать лет; *Дерини*.

Кевин, Маклайн — умерший брат *Дункана*.

Килшан, граф — известен как «веселый граф», герой приграничных баллад.

Килан — лучник в *Сент-Кирилле*.

Кири, леди — *Дерини*, около тридцати, известна, как «Огненная Кири»; член *Камбернанского Совета*.

Конал Блэйн Клеим Утир Халдейн, принц — старший сын принца *Нигеля* и кузен *Келсона*, восемнадцать лет.

Конлан, епископ — епископ *Стэвенхема*.

Креода, епископ — епископ *Кулди* после закрытия его бывшей епархии *Керберы* и поборник возвращения к власти *Лориса*; ему запрещено служение за участие в *Меарском* восстании 1123/24 годов.

Ласел, отец — капеллан архиепископа *Кардиеля* и полевой хирург.

Лайсем, король — средний сын герцога *Лайонела* и принцессы *Мораг*, десять лет; король *Торента* после смерти старшего брата летом 1123 года; *Дерини*.

Ламберт Макардри — один из старших вассалов *Дунала*.

Ларан ап Пардис, лорд — целитель *Дерини*, шестнадцатый барон *Пардис*, около шестидесяти лет; член *Камбернанского Совета*.

Лачлан Кварлиссский, епископ — епископ *Балимара* в *Кассане*; ему запрещено служение за его роль в *Меарском* восстании 1123-24 годов.

Ллевелл, принц — младший сын претендента на *Меарский* трон; казнен в возрасте пятнадцати лет за убийство своей сестры *Сидани*.

Лорис, епископ Эдмунд — фанатичный ненавистник *Дерини*, бывший архиепископ *Валорета* и примас *Гвиннеда*; лишен должностей и насильственно отправлен в ссылку другими епископами в 1121 году, но

бежал в 1124 году; казнен за участие в восстании под предводительством *Кайтрин Меарской*.

Майкл, брат — койсригт или член группы священников горных жителей из *Сент-Кирилла*.

Майкл Макардри — второй сын *Каулая*; умер в 1119 году в возрасте двадцати девяти лет, оставив *Дугала* наследником.

Макардри — см. *Ардри*, *Каулай*, *Дугал*, *Мариз*, *Майкл*, *Сикард*.

Маклайн — см. *Дункан*, *Джаред*, *Кевин*.

Мариз Макардри — старшая дочь *Каулая Макардри*; умерла в 1108 году в возрасте семнадцати лет; жена *Дункана* и мать *Дугала*.

Маттиас Макардри — один из вассалов *Дугала*; около тридцати лет.

Махазель, герцог — младший брат убитого *Лайонела* и его наследник на герцогство; с принцессой *Морат* регент молодого короля *Лайема*.

Мерауд, герцогиня — жена *Нигеля*, мать *Конала*, *Рори*, *Пэйна* и *Эйриана*; сестра *Сэйра де Трегерна*.

Мир де Кирни, епископ — один из двенадцати странствующих епископов *Гвиннеда*, ему запрещено служение за участие в *Меарском* восстании 1123-24 годов.

Мораг, принцесса — *Дерини*, сестра *Венцита Торентского* и вдова *Лайонела*; мать нынешнего короля, *Лайема*, и принца *Ронала*.

Морган, Аларик Энтони — *Дерини*, герцог *Корвинский* и защитник короля, тридцать четыре года; кузен *Дункана Маклайна* и муж *Риченды*.

Морган, Бриони — см. *Бронвин де Морган*.

Морган Келрик — см. *Келрик Алайн Морган*.

Неван де Эстрелдас, епископ — один из двенадцати странствующих епископов *Гвиннеда*, ему запрещено служение за участие в *Меарском* восстании 1123-24 годов.

Нивард, отец Джон — один из нескольких молодых священников, втайне *Дерини*, посвященных в сан *Ариланом*.

Нигель Клуим Гвидион Райс Халдейн, принц — герцог *Катмурский* и младший брат *Бриона*, тридцать восемь лет; дядя *Келсона* и возможный наследник престола.

Пэйн, принц — младший сын *Нигеля*, десять лет; королевский паж.

Раймер де Валенс, епископ — один из двенадцати странствующих епископов *Гвиннеда*, ему запрещено служение за участие в *Меарском* восстании 1123-24 годов.

Рандольф — врач *Моргана* в *Короте*.

Расул ибн Тарик, Аль — мавр, посол двора *Торенти*.

Ратхольд, лорд — гофмейстер *Моргана* и главный костюмер в *Короте*.

Ридиан — молодая девушка, *Дерини*, член Квориала *Сент-Кириелла*.

Риченда, герцогиня — вдова *Брэна Кориса*, графа *Марли*, и мать нынешнего графа, их сына *Брендана*; теперь жена *Моргана*, мать его дочери *Бриони*, беременна его сыном; *Дерини*; двадцать шесть лет.

Роберт Тендалльский, лорд — канцлер *Моргана* в *Короте*.

Роджер, граф *Дженасский* — один из вассалов *Келсона*.

Родри, лорд — гофмейстер *Келсона* в *Ремуте*.

Ронал, принц — *Дерини*, младший брат нынешнего короля *Торента*, семь лет.

Рори, принц — средний сын принца *Нигеля*, пятнадцать лет.

Росана, леди — послушница аббатства святой Бригитты, семнадцать лет; *Дерини*; дочь эмира *Нур-Халлая* и родственница *Риченды* через брак.

Сагарт — мертвый койсригт или член группы священников в *Сент-Кириелле*.

Кьярд О'Руан — преданный старый слуга *Дугала*.

Сивард — епископ *Кардосы*.

Сидана, принцесса — дочь *Кайтрин* и *Сикарда*; на короткое время жена *Келсона*; убита в день своей свадьбы, в возрасте четырнадцати лет, своим братом *Левеллом*.

Сикард Макардри, лорд — младший брат *Каулая*, двоюродный дедушка *Дугала* и муж *Кайтрин*, претендент на *Меарский* трон; убит на поле боя в *Дорне Келсоном*.

Сильви — служанка *Росаны*.

Софиана — *Дерини*; принцесса, правительница *Анделона* и тетя *Риченды*; член *Камберианского Совета*.

Тагас, отец — капеллан *Моргана* в *Короте*.

Тирицель Кларонский — *Дерини*, между двадцатью и тридцатью годами; самый молодой член *Камберианского Совета*; втайне обучает *Конала*.

Толливер, епископ *Ральф* — епископ *Корта*, пятьдесят два года.

Томас, граф *Каркашальский* — теперешний владелец земель *Кайрори*.

Трегерн, *Сэйр де* — граф *Рендальский* и брат *Мерауд*, жены *Нигеля*.

Шандон, отец — молодой священник, помощник *Дункана*.

Хелоиз, мать — настоятельница аббатства святой Бригитты.

Хиллари, лорд — командующий гарнизоном замка *Моргана* в *Короте*.

Хью де Берри, епископ — бывший секретарь архиепископа *Корригана* и давний коллега *Дункана*, теперь один из двенадцати странствующих епископов *Гвиннеда*; избран епископом *Баллимара* на заседании синода в *Валорете* в 1125 году.

Эван, герцог — герцог *Клейборнский* и наследный граф-маршал Гвиннедского Королевского совета.

Эйриан Элспет Сидана Халдейн, принцесса — маленькая дочь *Нигеля* и *Мерауд*, родилась в июне 1124 года.

Элрой, отец — капеллан архиепископа *Брадена*.

Географические названия

Аббатство св. Марии-на-Холмах — затерянный монастырь в горах Кулди, где нашли убежище *Джорем* и *Ивейн*.

Аббатство св. Неота — оплот ордена св. Гавриила Архангела, эзотерического деринийского ордена Целителей; расположено в Лендорских горах; уничтожено войсками регента *Рана* в конце 917 г.

Аббатство Сент-Жиль (иначе — святого Эгидия) — расположено в краю озер, *Шаннис Меер*, неподалеку от границы с *Истмарком*. — туда отправлялась *Джехана* перед рождением *Келсона* и после его коронации

Аббейфорд — место, где проводятся шерстяные ярмарки

Арьенол — герцогство к востоку от *Торента*; после смерти *Лайонела* им правит его брат *Махазль*.

Базилика св. Хилари — древняя королевская усыпальница в стенах замка *Ремут*; приходский священник базилики — *Дункан*

Баллимар — новая епархия на севере *Кассана*, владения епископа *Лачлана Кварлисского*.

Валорет — старая столица *Гвиннеда*, епархия архиепископа *Валоретского* (примаса *Гвиннеда*), *Брадини*.

Гвиннед — центральное из *Одиннадцати Королевств*, находившееся под властью *Халдейнов* с 645 г., когда первый король из рода Халдейнов начал объединение земель; находилось под правлением *Фестилов* с 822 по 904 гг. Реставрация рода Халдейнов была осуществлена в 904 г. с восшествием на престол *Синхила* Халдейна.

Грекота — университетский город, где находилась варнаритская школа; епархия епископа *Вольфрама де Бланета*

Данок — владения *Гвиннеда*

Дженас — владения *Гвиннеда*

Долбан — местность, где находилась основная обитель ордена Слуг св. Камбера, уничтоженного в конце 917 г.

Дорна — долина, где *Дункан* наконец встретился в бою с армией *Синкарда*.

Драгера — территория на границе *Меары* и *Гвиннеда*, к югу от *графства Кулди*.

Дхасса — свободный святой город и епархия епископа *Дхасского*, — сейчас это *Денис Арилан*; славится изделиями из дерева и храмами своих покровителей — святых Торина и Этельбурги, которые защищают город с юга и севера.

Истмарк — бывшие владения Яна Хоувелла; после его смерти перешли во владения Короны и впоследствии переданы Бучарду де Варьяну в награду за преданность во время войны с *Торентом*.

Кайрори — основное поместье *Камбера*, графа Кулдского, в нескольких часах езды к северо-востоку от *Валорета*.

Картмур — герцогство принца *Нигеля*.

Кассан — герцогство *Дункана Маклайна*, которое он унаследовал после смерти его отца.

Келдиш Райдинг — северо-восточная область старых владений *Келдоров*, управляется непосредственно королем *Гвиннеда*; славится своими ткачами.

Кербери — северная часть *Валорета*, прежняя епархия епископа *Креоды*, ныне переведенного в *Кулди*.

Кешиен — епископская резиденция, ранее принадлежавшая епископу *Дермоту О'Бирну*.

Кири — графство и второе поместье герцога *Кассана*, ныне принадлежит *Дункану Маклайну*.

Коннаит — варварское королевство на западе, знаменитое своими наемниками.

Кор Кулди — наследная резиденция графов Кулдских, близ города Кулди, на границе *Гвиннеда* и *Меары*.

Корвин — герцогство *Аларика Моргана*.

Кулди — епархия епископа *Креоды*, ныне епископа *Кулди*.

Култейн — территория на юге *Драгера*.

Кэндор Ри — местность неподалеку от *Ремута*, где был убит король *Брион*; также место священнодействий.

Лаас — древняя столица независимой *Меары* и центр время от времени вспыхивающих бунтов сепаратистов.

Линдрут Медоуз — место возле теснины *Кардоса*; здесь в последний раз встретились *Келсон* и *Венцит Торентский*.

Марбери — епархия Ифора, епископа Марбери, в *Марли*

Марли — прежние владения *Брэна Кориса*, теперь принадлежит его сыну *Брендану*, под регентством *Риченди* и *Моргана*

Меара — прежде суверенное княжество, ныне вассал Короны *Гвиннеда*, — к западу от Гвиннеда.

Одиннадцать королевств — древнее название всех областей, окружающих *Гвиннед*.

Порти — местность, где в древности располагалась давно исчезнувшая школа Целителей.

Пурпурная Марка — равнинная область к северу от *Ремута*; одно из владений *Короны Гвиннеда*.

Рамос — место, где собирався церковный Совет 917 года, принявший меры к запрещению *Дерини* занимать должности священников и так далее.

Ратаркин — новая столица *Меары* после объединения Меары и *Гвиннеда* в 1025 году, епархия епископа Меарского

Ремут — древняя столица *Гвиннеда* при *Халдейнах*; была перемещена в период правления *Фестилов*; восстановлена при королях *Синхиле* и *Алрое*.

Рендалл — горная область в южной части старого *Келдора*, прославившаяся озерами необычайной синевы; там правит *Сэйр Трэтерн*, брат герцогини *Мерауд*

Р'Касси — пустынная область к югу и к востоку от *Орсаи*, известная чистокровными лошадьми.

Собор святого Георгия — епархия архиепископа *Ремутского*, сейчас это *Томас Карднел*

Собор святого Уриила и всех ангелов — резиденция епископа *Меары*, в *Ратаркине*

Талакара — город, где *Ител Меарский* был взят в плен *Келсоном*

Templum Archangelorum — разрушенное древнее аббатство деринийских адептов; местонахождение неизвестно.

Толан — герцогство в *Торенте*, прежде принадлежавшее *Кариссе*

Торент — самое большое королевство к востоку от *Гвиннеда*; ныне им правит король *Лайем*, племянник предыдущего короля, *Венцита*.

Транша — владения *Дугала Макардри*, графа *Транши*.

Трурилл — Древнее пограничное баронство между *Гвиннедом* и *Меарой*, к западу от *Кулди*.

Фианна — винодельческая область за южным морем

Форсин, промежуточные страны,— группа независимых княжеств к югу от *Торента*

Халдейн — герцогство, составляющее центральную часть *Гвиннеда*, традиционно управляется самим королем

Шаннис Меер — озерный край, где расположен *монастырь святого Эгидия*.

Краткий глоссарий религиозных терминов, встречающихся в романе

Отечественному читателю посчастливилось довольно давно познакомиться с замечательными романами Кэтрин Куртц, хотя до сих пор весь сериал о Дерини так и не был издан до конца. Однако с русскими изданиями писательнице везло далеко не всегда — исключением можно считать разве что перевод В. и М. Шубинских, изданный в 1991 году.

Бесспорно, К.Куртц весьма трудна для перевода на русский — и тексты ее деляются все сложнее с каждым новым романом, демонстрируя эволюцию от почти детской прозрачности языка первых *«Хроник Дерини»* до философской глубины и изысканного слога *«Историй короля Келсона»*. Среди сложностей, подстерегающих переводчика, и подробные технические описания магических обрядов, и, главное, множество деталей религиозного быта и терминов, зачастую малопонятных читателю без особого пояснения. И поскольку романы К.Куртц предполагают близкое знакомство читателя с церковной терминологией, переводчиком был составлен данный небольшой глоссарий.

Аббат — настоятель мужского монастыря, возглавляющий монашескую братию.

Аббатство — территория или здание независимого монастыря, возглавляемого аббатом (не менее 12 монахов); имущество или рента, принадлежащие монашескому ордену.

Алтарь — 1. главная, восточная часть христианского храма, огражденная иконостасом, где совершаются важнейшие таинства; знаменует обитание Бога и место, откуда Христос шел на проповедь, где страдал, умер на кресте, воскрес и вознесся на небеса, поэтому входить в

А. Могут лишь священнослужители. 2. Стол, на котором совершается жертва мессы.

Амвон — возвышенная площадка в церкви перед алтарем.

Аналой — высокий столик с покатым верхом, на который в церкви кладут иконы, книги.

Антифон — песнопение, исполняемое поочередно двумя хорами, или солистом и хором.

Апокриф — произведение раннехристианской, либо иудейской литературы, признаваемое недостоверным и отвергаемое Церковью; неканонические книги Ветхого Завета..

Базилика — античная и средневековая постройка (храм) в виде удлиненного прямоугольника с двумя продольными рядами колонн внутри.

Дискос — блюдо на подножии с изображением младенца Иисуса, на которое во время проскомидии полагаются агнец и частицы из просфор. Во время канона на Д. совершается освящение и преосуществление агнца.

Елей — растительное, преимущественно оливковое масло, употребляемое в церковном обиходе.

Епископ — высшее духовное звание в христианской церкви, присваиваемое обычно главе духовного округа.

Епископат — 1. Сан епископа, пребывание кого-либо в этом сане; 2. Церковный округ, возглавляемый епископом (также — епархия).

Епитимья — церковное наказание, могущее включать в себя посты, длительные молитвы, и т.п.

Епитрахиль — одно из обрядовых облачений священника в виде передника с крестами, надеваемого на шею и спускающегося ниже колен. Символизирует благодатные дарования священника как священнослужителя.

Ересь — вероучение, отклоняющееся от догматов господствующей религии.

Инквизиция — следственный и карательный орган Церкви, преследовавший ее противников.

Исповедь — таинство примирения грешника с Богом через исповедание и отпущение грехов.

Кадило — металлический сосуд, в котором на горящих углях воскуривается ладан.

Канонизация — причисление к лику святых.

Каноник — член капитула Церкви

Капитул — 1. Коллегия священников, участвующих в управлении епархией; 2. Общее собрание членов монашеского или духовно-рыцарского ордена.

Клир — 1. совокупность всех духовных лиц Церкви, за исключением архиепископов, а также совокупность церковнослужителей при храме; 2. Церковный хор.

Клирик — член клира, священнослужитель.

Клирос — место для хора в христианском храме.

Крещение — первое и основополагающее христианское таинство, означающее очищение от первородного греха, духовное рождение и обновление; юридическое и сакральное включение в лоно Церкви, приобщение к Телу Христову.

Кропило — пушистая кисть для кропления святой водой при совершении религиозных обрядов.

Ладан — ароматическая смола, употребляемая для курения при богослужении.

Лампада — небольшой сосуд с фитилем, наполняемый маслом и зажигаемый перед иконами.

Литургия — христианское церковное богослужение.

Месса — 1. Католическое богослужение; 2. Многоголосное хоровое музыкальное произведение на текст литургии.

Миро — благовонное масло, употребляемое в христианских обрядах.

Митра — головной убор высшего духовенства, надеваемый при полном облачении.

Неф — вытянутая в длину, обычно прямоугольная в плане часть базилики, крестово-купольного храма, собора и т.п. помещений, разделенных в продольном направлении колоннадами или аркадами.

Орден — монашеская или рыцарская организация с определенным уставом.

Паникадило — большая люстра, большой подсвечник в церкви.

Придел — особый, добавочный алтарь в храме.

Примас — первый по сану или по своим правам епископ в стране.

Причастие — главное таинство Христианства, восходящее к Тайной Вечере; пресуществление хлеба и вина в Тело, Кровь, Душу и Божественную сущность Христа.

Псалом — название религиозных песнопений, входящих в Псалтырь.

Риза — облачение священника для богослужения.

Ризница — помещение при церкви для хранения риз и церковной утвари.

Ряса – верхнее облачение духовенства и монашества – длинная до пят одежда, просторная, с широкими рукавами.

Семинария – специальное среднее учебное заведение для подготовки духовенства.

Собор кафедральный – храм, где богослужение совершает епископ.

Трансепт – поперечный неф или несколько нефов, пересекающие под прямым углом основные (продольные) нефы в церкви.

Хоры – открытая галерея, балкон в верхней части храма.

Составитель и переводчик Н. Баулина

Оглавление

ТЕНЬ КАМБЕРА

*(перевод Марии Жуковой,
литературная обработка Натальи Баулиной)*

Пролог	7
Глава первая	28
Глава вторая	61
Глава третья	91
Глава четвертая	118
Глава пятая	138
Глава шестая	166
Глава седьмая	187
Глава восьмая	202
Глава девятая	223
Глава десятая	252
Глава одиннадцатая	271
Глава двенадцатая	291
Глава тринадцатая	303
Глава четырнадцатая	322
Глава пятнадцатая	349
Глава шестнадцатая	368
Глава семнадцатая	397
Глава восемнадцатая	412
Глава девятнадцатая	428
Глава двадцатая	443
Глава двадцать первая	463
Глава двадцать вторая	490

Глава двадцать третья	508
Глава двадцать четвертая.	527
Глава двадцать пятая	545
Глава двадцать шестая	572
Глава двадцать седьмая	601
Глава двадцать восьмая.	628
Эпилог	647

Наталья Баулина
КОММЕНТАРИИ

Хронология цикла Кэтрин Куртц «Канон Дерини».	660
Список персонажей трилогии «Истории короля Келсона».	661
Географические названия	668
Краткий глоссарий религиозных терминов, встречающихся в романе	672

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

и

«АСТ»

представляют эпопею

Кэтрин Курты

«КАНОН ДЕРИНИ»

Камбер Куласский
Святой Камбер
Камбер еретик
Скорбь Гвиннеда
Год короля
Бастард
Ворождение Дерини
Игра Дерини
Властитель Дерини
Сын епископа
Милость Келсона
Тень Камбера
Архивы Дерини
Магия Дерини
Невеста Дерини

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ !

КОБАН
КЛУБ

**197022, Санкт-Петербург
а/я 125**

**Электронная почта:
sz-press@peterlink.ru**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

представляет в

**«ЗОЛОТОЙ СЕРИИ
ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»**

**ВЪЛШЕБНАЯ
ЯПОНИЯ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

представляет в

**«ЗОЛОТОЙ СЕРИИ
ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»**

**ЯПОНСКИЕ
средневековые
ДНЕВНИКИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СТИВЕН КИНГ

Имя, которое не нуждается в комментариях. Не было и нет в «литературе ужасов» ничего, равного его произведениям. Каждая из книг этого гениального автора — новый мир ледящего кошмара, новый лабиринт ужаса, сводящего с ума.

Читайте Стивена Кинга — и вам станет по-настоящему страшно!

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

МИР И ЕРО
стерлинга ланье

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

ПУТЕШЕСТВИЕ ЕРО
ЕРО НЕ ЗАБЫТ
ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА
СЛУГИ ТЬМЫ
ХОЗЯИН ТУМАН
БРАТСТВО СВЕТА
ВЕЛИКИЙ ПОХОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ВЕК ДРАКОНА"

В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фэнтези — Анджея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофера Сташефа, Глена Кука, Терри Гудкаинда, Дэйва Дункана, а также талантливых молодых авторов: Мэгги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других.

"Век Дракона" — это мастера мечей и волшебства, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воительницы, невозможные страны и невероятные приключения...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, л/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Вы — поклонник «черной литературы» —
мистики, ужасов, «темных фэнтези»?

Тогда не пропустите книги новой серии
«Темный город»!

В этой серии вышли:

Антология «Темная любовь» — двадцать две истории страсти-Одержимости, страсти-Кошмара. Двадцать две истории Безумия, Боли, Безнадеги, которые дарят вам лучшие мастера современной литературы ужасов, от неподражаемого Стивена Kinga до элитарной Кейт Коджа и обжигающего Джона Пейтона Кука.

Антология «Холод страха», которую составляют рассказы, представляющие собой всевозможные направления «литературы ужасов» — от классической ее формы до психологического саспенса, изящного «вампирского декаданса» и черного юмора, от ранее никогда не публиковавшейся в России новеллы Стивена Kinga — до ироничного ужастика Мервина Пика.

«Запретный плод» и «Смеющийся труп» Лорел К. Гамильтон — первые две книги одного из самых культовых «вампирских» сериалов мира, стильные, пряные и эффектные хроники бытия «тех, кто охотится в ночи», и тех, кто посвятил свою жизнь изысканному и опасному искусству охоты на «ночных хищников».

«Дом» — первый роман блистательного Бентли Литтла, любимца Стивена Kinga. История страха, крови, смерти. История людей, вырвавшихся из ада — и по собственной воле в ад вернувшихся.

«Кровавая купель» Саймона Кларка — роман, который потрясает не только воображение, но и душу. Воскресным утром мир рухнул. Апокалипсис наступил. И выживут только юные. Только прошедшие очищение в кровавой купели войны и убийства.

Следите за серией «Темный город»!

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

107140, Москва, а/я 140 АСТ — «Книги по почте»

ДЮНА

В серии
«Золотая библиотека фантастики»
опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:
«Дюна»

«Мессия Дюны»

«Дети Дюны»

«Бог-Император Дюны»

«Еретики Дюны»

«Капитал Дюны»

Заветные мечты читателей сбываются! Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Квином Андерсоном создает трилогию «Прелюдия к Дюне». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в начале 2001 года в серии «Золотая библиотека фантастики»
первый роман трилогии — «ДОМ АТРЕЙДЕСОВ»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 10 000 названий книг самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

**Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.**

Литературно-художественное издание

Куртц Кэтрин
Тень Камбера
Роман

Художественные редакторы О. Адашкина, И. Богданов
Компьютерный дизайн: С. Шумилин
Верстка: Л. Андреева
Технический редактор В. Успенский
Корректор С. Митина

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
“Самарский Дом печати”
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам.

Кэтрин Куртц — автор, без которой жанр «классической фэнтези» попросту не вошел бы в одну из самых любопытных своих фаз — в фазу «маньеризма». Речь тут идет уже даже не о культовом статусе (хотя нельзя обойтись и без этого), даже не о «золотом фонде» стиля «литературной легенды» (хотя это тоже важно), не о славе, не о призах — и даже не о книгах, на которых выросли целые поколения не читателей даже, но — ПОЧИТАТЕЛЕЙ. Речь идет о книгах УНИКАЛЬНЫХ. До предела изысканных — и до предела ОРИГИНАЛЬНЫХ...

«Хроники Дерини». Уникальная сага — «фэнтези», раз и навсегда вписавшая имя Кэтрин Куртц в золотой фонд жанра «литературной легенды».

«Хроники Дерини». Сказание о мире странном, прозрачном и прекрасном, о мире изощренно-изысканных придворных интриг, жестоких и отчаянных поединков «меча и колдовства», о мире прекрасных дам, бесстрашных кавалеров, порочных чернокнижников и надменных святых. Сказание о мире, силою магии живущем — и магию за великий грех считающем.

Настоящие поклонники фэнтези!

«Хроники Дерини» должны стоять на вашей книжной полке — между Толкиным и Желязны. Особенно — ПОЛНЫЕ «Хроники Дерини»!

ISBN 5-17-009976-2

9 785170 099764

